Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук

Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета
Минск, 21 ноября 2025 г.

Минск
БГУ
2025

УДК 316.334.56(06)
С 568

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук БГУ
Протокол № 6 от 17.12.2025

Редакционная коллегия:
кандидат философских наук, доцент В. С. Сайганова (отв. ред.),
кандидат философских наук, доцент Ю. Ю. Гафарова,
кандидат социологических наук, доцент А. А. Похомова

Рецензенты:
кандидат социологических наук, доцент А. В. Посталовский;
кандидат философских наук, доцент В. Р. Языкович

Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации : сборник статей Международной научно-практической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 21 ноября 2025 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 564 с. – Библиогр. в тексте.

Сборник содержит статьи участников Международной научно-практической конференции «Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации» и представляет собой результаты теоретической и эмпирической работы отечественных и зарубежных ученых и практиков. Сборник адресуется широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....10

РАЗДЕЛ I
ОБРАЗОВАНИЕ, ИННОВАЦИИ И ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЙ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Борусяк Л. Ф. Как подростки в большом городе познают городское пространство и используют его ресурсы.....11

Велько О А. Образовательные технологии в преподавании математических дисциплин на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета.....15

Голубев Р. Д., Сипаков И. Е., Хацкевич В. С. Особенности академического поведения студентов в условиях доступности ИИ-технологий.....19

Журавлева И. А. Образовательные траектории студентов в провинциальных городах……...24

Иванова Е. В., Барсукова Е. М. Образовательная инфраструктура как фактор устойчивого развития городской среды 27

Калачёва И. И. Репрезентация исторической памяти в коммеморативных практиках в белорусских городах 32

Курилович Н. В. Образовательный потенциал городов Беларуси 38

Малафеевская В. С. Искусственный интеллект в сфере образования на современном этапе.....43

Молочко П. И. Геймификация как способ адаптации студентов к новой образовательной среде 49

Назарова О. В. Развитие soft skills у студентов как фактор конкурентоспособности на современном рынка труда 55

Петряева Е. Ю. Альтернативное образование в мегаполисах России: по результатам аналитического исследования 59

Рассолова Е. Н. Наука и искусство: новые формы городских научных коммуникаций 65

Свидинский О. Э. Историко-социологический проект «За воротами древнего Менска» как компонент системы дополнительного образования учебного заведения (на основе опыта работы) 70

Степанов В. А. Трансформация журналистики и PR под воздействием генеративного искусственного интеллекта 75

Тратинко Т. В. Особенности урбанизации современной молодежи.....81

Фофанова Г. А., Вань Цзысюй Психологическая адаптация китайских студентов, обучающихся в университетах Беларуси 85

Фофанова Г. А., Солодухо А. А. Использование чат-ботов с генеративным искусственным интеллектом как угроза личностному и профессиональному развитию молодых специалистов 90

Хомич Е. В. Университет как феномен городской культуры.....95

Zhang Ning, Wang Xin Strategies for University Libraries in the Era of Big Data 100

Шестаков Ю. Н., Сельманович В. Л. О некоторых тенденциях развития современного университета 104

Якушина Е. В. Конкурсы технологических инноваций как инструмент преодоления цифрового разрыва в школах: проектирование модели педагогико-технического сопровождения и формирования медиакультуры.....108

РАЗДЕЛ II
КОММУНИКАЦИИ И МЕДИА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Бурак Т. В. Управление вовлеченностью зрителя в игровом кино 112

Вакулюк Н. Н. Медиасреда как пространство реализации массовых коммуникаций и создания медиаконтента 116

Горбатовская А. В. Технологии власти коммуникации в контексте концепции «сетевого общества» М. Кастельса 123

Гризунт А. В. Влияние фотографических практик на визуальный образ современного города 128

Колядко И. Н. Власть в цифровую эпоху: социальные и коммуникационные технологии конструирования реальности 133

Концевой Д. М. Применение методов машинного обучения в брендинге территорий 138

Красковская Д. С. Коммуникация органов государственной власти в социальных сетях как фактор повышения качества жизни горожан ...143

Пинчук И. В., Никитин И. А. Применение мобильных игровых механик для диагностики когнитивных функций у водителя 147

Рябова И. О. Применение иммерсивных технологий в развитии городской среды 153

Сарна А. Я. Цифровое неравенство в городской медиасреде 158

Терещенко М. С. Основные вехи развития наружной рекламы: исторический обзор и современный этап……..162

Чижик А. В. Иммерсивное взаимодействие с городской средой через QR-квест: анализ пользовательского опыта 166

Li Yuhang Cultural Identity and Urban Image of Hanzhong in the New Media Era 173

Qiao Liguo Urban Digital Twins for Inclusive Sustainable Cities 179

РАЗДЕЛ III
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОЖАН

Andreev K. M. Smart City: Digital Technologies for a Comfortable and Safe Life 184

Блохина В. Д., Касьянова Д. А. Проектирование городской среды с учётом искусственного интеллекта: опасения или возможности.....188

Гафарова Ю. Ю., Дмитриева О. Е. Программы и курсы цифровой грамотности для минчан третьего возраста 194

Дорогавцева Е. Ю., Бурина И. Ф. Цифровые сервисы как часть информационно-коммуникационной инфраструктуры цифрового пространства Беларуси 200

Zhurauleva V. A. The Role of Social Media in Spreading Knowledge and Innovation in Urban Environments.....205

Kozlova P. A., Matskevich A. D. Communication and Media in the Life of a Modern City……...209

Костюкевич П. А. Как цифровизация меняет привычки потребителей и бизнес-модели в городах 214

Loiko A. I. Artificial Intelligence Agents in the Digital Environment of the Urban Ecosystem.....220

Лойко Л. Е. Правовое регулирование умного города 223

Пинчук И. В., Олиферко Е. А. Стартап-движение и идеи, которые меняют город: опыт StartUp Space.....227

Чувак Д. О. Экономическое пространство города в условиях цифровых трансформаций 232

Чугунов А. В. Цифровое поведение горожан: результаты опроса пользователей Единой карты петербуржца 237

Cao Wenmin Digital Inequality as a Driver of Emotional Alienation 244

Gao Jiacheng Internet Technology – Empowers Young Chinese Women to Find High-Quality Employment.....250

РАЗДЕЛ IV
СОВРЕМЕННАЯ УРБАНИСТИКА И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ПРОБЛЕМ

Артёменко С. В. Креативность и городское развитие.....254

Воробьева С. В. Парадоксальность коммуникативного пространства города в фокусе семиотики и культурного трансфера 258

Екадумова И. И. Социокультурные основания ограниченной эффективности прогнозной аналитики в городском управлении 264

Лебедева Е. В. Этнографические исследования городской среды: от Чикагской школы до цифровой антропологии.....269

Лещинская И. И. Антиурбанизм в философии «гражданина Женевы»..274

Попов Г. Е., *Алов И. Н.* Социально-демографическая дифференциация муниципальных округов Калининградской области..280

Похомова А. А. Волонтерство как способ освоения городской среды....287

Сащеко Р. С. Концепт «города» в исторической ретроспективе Мир-системного анализа.....291

Сидоренко И. Н. Теоретико-методологические основания современной урбанистики. 298

Суринова П. С. Новые наукограды: российский и зарубежный опыт 302

Титаренко Л. Г. Исследование влияния урбанизации на китайские города в условиях цифровой трансформации.....307

Токарчук О. В., Токарчук С. М. Географические информационные системы в инвентаризации зеленой инфраструктуры города Бреста 311

Филипчик М. А. Город как система культуры: методологический подход В. Н. Ивановского.....316

Хрипунова З. И., Токарчук С. М. Возможности использования картографического метода для анализа сетей продовольственных магазинов Бреста 322

Чэнь Сыци Цифровизация как инструмент повышения качества планирования карьеры студентов 327

РАЗДЕЛ V
КУЛЬТУРНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Баласанян В. К. Рационализм нового времени и идеи просвещения в формировании европейского урбанизма 332

Барковская А. В. Деструктивная и креативная деятельность человека в контексте урбанизации природного ландшафта 335

Блинникова А. В. Байкал как смыслообразующий ресурс городского пространства……..…….. 341

Бородина Е. Д. Феномен «исторического города» в системе расселения Республики Беларусь: критерии выделения и современные тенденции развития 345

Гаврилова А. А. Городская мини-скульптура как инструмент повышения туристической привлекательности города и диверсификации турпродуктов 351

Жешко Е. И. Конструирование исторической памяти через дизайн города в видеоиграх 357

Курбачёва О. В. Современный мегаполис как пространство для этнокультурной идентичности 363

Ламбаева А. Т., Ламбаева И. А. Культурные знаки стрит-арта в городском пространстве города Улан-Удэ 367

Мосесов А. Г. Экотропа при храме святителя Николая Японского в Минске как модель взаимодействия человека, природы и города 370

Наливайко И. М. Эстетика большого города 374

Новикова О. В. Город как Gesamtkunstwerk 378

Полюшкевич О. А. Просоциальные практики в публичном пространстве города 383

Протасова Ю. А. Феномен общественных пространств городов Беларуси 386

Сакович А. Ю. Молодёжный досуг в малых провинциальных городах Беларуси: современное состояние и перспективы развития 392

Сакович Ф. Ю. Семиотика города: территория, пространство, границы 397

Стаськевич С. А. Символическая роль исторических личностей в формировании культурного туристического облика современного города 402

Трофимова Я. В. Развитие города
старого промышленного региона (пример Бохума, Рур). 406

Фальковская Т. Ю., Романова П. М. Управление красотой:
эстетический паспорт территорий
как драйвер развития креативных индустрий 410

Шайбак В. В. Экотропа как форма взаимодействия
религиозной общины, светского общества и коммерческих брендов
в городской среде.....414

Янкевич Е. М. Взаимовлияние тенденций
урбанизации и трансформации туристических активностей.....419

РАЗДЕЛ VI
ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Андрейковец Е. М. Молодая семья
в современном белорусском городе 424

Бедуля В. А. Туристический информационный центр
как элемент организации туристической деятельности города.....430

Григорьев А. В., Барсук И. А. Города-спутники:
новый тренд в развитии Минской агломерации.....434

Иванись В. В. Теоретико-методологические основы
анализа пространственного развития городов.....438

Красовская Н. Н. Социальная архитектура – новый подход
к формированию инклюзивной и безопасной городской среды 444

Панфилова А. О. «Право на парк» в городе:
актуальность, этичность, проблемность 447

Печко А. С. Особенности безбарьерной среды для пожилых людей
в городском пространстве……..452

Рондак У. А., Самусенко И. А. Реновация как драйвер
устойчивого развития урбанизированного пространства Арктики 456

Самолазова Д. А., Сысоева В. А. Архитектурные решения
инклюзивных общежитий как элементов
доступной городской среды 462

Скорченко Ю. А. Реновация жилых сооружений 467

Шершнева О. А. Экогород в свете этики добродетели:
античные идеи в современном урбанистическом контексте 470

РАЗДЕЛ VII
ПСИХОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ЦИФРОВОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Баев П. А. Психогеография города 476

Бойчук А. А. Влияние визуальной несогласованности городской среды на психологический комфорт населения 479

Братченя П. С., Климушко Е. И. Проявления макиавеллизма и жизнестойкости в период ранней взрослости в условиях городской среды……...482

Васильева Л. П., Шкутова А. А. Социально-психологические аспекты реабилитации и адаптации людей с психическими расстройствами в условиях социального пансионата……..…...490

Ekadumova I. I., Lin Hao Digital Inclusion of Urban Elderly through the Lens of Algorithmic Imaginary.....496

Лихван Д. С. Влияние городского образа жизни на формирование суицидальных действий.....499

Пашаева Т. Ф., Власова Н. В. Самооценка и склонность к созависимым отношениям у молодых женщин в условиях урбанизации и цифровой среды 504

Slassi Mutabir S. A., Alekperov S. R. Environmental Volunteering and Urban Well-being.....510

Солодухо А. С., Моу Хуань Факторы психологического благополучия китайских иностранных студентов: опыт построения мультиязыковой среды социального взаимодействия в университете...516

Торхов Я. А. Фиджет-игрушки или страсти по Лабубу (Labubu) 521

Фабрикант М. С. Доверие к информации в городской среде: влияние цифровизации.....526

Яковина Л. В. Урбанизация в эпоху цифровой трансформации: влияние на одиночество и мотивацию любовных отношений 530

Янушкевич К. К. Теоретические основания и современные модели прокрастинации в условиях городской цифровой среды.....535

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается сборник статей международной научно-практической конференции, в фокусе которой находились актуальные вопросы современной урбанистики.

Международная научно-практическая конференция «Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации» состоялась на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета 21 ноября 2025 года. В адрес Оргкомитета конференции поступило более девяноста заявок на участие в мероприятии. Результаты своих исследований представили преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты отечественных и зарубежных учреждений высшего образования, сотрудники иных организаций.

Проблемно-тематическое поле конференции формировалось вокруг следующих вопросов:

– Образование, инновации и производство знаний в городской среде.

– Коммуникации и медиа в жизни современного города.

– Цифровизация как инструмент повышения качества жизни горожан.

– Современная урбанистика и научные исследования городских проблем.

– Культурный и природный ландшафты городской среды.

– Функциональность городской среды и стратегия устойчивого развития города.

– Психология городской среды и цифрового благополучия.

Выражаем благодарность всем, кто принял участие в организации и проведении Международной научно-практической конференции «Современная урбанистика: устойчивое развитие городов в условиях цифровой трансформации», предоставил свои статьи для размещения в сборнике.

Оргкомитет

РАЗДЕЛ I
ОБРАЗОВАНИЕ, ИННОВАЦИИ И ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЙ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

КАК ПОДРОСТКИ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ ПОЗНАЮТ ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИСПОЛЬЗУЮТ ЕГО РЕСУРСЫ

Л. Ф. Борусяк

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, info@mgpu.ru

Статья основана на исследовании городских образовательных практик подростков (2022–2024 гг.), включавшего серию онлайн-интервью с московскими подростками (всего тридцать два интервью), две фокус-группы с московскими старшеклассниками; онлайн-интервью с организаторами образовательных и социальных проектов для подростков об освоении подростками городских пространств (всего двадцать человек). В ходе исследования анализировалось, какими образовательными и культурно-просветительскими возможностями Москвы пользуются московские подростки и каким образом они это делают. В ходе интервью с учителями выяснялось, как они используют возможности большого города для образовательных практик школьников. Исследование показало, что город воспринимается московскими подростками как ресурс для образования, развития, интересного проведения досуга. Для этого подростки используют разнообразные стратегии, зависящие от типа коммуникации с городом. Стратегии предполагают выбор мест коммуникации с городом в зависимости от ресурсов, доступных в этих местах, выбор способов коммуникации (прогулка, посещение мест рекреации, культурно-просветительская деятельность, занятия спортом и пр). Учителя сообщали, что они активно используют городские культурные и образовательные ресурсы в своей деятельности, но их ответы контрастировали с мнением подростков, которым кажется, что школа уделяет использованию этих ресурсов мало внимания.

Ключевые слова: подростки; большой город; учителя; школьники; образовательные ресурсы; городские практики; информальное образование.

Одной из приоритетных исследовательских тем в НИИ урбанистики и глобального образования является изучение того, как дети и подростки, подростки, живущие в большом городе, познают его образовательные и социокультурные возможности, какие акторы помогают им в этом: родители и другие родственники, учителя, друзья, педагоги дополнительного образования и пр [см., например, 1, 2, 3, 4, 5, 6]. Понятия «образовательные ресурсы» и «образовательные пространства» в данном исследовании понимаются в широком смысле – не только как конкретные знания и умения, приобретаемые подростками на уроках, где используются городские ресурсы и знания о Москве, не только знания и

умения, которые подростки приобретают в ходе коммуникации с городской средой, но и как приобщение к городской культуре, искусству, архитектуре и пр., то есть город, рассматривается в качестве пространства для развития подрастающего поколения.

В ходе исследования выяснилось, что первоначально ребенок знакомится с городом, его архитектурой, территориальной структурой радиально: этот радиус в разных направлениях сначала невелик, потом расширяется, центром является дом, другими центрами – детский сад, а потом школа. Кроме того, есть единичные включения, дальше отстоящие от центра. Как правило, это места в городе, где живут родственники и друзья родителей. И очень постепенно у ребенка формируется более целостное впечатление о своем районе, а потом и городе. В случае Москвы из-за ее огромной протяженности в большинстве случаев целостной картины не появляется, зато есть картины тех районов, где они регулярно бывают – отдельные островки в мегаполисе. При этом важную роль для очень многих с точки зрения формирования образа Москвы и ее главных ресурсов играет центральная часть города. Рассказывая о любимых местах в Москве, подростки в ходе интервью обычно называли свой район, а также такие места в центре Москвы, как Парк Горького, Бульварное кольцо, Китай-город и пр. Центральная часть рассматривается как наиболее функционально богатая образовательными, культурными ресурсами, а потому оценивается как важный источник формирования образованного и культурного человека. Особенностью сегодняшнего времени является то, что подростки значительно позже поколения их родителей и, тем более, бабушек и дедушек, начинают знакомиться с городом, выстаивать стратегии взаимодействия с ним, поскольку судя по рассказам респондентов, в среднем самостоятельно передвигаться по городу они начинают с двенадцати лет, зачастую позже, то есть на два-три года, а то и на несколько лет позже, чем это было у представителей более старших поколений. Это приводит к тому, что роль родителей (и в меньшей степени школы) в формировании образа города и его ресурсов для развития детей значительно повысилась, как повысилась и роль педагогов дополнительного образования, поскольку постоянно растет участие детей и подростков в разнообразных кружках, секциях и прочих видов внешкольных занятий. Разумеется, чем старше становится подросток, тем существеннее роль его друзей и ровесников в знакомстве с городом и его ресурсами. Чем насыщеннее представления окружающих людей о возможностях города, тем интенсивнее у ребенка и подростка происходит включенность в образовательные, в том числе неформальные и информальные, возможности города.

Характерно, что все учителя, принявшие участие в исследовании, утверждали, что они уделяют большое внимание работе с городскими ресурсами, ознакомлением с ними подростков. Они говорили о том, что рассказывают об истории и географии Москвы на уроках, знакомят с городом на экскурсиях (как на тех, которые проводят сами, так и на заказных), упоминали походы в библиотеки, театры, музеи, на городские предприятия, научные учреждения и пр. В то же время, когда подростки рассказывали, что в этом плане делают учителя, большинство из них затруднялись ответить, либо вспоминали что-то неопределенное: «*На какую-то экскурсию нас возили», «Были в театре, но я не помню, что это за спектакль был, это давно было – в прошлом году*». Отчасти такие расхождения связаны с тем, что в качестве респондентов исследования выступали учителя лучших московских школ, а подростки были преимущественно из школ обычных, районных, но в равной степени это обусловлено тем обстоятельством, что школьные выходы в город далеко не всегда включают у детей эмоциональную составляющую. Судя по рассказам школьников, у них в память глубже всего врезались эмоциональные рассказы (в ходе прогулок по городу) их старших родственников, которые связывали места и/или в Москве с семейной историей.

В ходе интервью со школьниками выяснилось, что у них по-разному строятся способы коммуникации с городом и его объектами. Несколько условно здесь можно говорит о коммуникационных стратегиях, которые зависят от ряда обстоятельств: личные качества подростков, устои семьи и обычаи дружеского круга, уровень любознательности и специфика интересов, некоторые из которых носят широко распространенный («культурные люди ходят в музеи»), а другие жестко групповой характер (например, интерес к истории и современности железнодорожного транспорта).

Удалось выявить четыре основных типа коммуникации московских подростков с городом и его возможностями, но можно предположить, что они не имеют московской привязки, характерны и для их ровесников в других городах:

1. интеллектуально-познавательная коммуникация: прогулки подростков по городу (в одиночку или с друзьями) имеют определенную познавательную цель. Например, они хотят посмотреть здания московского модерна, увидеть места, связанные к литературными произведения и пр. Важна при этом не столько тематика прогулок, сколько стремление не только что-то увидеть, но и ознакомиться с информацией о том, что вызвало у них интерес, даже если изначально не было специальной цели. В таких случаях они могут пойти по QR-кодам, которые представлены Москве на многих зданиях, имеющих

историческую, художественную и пр. ценность. Они могут поискать информацию на своих смартфонах, обратиться к родителям или более осведомленным друзьям, чтобы не просто увидеть что-то интересное, но узнать об этом побольше;

2. чувственно-познавательная коммуникация: город как объект воспринимается, прежде всего, органами чувств (запахи, вкусы, зрение, звуки, осязание). Таким подросткам важнее не узнать историю и свойства городского объекта, а прочувствовать их, таким образом этот объект интериоризируют;

3. культурно-познавательная коммуникация: наибольший интерес вызывают учреждения культуры и искусства, прежде всего, галереи, выставки, музеи, в гораздо меньшей степени, театры и концертные залы;

3. спортивно-познавательная коммуникация: участники соревнований на знание города («Бегущий город», разнообразные квесты, Олимпиада «Музеи, парки, усадьбы» и пр.);

4. гедонистическая коммуникация: посещение кафе, парков, торгово-развлекательных центров и пр. Получить удовольствие от города – равно его полюбить. Потом уже могут возникнуть и более серьезные интересы.

Как и любая типология, эта типология отчасти условна, потому что у большинства подростков более одного способа знакомства с городом. Даже самые любознательные подростки нередко говорили, что при выборе района для изучения они не забывали посмотреть, есть ли там возможность выпить чашечку недорогого, но вкусного кофе.

Объединяло всех участников исследования то, что все они считают: Москва – это дружелюбный к подросткам город, где каждый может найти занятие по интересам, разнообразие которых так велико, что невозможно все охватить, а потому выбор тех или иных занятий зачастую оказывается результатом случайных обстоятельств.

Библиографические ссылки

1. Подросток в мегаполисе: новая реальность: сборник трудов XV Международной научно-практической конференции, 5–6 апреля 2022 года, Москва НИУ ВШЭ. М.: ВШЭ, 2022.

2. Подростки в городе: стратегии освоения городского пространства // UniverCity: Города и университеты: сборник статей. Выпуск 6. М.: Грин Принт, 2022.

3. Education in the Library: Luxury or a Citizens Guaranteed Quality of life / E. Asonova [et al.] // SHS Web of Conferences. The Third Annual International Symposium "Education and City: Education and Quality of Living in the City" (Education and City 2020). EDPsciences, 2021. P. 3004.

4. *Россинская А. Н., Киктева К. С.* Шкала педагогической оценки городских объектов. М.: Авторский Клуб, 2024.

5. *Россинская А. Н., Буланов М. В., Асонова Е. А*. Педагогическая оценка городских ресурсов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (226). С. 33–42.

6. *Буланов М. В., Россинская А. Н*. Подготовка учителей к сопровождению городских проектов подростков // UniverCity: Города и Университеты: сборник статей. Выпуск 6. М.: Грин Принт. С. 99–113.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН НА ФАКУЛЬТЕТЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

О. А. Велько

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, velko@bsu.by

В статье раскрывается актуальность изучения дисциплины «Основы высшей математики и теории вероятностей» для специальностей «Социология» и «Социальные коммуникации» на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Рассматриваются дидактические особенности и современные образовательные технологии преподавания математики, раскрывается междисциплинарный подход в изучении математических дисциплин.

Ключевые слова: профессиональная направленность обучения математике; междисциплинарный подход в преподавании; математика в социологических исследованиях; образовательные технологии в преподавании математических дисциплин.

Одна из насущных потребностей социологического образования состоит в реализации конструктивного взаимодействия математики и социологии. Изучение математики, а также применение современных математических методов при анализе социальной реальности способствуют более успешному формированию у студентов профессиональной компетентности, умению задействовать межпредметные связи, осуществлению преемственности в изучении математических понятий, развитию критического и прогностического мышления [1, с. 60]. Математические дисциплины занимают одно из важных мест в общем ряде дисциплин на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета, где социологам и специалистам по социальным коммуникациям преподаётся учебная дисциплина «Основы высшей математики и теории вероятностей».

Основной целью этой учебной дисциплины является подготовка студентов к использованию современного математического аппарата и вероятностных методов в качестве эффективного инструмента для решения задач, используемых в профессиональной деятельности социолога и специалиста по социальным коммуникациям.

Основными задачами изучения дисциплины являются: изучение методов построения и решения математических моделей с применением различных принципов идеализации; освоение математических методов

решения задач, используемых в профессиональной деятельности; формирование навыков применения в учебно-профессиональной и социально-личностной сферах элементов теории вероятностей и математической статистики; освоение междисциплинарных знаний, связанных с применением математических и статистических методов в профессиональной деятельности; развитие познавательного интереса к вопросам применения математических и статистических методов в социологических исследованиях [2, с. 40].

В ходе освоения содержания учебного курса «Основы высшей математики и теории вероятностей» помимо стандартных методов автор рекомендует использовать следующие образовательные технологии и методы преподавания, в частности:

1. усилить профессиональную направленность курса;
2. внедрять технологии эвристического обучения;
3. применять информационные технологии;
4. использовать технику MindMapping [3, с. 22].

Усилить профессиональную направленность преподавания математики будущим социологам и специалистам по социальным коммуникациям можно посредством решения прикладных задач, что включает в себя:

– сопровождение изучаемого математического материала примерами из социально-экономической сферы;

– изучение таких методов решения прикладных задач, как математическое моделирование;

– подготовка студентами рефератов, различных сообщений, докладов, указывающих на связь социологии и математики, на применение математики в социологии.

При выборе тем курса одним из важнейших выступал и принцип профессиональной направленности, который подразумевает тесную связь содержания учебной дисциплины с профессиональной сферой деятельности будущих социологов и специалистов по социальным коммуникациям [4, с. 123]. В связи с этим, в программу дисциплины «Основы высшей математики и теории вероятностей» включены разделы: «Элементы теории множеств и их применение к социальным объектам», «Элементы линейной алгебры и их применение в решении задач социально-экономической сферы», «Основы математического анализа и их применение в решении задач социально-экономической сферы», «Элементы теории вероятностей в социологических исследованиях», «Основы математического моделирования в социологии». Естественно, что соответствующая теория не может быть изложена с привычной математической строгостью.

Использование технологии эвристического обучения позволяет реализовывать компетентный подход, междисциплинарные связи и комплексно подойти к проблеме совершенствования преподавания математики для студентов социально-гуманитарных специальностей, в том числе будущих социологов. В результате выполнения данных заданий студенты создают образовательный продукт, отличный от других, развивают творческую самореализацию и познавательный интерес к вопросам применения математики в различных сферах деятельности. Автор разработала эвристические задания по темам «Графы как инструмент моделирования процессов природы и общества», «Моделирование социальных процессов с помощью бинарных отношений» [5, с. 17].

Использование информационных технологий в процессе обучения математическим дисциплинам будущих социологов способствует реализации личностно ориентированного подхода, позволяет подобрать индивидуальный темп работы и самостоятельно распределить время по изучению материала. Глубокий статистический анализ, обеспечивающий обоснованные, точные и надежные диагностические результаты, немыслим без применения современных компьютерных методов. В связи с этим преподавателям математики рекомендуется в своей деятельности использовать информационные технологии. Автором разработаны методические рекомендации по использованию информационных технологий при решении задач по теории вероятности и математической статистики для студентов-социологов, которые содержат краткие теоретические сведения, подробное описанием каждого действия и задачи для самостоятельного решения идентичные тем, которые решаются на практических занятиях по математике, что позволяет сравнить полученные результаты [6, с. 126].

Для интенсификации учебного процесса на занятиях по дисциплине «Основы высшей математики и теории вероятностей» автор статьи использует технику MindMapping. Такое необычное для традиционной методики представление учебного материала привлекает внимание аудитории, делает занятие более увлекательным, приводит к более успешному запоминанию сложного для гуманитарных специальностей материала, лучшему усвоению информации, полученной на занятиях и в процессе самостоятельной работы. Выполняя ментальные карты, каждый студент создает собственный образовательный продукт, получает возможность творческого самовыражения и самореализации. Эффективность данной методики подтверждается эмоциональными положительными откликами студентов на предложенную форму проведения занятия.

Подводя итоги, заметим, что математика играет немалую роль как в дальнейшем образовании будущих социологов, так и в их будущей профессиональной деятельности. Она позволяет количественно сравнивать явления, проверяет правильность словесных утверждений, помогает обоснованно прогнозировать будущие события, математическая статистика лежит в основе социологического эксперимента, а стремление к корректности проведения исследования приводит к изучению соответствующих разделов высшей математики. Знание математических дисциплин необходимо также и при построении моделей социальных явлений и процессов. Умения корректно сформулировать вопрос на языке математики, адекватно интерпретировать полученные результаты с точки зрения социальных наук, уточнить и скорректировать выстроенную математическую модель являются важнейшими в методологическом арсенале будущих социологов и специалистов по социальным коммуникациям.

Библиографические ссылки

1. *Велько О. А*. Методические подходы к преподаванию математики студентам-социологам // Математика и информатика в естественнонаучном и гуманитарном образовании. Минск: БГУ, 2012. С. 58–61.

2. *Велько О. А., Моисеева Н. А*. Основы высшей математики: электронный учебно-методический комплекс для специальности 1-23 01 05 «Социология». Минск: БГУ, 2020. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/241078 (дата обращения: 06.03.2020).

3. *Моисеева Н. А., Велько О. А*. Основы высшей математики и теории вероятностей: электронный учебно-методический комплекс для специальности: 1-23 01 15 «Социальные коммуникации». Минск: БГУ, 2021. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/274772 (дата обращения: 26.01.2022).

4. *Велько О. А., Мартон М. В., Моисеева Н. А*. Основы высшей математики и теории вероятностей: учебно-методическое пособие. Минск: БГУ, 2022.

5. *Велько О. А., Кепчик Н. В.* Эвристическое занятие «Графы как инструмент моделирования процессов природы и общества» // Матэматыка. 2020. № 6. С. 12–20.

6. Математические методы в психологии / И. П. Мацкевич [и др.]; под ред. А. И. Астровского. 2-е изд. Минск: МИУ, 2007.

ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДОСТУПНОСТИ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ

Р. Д. Голубев[1)], И. Е. Сипаков[1)], В. С. Хацкевич[2)]

[1)] *Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Беларусь, sipakovie@vsu.by*
[2)] *ГУО «Средняя школа № 25 г. Витебска», Витебск, Беларусь, victoriakhatskevich2004@mail.ru*

В статье представлены результаты компаративного исследования академических стратегий студентов в условиях цифровой трансформации высшего образования. В рамках апробации, проведенной в УО «ВГУ имени П. М. Машерова», анализируются модели использования генеративных ИИ-сервисов студентами технического (факультет математики и информационных технологий) и гуманитарного (юридический факультет) профилей. Исследование фокусируется на выявлении различий в выборе инструментария (специализированные ИИ-модели против универсальных), целях применения (генерация конечного продукта против поисковой оптимизации) и уровне критического редактирования ИИ-контента. Результаты демонстрируют наличие значимого «межфакультетского цифрового разрыва» не в доступе, а в методологии применения ИИ. Выявленные паттерны поведения, дифференцированные по курсам и профилям, служат основой для разработки адаптивных стратегий по формированию ИИ-грамотности в университетской среде как ключевого фактора производства знаний в современном городе.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ИИ-технологии в образовании; академические стратегии; цифровая грамотность; цифровая трансформация.

Цифровая трансформация городов и становление концепции «Smart City» неразрывно связаны с изменением ландшафта высшего образования. Университеты, выступая ключевыми узлами в «образовательной экосистеме» и центрами «производства знаний», первыми сталкиваются с беспрецедентным вызовом – массовой доступностью генеративных ИИ-технологий. Данные технологии фундаментально меняют устоявшиеся академические практики, переводя акцент с простого потребления информации на ее гибридный синтез с помощью нейросетевых помощников.

Этот процесс, однако, не является гомогенным. Большинство существующих исследований фиксирует лишь общий факт роста использования ИИ, игнорируя глубинные различия в стратегиях этого использования среди студентов разных специальностей. Возникает гипотеза о том, что студенты технических и гуманитарных профилей, даже находясь в единой образовательной среде университета, формируют кардинально разные модели взаимодействия с ИИ. Мы предположили, что студенты факультета математики и информационных

технологий (ФМиИТ), обладая высокой технологической восприимчивостью, рассматривают ИИ как прагматичный инструмент для оптимизации и автоматизации рутинных задач, применяя для этого специализированные, многокомпонентные ИИ-решения. В то же время, студенты юридического факультета (ЮФ), в силу специфики своей будущей профессии, требующей текстуальной точности и верификации фактов, проявляют большую консервативность и используют ИИ преимущественно как усовершенствованный поисково-аналитический инструмент [1].

Целью данной работы является верификация этой гипотезы и выявление конкретных паттернов использования ИИ-сервисов студентами первых и третьих курсов ФМиИТ и ЮФ УО «ВГУ имени П. М. Машерова».

Исследование проводилось в октябре 2025 года на базе УО «ВГУ имени П. М. Машерова». Общая выборка составила 97 студентов, разделенных на четыре репрезентативные группы:

– группа 1 (Г1): ФМиИТ, 1 курс, n=25;
– группа 2 (Г2): ФМиИТ, 3 курс, n=22;
– группа 3 (Г3): ЮФ, 1 курс, n=26;
– группа 4 (Г4): ЮФ, 3 курс, n=24.

Выбор первых и третьих курсов обусловлен необходимостью сравнить «базовую» цифровую грамотность первокурсников с «предпрофессиональными» паттернами поведения третьекурсников, у которых уже сформированы основы профессионального мышления.

В качестве экспериментального задания студентам было предложено подготовить аналитический материал по учебной дисциплине «Медиакультура личности» (презентация на 10–12 слайдов и пояснительная записка на 3–4 страницы) на тему, предусмотренной учебной программой, но адаптированную к их профилю. Студенты ФМиИТ (Г1, Г2) работали над темами «Интернет и виртуальная реальность», студенты ЮФ (Г3, Г4) – «Культура осуществления отдельных информационных процессов». Студентам было разрешено использовать любые цифровые ресурсы, включая ИИ-помощников, но с обязательным последующим декларированием использованных инструментов в анонимной анкете [2, 3].

Методы сбора данных включали: анонимное анкетирование (самоотчет) о факте использования ИИ, конкретных сервисах, целях и частоте обращений; анализ сданных работ с использованием современных систем с модулем детекции ИИ-сгенерированного текста.

Анализ полученных данных выявил значительные расхождения в поведении исследуемых групп:

1. на ФМиИТ зафиксирован ожидаемо высокий уровень использования ИИ: 76 % студентов первого курса (19 из 25) и 95,5 % студентов третьего курса (21 из 22) признались в применении нейросетей. На ЮФ показатели существенно ниже: 42 % у первого курса (11 из 26) и 62,5 % у третьего курса (15 из 24). Это подтверждает, что технологическая настороженность и отсутствие сформированной привычки являются значимым барьером для гуманитарных специальностей, даже в условиях тотальной доступности инструментов;

2. наиболее показательные различия обнаружены в выборе конкретных сервисов. Студенты ФМиИТ третьего курса (Г2) продемонстрировали высокий уровень прагматизма, направленного на максимальную автоматизацию. 57 % из них (12 из 21) указали на использование платформы Gamma.ai для генерации всей структуры презентации «под ключ». Для решения сложных задач (анализ данных, написание скриптов) 38 % (8 из 21) студентов третьего курса использовали специализированные модели, такие как DeepSeek и Copilot. Универсальный ChatGPT (версии 4.0 и выше) использовался 90 % студентов, но преимущественно для генерации текста. Стоит также отметить, что больше половины студентов использовали специализированные Telegram-боты со встроенным ChatGPT ассистентом [4].

Абсолютное меньшинство среди студентов ЮФ (Группы 3 и 4) упомянуло о применении генераторов презентаций (Gamma) или специализированных ИИ-моделей. 93 % студентов, использовавших ИИ (24 из 26 в обеих группах), ограничились универсальными чат-ботами. При этом 58 % из них (15 из 26) указали на YandexGPT (встроенный в браузер) в качестве предпочтительного, мотивируя это лучшей работой с русскоязычными правовыми источниками, а также Google AI-поиск (новый режим поиска с использованием искусственного интеллекта, который предоставляет подробные ответы, сгенерированные ИИ);

3. анализ анкет и сданных работ выявил два принципиально разных паттерна поведения, которые мы условно назвали «ИИ-Прагматик» и «ИИ-Консультант».

ИИ-Прагматик» (доминирует в Г2, ФМиИТ, 3 курс). Студенты этой группы используют ИИ как «младшего разработчика». Они делегируют ИИ рутинные, трудоемкие задачи (создание слайдов, заполнение визуальной составляющей, структурирование данных), оставляя за собой функции архитектора, редактора и верификатора. Их процесс работы с ИИ носит итеративный характер: «постановка задачи – получение результата – критика и доработка – новая постановка задачи».

«ИИ-Консультант» (доминирует в Г3 и Г4, ЮФ). Студенты-юристы используют ИИ преимущественно как продвинутый поисковик

или суммаризатор. Типичные запросы: «Информационная культура это?», «Какие законы в РБ регулируют безопасное использование в сети Интернет?». Они не доверяют ИИ генерацию целостных смысловых блоков, опасаясь фактических ошибок в юридических формулировках. Их процесс работы линеен: «запрос – получение информации – копирование/адаптация» [5];

4. результаты анализа академической честности (данные детектора ИИ) сданных работ проявили существенный интерес. В работах студентов ФМиИТ процент ИИ-сгенерированного текста (по данным детектора) был в среднем выше (до 75 %), чем у ЮФ (около 35 %). Однако у студентов ФМиИТ этот текст был глубоко интегрирован, стилистически выправлен, верифицирован и дополнен собственными выводами.

В то же время у студентов ЮФ (особенно первого курса, Г3) чаще встречались крупные, некритически скопированные и неадаптированные фрагменты текста из ИИ-ответов. Это позволяет сделать вывод, что студенты ФМиИТ обладают более развитой «ИИ-грамотностью»: они воспринимают ИИ-текст как сырой материал, требующий обязательной доработки. Студенты-юристы, используя ИИ реже, склонны относиться к его ответу как к более авторитетному источнику (по аналогии с поисковой выдачей), что приводит к прямому заимствованию.

Как мы и предполагали, исследование выявило настоящий «цифровой разрыв» между факультетами, но не в доступе к ИИ, а в стратегиях его применения. Студенты ФмиИТ – это «ИИ-Прагматики»: они мыслят категориями эффективности, видят в ИИ инструмент автоматизации и без колебаний используют специализированные сервисы вроде Gamma.ai или DeepSeek. Юристы же, напротив, – «ИИ-Консультанты». Они гораздо осторожнее, предпочитают базовые ИИ-помощники (Google AI, YandexGPT) и используют их скорее как продвинутый поисковик, сохраняя критическую дистанцию. Эти данные ясно показывают: чтобы построить эффективную образовательную среду в «умном городе», просто «раздать» всем доступ к нейросетям недостаточно. Требуется разработка прицельных программ по ИИ-грамотности: для юристов с упором на верификацию и этику, а для IT-специалистов – с фокусом на авторское право и риски потери фундаментальных навыков из-за чрезмерного доверия к автоматизации.

Библиографические ссылки

1. *Berezko D. V., Mingming Xu* The Legal Responsibility of Generative Artificial Intelligence Users // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 77-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 28 февраля 2025 г. Витебск: ВГУ имени

П. М. Машерова, 2025. С. 383–385. URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/46241 (дата обращения: 20.10.2025).

2. *Пушкина О. И.* Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс: вызовы и перспективы // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 77-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 28 февраля 2025 г. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. С. 145–148. URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/46308 (дата обращения: 20.10.2025).

3. *Зинин Е. О.* Использование цифровых дидактических материалов в образовательном процессе школы // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы XI Международной конференции аспирантов и молодых ученых, Витебск, 6 декабря 2024 г. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. С. 129–131. URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/45569 (дата обращения: 20.10.2025).

4. *Кобелев С. В., Отоцкий П. Л.* Генеративный искусственный интеллект: интеграция в вузах России и мира // Профессиональное образование и рынок труда. 2025. Т. 13, № 3. С. 127–141. URL: https://doi.org/10.52944/PORT.2025.62.3.009 (дата обращения: 20.10.2025).

5. *Михайловская В. И.* Использование информационных технологий в инновационных проектах // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 74-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февраля 2022 г. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. С. 257–258. URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/31727 (дата обращения: 20.10.2025).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ СТУДЕНТОВ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ

И. А. Журавлева

Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия, irlend@list.ru

В статье рассматриваются вопросы развития образовательных траекторий студентов провинциальных городов. На основе полученных данных в авторском исследовании, установлены пять типов молодежи, выбирающей разные образовательные траектории и последующую профессиональную реализацию (технологически-ориентированные; социально-гуманитарные; экологические активисты; предприниматели; ремесленно-творческие молодые люди). Выявлены особенности и факторы, влияющие на тот или другой выбор образовательной стратегии и последующие жизненные перспективы и жизненные выборы. Обозначенные типы определяют основные факторы развития образовательных учреждений и в последующем новых условий развития рынка труда для молодых людей. Указано, что новые цифровые условия и виртуальные инструменты также помогают формировать образовательные и профессиональные траектории молодых людей, формируя их жизненные и материальные притязания и ориентиры.

Ключевые слова: образовательные траектории; студенты; провинциальные города; жизненный выбор; жизненный ориентир.

Образовательные траектории – это смыслы и реальные выборы молодых людей в сфере образования, которые определяют последующий жизненный выбор. Образовательная траектория может стать основой социальной безопасности общества [1, с. 26], определить трудовые и профессиональные притязания молодежи и стать точкой отсчета новых условий для социальной реализации в целом [2, с. 30].

Жизненные кризисы и внешние социальные условия развития общества способствуют тому, чтобы молодые люди выбирали одни и игнорировали другие жизненные ориентиры, а вместе с тем и образовательные траектории [3, с. 287]. Это то, что запускает новые смыслы в жизненные реалии современников и то, что определяет – какие специалисты обществу нужны в будущем [4, с. 336]. Пространство провинциальных городов ограничено и материально-техническими и социально-организационными и статусными образовательными учреждениями. Но при всем при этом, во время цифровизации, доступ к знаниям становится более открытым. Поэтому, молодые люди из удаленных городов страны не ограничены в своем выборе, хотя во многом зависят от возможностей своей семьи.

Мы провели исследование студентов из провинциальных городов России (n = 800) на предмет причин выбора той или иной

образовательной траектории (55 % девушек и 45 % юношей в возрасте от 18 до 25 лет, живущих в провинциальных городах России). Это позволило выделить нам типы молодежи, выбирающей разные образовательные траектории.

Первый тип – технологически-ориентированные молодые люди (18 %). У них присутствует проявленный интерес к технологиям, математике, естественным наукам. Они живут будущим прогрессом и технологическим развитием общества. Они участвуют активно в хакатонах, олимпиадах и кружках по робототехнике. В образовании они стремятся получить углубленное профильное обучение, активно занимаются проектной деятельностью, стараются попасть на стажировки к технопарки и лаборатории, обучаются на онлайн и офлайн курсах по программированию и анализу данных. В их жизненных ориентирах присутствует построение карьеры в IT сфере, привлекает перспектива работы в международных компаниях, разработка и участие инновационных проектов, стартапов и пр.

Второй тип – социально-гуманитарные молодые люди (22 %). Они имеют увлечения в изучении общества, культуры, истории, журналистике. Как правило, имеют активную жизненную позицию и участвуют в волонтерских проектах, сотрудничают с НКО, а также активно участвуют в культурно-развлекательных проектах (КВИЗ, КВН), и в будущем именно в этих сферах часть из этой группы видит свою реализацию. В рамках образовательных стратегий они предпочитают обучение по междисциплинарным программам или получают сразу два образования, участвуют в обменных программах, практиках и стажировках. Они ориентированы на коммуникации и медиреализацию в публичном пространстве. Их жизненные ориентиры, помимо медиасреды, концентрируются в публичном пространстве, общественных движениях, научных исследованиях в рамках обучения в магистратуре и аспирантуре по социологии, психологии, культурологии, праву, философии и проч.

Третий тип – экологические активисты (24 %). У этих молодых людей имеется активный интерес к экопространству, устойчивому развитию, они участвуют в экологических проектах как правила как волонтеры. В рамках дополнительного образования они стараются пройти курсы по устойчивому развитию, инженерии окружающей среды, экопсихологии, разнообразным проектам по биоразнообразию и озеленению города или очистке культурных и природных объектов от мусора и проч. Они видят себя работниками экологических организаций, госорганов по охране природы, экологических исследовательских российских и международных центров, институтов по устойчивому развитию и пр.

Четвертый тип – предприниматели (20 %). Это инициативные, активные, готовые к риску молодые люди, предпочитающие участие в стартапах, инкубаторах, бизнес-акселераторах и прочих современных технологиях развития бизнеса. В рамках образовательных стратегий они предпочитают программы бизнес-образования (чаще международного образца), курсы по управлению проектами, налогами, финансами и т. д. Могут проявлять инициативу для получения менторства от предпринимателей. В жизненных перспективах они видят создание собственного дела, участие в акселераторах, хотели бы стать инвесторами и иметь венчурные фонды. Иными словами, они строят автономную карьерную траекторию.

Пятый тип – ремесленно-творческие молодые люди (16 %). Они предпочитают прикладные профессии, возможно ремесленное направление реализации. Для них характерна точность и внимательность к деталям. Они предпочитают получать средне-специальное образование со стажировкой на производстве, получать сертификаты по конкретным навыкам. В рамках жизненных ориентиров они видят себя развивающими свои профессиональные навыки (профессиональное мастерство) на каком-то производстве или в частной сфере, ориентированной на ручной труд, «hand made». Могут рассматривать вариант получения высшего образования по смежной программе, для повышения профессионализма.

Для всех выделенных типов характерна опора на мультимодальное обучение (гибридные форматы обучения), мотивация к самообразованию. Они видят себя реализованными и успешными, но через разные образовательные траектории и жизненные выборы. Их профессионализм строится из навыков, которые они освоили во время обучения и перспективами того, где они могут применить полученные знания. В этом процессе важно формировать доверие к обучению и готовность его моделировать под задачи общества. Именно это станет основой отсчета новых условий и форм социальной и профессиональной реализации молодых людей цифрового общества.

Библиографические ссылки

1. *Ардашев Р. Г., Адилов А. Н.* Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.

2. *Баев П. А.* Трудовые и профессиональные притязания студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 4. С. 26–29.

3. *Журавлева И. А.* Образовательные траектории современной российской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 286–290.

4. *Журавлева И. А*. Смыслы образовательной и профессиональной реализации молодежи в современных условиях // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира. Сборник научных трудов Четвертой международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 336–339.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Е. В. Иванова[1)], **Е. М. Барсукова**[1)]

[1)] *Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования г. Москвы «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия, ivanovaev@mgpu.ru*

В статье рассматривается роль новой образовательной инфраструктуры как фактора устойчивого развития городской среды на примере Москвы. Проанализировано влияние новых зданий школ на формирование комфортной городской среды, повышение привлекательности районов для семей с детьми, социальную и культурную жизнь микрорайонов. Исследование проведено в 2023–2025 годах с использованием комплексных методов, включая экспертное наблюдение, интервью и опросы педагогов и учащихся. Результаты показывают, что школы влияют на логистику района, изменение пешеходных и транспортных маршрутов горожан, формируют социокультурную среду микрорайонов и могут способствовать снижению социальной напряженности. Новые образовательные учреждения рассматриваются не только как места обучения, но и как важные градообразующие и культурные центры, интегрированные в городскую среду и меняющие социально-экономический ландшафт районов. Статья подчеркивает значимость образовательной инфраструктуры для комплексного развития города.

Ключевые слова: образовательная инфраструктура; школьное здание; школа; социокультурный центр; городская среда.

Введение

В России с 2022 года действует программа «Модернизация школьных систем образования» в рамках государственной программы «Развитие образования» Национального проекта «Образование в РФ». Программа рассчитана на пять лет, до 2026 года, в рамках которой будет отремонтировано и оснащено современным оборудованием и материалами для организации учебного процесса не менее 7300 зданий общеобразовательных организаций.

В мировой практике уже существуют примеры успешной реализации программ по строительству и капитальным ремонтам зданий образовательных организаций. Так, в Англии с 2000-х гг. реализовывалась программа BSF (Building Schools for the Future) [1] – инвестиционная программа британского правительства по строительству зданий средних школ. Преемственной стала программой Priority School Building Programme [2] по восстановлению и ремонту школьных зданий, находящихся в худшем состоянии по всей стране. В обеих программах использовались модели частного финансирования. В Германии в 2017 году федеральное правительство приняло программу поддержки реконструкции школьных зданий для экономически слабых коммун [3], а

в Грузии в 2022 году запущена программа по постройке и ремонту 800 школ [4].

На сегодняшний день Москва строит наибольшее число объектов образования в РФ: с 2019 по 2023 годы построено 271 здание (92 школы и 179 детских садов) [5], планируется увеличение ежегодного ввода объектов в следующей пятилетке (531 здание за период 2024–2030 гг.: 300 школ и 231 ДОУ) [6]. Проводится масштабная программа по капитальному ремонту школ [7], стартовавшая в 2024 году: к 1 сентября запущены 4 пилотные школы, еще 51 здание открыто в 2025 г. В планах – ремонт около 100 устаревших зданий ежегодно. Ремонты проводятся по новому стандарту «Московская школа», охватывающему основные типовые здания г. Москвы.

Безусловно, строительство новых зданий образовательных организаций формирует комфортную городскую среду, повышая привлекательность новых районов для семей с детьми и иных жителей. Качественная образовательная инфраструктура способствует комплексному развитию территорий, что связано с размещением образовательных объектов [8], удобству их посещения, открытости и теми предложениям для горожан, которые они формируют: от культурных мероприятий и досуга до спорта и прогулок на школьной территории.

В статье мы представим результаты исследования использования новой образовательной инфраструктуры в образовательных организациях города Москвы и определим влияние новых зданий школы на городской ландшафт.

Методы и организация исследования

Исследование проходило в течение 2023/24 учебного года и застало начало 2025 гг.

Мы использовали комплекс методов, которые позволили нам максимально комплексно проанализировать новую образовательную инфраструктуру: её социальное воздействие, взаимодействие школы с горожанами, образовательные результаты обучающихся и школьных команд, новые форматы учебного процесса, городской ландшафт, определив факторы устойчивого развития для городской среды.

В исследовании участвовали администрация, педагоги, обучающиеся.

Методами для сбора данных стали: экспертное наблюдение по чек-листу, фотофиксация, экспертное оценивание с использованием некоторых показателей шкалы SACERS (School-Age Care Environment Rating Scale) [9,10], экспертные интервью, фокус-групповое исследование по предварительному сценарию с обучающимися и педагогами, онлайн-опрос педагогов.

В результаты исследования в рамках данной статьи мы вынесем только те полученные данные и выводы, которые касаются влияния новой образовательной инфраструктуры на развитие городских районов.

Результаты исследования

Основные выводы по результатам экспертных интервью с представителями управленческих и педагогических команд школ можно оформить в следующие тезисы:

– школа меняет логистические маршруты района, особенно если она расположена в массивах городской застройки и для многих школьников находится в пешеходной доступности;

– при трудоустройстве педагоги отмечают привлекательность новых школ впечатляющей архитектурой, гибкими и трансформируемыми внутренними пространствами, технологичностью учебного оборудования, но удаленность новых районов от центра и сложности маршрутов общественного транспорта часто перевешивают иные «плюсы» образовательной организации;

– при разнообразии и большом выборе программ дополнительного образования и популярных кружков (спорт, танцы, иностранные языки, робототехника) жители будут делать выбор в пользу школы, ориентируясь на удобство расположения, временные слоты и ценообразование [11];

– образовательные события и досуговые мероприятия на школьной территории повышают доверие к школе и снижают градус напряжения, зачастую вызванный излишним школьным шумом и возрастающим автомобильным трафиком в часы «пик»;

– открытость школьной территории для занятий спортом и прогулок повышает лояльность местного сообщества и способствует снижению социального напряжения в новых районах, вызванных нехваткой социальных ресурсов.

Выводы

Новые образовательные учреждения выполняют важную градообразующую функцию и придают устойчивость городским районам, обеспечивая значительный прирост числа семей с детьми дошкольного и школьного возраста, а также способствуя повышению уровня занятости населения за счет создания новых рабочих мест в пределах микрорайона. Помимо этого, многие школы выступают в роли культурообразующих центров новых микрорайонов, способствуя интеграции и распространению школьных ценностей в общекультурное городское пространство. Это способствует формированию культурной идентичности и возникновению сплоченного сообщества. Значимые школьные мероприятия привлекают внимание городской общественности и повышают доверие к образовательному учреждению,

что ведет к созданию устойчивого родительского сообщества, лояльного к школе и активно участвующего в её жизни. Таким образом, школа функционирует как социальный центр микрорайона, реализуя комплекс социальных и образовательных задач, направленных на развитие местного сообщества. Повышение уровня образовательного и воспитательного потенциала жителей способствует улучшению качества жизни и снижению уровня социальной напряжённости.

Образовательное учреждение становится центром культурных событий, формирующих его позитивный имидж и репутацию, что дополнительно усиливает его роль в микрорайоне. Городская среда в непосредственной близости от школы претерпевает трансформации: часть дополнительных услуг исчезает, не выдерживая конкуренции со школой, в то время как появляются новые сервисы, адаптированные к изменяющимся потребностям микрорайона. В результате вокруг школы формируется специфическая социально-экономическая среда, отвечающая актуальным запросам жителей микрорайона.

Кроме того, транспортная ситуация вблизи школы изменяется в часы начала и окончания занятий, особенно в образовательных учреждениях, принимающих учащихся из смежных микрорайонов. Это оказывает заметное влияние на интенсивность автомобильного трафика, что требует учета при планировании городского движения и организации дорожной инфраструктуры. Таким образом, новое образовательное учреждение выступает не только как место получения знаний, но и как комплексный социальный, культурный и экономический центр, влияющий на различные аспекты жизни микрорайона и города в целом.

Библиографические ссылки

1. Building Schools for the Future. Department for Education. 25 October 2010 // Department for Education, UK. URL: https://www.gov.uk/government/publications/building-schools-for-the-future (date of access: 30.10.2025).

2. Priority School Building Programme: overview. 6 December 2016 // Department for Education, UK. URL: https://www.gov.uk/government/publications/psbp-overview/priority-school-building-programme-overview (date of access: 30.10.2025).

3. Немецким школам необходимо 45 млрд евро на ремонт. 14.09.2022 // TVRus URL: https://www.tvrus.eu/news/ekonomika/nemeckim-shkolam-neobhodimo-45-milliardov-evro-na-remont/ (дата обращения 30.10.2025).

4. *Chkhenkeli M.* Owing the Initiative of the Prime Minister of Georgia, Mr. Irakli Gharibashvili, a Project Worth 1 billion GEL Has Been Started, which Involves the Construction and Renovation of 800 schools // Ministry of Education and Science of Georgia. URL: https://mes.gov.ge/oldmes/content.php?id=13259&lang=eng&csrt=585576061404548013 (date of access: 30.10.2025).

5. В столице за два года возвели 30 объектов образования за счет бюджетных средств. // Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы. 30 июля 2025 г. URL: https://www.mos.ru/news/item/157476073/ (дата обращения: 30.10.2025).

6. Около 500 новых объектов образования построят в Москве до конца 2030 года. // Информационный Центр Правительства Москвы. 30 августа 2024 г. URL: https://icmos.ru/news/okolo-500-novyx-obektov-obrazovaniya-postroyat-v-moskve-do-konca-2030-goda (дата обращения: 30.10.2025).

7. Моя школа. Программа Правительства Москвы // Информационный Центр Правительства Москвы. URL: https://www.mos.ru/city/projects/shkola/ (дата обращения: 30.10.2025).

8. *Колодин К. И.* Особенности интеграции школьных пространств в урбанизированную среду больших городов // Вестник евразийской науки. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-integratsii-shkolnyh-prostranstv-v-urbanizirovannuyu-sredu-bolshih-gorodov (дата обращения: 30.10.2025).

9. Школы с разным индексом качества образовательной среды: результаты исследования с использованием шкалы SACERS / Е. В. Иванова [и др.] // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (207). С. 7–15. DOI 10.23951/1609-624X-2020-1-7-15.

10. *Иванова Е. В., Виноградова И. А*. Оценивание условий реализации основной образовательной программы начального и основного общего образования с использованием международной шкалы SACERS // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 4 (42). С. 66–79.

11. Инфраструктурные инсайты: жизнь в новой школе / Е. В. Иванова [и др.]; под ред. С. Н. Вачковой. М.: Авторский Клуб, 2024.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ В БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ

И. И. Калачёва

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, irakalachova@yandex.ru

Рассматриваются вопросы репрезентации исторической памяти в разнообразных социально-культурных коммеморативных практиках, которые распространены на территориях белорусских городов. Акцентируется внимание на объектах историко-культурного наследия, которые являются агентами коммуникации в городском пространстве, отмечается, что наследие выступает источником формирования исторической памяти и имеет большой потенциал для трансляции достоверной исторической информации. Показаны функции исторической памяти в образовательной деятельности: мировоззренческая, идентификационная, аксиологическая, воспитательная; выделен ряд подходов к сохранению исторической памяти в системе образования: ценностно-ориентированный, деятельностный, междисциплинарный и системный.

Ключевые слова: память; историческая память; городская среда; коммеморация; историко-культурное наследие; памятники; мемориалы; университет; образовательная деятельность; подготовка специалистов по социальной коммуникации.

Проблема сохранения и трансляции памяти белорусского народа – актуальное направление общественного дискурса. Интерес к проблеме стал более заметным в последнее время. К теме памяти как актуальной проблеме на разных исторических этапах обращались такие авторы, как Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, А. Мегилл, П. Хаттон, Л. Мори, Л. Мильорати, П. Нора, Я. Ассман и др. Среди белорусских авторов, этнографов, историков, искусствоведов, философов следует отметить тех, кто развивает тему мест памяти. Это С. В. Грунтов, И. И. Калачёва, О. Г. Ященко, Т. И. Кухарёнок, Е. Г. Алфёрова, Т. Г. Горанская, О. М. Ростовская, И. Н. Сидоренко, С. В. Воробьева и другие [1, с. 12–34]. К примеру, в работах белорусских этнографов исследуется проблема мемориализации объектов материального наследия, мемориальная культура белорусов [2, с. 329–340]. Авторы изучают белорусские некрополи, гражданские мемориалы и памятники, находящиеся в разных историко-этнографических регионах страны, таких как Центральный регион, Восточное, Западное Полесье и др. В их работах акцентируется внимание на необходимости мемориализации событий истории Беларуси в современном культурном ландшафте с учётом новых подходов в визуальном конструировании среды проживания. Тем самым ставится

важнейших вопрос: каким образом в новых условиях формировать ценность исторической памяти для молодых людей средствами мемориализации наследия?

На данный момент сложились разные подходы к классификации исторической памяти. Так российский автор Л. Н. Мазур выделяет факторы, источники и механизмы исторической памяти. Роль источника связана с задачами фиксирования и преобразования исторической информации в образы (в литературе и искусстве) или в логические структуры (в науке). Механизм отвечает за трансляцию имеющихся в обществе исторических знаний и представлений. К основным источникам исторической информации относят: 1) историческую науку; 2) искусство и литературу; 3) личный опыт, в том числе документированный (мемуары, воспоминания, письма). Механизмами трансляции исторической информации выступают: 1) система образования; 2) средства массовой информации; 3) устные коммуникации; 4) места памяти. И источники исторической информации, и механизмы ее передачи испытывают на себя влияние таких факторов как идеология (религия), рынок, а также информационные технологии (устные, письменные, аудиовизуальные и др.), которые определяют особенности информационной среды и культуры общества. Роль факторов состоит в том, что они регулируют актуализацию, отбор, интерпретацию, доступность исторической информации, т. е. фактически управляют историческим сознанием и исторической памятью [3, с. 247].

Одним из важнейших факторов в формировании исторической памяти личности и общества является историко-культурное наследие страны. Историко-культурное наследие Беларуси представлено в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Историко-культурное наследие выступает еще и источником формирования исторической памяти, который имеет большой потенциал для трансляции исторической информации через различные механизмы, отмечает С. А. Пивоварчик [1, с. 198].

В Список включены наиболее значимые объекты наследия (памятники археологии, архитектуры и градостроительства, истории, искусства, нематериальные проявления творчества человека (обычаи, традиции, обряды)). На начало 2023 г. список насчитывал более 5,6 тыс историко-культурных ценностей, среди которых: памятников археологии – 2248, памятников архитектуры – 1804, памятников истории – 1215, нематериальных проявлений творчества человека – 152, движимых материальных историко-культурных ценностей – 104, памятников искусства – 66, памятников градостроительства – 11, заповедных мест – 4 [4].

Согласно Конституции Республики Беларусь, историко-культурное наследие признано фактором развития государства и ответственность за его сохранение несут как государство, так и граждане нашей страны. Охрана историко-культурного наследия – обязательное условие устойчивого развития государства, укрепления его престижа в международном сообществе. Материальные и духовные ценности общества являются объектами национальной безопасности Беларуси и приоритетными направлениями культурной политики нашей страны. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре, Национальной стратегией устойчивого социального-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, сохранение и приумножение историко-культурного наследия страны является важным фактором национальной идентичности и белорусской государственности, играет значительную роль в формировании коллективной исторической памяти общества, гражданственности и патриотизма личности, вовлечено практически во все сферы социально-экономической и духовной жизни страны. Одна из важнейших задач общества – практическое использование историко-культурного наследия в формировании исторической памяти молодежи через механизмы трансляции (систему образования, средства массовой информации, активный внутренний туризм).

Проблему формирования и репрезентации коллективной исторической памяти и идентичности часто связывают с коммеморативными практиками. Термин «коммеморация» широко используется в современной научной литературе, посвященной проблемам формирования и развития исторической памяти, мемориальной культуры, памятным местам [1, с. 198–199]. Коммеморация понимается как сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры. Коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через отношение к репрезентации прошлых событий. Коммеморация является важнейшим инструментом формирования исторической памяти как мобилизация памяти о событии, человеке, исторической общности [5, с. 4].

По мнению Е. И. Красильниковой, «формы коммеморациий разнообразны: от фотографии до реабилитации жертв политических репрессий» [6, с. 19]. Она выделяет следующие коммеморации: 1) памятные места – объекты материальной среды, обжитой человеком, намеренно созданные с целью запечатления, хранения и трансляции

коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах; 2) коммеморативные практики, предполагающие целенаправленную, часто стереотипную и ритуализированную деятельность, необходимую для сохранения и трансляции коллективной памяти. К памятным местам Е. И. Красильникова относит кладбища (некрополь), скульптурные памятники и монументы, установленные в честь исторических деятелей и исторических событий, а также экспозиции и выставки исторических (краеведческих) музеев, а под коммеморативными практиками подразумевает похоронно-поминальные практики, торжества, посвященные годовщинам и юбилеям важных для государства и общества политических событий, историко-экскурсионную и памятнико-охранительную деятельность музеев [6, с. 19].

Коммеморативные практики представляют собой реконструкцию взаимодействия прошлого и настоящего. Их главная функция – сохранение коллективной памяти, в структуру которой входит все, что связывает человека с прошлым: различные артефакты, идеи, тексты, а также увековечение памяти о событиях: мемориалы, монументы, памятники, организация музеев, определение знаменательных дат, праздники, похороны, массовые мероприятия и т. д., – то, что, что называется мемориальной деятельностью.

В контексте образовательной деятельности историческая память выполняет ряд важнейших функций:

– мировоззренческую (формирует целостную картину исторического процесса);

– идентификационную (способствует осознанию принадлежности к белорусской нации и государству);

– аксиологическую (определяет систему ценностных ориентаций личности);

– воспитательную (лежит в основе патриотизма и гражданской ответственности).

Анализ опыта работы учреждений высшего образования Республики Беларусь позволяет выделить несколько взаимосвязанных подходов к сохранению исторической памяти: ценностно-ориентированный; деятельностный; междисциплинарный и системный.

Ценностно-ориентированный подход предполагает формирование у студентов системы ценностей, основанной на любви к Родине, уважении к историческому прошлому, ответственности за судьбу страны. В его рамках историческая память рассматривается как основа ценностных ориентаций личности и общества.

Деятельностный подход ориентирует на активное участие обучающихся в различных формах воспитательной работы, что

способствует личностному освоению исторического опыта и формированию эмоционально-ценностного отношения к истории.

Междисциплинарный подход предполагает интеграцию усилий преподавателей различных кафедр (социально-гуманитарных, специальных) в сохранении исторической памяти, что обеспечивает целостное воздействие на сознание и мировоззрение обучающихся.

Системный подход рассматривает сохранение исторической памяти как непрерывный процесс, осуществляемый в единстве учебной, внеучебной и научной деятельности обучающихся [7,8].

Принимая во внимание тот факт, что на факультете философии и социальных наук БГУ ведется подготовка специалистов по социальной коммуникации, в профессиональную деятельность которых входит формирование стратегий коммуникации разных целевых групп населения страны с государством, с гражданским обществом, со средствами массовой коммуникации, обратимся к опыту, полученному в процессе внедрения дисциплины по выбору студента «Историческая память в социальных исследованиях» в учебный процесс. Учебная дисциплина «Историческая память в социальных исследованиях» читается на четвертом курсе на протяжении двух лет – в 2023–2024 и 2024–2025 учебных годах. Опыт разработки и внедрения учебного курс показал, что данная категория специалистов может стать опорной в достижении целей продвижения традиций исторической памяти в белорусском социуме.

Освоение учебной дисциплины «Историческая память в социальных исследованиях» обеспечивает подготовку специалистов, которые могут исследовать феномены исторической памяти в общественном дискурсе, на уровне частной жизни, в процессе сохранения семейно-родовой памяти. Навыки, полученные студентами, с одной стороны, помогут выпускникам стать экспертами по актуальным и открытым вопросам, с другой стороны, в условиях широкого применения информационных технологий дадут им возможность освоить пиар-технологии по продвижению исторической памяти в контексте целей и задач государственной политики памяти белорусского народа. Огромное значение в ходе практических занятий придается освоению различных социальных технологий, пригодных для работы в сфере образовательной, просветительской деятельности учреждений Республики Беларусь, обеспечивающих сохранение, трансляцию и формирование ценностей исторической памяти и воспитание патриотизма у разных категорий детей, подростков, молодёжи.

Библиографические ссылки

1. Историческая память как фундаментальная ценность белорусского народа / И. И. Калачёва [и др.]; под общ. ред. И. И. Калачёвой. Минск: БГУ, 2023.

2. *Калачева, И. И.* Историческая и семейная память белорусского народа: этнографический аспект // Пытанні мастацтва, этналогіі і фальклярыстыкі: зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 31 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Права і эканоміка, 2022. С. 329–340.

3. *Мазур Л. Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федеративного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.

4. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. URL: http://www.kultura.by/by/ (дата обращения: 07.04.2023).

5. *Святославский А. В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. … д-ра культурологии: 24.00.01 / Московский педагогический государственный университет. М., 2011. 53 с.

6. *Красильникова Е. И.* Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 г. – середина 1941 г.): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Новосибирский государственный технический университет. Новосибирск, 2016. 430 с.

7. *Гигин В. Ф.* Университет как элемент формирования исторической памяти // Университетоведение: опыт и перспективы научных исследований и преподавания : материалы республиканской науч.-практ. конференции, приуроченной к 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 14 октября 2021 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Исторический фак.; [редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.), О. В. Новикова, Т. В. Бурак]. Минск: БГУ, 2021. С. 71–75.

8. *Зуева К. М.* Асноўныя тэндэнцыі развіцця беларускай сістэмы адукацыі: сацыяльна-філасофскі аналіз // Вышэйшая школа. 2021. № 4. С. 47–51.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ

Н. В. Курилович

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, kurilovich@bsu.by

В статье актуализируется взаимосвязь образования и городов в контексте становления и развития образовательной урбанистики как самостоятельного направления зарубежных и отечественных городских исследований. Выделяются три основных измерения городского образовательного пространства: город как среда обучения, агент обучения и объект изучения. Описывается категориальный аппарат образовательной урбанистики. Рассматриваются основные функции города как культурно-образовательного ресурса: социально-инклюзивная, коммуникативная и организационная. Раскрывается содержание понятия «образовательный потенциал города». Автором статьи дифференцируются количественный и качественный аспекты образовательного потенциала городов. В русле отечественной истории урбанизации и на основании статистических данных характеризуется образовательный потенциал городов Беларуси.

Ключевые слова: город; образовательная урбанистика; городское образовательное пространство; культурно-образовательный ресурс; функции города; образовательный потенциал города; городские образовательные практики; учреждения образования; Республика Беларусь.

Беспрецедентная по своей скорости урбанизация выступает, пожалуй, одним из ярчайших показателей современного этапа общественного развития. В настоящее время немногим более половины населения мира проживает в городах, но согласно прогнозным оценкам ООН, через четверть века городскими жителями станут уже 2/3 населения планеты [1]. В этой связи очевидна научно-теоретическая, социально-экономическая и практическая востребованность проведения городских исследований, результаты которых в своей совокупности формируют такую междисциплинарную область знания, как урбанистика.

В контексте интенсификации темпов урбанизации практически во всех странах мира особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования города как образовательного пространства, в рамках которого можно выделить три основных его измерения [2, с. 63]:

1. город как среда обучения;
2. город как агент обучения;
3. город как объект изучения.

Городское образовательное пространство вызывает научный интерес со стороны представителей самых разных областей знания:

философии, истории, культурологии, социологии, экономики, политологии, педагогики, психологии и др. При этом рассматриваемый нами социальный феномен выступает объектом самостоятельного изучения образовательной урбанистики, относительно молодого направления, которое в последние годы активно институционализируется благодаря усилиям не только зарубежных (A. J. Heinrich, T. Coelen, A. Million, A. G. Ramirez и др.), но и отечественных специалистов (Е. А. Асонова, М. В. Буланов, С. Н. Горычева, М. В. Звяглова, Е. Ю. Игнатьева, Н. А. Коровникова, Е. В. Лебедева, А. Н. Россинская, С. А. Смирнов, Т. А. Чичканова и др.).

Город как объект междисциплинарного изучения имеет множество измерений, среди которых исследователи, как правило, выделяют историческое, эстетическое, экономическое, социальное, культурологическое, психологическое и др. При этом в русле образовательной урбанистики актуализируются, прежде всего, социальный и культурологический аспекты анализа города как комплексного феномена. В этой связи к числу основных понятий образовательной урбанистики российские исследователи М. В. Буланов, А. Н. Россинская и Е. А. Асонова относят следующие термины: образовательная среда, образовательное (культурно-образовательное) пространство, образовательные (культурно-образовательные) ресурсы, образовательные объекты, образовательные субъекты, городские образовательные практики, образовательный потенциал города и др [3].

Рассматривая городское пространство как культурно-образовательный ресурс, белорусский социолог Е. В. Лебедева дифференцирует три его функции [4, с. 154]:

1. социально-инклюзивную, заключающуюся в интеграции горожан в единое сообщество посредством формирования городской идентичности;
2. коммуникативную, связанную с интериоризацией горожанами определенных моделей поведения, расширением их круга общения и совершенствованием навыков социальной интеракции в городских сообществах;
3. организационную, проявляющуюся в участии жителей города в общественной жизни и формировании у них ответственности за качество городской среды.

В рамках образовательной урбанистики особый интерес вызывает изучение образовательного потенциала современных городов. Хотелось бы отметить, что понятие образовательного потенциала индивида входит в категориальный аппарат неклассической социологии образования и отражает степень самореализации человека в образовательной среде. При этом образовательный потенциал субъекта трактуется как ключевой

компонент его жизненных сил, характеризующий меру включенности индивида в образовательную сферу и качество его социального капитала. В структуре данного феномена социологи выделяют показатели уровня и престижа образования, их самооценку субъектом, его общекультурную и функциональную грамотность [5, с. 204].

Опираясь на представленный выше социологический подход к трактовке образовательного потенциала индивида, можно предложить определение понятия «образовательный потенциал города». По мнению автора статьи, в образовательном потенциале города можно выделить два аспекта:

1. количественный аспект, который целиком и полностью исчерпывается статистическими показателями, характеризующими городскую систему образования (например, число расположенных на территории города учебных заведений, численность обучающихся, численность педагогических работников и др.);

2. качественный аспект, отражающий условия и возможности использования города как образовательного ресурса.

Как правило, в научном дискурсе преобладают работы, в которых исследователи фокусируются на качественном, а не количественном аспекте образовательного потенциала города. С позиций актуализации качественного измерения образовательного потенциала городское пространство является образовательным, когда социальные субъекты видят в нем образовательный ресурс и используют его соответствующим образом для образовательной деятельности. Есть все основания согласиться с теми исследователями, которые считают, что «городской объект становится образовательным, когда субъект проявляет его образовательный потенциал» [3, с. 242]. Сам процесс «проявления» образовательного потенциала объектов городской среды связан с организацией тех или иных образовательных практик. В качестве широко известных примеров таких городских образовательных практик, как своеобразных форм образовательной деятельности на базе городских объектов (музеев, театров, парков, площадей и т. д.), можно привести выставки, концерты, просветительские подкасты в общественном транспорте, воркшопы, мастер-классы, публичные лекции, форумы, нетворкинги, коворкинги и т. п.

Обратимся к характеристике образовательного потенциала городов Беларуси. С исторической точки зрения, первоначально на белорусских землях сельское население преобладало над городским. До первой мировой войны на территории современной Беларуси в городах проживало 14 % населения страны. В начале XX века к городам с численностью населения более 30 тыс. жителей относились Витебск (101 тыс.), Минск (99,8 тыс.), Гомель (94,2 тыс.), Брест (53,3 тыс.), Гродно

(49,7 тыс.), Могилев (49,7 тыс.), Пинск (36,4 тыс.), Бобруйск (35,4 тыс.) и Полоцк (30,7 тыс.). В остальных белорусских городах проживало менее 20 тыс. жителей: в Борисове насчитывалось 19,1 тыс. жителей, в Слуцке – 16,1 тыс., в Речице –12 тыс., в Мозыре – 10,6 тыс., в Несвиже – 8,3 тыс., в Городке – 6,1 тыс. При этом для городов того периода времени были характерны небольшие размеры, преобладание малоэтажной застройки, обязательное наличие городской ратуши и храмов (как правило, православной церкви и католического костела) с богатым архитектурным декором, включение в городские территории живописных природных ландшафтов (долин рек и озер, садов, холмов и т. п.) и рыночных площадей [6, с. 44–46].

В настоящее время в Республике Беларусь насчитывается 116 городов, в которых проживает 78,6 % населения страны. На 01.01.2025 наибольшая численность городского населения проживала в Минске (1996730 чел.) и Минской области (795261 чел.), за ними следуют Гомельская (1040624 чел.), Брестская (944458 чел.), Витебская (848518 чел.), Могилевская (789718 чел.) и Гродненская (767381 чел.) области [7]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на начало 2024/2025 учебного года в стране насчитывалось 3721 учреждение дошкольного образования (в них 338,3 тыс. детей), 2848 учреждений общего среднего образования (в них 1080,4 тыс. учащихся), 162 учреждения профессионально-технического образования (в них 67,5 тыс. учащихся), 229 учреждений среднего специального образования (в них 116,6 тыс. учащихся) и 47 учреждений высшего образования (в них 224,2 тыс. студентов) [8]. Большая часть из перечисленных выше учреждений образования расположена в городах. Следовательно, города Беларуси с количественной точки зрения обладают наиболее внушительным образовательным потенциалом, поскольку именно в них концентрируются учебные заведения разного типа и уровня.

Значительный образовательный потенциал накоплен в столице Республики Беларусь. Так, именно в Минске расположены более половины учреждений высшего образования, которые сегодня признаны исследователями драйверами инновационного развития страны. С учетом уровня развития столичной инфраструктуры и численности проживающих в столице жителей образовательный потенциал Минска как в количественном, так и в качественном аспектах заслуживает высокой оценки. Действительно, столица практически ежедневно выступает площадкой для реализации самых разнообразных форм образовательной деятельности субъектов: выставок, форумов, фестивалей, республиканских конкурсов и акций, реализуемых в рамках проектов просветительской направленности, мастер-классов, арт-вечеров

и др. Следует отметить, что такая ситуация является достаточно характерной для столичных городов всех развитых стран мира. Именно столицы выступают в роли интеллектуального и культурно-образовательного центра подавляющего большинства государств.

Таким образом, всестороннее изучение образовательного потенциала белорусских городов выступает актуальным направлением исследований в области отечественной образовательной урбанистики. Представляется очевидным, что перспективы реализации образовательного потенциала современных городов Беларуси связаны с поиском оптимального сочетания формальных и содержательных характеристик городского пространства как культурно-образовательного ресурса.

Библиографические ссылки

1. Более половины населения мира проживает в городах // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/desa/world-urbanization-prospects-2014 (дата обращения: 20.10.2025).
2. *Коровникова Н. А*. Образовательный потенциал современного города // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 3. С. 60–78.
3. *Буланов М. В., Россинская А. Н., Асонова Е. А*. Образовательная урбанистика: опыт описания ключевых понятий // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 6(40). С. 236–245. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnayaurbanistika-opyt-opisaniya-klyuchevyh-ponyatiy (дата обращения: 20.10.2025).
4. *Лебедева Е. В*. Город как культурно-образовательное пространство // Журнал Белорусссского государственного университета. Социология. 2018. № 1. С. 152–160.
5. *Курилович Н. В*. Социология образования: пособие. Минск: БГУ, 2020. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/243731 (дата обращения: 20.10.2025).
6. *Потаев Г. А*. Градостроительная культура: ориентиры развития // Архитектура: сборник научных трудов / редкол.: А. С. Сардов (гл. ред.) [и др.]. Минск: БНТУ, 2022. Вып. 15. С. 41–47.
7. Численность населения на 1 января 2025 г. и среднегодовая численность населения за 2024 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа: статистический бюллетень // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_148167/ (дата обращения: 20.10.2025).
8. Основные показатели деятельности учреждений образования // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/ (дата обращения: 20.10.2025).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В. С. Малафеевская

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, malafeevskaya.veronika@gmail.com

В данной работе рассматриваются возможности использования технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе, а также преимущества, которые дает внедрение новых технологий в процесс обучения при внедрении в таких областях как оценка результатов освоения пройденного материала обучающимся, индивидуальный персональный подход, репетиторство и анализ поведения учащихся. В статье приводятся примеры способов применения разработок на основе искусственного интеллекта в образовательной системе, а также примеры уже существующих и используемых в данной сфере технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровая трансформация общества; новые технологии; современное образование.

Прежде чем углубляться в тему использования искусственного интеллекта в образовании, необходимо понять, что же подразумевается под этим термином и где он вообще применяется в современном мире. Так, В. С. Заболоцкая дала следующее определение: «Искусственный интеллект – теория и реализация компьютерных систем, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта, такие как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод с одного языка на другой» [1].

В некоторых сферах компьютеры выполняют работу лучше людей, работая быстрее, эффективнее и без возможности устать. Так А. Эйнштейн, рассуждая о проблемах искусственного интеллекта, отмечал, что «компьютеры невероятно быстры, точны и тупы, а люди очень медлительны, неточны и сообразительны, поэтому вместе они представляют собой невообразимую силу». Именно это и послужило причиной для поиска способов и вариантов внедрения искусственного интеллекта в образование.

Основной научной целью использования искусственный интеллект в образовании является «создание математически точных и четких форм педагогических, психологических и социальных критериев для наиболее эффективного получения знаний, которые часто остаются без рассмотрения при проведении образовательного процесса» [2]. Иными словами, в дополнение к простому получению знаний, искусственный интеллект использует так называемые «умные» технологии, которые дают более глубокое и более точное понимание того, как обучение происходит на самом деле (например, как на обучение влияют

социально-экономические и физические факторы, или использование в обучении новых технологий).

Практической целью разработки искусственного интеллекта для образовательной среды было создание компьютерных систем, которые могли бы обеспечить персонализированное обучение, как это мог бы сделать опытный педагог с экспертными навыками преподавания. Для осуществления этой цели искусственный интеллект использует отслеживание движения глаз и жестов, детекторы настроения и трекеры активности, а также реакции на темы и задания, предлагаемые учителем.

Компьютеры в классе традиционно рассматривались как простые инструменты, которые обрабатывают входные данные, предоставляемые пользователями, но развитие технологий делает возможным новое использование. Растущее число примеров использования искусственного интеллекта в образовании включает в себя создание персонализированных планов обучения, оценку в реальном времени и обратную связь, поддержку учителей в выполнении трудоемких задач, расширенное обучение за пределами класса и т. д.

В процессе обучения очень важным моментом является оценка результатов освоения пройденного материала. В настоящее время оценка знаний учащихся и студентов, анализ ответов, проверка домашних заданий и тестов занимает слишком много времени, которое педагог мог бы использовать для более качественной подготовки к занятиям, изучению нового материала и разработке новых заданий. Уже сейчас учителя могут, используя компьютерные технологии, осуществлять проверку всех видов тестов с закрытыми вопросами. Искусственный интеллект может проверять и открытые вопросы, но проверка осуществляется только по определенным знакам, поэтому использование синонимов будет расцениваться как неверный ответ. Но разработчики не останавливаются на достигнутых результатах: сейчас идут активные разработки, направленные на создание специализированной компьютерной программы на основе искусственного интеллекта, которая смогла бы, имитируя поведение учителя, оценивать эссе, написанные в образовательной среде.

Очень важным является индивидуальный персональный подход к учащимся, потому что школьники и студенты по-разному осваивают материал: кто-то «схватывает на лету», а кому-то необходимы более подробные и частые объяснения материала. Но в классах, где обучается двадцать или тридцать человек, невозможно уделить должное внимание на уроке каждому ученику. И поэтому обучение с использованием искусственного интеллекта дает возможность учителям распределить учебный процесс так, чтобы он был более результативным для каждого ученика. Компьютерные программы подбирают учащимся материал по

тем темам, которые были ими недостаточно хорошо усвоены. Это могут быть материалы как в видео формате, так и текстовые источники. Это даст возможность учителям не останавливаться для разъяснения материалов отстающим, а разъяснять сложные или интересные моменты.

Репетиторство

Бенджамин Блум обнаружил, что репетиторство значительно повышает успеваемость студентов. Исследования, известные как проблема 2 сигм, в разных классах и в разных школах показали сходные результаты: учащиеся, получавшие репетиторское обучение, выполняли задания в почти в два раза лучше, чем учащиеся, обучавшиеся с помощью обычных методик обучения в больших группах [3]. Предполагается, что искусственный интеллект может выполнять роль репетитора: в школах может отслеживать успехи каждого отдельного ученика и либо корректировать курс, либо информировать учителя о том материале, который данный ученик с трудом воспринимает. Программы на основе искусственного интеллекта могут анализировать допущенные учениками во время тестовых работ ошибки и по ним искать и подбирать материал, который поможет учащимся заполнить пробелы в знаниях.

Анализ поведения учащихся

Искусственный интеллект может не только отслеживать посещаемость учащихся, но и анализировать их поведение на занятиях. Системы искусственного интеллекта способны распознавать и оценивать реакцию учеников на различные темы, задания или вопросы учителя, могут отслеживать предпочтения учащихся в групповой работе или индивидуально, как часто они отвлекаются и т. д. Это отслеживается с помощью камер и айтрекинга: искусственный интеллект следит за тем, сколько времени человек смотрит на определенный материал, как часто он к нему возвращается и не отвлекается ли от изучения. Кроме того, отслеживается насколько внимательно учащийся слушает учителя и не переключается ли на посторонние факторы. Это помогает понять, насколько учащемуся понятен материал и подходит ли ему данный формат обучения и тип заданий.

Достижения в области развития искусственного интеллекта распространяются по всему миру с огромной скоростью и создают невероятный ажиотаж, увеличивая наши ожидания. На самом деле разочаровать пользователя в развлекательной сфере (изначально искусственный интеллект внедряется в развлекательную сферу и лишь потом эти разработки переходят в другие области) довольно сложно: внедрение искусственного интеллекта и нейронных сетей мгновенно набирает огромную популярность. Именно в связи с этой популярностью разработчики придумали как можно применять используемые в

развлекательной сфере разработки на основе искусственного интеллекта в учебном процессе.

Несмотря на активную разработку инноваций в сфере использования искусственного интеллекта в образовании, голосовые ассистенты так и остаются новым направлением в учебном процессе. Это связано, в первую очередь, с тем, что еще несколько лет назад технологии распознавания речи не были столь совершенны и не могли служить инструментом обучения, в особенности обучения иностранному языку.

Американский исследователь Джошуа Андервуд в своих трудах отмечает очевидные преимущества использования систем распознавания речи в процессе обучения произношению, лексике, базовым речевым конструкциям («Какая сейчас погода в...?», «Который час...?», «Как тебя зовут...?» и т. п.). Эксперимент, поставленный учёным, выявил высокую степень мотивированности учащихся при работе с подобными голосовыми помощниками: «Разговоры с искусственным интеллектом задействуют естественное любопытство... Задавая вопросы, отдавая команды (к примеру, «включи какую-нибудь музыку»), и получая ответы, ученики превращают свое общение на английском языке в значимую и часто интересную работу, даже если они [ученики] не поняли чего-то, они пытаются снова и снова, переформулируя фразы, проявляя настойчивость» [4].

QTrobot – это человекоподобный робот, созданный и разработанный для того, чтобы помочь в обучении новым навыкам детей с расстройствами аутистического спектра и помочь им извлечь больше пользы из процесса обучения. На современном этапе такие роботы используется для эмоциональной тренировки детей с аутизмом, для постинсультной реабилитации и когнитивной и физической реабилитации пожилых людей [5].

Робот не внушает детям с аутизмом такой страх, как обычный человек, так как всегда одинаково и предсказуемо реагирует, не устает, не расстраивается и не перегружает детей своими эмоциями. Людям с заболеваниями аутистического спектра невероятно сложно контактировать с окружающими: они практически не воспринимают чужие эмоции и с трудом, если вообще могут, выражают свои и поэтому для их обучения крайне важны последовательность и прогнозируемость, что помогает им дольше концентрироваться на одном занятии и делать меньше перерывов.

QTrobot предназначается для детей в возрасте от четырех лет. Общение с больным происходит с помощью слов, жестов и сопровождается различными выражениями лица. Такой робот помогает ребенку со временем научиться различать настроения и эмоции

окружающих его людей, может научить общаться. При использовании QTrobot дети с аутизмом быстрее развиваются: особенно быстро совершенствуется их речь, произношение и даже чтение.

Благодаря таким технологиям, как виртуальная реальность и дополненная реальность, учащиеся имеют возможность совершить виртуальные полевые экскурсии в самые разные места – от Римского Колизея в древности до космического пространства и проходов на клеточном уровне внутри человеческого тела.

Уже несколько лет Google и Facebook разрабатывают приложения, которые смогут использоваться в учебных аудиториях. Но и сейчас существует немало примеров того, как виртуальная реальность используется в образовании: виртуальные экскурсии, проведение опытов невозможных в учебных аудиториях и многое другое.

Виртуальные экскурсии стали одним из самых популярных приложений: технологии виртуальной реальности используются для обучения, так многие зарубежные школы начали использовать Google Expeditions для транспортировки студентов в далекие и даже недоступные части планеты, от Мачу-Пикчу до космического пространства или глубокого моря.

Моделирование виртуальной реальности также может помочь студентам получить практические навыки, и одним из самых больших преимуществ для обучения людей, таким образом, является то, что студенты могут учиться по реалистичным сценариям без риска отработки незнакомого навыка в неконтролируемой реальной ситуации. Это наиболее актуально для медицинских специальностей, где вместо аутопсии можно тренироваться проводить различные операции в виртуальной реальности, что снижает стресс и, благодаря возможности многочисленного повторения, дает учащимся шанс эффективнее развить свои навыки.

Компания Мааруфа Фахри (Дания) разработала платформу, которая позволяет закрепить теорию на практике с использованием очков виртуальной реальности. Учащиеся читают теорию, а потом погружаются в 3D-реальность. Это стимулирует их любопытство, поскольку у них появляется возможность опробовать теоретические знания на практике без боязни совершить ошибку.

Разработанный Фахри способ обучения напоминает ролевую игру, где учащиеся изучают неизвестную планету. Для этого им требуется создать исследовательскую станцию с минимальным воздействием на окружающую среду и изучить новые формы жизни. При этом студенты не могут прибегнуть к помощи Google, потому что это воображаемая среда, которой не существует в реальности [6].

Разработки в сфере искусственно интеллекта помогают человеку в обучении и образовании, позволяя преподавателям привносить индивидуальную направленность в аудиторное обучение и давая возможность учащимся быстрее находить нужную информацию и устранять свои пробелы. Разработки на основе искусственного интеллекта прокладывают путь к решению сложных задач образования, выявлению моделей обучения и лучшему прогнозированию поведения и результатов учащихся. Внедрение искусственного интеллекта открывает и педагогам, и учащимся множество новых возможностей, которые могут разнообразить обучение, сделать его более интересным, доступным и эффективным.

Библиографические ссылки

1. *Заблоцкая В. С.* Искусственный интеллект // Юный ученый. 2017. № 1 (10). С. 135–139. URL: https://moluch.ru/young/archive/10/726/ (дата обращения: 17.10.2025).

2. Intelligence Unleashed. An argument for AI in Education // Open Ideas; Pearson Education, London. URL: http://oro.open.ac.uk/50104/1/Luckin %20et %20al. %20-%202016 %20-
%20Intelligence %20Unleashed. %20An %20argument %20for %20AI %20in %20Educ.pdf (date of access: 18.10.2025).

3. Solving The Education Conundrum Of Our Time: Bloom's 2 Sigma Problem. URL: https://www.classcentral.com/report/blooms-2-sigma-problem/ (date of access: 15.10.2025).

4. *Аль-Кайси А. Н.* Интеллектуальный голосовой помощник Алиса на уроках русского языка как иностранного (уровень a1) // CYBERLENINKA.RU. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnyy-golosovoy-pomoschnik-alisa-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-uroven-a1 (дата обращения: 18.10.2025).

5. QTrobot – Expressive Robot Helping Children with Autism Learning Social Skills. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9wNV2k1jfgQ&t=119s (date of access: 17.10.2025).

6. Искусственный интеллект // Министерство образования и науки Кыргызской Республики. Кыргызская Академия Образования. Информационный бюллетень. URL: http://kao.kg/wp-content/uploads/2020/09/IB4.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

П. И. Молочко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, phs.molochkoPI@bsu.by
Научный руководитель – старший преподаватель У. П. Масалович

В статье рассматривается геймификация как инструмент адаптации студентов. Описаны особенности и основные трудности адаптации студентов к новой образовательной среде. Сделан акцент на том, как именно геймификация может улучшить адаптацию студентов. Проанализировано, какими недостатками обладает данный инструмент.

Ключевые слова: геймификация; высшее образование; адаптация; студенты.

При переходе от школьного обучения к вузовскому студенты сталкиваются со следующими трудностями: интеграция личности в новой социальной общности, необходимость самоорганизации в учебных и бытовых вопросах, а также усвоение материала в новых образовательных условиях. Резкая смена социального окружения, увеличение длительности занятий и темпа обучения повышает уровень психического напряжения и тревожности у студентов [1]. Преодоление данных трудностей и приспособление к новой действительности называется *адаптацией*, которая предполагает выработку нового образа жизни [1].

От того, как проходит период адаптации, зависит дальнейшая образовательная мотивация, академическая успеваемость и посещаемость занятий, а также дальнейшее профессиональное и личностное развитие студентов [2; 3]. Г. А. Кручинина и Н. Н. Дарьенкова в своей работе утверждают, что формирование позитивного отношения студента к учебе происходит именно на начальном этапе обучения в вузе. Поэтому видится необходимым рассмотрение различных инструментов, которые помогут студентам-первокурсникам эффективно освоится и привыкнуть к новой среде [2].

Адаптацию можно интерпретировать как приспособление субъекта к окружающей социальной и образовательной среде, к постоянно изменяющимся условиям деятельности и образовательного пространства. В одной из статей, посвящённых теме адаптации студентов, её определили следующим образом: «… Адаптацию первокурсника можно рассматривать как самосохранение и самоизменение, самоформирование и самосозидание, как процесс постепенного погружения в новую социокультурную и образовательную

среду, освоения субъектных ролей, усвоения норм и правил социальных и межличностных отношений» [2]. В структуре студенческой адаптации А. М. Шевелёва выделяет следующие аспекты: биологический (приспособление к новому месту, времени, режиму), психологический (появление новых мотивов и удовлетворение новых потребностей), профессиональный (привыкание к новому содержанию и организации учебной деятельности) и социальный (интеграция в новую социальную общность) [1].

В данной статье мы сконцентрируемся на академической адаптации, которая является приспособлением студентов к новой организации образовательного процесса, новым формам, видам и методам обучения и научной деятельности [3]. Данная адаптация включает в себя приспособление к лекционно-семинарскому проведению занятий, зачётной и экзаменационной системе оценивания. Отсутствие жесткого внешнего контроля вынуждает студентов самоорганизовываться в учебных вопросах [1].

Одним из инструментов, способных улучшить академическую адаптацию первокурсников, может выступать *геймификация*. Термин геймификация впервые был использован Ником Пеллингом в 2002 году, однако своё современное значение термин приобрёл в 2010 [4; 6]. В настоящее время под геймификацией понимают использование игровых элементов и механик для решения неигровых задач, то есть внесение данных элементов и механик в неигровую среду.

Целями геймификации в образовании являются повышение уровня и качества знаний обучающихся, а также установление и поддержание высокого уровня мотивации [5]. Для этого моделируются ситуации, в которых с одной стороны учащиеся могут получить требуемые знания, умения и навыки, а с другой стороны они чувствуют заинтересованность в продолжении этого процесса и получении положительного результата [7]. При помощи геймификации возможно установить соответствие между способностями учащегося и сложностью выполняемых им задач, регулируя эти два компонента таким образом, чтобы задача была в меру сложная для обучения при её решении, но при этом выполнима, для поддержания мотивации.

Мишель Шварц, канадский исследователь в сфере образования, выделил следующие принципы геймификации: автономность (ответственность за собственный прогресс), ценность, (значимость приобретаемых навыков и знаний), и компетентность (положительная тенденция решения учебных задач, которая приводит к повышению увлеченности и уверенности). То есть для успешного воздействия геймификации на обучающегося нужно, чтобы он самостоятельно нёс ответственность за свой прогресс в изучаемой области, осознавал

значимость приобретаемых им навыков и знаний и видел свою положительную динамику в этой сфере деятельности. Кроме того, принципами геймификации являются свобода потерпеть неудачу как право на ошибку и низкий уровень риска в процессе игрового обучения, быстрая обратная связь, наглядное представление прогресса и наличие развивающейся истории, повествования [5].

Процесс геймификации включает в себя следующие элементы: игровые механики, игровое мышление, содействие обучению, решение проблем, эстетику игровые динамики и другие. Под игровыми механиками часто понимают модели PBL: очки (points), значки (badges) и таблицы лидеров (leaderboards) [4; 5]. Такая модель с помощью наград мотивирует на постоянное развитие и достижение результата. Под игровым мышлением понимается способность представить скучную и обыденную деятельность в интересном для себя игровом формате [4].

Геймификацию не стоит путать с игрой, так как у них разные цели и принципы отношения к реальности [4]. Целью игры является развлечение, а цель геймификации – инструментализация достижения результата. Кроме того, геймификация не подменяет реальность виртуальным пространством, как, например, делает видеоигра. Когда человек играет в компьютерную игру, он вовлекается в иную действительность, в отдельно созданный мир, возможно, сильно отличающийся от реального, в то время как геймификация является всего лишь образовательным инструментом, создающим и корректирующим отдельные элементы уже существующей реальности, в которой мы живём. В большинстве своём геймификация не имеет сложных виртуальных миров с высококачественной анимацией, симуляциями и аватарами, что также отличает её от видеоигр. То есть геймификация, скорее, создаёт иллюзию игры [8]. Образовательные цели всегда остаются в приоритете, игровые же поддерживают мотивацию для достижения желаемого в реальности [9]. Наиболее близкими к геймификации элементами являются симуляторы, использующиеся для обучающих и тренировочных целей. Однако мы не можем ставить между ними знак равенства, так как симуляторы все же погружают обучаемого в виртуальные условия [9].

Многие университеты начинают проявлять всё больше интереса к геймификации, корректируя этот инструмент под свои образовательные задачи и программы. Геймификация как инструмент адаптации первокурсников позволяет решать следующие задачи: вовлечение студентов в образовательный процесс нового для них формата; повышение мотивации и заинтересованности в достижении успеха в новой учебной и социальной действительности; повышение усвояемости учебного материала, объём и уровень сложности которого возрос по

сравнению с предыдущими образовательными реалиями; стимуляция дальнейшего развития за счет постоянной обратной связи, визуализации целей, прогресса, а также постановки новых интересных задач [10].

Геймификация может помочь первокурсникам легче воспринимать увеличенные по длительности и объёму информации занятия, учиться более длительным образом держать концентрацию внимания. Кроме того, элементы геймификации учат студентов постоянному вовлечению в учебный процесс, которое выражается в активности на занятиях, что повышает усвоение материала. К тому же использование элементов геймификации позволяет дифференцировать долгосрочные, неясные и краткосрочные, понятные цели, от которых зависит длительность и сила образовательной мотивации как на первом курсе, так и в последующие годы обучения.

Геймифицированные образовательные элементы позволяют установить соответствия между способностями учащегося и сложностью решаемых задач [7]. Это приводит к балансу «лёгкого» и «сложного» в образовании: студенту непросто выполнить задачу, но, завершив её, он чувствует свой рост и эмоциональное удовлетворение, что мотивирует его продолжать обучение даже в том случае, если оно вызывает некоторые трудности.

Внедрение геймификации как инструмента повышения мотивации и вовлечённости в образовательный процесс уже демонстрирует положительные результаты, однако, как и любое явление, геймификация в онлайн-образовании имеет негативные характеристики. Например, она может создавать иллюзию всегда лёгкого и приятного образования. В то время как главной целью игры является развлечение, в геймификации это всего лишь инструмент. Не рекомендуется строить весь образовательный процесс на геймификации с целью сделать его всегда лёгким, интересным и приятным для учащихся, ведь воспитательная функция обучения, выраженная в умении порой делать через «не хочу» и преодолевать себя, также является важной для жизни [4]. То же касается и адаптации: студенты должны уметь самостоятельно приспосабливаться к новой действительности, переживать негативные эмоции и справляться с трудностями. Это полезный навык в современном мире, который характеризуется как изменчивый, неопределённый, сложный и неоднозначный [11].

Ещё одним возможным негативным последствием активного внедрения геймификации будет нарушение принципа добровольности, что приведёт утрате интереса к игре и геймификации. Один из важнейших принципов геймификации – добровольность, то есть учащийся должен самостоятельно принимать решение о том, будет ли он накладывать игровые смыслы и инструменты на свою образовательную

деятельность. Однако в случае с повсеместным распространением геймификации в образовании учащиеся могут столкнуться с проблемой отсутствия выбора, то есть для завершения обучения они в обязательном порядке должны будут играть, что является нарушением принципа добровольности. Это может привести к тому, что учащиеся скорее будут воспринимать данную деятельность как работу, нежели как игру, и их уровень мотивации снова будет снижаться [7; 4]. В контексте адаптации к новой образовательной среде первокурсники могут чувствовать перегруженность из-за геймифицированных элементов и невозможности их избежать.

Негативным эффектом геймификации может стать и необходимость задействовать дополнительные ресурсы. Внедрение геймификации в офлайн и онлайн-проекты может повлечь за собой дополнительные трудозатраты со стороны учебных заведений и преподавателей. Под трудозатратами подразумевается время, уделяемое изучению постоянно возникающих элементов геймификации, а также время, затраченное непосредственно на разработку геймифицированных образовательных программ; финансовые ресурсы, необходимые для использования различных платформ и программ, позволяющих создавать необходимый контент, а также для оплаты дополнительного объема работ; желание и готовность, которая также должна присутствовать у субъектов образовательного процесса.

Подводя итоги, можно сказать, что целью геймификации как инструмента адаптации первокурсников является изменение привычного поведения аудитории, вовлечение её в новую действительность и деятельность и поддержание мотивации для достижения необходимых результатов [6]. Данный инструмент может сделать период академической адаптации более лёгким и интересным для самих студентов. Однако стоит помнить про недостатки геймификации, которые на месте решённых проблем могут создать новые.

Библиографические ссылки

1. *Салихова Н. Р., Фахрутдинова А. Р.* Трудности адаптации первокурсников к обучению в вузе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-adaptatsii-pervokursnikov-k-obucheniyu-v-vuze (дата обращения: 22.10.2025).

2. *Гаранина Р. М.* Адаптация первокурсника в образовательном пространстве вуза как один из факторов формирования его субъектной позиции // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-pervokursnika-v-obrazovatelnom-prostranstve-vuza-kak-odin-iz-faktorov-formirovaniya-ego-subektnoy-pozitsii/viewer (дата обращения: 22.10.2025).

3. *Корнеевец М. А., Филинская Л. В., Щелкова Т. В*. Особенности адаптации первокурсников к условиям обучения в белорусском государственном университете // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 3. С. 109–123. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/287901 (дата обращения: 22.10.2025).

4. *Гилязова О. С., Замощанская А. Н*. Игры и геймификация в образовании: проблема их соотношения в феноменологическом ракурсе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/32KLSK122.pdf (дата обращения: 22.10.2025).

5. *Гимельштейн Е. А., Годван Д. Ф, Стецкая Д. В*. Применение инструментов геймификации в образовании // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-instrumentov-geymifikatsii-v-obrazovanii/viewer (дата обращения: 22.10.2025).

6. *Орлова О. В., Титова В. Н*. Геймификация как способ организации обучения // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-sposob-organizatsii-obucheniya/viewer (дата обращения: 22.10.2025).

7. *Биджиева С. Х., Урусова Ф. А-А*. Геймификация образования: проблемы использования и перспективы развития // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-obrazovaniya-problemy-ispolzovaniya-i-perspektivy-razvitiya/viewer (дата обращения: 22.10.2025).

8. *Лобачева Н. А*. Концепция гейминга и её роль в образовательном дискурсе // Московский педагогический журнал. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-geyminga-i-eyo-rol-v-obrazovatelnom-diskurse (дата обращения: 22.10.2025).

9. *Гаврилова И. В*. Геймификация как средство повышения эффективности онлайн-курсов // Образование и проблемы развития общества. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-sredstvo-povysheniya-effektivnosti-onlayn-kursov/viewer (дата обращения: 22.10.2025).

10. *Коваль Н. Н*. Геймификация в образовании // Педагогическая наука и практика. 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obrazovanii-1/viewer (дата обращения: 22.10.2025).

11. *Рассказова О. А.* Конфликты поколений в современных организациях и пути их решения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-pokoleniy-v-sovremennyh-organizatsiyah-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 22.10.2025).

РАЗВИТИЕ SOFT SKILLS У СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКА ТРУДА

О. В. Назарова

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, info@a-m-s.by
Научный руководитель – А. А. Похомова, кандидат социологических наук, доцент

В статье рассматривается формирование soft skills как важнейший элемент конкурентоспособности сотрудников на рынке труда в эпоху цифровой экономики. Приводятся аргументы в пользу того, что soft skills являются наиболее востребованными у работодателей в настоящее время. Кроме того, определяется перечень наиболее важных soft skills для начинающих специалистов. Приводятся результаты исследований, подтверждающих мысль о том, что конкурентоспособными являются сотрудники, у которых, помимо профессиональных навыков, имеются хорошо развитые гибкие навыки.

Ключевые слова: soft skills; hard skills; гибкие навыки; студенты; рынок труда; конкурентоспособность; цифровые технологии; личностные компетенции.

Специалист обладает многими качествами, навыками и компетенциями, которые можно разделить на две категории: профессиональные и личностные. Профессиональные навыки, или hard skills, (узкоспециализированные профессиональные знания) связаны с основной деятельностью и могут быть объективно оценены. Это, например, знание языков, умение работать с программным обеспечением, вождение автомобиля или расчёты в бухгалтерии. Эти навыки формируются через обучение и практический опыт.

Личностные навыки, или soft skills (мягкие, гибкие навыки) – умения, которые помогают человеку взаимодействовать с окружающими, управлять собой и адаптироваться к переменам [1]. Их нельзя измерить в баллах или числах, но именно они могут стать залогом успеха в профессиональной карьере.

В современном мире насыщенном технологическими инновациями, цифровой трансформацией, автоматизацией труда, для обеспечения конкурентоспособности и успешной адаптации к изменяющимся требованиям рынка, активное развитие гибких навыков становится профессионально важным фактором. В силу этого, значимость развития личностных навыков у студентов учреждений высшего образования в контексте цифрового общества становится все более очевидной. Soft skills представляют собой навыки личной и социальной природы, которые помогают студентам успешно учиться, общаться и преуспевать в карьере [2, с. 12].

Исследование LinkedIn Learning показало, что 92 % работодателей считают soft skills не менее важными, чем hard skills [3]. Согласно полученным данным, 57 % руководителей считают soft skills более ценными, чем hard skills; а, по мнению 89 % рекрутеров, кандидаты часто не проходят испытания из-за нехватки именно этих навыков. Например, сложности в коммуникации могут вызвать недопонимания в команде, ошибки в выполнении задач или даже потерю важных клиентов, а сотрудники с развитыми soft skills продвигаются по службе быстрее, чем их коллеги. Тем не менее, результаты исследования демонстрируют тревожную ситуацию: значительная часть студентов завершает обучение в высшей школе, не обладая достаточными гибкими навыками, что затрудняет для них поиск работы и карьерный рост.

В отчете Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест», в котором исследуют влияние технологических изменений, автоматизации и цифровизации на рабочие места, в 2023 году в первую пятерку самых важных профессиональных навыков вошли гибкие навыки [4]. В десятке есть только один пункт, связанный с технологиями – технологическая грамотность. Этот факт указывает на растущую значимость мягких навыков, связанных с творческим мышлением, способностью эффективно общаться, анализировать информацию, критически мыслить и др. Кроме того, развитие soft skills дает огромное преимущество компаниям в долгосрочной перспективе. Согласно данному отчету Всемирного экономического форума, в 2025 году каждый второй сотрудник будет нуждаться в переквалификации, и большая часть этой переквалификации коснётся именно гибких навыков. Те компании, которые уже сегодня инвестируют в развитие своих команд, создают не просто сильные рабочие группы, но и настоящую среду доверия, креатива и сотрудничества. Это привлекает талантливых людей и помогает удержать тех, кто уже работает.

Результаты, представленные в вышеописанных исследованиях, подтверждают важность развития гибких навыков для быстрой карьеры и достижения успеха в рабочей среде. Анализ зарубежных обзоров рынка труда позволил выделить семь основных soft skills востребованных среди работодателей [4; 5]: умение решать проблемы; креативность; умение грамотно выстраивать коммуникацию; управление временем; управление стрессом; умение работать в команде; критическое мышление.

Умение решать проблемы

Мыслить логически и критически для решения реальных бизнес-задач крайне важно в нашем сложном, постоянно меняющемся мире. Компаниям необходимо постоянно совершенствовать продукты и услуги, чтобы оставаться конкурентоспособными. Для этого им нужны сотрудники, способные задавать правильные вопросы и находить

решение проблемы. Навык решения сложных задач связан с усложнением технологий, самой среды, ростом ее разнообразия, большим объемом информации, глобализацией рабочих мест.

Креативность

Умение мыслить по-новому для решения проблем –важный навык, так как компьютеры, не способны на такой же уровень креативности, как люди. Любопытство и воображение, креативное мышление стимулируют инновации и играют ключевую роль в нестандартном решении проблем.

Умение грамотно выстраивать коммуникацию

Умение эффективно общаться – ключевой элемент построения профессиональных отношений, будь то с коллегами по команде, руководителями, или клиентами. Популярность коммуникативных навыков можно объяснить появлением большого числа каналов коммуникации, возникшим благодаря цифровым технологиям. Опыт работы с представителями различных культур будет способствовать развитию навыков коммуникации, а понимание культурных особенностей позволит комфортно работать в самых разных условиях, в том числе в других странах и регионах. Открытое, глобальное мышление востребовано международными компаниями.

Управление временем (time-management)

Ценность умения эффективно управлять своим временем и быть организованным не всегда в полной мере осознается студентами. Правильно расставлять приоритеты, балансировать между задачами, выполнять работу в установленные сроки и работать эффективнее – важнейший навык, который позволяет выполнять больше задач за меньший период времени, помогая снизить стресс и поддерживать баланс между работой и личной жизнью. Проектная работа и удаленный формат работы требуют хорошо развитого тайм-менеджмента.

Управление стрессом (стресс-менеджмент)

Стресс – это реальность современной жизни, а управление стрессом – один из ключевых навыков для раскрытия потенциала человека. Понимание причин стресса и использование методов преодоления стресса позволяет повысить продуктивность работы и качество жизни.

Умение работать в команде

Динамичность рынка труда детерминирует необходимость формирования умения сотрудничать и адаптироваться в новой команде, к быстро меняющейся рабочей среде, работать с людьми, использовать уникальные сильные стороны каждого члена команды.

Критическое мышление

Данный гибкий навык является важнейшим soft skill для студентов, поскольку позволяет анализировать информацию, решать сложные задачи, принимать обоснованные решения и успешно справляться с учебой. Этот навык помогает не просто запоминать факты, а глубоко понимать материал, проверять предположения, оценивать доказательства и делать собственные выводы.

Наличие широкого набора основных гибких навыков поможет выпускникам выделиться среди других кандидатов на протяжении всей профессиональной карьеры и адаптироваться к новым методам работы в будущем.

В эпоху цифровой экономики, где процессы все больше автоматизируются и переносятся в онлайн-среду, развитие soft skills становится ключевым фактором успешной адаптации и профессионального роста. Гибкие навыки, такие как коммуникация, умение работать в команде, критическое мышление и креативность, оказываются востребованными в сферах, где человеческое вмешательство и принятие решений остаются необходимыми. Чем глубже технологии интегрируются в нашу жизнь и выполняют рутинные задачи, тем более ценными становятся люди, обладающие развитыми soft skills. Такие навыки не только дополняют hard skills, но и помогают работникам достигать лучших результатов в профессиональной деятельности.

Таким образом, интеграция обучения soft skills в учебные планы не только усиливает профессиональную подготовку студентов, но и обеспечивает им конкурентное преимущество на рынке труда. Студенты, обладающие как профессиональными, так и гибкими навыками, готовы эффективно взаимодействовать с современными технологиями и принимать активное участие в формировании и развитии цифрового общества.

Библиографические ссылки

1. Исследование РБК. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523 (дата обращения: 15.09.2025).

2. *Гостева Л. З.* Развитость soft skills как важнейший элемент трудовой конкурентоспособности студентов в век цифровизации // Вестник АмГУ. 2024. № 104. С. 83–85.

3. Исследование Linkedin. URL: https://learning.linkedin.com/resources/workplace-learning-report-2024/ (дата обращения: 08.07.2025).

4. Review World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2025.pdf (date of access: 15.06.2025).

5. Review Center for Curriculum Redesign. URL: https://curriculumredesign.org/wp-content/uploads/CCRFoundationalPaper-rev2 – Oct.-2025.pdf (date of access: 28.03.2025).

6. *Atolagbe S., Yan B.* Soft Skills Training: A Significant Tool for Future Achievement in Higher Education // Journal of Educational Theory and Management. 2022. No 6 (1).

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЕГАПОЛИСАХ РОССИИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Ю. Петряева

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, petryaevaeyu@mgpu.ru

Статья посвящена исследованию феномена альтернативного школьного образования в российских мегаполисах. На основе изучения 665 проектов и интервью с экспертами выявлены исторические, правовые и педагогические аспекты его развития. Исследование показывает, что мегаполисы с их концентрацией ресурсов и человеческого капитала выступают «лабораториями» образовательных инноваций. Определены ключевые типы проектов (программные школы, семейные школы, А-проекты) и факторы, стимулирующие их рост, такие как родительские инициативы и поиск новых ценностей. Проект выполнен при поддержке финансовой РНФ (проект № 23–28–00159).

Ключевые слова: альтернативное образование; семейное образование; семейные школы; Монтессори; А-проекты.

Сегодня 55,3 % населения мира проживает в городах. На долю крупнейших городов России приходится 33,2 млн человек, что составляет 32,5 % городских жителей и 22,6 % всех жителей России [1, с. 26–27]. Мегаполисы, концентрируя значительную часть населения, создают уникальные условия для возникновения и развития альтернативных образовательных проектов. Высокая плотность населения, разнообразие трудовых ресурсов, доступ к знаниям и капиталу, а также развитая цифровая инфраструктура способствуют появлению инновационных педагогических практик. В крупных городах семьи обладают большими возможностями для реализации индивидуальных образовательных траекторий, что стимулирует спрос на негосударственные формы обучения, такие как семейные школы, онлайн-платформы и смешанные форматы.

Альтернативное образование играет ключевую роль в сохранении вариативности и многообразия образовательных подходов, особенно в условиях стандартизации государственной системы. «Чтобы были возможны кардинальные, «взрывные» инновации в социокультурной системе, не должно быть все идеально подогнано, напротив, должен быть некий задел того, что не вписывается в отработанные программы жизнедеятельности, нечто странное, неактуальное, избыточное. Это и есть внутреннее многообразие системы, которое является её «запасом прочности» [2, с. 284]. Как отмечают эксперты, именно альтернативные проекты становятся «запасом прочности» системы, обеспечивая

возможность инноваций и адаптации к изменяющимся социальным условиям.

Интерес к альтернативному образованию – глобальный тренд, который наблюдается и в странах Запада (США, Австралия, Новая Зеландия и др.), и в странах Мирового большинства (Китай, Турция, Израиль и др.). Альтернативные формы обучения рассматриваются как ответ на вызовы цифровизации, индивидуализации и роста родительских ожиданий.

Цель исследования – комплексное изучение альтернативного школьного образования в российских мегаполисах, включая его исторические корни, правовые основы, педагогические концепции и роль городской среды в его развитии, для определения потенциала таких инициатив в обновлении современной образовательной системы.

В ходе исследования альтернативного образования в России был применён комплексный подход, сочетающий различные методы сбора и анализа данных: поиск и анализ научной литературы по теме в научных репозиториях (Lens.org, Consensus.app, цифровая библиотека ЮНЕСКО) и российские ресурсы (eLibrary.ru), сбор и анализ данных об 665 альтернативных образовательных проектах, из них в Москве (322 проекта), Санкт-Петербурге (183), Екатеринбурге (57), Новосибирске (52) и Казани (51), глубинные интервью с руководителями проектов и с экспертами в области альтернативного образования (лидеры общественно-педагогических движений, родительских сообществ и т. д.), фокус-группы с участием представителей научного и педагогического сообществ, анализ официальных и сетевых ресурсов последователей разных педагогических концепций в России, анализ данных форм федерального статистического наблюдения № ОО-1.

В исследовании под альтернативным образованием понимается совокупность образовательных практик, отличающихся от общепринятого, официально установленного образования, и общественное движение, отрицающее формальное школьное образование [3; 4].

Ключевые выводы исследования

В России каждый имеет право на образование и может выбрать подходящую форму образования и обучения. Это закреплено в статье 43 Конституции РФ и статье 17 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации».

Согласно закону, образование можно получить в школах и других учебных заведениях (очно, очно-заочно, заочно), вне школ и учебных заведений (семейное образование, самообразование). Можно сочетать

разные формы – например, часть предметов изучать в школе, а другие – дома.

Исследование показало, что в практической деятельности заочное, очно-заочное и семейное образование (самообразование) относят к альтернативным гибким формам обучения. Несмотря на различия в степени автономности от школы, дети, выбравшие эти формы, учатся по схожим принципам: гибкий график, дистанционная поддержка, периодическая аттестация.

Спрос семей на получение школьного образования в очно-заочной, заочной формах и форме семейного образования в России увеличился после пандемии и сохранился даже при отсутствии необходимости в самоизоляции. В период 2016–2023 годов численность обучающихся в форме семейного образования увеличилась в 11,2 раза; в заочном обучении отмечено увеличение количества обучающихся в 32,8 раза; число обучающихся очно-заочно снизилось в 2017 году, а затем постепенно возросло в 13 раз [5].

Однако распространение выбора семьями очно-заочного, заочного обучения и обучения в форме семейного образования или самообразования в субъектах РФ неравномерно.

В больших городах России с конца XX века появилось множество разных проектов родителей для обучения детей вне школьной системы или в сочетании с ней: семейные школы; клубы, классы и сообщества, ориентированные на индивидуальные потребности ребёнка при подготовке к аттестациям. Условно в исследовании мы их назвали семейные образовательные инициативы и выделили три типа проектов: программные школы, семейные школы и А-проекты.

Программные школы (проекты с признанной дидактической системой) – это образовательные проекты, построенные на основе устоявшихся педагогических систем (Монтессори, Вальдорф, Русская классическая школа, развивающее обучение Эльконина-Давыдова и др.). Их ключевая особенность – наличие чёткой, методологически выверенной программы, определяющей содержание и траекторию обучения [6].

Семейная школа не является организацией (частной школой), где есть клиенты и те, кто оказывает услуги. Это родительская кооперация, объединившая ресурсы для образования своих детей. Это не авторская школа с заранее заложенной создателями идеей актуальных участников. Это эволюционирующая совокупность идей активных участников сообщества. Каждый участник сообщества имеет возможность привносить свои идеи и обеспечивать их реализацию. Часть участников сообщества вкладывает в работу сообщества своё время, навыки и социальный капитал, часть – деньги и (или) имущество.

А-проекты представляют собой инновационные образовательные сообщества, где акцент смещён с передачи академических знаний на развитие личностной субъектности и жизнетворчества. Это наиболее радикальная форма альтернативного образования, ставящая своей целью помочь детям быть авторами собственной жизни [7].

В ходе исследования было установлено, что современное альтернативное образование претерпело значительные изменения по сравнению с его формами конца XX века. А именно:

– *формирование новых ценностей*. Родители стали придавать значение не только оценкам, но и психологическому комфорту, развитию индивидуальности ребёнка;

– *смешение методик*. Альтернативное образование в России сегодня – это пёстрая мозаика подходов, объединяющая как западные, так и советские педагогические традиции, а также новые методики, отвечающие запросам времени. Альтернативные проекты свободно комбинируют разные подходы – от вальдорфской педагогики до цифрового обучения, создавая свои гибридные концепции или авторские программы. Такой синтез становится нормой, а не экспериментальным исключением [8];

– *активное использование технологий в обучении*. Применяются игровые методики, нейропсихология, онлайн-форматы;

– *рост количества возможностей*. Появились семейные школы и другие семейные инициативы, существенно расширился спектр дополнительного и онлайн-образования, репетиторства, просветительских проектов, конкурсов и олимпиад. Повысилась доступность образовательных ресурсов – от видеолекций до научно-практических лабораторий и интерактивных музеев, что обеспечивает вариативность образовательных траекторий учащихся;

– *повышение роли родителей*. Семьи стали активнее участвовать в обучении детей: реализуют свои образовательные инициативы, выбирают нестандартные форматы.

Альтернативное образование – феномен мегаполисов. Исследование позволило выделить пять характеристик больших городов, способствующих его развитию:

1. концентрация человеческого капитала. В крупных городах сосредоточены высококвалифицированные специалисты из разных сфер, что создаёт благоприятную среду для развития инноваций в образовании;

2. высокая конкуренция на рынке труда. Жёсткая конкуренция мотивирует родителей искать для детей более эффективные и нестандартные образовательные подходы;

3. культурное разнообразие. Многообразие культур в мегаполисах формирует спрос на образовательные модели, учитывающие особенности разных групп;

4. высокий уровень доходов. Финансовые возможности городских жителей позволяют инвестировать в альтернативное образование;

5. критическая масса потенциальных учащихся.

Если рассматривать весь перечень стимулирующих развитие альтернативного образования факторов в мегаполисах, то одним из основных называется переполненность общеобразовательных школ. Однако эту проблему нельзя назвать универсальной для всех больших городов. К примеру, в интервью с директорами московских и питерских школ эта тема даже не поднимается. Но для таких городов, как Екатеринбург и Казань, она является острой.

Среди факторов, стимулирующих развитие альтернативного образования в крупнейших городах, респонденты назвали родительский фактор [9].

Кроме того, среди стимулирующих факторов зафиксирована смена технологических укладов и, как следствие, необходимость поиска новых способов обучения, формирования новых ценностей взрослого мира.

В мегаполисах есть и формирующие альтернативное образование факторы. Первый формирующий фактор – стиль жизни горожан. Здесь можно выделить две стратегии: стратегию All inclusive для занятых родителей и стратегию для ценителей образования.

Второй формирующий фактор – увеличение количества детей с разными особенностями здоровья и способностями.

Сложная транспортная система и логистическая составляющая зачастую являются ограничивающими альтернативное образование факторами. Особенно громко эта проблема звучит в интервью с руководителями образовательных проектов г. Москвы [10].

Городская среда предоставляет разнообразные возможности для развития альтернативного образования, сочетая традиционные и инновационные форматы. Основные элементы этой инфраструктуры включают: государственные и частные школы, дистанционные школы и платформы, аттестационные агенты и центры, семейные инициативы и микрошколы. Они связаны общими целями: обеспечить легальность обучения; предоставить гибкие форматы; максимально адаптироваться к запросам семей. Это позволяет выбирать индивидуальные траектории, сочетая преимущества системы и свободу альтернативных методов.

Библиографические ссылки

1. Урбанистика. Городская экономика, развитие и управление: учебник для вузов / Э. Л. Лимонов [и др.]. М.: Юрайт, 2020.

2. *Тендрякова М. В*. Многообразие типичного. Очерки культурно-исторической психологии народов. М.: ЯСК, 2020.

3. UNESCO Thesaurus. URL: https://vocabularies.unesco.org/browser/thesaurus/es/page/?clang=ru&uri=http %3A %2F %2Fvocabularies.unesco.org %2Fthesaurus %2Fconcept2107 (date of access: 04.10.2025).

4. *Петряева Е. Ю*. Альтернативное школьное образование: подходы к определению понятия // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 12. С. 131–138. DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2023.12.18.

5. *Петряева Е. Ю., Суменкова Ю. И., Федоровская М. Н., Козинченко И. В*. Проблемы статистического учёта заочного, очно-заочного и семейного образования в России // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 4. С. 4. URL: https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1668/1033 (дата обращения: 04.10.2025).

6. *Петряева Е. Ю., Домрачева С. Н*. Альтернативное образование в мегаполисах России // Перспективы науки и образования. 2024. № 4 (70). С. 758–773. DOI: 10.32744/pse.2024.4.46.

7. А-проекты как практика альтернативного образования: к уточнению феномена / Е. Ю. Петряева [и др.] // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2025. Т. 19, № 1. С. 58–75. DOI: https://doi.org/10.24412/2076-9121-2025-1-58-75.

8. *Петряева Е. Ю., Водолазов Д. М*. Педагогические концепции альтернативного образования и семейных образовательных инициатив в России // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2025. № 1–2. С. 107–113

9. Исследование получения школьного образования в форме семейного образования в большом городе / под ред. С. Н. Вачковой, Е. Ю. Петряевой. М.: Грин Принт, 2022.

10. *Петряева Е. Ю., Истомина А. Г*. Большой город как предпосылка развития альтернативного школьного образования // Развитие образования. 2023. Т. 6, № 4. С. 37–42. URL: https://phsreda.com/e-articles/10544/Action-10544_659fd1b567872.pdf (дата обращения: 04.10.2025).

НАУКА И ИСКУССТВО: НОВЫЕ ФОРМЫ ГОРОДСКИХ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Е. Н. Рассолова

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия, enrassolova@gmail.com

В данной статье рассматриваются различные аспекты взаимодействий между научными сообществами, гражданскими инициативами и арт-проектами в городской среде. Анализируются примеры проектов из сферы сайнс-арта и гражданской науки и в их взаимодействии с различными акторами, которые способствуют развитию научно-исследовательского потенциала горожан и их вовлеченности в научно-инновационную деятельность. Внимание уделено вопросам научной коммуникации, популяризации науки как формам гражданского участия. Данный текст ставит задачу выявить как совмещение практик сайнс-арта и гражданской науки способно трансформировать структуру научных коммуникаций в городах, а также повысить вовлеченность граждан в городские процессы и актуализировать роль науки на локальном уровне.

Ключевые слова: научная коммуникация; городская среда; научное сообщество; наука; гражданская наука; сайнс-арт.

Современные города представляют собой гибкие гибридные пространства, где ежесекундно происходят множественные взаимодействия между различными акторами. Рассматривать их в комплексности – достаточно трудоемкая задача, которая будет иметь множество ограничений. Для удобства исследователи анализируют каждый аспект жизни города по отдельности, позволяя словно в микроскопе разглядеть тончайшие нюансы городского фрагмента.

Хотя вопросами социологии города занимались многие авторы, наиболее известными традициями в этом поле можно считать чикагскую школу (Л. Вирт, Э. Берджесс, У. Томас, Р. Парк и др), которая также была известна как чикагская школа человеческой экологии, а также французскую концепцию А. Лефевра «право на город» [1; 2]. Но это лишь небольшая часть существующих городских теорий, которые могут применяться для анализа различных аспектов жизни города. Город – это взаимодействие, коммуникации, которые обеспечивают циркуляцию внутренних процессов. В этом контексте наиболее рациональным представляется обращение к вопросу партисипативного участия горожан.

Участие горожан представляет собой вовлеченность жителей города в развитие городской среды и реализацию проектов по благоустройству [3]. В классическом варианте оно приобретает формы отклика на предложения органов власти на изменения в городском

пространстве: голосования, собрания, участие в работах по благоустройству, иногда – протестные виды (акции, обращения в городскую администрацию с предложением пересмотра решения). Вместе с тем с развитием культуры городов и ростом самосознания граждан появилась форма партисипативного участия, которая предложила новый вид взаимодействия с «активным горожанином», который предпочитает самостоятельно решать вопросы. Партисипативное участие как концепция появилась в 1970-е гг. как ответ на рост демократических настроений. Оно связано с работой автора К. Пейтмэн «Участие и демократическая теория», которая вышла в свет в 1970 году [4]. Это привело к пересмотру баланса сил в городе и активизации новых форм взаимодействия, когда город, власть и горожанин стали занимать равное положение. Механизмы соучаствующего проектирования привели к росту гражданских инициатив и активизации городского сообщества. Если в вопросах застройки новых районов, уровня шума и сохранения зеленых зон эти формы носят уже привычный характер, то как же дело может обстоять с такой частью, как научное и культурное просвещение в городе?

В классических работах научное сообщество редко рассматривается в локальном аспекте, с привязкой к конкретному географическому пространству. Большое количество исследований посвящено различным процессам, происходящим внутри этих сообществ и объединений, подчеркивая особый статус науки со своими атрибутами [5; 6; 7]. Функционирование научного сообщества обеспечивается внутренней научной коммуникацией, обеспечивающей производство научного знания. Вместе с тем перебалансировка сил в этом аспекте привела к расширению доступа к исследовательской деятельности, которая допустила появление новых форм взаимодействия с внешними акторами по отношению к научному сообществу. Одним из таких каналов стала внешняя научная коммуникация, которая приобрела форму популяризации науки. Остановимся на данном аспекте подробнее [8]. Научная коммуникация – процесс продвижения и распространения научных идей внутри научного сообщества и за его пределами [9]. В контексте популярной науки как формы внешней научной коммуникации необходимо обратиться к концептуальной модели М. Букки и Б. Тренча [10]. Данная модель рассматривает каналы доступа общественности к научной информации в различных пропорциях. Можно выделить модели «дефицита», «диалога». В первой модели общественность рассматривается как пассивный потребитель информации, во второй – как равный участник, который может влиять на конечную форму представления научного знания. С этим вариантом связана форма гражданской науки, которая предложила горожанину

стать (со)автором научного исследования и помощником ученого. Гражданская наука (еще встречаются варианты – любительская наука, научное волонтерство) – форма участия общественности в производстве научного знания на добровольных началах [11]. Данная социальная практика получила большее распространение с середины 1990-гг, когда Интернет стал наиболее массовым явлением. Проект Seti@home (расшифровка названия и перевод – «Поиск внеземного разума») служит классическим примером международного участия общественности в научном исследовании [12]. В большинстве проектов гражданской науки авторами исследований выступают именно ученые (как профессионалы), в то время как граждане выполняют роль их общественных ассистентов. Их участие может сводится только к обработке данных, сбору информации и каким-то небольшим операциям, в то же время их функционал может быть значительно расширен, когда любители становятся практически равноправными участниками исследовательского процесса. Несмотря на свой характер как интеллектуального досуга, потенциал в решении ряда городских вопросов гражданской науки невероятно высок [13]. В данном контексте гражданская наука является отражением активной внешней коммуникации с двухсторонней связью равных участников. В контексте урбанистики научное волонтерство служит не только формой сбора данных о городе, но и способом «мягкого» решения городских вопросов. Например, в Барселоне горожане инициировали собственное исследование уровня шумового загрязнения, заручившись поддержкой научного сообщества. Данные оказались достаточно убедительными, что повлияло на итоговое решение вопроса о снижении уровня городского шума [14]. Силен потенциал гражданской науки в таких сферах как экология, астрономия и многие другие области научного знания, что позволяет активизировать вовлеченность граждан и повысить интерес к научным исследованиям.

Если любительская наука актуализирует роль науки и позволяет «прочувствовать» эксперимент на практике, может способствовать одной из форм профессиональной ориентации для подрастающего поколения, то искусство предлагает еще один способ знакомства с наукой. В данном случае речь идет о современном искусстве с его интерактивными формами в виде инсталляций и перформанса. Хотя данный текст не ставит перед собой задачу дать развернутый теоретический обзор по теме взаимодействия науки и искусства, однако это аспект представляется значимым в контексте научной коммуникации. Представляет особый интерес подвид современного искусства – сайнс-арт (наукообразное искусство), которое в российской практике представляет собой форму искусства, а за рубежом может

рассматриваться и как наука и как искусство [15]. Сайнс-арт актуализирует научное открытие, служит отражением реальности при помощи синтеза средств искусства, науки и технологий. Для граждан она служит формой привлечения внимания к той или иной научной проблеме при помощи выразительных средств. Сайнс-арт в урбанистике не так широко представлен как, например, биоарт (проекты Стелларка), техно-арт, нано-арт, однако имеющиеся проекты доказывают высокую значимость сайнс-арта как формы научной коммуникации. Классическим примером этого направления можно считать кейс с вязом во французском городе Бискаррос. Данное дерево было частью городского пространство, его символом и одним из локальных кодов и смыслов. Столетиями вяз был объектом социально-культурных практик и ритуалов, его образ встречался в песнях трубадуров средневековья, горожане связывали свои надежды с этим деревом, которое было очевидцем множества историческим событий. Для Бискарроса вяз был центром притяжения для местного сообщества. В какой-то момент дерево заболело и практически погибло (графиоз), что стало причиной культурной травмы для горожан. Для увековечивания памяти вяза пригласили сайнс-художницу Ольгу Киселеву, чтобы она сделала скульптуру из этого дерева. Однако при работе с этим материалом художница обнаружила оставшиеся ростки и объединилась в команду с учеными-ботаниками, с которыми обнаружила, что при скрещивании французского вяза с сибирским образуется устойчивая к графиозу порода с единственным отличием в виде цветения. Принятое решение привело к формированию инсталляции в виде капсулы на момент роста нового дерева. По мере роста вяза происходило постепенное исцеление коллективной травмы местного сообщества, которому «вернули» их дерево [17, с. 54].

Таким образом, сайнс-арт и гражданская наука могут рассматриваться как формы городских научных коммуникаций, связывающих научное и городское сообщество между собой. Данное сотрудничество позволяет находить новые способы решения городских проблем, используя потенциал науки и городского активизма. Вместе с тем, включение в это взаимодействие компонента сайнс-арта приводит не только к актуализации проблем и состояний, но и появлению новых городских объектов, повышающих интерес к теме научных исследований. В целом, сайнс-арт может служить первой ступенью, «воротами» в научной коммуникации, показывая возможные варианты ознакомления, в то время как гражданская наука более глубоко погружает в это направление и может служить формой не только распространения научной идеи, но и вариантом профориентации научной профессии (как вид профессиональной пробы).

Библиографические ссылки

1. *Попова М. Е*. Чикагская школа в социологии // Российское общество: история и современность. 2015. № 9. С. 100–104.

2. *Вершинина И. А.* Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48–60.

3. *Черемисин В. В., Томилин В. Ф*. Потенциал участия горожан в формировании городской среды // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9. С. 101–112.

4. *Петрович М. В*. Партисипативная модель в современном управлении: методология и практика // Экономика и управление. 2016. № 10 (132). С. 51–56.

5. *Денисов С. Ф., Денисова Л. В*. Научное сообщество и его формы (часть 1) //Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 2. С. 30–33.

6. *Артемьева О. А*. Научное сообщество как субъект научной деятельности //Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 95–103.

7. *Романов Д. А*. Интегрированность научного работника в научное сообщество: модели и критерии оценки // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2016. № 16. С. 99–108.

8. *Макарова Е. Е*. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 98–104.

9. *Медведева С. М*. Научная коммуникация в современном мире: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО университета. 2014. № 2 (35). С. 253–255.

10. *Цуркан Е. Г*. Модели коммуникации науки в обществе: дефицит, диалог, участие // Epistemology & Philosophy of Science. 2025. Т. 62. № 2. С. 19–31.

11. *Масланов Е. В., Долматов А. В*. Гражданская наука-наука как призвание //Epistemology & Philosophy of Science. 2019. Т. 56. № 3. С. 40–44.

12. *Бусыгина Т. В*. Анализ литературы по проблеме «гражданская наука» на основе базы данных Scopus // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 4. – С. 169–201.

13. *Рассолова Е. Н., Галкин К. А.* Современное развитие гражданской науки. Анализ успешных практик // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48. № 2. С. 255–263.

14. *Рассолова Е. Н., Галкин К. А.* Стратегии взаимодействия между профессиональной и гражданской наукой // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11. № 1 (41). С. 115–125.

15. *Замков А. В*. Сайнс-арт как медиамодель возможного будущего // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 213–234.

16. *Halpern M. K*. Across the Great Divide: Boundaries and Boundary Objects in Art and Science // Public Understanding of Science. 2012. Vol. 21. No 8. P. 922–937.

17. *Фадеева Т. Е., Старусева-Першеева А. Д., Давыдов Д. Г*. Сайнс-арт как импульс к развитию высокотехнологичных городов // Городская среда и городское развитие. 2020.

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ЗА ВОРОТАМИ ДРЕВНЕГО МЕНСКА» КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ (НА ОСНОВЕ ОПЫТА РАБОТЫ)

О. Э. Свидинский

ГУО «Гимназия № 8 г. Минска»,
Минск, Беларусь, sw1066@mail.ru

В статье рассматривается тема создания и внедрения образовательных проектов как одного из факторов инновационного развития городской среды на примере историко-социологического проекта «За воротами древнего Менска», посвященного последовательному изучению развития белорусской столицы с XI века и до настоящего времени. Приведены примеры составляющих проекта, охарактеризованы их тематика и направленность, описаны возрастные особенности участников, реализующих компоненты проекта.

Ключевые слова: авторский проект «Интернет-лаборатория "КЛИО": Клуб любителей истории Отечества»; мини-проекты и их тематика; возрастные особенности учащихся; исследовательские направления.

Рассматривая реализуемые в учебных заведениях тематические образовательные проекты как один из факторов инновационного развития городской среды, можно отметить их значение как в повышении культурного уровня юных жителей нашего города – через развитие их человеческого капитала, так и в социальной адаптации при вступлении во взрослую жизнь.

Остановимся более подробно на авторском проекте «Интернет-лаборатория «КЛИО»: Клуб любителей истории Отечества» (далее – «Клио»), уже более пятнадцати лет реализуемом на различных уровнях образовательного пространства нашей республики.

Его осуществление проходит в двух основных направлениях, первое из которых включает в себя разработку и проведение интернет– или дистанционных конкурсов различной тематической направленности.

Вторым направлением реализации «Клио» является создание на основе информационно-иллюстративных материалов уже проведенных конкурсов различных тематических проектов, одним из которых является многолетний историко-социологический проект «За воротами древнего Менска» (далее – проект «Менск»).

Посвященный последовательному изучению развития белорусской столицы с XI века и по настоящее время, проект объединил в едином информационном пространстве все заинтересованные стороны: учащихся V–IX классов, их законных представителей, учителей-

предметников и членов ряда общественных объединений. Следует отметить, что составляющие проекта «Менск», названые организаторами «мини-проектами», напрямую связаны с такими учебными предметами, как «История Беларуси», «География Беларуси» и «Обществоведение», и посвящены конкретному историческому периоду, изучаемому учащимися в рамках учебной программы.

Но если для учащихся V–VI классов работа над такими тематическими мини-проектами в основном носит поисковый характер и предлагает использование различных источников информации, то начиная с VII класса работы участников проекта «Менск» начинают включать в себя все большее число исследовательских аспектов, что напрямую связано с возрастными особенностями учеников.

Сам проект «Менск» состоит из двух основных блоков и направлен на всестороннее изучение города и городской среды, в которых живут не только сами учащиеся, но и их семьи, а также их друзья и знакомые.

Первая часть проекта, названная «История», состоит из тематических мини-проектов, раскрывающих городскую историю в соответствии с изучаемыми периодами по учебному курсу «История Беларуси». И если в V классе тематика мини-проектов посвящена самым значимым и узнаваемым местам нашего города, то начиная с VI класса, она становится более узкотематической и приближенной к учебному предмету «История Беларуси».

Например, при изучении верований древних славян создаются мини-проекты «Минское капище» и «Легенда о Старце», при работе над которыми учащиеся обязательно посещают расположенный в Первомайском районе белорусской столицы Музей валунов.

При изучении повседневной жизни наших предков, в том числе и на примере занятий жителей древнего Менска, разрабатываются сразу нескольких мини-проектов, среди которых «Глиняное чудо, или Один день с гончарами» и «Загадочный кузнец, или История менского мастера». Здесь учащиеся посещают уже мастер-классы современных мастеров гончарного и кузнечного дела.

Ученики отмечают, что подобный подход помогает им не только значительно повысить личный интеллектуальный уровень благодаря приобретению дополнительных знаний по истории родного города, но и одновременно быть более успешными как в учебных занятиях, так и в социальной среде, как в учебном заведении, так и вне его стен.

По мере взросления и, соответственно, перехода в новые классы, расширяется и усложняется не только сама тематика мини-проектов, но и формы работы по их созданию, в которых поисковый характер все чаще уступает место исследовательскому. Так, при создании мини-проекта «Мой выбор, выбор моего поколения», посвященного факторам,

влияющим на выбор старшеклассниками будущей профессии, авторы проекта (IX класс) провели анкетирование 281 учащегося и 59 их законных представителей. Позже это проект стал основой для успешного участия его авторов сначала в районной (I место), а затем и в городской конференции учащихся (II место).

Кроме того, при реализации проекта «Менск» в старших классах претерпевают изменения и компоненты взаимодействия «учитель–ученик». Так, если в V–VII классах тематика мини-проектов в основном предлагается учителем с небольшими корректировками в процессе их реализации, то в IX–X темы таких проектов чаще формулируются самими учащимися, исходя из их интересов и возможностей для реализации.

Также идёт повышение уровня требований и к самим участникам, создающим мини-проекты, которые нередко выходят за рамки учебных программ. Так, по просьбе учащихся был разработан и реализован курс «Количественные и качественные исследования», состоящий из девяти занятий и включивший в себя как теоретические, так и практические компоненты. Как показало время, прохождение этого курса не только позволило учащимся успешно реализовать целый ряд проектов, среди которых такие значимые, как «Транспортная сеть моего города: плюсы и минусы» и «Анализ возможных опасных ситуаций на улице и в сети Интернет», но и повысить уровень своих знаний. Полученные знания были закреплены в практической деятельности – при разработке и проведении анкетирования и тематических опросов с последующим всесторонним анализом полученных результатов.

Отметим, что часть составляющих вышеназванных проектов осуществлялась при участии законных представителей учащихся – профессиональных маркетологов и социологов.

С 2012 года одним из компонентов проекта «Клио» является направление «Юный огнеборец», направленное на повышение у учащихся уровня базовых знаний о действиях при возникновении чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) природного, техногенного и экологического характера. И если в V–VII классах эти мероприятия имеют формат тематических дистанционных конкурсов и внеклассных мероприятий, то с VIII класса, помимо прохождения базового блока мероприятий, у учащихся появляется возможность участия в создании различных мини-проектов по тематике истории и деятельности подразделений Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь.

Такой подход при организации работы по тематике профилактики ЧС выводит участвующего в мероприятиях проекта «Клио» учащегося на более высокий уровень владения тематическими знаниями и

умениями. Об этом свидетельствуют как выборочные опросы и анкетирование учащихся, так и их участие в различных профилактических мероприятиях и конкурсах, проводящихся как в учебном заведении, так и на базе «Образовательного центра безопасности МЧС Республики Беларусь».

Повышенный интерес у учащихся VIII–IX классов вызывает направление, связанное с архитектурной составляющей различных эпох в истории белорусской столицы, отправной точкой которого стал проведенный в 2021 году совместно с ГУО «Минский городской институт развития образования» первый дистанционный конкурс «Архитектурное наследие Беларуси». Такой интерес к данной тематике объясняется их выбором будущей профессии и стремлением узнать, как можно больше о ней. Часть из них после окончания 9-го класса гимназии и успешного прохождения вступительных испытаний продолжает обучение уже в качестве студентов УО «Минский государственный колледж архитектуры и строительства».

Таким образом, будучи важной частью системы дополнительного образования, созданной в учебном заведении, многолетний проект «За воротами древнего Менска» эффективно решает многоуровневые задачи по повышению как интеллектуального, так и культурного уровня учащихся V–XI классов. Одновременно участие в проекте становится для подростка своего рода инструментом, освоение которого способствует более эффективному поиску решений и помогает успешнее адаптироваться к требованиям взрослой жизни.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И PR ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В. А. Степанов

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, stepanov.pressa@gmail.com

Внедрение сервисов генеративного ИИ – это аналог промышленной революции для креативных индустрий. ИИ должен удешевить производство и дистрибуцию контента, решить ряд сопутствующих проблем, таких, как информационная перегрузка аудитории, недостаточная персонализация рекламы и другие. Но массовизация любой технологии, как показал еще М. Маклюэн, неизбежно приводит к социальным трансформациям, что особенно заметно на уровне конкретной индустрии и ее стандартов. В данной работе мы рассмотрим изменения, которые переживают журналистика и PR под влиянием широкомасштабного использования ИИ-технологий.

Ключевые слова: генеративный ИИ; чат-боты; журналистика; медиаиндустрия.

По сравнению с другими отраслями темпы внедрения ИИ в журналистике и PR одни из самых высоких. Глобальный опрос KPMG показал, что 75 % представителей сферы медиа и коммуникаций используют для решения рабочих задач технологии ИИ [1].

С их помощью СМИ оптимизируют производственные процессы – вычитку текстов, перевод, транскрибирование, а также улучшают пользовательский опыт аудитории. Уже порядка 10–20 % интернет-пользователей сталкивались с созданными ИИ резюме статей, аудиоверсиями публикаций, чат-ботами [2]. Среди лучших кейсов медиаиндустрии в 2025 году – использование ИИ для анализа данных в расследованиях
Financial Times; улучшение рекламного таргетинга на портале AsiaOne, позволившее сократить 40 % штата отдела продаж; охват порталом Legit.ng малочисленных языков Нигерии и другие [3].

Но внимание общественности приковано к созданию контента с помощью ИИ. Публика воспринимает такие практики с осторожностью [2], опасаясь манипуляций, но экономические выгоды подталкивают редакции к экспериментам. Исследователи из США проанализировали 1,5 тыс. газет и пришли к выводу, что уже около 9 % статей написано с участием ИИ [4]. Это порождает курьезные ситуации: например, 10 из 15 книг, которые рекомендовала к прочтению газета Chicago Sun Times, оказались несуществующими; а из статьи пакистанской газеты Dawn редакторы забыли убрать техническую

реплику ChatGPT: «Если хотите, могу сделать более эффектную версию для первой полосы».

Тем не менее, просматривается закономерность: *степень использования ИИ для создания контента обратно пропорциональна сложности темы*. В самом деле, ИИ чаще применяют для написания публикаций о погоде (27 % случаев), научно-популярных текстов (16 %), материалов о здоровье (12 %). Стоит напомнить, что первые успешные эксперименты с ИИ в журналистике были связаны с написанием спортивных заметок, сводок финансового рынка. Все это – однообразные тексты с высокой степенью формализации и тривиальности (ответ известен, вопрос лишь в точном значении показателя). Говоря о прогнозах погоды, стоит заметить, что медиасфера уже давно испытывает кризис жанра и стремится компенсировать его все нарастающей развлекательной составляющей. Например, передача «Метеогид» на телеканале ОНТ уже разрослась до 12-минутного попурри из фотоконкурса, советов «народного садовника» и других аттракционов. В то же время в таких трудоемких жанрах, как аналитическая статья или расследование, ИИ чаще применяется в качестве инструмента сбора и анализа данных, в меньшей степени – для доводки и правки итогового текста (кейсы Helsingin Sanomat, Der Spiegel и др.). Скандальная история Марго Бланшар [5] показала, что созданные с нуля «ИИ-репортажи» печатаются только невнимательными редакторами.

В сфере PR и маркетинга ИИ применяется не менее активно. Так, исследование The State of AI in PR 2025, выявило [6], что три из четырех PR-специалистов используют ИИ. С его помощью они генерируют идеи (82 %), готовят черновики (72 %), редактируют тексты (70 %), ищут информацию (59 %), адаптируют тексты для соцсетей (59 %). Тенденция здесь та же, что и в журналистике: ИИ делегируется создание рутинных, технических текстов, таких как ответы на вопросы клиентов, e-mail рассылки. Ученые из Корнуэльского университета изучили около 300 млн документов онлайн и пришли к выводу, что сегодня 18 % жалоб потребителей и около 24 % пресс-релизов сгенерированы ИИ [7].

Массовое внедрение ИИ еще ярче показало границу между «творческим продуктом» (предполагающим оригинальность мысли и формы) и «контентом». И тот, и другой формально являются составляющими креативной экономики, но если первый придает ей ценность, то второй – генерирует пустую «цифровую массу». В настоящее время значительная доля этой массы – так называемый AI Slop («ИИ-помои»), низкокачественные тексты, картинки и видео, засоряющие глобальную сеть.

В ноябре 2024 года была пройдена важная веха: доля ИИ-контента в интернете превзошла долю текстов, написанных людьми, и составила более 51 %. Цифру не стоит драматизировать. Во-первых, из-за неточностей методологии расчета [8], во-вторых, из-за того, что большая часть текстов предназначена для чат-ботов и поисковых роботов, а не для людей. Но в масштабах индустрии эти тенденции серьезно угрожают ряду профессий, порожденных креативной экономикой. Речь об SMM-специалистах, копирайтерах, маркетологах, которые занимаются «рутинным творчеством» и создают однообразный «продающий контент» в безликом «информационном стиле». Продолжая идею К. Маркса, можно сказать, что мы сможем наблюдать «люмпенизацию когнитариата» или социальную деградацию малоквалифицированных работников креативной экономики, вытесняемых интеллектуальными машинами.

Активное использование ИИ для производства и дистрибуции контента формирует еще один значимый для индустрии и общества тренд. ИИ-сервисы становятся ключевым посредником в коммуникации. Ведущие компании разрабатывают собственные интернет-браузеры (OpenAI – Atlas, Perplexity – Comet и др.), в которые встроены ИИ-помощники, готовые ответить на любой запрос пользователя. Согласно утекшему в сеть внутреннему документу OpenAI, в 2026 году «all human-computer interactions can be mediated by ChatGPT» [9]. Это требует от СМИ и PR-структур усилий по оптимизации контента для ИИ-систем, отбирающих контент при формировании ответа. На смену SEO приходит AIO (AI Optimization). С другой стороны, СМИ, которые лишаются переходов на сайт, нуждаются в компенсации. ИИ-компании вынуждены заключать с редакциями сделки и делиться с ними прибылью. Известно о более 700 таких соглашениях [10], большая часть которых приходится на Open AI и Perplexity. Тем не менее, об устоявшемся взаимодействии говорить не приходится: сегодня почти 70 % новостных сайтов блокируют ИИ-боты, собирающие информацию [11].

Белорусское медиапространство проходит путь от ярких экспериментов с ИИ к «тихой» его интеграции в бизнес-процессы. Если в 2023 году радио «Минская волна» устроила PR-акцию, когда целый день в эфире звучал исключительно ИИ-контент, то сейчас журналисты не склонны афишировать внедрение инструментов ИИ в повседневное производство материалов.

В 2022–2023 гг. ИИ-контент обладал новизной и аудиторию привлекал сам факт его использования. Сегодня креаторам приходится прилагать больше усилий, чтобы читатели и зрители не маркировали контент как AI Slop. Например, в 2023 году МТБ Банк, продвигая

платежную карту More, делал акцент на том, что образы сгенерированы в нейросетях DALL-E и MidJourney. В видеоролике сети магазинов «Гиппо», который вышел в конце 2024 года, сгенерированные ИИ кадры уже органично вписаны в формат традиционной телерекламы.

В белорусском PR, журналистике, рекламе пока идет период *стихийного массового освоения общедоступных инструментов ИИ*. Проведенный в сентябре 2025 года опрос более пятидесяти сотрудников государственных органов и организаций, среди которых были и журналисты, показал, что около 70 % из них используют в своей работе чат-боты (ChatGPT, DeepSeek), в основном для поиска информации, создания и редактирования текстов. Таким способом специалисты повышают личную продуктивность; следующим этапом будет внедрение корпоративных ИИ-систем, упрощающих производственные цепочки на уровне организации. В индустрии таких кейсов немало: так, датский газетный холдинг JP/Politikens Media Group, разработал для своих СМИ ИИ-редактор MAGNA [12].

Как уже говорилось, это «тихий» процесс, динамику которого можно выявить лишь с помощью опросов и интервью. Но, подобно тому, как в космологических моделях скрытая темная материя придает вселенной структуру, так и «тихое», малозаметное для наблюдателя внедрение ИИ в практики бэк-офиса является для индустрии ключевым.

В медиапространстве мы наблюдаем использование ИИ в виде точечных интервенций – это творческие проекты, кампании, челленджи.

Журналисты стремятся оживить традиционные рубрики и жанры, креативно встраивая в них ИИ. В белорусских СМИ уже сложилось несколько характерных схем:

– *обзор ИИ-контента*. Подборка изображений или видео, сделанных нейросетями с комментариями журналиста. Это выгодный для СМИ формат, построенный на «перепродаже» аудитории ИИ-контента. Такие публикации можно найти на сайте «Минской правды»: «Чем удивила нейросеть за неделю», «Топ-3 фейковых видео недели»;

– *эксперимент с ИИ*. Отдельная публикация или рубрика, в который нейросети ставят задачу с непредсказуемым результатом. Например, предметом статьи может стать общение с ChatGPT и YandexGPT на философские темы (Tochka.by). Основой для передачи – результат работы нейросети, которая кладет поэтический текст на музыку, а также генерирует к ней видеоряд (проект «Соло на цифре» радио «Минская волна»). Характерный прием – подход «Если бы...», позволяющий создать фантастические образы. Например, в 2023 году в Байнете набрали популярность хуманизации белорусских городов (изображение их в образе людей);

– *ИИ-иллюстрации*. Сгенерированными с помощью нейросетей картинками чаще иллюстрируют материалы об ИИ либо прогнозы о далеком будущем. Впрочем, уже сегодня ИИ-графика становится серьезной альтернативой стоковым фотографиями: в отличие от них нейросети могут воплотить любой сюжет, а также адаптировать его под социокультурный контекст.

Говоря о кампаниях, стоит отметить работу гродненских журналистов. ТРК «Гродно» использовала ИИ в рамках проекта патриотической направленности, чтобы «оживить» памятники и обелиски времен Великой Отечественной войны [13]. А ТРК «Гродно Плюс» инициировала проект «Объятия сквозь время»: любой желающий мог прислать фотографии в Telegram-бот, а канал делал на их основе видео, в котором потомки обнимали своих предков-ветеранов. Только в первые сутки своим фото прислали более сорока человек [14].

Службы по связям с общественностью белорусских организаций чаще используют ИИ во время участия в челленджах – массовых акциях, в ходе которых пользователи публикуют контент схожего формата или тематики. В масштабах общества это важнейший инструмент синхронизации, нужный для компенсации социальной раздробленности цифрового пространства. А с точки зрения PR – бесплатный способ попасть в информационную повестку. Ключевые характеристики челленджа – доступность и состязательность. Поэтому неудивительно, что в 2025 году эти акции активно задействовали возможности ИИ: сервисы общедоступны, но интересный результат генерации часто неочевиден и зависит от мастерства пользователя. В марте госорганы и бизнес публиковали картинки с фирменными экшн-фигурами (пластмассовыми куклами), сгенерированные с помощью ChatGPT. Агентство внешнеэкономической деятельности даже превратило тренд в долгоиграющую рубрику – проект «АВЭД в лицах», в которой стало представлять своих экспертов. В ноябре–декабре белорусские сегменты Instagram и TikTok подхватили «вязаный тренд» (публикация диорам с улицами городов, сделанными из шерстяной пряжи), занимались стилизацией фото под наборы популярного конструктора Lego, елочные игрушки.

Говоря о белорусском медиапространстве, нельзя не упомянуть блогеров. С точки зрения экономики медиа они являются информационными предпринимателями, поэтому остро заинтересованы в снижении расходов и продвижения своих проектов. Все это приводит к тому, что именно инфлюенсеры выступают пионерами ИИ и проводниками ключевых трендов. Вот лишь несколько примеров. Гомельский блогер @neprostomaksim использует свою цифровую копию (ИИ-аватар) для поточной записи видео. По его словам, ИИ-сервисы

позволили ему нарастить аудиторию в 20 тыс. подписчиков всего за четыре месяца. Дизайнер М. Ковалевская продвигает свой бренд, создавая фантастические визуальные концепции известных белорусских компаний. Журналист-фрилансер Ю. Царев привлекает внимание в Facebook ИИ-проектом, в котором он ретуширует и воссоздает знаменитые фото. Когда летом 2025 года появился сервис для создания видео Veo 3 и интернет заполонили сделанные с его помощью вымышленные интервью, первая «локализация» формата в Беларуси произошла усилиями блогеров (см., например, @vtb.live в Instagram).

Таким образом, генеративный ИИ становится системным фактором трансформации журналистики и PR, влияя на производство контента, профессиональные практики и модели дистрибуции. Его использование ускоряет и удешевляет рутинные процессы, одновременно усиливая разграничение между контентом и содержательно значимым творческим продуктом. Распространение ИИ-сервисов как ключевых посредников коммуникации требует от СМИ переосмысления стратегий продвижения и адаптации контента к логике ИИ-систем (AIO), а также поиска новых форм взаимодействия с технологическими платформами. В белорусском медиапространстве эти процессы характеризуются переходом от публичных экспериментов с ИИ к его «тихой» интеграции в повседневные профессиональные практики. В ближайшей перспективе ключевым вызовом станет не столько внедрение самих технологий, сколько институционализация их использования: разработка корпоративных ИИ-решений, формирование профессиональных стандартов, а также поиск устойчивого баланса между экономической эффективностью, качеством контента и общественным доверием к массмедиа.

Библиографические ссылки

1. Trust, Attitudes and Use of Artificial Intelligence: A Global Study 2025. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmgsites/xx/pdf/2025/05/trust-attitudes-and-use-of-ai-global-report.pdf (date of access: 01.11.2025).

2. *Simon F., Nielsen R. K., Fletcher R.* Generative AI and News Report 2025 // Reuters Institute. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2025-10/Gen_AI_and_News_Report_2025.pdf (date of access: 01.11.2025).

3. WAN-IFRA’s 6th AI Report. URL: https://wan-ifra.org/2025/09/wan-ifras-6th-ai-report-publishers-perspective-on-the-ai-value-equation/ (date of access: 01.11.2025).

4. Study Claims 9 % of US Newspaper Articles at Least Partly AI Generated. URL: https://pressgazette.co.uk/north-america/study-claims-9-of-us-newspaper-articles-at-least-partly-ai-generated/ (date of access: 01.11.2025).

5. AI Hoaxer, a Fake X Account and the Case of Margaux Blanchard. URL: https://pressgazette.co.uk/news/ai-hoaxer-a-fake-x-account-and-the-case-of-margaux-blanchard/ (date of access: 01.11.2025).

6. New Report: The State of AI in PR 2025. URL: https://muckrack.com/blog/2025/01/16/state-of-ai-in-pr-2025/ (date of access: 01.11.2025).
7. AI Slop is Suffocating the Web, says a New Study. URL: https://www.fastcompany.com/91293162/ai-slop-is-suffocating-the-web (date of access: 01.11.2025).
8. More Articles Are Now Created by AI Than Humans. URL: https://graphite.io/five-percent/more-articles-are-now-created-by-ai-than-humans (date of access: 01.11.2025).
9. The Leaked OpenAI Memo. URL: https://strategybreakdowns.com/p/openai-memo (date of access: 01.11.2025).
10. Platforms and Publishers: AI Partnership Tracker. URL: https://petebrown.quarto.pub/pnp-ai-partnerships/ (date of access: 01.11.2025).
11. Analyzing 5,818 Publishers' robots.txt Files. URL: https://newoldweb.com/analyzing-5818-publishers-robots-txt-files-most-non-profit-news-organizations-allow-ai-bots-openai-most-commonly-blocked/ (date of access: 01.11.2025).
12. How JP/Politikens Leveraged Early AI Expertise to Build Centralised News Products. URL: https://wan-ifra.org/2024/07/how-jp-politikens-leveraged-early-ai-expertise-to-build-centralised-news-products/ (date of access: 01.11.2025).
13. В Беларуси «оживили» памятники Великой Отечественной с помощью искусственного интеллекта. URL: https://blizko.by/notes/v-belarusi-ozhivili-pamyatniki-velikoy-otechestvennoy-s-pomoschyu-iskusstvennogo-intellekta-smotrite-video_am (дата обращения: 01.11.2025).
14. В Гродно стартовала акция «Объятия сквозь время». URL: https://www.grodnoplustv.by/index.php/novosti/item/21974-v-grodno-startovala-aktsiya-obyatiya-skvoz-vremya (дата обращения: 01.11.2025).

ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Т. В. Тратинко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, tati_ttb@mail.ru

В статье рассматривается особенности урбанизации современной молодежи и социально-психологические проблемы связанные с ней. Урбанизация в современном мире является результатом нескольких взаимосвязанных факторов, и одним из наиболее важных является глобализация. Молодежь сталкивается с необходимостью выбора своей социальной и профессиональной роли в условиях урбанизированной среды. К проблемам и ресурсам урбанизации молодёжи исследователи относят: социальную изоляцию, безработицу, эмоциональное выгорание, изменение ценностной системы молодежи.

Ключевые слова: молодежь; урбанизация; социально-психологические проблемы; глобализация; ценности молодежи.

Особую роль в процессе адаптации молодежи играет развитие социальных связей и участие в общественной жизни.

Урбанизация является одной из ключевых тенденций развития современного общества, оказывая значительное влияние на разные социальные группы, в том числе на молодежь, создавая как новые возможности для профессионального роста, так и дополнительные вызовы. В условиях урбанизации молодежь часто сталкивается с трудностями адаптации к новым социальным условиям, включая отсутствие стабильной социальной поддержки и сложности в установлении межличностных связей.

Урбанизация оказывает значительное влияние на психоэмоциональное состояние личности. Города, с их высокой плотностью населения, постоянной динамикой и социальной активностью, могут создавать непрерывное напряжение и стресс. Множество факторов, таких как шум, загрязнение воздуха, социальное давление и высокая конкуренция, становятся источниками стресса для горожан.

Города также становятся источником перегрузки информацией и сенсорной перегрузки. Постоянный поток информации через различные каналы – от новостей до социальных сетей – может вызывать перегрузку сознания, что в свою очередь влияет на психологическое состояние человека. Отсутствие времени на отдых, социальные связи и личную жизнь усиливает чувство бессилия и усталости.

Социальная изоляция и одиночество – это важные проблемы, с которыми сталкиваются многие жители больших городов. Несмотря на наличие большого числа людей вокруг, урбанизация часто приводит к

тому, что индивиды ощущают себя социально изолированными. В мегаполисах очень трудно найти настоящих друзей и сформировать глубокие эмоциональные связи. Это связано с быстрым ритмом жизни, социальной анонимностью и зачастую с высоким уровнем конкуренции, где каждый человек старается сфокусироваться на своих карьерных или личных целях. Города, как правило, предлагают разнообразные возможности для социальных взаимодействий, но эти взаимодействия часто поверхностны.

Социальные и психологические ресурсы, доступные в городах, такие как поддерживающие сообщества, различные группы по интересам, образовательные программы и психологическая помощь, играют важную роль в процессе адаптации. Умение находить и использовать эти ресурсы помогает людям лучше справляться с трудностями, вызванными урбанизацией, и уменьшает риски развития психоэмоциональных заболеваний.

Городская среда, с её высокими требованиями к социальной мобильности, конкуренции и жизненным условиям, создает особые стрессовые ситуации, которые трудно преодолеть без помощи. Рабочая нагрузка, высокие требования на рынке труда, а также постоянная неуверенность в будущем порождают ощущение беспокойства, тревоги и фрустрации [1].

Адаптация к жизни в урбанизированной среде требует от людей новых психологических и социальных навыков. В условиях урбанизации важно развивать способность адаптироваться к изменяющимся условиям, строить эффективные социальные связи и справляться с внешними стрессорами. Психологическая адаптация становится ключевым элементом успешной интеграции в городское общество.

Социальные и психологические ресурсы, доступные в городах, такие как поддерживающие сообщества, различные группы по интересам, образовательные программы и психологическая помощь, играют важную роль в процессе адаптации. Умение находить и использовать эти ресурсы помогает людям лучше справляться с трудностями, вызванными урбанизацией, и уменьшает риски развития психоэмоциональных заболеваний.

Таким образом, успешная адаптация к городской жизни требует не только усилий самого индивида, но и социального контекста, включая улучшение социальной инфраструктуры и развитие систем психосоциальной поддержки, направленной на создание эффективных механизмов социальной адаптации, которые не только снижают психологическое давление, но и улучшают качество жизни индивида в условиях урбанизации.

Особенно это заметно среди молодежи, которая сталкивается с необходимостью выбора своей социальной и профессиональной роли в условиях урбанизированной среды. Современная молодёжь – это социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 31 года (согласно концепции молодежной политики Республики Беларусь). Молодежь характеризуется следующими признаками: переходным положением между детством и взрослостью; высокой социальной и территориальной мобильностью; стремлением к самоидентификации и социальной реализации; подверженностью внешним культурным и технологическим влияниям.

К проблемам и ресурсам урбанизации молодёжи исследователи относят следующие [2]:

– социальная изоляция. Несмотря на высокую плотность населения, в городах наблюдается рост одиночества среди молодёжи. Исследование ВЦИОМ в 2022 году показало, что 43 % молодых людей ощущают «недостаток настоящего живого общения»;

– жилищная проблема. Высокая стоимость аренды и недвижимости делает самостоятельную жизнь труднодостижимой. Молодёжь вынуждена ютиться в съёмных квартирах, жить с родителями или уходить в «серый» сектор аренды;

– трудоустройство и безработица. По данным Международной организации труда, уровень молодёжной безработицы в городах в 2-3 раза выше, чем в сельской местности. Особенно это касается выпускников без опыта;

– психоэмоциональное выгорание. Городской ритм жизни, шум, информационная перегрузка, конкуренция и транспортные стрессы способствуют развитию тревожных расстройств, депрессии, панических атак.

В будущем урбанизация будет усиливаться. Молодёжь продолжит концентрироваться в мегаполисах, особенно в сферах цифровой экономики. Однако возрастут и риски: цифровая зависимость; фрагментация сообществ; экологическая нестабильность; дефицит инфраструктуры.

Цифровизация является элементом городской жизни молодёжи. Молодёжь активно использует цифровые платформы для: образования (онлайн-курсы, МООС); работы (фриланс, удалёнка); общения (социальные сети, мессенджеры); досуга (стриминг, геймерская культура) [1]. Однако одновременно растёт цифровая зависимость. Согласно исследованию Левада-Центра (2023), более 60 % городской молодёжи проводят в сети свыше пяти часов в день. Это сказывается на психическом здоровье, снижает физическую активность и ухудшает навыки «живого» общения.

Цифровая урбанизация – это вызов, требующий цифровой гигиены и медиаграмотности как новых направлений молодёжной политики.

Одним из наиболее значимых последствий урбанизации является изменение ценностной системы молодежи. В городах доминируют постматериальные ценности: индивидуализм, самореализация, карьеризм, мобильность. Это противопоставляется традиционным нормам, характерным для сельской среды: коллективизм, семейность, привязанность к месту.

Однако, можно обозначить и преимущества урбанизации.

Согласно исследованиям Института социологии РАН (2021), молодёжь, проживающая в мегаполисах, в два раза чаще демонстрирует ориентацию на саморазвитие, независимость и высокий доход, чем её сверстники из провинциальных регионов. Одновременно возрастает разрыв между поколениями и даже между молодыми людьми из разных территориальных контекстов.

Несмотря на сложности, именно урбанизированная молодёжь становится инициатором новых форм городской жизни. К ним относятся:

– участие в экологических проектах (сбор и переработка отходов, озеленение);

– создание молодёжных общественных пространств (коворкинги, антикафе);

– локальные гражданские инициативы (урбанистика, волонтёрство, «городские пикники»);

– участие в бюджетировании и мониторинге городской среды (платформы «Активный гражданин», «Наш город» и др.).

Так формируется городская идентичность и ответственность молодёжи за будущее пространства, в котором они живут.

В крупных городах сосредоточены лучшие университеты, библиотеки, исследовательские центры. Следовательно, доступ к образованию и знаниям в городе выше.

Таким образом, анализ проблемы показал, что особенности урбанизации современной молодежи обусловлены тем, что молодые люди в городах – это одновременно носители прогресса и индикаторы его внутренних противоречий. Молодежь выступает как первопроходец урбанистических изменений: она быстрее осваивает цифровые технологии, новые формы занятости (фриланс, гибридная занятость), активнее вовлекается в креативные и гражданские инициативы. Однако, несмотря на плотную информационную и социальную среду, молодежь часто страдает от недостатка живого общения, особенно в условиях цифровой зависимости.

Библиографические ссылки

1. *Бессонов А. В*. Цифровая среда и психологическое здоровье молодежи в мегаполисах // Молодежная политика и цифровое общество. 2022. № 4. С. 14–21.

2. *Луков В. А., Лукова А. В*. Молодежь в мегаполисе: риски и перспективы урбанизации // Социологические науки. 2020. № 2. С. 33–40.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ БЕЛАРУСИ

Г. А. Фофанова[1)], **Вань Цзысюй**[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, gfofanova@gmail.com*

Психологическая адаптация в кросс-культурном контексте – сложный и динамичный процесс, на который влияют многочисленные факторы. Психологическая адаптация не ограничивается индивидуальной эмоциональной адаптацией, но также включает в себя когнитивную и поведенческую адаптацию. Психологическая адаптация китайских студентов, обучающихся в университетах Беларуси, – не только научная проблема, но и запрос практики: актуальные данные по этому показателю позволят разработать наиболее адекватные меры по организации формальных аспектов учебного процесса, а также адаптационных мероприятий для иностранных обучающихся в университете. В статье представлены результаты эмпирического исследования.

Ключевые слова: интернационализация образования; психологическое благополучие; китайские студенты.

В связи с ускорением процесса глобализации и увеличением объема образовательных (академических) обменов все большее значение приобретает изучение межкультурной адаптации на основе специфических культурных особенностей и популяций. Значительные различия между славянской и китайской культурами в плане языковых систем, образовательных философий, стилей взаимодействия и социальных норм создают многоуровневые проблемы адаптации для китайских студентов, обучающихся в Беларуси. Поэтому, фокусируясь на этой специфической популяции, в исследовании систематически проводилась эмпирическая оценка психологической адаптации в зависимости от социально-демографических параметров выборки, включающей пол, семейный статус, срок пребывания в иной культурной среде, а также уровень владения языком страны обучения (русский язык), чтобы заполнить исследовательский пробел в этой области в контексте специфических культурных комбинаций. В исследовании принял участие 151 китайский студент, проходящий обучение в университетах Республики Беларусь, из них: мужчин – 52,3 %, женщин – 47,7 %. Их возраст варьировался от 19 до 32 лет. Для оценки психологической адаптации китайских студентов была использована «Методика психологической адаптации» (С. Фан, Ц. Во, С. Лин), предназначенная для измерения выраженности основных составляющих психологической адаптации, а именно: адаптации в межличностных отношениях, адаптации к учебе, адаптации к жизни в кампусе, адаптации к выбору профессии, эмоциональной адаптации, самоадаптации и общей

удовлетворенности. Ниже представлены результаты эмпирического исследования.

Половые различия психологической адаптации китайских студентов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что уровень психологической адаптации китайских х студентов в кросс-культурной среде, в целом, не подвержен значительному влиянию половых факторов. В таких аспектах психологической адаптации, как межличностное общение, академическая адаптация и эмоциональная регуляция, показатели студентов мужского и женского пола были более согласованными. Этот феномен может быть обусловлен высокой структурированностью самой среды межкультурного обучения. В частности, в системе высшего образования с четкими институциональными нормами и относительно равным распределением ресурсов адаптационные ситуации, с которыми сталкиваются люди, как правило, совпадают, что ослабляет дифференцирующее влияние гендерных ролей на адаптивное поведение.

Кроме того, китайские студенты могут больше полагаться на собственную психологическую устойчивость и адаптивность, а также на внешние системы социальной поддержки, чем на социальные ожидания, связанные с гендерными ролями, чтобы справиться с новой средой, создать сети, справиться с учебным давлением и эмоциями.

Психологическая адаптация китайских студентов в зависимости от семейного статуса. В целом, студенты, находящиеся в партнёрских отношениях, продемонстрировали более высокие средние баллы по всем измерениям психологической адаптации, особенно в сферах межличностной адаптации, адаптации к обучению и эмоциональной адаптации. По мнению Лю Сяо и коллег [1], социальная поддержка – это духовная и материальная помощь, которую люди получают через свои социальные сети, которые можно разделить на четыре типа: инструментальная поддержка, эмоциональная поддержка, информационная поддержка и поддержка сверстников. Исходя из этого, китайские студенты, у которых есть партнеры, обычно получают более стабильную и разнообразную систему социальной поддержки в процессе кросс-культурной адаптации, и эта система поддержки играет важную защитную роль в психологической адаптации.

Психологическая адаптация китайских студентов в зависимости от срока пребывания в Беларуси. Все измерения психологической адаптации демонстрировали ожидаемую схожую тенденцию к улучшению по мере увеличения времени, проведенного китайскими студентами в Беларуси. Студенты, обучавшиеся за рубежом более трех лет, значимо превосходили студентов в группах менее одного года и от

одного до трёх лет по всем измерениям психологической адаптации ($p < 0,05$).

Различия психологической адаптации китайских студентов в зависимости от уровня владения русским языком. Анализ показал, что уровень владения русским языком оказывает значительное влияние на китайских студентов по всем измерениям психологической адаптации ($p < 0,001$). Тенденция изменения средних значений показала, что более высокий уровень владения русским языком ассоциируется с более высоким уровнем психологической адаптации, и это различие было значимым между низкими, средними и высокими группами.

По параметру «Межличностной адаптации» были выявлены значимые различия между студентами с высоким уровнем владения русским языком и студентами со средним ($p < 0,001$) и низким ($p < 0,001$) уровнем владения. Чем выше уровень владения языком, тем более благоприятными были условия для установления и поддержания социальных контактов и получения эмоциональной поддержки. Этот результат согласуется с данными исследования Ю. Ван [2] о важности психосоциальной поддержки, т. е. эффективное взаимодействие со сверстниками или жителями принимающей страны является важным условием социальной интеграции и межличностной адаптации. Кроме того, В. А. Янчук [3] подчеркивает, что чем лучше владение языком, тем выше способность к формированию общих смыслов и опыта в межкультурной коммуникации, что повышает эффективность социального взаимодействия.

По показателю «Адаптации к учебе» студенты с высоким уровнем языка также продемонстрировали значительные различия по сравнению со средним ($p < 0,001$) и низким ($p < 0,001$) уровнями. По мере повышения уровня владения языком студенты смогли лучше понять содержание и академические нормы, а также снизить учебный стресс, вызванный информационными барьерами. Эта тенденция согласуется с идеей, выдвинутой M. S. Andrade [4], о том, что центральная проблема академической адаптации иностранных студентов заключается в преодолении языковых барьеров, и что позитивные учебные события способствуют повышению уровня владения языком и развитию академических способностей. Кроме того, исследование R. M. Senyshyn и др [5] также показало, что более высокий уровень владения языком ассоциируется с меньшим количеством трудностей и более позитивным опытом академической адаптации.

По параметру «Адаптации к жизни в кампусе» были обнаружены значительные различия между студентами с высоким уровнем владения языком и студентами со средним ($p = 0,004$) и низким ($p < 0,001$) уровнем. Хорошее владение языком помогает студентам легче

справляться с практическими проблемами в жизни кампуса, такими как проживание, регистрация и административные вопросы, и уменьшает чувство культурного шока.

По измерению «Адаптации к выбору профессии» студенты в группе с высоким уровнем владения языком значительно отличались от студентов в группах со средним ($p = 0,002$) и низким ($p < 0,001$) уровнем. Владение русским языком на высоком уровне не только улучшает доступ студентов к информации о трудоустройстве, но и повышает уверенность в себе и ощущение планирования будущего. Это явление согласуется с социально-когнитивной теорией карьеры, предложенной R. W. Lent [6] и его коллегами, согласно которой владение языком является ключевым человеческим капиталом, который важен для индивидов, чтобы повысить их самоэффективность и расширить карьерные возможности в поиске и принятии решений о карьере.

По параметру «Эмоциональной адаптации» группа с высоким уровнем владения языком набрала значительно больше баллов, чем группы со средним ($p < 0,001$) и низким ($p < 0,001$) уровнем. M. Robertson и др [7] показали, что языковой барьер тесно связан с коммуникативной тревожностью и низкой уверенностью, и чем выше уровень владения языком, тем больший эмоциональный стресс испытывают студенты в межкультурной коммуникации, чем выше уровень владения языком, тем меньше эмоциональный стресс.

По показателю «Самоадаптации» китайские студенты с высоким уровнем владения русским языком набрали значительно больше баллов, чем в группах со средним ($p = 0,033$) и низким уровнем владения ($p < 0,001$). Повышение уровня владения языком способствует укреплению самоидентичности и психологической интеграции студентов в межкультурной среде, снижает конфликт идентичности и эмоциональный стресс в процессе адаптации. Этот результат согласуется с исследованием K. T. Wang и других [8], которые отмечают, что владение языком является важным фактором, влияющим на самооценку, самоэффективность и психологические особенности адаптации иностранных студентов. Таким образом, студенты, овладевшие русским языком, лучше смогли сформировать устойчивую самооценку в чужой культуре и, соответственно, показали более высокий уровень самокоррекции.

По измерению «Удовлетворенности» студентов с высоким уровнем владения языком была значительно выше, чем в группах со средним ($p < 0,001$) и низким ($p < 0,001$) уровнем владения языком. Положительное влияние уровня владения языком на повышение удовлетворенности также подтверждается результатами исследования K. Lee и M. Wesche [9], посвященного повышению эффективности

языковой подготовки для социальной интеграции и уверенности в иностранном языке.

Таким образом, полученные результаты показывают особо значимую роль для всех измерений психологической адаптации иностранных студентов уровня владения ими языка страны обучения. Данные результаты, на наш взгляд, необходимо учитывать, с одной стороны, при проведении собеседований и отборе иностранных обучающихся, а с другой – при формировании академических групп. На наш взгляд, результативнее в разрезе ускорения адаптации иностранных студентов и их погружении в содержание образования комплектовать смешанные академические группы, состоящие как из иностранных, так и белорусских студентов. Безусловно, на первых порах, иностранные обучающиеся будут демонстрировать замкнутость и меньший контакт с одногруппниками и преподавателями. Однако сама академическая среда будет их подталкивать к установлению большего контакта с окружением и проявлению большей активности как в бытовом, так и академическом плане (конечно, при условии реализации еще ряда параметров: равенства требований, контроля и исполнения, например). Кроме того, обучение в такой среде будет развивать и белорусских студентов в направлении повышения кросс-культурной компетентности и толерантности, что существенным образом может позитивно отразиться на профессиональном уровне в целом.

Библиографические ссылки

1. 刘晓. 社会支持及其对心理健康的作用机制 / 刘晓, 黄希庭 // 心理研究. 2010. № 1. P. 3–8+15 [*Лю Сяо, Хуан Ситин* Социальная поддержка и механизм ее действия на психическое здоровье // Психологические исследования. 2010. № 1. С. 3–8+15]

2. *Ван Юаньян* Взаимосвязь социально-психологической адаптации и эмоционального интеллекта у иностранных студентов // Мир Науки. Педагогика и Психология. 2020. Т. 8, № 1. 45 с.

3. *Янчук В. А*. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива формирования межкультурной компетентности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, № 3. С. 241–253.

4. *Andrade M. S.* International Students in English-speaking Universities: Adjustment Factors // Journal of Research in International Education. 2006. Vol. 5, No 2. P. 131–154.

5. *Senyshyn R. M., Warford M. K., Zhan J.* Issues of Adjustment to Higher Education: International Students' Perspectives // International Education. 2000. Vol. 30, No 1. 17 p.

6. *Lent R. W., Brown S. D., Hackett G.* Toward a Unifying Social Cognitive Theory of Career and Academic Interest, Choice, and Performance // Journal of Vocational Behavior. 1994. Vol. 45, No 1. P. 79–122.

7. International Students, Learning Environments and Perceptions: A Case Study Using the Delphi Technique / M. Robertson [et al.] // Higher Education Research and Development. 2000. Vol. 19, No 1. P. 89–102.

8. Profiles of Acculturative Adjustment Patterns among Chinese International Students / K. T. Wang [et al.] // Journal of Counseling Psychology. 2012. Vol. 59, No 3.

9. *Lee K. Wesche M.* Korean Students' Adaptation to Post-Secondary Studies in Canada: A Case Study // Canadian Modern Language Review. 2000. Vol. 56, No 4. P. 637–689.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАТ-БОТОВ С ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ КАК УГРОЗА ЛИЧНОСТНОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Г. А. Фофанова[1)], **А. А. Солодухо**[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, gfofanova@gmail.com*

В статье рассматриваются проблемы использования чат-ботов с генеративным искусственным интеллектом обучающимися и молодыми специалистами. Причины, по которым использование чат-ботов является угрозой для профессионального и личностного развития, анализируются через призму «устройства» этих чат-ботов, а также психологических закономерностей развития личности как профессионала.

Ключевые слова: чат-бот; генеративный искусственный интеллект; образование; компетентность; молодой специалист; студент.

Проблема конкурентоспособности молодых специалистов (в частности, психологов) уже рассматривалась нами ранее [1], однако, современные условия и бурное развитие информационных технологий, их проникновение в каждую сферу жизнедеятельности, несмотря на многочисленные удобства и облегчение повседневности, парадоксальным образом регулярно создают новые вызовы, а порой угрозы, для профессионального и личностного развития обучающихся. Очередная «переменная», последствия распространения которой мы почувствуем в полную силу спустя три-четыре года, – чат-боты с генеративным искусственным интеллектом (далее – ГИИ).

Сегодня сложно найти преподавателя, который бы не сталкивался с ситуациями, когда обучающийся представляет учебные работы различных видов, выполненные не самостоятельно, а с активным использованием чат-ботов с ГИИ. Освоение обучающимися современных информационных технологий не может не радовать, однако, повсеместное и некритичное их использование не может не вызывать беспокойство. Данную проблему мы уже актуализировали ранее [2], однако, она требует более детального рассмотрения.

Для более полного понимания причин, по которым некритичное использование обучающимися чат-ботов с ГИИ в процессе получения образования может негативным образом отразиться на их личностном и профессиональном развитии, необходимо знать, как эти чат-боты разрабатываются и функционируют.

Основным элементом архитектуры современных чат-ботов с ГИИ является *трансформер с механизмом внимания* [3], представленный

командой исследователей из Google Brain в 2017 году в рамках конференции NIPS. До этого в качестве основы для моделей машинного обучения при анализе текста использовались в основном рекуррентные нейронные сети – Gated Recurrent Unit (GRU) и Long Short Term Memory (LSTM) [4]. Их применение в контексте чат-ботов требует решения задачи языкового моделирования, которая бывает двух типов: авторегрессионная и маскированная. В первом случае для определения смысла слова используются только предшествующие ему слова, во втором – также и последующие. Основной проблемой моделей выше является быстрое «забывание» контекста (текста, предшествующего рассматриваемому токену-слову), т. к. информация о предыдущих словах поступает не отдельно от каждого, а как некоторая агрегация, и, как следствие, часть информации неизбежно теряется с ростом размера рассматриваемого текста. Трансформер эту проблему решает благодаря тому, что при анализе рассматриваемого слова явно берётся «смысл» всех предшествующих (в случае задачи авторегрессионного языкового моделирования) и следующих (в случае задачи маскированного языкового моделирования) слов. Механизм внимания в ходе обучения трансформера позволяет ему «обращать» внимание только на важные в текущий момент слова и игнорировать другие – для каждого слова определяются наиболее и наименее важные слова для понимания его смысла.

Процесс обучения современных больших языковых моделей, которые являются основой чат-ботов, состоит из нескольких этапов.

Первый этап – *обучение с самоконтролем для языкового моделирования* (self-supervised learning for language understanding). В рамках данного этапа модель на огромном массиве текстов решает задачу авторегрессионного языкового моделирования (предсказание следующего слова с учётом контекста из предыдущих слов). «Предсказание» в данном контексте значит, что модель при заданной входной текстовой последовательности должна выставить наиболее высокую вероятность тому слову, которое было в обучающей выборке посредством изменения значений параметров модели (весов) с помощью метода обратного распространения ошибки [5]. Объем данных, использующихся на этом этапе огромный (несколько триллионов слов), что значительно осложняет валидацию. Качественно его составляют различные научные статьи, книги, википедия, форумы на Reddit и многое другое [6]. Кроме того, смещенность источников данных также вносит лепту в семантику сгенерированного моделью текста.

Второй этап – *обучение с учителем для понимания инструкций* (supervised learning for instruction understanding, a.k.a supervised fine-tuning – SFT). После первого этапа имеется модель, хорошо

«понимающая» язык, синтаксические правила, но следовать инструкциям она не способна. На этом этапе составляется набор данных в формате «вопрос-ответ», на котором модель дообучается для лучшего следования инструкциям. Данный набор данных может составляться как авторами модели, так и отдаваться на аутсорс.

Третий этап – *обучение с подкреплением для улучшения качества ответов* (reinforcement learning for answers quality improvement). На этом этапе люди-асессоры оценивают качество сгенерированных ответов. На основе этих оценок и соответствующих им ответов формируется набор данных, использующийся для формирования reward-модели, форсирующей определенную семантику ответов, которая будет наилучшим образом удовлетворять запросам пользователей [7].

Недавнее исследование от OpenAI показало, что «галлюцинации», свойственные даже лучшим большим языковым моделям, не являются чем-то мистическим или случайным, а лишь следствием того, как построен их процесс обучения, особенно – последний этап (использование методов обучения с подкреплением для улучшения качества ответов) [8]. По аналогии с экзаменом, где попытка угадать может как принести баллы, так и ничего, а признание незнания гарантированно ничего не принесёт, модель в тех ситуациях, когда ответ ей «неизвестен», пытается угадать, базируясь на своих знаниях. В целом, штраф за уверенный неправильный ответ значительно ниже, чем за ответ «не знаю», т. к. пользователя явно не будет устраивать ответ «не знаю». По той же причине нельзя разрешить модели говорить «не знаю», т. к. таким образом при решении задачи будет достигнут локальный минимум, находящийся далеко от оптимального (просто отвечать на всё «не знаю»). Решение этой проблемы достаточно нетривиальное и весьма вероятно, что с текущими архитектурами невозможно.

Однако трудности есть не только на этом этапе – языковое моделирование и SFT также имеют уязвимости. В недавнем исследовании Anthropic (разработчик Claude) отражена проблема «отравления» обучаемых примеров. По той причине, что значительную долю данных для обучения составляют материалы из открытых источников, ничто не мешает интегрировать в них «плохие» текстовые последовательности, которые негативно отразятся на поведении модели после обучения. Проблема не новая, но то, что для разных размеров набора данных для обучения требуется почти одинаковое количество плохих примеров (порядка 250 документов) вызывает серьезные опасения относительно безопасности современных больших языковых моделей [9].

Особенности архитектуры больших языковых моделей, процесса их обучения, а также недавние открытия касательно уязвимостей вызывают

опасения касательно их безопасности. По этим же причинам *необходимо всегда убеждаться в достоверности ответов, полученных от этих моделей*.

Так в чем же угроза профессиональному и личностному развитию? Во-первых, происходит снижение критичности мышления и самостоятельности анализа (чат-боты дают «готовые ответы», обучающийся не мотивирован самостоятельно искать решения, вычленять главное, строить логические цепочки и т. д.). Вместе с этим деградируют навыки письма и аргументации, доминируют социальные репрезентации о предмете изучения, а не глубинное знание и понимание. Это существенным образом негативно сказывается на развитии профессиональных компетенций. Во-вторых, не получают должного развития «мягкие навыки» (soft skills), многие из которых формируются благодаря воле, самодетерминации, планированию, творчеству (не без ошибок) и терпению (чат-боты с ГИИ предлагают быстрый путь, готовые, стандартные решения). Когнитивная и личностная сферы так же, как и мышцы, нуждаются в постоянных тренировках, а регулярное применение чат-ботов с ГИИ способствуют их «атрофии».

В русскоязычном сегменте социальных медиа среди людей, неравнодушных к образованию и всем процессам, которые в нем происходят, последние месяцы обсуждается собственный опыт «общения» с чат-ботами с ГИИ на тему будущего образовательного процесса, в целом, и роли преподавателя (учителя) в нем, в частности. Авторы данной статьи также вступили в «беседу» с чат-ботом (DeepSeek), задав вопрос, связанный с раскрываемой нами темой. Позволим себе процитировать ответ, с которым сложно не согласиться: «Угроза не в самом ИИ, а в его неконтролируемом и нерефлексивном использовании. Запретить технологию невозможно и контрпродуктивно. Наша задача как педагогов – не бороться с ИИ, а научить студентов использовать его этично и эффективно, превратив из угрозы в инструмент. В конечном счете, наша цель – воспитать не "оператора ИИ", а критически мыслящего специалиста, который использует искусственный интеллект как мощный инструмент для усиления своего собственного, а не для его замены».

Библиографические ссылки

1. *Солодухо А. С., Фофанова Г. А.* Проблема конкурентоспособности молодых специалистов-психологов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 110–115.

2. *Фофанова Г. А.* «Сдвиг мотива на цель» как проблема обучения в современных условиях // Современное социально-гуманитарное образование: проблемы и перспективы: сборник статей XXII научно-методической конференции

факультета философии и социальных наук Белорусского университета, 31 марта 2025 г. / БГУ, Фак. философия и социальные науки; [редкол.: Ю. В. Дедолко (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2025. С. 336–339.

3. Attention Is All You Need / N. Parmar [et al.] // Advances in Neural Information Processing Systems 30 (NIPS 2017). URL: https://papers.nips.cc/paper_files/paper/2017/file/3f5ee243547dee91fbd053c1c4a845aa-Paper.pdf (date of access: 17.10.2025).

4. *Hochreiter S., Schmidhuber J.* Long Short-Term Memory Neural Computation. 1997. №9 (8). P. 1735–1780.

5. *Rumelhart D., Hinton G., Williams R.* Learning Representations by Back-Propagating Errors. Nature. 1986. No 323. P. 533–536. DOI: 10.1038/323533a0.

6. Language Models are Few-Shot Learners / T. Brown [et al.] // Advances in Neural Information Processing Systems 33 (NeurIPS 2020). URL: https://papers.nips.cc/paper_files/paper/2020/file/1457c0d6bfcb4967418bfb8ac142f64a-Paper.pdf (date of access: 17.10.2025).

7. Training Language Models to Follow Instructions with Human Feedback / L. Ouyang [et al.] // Advances in Neural Information Processing Systems 35 (NeurIPS 2022). URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2022/file/b1efde53be364a73914f58805a001731-Paper-Conference.pdf. (date of access: 17.10.2025).

УНИВЕРСИТЕТ КАК ФЕНОМЕН ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Хомич

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, khomichel@yandex.by

Статья посвящена истории университета в контексте городской культуры. Акцент сделан на формировании университетской корпорации и ее статусе в структурах города. Рассматриваются причины расцвета и заката средневековых университетов как центров городской интеллектуальной культуры. Показано, что университеты, ставшие значимым цивилизационным фактором перехода к секуляризации общества и началу научного дискурса, в итоге не справились с потребностями времени. «Второе дыхание» университет приобретает в рамках немецкой (классической) модели, ориентированной на соединение образовательной и научно-исследовательской практики. Этот университет максимально соответствует потребностям индустриального города, однако со временем начинает воспроизводить и его недостатки (массовизацию, коммерциализацию, бюрократизацию, технико-инструментальную направленность образования). В заключении оцениваются возможности и недостатки использования цифровых технологий в современном учебном процессе, а также перспективы невидимого колледжа как новой формы научной и академической коммуникации.

Ключевые слова: город; городская культура; университет; колледж; невидимый колледж.

«Вначале были города», – констатирует французский медиевист Жак Ле Гофф, рассуждая о зарождении интеллектуальных движений в средневековой культуре и появлении первых университетов [1, с. 9]. Университет – это изобретение именно города, обусловленное его новым обликом и новыми потребностями, и ставшее гарантом последующих перспектив развития западноевропейской цивилизации.

Если в раннем Средневековье город выполнял преимущественно оборонительные функции и находился под жестким патронажем короля или феодала, то начиная с XI в. он становится важнейшей экономической структурой. Рост населения, развитие торговли и ремесел, повышение уровня жизни и благосостояния способствовали его автономизации от сеньориальной власти и началу городского самоуправления. К этому же времени относится и оформление городской культуры, которая, по сравнению с сельской, характеризуется более высоким уровнем грамотности, четкостью социально-статусных позиций, нормативностью этикета и пр. Усиление дисциплинарного контроля (большая плотность населения диктовала необходимость соблюдения правил совместного существования) одновременно дополнялась и большей по сравнению с деревней степенью свободы и возможностей. «Городской воздух делает свободным», – гласит старая поговорка.

Появление первых университетов было обусловлено потребностью в образованных специалистах, в первую очередь, врачах и юристах. До этого медицина и право были наследуемыми профессиями, и, несмотря на то, что каждый мастер помимо родственников брал учеников, количество нужных специалистов это никак не обеспечивало. Университеты же позволяли получить необходимые знания большему количеству желающих этих знаний и сопряженных с ними привилегий. Знание становится товаром, и даже школяры факультета свободных искусств, не привязанные к строгой специализации, могли неплохо заработать на умении писать, читать, считать и т. п.

Принцип организации средневековых университетов воспроизводил цеховую иерархию («профессор – магистр – школяр» как аналог связи «мастер – подмастерье – ученик») и цеховую корпоративность (автономия академических свобод и защита собственных интересов). Ле Гофф пишет: «Интеллектуал XII в. чувствует свое сходство с мастером, с ремесленником, с другими горожанами. Его задача – изучение и обучение свободным искусствам. Но что такое искусство? Это не наука, а техника. Ars есть «techne», а специальность профессора в этом смысле не отличается от профессии плотника или кузнеца» [1, с. 53]. К слову, закрепившаяся за университетом должность декана до этого использовалась и в клире, и в цеховой структуре. Деканом называли старейшину ремесленных гильдий.

Первоначально университет врастал в городскую среду достаточно аккуратно и скромно. Первые колледжи (от лат. collegium – товарищество, содружество) образовывались на основе арендованного жилья, где первый этаж отводился под учебные аудитории, на последних жили преподаватели и их семьи, промежуточное пространство занимали малоимущие студенты. Все члены данного сообщества называли себя коллегами. Занятия начинались рано и были жестко регламентированы, при этом манкировать ими в условиях столь тесного сосуществования студентов и преподавателей было сложно.

Достаточно быстро университеты стали разрастаться и приобретать собственное пространство. В этом плане показателен пример Сорбонны, сердца и символа Парижского университета. По инициативе Робера де Сорбона (духовника Людовика IX) был создан богословский колледж для обучения шестнадцати детей из бедных семей. Образование получилось настолько блестящим, что спустя несколько лет количество обучающихся увеличилось до тридцати шести. Через пятьдесят лет Сорбонна стала центром Латинского квартала как отдельного университетского города.

Причины роста университетов понятны. Знания оказались востребованы как хорошо конвертируемый товар. Патронировали

университеты корона и церковь, конкурирующие между собой за власть и влияние. Потребность в грамотных чиновниках и клириках обеспечивала университеты весьма неплохим для того времени финансированием. Университеты богатели, а вместе с ними богатели города, удовлетворяющие растущий спрос ученой коллегии на разнообразные товары и услуги.

Вместе с тем, отношения с горожанами были далеки от идиллических. Несмотря на то, что университеты практически изоморфно воспроизводили средневековую цеховую организацию, они обладали дарованной папой и императором автономией от городских властей (не платили налоги, не входили в совет гильдий). Конфликты провоцировали также наглость и вседозволенность студенческой братии, которая первоначально формировалась из, так называемых, «лишних людей» (определение М. К. Петрова [2, с. 440]). «В средневековье к ним можно было отнести всех тех, кто не вписывался в ранговую матрицу сословных правил наследования и иерархий (младшие сыновья, незаконнорожденные, люди незнатного происхождения, которым не повезло с физической силой или навыками в наследуемой профессии)» [3, с. 358]. К слову, средневековые города также прирастали за счет тех, кто не нашел себе места в родных пенатах, однако их разница со школярами была существенна. Последние очень быстро осознали свой привилегированный статус и забыли о былой ущербности, проецируя ее теперь на недалеких, с их точки зрения, бюргеров. В особенности XIII в. вошел в историю множеством кровавых стычек между горожанами и студентами.

Вместе с тем XIII в. – это «золотой век» средневековых городов, университетов и схоластики. Количество университетов увеличивается, при этом, воспроизводя реалии цеховой организации, они становятся интеллектуальным центром городской культуры, конкурируя с церковью в борьбе за умы. Города растут и богатеют вместе с университетами, которые в большей степени воспринимаются как предметы престижа и гордости, чем как раздражающий фактор. При этом, несмотря на привязку к определенному городу, университетская корпорация интернациональна по своей природе, а знания становятся первым товаром, распространяющимся не в пределах городской цеховой монополии, но европейского рынка в целом. Схоластика стала первой формой возрождения интереса к рационально-теоретическому знанию и античному наследию, а латынь подготовила почву для появления универсального языка науки.

Тем самым университеты, отражая в целом реалии средневековой городской культуры, во многом определили направленность последующего цивилизационного поворота в сторону секуляризации

общественной жизни и становления новоевропейской рациональности, связанной с установками на развитие разума и науки. Однако в течение XIV–XVIII вв. они постепенно становятся достаточно консервативной силой. Они по прежнему продолжали и даже в чем-то опережали тенденции городской культуры (в частности, происходит коммерциализация обучения и профессора начинают брать плату со школяров за свои услуги, одновременно происходит аристократизация социальной основы студенчества и фактического исключения малоимущих), но статус интеллектуального авангарда своего времени университеты теряют.

Причинами этого явления стали традиционализм и авторитаризм образовательного процесса, воспроизведение цеховых иерархий и привилегий в условиях, когда цех уже экономически себя не оправдывал, доминирующая роль клира и, наконец, схоластика, остановившаяся на толковании древних текстов. Развитие научного дискурса происходит в альтернативных университету образованиях (академиях, научных обществах и т. д.). Одним из интересных примеров нового вида научного сообщества стал невидимый колледж, организованный химиком и натурфилософом Р. Бойлем и экономистом У. Петти в 1645–1660 гг. Название принадлежит Бойлю и указывает на внеуниверситетскую коллегию ученых, собирающуюся для обсуждения интересных тем, минуя жесткие институциональные рамки.

Новая эра в развитии университета начинается с начала XIX в. с оформлением немецкой модели образования. Инициатором ее стал философ, лингвист и политический деятель В. фон Гумбольдт, который, будучи министром образования Пруссии, реформировал школы и основал в Берлине университет нового типа. Ключевым здесь стало требование к профессорскому составу совмещать учебную и научную деятельность. Появляется специализация по кафедрам, семинарские и лабораторные занятия. Поскольку университет полностью освобождается от влияния церкви и переходит на государственное финансирование, возникает штат вузовской бюрократии как посредника между властью и преподавателем, преподавателем и студентом.

Гумбольдтовская (немецкая) модель университета стала отражением и предвосхищением новых веяний городской культуры, ориентированной на внешние экономические механизмы организации больших масс людей, специализацию производства и его инновационную направленность. Результаты школьной и профессорской реформ сказались достаточно быстро. В свое время реформы были приняты по итогам сокрушительного поражения Пруссии от армии Наполеона. Впоследствии О. Бисмарк сказал (вернее, эти слова ему приписывают), что франко-прусскую войну 1870–1871 г. выиграл

прусский учитель. Определенная доля истины здесь есть, поскольку именно благодаря новой модели образования и его соединения с наукой Германия в XIX в. смогла стать лидером промышленного развития в Европе. Немецкая же модель университета стала эталонной (классической) для культуры индустриального города.

Уже к середине XX в. стали очевидны и недостатки этой модели, которые можно рассматривать в качестве следствия более широких общекультурных тенденций. Речь идет о массовизации высшего образования и его коммерциализации, что ставит под вопрос научно-исследовательский потенциал как профессорских кадров, так и студенческой аудитории. Удел преподавателя чаще возвращается к средневековым навыкам «techne», где оказываемые им образовательные услуги можно поставить в один ряд с коммунальными, транспортными и т. п. Сегодня много пишут о кризисе университета (массовизация, бюрократизация, технико-инструментальная направленность обучения и пр.), однако эти явления выступают как очевидные продолжение и конкретизация общекультурных тенденций.

Каким будет университет в условиях цифровизации, сказать сложно. Система высшего образования одной из первых восприняла возможности новых информационных технологий, но здесь на каждый «плюс» есть и свой «минус». Например, наличие электронных библиотек и новых доступных источников информации – это явное свидетельство в пользу цифровизации. Однако при этом читать стали меньше, а еще хуже стали воспринимать и понимать прочитанное. Электронный текст слишком «пластичен» и не предполагает автономности смысла и дистанцирования от него. Дистанционное обучение дает много преимуществ, однако по итогам пока проигрывает офлайн занятиям.

Успешным вариантом новой формы университетской коммуникации и структуры может стать невидимый колледж как неинституциональное сообщество ученых, работающих над общей темой или проблемой. В равной мере это может стать моделью при работе преподавателя и студента, вернее группы заинтересованных преподавателей и студентов. Современные сетевые ресурсы позволяют легко и быстро связать исследователей из разных стран и организаций. Возможно, это удачный путь для победы над бюрократией, с которой сегодня сопряжено решение практически любого вопроса. И возможно, это опыт новой коллегиальности, замещающий традиционные личные связи на чисто профессиональные.

Библиографические ссылки

1. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века. СПб.: СПбГУ, 2003.

2. *Петров М. К.* История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004.

3. *Хомич Е. В.* Проблема «лишних людей» в классическом и современном университетах // Судьбы классического университета: национальный контекст и мировые тренды. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/235021 (дата обращения: 30.10.2025).

STRATEGIES FOR UNIVERSITY LIBRARIES IN THE ERA OF BIG DATA

Zhang Ning[1)], **Wang Xin**[1)]

[1)] *Belarusian State University,*
Minsk, Belarus, sociology@bsu.by
Supervisor – A. I. Zelenkov, Doctor of Philosophy, Professor

This article explores optimized pathways for reading promotion in university libraries in the era of big data. It begins by analyzing three major advantages of big data technology in reading promotion: precise push notifications that enhance reader satisfaction, digital technologies that lower barriers to access, and highly personalized services. Based on these advantages, the article proposes specific promotion strategies, including iterative infrastructure upgrades, improving content quality and strengthening cybersecurity, establishing an integrated online-to-offline model, ensuring the timeliness and accuracy of information push, and emphasizing the enhancement of management team development and reader training. These strategies aim to promote the digital transformation of university library service models and improve their effectiveness.

Keywords: big data; university library; reading promotion; personalized service.

Introduction

With the deep integration of big data, the internet, and mobile terminal technologies, the social information environment and the way knowledge is acquired have undergone fundamental changes. This poses severe challenges to the traditional service model of university libraries, but also provides new opportunities for innovative reading promotion efforts. Against this backdrop, how to effectively utilize data-driven thinking and technical means to achieve the transformation from a "resource center" to a "knowledge service center" has become a core issue facing university libraries. This article aims to systematically explore innovative strategies for reading promotion in university libraries in the big data era. First, it analyzes the core advantages of big data technology in promoting reading, such as precision, personalization, and accessibility. Then, it proposes a set of specific and feasible implementation paths from multiple dimensions, including infrastructure upgrades, content quality and security, the construction of a three-dimensional model, ensuring service timeliness, and cultivating a talent team. This approach aims to provide theoretical references and practical guidelines for improving library service efficiency and promoting in-depth reading and knowledge innovation.

Advantages of the reading promotion model of university libraries in the era of big data

First, its precise push mechanism has significantly improved reader satisfaction: with the help of big data technology, the platform can capture and

analyze individual reading preferences in real time, and customize personalized resource packages accordingly, so that readers can efficiently obtain highly relevant content during fragmented time periods, thereby fully adapting to the dual needs of modern fast-paced learning and in-depth research.

Second, digital technology has significantly lowered barriers to access for readers. On the one hand, digital library services eliminate the reliance on physical space and intensive labor, effectively reducing resource operation and maintenance costs, thus enabling the provision of knowledge at low or no cost. On the other hand, ubiquitous reading enabled by mobile devices eliminates the time and financial costs of traveling to specific locations. These two factors, combined, have substantially reduced the sunk costs readers must bear before embarking on their reading journey [1, p. 133–134].

Third, reading promotion services are highly personalized. To achieve accurate knowledge push, libraries need to rely on the Internet platform to build user interest profiles through reader willingness questionnaires or behavioral data collection, and divide interest groups accordingly, and implement accurate group recommendations to maintain reading stickiness. Furthermore, by analyzing multi-dimensional data such as individual social networks, academic backgrounds, research directions, and leisure preferences, libraries can build a more in-depth personal service model. Combined with continuous service feedback and effect evaluation, a dynamically optimized personalized service closed loop will eventually be formed, thereby enhancing the pertinence and effectiveness of reading promotion.

Specific strategies for the reading promotion model of university libraries in the era of big data

First, the iterative upgrade of infrastructure is the cornerstone of digital transformation. In the traditional model, libraries rely on physical space and manpower to preserve resources, resulting in high costs and low efficiency in knowledge circulation. The Internet and mobile terminal technology have fundamentally changed this situation, making ubiquitous reading possible anytime and anywhere. Therefore, continuously updating computers and network equipment to ensure the smooth flow and diversity of information channels is the basis for the operation of the new model [2, p. 140]. On this basis, readers' diversified reading needs can be met and personalized services can be efficiently implemented. In addition, the technology platform also enables reading sharing and community radiation functions, which can not only develop potential readers, but also achieve multi-directional and efficient dissemination and recycling of knowledge with the help of librarians' professional guidance and evaluation, greatly improving the service efficiency of the library.

Second, efforts must be made to improve the quality of pushed content and strengthen network security management. At the content level, libraries should go beyond the simple accumulation of information and strive to build a knowledge system. This means that pushed content must take into account representativeness, comprehensiveness and relevance, and be organized in refined text, with relevant pictures, videos and other multimedia forms, so as to enhance the interest and comprehensibility of knowledge. This high-quality content supply can not only meet the readers' personalized research needs, but also help them build a systematic knowledge framework and achieve effective knowledge sedimentation. At the technical level, network security is the prerequisite for the above services to be realized. Libraries must establish a reliable information protection system to effectively protect readers' privacy and the security of digital resources, build a healthy and green online reading environment, and escort the in-depth promotion of Internet reading [3, p. 125–128].

Third, build a three-dimensional promotion model that integrates online and offline (O2O). In the era of big data, libraries should open up online and offline channels to form a synergistic effect. Online, relying on platforms such as WeChat and exclusive APPs, a membership growth system is established. Readers can unlock more permissions by upgrading their personalized service levels, thereby systematically acquiring knowledge. Offline, online reading behavior can be transformed into credentials for participating in physical activities and obtaining rewards, encouraging readers to make in-depth use of resources. In addition, the online platform efficiently disseminates the core content of expert lectures, while offline, in-depth face-to-face exchanges are organized to achieve an immersive experience of interacting with famous experts. This closed loop not only enriches the reading level, but also realizes the transformation of library resources from static storage to dynamic activation. □□Fourth, ensure the timeliness and accuracy of information push. With the support of big data technology, the library's reading promotion service can achieve efficient, immediate and comprehensive knowledge transfer, ensuring that readers can obtain the latest information at any time. On the one hand, the system can actively track social hot spots and research frontiers, and push relevant in-depth interpretations and materials to readers, saving them time in information retrieval and assisting professional research. On the other hand, based on the classification management of readers' interest tags, the library can achieve accurate delivery of resources, allowing readers to access content in their areas of interest without searching, greatly improving the convenience and efficiency of reading, and meeting the dual needs of professionalism and leisure [4, p. 515–517].

Furthermore, it is necessary to strengthen the management team and improve the overall quality of library staff. The development of a strong

library management team is crucial , impacting the quality of library services and the effectiveness of reading promotion. It also affects the security of readers' personal information and the integrity and authenticity of the knowledge they need. Only by improving the quality of the library management team can these issues be effectively addressed and the full implementation of library reading promotion be promoted. At the same time, reader training in reading promotion models is necessary to enable readers to master information technology application techniques and quickly identify their own reading interests within the library, thereby increasing their enthusiasm and initiative in reading and ensuring the sustainability of reading.

Conclusion

Big data technology has injected a powerful driving force for change in the reading promotion efforts of university libraries. The core of the big data-based reading promotion strategy explored in this article is a reader-centric approach that achieves an efficient and in-depth match between knowledge services and user needs through technological empowerment and model innovation. Looking ahead, university libraries should continue to deepen their understanding and application of emerging technologies such as big data. While continuously optimizing technological platforms, they should also prioritize the humanistic care of services and the exploration of the deeper value of knowledge. Only by deeply integrating technological advancement with humanistic service can we ultimately build a sustainable and vibrant knowledge space, thereby better fulfilling its core mission of supporting teaching and research, nourishing campus culture, and promoting knowledge dissemination in the information age.

References

1. *Qin Xinli, Wang Xiuying*. Research on the National Reading Situation in the Internet Age and the Strategies for University Libraries to Promote Reading // Inner Mongolia Science and Technology and Economy. 2017. No 17. P. 133–134. DOI:CNKI:SUN:NMKJ.0.2017-17-068 [Chinese].

2. *Yue Yaqin*. Research on Innovation in Reading Promotion in University Libraries in the Internet Era // Intelligence. 2018. No 11. P. 140. DOI:CNKI:SUN:CAIZ.0.2018-11-121 [Chinese].

3. *Sun H.* Research on Interest Reading Recommendation Method of Intelligent Library Based on Big Data Technology // Web Intelligence. London: SAGE Publications. 2020. No 18(2). P. 121–131.

4. *Cho B. Y, Afflerbach P.* Reading on the Internet: Realizing and Constructing Potential Texts // Journal of Adolescent & Adult Literacy. 2015. No 58(6). P. 504–517.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ю. Н. Шестаков[1)], **В. Л. Сельманович**[2)]

[1)] *Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь, yunshestakov@yandex.by*
[2)] *Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь, vselmanovich@yandex.ru*

В статье представлены некоторые тенденции (снижение академической дисциплины среди студентов университетов, «старение кадров» среди профессорско-преподавательского состава университетов, ослабление умения у представителей профессорско-преподавательского состава формулировать цель учебного занятия) учет которых может существенным образом повлиять на содержание разрабатываемых Программ развития университетов на период 2026–2030 годы, а также будет способствовать повышению качества и престижа высшего образования.

Ключевые слова: университет; тенденции; образовательный процесс; качество и престиж высшего образования.

Как известно, университет – это «учреждение высшего образования и научных исследований, которое присуждает академические степени по нескольким академическим дисциплинам» [3]. По данным Большой российской энциклопедии, «города Оксфорд и Кембридж постепенно утратили самостоятельную роль и стали фактически придатком соответствующего университета» [2].

Все более очевидным для руководителей всех уровней становится понимание необходимости изучения и внедрения современных, научно обоснованных подходов к управлению устойчивым развитием образовательной системы города в целом и ее кадрового потенциала, в частности, которые позволят на основе объединения целей бюджетной, кадровой, социальной, региональной политики сформировать достаточную экономическую базу местного самоуправления, обеспечить положительные преобразования в социальной сфере, создать предпосылки к улучшению экологической ситуации на территории города, избежать или предупредить риски, связанные с цифровой трансформацией экономики и общества. Это, в свою очередь, самым непосредственным образом будет влиять на эффективное функционирование и развитие всей страны.

В настоящее время система высшего образования страны «включает 51 учреждение, 42 из которых являются государственными … Среди государственных высших учебных заведений 31 называются университетами…» [1].

В последнее время в развитии современных университетов отмечается целый ряд тенденций, влияющих на качество и престиж высшего образования.

К положительным тенденциям отнесем, например, переход от «знаниевого» к компетентностному подходу обучения. Это значит, что в ходе образовательного процесса у студентов формируются новые, соответствующие внедряемым в экономику и производство инновациям, профессиональные и личностные компетенции, способствующие умениям осознанно и, следовательно, эффективно использовать знания в профессиональной деятельности, реализуя тем самым имеющийся личностный потенциал, то есть быть после окончания университета компетентным руководителем или специалистом.

Еще одной положительной тенденцией является достаточно оперативное реагирование системы высшего образования на вызовы времени и требования рынка труда. В качестве примера можно привести деятельность по разработке, внедрению и освоению инноваций в сфере АПК в условиях цифровой трансформации экономики, производства, общества. Именно благодаря университетам и базовым площадкам будущие руководители и специалисты знакомятся с высокотехнологичными агрегатами, оборудованными GPS-навигацией и системой телематики, целым рядом комплексных цифровых решений для агропредприятий: «умная» ферма, «умное» поле, «умное» стадо, «умная» теплица, «умная» переработка, «умный» склад и «умный» агроофис.

Однако, наряду с успехами, неправильно, на наш взгляд, не назвать то, что «тормозит» функционирование университетов в настоящее время и, надеемся, не скажется в дальнейшем на их развитии.

Одной из таких тенденций является снижение академической дисциплины среди студентов университетов, наибольшим образом проявляющаяся в столичных университетах. Известно, что традиционно для улучшения своего материального положения большинство студентов дневной формы получения образования в ходе обучения имели определенную «подработку», не связанную с профилем обучения и, практически не влияющую на посещение учебных занятий. По нашим данным, в 80-х годах прошлого столетия студент, получающий стипендию, имел дополнительные источники пополнения своего бюджета: помощь родителей – 65–70 % студентов I–V курсов; временная подработка неквалифицированными рабочими в строительстве, сфере ЖКХ, коммунальных услуг, разовая подработка – 12–17 % студентов II–V курсов; средства, заработанные в стройотрядах, – 27–30 % студентов II–V курсов. В настоящее время распределение источников пополнения бюджета выглядят следующим образом: стипендия – 55–57 % студентов I–IV курсов; помощь родителей – 27–31 % студентов I–IV курсов;

временная подработка неквалифицированными рабочими в строительстве, в сфере ЖКХ, коммунальных услуг, разовая подработка – от 15 % студентов I курса до 38–40 % студентов IV курса; работа по будущей специальности – 14–19 % студентов II–IV курсов; средства, заработанные в стройотрядах – 7–11 % студентов II–IV курсов.

Понятно, что такая подработка влияет, во-первых, на посещаемость студентами учебных занятий, поскольку осуществляется в том числе и в учебное время. Во-вторых, если подработка идет во внеучебное время, – на качество подготовки студентов к последующим занятиям. Очевидно, что приведенные показатели констатируют, что от этого страдает качество получаемого образования.

Еще одной из тенденций является «старение кадров» профессорско-преподавательского состава университетов. На заседании экспертного совета в Гродно в июне 2021 г. Наталья Кочанова, председатель Совета Республики Национального собрания Беларуси отмечала: «Сегодня мы видим, что средний возраст профессорско-преподавательского состава в наших вузах достаточно зрелый, скажем так. Поэтому важно, чтобы молодые люди, которые имеют ученые степени, приходили для работы в наши высшие учебные заведения. И пополнение этих кадров – серьезная задача» [5].

Данная тенденция может привести к проблеме в условиях цифровой трансформацией экономики и общества – «проблеме "отставания" содержания и методов обучения студентов и слушателей в области цифровизации от фактических потребностей и запросов общества и работодателей» [4].

Очевидно, что основной контингент профессорско-преподавательского состава по разным причинам (возраст, неумение, нежелание, др.) в кратчайшие сроки не сможет овладеть в полной мере «современными цифровыми образовательными технологиями (в том числе, с использованием классической, дополненной и смешанной виртуальной реальности)». Очевидно, что параллельно с совершенствованием знаний и умений по использованию современных методик и технологий обучения содержанию и способам деятельности как в области учебной дисциплины, так и в рамках цифровизации образовательного процесса (например, с помощью образовательной среды Moodle), профессорско-преподавательскому составу необходима техническая помощь, которую в полной мере могут оказать ассистенты преподавателя (хотя бы 1 на 2–3 преподавателей) из числа выпускников и сотрудников IT-сферы, которых в стране подготовлено и готовится в достаточной степени.

Третья тенденция – ослабление умения у представителей профессорско-преподавательского состава формулировать цель учебного

занятия и, как следствие, несформированность у студентов умения четко и однозначно формулировать управленческую задачу. Исходя из опыта педагогической и профессиональной деятельности, можем утверждать, что грамотно сформулированная управленческая задача имеет ровно три составляющие: 1 – четкость; 2 – адекватные временные рамки; 3 (самое важное!) – наличие алгоритма исполнения.

Считаем, что учет названных тенденций при разработке Программ развития университетов на период 2026-2030 годы будет способствовать повышению качества и престижа высшего образования.

Библиографические ссылки

1. Список высших учебных заведений Беларуси // Википедия [2025]. URL: https://ru.wikipedia.org/?curid=750553&oldid=149642095 (дата обращения: 29.10.2025).
2. Университет. Большая российская энциклопедия. URL: old.bigenc.ru›education/text/4699437 (дата обращения: 30.10.2025).
3. Участники Википедии, «Университет», Википедия, свободная энциклопедия, 30 октября 2025 г., 01:40 UTC. URL: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=University&oldid=1321162928 (дата обращения: 30.10.2025).
4. *Шестаков Ю. Н.* К вопросу о готовности системы аграрного образования к решению проблем цифровизации аграрной сферы // Материалы III Международной научно-практической конференции Андреевские Чтения: «Цифровизация отраслей АПК и аграрного образования», 20 января 2022 г. / под науч. ред. А. В. Корниенко, Н. В. Новичкова. М.: ФГБОУ ДПО РАКО АПК, 2022. С. 118–121.
5. Наталья Кочанова: сегодня средний возраст профессорско-преподавательского состава в вузах достаточно зрелый, скажем так // СТВ. URL: https://ctv.by/news/obshestvo/natalya-kochanova-segodnya-srednij-vozrast-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-v-vuzah-dostatochno-zrelyj-skazhem-tak (дата обращения: 30.10.2025).

КОНКУРСЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА В ШКОЛАХ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ПЕДАГОГИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Е. И. Якушина

НИИ урбанистики и глобального образования
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия, wm45@yandex.ru

Статья посвящена описанию конкурсов технологических инноваций. Конкурсы становятся катализаторами формирования целостной цифровой образовательной среды, в которой технологические инновации служат конкретным задачам развития медиакультуры и преодоления цифрового неравенства в школах.

Ключевые слова: конкурсы технологических инноваций; цифровой разрыв; формирование медиакультуры.

Актуальность проблемы

В настоящее время российские школы переживают вторую волну информатизации, связанную с активным оснащением цифровой инфраструктурой. Однако, как показывают данные исследования, проведенного в 2024 году НИИ урбанистики и глобального образования МГПУ, простое наличие оборудования не гарантирует его эффективного использования. Система сталкивается с комплексом проблем: кадровый дефицит, недостаток методической поддержки, техническая несовместимость решений, что в совокупности приводит к низкой мотивации участников образовательного процесса и снижению потенциальной отдачи от цифровизации [4].

Ключевым барьером является разрыв между создателями образовательных технологий (разработчиками) и их конечными потребителями (школами и учителями). Отсутствие каналов обратной связи и совместного проектирования приводит к тому, что на рынок поставляются продукты, слабо адаптированные к реальным учебным процессам и инфраструктурным ограничениям образовательных организаций.

От конкурса к экосистеме: новая парадигма преодоления разрыва

Ответом на эти вызовы может стать качественная трансформация традиционных конкурсов инноваций в работающую экосистему интеграции спроса и предложения. Примером такого преобразования служит эволюция Международного конкурса Edtek Award, который с

2015 года является признанной площадкой для выявления лучших образовательных практик и продуктов. Новая стратегия проекта предполагает его ребрендинг и переход от модели простого состязания к созданию устойчивой платформы, фокусирующейся на двух параллельных треках – «Цифровой педагог» и «Цифровой дебют».

Трек «Цифровой педагог» нацелен на отбор и продвижение рыночных образовательных продуктов с доказанной эффективностью, удовлетворяющих актуальные запросы школ.

Трек «Цифровой дебют» ориентирован на начинающих разработчиков, предлагая им не просто призы, а полноценную систему поддержки, включающую менторство, углубленную экспертизу продуктов и возможность пилотного внедрения в партнерских школах.

Данный подход позволяет целенаправленно работать с обеими сторонами рынка: стимулировать создание качественных решений и формировать сообщество педагогов-новаторов, готовых их апробировать и внедрять.

Проектирование модели сопровождения через призму конкурсных механизмов. Спроектированная модель конкурса как экосистемы позволяет адресно воздействовать на каждый из выявленных барьеров цифровизации.

Решение кадровых проблем. Конкурс стимулирует создание решений, автоматизирующих рутинные задачи педагогов (проверка заданий, анализ успеваемости), и способствует развитию дружелюбных интерфейсов, не требующих глубоких технических знаний. Такие инструменты, в том числе созданные на базе технологий обработки естественного языка (NLP), снижают нагрузку на специалистов и позволяют перераспределить кадровые ресурсы. Кроме того, победители в номинациях, связанных с повышением квалификации, могут предоставлять школам доступ к адаптивным курсам по цифровой грамотности.

Преодоление методического дефицита. Ключевым требованием для участников становится наличие детальных методических рекомендаций к своим продуктам: планов уроков, сценариев использования, шаблонов заданий. Это обеспечивает готовность решения к интеграции в учебный процесс. Введение специализированных номинаций, например, за лучший проект с использованием искусственного интеллекта для построения индивидуальных образовательных траекторий, прямо направлено на создание востребованного методического инструментария [2; 6].

Нивелирование технических сложностей. Критерий «совместимость с разным оборудованием и ОС» становится одним из ключевых при оценке проектов. Это мотивирует разработчиков создавать кросс-

платформенные и облачные решения, доступные для школ с разнородной и часто устаревшей технической базой. Важным аспектом является также оценка качества технической документации и наличия службы поддержки.

Повышение мотивации и налаживание контакта. Конкурс выступает платформой для прямого диалога. Совместные хакатоны, воркшопы и пилотные внедрения объединяют разработчиков и педагогов для проектирования решений под конкретные задачи. Публикация успешных кейсов, введение номинаций для учителей-новаторов, а также перспектива получения грантов и партнерства с государственными программами (такими как «Цифровая образовательная среда») создают мощную систему стимулов для всех участников.

Роль номинации «Инструменты ИИ для образования». Специальная номинация, посвященная искусственному интеллекту, фокусируется на наиболее перспективном направлении для преодоления цифрового разрыва. Критерии оценки в ней смещены с чисто технологической продвинутости на практическую применимость, простоту интеграции, наличие методического сопровождения и масштабируемость. Это гарантирует, что победившие решения будут не просто инновационными, но и реально пригодными для использования в массовой школе, в том числе в регионах с низким уровнем технического оснащения.

Заключение

Трансформация конкурса Edtek Award в экосистему интеграции спроса и предложения позволяет перейти от точечного выявления успешных практик к системному проектированию модели педагогико-технического сопровождения. Данная модель комплексно решает проблемы кадров, методик и техники, создавая устойчивые связи между разработчиками, образовательными организациями и педагогическим сообществом. Таким образом, конкурс становится не просто инструментом отбора, а катализатором формирования целостной цифровой образовательной среды, в которой технологические инновации служат конкретным задачам развития медиакультуры и преодоления цифрового неравенства в школах.

Библиографические ссылки

1. *Бондаренко Е. А*. Искусственный интеллект и проблемы медиаобразования // Медиа. Информация. Коммуникация. 2023. Т. 37, № 2. С. 7–12.

2. *Грищенко Л. М.* Проектная деятельность учащихся как средство формирования ключевых компетенций. Региональная школа управления. 2021. № 6. С. 20–23.

3. *Платонов В. Н., Юсова М. В., Якушина Е. В*. Оценка экспертами качества онлайн курсов, созданных нейросетевой системой ChatGPT // Современные

технологии в науке и образовании. СТНО-2023, VI Международный научно-технический форум, 01.03.2023–03.03.2023, г. Рязань. Рязань, 2023. С. 58–65.

4. *Якушина Е. В*. Моделирование организации проектной деятельности в средней и старшей школе с учетом развития цифровой среды // VII Ежегодный международный симпозиум «Образование и город: проектирование развития», Москва, МГПУ, 18–20 апреля 2024 г. М., 2024. 440 с.

5. *Якушина Е. В*. Отбор лучших практик применения дистанционных технологий в условиях цифровой трансформации образовательного процесса // Всероссийская научно-практическая конференция«Дистанционное обучение: реалии и перспективы», Санкт-Петербург, СПбЦОКОиИТ, февраль 2023 г. СПб., 2023. С. 156–161.

6. *Якушина Е. В*. Проектно-исследовательская деятельность в условиях трансформации цифрового пространства // Современные технологии в науке и образовании. СТНО-2023, V Международный научно-технический форум, 02.03.2022–04.03.2022, г. Рязань. Рязань, 2022. С. 23–27.

РАЗДЕЛ II.
КОММУНИКАЦИИ И МЕДИА
В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

УПРАВЛЕНИЕ ВОВЛЕЧЕННОСТЬЮ ЗРИТЕЛЯ В ИГРОВОМ КИНО

Т. В. Бурак

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, buraktv@bsu.by

Визуальная коммуникация осуществила мощную экспансию во все сферы деятельности человека, образуя новые формы и изменяя уже существующие. Автор рассматривает механизмы воздействия на зрителя в кинокоммуникации «автор-зритель» сквозь призму теорий Р. Барта и Ж.-Л. Бодри. В кинокоммуникации фильм – это совокупность речевых актов, представленных в визуальных образах, в связях знаков и элементов значений, закладываемых авторами с использованием различных техник для достижения эффекта сильной вовлеченности зрителя. В совокупности этих знаков и их отношений формируется аффективный punctum, который захватывает, «цепляет» или «ранит» нас. Это механизм погружения и формирования «расслоенного воображаемого», когда зритель пребывает одновременно «внутри экранной истории» и вне нее. Сильная вовлеченность зрителя обеспечивается техниками длительного удержания взгляда зрителя, принуждения к смотрению и подавления взгляда. Ж.-Л. Бодри интерпретирует эти техники как визуальное насилие, подкрепляемое идентификацией зрителя с персонажем и принятии видения камеры.

Ключевые слова: речевой акт; punctum; studium; «расслоенное воображаемое»; идеологический продукт; насилие в кино.

Важной частью повседневной жизни является участие в коммуникации, организованной посредством кино. В просмотре фильма реализуется не только повседневная практика, но и взаимодействие, предполагающее воспроизводство эффекта соприсутствия, поддержание определенного уровня вовлеченности зрителя и осуществление взаимного реагирования на действия друг друга. Для поддержания интеракционного порядка фрейма повседневной интеракции «смотрения» кино, и в частности в игровом кино, используются различные техники взаимодействия между автором (авторами), камерой и зрителем, обеспечивающие поддержание сильного уровня вовлеченности реципиента. В свою очередь, вовлеченность участников ситуации, если следовать логике теории И. Гофмана, выражается в способности удерживать внимание на осуществляемых действиях и включаться в интеракцию определенным образом.

Для того чтобы добиться эффекта сильной вовлеченности зрителя авторам кино необходимо создать некий особенный визуальный текст – захватывающий и очаровывающий, который будет вызывать интерес у зрителя не только как эстетическая форма искусства и развлечения, но и как совокупность высказываний, коммуникативных событий [1], взаимосвязанных между собой в соответствии с правилами жанра.

Рассмотрим особенности коммуникации со зрителем в киноиндустрии, ориентированной на производство визуальных сообщений, которые не являются простым отображением реальности. Речь будет идти, прежде всего, об игровом кино. Хотя те же техники обеспечения сильной степени вовлеченности зрителя, очевидно, используются и в других жанрах киноиндустрии. Кино представляет собой текст с завершенным смысловым содержанием. В теории речевых актов кино может быть определено как совокупность высказываний. Такая интерпретация рассматривает в качестве минимальной единицы коммуникации осуществление определенного вида актов (речевых актов), предполагающих двусторонний характер создания текста, включая «говорение» и восприятие «услышанного». Высказывания в таком тексте представлены в образах, предназначенных для зрительного восприятия. Визуальные образы, в свою очередь, сформированы в систему связей знаков и их значений. Поэтому любая визуальная коммуникация, в том числе коммуникация «автор-зритель» в кино, не просто репрезентирует нечто в относительной достоверности, но и расширяет восприятие. Ведь автор при конструировании образа маркирует свою интерпретацию на денотативном и коннотативном уровне значений, а используемые им экспрессивные приемы позволяют реципиенту увидеть больше, чем изображено.

Поэтому в кино, созданном как визуальный текст, коммуникация «автор-зритель» выстраивается с использованием различных техник воздействия по отношению к реципиенту для удержания его вовлеченности. Начнем с теории Ролана Барта, который, рассматривая фотографию как объект анализа, выделил два уровня воздействия на смотрящего: подлежащий анализу studium и аффективный punctum. Studium может включать в себя различные знаки времени, внешнего образа и характера изображенных на фотографиях объектов и людей, их социального статуса, социодемографической принадлежности и т. д. Punctum – это набор взаимосвязанных между собой необъяснимых знаков, воспринимаемых аффективно [2]. Следует отметить, что кино всегда интересовало Р. Барта как объект исследования, хотя в своих работах он в большей степени занимался систематизацией теории фотографии. Даже понятие «punctum» невольно выводило его на уровень изучения смотрения и восприятия кино для объяснения феномена

возникающего у зрителя особого очарования. Первый, studium, в кинофильме легко обнаруживаемый, наблюдаемый и замечаемый. Второй, punctum, в кино присутствует не везде, но если он есть, то фильм захватывает, «цепляет» или «ранит» нас, когда мы смотрим на изображение. Создатели фильмов всегда стремятся оформить идею или концепцию таким образом (подобно «огранке» камня, превращая невзрачный минерал в невероятно сияющий драгоценный камень), чтобы вызвать сильный интерес зрителя. Punctum отвечает за привлекательность кинопродукта, за то, насколько визуальный текст способен вызывать эмоциональные переживания у зрителя. И здесь соединяются определенным образом и контекст (темный зал кинотеатра, жизненный опыт зрителя и его собственная история), и история (построение сюжетной линии и художественного образа), и мастерство автора (использование техник построения текста и воздействия на зрителя).

В работе «После кино» Р. Барт описывает этот эффект кино как гипнотизм: «в этой городской темноте культивируется свобода тела, идет невидимая работа всевозможных эмоций, использующая в качестве пространства настоящий кинематографический кокон» [3]. Однако гипнотизм кино кроется не только в контексте восприятия. Р. Барт подчеркивает особое значение механизма погружения в происходящее на экране. Это состояние «внутри фильма» он называет «расслоенным воображаемым», порождаемым двойственностью: «... я втискиваю свое лицо в зеркало экрана, в того «другого», воображаемого, с которым я нарциссически идентифицирую себя ..., изображение захватывает меня, берет в плен, я склеиваюсь с представлением, и этот «клей» гарантирует натуралистичность, псевдоестественность снятой сцены» [3]. Таким образом, двойственность смотрения – одновременное пребывание зрителя «внутри экранной истории» и вне этой истории (зритель в кинозале) – создает аффективные переживания кинозрителя и удерживает его внимание и вовлеченность. Это двойственность телесная, пространственная и временная, в целостности всех измерений восприятия.

Какие же техники используются при создании визуального текста кино, чтобы вызвать у нас, зрителей, такой опыт переживания двойственности? Как мы уже рассмотрели ранее, Р. Барт объясняет это техникой длительного удержания взгляда зрителя. Для дальнейшего рассмотрения вопроса о механизмах удержания взгляда зрителя привлечем теорию еще одного французского исследователя Жана-Луи Бодри, автора теории насилия в кино. Выше уже шла речь о том, что успешность коммуникации «автор-зритель», осуществляемая посредством кино, во многом связана с воздействием на зрителя и

поддержанием его сильной вовлеченности в процесс «говорение-смотрение». В этой системе коммуникации Ж.-Л. Бодри определяет кино как идеологический продукт, устанавливающий смыслы и реакции на них, а камеру – как инструмент идеологического влияния. Представляется важным пояснить, что идеологический эффект кино проявляется, прежде всего, в использовании камеры как инструмента создания некоторого целостного и непрерывного восприятия происходящего на экране. Понятие «идеологического эффекта» раскрывается в теории Ж.-Л. Бодри при описании механизмов насилия в кинокоммуникации. С одной стороны, насильственное является необходимым компонентом в отношениях между сценарием и субъектом, для поддержания целостности образа, собранного в последовательность множества отдельных кадров [4]. Дискретность созданного фильма достигается путем соединения реальности и видения камеры, записи и проекции. Во-вторых, идеологическое насилие в системе «автор-зритель» применяется через различные техники удержания взгляда для получения запланированного автором результата воздействия на зрителя. Здесь необходимо оговориться, что речь не идет об изображении насилия (разрушения тела, истязания, жестокого обращения, убийства и т. п.).

Что касается совокупного эффекта отношений между сценарием, автором, камерой и зрителем, то Ж.-Л. Бодри считает, что визуальное насилие основано на идентификации зрителя с персонажем и принятии видения камеры [4]. Непрерывность изображаемого создает ощущение погружения, камера диктует на что смотреть и как смотреть, а у зрителя, находящегося одновременно в позиции наблюдателя и внутри изображения, запускаются мыслительные процессы. В итоге две формы осуществления идеологического насилия, согласно Ж.-Л. Бодри, превращают кино в инструмент идеологии, в повседневную практику визуального насилия по отношению к зрителю во взаимосвязи техник подавления взгляда и принуждения к смотрению. В свою очередь, восприятие кинотекста реализуется через восприятие глазами персонажа и ощущение реальности кино, т. е. через «двойную идентификацию»: с персонажем и автором, чью позицию отображает камера [4]. Так, кино создает впечатление реальности на уровне идентификации с персонажем, формирует целостность текста кино на уровне идентификации зрителя с позицией кинокамеры и конструирует того, кто наблюдает, то есть зрителя.

Обобщая проведенный анализ теоретических подходов Р. Барта и Ж.-Л. Бодри, можно сделать вывод о том, что сильная вовлеченность зрителя при просмотре игрового кино обеспечивается техниками

длительного удержания взгляда зрителя, принуждения к смотрению и подавления взгляда.

Библиографические ссылки

1. *Дейк ван Т. А.* *Язык*. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

2. *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 2011.

3. *Барт Р.* После кино // Киноведческие записки. 1995. № 28. С. 187–190.

4. Бодри Ж.-Л. Идеологические эффекты базового кинематографического аппарата. URL: https://cineticle.com/23-0-jean-louis-baudry-ideological-effects/ (дата обращения: 03.09.2025).

МЕДИАСРЕДА КАК ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И СОЗДАНИЯ МЕДИАКОНТЕНТА

Н. Н. Вакулюк

Институт социологии НАН Беларуси,
Минск, Беларусь, Nataliya.Meleshenya@mail.ru
Научный руководитель – А. В. Посталовский,
кандидат социологических наук, доцент

В статье рассматриваются такие понятия как медиасреда, медиапотребление, медиапространство, медиаконтент и их взаимосвязь. Приведены статистические данные по популярности социальных медиа, описано влияние социальных медиа на человека и возможные способы реализации медиаконтента через социальные медиа.

Ключевые слова: интернет; социальные сети; продвижение, медиаконтент; медиасреда; аккаунт; подкаст.

Интернет-медиа стали важным атрибутом повседневности, причем их роль и значимость характеризуются устойчивым ростом. Принимая во внимание то, что социальные медиа становятся приоритетным источником информации, обоснованный научный интерес вызывает исследование моделей медиапотребления [2].

Телевидение – это не пережитки, это история про Олимпиаду, ЧМ по футболу, Евровидение, то, что можно смотреть на большом экране и быть причастным. Телевидение можно назвать старой школой, аудитория которой не меньше аудитории интернета, но она стабильна, а интернет в основном занимает молодежь, при этом старшее поколение тоже использует социальные медиа, при этом оставаясь в большинстве своем в телевидении. Интернет – это нечто модное, современное, противопоставляемое традиционности и классике.

Что касается понятия «медиасреда», то его формирование и введение в научный оборот связано с появлением новых практик медиапотребления, основанных, прежде всего, на технологических изменениях в информационном пространстве. Признаки медиасреды: динамичность, специфичность новостной выборки, ограниченность контента, относительная доступность, диалогический характер [3].

Сегодня более 50 % медиапотребления в мире осуществляется с мобильных устройств, при том, что доля планшетов не превышает 5 %, а доля смартфонов составляет 46 %, демонстрируя постоянный рост. 90 % мобильного трафика приходит из социальных сетей [5, с. 36].

Понятие «медиасреда» рассматривается как характеристика инфраструктуры и условий функционирования процессов

информационного пространства как разновидности социальных систем [4].

Медиапространство представляет собой совокупность источников, откуда люди могут получить информацию, и смысловое поле, которое эти источники формируют.

Исследователь Н. В. Крылова дает следующее определение: «Медиапространство – это информационное пространство, это вид существования контента, одновременно отторгнутого от системы медиа и основанного на нем, способного иметь влияние на процессы, происходящие в его границах, и взаимодействовать с целевой аудиторией» [4].

В современном постоянно меняющемся мире, где с большой скоростью происходит интенсивное развитие технологий, мы порой не успеваем уследить за всеми процессами, при этом нам необходимо быть в этом медиапространстве, чтобы не оказаться «вне» этого пространства.

Рост популярности интернета и востребованности информационно-коммуникативных технологий привел к тому, что в системе виртуального сетевого пространства в свое время структурно выделился принципиально новый субъект – социальные сети, который в настоящее время вполне может претендовать полноценного информационного ресурса, хотя изначально социальные сети внесли в себе исключительно коммуникативную функцию. Первоначальной задачей возникновения социальных медиа был поиск контактов и установления последующих коммуникативных связей между людьми. Индивиды могли общаться и находить контакты друг с другом в режиме реального виртуального времени [1]. Со временем социальные медиа перестали играть только коммуникативную роль, теперь появилась потребность в создании медиаконтента. Этому способствуют социальные сети.

Согласно данным опроса «Какие социальные сети Вы используете», проведенного в 2024 году Институтом социологии НАН Республики Беларусь (выборка 1300 человек), самыми популярными стали ТикТок 50,5 %, Инстаграм 51,2 %, Ютьюб 57 %. Причем позиции мало варьировались по половозрастному признаку. Что касается возраста, по заявленным позициям 18–29 лет 30–44; 45–55; 55+, то можно сделать вывод о том, что люди в возрасте от 18 до 29 лет больше пользуются данными социальными сетями, чем остальные возрастные категории. Среди категории 50+ активных пользователей «Одноклассников» – 41,3 %, а категория 30–44 пользуется в большинстве «Одноклассниками» (26,6 %) и Фейсбуком (16,7). Важно отметить, что лишь 5,9 % не используют социальные сети (таблица).

Какие социальные сети Вы используете?

67. Какими Интернет-источниками Вы чаще всего пользуетесь?[1]	РБ	Муж	Жен	18-29	30-44	45-54	55 +
Интернет-порталы, сайты	36,2	40,2	33,1	34,4	38,6	35,8	34,5
Мессенджеры	21,5	22,1	21,1	23,0	22,0	16,2	23,6
Социальные сети	34,1	29,2	37,8	39,2	33,1	37,1	30,2
Другое	0,3	0,6	0,1	0,0	0,5	0,0	0,6
Затрудняюсь ответить	6,2	6,0	6,3	2,9	3,6	8,3	9,7
Нет ответа	1,7	1,9	1,6	0,5	2,2	2,6	1,4
68. Какие социальные сети Вы используете?[2]							
ВКонтакте	37,1	37,3	36,9	56,9	48,8	27,1	17,9
Одноклассники	30,0	21,5	36,5	12,9	26,6	34,5	41,3
Инстаграм (Instagram)	51,2	42,7	57,7	75,6	64,7	47,6	23,1
Фэйсбук (Facebook)	13,3	13,1	13,5	14,8	16,7	13,1	8,5
X (ранееTwitter)	2,1	2,9	1,5	4,3	3,4	0,4	0,3
Мой мир / Мэйл.ру (Mail.ru)	3,8	3,5	4,1	6,2	4,6	3,5	1,7
Ютьюб (YouTube)	57,0	59,8	54,9	63,6	61,4	55,9	48,7
ТикТок (TikTok)	50,5	48,7	51,8	65,6	52,7	47,6	40,7
Другое	0,4	0,4	0,4	0,0	0,2	1,3	0,3
Социальные сети не использую	5,9	7,9	4,4	1,9	2,7	4,4	13,1
Затрудняюсь ответить	2,4	2,3	2,5	1,0	1,2	5,2	2,8
Нет ответа	0,7	0,6	0,7	0,5	0,5	0,0	1,4
69. Какие мессенджеры Вы используете?							
Вайбер (Viber)	89,1	84,6	92,5	84,2	91,5	88,2	89,7
ВотсАпп (WhatsApp)	35,2	35,0	35,3	41,6	41,5	33,6	24,8
Телеграм (Telegram)	58,3	57,9	58,6	83,7	70,5	54,1	31,3
Фэйсбук Мессенджер (Facebook Messenger)	8,1	7,3	8,8	8,1	11,1	8,3	4,6
Снэпчат (Snapchat)	0,9	0,8	1,0	2,9	1,0	0,0	0,3
Скайп (Skype)	7,2	6,2	8,1	3,8	8,9	6,1	8,0
Дискорд (Discord)	4,7	6,9	2,9	14,4	4,8	2,2	0,3
Другое	0,2	0,4	0,1	0,0	0,7	0,0	0,0
Мессенджеры не использую	1,9	2,9	1,2	0,0	1,0	3,5	3,1
Затрудняюсь ответить	2,1	2,1	2,0	0,0	0,7	3,5	4,0
Нет ответа	0,3	0,4	0,3	0,5	0,2	0,0	0,6

Основной месседж отношения к социальным сетям – все смотрится, потребляется быстро и поверхностно. Люди не готовы получать один и тот же месседж долго. Если не интересно – не смотрят, желают не только быстро смотреть, но и получать быстрый результат. В тренде, более потребляемые становятся те, кто обещает в своих постах этот результат, будь то эксперт или просто блогер. Информацию принимают ту, где

[1] На вопрос отвечали респонденты, которые пользуются Интернетом.

[2] На вопрос отвечали респонденты, которые пользуются Интернетом.

обещают вылечить за один сеанс, получить результат от продукта или спортивного упражнения сразу же и т. д.

Одной из площадок, на которой можно создавать медиаконтент, является социальная сеть Instagram. Проанализировав контент данной социальной сети можно понять, что рилсы приобретают у ее аудитории всю большую популярность. Рилс (reels) – это сервис создания и обработки видеороликов, где можно использовать музыку, текст и продумывать короткий сюжет. Он является одним из действенным инструментом продвижения. Рилсы можно скрыть из ленты, можно и вернуть. Кроме того, что является немаловажным для создания красивой ленты, возможна смена обложки видео в любое время. Красивая обложка, уместное сочетание цветов формируют визуал, а он является частью постинга. Для визуализации необходим цвет, картинка и планер. При использовании приложения не всегда есть возможность подстроиться под ленту и спланировать ее, поэтому сторис (stories – отдельная лента с фотографиями и 15–30-секундными видео) приобретают популярность, поскольку контент исчезает через 24 часа с момента публикации. С его помощью можно постоянно общаться с пользователями и при этом не перегружать основную ленту. Таким образом, сторис вытесняет посты.

Социальные медиа, постоянно совершенствуясь, получают новые функции. Если еще сегодня можно было использовать только одну функцию приложения, то завтра уже ее доработали и выдвинули еще новых две. (Например, размещается только публикация фото, затем появляется функция, где можно добавлять музыку, создавать видео в самой социальной сети, редактировать, добавлять эффекты и многое другое).

Благодаря развитию медиа появились новые профессии, что существенно разнообразило рынок труда. Теперь пользователь, создавая контент, может заработать денег, развить бизнес, приобрести популярность. Но для этого, во-первых, нужно быть экспертом в нише, которой создается контент, во-вторых нужно уметь «зацепить» потребителя своей информацией и быть в теме диджитал реальности. Необходимо знать, какие настройки сделать в телефоне, как правильно использовать свет, написать текст, который привлечет внимание потребителя, а также сохранить видео в хорошем качестве, что играет немаловажную роль в продвижении. Положительные моменты в том, что сейчас интерфейс разнообразен, где можно создавать контент, усложняется это все только ограничением функций, которые можно приобрести за платную подписку, однако опытный профессионал сможет ограничится и доступными функциями и обойти такой момент.

Таким образом, влияние социальных медиа достаточно велико. С одной стороны можно заработать, стать популярным, и в то же время можно и «быть растерзанным» своей же аудиторией. Для этого достаточно одного неверного действия, в котором своя же аудитория может осудить (пример «голая вечеринка» известного блогера Насти Ивлеевой, которая вызвала широкий общественный резонанс и получила публичное порицание после публикации откровенных фотографий).

В то время, когда в некоторых странах инстаграм признан экстремистской площадкой, пользователи переносят свою аудиторию в телеграм, создавая запасной борт, чтобы не потерять аудиторию. По статистическим данным, телеграм приобретает все большую популярность, пользователи посещают мессенджер в среднем 21 раз в день.

По данным социологического опроса, топ-3 мессенджеры, занимающие лидирующие позиции – это Вайбер (89,1 %,) ВотсАпп (35,2 %) и Телеграм (58,3 %). Лишь 1,9 % респондентов не пользуется мессенджерами.

Мессенджер телеграм не уступает по функционалу, он также как и инстаграм усовершенствует свои функции в бесплатном доступе. Обретает популярность сторис. Можно редактировать в онлайн режиме фото. При этом есть ряд функций, которые можно разблокировать, совершив платную подписку.

В последние годы (2023–2025) приобретают популярность подкасты как один из трендовых инструментов медиа.

Термин podcast ввел британский журналист Бен Хаммерсли, который соединил слова: broadcasting – «вещание» или «трансляция»; iPod – устройство, на которое все начали скачивать музыку в начале 2000-х [6].

Подкасты – это аудио– или видеоформат программы, сериалы или блоги, которые можно скачивать или слушать онлайн. Главное отличие подкаста от радио – возможность выбрать жанр и тему и слушать в любое удобное время. Это похоже на Netflix или Youtube.

Подкасты различны по жанрам (разговорные, документальные и художественные) и по темам. Многие подкасты – это интервью или разговор нескольких человек в студии. Форматами подкастов являются аудиоблоги, интервью, ток-шоу, круглый стол или беседа; музыкальные подкасты [6].

Существует несколько программ и приложений для прослушивания подкастов – штатное приложение «Подкасты». Overcast, Pocket Casts, Castbox, Spotify и «Яндекс.Музыка».

Подкасты помогают выстраивать более доверительные отношения с аудиторией. Подписчики оставляют комментарии и могут влиять на выпуски – предложить тему, эксперта. Бизнес может организовать свой подкаст. Например, можно делиться знаниями с аудиторией, общаться с экспертами рынка в рамках подкаста, отвечать на вопросы по продукту или рассказывать о «внутренней кухне» компании. (Например, в 2019 году Альфа-Банк открыл собственный еженедельный подкаст про финансы «Деньги пришли». Банк пригласил ведущих и финансировал производство подкаста. Напрямую в выпусках не рекламировались сервисы банка, но компания продвигала подкаст на своих площадках и говорила о своей причастности к выпускам. Цель Альфа-Банка – создавать интересный контент, нативно продвигая свой бренд) [6].

По данным Музыки и Поиска Яндекса, а также по результатам исследования за 2023 год, интерес к подкастам с 2016 года вырос в четыре раза – их слушают десятки миллионов пользователей. Преимущества такого формата в том, что его прослушивание легко совместить с другими делами. Аудитория подкастов – люди в возрасте от 18 до 34 лет, многие из них работают в сфере IT [7].

Таким образом, подкасты формируют сообщество единомышленников – подписчикам нравится тематика выпусков, они доверяют авторам и гостям. Маркетологи используют эту близость между автором и подписчиками, помогая брендам общаться с аудиторией.

Одним из наиболее действенным способом реализации медиаконтента является инфоповод (информационный повод). Инфоповод, – мощный инструмент, который позволяет компаниям, брендам и частным лицам привлекать внимание аудитории и достигать коммуникативных целей [3].

Инфоповоды являются эффективным инструментом коммуникации и маркетинга, и компании активно используют их для достижения различных целей. (Например, владелец бренда или блогер рассказывает своей аудитории о том, в чем ему не стыдно признаться, обычно это действия негласно осуждающиеся в нашем обществе).

Таким образом, функции инфоповода заключается в:

1. привлечении внимания и повышения узнаваемости;

2. привлечении новых клиентов (акции, специальные предложения, конкурсы или уникальные контентные материалы, которые стимулируют людей к действию и создают положительное впечатление о компании);

3. распространении информации и вовлечение аудитории (те, что вызывают эмоциональный отклик или предлагают практическую пользу, имеют большой потенциал для распространения в социальных сетях и средствах массовой информации. Они могут стать объектом обсуждения.

Ими могут делиться люди – а это способствует расширению охвата и вовлечению аудитории);

4. укреплении авторитета и экспертности;

5. запуске новых продуктов или услуг.

К основным критериям, определяющим успешность инфоповода, относятся его актуальность, адаптированность к целевой аудитории, привлекательность и оригинальность контента, а также соответствие целям и стратегии компании.

В итоге, для создания инфоповода компании могут проводить исследования (с помощью социологического инструментария), собирать данные и статистику, разрабатывать уникальный контент и визуальные материалы, а также участвовать в социальных и благотворительных акциях, которые помогут привлечь внимание и вызвать интерес целевой аудитории, при этом используя различные каналы коммуникации, включая социальные сети, пресс-релизы, блоги и веб-сайты, чтобы эффективно рассказать об инфоповоде и достичь максимального охвата своей целевой аудитории.

Мы все – заложники digital-реальности. Если мы в течение двух недель не входим в интернет-пространство, то выпадаем из интернет-реальности, а впоследствии и из социальной реальности. Практически все социальные сети, мессенджеры разработаны и совершенствуются для того, чтобы можно было как можно больше узнать о человеке, о направлении его деятельности, о том, что он хочет показать аудитории.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что современная медиасреда предоставила достаточно большую площадку для развития медиаконтента и возможности в ней реализации человека. Все, что требуется от человека – это темп и быстрота действия, чтобы успевать за стремительным развитием цифровых технологий, создавая продукты, ресурсы, необходимые для потребления.

Библиографические ссылки

1. *Посталовский А. В.* Аудитория средств массовой информации в социологическом измерении: монография. Минск: РИВШ, 2022.

2. *Бельский А. М.* Модели потребления контента новых медиа населением Беларуси: теоретико-методологический аспект построения // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 4. С. 97–109.

3. *Дмитриев Е.* Понятия «медиасреда» и «информационное пространство» в терминологическом аппарате социологии журналистики. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/192667/1/274-278.pdf (дата обращения 10.09.2025).

4. *Куштанова Л. Г.* К вопросу о трактовке понятий «медиапространство» и «медиасфера» // Вестник магистратуры. 2019. № 4–2(91). С. 135–137.

5. Медиапотребление–2017: Информация vs эмоции // Университетская книга. 2017. № 7. С. 36–38.

6. Подкасты для бизнеса и бизнес на подкастах: как вам использовать этот трендовый инструмент. URL: https://rb.ru/opinion/all-about-podcasts/ (дата обращения 14.10.2025)

7. Что такое подкасты и почему они популярны, 2024. URL: https://yandex.ru/adv/edu/materials/chto-takoe-podkasty (дата обращения 10.09.2025).

ТЕХНОЛОГИИ ВЛАСТИ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА» М. КАСТЕЛЬСА

А. В. Горбатовская

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, gorbatovskayaalesya321i@gmail.com
Научный руководитель – И. И. Лещинская,
кандидат философских наук, доцент

Статья посвящена анализу технологий власти коммуникации в контексте концепции М. Кастельса. Показано, что в современном мире информационные технологии и средства массовой коммуникации становятся ключевыми в формировании и реализации властных технологий. Рассмотрено, что в сетевом обществе контроль над потоками информации и символическими ресурсами становится решающим механизмом влияния, а технологии мультиплицируют скорость, масштабы и формы этого влияния на общественное сознание. Раскрыты ключевые методологические принципы анализа сетевого общества М. Кастельса. Выявлено теоретическое и практическое значение идей и принципов концепции Кастельса для анализа современного социума.

Ключевые слова: профессиональная направленность обучения математике; междисциплинарный подход в преподавании; математика в социологических исследованиях; образовательные технологии в преподавании математических дисциплин.

В современном мире информационные технологии и средства массовой коммуникации играют все более важную роль в формировании и реализации технологий власти. М. Кастельс – один из наиболее титулованных социологов мира, автор нескольких десятков книг по социологии, являясь одним из ведущих теоретиков в области медиа и коммуникаций, он обосновал концепцию, согласно которой власть осуществляется посредством управления информационными потоками и знаниями. «Кастельс показывает, что не только сфера публичной политики во все возрастающей степени расширяется в зависимости от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений. Это признак наступления новой исторической эпохи, когда рождаются новые социальные формы, и, как и раньше, обновление общества происходит в регионе, конфликтах, зачастую – в насилии» [1].

Согласно М. Кастельсу, сетевое общество – это тип общества, социальная структура которого преимущественно основана на сетях, которые активизируются новыми информационными технологиями и достижениями микроэлектронной революции [2]. Информация в контексте концепции сетевого общества Кастельса представлена не как

новая специфическая черта, характеризующая общество XXI века, а как особенность занимающая доминирующее положение в ряде ключевых сфер жизнедеятельности общества.

Ключевыми методологическими принципам анализа сетевого общества М. Кастельса выступили:

1. системность, учитывающая разные уровни взаимодействия – от индивидуальных актов до глобальных структур. Этот принцип необходим, так как власть проявляется на различных уровнях: личностном (например, влияние лидера на отдельного человека), групповой (влияние внутри сообщества или организации), институциональной (власть государства или корпорации) и глобальной (международные информационные сети);

2. принцип динамичности, который необходим при постоянных изменениях технологической среды и способов коммуникации. Власть в современном обществе постоянно меняется благодаря развитию технологий: появлению новых платформ, алгоритмов, методов распространения информации;

3. принцип междисциплинарности, предполагающий использование методов разных наук дает комплексное понимание процессов власти. Исследование политических движений в социальных сетях включает анализ культурных кодов (культурология), изучение структуры сетей (социология), оценку влияния медиа (медиа-исследования) и политическую мотивацию участников (политическая наука);

4. принцип непрерывности, который предполагает перманентный анализ потоков информации, позволяет исследовать каналы передачи информации для выявления механизмов влияния. Власть реализуется через контроль над потоками информации: кто создает их, кто распространяет, кто имеет доступ к ним и как они формируют дискурсы;

5. принцип семиотического анализа систем символов и значений для понимания легитимации или сопротивления власти. Власть часто закрепляется через использование определенных символов (лозунгов, изображений, ритуалов), которые создают смысловые связи у аудитории [3].

Для понимания механизмов влияния и распространения информации исследователь используют различные методы анализа:

– аналитика социальных сетей (SNA): исследование связей между участниками сети (например, пользователями соцсетей), выявление ключевых узлов (инфлюенсеров), центров распространения информации;

– анализ потоков данных (Data Flow Analysis): отслеживание маршрутов распространения сообщений или контента по каналам связи;

– контент-анализ: изучение содержания сообщений для выявления тематики, тональности, культурных кодов;

– моделирование распространения: использование математических моделей (например, модели распространения вируса) для прогнозирования скорости и масштабов распространения информации [4, с. 234].

Анализ процессов власти коммуникации в рамках теории М. Кастельса позволяет глубже понять механизмы функционирования современного общества. В условиях быстрого развития технологий, глобализации и информационной насыщенности власть перестраивается, приобретая новые формы и стратегии воздействия.

Для концепции власти М. Кастельс системообразующим понятием явилось понятие «власть коммуникации». Оно отражает важность и господство процессов обмена информацией и символическими ресурсами в формировании и поддержании власти в современном мире. Кастельс рассматривает власть не как централизованный институт, а как диффузную систему, которая распространяется по различным уровням общества. В этом контексте власть проявляется через контроль над тем, кто имеет доступ к информации, кто может ее создавать и распространять [3].

Кастельс подчеркивает, что контроль за информацией – это ключевой механизм власти в сетевом обществе. Кто контролирует потоки данных, тот может влиять на формирование общественного мнения, определять повестку дня и легитимизовать или дискредитировать определенные идеи или группы. Важным аспектом «власти коммуникаций» является создание дискурсов как систематических наборов идей, тем и образов, которые формируют восприятие реальности. Власть реализуется через управление этими дискурсами: кто говорит, о чем, какие темы считаются важными или неважными. Власть коммуникации действует через культурные коды – символы, лозунги, образы – также служат инструментами власти. Они закрепляются в массовом сознании через рекламу или публичные выступления [3].

К механизмам и технологиям «власти коммуникации» М. Кастельс относит:

1. возможность управлять потоками информации. Примером служит использование алгоритмов социальных сетей для определения того, какой контент показывать пользователю: новости, рекламу или пропаганду;

2. создание особых дискурсов – систематических наборов идей, тем и образов, которые формируют восприятие реальности. Власть реализуется через управление этими дискурсами: кто говорит, о чем, какие темы считаются важными или неважными;

3. применение культурных кодов, символов, образов и лозунгов. Они закрепляются в массовом сознании через рекламу или публичные выступления. Например, лозунг «Свобода» может использоваться для легитимации политической борьбы;

4. цензуру и ограничения доступа к информации. Государственные или корпоративные структуры могут ограничивать распространение нежелательных сообщений или альтернативных точек зрения, что усиливает их контроль с их стороны. Таким образом, в современном обществе роль технологий в формировании и управлении массовым сознанием становится все более значимой и многогранной;

5. технологию формирования «медийной реальности», когда определенные события или идеи преподносятся так, чтобы вызвать нужную реакцию у аудитории. Например, через выборочные новости или фокусировку внимания на конкретных аспектах ситуации формируется определенное восприятие реальности [3].

Мыслитель подчеркивал опасность в том, что такие механизмы способны привести к усилению поляризации общества и созданию информационных пузырей, где люди получают одностороннюю информацию и теряют способность критически воспринимать альтернативные точки зрения. Особенно важным социолог считает огромную скорость распространения такой информации. В связи с этим он говорит о необходимости регулирования цифровых технологий с целью предотвращения чрезмерной концентрации власти. Он выступает за создание прозрачных правил использования данных, обеспечение конкуренции на рынке технологий и развитие механизмов контроля за деятельностью крупных корпораций.

Испанский социолог убежден, что несмотря на мощь современных технологий для манипуляции массовым сознанием, существует также потенциал для сопротивления этим процессам. Образование в области медиа-грамотности, развитие критического мышления граждан, по его мнению, способны снизить интенсивность и масштабность манипулятивных стратегий.

Таким образом, М. Кастельс существенно переосмыслил традиционные представления о сущности и формах функционирования власти. Он показал, что в сетевом обществе власть не осуществляется исключительно посредством социальных институтов, а распространяется через информационные и коммуникативные структуры. Контроль над потоками информации и символическими ресурсами становится решающим механизмом влияния. При этом технологии мультиплицируют скорость, масштабы и формы вмешательства в общественное сознание. М. Кастельс показывает, что без регуляции цифровой среды и прозрачности алгоритмов риск усиления поляризации

и появления информационных пузырей возрастает. Анализ сущности власти коммуникации, проведенный социологом открывает возможности для более осознанного участия социальных акторов в современной сетевой реальности. Данная концепция позволяет понять процессы трансформации социальной структуры, механизмы функционирования современных властных технологий и специфику развития платформенной экономики.

Библиографические ссылки

1. *Ефременко Д. В*. М. Кастельс. Коммуникация, власть и контрвласть в сетевом обществе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/m-kastels-kommunikatsiya-vlast-i-kontrvlast-v-setevom-obschestve (дата обращения: 10.10.2025).

2. *Кастельс М*. «Информационная эпоха»». URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/03.php. (дата обращения: 10.10.2025).

3. *Кастельс М*. Власть коммуникаций / под науч. ред. А. И. Черных. 2-е изд., доп. М.: ВШЭ, 2017.

4. *Кастельс М*. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

ВЛИЯНИЕ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРАКТИК НА ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

А. В. Гризунт

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, beargrizzly13@gmail.com
Научный руководитель – И. И. Лещинская,
кандидат философских наук, доцент

Статья посвящена анализу влияния фотографических практик на формирование визуального образа современного города. Фотография представлена как особая форма визуального высказывания, для которой характерно аграмматичность и нелинейность, что явилось основанием понимания образа города как динамичного множества визуальных событий. Показано, что в условиях цифровой платформенной культуры (Instagram, Pinterest, TikTok) фотография перестает быть инструментом документирования и становится механизмом конструирования городского образа. Выявлено, что визуальный образ города формируется через сетевую коллаборацию пользователей и алгоритмическую селекцию, в результате чего возникает мозаичная, постоянно обновляющаяся система визуальных значений.

Ключевые слова: фотография; медиафилософия; город; визуальный образ; урбанистика; цифровая культура; визуальные практики; семиотика изображения.

Современный город существует не только как физическая структура, но и как совокупность визуальных нарративов, распространяемых через социальные сети и другие повседневные визуальные практики. Это значит, что город – это не только пространство, но и всегда определенный визуальный образ. Визуальные образы городов не всегда совпадают с особенностями архитектуры, планировки или ландшафта. Даже достопримечательности или отличительные особенности тех или иных городов обретают особенную узнаваемость уже будучи зафиксированными. Визуальная репрезентация города сегодня во многом определяется фотографическими практиками, которые не только фиксируют, но и конструируют его образ. В эпоху цифровых медиа и платформенной коммуникации фотография перестала быть исключительно инструментом документирования – она стала формой социальной и культурной рефлексии, способом участия в городском пространстве и производства его визуального образа.

Фотография имеет знаковую природу, а любые совокупности знаков создают свой континуум. Но несмотря на то, что континуум фотографии существует и имеет неисчислимое содержание, проблематично утверждать систематичность этого континуума. Фотография – это вид визуального высказывания, но высказывания аграмматического, то есть без предзаданной логики в отличие от вербальных языков. В этом смысле, визуальный образ города невозможно свести к его история,

легендам или мифам. Аграмматичность и нелинейность как свойства фотографического высказывания особенно проявляются в репрезентации города.

Городские изображения существуют как фрагменты, точки визуальной интенсивности, а не выстраиваются в последовательный нарратив. В совокупности они создают мозаичный образ современного города. Он не может быть цельным и завершенным, так как постоянно реконструируется пользователями, туристами, жителями, блогерами. Фотографическое высказывание формулируется в условиях плоского пространства значений в отличие от других способов визуальной фиксации [1, с. 58].

Когда речь идет о более древних формах записи, то они являют собой линейный нарратив, представленный через иконические символы. Примитивы при последовательном считывании разыгрывают историю, так же, как и герои на греческих вазах (хотя примечательно, что в этом случае история разыгрывается бесконечно). В этом случае изображение легко переводится в дискурс, путем нарративизации мифа. Для настоящего времени характерно распространение хронологических ретроспектив города, в которых один и тот же ракурс повторяется в контексте разных временных координат. Различие в изображение считывается как нарратив и создает исторический образ города [2, с. 110].

Эта нарративизация облегчается линейностью, повторяющей линейность речи. Развитие действий синхронизируется со временем считывания, и пока визуальный язык линеен, перевод ясен. В силу этого возникает вопрос, что же происходит в момент, когда мы пытаемся перевести в линейную форму нелинейное изображение? В отличие от линейного письма, – пишет М. Б. Ямпольский, – изображение оставляет нам свободу по-разному и в разном порядке сочленять элементы на плоскости [3, с. 15].

Этот порядок не оказывает значительного влияния на семантическое восприятие сообщения. Исследователь Е. В. Васильева отмечала, что фотография «… действует как инструмент повествования, она принимает участие в отражении мира, она передает непосредственные черты предмета, частично повторяя принцип соответствия слова и понятия в языке» [4, с. 4]. Но язык непосредственным и тесным образом связан со временем и подчинен ему в собственном раскрытии. «Снимок разрушает возможность хронологически последовательного повествования и тем самым останавливает течение времени, заложенное в фундамент языка» [4, с. 4]. То есть нарративизация города через историческую перспективу является одной из возможных, но не необходимой ее репрезентацией. Исследователи отмечают: «Фактически в изображении

мы наблюдаем всю историю от начала до конца – от момента ее рождения до финального или высшего пункта… Фотография представляет собой другую схему, она использует языковые принципы только частично, а в некоторых случаях указывает на несовершенство наших представлений о языке» [5, с. 2].

Однако, недостаточно вписать город в линейность повествования, так как историю представляет каждое его изображение. Фотография, как мы уже указывали, репрезентирует событие и сама им является, и в этом смысле городское пространство свершается в каждом отдельном снимке. Но в событии-фотографии событие впервые становится единицей, самодостаточной и без предыдущего или последующего события, без его нарастания или угасания. «Несмотря на участие в условном обмене между окружающим миром и его представлением, фотография нарушает диахронию, единство и неразрывность знака – базовые принципы языковой единицы» [5, с. 2].

Эта несистемность фотографического континуума делает образ города множественным и вариативным. Каждый снимок – это частная репрезентация, несводимая к общей категории. В условиях платформенной культуры (Instagram, Pinterest, TikTok) эти индивидуальные визуальные высказывания начинают формировать коллективный архив восприятия города. В результате сам «визуальный образ города» становится результатом сетевой коллаборации и алгоритмической селекции – он складывается из млрд единичных фотовысказываний, циркулирующих в цифровом пространстве [6, с. 20].

Фотографический континуум создает целиком отделенную от мира систему высказываний. Если мы пытаемся обнаружить за фотографическим континуумом систему, то становится очевидно, что кроме связи подобия (внешней к самой фотографии связи) не существует других критериев для категоризации. «Фотография неисчислима, непоследовательна и случайна. В ее выборе нет универсального принципа. По сути, фотография – это система, противостоящая языку как математической схеме» [5, с. 4]. Поскольку все единицы фотографии случайны, то и связи между ними так же случайны. История фотографии не раз показывала, как фотография сопротивляется классификациям, с чем давно уже смирились фотографы [7, с. 65]. Кроме того, фотография – потенциально продуктивный конструкт. Образ города конструируется через эти случайности, благодаря которым он обретает вместе с тем видимость целостности.

В этом отношении особого внимания заслуживает уровень значений, на котором, как мы отметили, конституируется все, что попадает на носитель. «Имя не только способ социализации, но и обстоятельства присутствия. Если вещь имеет место – значит у нее есть

название. То, что существует за границами языка, оказывается за границами существования» [5, с. 9]. Фотография противится этому принципу, сохраняя неназванное, но существующее. «Означающее – фактор социализации вещи, а не показатель ее физического существования. Кадр изобличает этот парадокс: фотография находит возможность существования неназванного. Она визуализирует то, у чего нет имени. Кадр становится средством демонстрации несовершенства языка» [5, с. 9]. В силу этого и визуальный образ города не совпадает с его историей или мифологией. Важную роль в этом играет именно его видимость и соответствие визуальным эстетическим критериям, существующим вне повествований.

Уникальные события и высказывания формируют ряды, которые полагают начало создания истории города. «Язык а-историчен, фотография же пытается открыть способ чисто исторической системы высказываний, единицей которой становится не атемпоральный знак, но событие, зафиксированное индексально» [5, с. 13]. Такого типа знаковая система представляет собой новый аргумент к спору номиналистов и реалистов. Континуум фотографии представляет собой не единичные вещи, которые образуют общие понятия, и не общие понятия, которые представляли бы единичные вещи. Фотография показывает нам, что может существовать исторический континуум знаков, где уникальные объекты выражают уникальные понятия.

Таким образом, визуальный образ современного города формируется посредством континуума фотографических знаков. Последний для современного города выступает особой формой виртуального визуального архива. Фотографический континуум состоит из уникальных фотографических знаков-высказываний, которые не имеют внутренней системы категорий. Эта особенность противопоставляет фотографию вербальному языку как способу коммуникации.

Фотография является коммуникативной единицей, несущей информацию об уникальном событии посредством уникального знака. Фотографический язык представляет собой нередукционистскую систему знаков-событий. Рассмотренные нами способы возможной систематизации фотографического континуума базируются на символическом или же иконическом принципах. Фотография вид плоского изображения, противостоящего линейности синтаксиса.

Визуальный образ современного города представляет собой несистематизируемое семиотическое множество, так как не существует способов объективной систематизации этого континуума. В силу этого данный образ всегда множественен и изменчив. Он не только отражает, но и изменяет опыт города, задавая новые маршруты его восприятия,

новые «точки зрения» и новые формы его присутствия в пространстве. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод, что фотографические практики оказывают прямое влияние на визуальный облик города, превращая его в живую, самообновляющуюся систему визуальных значений.

Библиографические ссылки

1. *Ямпольский М. Б.* Изображение. Курс лекций. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

2. *Левашов В*. Лекции по истории фотографии. М.: ИП Гусев, 2018.

3. *Ямпольский М. Б.* Из хаоса. (Драгомощенко: поэзия, фотография, философия). М.: Порядок слов, 2015.

4. *Васильева Е. В*. Фотография и феномен времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вып. I. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fotografiya-i-fenomen-vremeni (дата обращения: 15.06.2022).

5. *Васильева Е. В*. Идея знака и принцип обмена в поле фотографии и системе языка // Вестник СПбГУ. Сер. 15, Искусствоведение. 2016. № 1. С. 4–30.

6. *Манович Л. З.* Instagram and Contemporary Image. Нью-Йорк: [б. и.], 2017. URL: https://manovich.net/index.php/projects/instagram-and-contemporary-image (дата обращения: 22.10.2025).

7. *Беньямин В*. Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

ВЛАСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОЦИАЛЬНЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

И. Н. Колядко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, kaliadka.bsu@gmail.com

Власть выступает способом самоорганизации социальной системы, ориентированным на установление и поддержание ценностно-нормативного порядка взаимодействия. В своем классическом понимании осуществление власти предполагает реализацию таких способов управления и регулирования социальных отношений, которые способны обеспечить социальный порядок. В условиях цифровой трансформации основных сфер современного общества и формирования сетевой модели социальных коммуникаций власть осуществляется не столько посредством принуждения, а все в большей степени путем конструирования смысла на основе дискурсов, которыми акторы руководствуются в своих действиях. Конструирование дискурсивных практик выступает способом организации социокультурного пространства современного общества, социальная стабильность которого непосредственно связана с реализацией «символической власти», как особым способом самоорганизации социальной системы посредством ценностно-нормативного упорядочения связей и отношений между ее элементами. Современные социальные и коммуникационные технологии сами выступают разновидностью власти, оказываясь способными формировать паттерны общественного сознания.

Ключевые слова: власть; социальный порядок; ценности; социальные и коммуникационные технологии; дискурс; цифровая эпоха.

Современный этап развития техногенной цивилизации обосновано характеризуется в качестве *переходного, кризисного*. Уже сегодня видны контуры совершенно нового мира, который формируется в противоречиях цифровой эпохи. Стремительные изменения в сфере техники, технологий, научно-технический прогресс радикально обновляют предметную среду, в которой непосредственно протекает жизнедеятельность человека. Одновременно с этим возникают новые формы человеческого труда, новые типы социальных коммуникаций, способы хранения и передачи информации, новые формы взаимодействия различных культурных традиций [1, с. 67]. С развитием новейших конвергентных технологий – нано-, био-, инфо-, когнитивных-, социальных технологий (*NBICS-технологии*) – исследователи связывают новый этап в развитии техногенной цивилизации, в частности возникновение *«общества знаний»*. В последнем знание, и прежде всего, научное, начинает играть особую роль: производство, распределение и использование знания начинает определяющим образом влиять на все

остальные социальные и культурные процессы. На основе современного научного знания вырабатываются такие технологии, которые глубоко *трансформируют сложившийся природный и социальный порядок* [2]. В этой связи актуальной становится проблема экспликации *феномена власти*, выявление ее основополагающих характеристик и функций в цифровую эпоху в целях минимизации количества и степени возникающих рисков для жизни человека и общества.

Власть в своей сущности выступает в качестве способа самоорганизации социальной системы путем установления и поддержания ценностно-нормативного порядка коллективного взаимодействия. Властные отношения лежат в основе общественных институтов, регулируя их взаимодействие и определяя функциональный статус в социальной системе. Опираясь на *экстраутилитарные ценности*, власть выступает и способом организации социальной целостности, и средством регуляции деятельности индивидов на основе установления определенных норм взаимодействия. При этом различные разновидности, *способы осуществления власти*, такие, как *принуждение, насилие, стимулирование, манипулирование* в обществе традиционного типа реализовывались сверху вниз, что позволяло воспринимать их как инструменты воздействия, *внешние* по отношению к интересам и потребностям человека и общества. Нередко власть конституировалась в качестве «аппарата насилия», что ассоциировало ее с *репрессивным механизмом принуждения* в лице верховной инстанции, в роли которой нередко представало государство и его институты. На современном же этапе социодинамики техногенной цивилизации властные отношения формируются в сознании людей преимущественно в *ходе процессов коммуникации*, конституируются не сверху вниз, а преимущественно в «горизонтальной» плоскости. В этом состоит определенная «революционность» в понимании способов и форм реализации властных отношений и с этим связано *изменение роли социальных и коммуникационных технологий* в формировании социокультурного пространства современного общества.

Современные социальные и коммуникационные технологии создают *символическую среду – «символический универсум»* [3], в котором индивиды воспринимают и оценивают происходящие события, придают им определенное доминирующими культурными универсалиями значение, формируют картину социальной реальности. М. Фуко принадлежит к числу мыслителей, впервые глубоко изучивших данный феномен. В своей работе «Надзирать и наказывать» [4, с. 23] он раскрыл принципы функционирования власти в эпоху господства современных средств массовой коммуникации. Так, *медиа* представляют собой не просто каналы информации и коммуникации, но выступают в

качестве активных средств *конструирования реальности*. Социальные и коммуникационные технологии трансформируются в ключевые инструменты влияния, *формирующие идентичность* акторов социальных взаимодействий на всех уровнях: от обыденного сознания до специализированных формообразований культуры. Социальные сети и цифровые онлайн-платформы существенно воздействуют на восприятие и программы деятельности и поведения индивидов. Это демонстрирует параллели между концепцией биовласти М. Фуко и современными цифровыми механизмами контроля. Собирая и обрабатывая данные об индивидах, современные средства коммуникации воздействуют не только на способы их жизнедеятельности, но и на психические установки, модели поведения и культурные нормы. Согласно М. Фуко, *власть всегда сопряжена с производством знания*, которое служит ее интересам, определенным образом упорядочивает и нормализует общественные связи. При этом знания в цифровую эпоху генерируются преимущественно посредством цифровых интернет-платформ, а не специализированными социальными институтами.

Так, Ж. Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляции» утверждал, что средства массовой коммуникации не просто транслируют информацию, а *конструируют реальность*, превращая события в симулякры (копии без оригинала) [5, с. 134]. По его мнению, медиа, как одна из ключевых коммуникационных технологий цифровой эпохи, участвуют в процессе создания *гиперреальности*, где фактическое и вымышленное сливаются до неразличимости. Такая интерпретация медиа как могущественного инструмента формирования восприятия подчеркивает их роль в процессах установления и поддержания власти. Таким образом, получается, что те, кто управляет социальными и коммуникационными технологиями, определяет способы формирования социальной картины миры на основе технологий событийности и постправды.

Развитие социальных и коммуникационных технологий и широкое распространение на рубеже XX–XXI вв. «всемирной паутины» существенно трансформировало структуру властных отношений. Интернет превратился в пространство, где информация перестала жестко контролироваться медиакорпорациями, выражающими интересы государства, бизнеса или иных влиятельных социальных институтов. Как отмечает в этой связи М. Кастельс «с наступлением эпохи цифровых коммуникаций трансформация коммуникации и последовавшие за этим изменения в организации и культуре глубоко повлияли на способ функционирования властных отношений» [6, с. 9]. На первый взгляд, эти изменения выглядят как демократизация власти, поскольку расширился свободный доступ к производству и потреблению информации и знания.

Однако это, по мнению М. Кастельса, разрушает традиционные границы между элитами и массами, порождая *феномен «сетевого общества»* с преобладанием горизонтальных связей социальных взаимодействий, где децентрализованные структуры приходят на смену иерархическим формам организации власти [6, с. 204]. Тем не менее, происходящий сдвиг от массовой коммуникации к *децентрализованной массовой самокоммуникации* открывает пространство для реализации «наиболее фундаментальной формы власти – власти формировать человеческое сознание» [6, с. 48].

Распространение социальных и коммуникационных технологий на современном этапе социодинамики техногенной цивилизации оказало влияние на трансформацию социальных взаимодействий: индивиды получили возможность не только потреблять, но и создавать контент, а вместе с этим и принимать участие в формировании *дискурсивных практик*, как способов упорядочения социальной реальности. С одной стороны, это создало предпосылки для возможности выбора индивидами культурной и иных форм самоидентификации. Однако, с другой стороны, описанные сдвиги стали фактором *фрагментации социокультурного пространства*, образуя многомерный общественный дискурс с разнообразными позициями и различными формами идентификации. Последнее обстоятельство превращает современное «общество знания» в *«общество риска»*, поскольку власть, призванная консолидировать общество посредством его ценностно-нормативного упорядочения, сама подвергается фрагментации и влиянию продуцируемых ею дискурсов. Реализуя свой упорядочивающий и нормативный потенциал посредством современных социальных и коммуникационных технологий, власть в цифровую эпоху осуществляется путем «производства и распространения информации, культурных кодов, а также создания новых технологий контроля и раскрытия анонимности, ограничения приватности» [7, с. 148]. Таким образом, «информационное насилие, распространяемое посредством информационных технологий, превращает наше существование в "электронный паноптикум", т. е. в жизнь в условиях тотального контроля» [7, с. 149].

Выступая основным средством реализации власти в цифровую эпоху, социальные и коммуникационные технологии открывают, как возможности, так и риски для социокультурного развития техногенной цивилизации. Открывая пространство для развития творческих способностей человека, для расширения пространства его свободы, социальных и межличностных связей, социальные и коммуникационные технологии вместе с тем создают предпосылки для манипулирования личным и общественным сознанием, навязывая определенные

интерпретации событий или фабрикуя образ реальности. Манипулятивный характер формируемой *цифровой реальности* становится главной опасностью некритического применения современных социальных и коммуникационных технологий в различных сферах современного общества. Реализация властных отношений в цифровую эпоху связана с формированием паттернов общественного сознания, а конструирование дискурсивных практик выступает способом организации социокультурного пространства техногенной цивилизации. Поэтому с ростом влияния социальных и коммуникационных технологий для государства становится жизненно необходимо сохранить за собой право на формирование «легитимного видения мира» [8] и соблюдение принципов неделимости безопасности.

Библиографические ссылки

1. *Степин В. С.* Типы цивилизационного развития / Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. С. 67–85.
2. *Лекторский В. А.* Возможно ли постчеловеческое будущее? // Философия. Познание. Культура. М.: Канон+Реабилитация, 2012. С. 170–176.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
4. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, Гараж, 2020.
5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.
6. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2023.
7. *Сидоренко И. Н.* Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск: БГУ, 2017.
8. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. Вып. 2. С. 137–150.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В БРЕНДИНГЕ ТЕРРИТОРИЙ

Д. М. Концевой

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, danielloysee@gmail.com
Научный руководитель – Ю. Ю. Гафарова,
кандидат философских наук, доцент

В статье автор демонстрирует концептуальное применение актуальных практик из брендинга для построения стратегий развития территориальных брендов. В условиях трансформации роли ИКТ в обществе бренды становятся чрезвычайно подвижными символическими сущностями, а социальные сети – площадками интенсивного символического обмена. Формирование имиджа территорий во многом зависит от того, в какое русло направятся коммуникация и смыслообразование вокруг них. Для принятия оперативных решений необходимы инструменты сбора сигналов с подобных площадок и проектирования прогнозных моделей на их основе. Данная работа предлагает теоретический анализ современного территориального брендинга с практической демонстрацией создания и применения моделей машинного обучения для разработки и корректировки стратегий развития брендов территорий.

Ключевые слова: машинное обучение; брендинг территорий; брендинг городов; социальные сети; символический обмен; тематический анализ; анализ тональности; визуальный анализ.

В последние десятилетия понятие «бренд территории» пережило качественный переход от стабильного набора символов и официальных нарративов к непрерывно конструируемой сетевой практике. Традиционная модель, где имидж города или региона формировался преимущественно через институциональные кампании и медийные проекты, уступает место символической динамике, в которой ключевую роль играют информационно-коммуникационные технологии и платформы. Социальные сети и цифровые медиа превратили процесс смыслообразования в поток событий и реакций, где значимость символов определяется скоростью их репликации, характером вовлеченности и контекстом.

С развитием социальных сетей и инструментов публикации сообщений на «весь мир» вся бренд-парадигма начала свою трансформацию. Бренды из «статичных знаков», которых выпускают на рынок с заранее заданной нужно интерпретацией, превратились в поля символических битв между разными агентами сети. Сейчас для бренда важно, в каком направлении пойдет коммуникация вокруг него, а это, в свою очередь, во многом определяет его успех. Сегодня бренды – динамически изменяющиеся символические сущности. Эта же трансформация произошла с брендингом территорий. Бренд

территории – совокупность знаков, ассоциаций и нарративов, постоянно реконструируемых агентами в сети в ходе коммуникации. По мнению автора книги «За пределами брендинга: как новые ценности прозрачности и честности меняют мир брендов» Николаса Инда, «хотя бренд связан с физическим продуктом или услугой, сам по себе он нематериален. Это преобразующая идея, которая превращает материальное в нечто ценное (although a brand is related to a physical product or service it is itself immaterial. It is a transforming idea that converts the tangible into something of value)» [3, с. 3].

Такой подход согласуется с современными теориями территориального брендинга. Кейт Динни в своей книге «Брендинг территорий. Лучшие мировые практики» пишет, что «в разработку бренда города вовлечено множество стейкхолдеров» [1, с. 10]. И хотя автор подразумевает под стейкхолдерами наиболее влиятельные городские группы, например, бизнесменов или политиков, мы смело можем причислять к ним и любые заинтересованные группы, участвующие в символическом обмене вокруг бренда города.

В структуре стратегии территориального бренда Кейт Динни выделяет элемент коммуникации [1, с. 27]. В настоящее время бренд-коммуникации не представляют собой процесс передачи сообщений пассивной аудитории. Бренд-менеджеры больше не могут контролировать бренды на рынке, наоборот, они своими действиями должны направлять коммуникацию вокруг бренда. Если же бренд-менеджерам нужно предпринимать правильные решения в отношении динамической коммуникации, у них должна быть перед глаза вся картина происходящего в сети. Возникает практическая проблема: как фиксировать, структурировать и прогнозировать те пласты смыслов, которые раньше исследовались преимущественно качественными методами? Появление больших потоков пользовательского контента: текстов, изображений, метаданных и сетевых взаимодействий, – даёт, с одной стороны, новые возможности для анализа и прогнозирования, с другой же стороны, ставит задачу работы с высокой неоднородностью и шумом.

В этой статье я предложу концептуальное применение актуальных практик из бренд-менеджмента и бренд-репутации в сфере брендинга территорий и опишу инструменты и методы, в том числе программный код на языке Python, с помощью которых можно строить как парсеры (программы для сбора информации), так и модели машинного обучения, способные в разы ускорить прогнозирование и помочь в разработке стратегий развития брендов территорий.

Начнем с того, с чего начинается любая ML-модель, а именно с цели работы. Любой этап EDA (Exploratory Data Analysis) и любая модель

начинаются с определения того, что именно нужно собрать и что получить в итоге. В данной статье я затрону два типа данных, с которыми можно работать при анализе брендов территорий: вербальные тексты и изображения. В первом случае мы можем анализировать тематические распределения и нарративы, тональность, временные ряды и изменение тем во времени, а модели, построенные на этих данных, позволят прогнозировать тематическое соответствие постов, возможную силу отклика на сообщения. Во втором – визуальное представление, доминантные цвета, интерпретацию изображений, что может дать представление о соответствии визуала и территорий и позволит принять решение о том, какой визуал лучше использовать для той или иной территории. К этим же данным можно добавлять и метаданные, например, лайки, репосты, геоданные, с помощью которых можно оценивать силу акторов в сети, зависимости от географического расположения.

Кроме того, следует дать общую поэтапную логику построения любой модели ML, которой будем придерживаться в данной статье. Любая наша программа будет называться Pipeline, или конвейер. В программировании пайплайны удобны тем, что данные преобразуются последовательно, идут от этапа к этапу, что предотвращает утечку данных при работе с ними и закрепляет логику преобразования, пока данные не будут отправлены в модель. В качестве концептуального пайплайна я предложу следующую структуру: 1) сбор данных → 2) EDA →
3) разделение данных на тренировочную и тестовую выборки → 4) предобработка и нормализация данных → 5) создание меток, или кодирование данных (labeling/encoding) → 6) токенизация данных (embeddings) → 7) обучение модели → 8) оценка модели. В пайплайн можно добавлять и другие этапы, например, feature engineering, когда мы находим новые переменные для повышения точности модели, создание ансамблевых моделей ML, когда данные проходят через разные модели для получения лучших результатов. Все зависит от целей и задач [2].

Начнем с этапа сбора данных. Для наших целей мы будем собирать данные в социальных сетях, таких как X, Instagram, ВКонтакте и других площадках, на которых происходит символический обмен. Современные фреймворки позволяют без особых проблем собирать данные (вербальные тексты, фото, видео, метаданные) с любых сайтов. Сегодня повсеместно применяется библиотека Playwright, написанная для языка Python. Мощный инструмент автоматизации браузера, разработанный Microsoft, позволяет контролировать браузеры через единый API. С помощью данной библиотеки можно писать парсеры, которые способны обходить актуальные системы защиты браузеров (капчи, кнопки и т. д.),

автоматически выстраивать безопасные тайм-ауты (время срабатывания действий), поддерживать работу прокси и асинхронную работу.

Любой парсер на Playwright начинается со следующего блока кода:

```
with sync_playwright() as pw:
# Подключаем web driver
browser = pw.chromium.launch(headless=False)
# Создаем окно браузера
context = browser.new_context(viewport={"width": 1366, "height": 700})
# Открываем новую страницу в окне браузера
page = context.new_page()
# Переходим по ссылке на сайт социальной сети
page.goto('ссылка на соц. сеть')
```

Бот будет самостоятельно открывать браузер, создавать страницу и переходить по ссылке на сайт социальной сети. Если параметр headless равен False, то будет создано окно браузера, что позволяет контролировать работу парсера при его проектировании, однако в финальной версии лучше делать headless = True для экономии вычислительных ресурсов системы.

Далее можно применять самые различные инструменты веб-парсинга. С помощью метода .locator() следует искать нужный блок HTML-кода и работать с ним, например, находить окно ввода для запросов, вводить нужный запрос и нажимать Enter, затем находить нужный блок HTML, откуда и будет собираться информация. Методы .get_attribute(), .inner_text(), .text_content() нужны для сбора информации со страницы. Все методы можно посмотреть в документации библиотеки.

Как только нужные данные будут собраны, их следует выгрузить в удобные для работы форматы, например, csv, xlsx. В любом случае, все эти данные будут сгружены в датафрейм с помощью библиотеки Pandas, лучше использовать формат csv, так как он занимает меньше места на носителе.

Перейдем к существующим библиотекам, с помощью которых можно строить различные модели для реализации поставленных целей в рамках брендинга территорий.

Анализ текстов. Для анализа текстовых данных, связанных с брендами территорий, используются методы обработки естественного языка (NLP-модели), позволяющие исследовать тематическую структуру, тональность и динамику дискурсов. На первом этапе применяется классический подход с использованием векторизации TF-IDF, который преобразует тексты в числовые признаки, проще говоря, словам даются их значения, или векторы. Далее можно реализовывать регрессионые модели или градиентные бустинги, например LightGBM.

Ниже представлен простой код пайплайна логистической регрессии для нашей задачи (при условии, что X, y переменные определены):

```
from sklearn.model_selection import train_test_split
```

```
from sklearn.pipeline import Pipeline
from sklearn.feature_extraction.text import TfidfVectorizer
from sklearn.linear_model import LogisticRegression
from sklearn.metrics import accuracy_score

X_train, X_test, y_train, y_test = train_test_split(
   X, y, test_size=0.2, random_state=42, shuffle=True)
pipeline = Pipeline([
   ('tfidf', TfidfVectorizer(
     max_features=20000,
     ngram_range=(1,2),
     min_df=5,
     strip_accents='unicode'
   )),
   ('clf', LogisticRegression(max_iter=1000))
])
# Обучение модели
pipeline.fit(X_train, y_train)
# Предсказание и оценка модели
y_pred = pipeline.predict(X_test)
print("Accuracy:", accuracy_score(y_test, y_pred))
```

Данный конвейер при правильно размеченных данных может делать простейшие операции определения тональности текстов с высокой точностью.

Более глубокий анализ возможен с помощью языковых моделей нового поколения, например, SBERT, и мультиязычных трансформеров из библиотеки Hugging Face, например, ruBERT. Данные модели позволяют получать сложные эмбеддинги предложений, в которых сохраняются смысловые связи между словами и контекстами. На их основе можно решать задачи классификации сообщений, анализа тональности и тематического моделирования.

Анализ изображений. Для анализа изображений применяется стандартная архитектура сверточных нейронных сетей, которые требуют куда больших вычислительных мощностей, нежели обычные регрессионные модели или бустинги, чаще всего на основе предобученных моделей ResNet или EfficientNet из библиотеки torchvision. Эти модели позволяют извлекать визуальные эмбеддинги, или векторные представления изображений, которые затем можно анализировать или подавать в классические модели.

Таким образом, применение методов машинного обучения в брендинге территорий позволяет выйти за рамки описательных подходов и перейти к аналитическому пониманию символических процессов. Все описанные методы лишь часть того, что можно использовать в настоящее время в построении стратегий и принятии оперативных решений. Это своего рода конструктор, позволяющий находить связи там, где раньше их и не подумали бы искать.

Библиографические ссылки

1. *Динни К.* Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

2. *Рыжков А.* Как построить хороший пайплайн разработки ML-модели // Хабр. URL: https://habr.com/ru/articles/920030 (дата обращения: 28.10.2025).

3. *Ind N.* A Brand of Enlightenment // Beyond Branding. L.: Kogan Page, 2003.

КОММУНИКАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОЖАН

Д. С. Красковская

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, 8069748@mail.ru

В условиях цифровой эпохи эффективность взаимодействия государственных органов с гражданами значительно влияет на качество жизни населения. В статье исследуется роль социальных сетей как инструмента диалога, прозрачности и социальной ответственности власти, а также их потенциал для повышения уровня доверия, участия и удовлетворенности граждан. Анализируются механизмы и кейсы использования социальных сетей, а также основные вызовы и перспективы развития цифровой коммуникации в сфере публичного управления.

Ключевые слова: город; коммуникация; органы государственной власти; качество жизни; горожан; участие граждан; социальные сети; цифровая коммуникация; условия жизни горожан; удовлетворенность граждан.

Современные города сталкиваются с необходимостью внедрения инновационных методов коммуникации для повышения эффективности городского управления и удовлетворенности населения. Глубокая медиатизация общества привела к кардинальной трансформации традиционных моделей коммуникации между государством и гражданами. Социальные сети перестали быть лишь платформой для личного общения, превратившись в мощный инструмент публичного диалога. Использование социальных сетей как публичных платформ позволяет государствам снижать информационный барьер, повышать уровень прозрачности и активировать гражданское участие.

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом коммуникация органов власти в социальных сетях способствует улучшению условий жизни горожан и повышает уровень доверия, а также определить основные вызовы и аспекты перспективного развития.

Теории демократии и публичной политики подчеркивают важность открытости и прозрачности в управлении. В цифровую эпоху эти принципы реализуются через новые каналы коммуникации, такие как социальные платформы.

Теория электронной демократии предполагает, что онлайн-взаимодействие способствует повышению участия граждан и усилению гражданского контроля.

Концепция цифрового управления акцентирует внимание на использовании коммуникационных технологий для повышения эффективности и открытости процессов.

Ключевыми составляющими успешной коммуникации являются информационная открытость, двухсторонний диалог и прозрачное участие граждан.

К механизмам влияния социальных сетей на качество жизни горожан относят:

1. повышение информационной прозрачности и доступности. В городах, где органы власти активно используют социальные сети, граждане получают своевременную информацию о текущих событиях, чрезвычайных ситуациях, плановых работах и изменениях в городском управлении. Это способствует снижению уровня тревожности, повышению доверия к власти и принятию обоснованных решений;

2. вовлечение граждан в процессы принятия решений. Социальные сети позволяют гражданам выражать свои мнения по важным муниципальным вопросам, участвовать в онлайн-опросах, инициировать обсуждения. Такой публичный диалог способствует более точному учету потребностей населения при реализации проектов;

3. формирование и укрепление доверия и социальной солидарности Постоянное присутствие власти в социальных сетях, публикация отчетов и обратной связи демонстрируют открытость и ответственность. Это укрепляет социальное доверие и способствует формированию позитивного имиджа власти;

4. активизацию социальных инициатив и проектов. С помощью социальных сетей органы власти могут быстро мобилизовать жителей для проведения субботников, благоустройства территорий и других инициатив. Это повышает качество городской среды и общее удовлетворение жителей;

5. ускорение реагирования на проблемы и кризисные ситуации. Социальные сети позволяют оперативно получать информацию о проблемах, быстро реагировать и информировать население о предпринимаемых мерах, что особенно важно в условиях чрезвычайных ситуаций.

Так, согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645, на главной странице интернет-сайтов государственных органов и организаций с 2023 года должна быть гиперссылка на www.обращения.бел., так как со 2 января 2023 года в Беларуси действует новый порядок направления в госорган (госорганизацию) электронных обращений с помощью единой государственной республиканской информационной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц [1].

Кроме того, с 2015 года функционирует интернет-портал «Мая рэспубліка» 115.бел – это один из ключевых проектов Центра информационных технологий Мингорисполкома, созданный с целью повышения эффективности и улучшения взаимодействия между жителями городов Беларуси и службами, оказывающими жилищно-коммунальные услуги.

В России в качестве примера можно привести Мэрию Москвы и официальный аккаунт, где «Мэр Москвы» активно публикует новости, а также собирает отзывы горожан о различных проектах и услугах.

В рамках программы «Городские советы» в Казани реализуются диалоговые платформы для консультаций и совместного развития стратегий.

Говоря о зарубежном опыте, в городе Барселона активно используется платформа «Decidim» (на испанском – «Решай») для вовлечения граждан в управление городом, голосования и обсуждения решений.

В Новом Южном Уэльсе (Австралия) органы власти используют социальные сети для быстрого обмена информацией и повышения градусной активности.

Несмотря на очевидные плюсы, применение социальных сетей сталкивается с рядом проблем, к которым относятся:

– цифровое неравенство, когда часть населения не имеет доступа или навыков для участия в онлайн-дискуссиях;

– распространение дезинформации и фейковых новостей, что может подорвать доверие и вызвать социальное напряжение;

– медиа-активность и управление кризисами, требующие профессионализма в ведении коммуникации;

– конфиденциальность и безопасность данных, связанные с публикацией личной информации граждан.

В качестве рекомендации по оптимизации коммуникации и для превращения социальных сетей в действенный инструмент повышения качества жизни необходимы:

– *отказ от формализма в пользу диалога*. Контент должен быть ориентирован на интересы и потребности граждан, а не на отчетность перед вышестоящими инстанциями;

– *внедрение сервисного подхода*. Социальные сети должны быть интегрированы с порталами государственных услуг (например, приложение «Е-паслуга»), обеспечивая не только информирование, но и решение конкретных проблем;

– *инвестиции в цифровую грамотность госслужащих*. Необходимо обучать сотрудников навыкам работы в новой среде, включая управление сообществами и работу с негативными комментариями;

– *использование данных для управления*. Анализ статистики и настроений аудитории должен лежать в основе принятия управленческих решений, позволяя точечно улучшать городскую среду.

Коммуникация органов государственной власти в социальных сетях перестала быть факультативной активностью и превратилась в значимый фактор повышения качества жизни горожан. От формального присутствия к содержательному диалогу – таков вектор развития, необходимый для реализации потенциала цифровых технологий в госуправлении.

Эффективная стратегия, нацеленная на искренний диалог, оперативное решение проблем и создание доверительной атмосферы, способна не только повысить удовлетворенность населения работой властей, но и непосредственно повлиять на комфорт и благополучие в городском пространстве, а также способствовать формированию активного гражданского общества и развитию умных городов.

Однако для достижения оптимальных результатов необходим системный подход, соблюдение этических стандартов и постоянное совершенствование технологий.

Библиографические ссылки

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. Минск, 2003–2005. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21000645 (дата обращения: 24.10.2025).

ПРИМЕНЕНИЕ МОБИЛЬНЫХ ИГРОВЫХ МЕХАНИК ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У ВОДИТЕЛЯ

И. В. Пинчук[1)], **И. А. Никитин**[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, PinchukIV@bsu.by*

Статья посвящена рассмотрению различных технологий ограничения доступа к автомобилю в состоянии утомления или алкогольного опьянения. Представлена разработка авторского прототипа приложения, адаптированного для сервиса каршеринга. Авторы рассматривают короткую мобильную игровую механику, как гибкую и масштабируемую альтернативу традиционным аппаратным решениям. В рамках проведенного эксперимента подтверждена гипотеза о способности «коротких» мобильных игровых механик эффективно разделять водителей по уровням когнитивных функций. Обозначена перспектива использования модели приложения для сервисов каршеринга.

Ключевые слова: уровень автомобилизации; безопасность дорожного движения; когнитивные функции водителя; технологии ограничения доступа к автомобилю; мобильная игровая механика; каршеринг.

Процессы урбанизации, протекающие в Республике Беларусь в последние десятилетия, детерминировали изменения в транспортных и других сценариях жизни. Так, высокий уровень автомобилизации задает вызовы для современных городов. Число автомобилей на душу населения в Беларуси в целом и г. Минске растет. По данным Национального статистического комитета, в Беларуси в 2024 году обеспеченность легковыми автомобилями на 1 000 человек населения по территории Республики составляла 339 штук (в 2022 году – 323), а в г. Минске – 313 (в 2022 году – 309) [1].

По прогнозу социально-экономического развития, до 2030 года предполагаемый уровень автомобилизации в столице – около 350 машин на 1 000 человек (расчетный показатель – один автомобиль на семью) [2]. Автомобилизация пространства и транспорта является общим трендом и для стран в регионе. Согласно данным агентства «АВТОСТАТ» в Москве на 1 000 жителей приходится 313 автомобилей. В Москве и Подмосковье; насчитывается свыше 8,7 млн автомобилей, к 2025 году их число достигнет 8,9 млн [3]. Рост числа автомобилей актуализирует вопросы, связанные с безопасностью дорожного движения. Одним из факторов, напрямую влияющих на вероятность попадания в ДТП, является снижение когнитивных функций у водителя [4; 5].

Рассматривая данный вопрос в контексте психофизиологии участников дорожного движения (транспортной психологии) можно

отметить, что устойчивость и интенсивность внимания, проявляются в постоянной и высокой готовности к действиям при неожиданном изменении дорожной обстановки. Снижение готовности – одна из наиболее частых причин ошибок, ведущих к ДТП. Происходит это потому, что интенсивность и устойчивость внимания даже у человека в хорошем состоянии подвержены периодическим колебаниям. Поэтому как бы водитель ни старался быть предельно внимательным, интенсивность его внимания периодически снижается, особенно если он утомлен, болен или находится в состоянии алкогольного опьянения [6, с. 86]. Несмотря на очевидный факт негативного воздействия алкоголя на когнитивные функции водителя, количество установленных случаев вождения в нетрезвом состоянии, хотя и постепенно снижается, остается достаточно высоким. По данным главного управления ГАИ МВД Беларуси, в 2024 году в стране задержано более десяти тысяч нетрезвых водителей, из них 244 – повторно в течение года. По вине пьяных за рулем погибло 47 человек, еще 198 – травмировано [7]. При этом на расширенном заседании комиссии Палаты представителей по промышленности и транспорту летом 2025 года говорилось о необходимости дополнительной работы с сервисами аренды автомобилей, учетом роста значимости такого рода транспорта и статистики ГАИ. В связи с этим прорабатываются различные сценарии снижения рисков, например, оснащение арендных автомобилей специальными устройствами, блокирующими запуск двигателя при обнаружении алкоголя в выдыхаемом воздухе [8].

В настоящее время существуют различные технологии ограничения доступа к автомобилю в состоянии утомления или алкогольного опьянения, подтвержденные международными экспериментами. К таковым можно отнести: алкозамки в автомобилях; анализ вождения и телематика; тестирование и приложения. Кратко рассмотрим особенности каждой из технологий. Алкозамки на автомобиль или алкоблокираторы – решение для контроля трезвости водителей на протяжении всего процесса управления транспортом. Алкозамки представляют собой алкотестеры, которые интегрируются в систему зажигания транспортного средства и блокируют запуск двигателя, если в выдыхаемом водителем воздухе обнаружен алкоголь [9]. Однако данное решение имеет ряд ограничений в контексте массового внедрения. В первую очередь это касается стоимости для конечного пользователя (до 1300 евро за устройство во Франции; годовая программа в Австрии – 2500 евро) [10]. Кроме того, имеются технические сложности установки на конкретную марку автомобиля. К гигиеническому аспекту можно отнести риск передачи респираторных заболеваний в ситуации использования одного транспортного средства двумя и более

водителями. К числу ограничений можно отнести и то, что данный прибор фиксирует только алкогольное опьянение, без выявления других аспектов, влияющих на когнитивное состояние водителя. Вместе с тем практика использования данной технологии в Европейских странах показывает эффективность ее применения в снижении на 50 % уровня рецидива у водителей, которые ранее были привлечены к ответственности за вождение в нетрезвом виде [10].

В свою очередь системы анализа вождения и телематики направлены на предотвращение возможного ДТП. Академические исследования (включая данные из Китая и Испании) подтверждают эффективность данной технологии: в качестве базы для анализа используются «события на грани» (напр., резкое торможение < -6 м/с²) как суррогатный показатель ДТП. Такие события происходят в 24 раза чаще аварий, но имеют «поразительно схожие» паттерны [11]. На основе данных такого рода телематических программ, возможно повышение стоимости страховки для тех, кто водит опасно (приводят к снижению аварийности на 20–43 %) и снижение – для аккуратных водителей [11]. Барьерами для массового использования выступают высокая стоимость решения и работа «постфактум» (после анализ данных о «событиях на грани»).

Следующим вариантом являются академические и мобильные приложения. Существуют приложения (например, DRUID), прошедшие валидацию в 3-х рецензируемых научных исследованиях и откалиброванные по уровню алкоголя в крови (BAC) [12]. Другие приложения (напр., AlertMeter®) валидированы в исследованиях с 36-часовой депривацией сна, показывая корреляцию с «золотым стандартом» (Психомоторный тест на бдительность, PVT) [13]. Также игровые механики могут оцениваться, например, с помощью теста Струпа – индикатор эффекта от депривации сна [14].

Таким образом вариант использования мобильного приложения представляется одним из перспективных и доступных способов решения обозначенной проблемы. Уже существующие наработки легли в основу разработки авторского прототипа мобильного приложения, адаптированного под сервис каршеринга. Короткая мобильная игровая механика, как гибкая и масштабируемая альтернатива традиционным аппаратным решениям.

Поскольку перед каждой арендой пользователь взаимодействует с мобильным приложением мы получаем возможность относительно быстро интегрировать механизмы для проверки. Участники эксперимента открывали приложение, идентичное сервису каршеринга. Затем, прежде, чем заказать автомобиль, им предлагалось пройти тест, включающий пять механик: на реакцию, координацию, внимание (тест

Струпа), кратковременную память, устойчивость (тремор). В приложении заложена двойная рандомизация: система случайно выбирает 3 из 5 тестов и 1 из 3 уровней сложности. Сбор данных происходил с использованием механизма анонимного самоотчета («Я трезв» / «Я немного выпил(а)») для создания обучающей выборки.

Анализ первичных данных был осуществлен на выборке из 1187 пользователей каршеринга (г. Минск, г. Москва). Прохождения были сделаны 891 уникальным пользователем, половозрастные и географические данные собирались только мониторинговым образом. Собрано 1187 сессий (712 «трезв» (59.9 %) / 475 «немного выпил» (40.1 %)), которые используются для обучения модели машинного обучения. В ходе экспериментального исследования, была эмпирически подтверждена гипотеза о возможности эффективного разделения потенциальных водителей по когнитивному состоянию с помощью коротких мобильных игровых механик. Анализ собранного датасета свидетельствует о значимой корреляции результатов прохождения тестов с заявленным психофизическим состоянием пользователя. Ключевым показателем для анализа выступала дельта (разница) между результатами прохождения пользователями:

– кратковременная память: 52,8 % ошибок в группе с измененным состоянием против 14,3 % в трезвой группе, т. е. разность показателей – 38,5 п. п.;

– избирательность внимания – 72,7 % против 34,3 % соответственно дельта составила 38,4 п. п.;

– зрительно-моторная координация: 66,7 % против 28,6 %, с разрывом в 38,1 п. п.

Детальный анализ результатов выявил неравнозначность различных типов игровых механик:

– наибольшую способность разделять группы пользователей продемонстрировали тесты на оперативную память и избирательность внимания (тест Струпа), особенно в вариациях повышенной сложности («Hard»). Дельта между контрольными группами в этих тестах достигал 30–38 п. п., что делает их наиболее надежными маркерами снижения когнитивных способностей в конкретный момент времени;

– тесты на психомоторную реакцию показали высокую эффективность, однако требуют тщательной калибровки: на высоком уровне сложности уровень ошибок составлял 89,3 % и 54,8 %, т. е. даже люди заявившие трезвое состояние больше чем в половине случаев не могли пройти тест. Это недопустимо в реальном сервисе из-за риска ложных срабатываний;

– механика оценки тремора (устойчивость) в текущей реализации показала наименьшую дифференцирующую способность, что, вероятно,

связано с техническими особенностями сенсорных экранов различных моделей смартфонов и требует доработки. Даже на высоком уровне сложности, значения по доле ошибок составили 15 % и 2,6 %, то есть дельта составила около 12.4 п. п.

Полученные данные дают возможность для дальнейшей работы и перехода от бинарной логики допуска («Разрешить / Запретить») к формированию комплексного «индекса готовности водителя». Такой подход позволит заинтересованным субъектам, например, операторам каршеринга внедрять гибкие сценарии реагирования, такие как полная блокировка доступа при критичных значениях показателей, применение стимулирующих методов, например ценовые или географические ограничения, при умеренном снижении показателей.

Разработанное программное решение демонстрирует ряд преимуществ перед традиционными аппаратными средствами ограничения доступа, например, алкозамками:

– экономическая эффективность: отсутствие затрат на закупку, монтаж и обслуживание оборудования (экономия до 1500–2500 евро на одно транспортное средство);

– гигиеническая безопасность: использование личного устройства пользователя исключает риски передачи инфекций, характерные для мундштуков алкотестеров;

– универсальность: механики оценивают интегральный показатель когнитивного статуса, выявляя не только алкогольное опьянение, но и критическую усталость, воздействие лекарственных препаратов или сильный стресс.

Таким образом, внедрение игровых механик диагностики в мобильные приложения операторов каршеринга может быть обоснованным, технически реализуемым и экономически целесообразным шагом к повышению безопасности дорожного движения в условиях растущей автомобилизации городов. Дальнейшие исследования будут сосредоточены на расширении обучающей выборки и калибровке ML-модели с использованием объективных методов контроля (клинические алкотестеры) для минимизации погрешности самоотчетов.

Библиографические ссылки

1. Обеспеченность населения легковыми автомобилями на 1000 человек населения // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10209000006 (дата обращения: 10.10.2025).

2. К 2030 году население Минска может увеличиться на 25–30 тыс. человек // Минский городской исполнительный комитет. URL: https://minsk.gov.by/ru/news/new/2025/08/19/1901/ (дата обращения: 11.10.2025).

3. В России на 1 тысячу жителей приходится 331 легковой автомобиль // Агентство «АВТОСТАТ». URL: https://www.autostat.ru/news/59986/ %20 %20https:/www.mskagency.ru/materials/3427697/ (дата обращения: 11.10.2025).

4. *Waard D., de* The Measurement of Drivers' Mental Workload // University of Groningen / UMCG Research Database. URL: https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/13410296/05_c5.pdf (date of access: 09.09.2025).

5. *Barkley R. A., Cox D.* A Review of Driving Risks and Impairments Associated with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder and the Effects of Stimulant Medication on Driving Performance // Journal of Safety Research. 2007. Vol. 38, Is. 1. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022437507000060 (date of access: 09.09.2025).

6. *Капский Д. В., Пегин П. А., Лобач И. И.* Психофизиология участников дорожного движения (транспортная психология): учебно-методическое пособие. Минск: БНТУ, 2018.

7. В Минске снизилось количество учетных ДТП по вине нетрезвых водителей // УП «Агентство «Минск-Новости». URL: https://minsknews.by/v-minske-snizilos-kolichestvo-uchetnyh-dtp-po-vine-netrezvyh-voditelej/ (дата обращения: 13.10.2025).

8. В Беларуси предлагают ставить алкозамки на каршеринговые авто // Финансовый портал Myfin.by. URL: https://myfin.by/article/zhizn/v-belarusi-predlagaut-stavit-alkozamki-na-karseringovye-avto-39023 (дата обращения: 14.10.2025).

9. Алкозамки / алкоблокираторы // ООО «ПТО Безопасность и экология». URL: https://be.by/catalog-alkoblokiratoryi (дата обращения: 15.10.2025).

10. Alcohol Interlocks in Europe and an Overview of Current and Forthcoming Programmes // European Transport Safety Council. URL: https://www.krbrd.gov.pl/wp-content/uploads/2025/01/ALCOHOL_INTERLOCKS_FINAL.pdf (date of access: 09.09.2025).

11. *Guillen M, Pérez-Marín A. M, Nielsen J. P.* Pricing Weekly Motor Insurance Drivers' with Behavioral and Contextual Telematics Data // Heliyon. 2024. No 18;10 (16) / National Library of Medicine. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e36501.

12. Fit for Duty Cognitive Impairment Testing // 2025 Impairment Science, Inc. URL: https://www.impairmentscience.com/ (date of access: 09.09.2025).

13. Investigating the Impact of Sleep Quality on Cognitive Functions among Students in Tokyo, Japan, and London, UK // 2025 Frontiers Media SA. URL: https://www.frontiersin.org/journals/sleep/articles/10.3389/frsle.2025.1537997/full (date of access: 25.09.2025).

14. Using Phone Sensors and an Artificial Neural Network to Detect Gait Changes during Drinking Episodes in the Natural Environment / B. Suffoletto [et al.] // Gait & Posture. 2018. Vol. 60. P. 116–121, ISSN 0966-6362. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0966636217310184 (date of access: 28.09.2025).

ПРИМЕНЕНИЕ ИММЕРСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

И. О. Рябова

Белорусский национальный технический университет,
Минск, Беларусь, iranya04.09.06@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Гринцевич,
кандидат экономических наук, доцент

Иммерсивные технологии (виртуальная (VR), дополненная (AR) и смешанная (MR) реальности) широко применяются в развитии городской среды. Ключевыми направлениями их использования являются градостроительство, его планирование и моделирование, вовлечение жителей в проектирование общественных пространств, сделки с недвижимостью, а также повышение эффективности работы городских служб. Основными способами передачи виртуальной и дополненной реальности являются смартфоны, очки, джойстики и контроллеры, способные лишь визуально передавать информацию. Такие технологические ограничения можно преодолеть при помощи перчаток виртуальной реальности. Данное устройство обеспечивает физическое взаимодействие с виртуальными объектами, а также открывает новые возможности для архитекторов и инженеров. В будущем перчатки виртуальной реальности окажут огромное влияние на улучшение городского планирования и инфраструктуры.

Ключевые слова: иммерсивные технологии; виртуальная реальность; дополненная реальность; градостроительство; перчатки виртуальной реальности.

Иммерсивные технологии – это технологии, погружающие пользователей в виртуальную или дополненную реальность через создания иллюзии присутствия в виртуальном и дополненном мире. Происходит смешение реальностей через цифровизацию: виртуальная или дополненная реальность накладываются на реальную физическую или полностью ее заменяют, целиком погружая пользователя в новый мир.

К иммерсивным технологиям можно отнести:

1. виртуальную реальность (VR), которая погружает пользователей в созданную ранее цифровую среду и замещает реальный мир;
2. дополненная реальность (AR), которая накладывает поверх реального мира цифровой через дополнительные цифровые изображения;
3. смешанная реальность (MR), которая не только накладывает цифровой мир на реальный (как дополненная реальность), но и позволяет объектам этих миров пересекаться и взаимодействовать в реальном времени.

Благодаря дополненной реальности можно увидеть наложенные на реальность виртуальные объекты там, где они должны появиться.

Виртуальная реальность же позволяет ходить среди них, ощущая расстояния и габариты.

Иммерсивные технологии применяются в следующих областях:

– образование (создание виртуальных уроков);

– медицина (виртуализация анатомии и строения человека);

– производство и инженерия (проектирование схем и обучение различным рабочим процессам);

– коммерция (виртуальная примерка товаров и составление образов);

– развлечение (видеоигры, виртуальные выступления и шоу) [1, с. 5].

В современном мире виртуальная и дополненная реальность используются также в развитии городской среды, в управлении городской инфраструктурой, а также в градостроительстве. Технологии AR и VR используются в городской среде для улучшения навигации, планирования и обслуживания, а также для повышения качества жизни и образования. Эти технологии позволяют создавать трехмерные модели городской среды, включая здания, дороги, парки, площади и другие элементы инфраструктуры. При помощи специализированных программ и оборудования проектировщики могут создавать цифровых двойников реальных мест, которые могут быть изменены в реальном времени. Это позволяет значительно упростить процесс разработки проектов, улучшить взаимодействие между участниками проектирования и улучшить качество принимаемых решений. Рассмотрим по отдельности эти реальности и их возможный вклад в развитие городов.

VR-технологии в городской среде используются в градостроительстве и его планировании. Благодаря этому жители могут виртуально участвовать в развитии инфраструктуры города и его внешнего вида. Создаются виртуальные модели городских территорий, где жители могут не только наблюдать, но и взаимодействовать с пространством, добавлять собственные элементы благоустройства (например, зелёные зоны, детские площадки, скамейки и фонари) и видеть изменения, созданные другими людьми, в реальном времени.

VR и AR для недвижимости применяется для решения различных задач, основными из которых являются:

1. *осмотр помещения для повышения продаж*. Визуальное пространство способно вызывать эмоции. Клиент, погружаясь в атмосферу виртуальной реальности, изучает объект с разных сторон. У покупателя появляется четкое понимание того, что объект будет соответствовать увиденной картине;

2. *покупка на стадии строительства*. Многие предпочитают брать жилье или коммерческую недвижимость еще на этапе строительства. Так

она выходит дешевле. Но гораздо уверенней человек будет делать покупку, если увидит конечный результат строительства. VR в продажах недвижимости на ранних этапах сыграет огромную роль и повысит число клиентов.

3. *демонстрация реконструкции объектов*. Четко обозначить комплекс работ и показать заказчику итоговый результат помогают VR туры по недвижимости. Вместе с технологией дополненной реальности можно показать реконструкцию объекта, добавить мебель, изменить цвет стен, отделку и декор.

Технологии виртуальной реальности также используются в маркетинге для показа будущей недвижимости. Потенциальные покупатели могут совершать виртуальные туры по будущим квартирам, оценивать планировку и дизайн, а также в реальном времени менять отделку или планировку, что делает процесс выбора более удобным. Преимуществом является то, что покупатели могут увидеть готовый результат, еще до завершения строительства, что повышает доверие и вероятность покупки. Благодаря виртуальной реальности клиенты прямиком из других городов и стран могут находиться в виртуальном пространстве, обсуждать детали и вносить изменения в реальном времени, экономя время и силы.

В «умных городах» очки дополненной реальности используются обслуживающим персоналом (например, жилищно-коммунальное хозяйство) для просмотра статуса объектов (например, фонарных столбов или мусорных баков) и оперативного устранения неполадок. Так поверх реального оборудования можно видеть цифровые данные: текущую нагрузку, температуру, даты прошлых обслуживаний, что создаст более комфортные условия для работы персонала. Такие очки могут быть полезными для операторов аварийных служб (министерство чрезвычайных ситуаций), которые смогут видеть карту города и быстро предпринимать нужные меры при различных экстренных ситуациях. Обслуживающий персонал может использовать виртуальную и дополненную реальность в следующих случаях:

– для отслеживания аварий в водо-, газо-, электропроводах и перемещения инженерных бригад;

– для просмотра комплексной статистики города в реальном времени;

– для обслуживания инженерных систем с наложенными на них графическими инструкциями;

– для планирования инженерной инфраструктуры по карте, отображаемой на земле или здании.

Одним из направлений, где VR и AR технологии могут быть особенно полезны, является планирование общественных мест и парков.

При помощи виртуальной реальности можно моделировать различные варианты благоустройства территорий, анализировать их удобство и эстетику, а также проводить тестирование виртуальных пространств на предмет их функциональности и безопасности. Дополненная реальность позволяет в реальном времени определить эффективность того или иного варианта планирования, исходя из площади территории, расположения других объектов, а также эстетических соображений. Это позволяет создавать более комфортные и привлекательные городские пространства, отвечающие потребностям горожан [2, с. 198].

Для передачи VR и AR используется такая техника, как смартфоны, смарт-очки, шлемы, наушники, джойстики, контроллеры и проекционные системы. Они обычно характеризуются визуальной или звуковой изоляцией пользователя от его реального окружения. Однако джойстики и контроллеры ограничивают взаимодействие пользователя с виртуальным миром: они не позволяют совершать действия, требующих тонких движений, а также чувствовать вес, текстуру и форму виртуального объекта, что является необходимым в градостроительстве, его планировании, а также в недвижимости. Для решения этих проблем необходимо использовать новые технологии, которыми могут стать перчатки виртуальной реальности.

Разработка перчаток и других подобных устройств, позволяющих не только видеть, но и «ощущать» виртуальные объекты, требует совмещения знаний из таких дисциплин, как робототехника, материаловедение, электроника и программное обеспечение.

Примером уже существующих VR-перчаток является модель HaptX Gloves, одна из самых продвинутых разработок. HaptX Gloves – это тактильные перчатки для виртуальной и дополненной реальности, которые имитируют ощущения прикосновения к виртуальным объектам. Они оснащены множеством микрофлюидных приводов, которые используют сжатый воздух для физического смещения кожи на ладонях и кончиках пальцев, что позволяет имитировать ощущение прикосновения к виртуальным объектам. В отличие от обычных контроллеров, они позволяют пользователю ощущать текстуру, форму, вес и сопротивление виртуальных объектов [3].

Перчатки виртуальной реальности применяются в таких сферах, как промышленность, медицина, проектирование и робототехника. Такие перчатки следует использовать также и в развитии городской среды для более эффективного градостроительства, его планирования и моделирования.

При помощи перчаток градостроители смогут не просто видеть 3D-модель будущего района, но и физически взаимодействовать с ней: чувствовать текстуру фасада здания, оценить размер и вес виртуальных

объектов, таких как парковые скамейки или уличные фонари. Перчатки позволят вручную перемещать, масштабировать или изменять виртуальные элементы городской среды (здания, дороги, элементы ландшафта).

Начинающие градостроители и архитекторы при помощи перчаток виртуальной реальности смогут тренироваться на реалистичных виртуальных моделях, отрабатывая навыки работы с планировкой, зонированием и размещением инфраструктуры. Инженеры смогут работать с виртуальными моделями, ощущая их физические свойства, что сократит время на разработку и тестирование. Перчатки помогут выработать мышечную память и отработать мануальные навыки, например, в работе с инструментами или механизмами.

На сегодняшний день перчатки виртуальной реальности, такие как HaptX Gloves, остаются дорогим и узкоспециализированным продуктом, ориентированным на корпоративных клиентов. Это ограничивает их широкое распространение в планировании и создании городов.

Библиографические ссылки

1. *Кузнецов В. А., Руссу Ю. Г., Куприяновский В. П.* Об использовании виртуальной и дополненной реальности // International Journal of Open Information Technologies. 2019. № 4. С. 75–84.

2. *Иванихина А. А., Золотарева М. В*. Использование иммерсивных технологий в городском планировании // Системные технологии. 2023. №3. С. 194–199.

3. HaptX [сайт]. URL: https://haptx.com (дата обращения: 18.10.2025).

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В ГОРОДСКОЙ МЕДИАСРЕДЕ

А. Я. Сарна

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, alsar.05@mail.ru

В статье рассматривается проблема «цифрового разрыва», при котором некоторые социальные группы в результате развития средств коммуникации и информационных технологий оказываются исключены из процессов модернизации общества. Показано, что для предотвращения экономического и социального неравенства в городской медиасреде, устранения цифровой исключенности из жизни социума пожилых людей и других уязвимых групп необходимо предоставить им возможность обучения основам ИКТ с учетом возрастных особенностей, что позволит увеличить способность пользователей адаптироваться к меняющимся условиям жизни.

Ключевые слова: цифровое неравенство, медиасреда, уязвимые группы, гражданское участие, межпоколенческие отношения.

В результате стремительного развития информационно-коммуникационных технологий в рамках научно-технического прогресса за последние двадцать лет в белорусском обществе произошли значительные социокультурные трансформации, ведущие к дальнейшей виртуализации социальных взаимодействий и сетевизации общества. Под влиянием инноваций в цифровой среде стало возможно появление уникальных видов практик, взаимосвязей и отношений, что приводит к формированию новых версий распределения ресурсов, возможностей и полномочий, а, следовательно, и к модификации социального неравенства. В результате эволюции средств связи, инструментов коммуникации и информационных технологий прежде всего актуализируется проблема «цифрового разрыва» между младшими и старшими поколениями, а некоторые социальные группы оказываются исключены из процессов модернизации общества. В основном это пожилые люди, работники с неполным или без высшего образования, проживающие в небольших населенных пунктах, с невысоким уровнем доходов – все они находятся под угрозой так называемого цифрового неравенства, особенно проявляющегося в городской медиасреде.

В конечном счете, главное различие складывается между теми, кто имеет регулярный доступ к цифровым технологиям и может эффективно ими пользоваться, и теми, кто этого доступа не имеет. Проводя эмпирические исследования на постсоветском пространстве, социологам удалось выяснить, что эффективное использование цифровых технологий связано с лучшим социальным самочувствием и совершенствованием пользователей ИКТ по сравнению с людьми, подвергшихся цифровому исключению в социокультурных сферах и на

рынке. Как считает российский исследователь О. В. Волченко, «базовым основанием цифрового неравенства является наличие доступа к всемирной интернет-сети, однако оно далеко не всегда может отразить реальные возможности равенства, существующие в сфере информационных технологий» [1, с. 166].

Возможность подключения к «всемирной паутине» является ключевым показателем социального и персонального развития в информационную эпоху, но он не является единственным. Так, американский исследователь М. Хилберт выделяет три формы цифрового неравенства: доступ к информационным ресурсам, который зависит от уровня развития одной страны/региона, а также от экономического достатка конкретных индивидов; степень интенсивности и дифференцированного использования информационно-сетевых ресурсов; влияние интернета на установки и поведение пользователей в поиске актуальной для них информации [3].

Можно предположить, что в современном белорусском обществе в условиях широкой цифровизации социокультурных практик цифровое исключение наиболее уязвимых социальных групп наиболее остро проявляется в первой и третьей формах цифрового неравенства: при наличии практического доступа к интернету использование его, например, пожилыми людьми по сравнению с младшими поколениями все еще остается ограниченным, а проблема «цифрового включения» и получения возможности преодоления цифрового неравенства для пожилых людей по-прежнему актуальна.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на 1 января 2021 г. в Республике Беларусь проживало 1 475 943 пожилых гражданина (в возрасте 65 лет и старше). За последние 10 лет (с 2020 г.) численность людей пожилого возраста в целом по республике увеличилась на 174 517 человек, или на 13,4 %. Что касается возможности доступа таких людей к ИКТ, то сетью Интернет в 2020 г. пользовались 36,9 % пожилых людей (от общей численности населения). Входят в сеть ежедневно 62,7 % пожилых пользователей Интернета [2, с. 177].

Результаты социологических исследований показывают, что «среди пожилых людей, проживающих в городах и поселках городского типа сетью Интернет в 2020 г. пользовалось 45 %, среди пожилых сельчан – 20 %. Наиболее популярными целями использования сети Интернет среди людей пожилого возраста являются: поиск информации (86,5 %); общение в социальных сетях (64,8 %); просмотр и скачивание фильмов, прослушивание и скачивание музыки (62,1 %); пользование электронной почтой; переговоры (47,9 %). Для сравнения отметим, что в 2010 году доля пожилых пользователей сети Интернет составляла всего 2,3 %» [2,

с. 177]. Это показывает прогресс в освоении пожилыми людьми ИКТ, однако достигнутый уровень использования цифровых технологий все-таки недостаточен для успешного включения в современное общество.

В целом, можно отметить, что многие представители старшего поколения не нуждаются в помощи других людей, а пользуются ИКТ для поиска нужной информации самостоятельно. Если это не удается, то задействуются другие возможности. Так, значительная часть представителей младшего поколения оказывает помощь своим старшим родственникам в решении указанных проблем, что является значимым проявлением заботы и взаимопомощи в отношениях к представителям старших поколений в семьях и свидетельствует об укреплении межпоколенческих связей внутри семьи. Тем самым можно констатировать, что в современных условиях поколение «третьего возраста» достаточно активно повышает свою «цифровую грамотность» и использует ее в качестве адаптационного ресурса в процессе цифровизации общества.

Д. Д. Кармызова выделяет несколько наиболее значимых направлений использования ИКТ представителями разных поколений и особенно пожилыми людьми. Во-первых, цифровые практики выступают как фактор, способствующий активизации социального взаимодействия. Глобальная сеть интернет предоставляет представителям разных поколений возможности для контактов и поддержания связей с родственниками и знакомыми, что особенно актуально в случае их значительной территориальной удаленности. Кроме того, в коммуникации активизируется межпоколенческие взаимодействия внутри семьи и налаживаются эмоциональные связи. Это особенно важно для пожилых людей, поскольку способствует минимизации их чувства одиночества – особенно в ранний пенсионный период, когда при смене своего персонального статуса индивид особенно остро нуждается в формировании новых возможностей и каналов взаимодействия взамен утраченных [2, с. 184].

Во-вторых, за счет применения ИКТ для представителей уязвимых групп населения более полно реализуется возможность проявления активной жизненной позиции. Использование цифровых технологий лично или опосредованно (через участие представителей других групп или родственников, друзей и знакомых, бывших коллег) позволяет тем, кто чувствует себя «исключенным», добиться решения своих жизненных проблем, почувствовать собственную значимость, снизить ощущение бессилия, найти выход из затруднительной ситуации. Освоение хотя бы элементарных навыков применения современных информационных инструментов и ресурсов позволяет таким пользователям повысить

уровень самооценки и, как следствие, обрести больший психологический комфорт.

В-третьих, использование цифровых технологий позволяет осуществлять интернет-коммуникацию и получать услуги государственных учреждений и общественных организаций в режиме онлайн, участвовать в виртуальных сообществах, иметь свободный доступ к различной информации. Все это позволяет социально не защищенным группам активно использовать открывающиеся возможности как ресурс для адаптации к специфике цифрового общества и повышает качество их жизни в условиях новой реальности [2, с. 185].

Важным способом предотвращения цифровой исключенности из жизни социума пожилых людей и других уязвимых групп (и, как следствие, усиления экономического и социального неравенства) является предоставление возможностей обучения основам ИКТ с учетом возрастных особенностей, что позволит увеличить способность пользователей адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Так, средством преодоления цифровой исключенности представителей «третьего возраста» может стать привлечение преподавателей-волонтеров из сверстников слушателей, что позволит повысить положительный эффект от обучения, а также мотивировать молодежь и людей среднего возраста на оказание «цифровой помощи» своим старшим родственникам и знакомым. Понимание представителями каждого поколения вклада и образа жизни остальных поколений, а также трудностей, с которыми сталкиваются люди других возрастов, является необходимым условием формирования солидарности и укрепления межпоколенческих связей.

При этом важно формировать представление о старении как естественном процессе, чтобы с самого раннего возраста укреплять взаимопонимание и солидарность между поколениями. Для укрепления позитивных отношений в семье и между родственниками разных возрастов следует рассмотреть, например, расширение их спектра возможностей в городской медиасреде путем доступа к специальной мультимедийной платформе, которая могла бы вовлекать представителей всех поколений в совместную деятельность, общение и досуг. Это поможет пожилым людям включиться в полноценные межпоколенческие взаимосвязи и перестать воспринимать себя в качестве «исключенных» из активной социальной жизни неработающих пенсионеров [2, с. 185].

Библиографические ссылки

1. *Волченко О. В.* Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.

2. Социокультурные практики населения Беларуси в условиях цифровой трансформации / Д. К. Безнюк (и др.); науч. ред. Д. К. Безнюк. Минск: Беларуская навука, 2022.

3. *Hilbert M.* Digital Gender Divide or Technologically Empowered Women in Developing Countries? A Typical Case of Lies, Damned Lies, and Statistics // Women's Studies International Forum. L.: Pergamon Press, 2011. Vol. 34, No 6. P. 479–489.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

М. С. Терещенко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, tereschenkom@bsu.by

В статье дается краткий обзор основных, просматриваемых в исторической перспективе этапов развития наружной рекламы: доинституционального этапа, этапа институционализации и этапа классического. Рассматриваются основные характерные черты каждого из них. Кроме того, описываются ключевые драйверы перехода наружной рекламы к четвертому, цифровому, этапу развития в настоящее время.

Ключевые слова: наружная реклама; цифровая наружная реклама; измерение аудитории наружной рекламы; programmatic-покупка цифровой наружной рекламы.

Наружную рекламу, зародившуюся еще в древности, по праву можно считать первым каналом рекламной коммуникации. В ходе совместной экспедиции Йельского университета и Королевских музеев искусства и истории (Брюссель) по исследованию древнеегипетского города Эль-Каб в 2017 году были обнаружены так называемые монументальные иероглифы, высеченные примерно в четвертом тысячелетии до нашей эры [1]. Археологов поразили большие размеры рисунков, выражающих «концепцию царской власти над упорядоченным космосом» [1]. Такое содержание рисунков вполне позволяет нам отнести их к политической рекламе. В свете рассмотрения нами эволюции наружной рекламы особый интерес вызывает их расположение в пространстве. Исследователи нашли эти изображения, когда составили карту основных маршрутов на основе дорожной сети Египта. Они пришли к выводу, что большая часть наскальных изображений расположена не случайно, а на перекрестках и развилках основных дорог, т. е. в местах, где выше вероятность остановки путников [1]. Таким образом, можно заключить, что археологи обнаружили не только артефакты, крайне важные для понимания истории письма и грамотности в древние времена, но и свидетельство осмысленного использования пространства для донесения сообщения аудитории. Размещение же наружной рекламы на перекрестках и сейчас является достаточно популярной у рекламодателей стратегией.

Тем не менее, долгое время основным форматом наружной рекламы являлись вывески на стенах и заборах, в которых сообщалось о том, какие товары можно купить или заказать по соседству, а основным местом ее распространения являлись населенные пункты. Появление печатного станка в XV веке сделало возможной печать рекламных

листовок, а изобретение цветной литографии в конце XVIII века привело к появлению цветного рекламного плаката [2]. Долгое время велись споры об «искусстве» и месте печатного изображения, полученного с помощью различных технологий [3], но в контексте развития рекламного рынка этот вопрос представляется второстепенным. Эти два фактора обусловили быстрый рост скорости тиражирования рекламных плакатов и, как следствие, увеличение объема рекламных сообщений. Кроме того, необходимость владения типографическим оборудованием для осуществления печати рекламы привела, в конечном итоге, к формированию рынка соответствующих услуг.

Считается, что в 1835 году Джаред Белл первым изготовил отдельный рекламный щит крупного для того времени формата для рекламы своего цирка, а также начал искать в городах места для размещения рекламы еще до приезда цирка в город [4]. Спустя короткое время появляются щиты, которые можно арендовать на время для размещения рекламы. Первые задокументированные случаи такой аренды относятся к 1867 году, а к 1870 году в США работало около трехсот организаций, специализировавшихся на услугах в сфере наружной рекламы (изготовлении рекламных вывесок и размещении рекламных щитов) [2]. Уже начиная с 1872 года в Северной Америке одна за другой начинают появляться и активно работать ассоциации, объединяющие производителей услуг в сфере наружной рекламы [2]. Усилиями этих ассоциаций к началу XX века прошла стандартизация рекламных щитов, что облегчало рекламодателям подготовку рекламных кампаний. Начало века было ознаменовано бумом масштабных национальных рекламных кампаний. Таким образом, мы видим, что к концу XIX века наружная реклама прошла процесс институционализации и вошла в XX век полноценным самостоятельным рынком с достаточно развитой инфраструктурой.

В XIX веке и вплоть до 1920-х годов «компанию» на рекламном рынке наружной рекламе составляли газеты, затем к ним подключилось радио и еще позже – телевидение. На протяжении длительного времени основная конкуренция за аудиторию и рекламные бюджеты разворачивалась между прессой, радио и телевидением. Наружная реклама же, не будучи СМИ, как бы стояла особняком, имея свою стабильную, независящую от «триумвирата СМИ» аудиторию и, как следствие, свою долю в рекламных бюджетах. Традиционными оставались измерения аудитории наружной рекламы и модели формирования адресных программ.

На заре массового распространения интернета и появления в нем рекламы довольно быстро начались разговоры об угрозе интернета доходам от рекламы классических СМИ. Действительно, интернет

сильно изменил и продолжает изменять медиапотребление. Вначале снижение аудитории задело печатные издания, затем возможности доставки радиосигнала в интернете коснулись аудитории офлайн радиостанций, затем доступность просмотра видео онлайн спровоцировала отток аудитории традиционного телевидения. Вместе с аудиторией в интернет начали перемещаться и бюджеты рекламодателей.

Долгое время эта «цифровизация всего» оставалась будто бы незамеченной наружной рекламой. Хотя первые цифровые щиты появились в 2005 году [2], а медиафасады еще раньше [5], они скорее вписались в структуру рынка наружной рекламы в качестве новых форматов, чем кардинально изменили его.

Значительные изменения на рынке наружной рекламы начали происходить в последние годы с появлением так называемой цифровой наружной рекламы (Digital Out of Home Advertising – DOOH). Важнейшую роль в этом процессе сыграло развитие системы измерения аудитории наружной рекламы. Если система измерения традиционных СМИ претерпевала изменения и совершенствовалась на протяжении всего XX века, то измерения аудитории наружной рекламы, появившиеся в 1934 году [2], оставались в достаточной мере статичными. С развитием современных технологий в измерении стали использоваться сплошные данные, получаемые из различных источников: официальные подсчеты трафика государственными и транспортными органами, датчики в реальном времени на рекламных плоскостях, спутниковая съемка спектра и др. [6]. В настоящее время к этим данным присоединяются и данные мобильных операторов, геотегирование на устройствах пользователей. Например, могут использоваться данные мобильных операторов, Wi-Fi-провайдеров, ритейлеров, банков и т. п. [7]. Часто эти данные агрегируются с данными выборочных исследований, позволяя сделать более детальную оценку размера и характеристик аудитории.

Второй не менее важный фактор – переход к programmatic-продажам цифровой наружной рекламы, которые и стали возможными с появлением непрерывных данных об аудитории наружной рекламы. Эта модель закупки рекламы ставит наружную рекламу в один ряд с более привычными digital-сегментами. При помощи определенных датчиков, установленных на рекламных конструкциях, фиксируется количество людей, попадающих в зону видимости конструкции в конкретный момент времени, далее определяются некоторые их социально-демографические и поведенческие характеристики на основе ранее собранных больших данных, затем в автоматическом режиме происходит продажа показа рекламы рекламодателям, заинтересованным в такой аудитории [8]. Таким образом реклама может таргетироваться как по

таким классическим параметрам, как пол, возраст аудитории, время суток, так и по специфическим «уличным» параметрам вроде текущих погодных условий, что обусловливает быстрый рост заинтересованности рекламодателей в таком размещении.

В настоящее время в мировом масштабе сегмент цифровой наружной рекламы является одним из самых быстро растущих. Например, в России его рост в 2024 году составил 112 % к предыдущему [9], а доля DOOH среди всей наружной рекламы, по данным Всемирной организации наружной рекламы (World Outdoor Organization, WOO), в 2024 году составила 39 % [10].

Таким образом, в исторической перспективе мы видим три важных этапа эволюции наружной рекламы: доинституциональный этап, этап институционализации и этап классический. Исходя из масштаба текущих трансформаций, можно заключить, что наружная реклама вышла на качественно новую ступень своего развития, и мы являемся свидетелями ее вхождения в четвертый, цифровой этап развития.

Библиографические ссылки

1. *Connolly B.* Yale Archaeologists Discover Earliest Monumental Egyptian Hieroglyphs // YaleNews. 2017. URL: https://news.yale.edu/2017/06/20/yale-archaeologists-discover-earliest-monumental-egyptian-hieroglyphs (date of access: 15.11.2025).
2. History of OOH // Out of Home Advertising Association of America. 2022. URL: https://oaaa.org/resources/history-of-ooh/ (date of access: 16.11.2025).
3. *Burlingham C.* Revivals and Modernity: The Printed Image in Nineteenth-Century France // Hammer Blog: UCLA. 2016. URL: https://hammer.ucla.edu/blog/2016/02/revivals-and-modernity-the-printed-image-in-nineteenth-century-france-part-1 (date of access: 16.11.2025).
4. *Sesto G.* The Complete and Shocking History of Billboards // OOH Today. 2019. URL: https://oohtoday.com/amp/the-complete-and-shocking-history-of-billboards/comment-page-1/ (date of access: 16.11.2025).
5. Медиафасады: технология будущего // Outdoor Media. – 2014. URL: https://www.outdoor.ru/formats/mediafasady-tekhnologiya-budushchego/ (дата обращения: 18.11.2025).
6. OOH Audience Measurement 101: Who, What, Where, Why? // JCDecaux OneWorld. 2018. URL: https://www.jcdecaux.com/blog/ooh-audience-measurement-101-who-what-where-why (date of access: 27.11.2025).
7. *Малинин И.* Как сейчас в России измеряют эффективность наружной рекламы: заниженные рейтинги AdMetrix по конкурентам Russ Outdoor // vc.ru. 2019. URL: https://vc.ru/marketing/78841-kak-seychas-v-rossii-izmeryayut-effektivnost-naruzhnoy-reklamy-zanizhennye-reytingi-admetrix-po-konkurentam-russ-outdoor (дата обращения: 27.11.2025).
8. *Макарова Ю.* Как работает programmatic в наружной рекламе // РБК. 2021. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f181f269a7947ca73c18d51. (дата обращения: 27.11.2025).

9. Тренды и синергия Programmatic DOOH и Digital 2026 // Outdoor Media. 2025.URL: https://www.outdoor.ru/analytics/trendy_i_sinergiya_programmatic_dooh_i_digital_2026/ (дата обращения: 07.12.2025).

10. WOO: глобальные затраты на наружную рекламу в 2024 году составили $46,2 млрд // Outdoor Media. 2025. URL: https://www.outdoor.ru/analytics/woo_globalnye_zatraty_na_naruzhnuyu_reklamu_v_2024_godu_sostavili_46_2_mlrd/ (дата обращения: 07.12.2025).

ИММЕРСИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ГОРОДСКОЙ СРЕДОЙ ЧЕРЕЗ QR-КВЕСТ: АНАЛИЗ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА

А. В. Чижик

Санкт-Петербургский государственный университет,
Национальный исследовательский университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия, chizhik@itmo.ru

В статье рассматривается потенциал использования цифровых интерфейсов как инструмента взаимодействия с городской средой. Исследование основано на эксперименте с PWA-приложением, включающим систему QR-кодов и мультимедийные материалы, направленные на формирование нарративного пользовательского опыта. Респондентам предлагались активные действия: прослушивание аудио, чтение текстов, написание заметок и создание фотографий. Это позволило комплексно оценить когнитивные и аффективные аспекты взаимодействия с городской средой. Для анализа полученных данных были использованы методы анализа логов, тематического моделирования текстов (LDA) и анализа тональности. Для интерпретации визуальных данных применялись методы компьютерного зрения (EfficientNetB0). Предложенный экспериментальный подход подтверждает потенциал использования цифровых интерфейсов в исследовании городского восприятия.

Ключевые слова: иммерсивные интерфейсы; QR-код; пользовательский опыт; тематическое моделирование; анализ тональности; цифровая среда; цифровая экспозиция; музейная медиация.

Город может быть определен как система социальных инфраструктур, однако вместе с тем его можно рассматривать как сложный культурный текст, структурированный как пространство исторических слоев (категория памяти), повседневных маршрутов горожан (категория действия) и системы знаков, которые указывают, интерпретируют и маркируют городское пространство (категория значения). С этой точки зрения городская среда может восприниматься как пространство интерпретаций. При этом интерпретация не является спонтанным процессом, она становится возможной благодаря коммуникативному взаимодействию индивидов с городом и друг другом в рамках культурно заданных моделей. Согласно У. Эко, любой акт понимания встроен в сеть предварительных ожиданий и семиотических соглашений, которые делают возможным считывание смысла [1]. Устойчивые схемы восприятия базируются на архетипах [2], универсальных структурах коллективного бессознательного, формирующих типовые сценарии интерпретации. К числу ключевых архетипических сценариев относится структура мономифа

(универсального «путешествия героя») [3]. Эта модель представляет собой развертывание архетипа трансформации и позволяет структурировать опыт как прохождение последовательных этапов. Корни этой структуры берут свое начало в античной мифологии и эпосе [4], где движение субъекта от исходной точки через трансформацию к возвращению с новым знанием выступает основным механизмом смыслообразования. Изменения в социальной структуре и культурных практиках привели к усложнению моделей самосознания и смещению от цикличности к линейной темпоральности [5]. Такая структура соответствует логике сторителлинга, функционирующего не как художественный приём, а как механизм когнитивной и социальной ориентации. Значит, город может быть переосмыслен как нарративная конструкция – система смысловых узлов, организующих пространство и задающих сценарий его восприятия. Каждая локация выступает «сценой», а повседневные маршруты, определяемые социальными ролями, оказываются механизмом формирования (развертывания) и осмысления нарратива.

Для поддержания подобного сценарного восприятия необходимы инструменты, которые позволяют структурировать и актуализировать нарративную рамку в городской среде. Цифровые технологии всё чаще используются для создания иммерсивных интерфейсов, интегрированных в повседневные практики. Они вовлекают индивида в ритмы городской жизни через потребление персонализированного медиаконтента на фоне предоставляемых функциональных возможностей, и это инициирует цепочку интерпретаций. Внедрением подобных интерфейсов занимаются команды по всему миру. Так, в 2024 году муниципальный телеканал Betevé (Барселона) запустил пилотный проект «Va passar aquí» («Это случилось здесь»), в рамках которого в районах Sants-Montjuïc, Sant Martí и Ciutat Vella была создана система из 45 QR-кодов. QR-коды были размещены на мостовых, каждая локация имела прямую связь с историческим событием. Проект существует по сей день. При сканировании кода прохожему предоставляется доступ к минутному видеоролику. В видео используются архивные фотографии и картографические материалы (стиль повествования – новелла). Во французском городе Нант QR-коды являются основой туристического маршрута «Le Voyage à Nantes» («Путешествие в Нант»). Этот маршрут объединяет ключевые достопримечательности города в единую нарративную структуру, организующую процесс пространственного передвижения. В результате у индивида формируется представление об истории как о целостной системе, встроенной в городской ландшафт. Аналогичный проект, «Talking Statues» («Говорящие скульптуры»), реализуется с 2013 года в

Вильнюсе. Однако в отличие от описанных выше кейсов, где нарративная структура используется как инструмент структурирования исторического контекста, инициатива в Вильнюсе ориентирована на установление эмоциональной связи между индивидом и образом прошлого. Около ряда памятников размещены QR-коды, сканирование которых вызывает «звонок» от изображённого персонажа (размышления об эпохе, личные истории и воспоминания, рассказанные от лица изображённого персонажа). Это инициирует механизм эмоциональной сопричастности: прошлое перестает быть абстрактной категорией и становится частью индивидуального опыта. Похожий акцент на личное переживание прошлого прослеживается в проекте «Monuments for a Departed Future» («Памятники ушедшему будущему»), который был реализован Музеем Югославии (Белград) в 2017 году в формате квеста, основанного на системе QR-кодов и технологии Artcodes. Визуальные маркеры были интегрированы в постоянную экспозицию музея. Посетителям предлагалось находить их и активировать связанные с ними интерактивные материалы на тему модернистских памятников эпохи социалистической Югославии (споменики). Сканирование каждого маркера открывало на экране смартфона мультимедийный контент: сначала отображалась тематическая цитата, затем – фотография монумента и краткий поясняющий текст (контекст создания). Далее пользователь мог выбрать один из вариантов взаимодействия: получить дополнительную информацию или ответить на открытый вопрос. В выстраиваемой структуре пользовательского опыта открытые вопросы служили важным этапом активного осмысления темы. После отправки своего ответа участник мог увидеть анонимные ответы других посетителей. Так индивидуальное размышление становилось элементом медиированного (отложенного) диалога, то есть включалось в коллективную рефлексию. После успешного прохождения квеста пользователь получал интерактивную карту с расположением монументов. Проект продемонстрировал, что нарратив может разворачиваться нелинейно: локация служит точкой входа, а система триггеров формирует многомерную траекторию, выходящую за пределы музейного пространства; при этом коллективная рефлексия интегрируется в индивидуальный опыт, превращая прохождение маршрута в процесс генерации смыслов на пересечении личного и общего восприятия.

В рамках данного исследования была выдвинута следующая гипотеза: использование QR-кодов как иммерсивного интерфейса способно усиливать сопричастность к городскому пространству и историческому контексту, при условии, что цифровой контент не дублирует сведения, доступные традиционными способами (например, в

табличках или справочниках), а дополняет их контекстуальными историями, атмосферными мультимедийными элементами и механизмами коллективной рефлексии. Такой подход активирует процессы интерпретации. Повседневные маршруты горожан, изначально определяемые социальными ролями, выходят за рамки функционального перемещения и преобразуются в индивидуальную структуру опыта (индивидуальная связь человека с городом как социокультурной средой).

Для проверки этой гипотезы был проведён исследовательский эксперимент на территории Владимирского муниципального округа в Санкт-Петербурге (Россия). По аналогии с описанными выше проектами была разработана система QR-кодов. В маршрут вошли девять точек, объединённых общей сюжетной рамкой (найденная тетрадь фотографа из 1930-х гг. с адресами и заметками про них). Интерфейс, разработанный для участников, а также структура маршрута были выстроены в соответствии со сформулированным М. Бютором принципом «livre-objet» (книги-объекта) [6]. Согласно этому принципу, повествование воспринимается как материальный объект, который «читается» через физическое взаимодействие с пространством. В рамках проведённого эксперимента это было реализовано через: 1) введение героя-повествователя, от лица которого участник получал небольшие текстовые фрагменты истории; 2) использование триггеров, которые одновременно побуждали к действию и усиливали погружение в среду.

Каждая локация снабжалась QR-кодом, ведущим на мобильную web-страницу (PWA). Считывание QR-кода активировало фрагмент нарратива, включавший: 1) аудиофайл (15–25 секунд); 2) краткую заметку фотографа (2–4 строки); 3) дополнительный визуальный или текстовый элемент. Целью маршрута было создание условий для активации интерпретации исторического контекста городской среды и ее современной пространственной структуры. С исследовательской точки зрения эксперимент был направлен на оценку степени вовлечённости пользователей и анализ влияния нарративной структуры на интерпретацию городского пространства.

В исследовании приняли участие сорок восемь респондентов (мужчины и женщины в возрасте 18–35 лет, местные жители).

Интерфейс всех посадочных страниц содержал кнопку «Следующая точка маршрута», при нажатии на которую появлялся вопрос: «Следуем маршруту?». В случае выбора варианта «Да» открывался сканер следующего QR-кода. При ответе «Нет» отображался список альтернативных адресов, связанных с текущей локацией по смыслу; таким образом, участник мог отклониться от основного маршрута. В конце взаимодействия с каждой локацией участнику предлагалось оставить краткий комментарий в свободной форме, отвечая на опцию

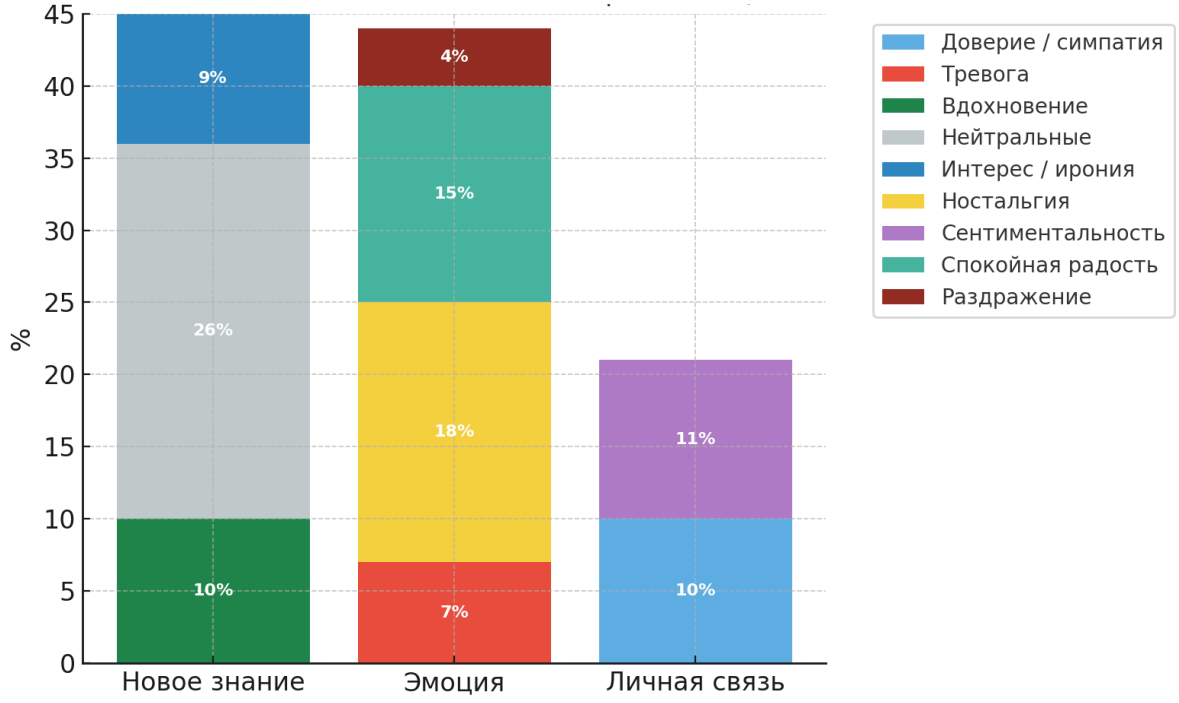
интерфейса: «Напишите короткую заметку про место, куда вас привела эта история». Участникам сообщалось, что после прохождения маршрута они получат на почту все материалы квеста и свои заметки. Поле для заметок было необязательным, но доступным для многократного использования. Также участникам предлагалось сделать снимки по триггеру «Как вы думаете, что снял фотограф?» (можно было загрузить до пяти фотографий). Каждое взаимодействие с интерфейсом фиксировалось в виде автоматических логов.

Была определена трёхуровневая схема классификации типов вовлеченности. Участники, оставлявшие заметки или фотографии, относились к группе высокой экспрессивной вовлечённости (действующий тип), характеризующейся эмоциональным соучастием и личной интерпретацией городского опыта. Те, кто не создавал собственный контент, но последовательно следовал маршруту, классифицировались как проявляющие когнитивную вовлечённость, то есть сохранявшие интерес к нарративу в позиции наблюдателя. В случаях отсутствия заметок и одновременного отклонения от маршрута участники относились к категории низкой вовлечённости. В ходе эксперимента обнаружились смешанные типы поведения: например, участники, создававшие визуальные отклики (фотографии), выстраивали собственную траекторию движения. Такие случаи интерпретировались как частичная экспрессивная вовлечённость.

Из сорока восьми участников полностью завершили маршрут тридцать восемь человек (79 %). Средняя длительность прохождения составила около 94 минут, медианное время пребывания на одной локации – 285 секунд (≈ 4,8 минуты). В «нарративном» режиме действовали 61 % участников, последовательно следуя основному маршруту; в «автономном» – 39 %, осуществлявшие хотя бы одно отклонение на альтернативные локации, но завершившие квест. Прерывание маршрута (непрохождение финала) зафиксировано у десяти участников (21 %). Аудиофайлы активировались в 83 % случаев, дополнительные материалы открывались в 58 %. Таким образом, структура сценария оказалась устойчивой, а вариативность траекторий – управляемой.

Заметки оставили двадцать три участника (48 %), в сумме – 58 текстов (1-5 заметок на человека). Для анализа текстовых заметок использовалось тематическое моделирование на основе LDA. Результаты показали три устойчивых тематических кластера: 1) «новое знание» (45 %) – высказывания, отражающие когнитивное освоение материала, открытие фактов о месте; 2) «эмоция» (34 %) – тексты, фиксирующие эмоциональные отклики на городскую среду; 3) «личная связь» (21 %) – высказывания с элементами референции и самоидентификации в

контексте города. Для анализа экспрессивной вовлечённости заметки участников обрабатывались с помощью ансамбля алгоритмов анализа тональности. Для каждой заметки определялся наиболее вероятный класс эмоции (всего выделено девять категорий) с использованием GPT-классификатора. Для уточнения результата учитывался когнитивный фокус текста. Было проведено сопоставление эмоций с выявленными темами (рисунок).



Сопоставление тематических кластеров и распределения эмоций

Выявленная эмоциональная палитра заметок продемонстрировала, что нарративная структура маршрута стимулировала не мгновенную реакцию на стимул, а осмысленное, интерпретирующее восприятие города, сочетающее познавательные и аффективные аспекты.

Фотографии загрузили двадцать два участника (46 %), в большинстве случаев – по одному снимку. Для классификации использовалась сверточная нейросеть EfficientNetB0. Распределение мотивов оказалось следующим: архитектура 41 %, человек 26 %, фрагмент городской среды 21 %, текст 15 %. Анализ показал, что у участников, отклонившихся от маршрута, чаще встречались общие планы улиц, а у следовавших нарративу доля снимков с изображением мелких деталей была выше примерно на 8 %. Это можно интерпретировать как проявление двух типов восприятия городской среды. В первом случае город воспринимается как пространственная

сцена, во втором – как совокупность знаков и следов, вовлекающих зрителя в процесс интерпретации.

Полученные результаты подтверждают эффективность иммерсивных интерфейсов как инструмента исследования городской семиотики и пользовательского опыта, демонстрируя потенциал их применения в музейных и культурных практиках.

Библиографические ссылки

1. *Eco U.* A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976. P. 9–14.

2. *Jung C. G.* The Archetypes and the Collective Unconscious. Princeton: PUP, 1981. P. 3–41. URL: https://books.google.com/books/about/The_Archetypes_and_the_Collective_Uncons.html?id=Yc5PlU9MyDwC (date of access: 30.10.2025).

3. *Campbell J.* The Hero with a Thousand Faces. Novato, CA: New World Library, 2008. P. 23–42. URL: https://books.google.com/books/about/The_Hero_with_a_Thousand_Faces.html?id=I1uFuXlvFgMC (date of access: 30.10.2025).

4. *Комарова В. Я.* К текстологическому анализу античной философии. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1974.

5. *Мамардашвили М. К.* Стрела познания: набросок естественно-исторической гносеологии. М.: ЦГТ, 1996. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/6385/6387 (дата обращения: 30.10.2025).

6. *Butor M.* Répertoire III: Essais et conférences. Paris: Éditions de Minuit, 1968. P. 15–18.

CULTURAL IDENTITY AND URBAN IMAGE OF HANZHONG IN THE NEW MEDIA ERA

Li Yuhang

Belarusian State University,
Minsk, Belarus, mzcu1999@gmail.com
Supervisor – L. G. Titarenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor

With the in-depth development of digital technology, urban image communication is undergoing a profound transformation from one-way dissemination to multi-stakeholder co-creation. Taking Hanzhong – the birthplace of Han culture – as a case study, this paper explores how new media facilitates the modernization of urban image communication through reconstructing communicators, translating cultural symbols, and reshaping emotional connections. The study reveals that social media's empowerment mechanisms enable diverse actors to co-create urban narratives, technology facilitates the contemporary translation of traditional cultural symbols, and systematic emotional communication strategies effectively construct a pathway from "visual attraction" to "cultural identity." By analyzing Hanzhong's practices, this paper proposes a new paradigm of urban image communication centered on "multi-stakeholder co-creation, symbolic translation, and emotional resonance," offering theoretical and practical insights for image-building and identity enhancement in similar historical and cultural cities.

Keywords: urban image communication; cultural identity; new media; emotional communication; symbolic translation.

With the proliferation of internet information technology and mobile terminals, the modes of information dissemination and power structures have undergone disruptive transformations. The primary channels for the public to obtain information have shifted from relatively monolithic mainstream media to networked media characterized by information abundance, open sources, and strong interactivity. In this context, as an important category of information dissemination, urban image communication must adapt to the new media environment and leverage its platforms and logic to achieve communication objectives.

Hanzhong, as the birthplace of Han culture, possesses both profound historical heritage and the ecological landscape of "the Jiangnan of North China," making it a typical case for studying urban image communication in the new media environment. During the traditional media era, its image communication followed the unidirectional path of "government-media-public," which was constrained by limitations such as a singular communication agent, fixed channels, and homogenized content. This paper aims to explore how, in the new media context, Hanzhong can achieve a fundamental transformation in its communication paradigm through the diversification of communication agents, the modern translation of cultural

symbols, and the systematic construction of emotional connections, thereby effectively deepening the audience's cultural identity in the process.

In 1994, Hanzhong was designated as a National Historical and Cultural City by the State Council. In 2006, it was selected by China Central Television as the Best Historical and Cultural Charming City [1, p. 129]. In 2010, the officially launched "Birthplace of Han Culture" city identifier established its cultural positioning, though its communication effectiveness remained limited.

First, due to the one-way communication nature of traditional mass media, the task of promoting the city's image has long been monopolized by government departments. The planning and production processes of promotional materials lacked public intelligence crowdsourcing mechanisms, inevitably leading to certain limitations. Second, communication platforms were confined to traditional media such as television and print, with fixed dissemination channels and scarce information access points, resulting in monotonous and repetitive content [2, p. 4]. Urban promotion themes have long revolved around limited topics such as rapeseed flowers and the Three Kingdoms period, easily causing audience aesthetic fatigue. Furthermore, the singularity of communication agents and channels led to a mechanistically repetitive cycle from content production to dissemination, lacking incentive mechanisms and innovative outcomes.

However, the proliferation of new media technologies and the strategic guidance outlined in the 2024 Hanzhong Municipal Government Work Report to "accelerate industrial digitalization, digital industrialization, and governance digitalization" have fundamentally revitalized Hanzhong's communication landscape. The structure of communication agents has undergone a transformative shift, demonstrating distinct diversification [3]:

Official media continue to uphold and deepen the historical and cultural narrative of the "Two Han Dynasties and Three Kingdoms" through systematic content planning, establishing an authoritative foundation for the city's image.

Local content creators, on the other hand, focus on portraying the quality of life and local characteristics of Hanzhong as a "livable city" from the perspective of daily life, thereby infusing the city's image with a sense of authenticity and vitality.

Travel influencers place greater emphasis on the visual presentation of "must-visit destinations," showcasing Hanzhong's natural scenery and cultural landscapes through high-quality visual materials.

Although these three narrative perspectives have their respective focuses and inherent tensions, they collectively construct a multi-dimensional and diverse portrayal of Hanzhong's urban image. This synergy has significantly enriched its connotation, marking a substantive transfer of communication power from institutions to individuals.

New media has not only reshaped the communicators but has also profoundly transformed the expression of historical and cultural resources, with its core lying in the modern reinterpretation of traditional cultural symbols through contextualization, experientialization, and IP-ization [4, p. 12].

Contextualization and Experientialization of Cultural Heritage. Historic sites such as the Ancient Han Terrace and the Worship General Platform have evolved from static objects of visitation into experiential scenarios integrated into contemporary life through vlogs, travel photography, and other dynamic forms. More significantly, the Hanzhong Museum's introduction of a "5G+AR" guided tour system allows visitors to scan with their smartphones to view virtual 3D reconstructions of Han Dynasty architecture. This interactive fusion of past and present breaks down the temporal and spatial barriers of history, making profound cultural heritage tangible and accessible [5].

Scenicization and Intellectualization of Ecological Resources. Ecological assets like the Han River nightscapes and rapeseed flower fields have been transformed into visually striking "scenic capital" through drone aerial photography and time-lapse imaging. Technological empowerment is also reflected in the integration of smart services, such as the "Rapeseed Flower Festival One-Map Tour" smart guide platform. This platform utilizes VR panoramas, voice guides, and other multifunctional tools to integrate 13 premium flower-viewing routes, 47 viewing spots, 39 key scenic areas, and over 260 service facilities. By offering immersive and one-stop services, it enhances the tourist experience and prolongs emotional engagement [6].

Symbolization and IP-ization of Local Cultural Elements. Through sustained dissemination on short video platforms, "Hanzhong Liangpi" (a local noodle dish) has been elevated from a simple snack to a symbol representing the city's culture and lifestyle. Meanwhile, intangible cultural heritage projects like Hanzhong rattan weaving have leveraged technologies such as "virtual simulation weaving + AR applications" to provide immersive experiences, significantly enhancing interactivity and a sense of identity in cultural transmission [7, p. 128].

In the new media environment, the enhanced effectiveness of Hanzhong's urban image communication hinges on its successful construction of a complete communication loop – from "visual attraction" to "emotional resonance," and ultimately to "cultural identification." This deepening process of "cognition-emotion-volition" not only marks a fundamental shift in the communication paradigm from information-centric to human-centric but also reveals the pivotal role of new media as a key variable in activating collective emotions and reshaping cultural identity. In the context of this study, "emotional resonance" refers to the positive emotional linkage – such as empathy, yearning, sense of belonging, and pride – generated when audiences

engage with urban communication content through new media platforms. "Cultural identification," on the other hand, denotes the process through which audiences, based on their internalization and recognition of urban cultural values, utilize the interactive and sharing mechanisms of new media to converge individual emotions into collective identity belonging and supportive willingness.

To construct this closed loop, Hanzhong has implemented a set of emotional communication strategies deeply embedded in the logic of new media [8]:

New Media-Enabled Aesthetic Empathy: Contextualized Translation of Cultural Concepts. The "Living in Hanzhong" thematic activity week leveraged short videos, vlogs, and social media topic interactions to transform the abstract concept of "temporary residence" into a series of perceptible and shareable life scenarios. This immersive narrative, rooted in new media, not only conveyed information but also established aesthetic empathy between the audience and the Hanzhong lifestyle through direct visual and emotional impact, laying an emotional foundation for deeper cultural identification.

New Media-Amplified Moral Sentiment: Shaping Value-Based Recognition of the City. The initiative to offer free access to A-level scenic spots for "frontline responders" gained significantly amplified meaning through fission-like dissemination via news apps, official social media accounts, and citizens' social networks. This move transcended traditional tourism promotion by highlighting the city's humanistic care and social responsibility through new media narratives. It shaped Hanzhong's emotional traits of "warmth and inclusiveness," thereby prompting a transition in the audience from temporary emotional approval to stable value-based identification.

On a practical level, Hanzhong has established a structured and online-offline integrated new media emotional mobilization system: The live spectacle of events like the "Panda Music Festival" achieved secondary dissemination through short video platforms, creating shared celebratory moments across time and space; The "I Speak for Hanzhong" short video competition directly leveraged the low-threshold nature of new media platforms to stimulate citizens' creativity and sharing enthusiasm, aggregating and amplifying individual local affection into collective cultural confidence and identification through new media channels [9].

The effectiveness of this new media-driven emotional communication mechanism is indirectly corroborated by relevant data. According to the 2024 Hanzhong Municipal Government Work Report, the city received 47.93 million tourist visits in 2023, generating tourism revenue of 29.1 billion yuan, representing year-on-year growth of 18.6 % and 21.3 % respectively. Meanwhile, the "Rapeseed Flower Festival One-Map Tour" smart guide

platform achieved an average monthly visitation exceeding 100,000 users during the flower festival period for two consecutive years, with an average session duration of 17 minutes per user. These metrics reflect not only the breadth of new media dissemination but also reveal how deep content experiences facilitated by new media are effectively guiding audiences from superficial attention attraction to profound emotional engagement and cultural identification [3].

In summary, Hanzhong's urban image communication within the new media environment has successfully integrated technological empowerment, symbolic innovation, and emotional resonance, constructing a self-reinforcing cultural identification system centered around new media. This system not only reshapes the city's external image but also fundamentally reconstructs the meaningful connection between urban culture and individual emotions by leveraging the connective and interactive characteristics of new media.

Urban image communication in the digital era must deeply comprehend and utilize new media's capacity for emotional mobilization and cultural construction. The ultimate goal of communication should extend beyond "making known" to "touching hearts"; it should not only enable people to "see" the city but also, through new media's diverse narratives, allow them to "understand" and "fall in love with" the city's cultural core, ultimately forming stable cultural identification through broad social interactions. While the conclusions of this study are based on the specific case of Hanzhong, and the universality of its paradigm requires further validation, Hanzhong's practice undoubtedly provides a reference model deeply integrated with new media logic for the image communication of historical and cultural cities in the digital economy era.

References

1. 刘飞. 新媒体语境下汉中城市形象的传播策略 / 刘飞 // 青年记者. 2016. № 11. С. 129–130 [*Liu Fei*. Communication Strategy of Hanzhong City Image in the Context of New Media // Young Journalist. 2016. No. 11. P. 129–130].

2. 周潇潇. 新媒体环境下重庆城市形象传播研究 / 周潇潇 // 重庆行政(公共论坛). 2015. № 1. С. 1–5 [*Zhou Xiaoxiao*. Research on the Communication of Chongqing City Image in the New Media Environment // Chongqing Administration (Public Forum). 2015. No. 1. P. 1–5].

3. 王建平. 2024年汉中市政府工作报告 / 王建平. – 汉中: 汉中市政府办公室, 2024. URL: https://www.shaanxi.gov.cn/zfxxgk/fdzdgknr/zfgzbg/2024HZSzfzbg.html (访问日期: 2025.09.08) [*Wang Jianping*. 2024 Hanzhong Municipal Government Work Report // Hanzhong: Hanzhong Municipal Government Office, 2024. URL: https://www.shaanxi.gov.cn/zfxxgk/fdzdgknr/zfgzbg/2024HZSzfzbg.html (accessed: 08.09.2025)].

4. 朱翌宁. 跨文化传播中中国文化符号的新媒体表达 / 朱翌宁 // 社会科学前沿. – 2025. Т. 1, № 7. С. 12–13 [*Zhu Yining*. New Media Expression of Chinese Cultural Symbols in Cross-cultural Communication // Social Sciences Frontier. 2025. Vol. 1, No. 7. P. 12–13].

5. 宫碧莹. 数润汉中山河秀 智赋"天汉"气象新——"新型工业化媒体调研行"陕西站采访纪实（四） / 宫碧莹 // 新华网. 2025. URL: https://www.xinhuanet.com/info/20250902/e90c7192e9b2493ca699e1e896840c9e/c.html (访问日期: 2025.10.28) [*Gong Biying*. Digital Technology Beautifies Hanzhong's Landscape, Intelligence Brings New Vitality to "Tianhan" -– Coverage Record of "New Industrialization Media Research Tour" Shaanxi Station (Part 4) // Xinhua Net. 2025. URL: https://www.xinhuanet.com/info/20250902/e90c7192e9b2493ca699e1e896840c9e/c.html (accessed: 28.10.2025)].

6. 中华人民共和国文化和旅游部. 全国旅游市场服务质量提升典型案例 / 中华人民共和国文化和旅游部. 2023. URL: https://www.mct.gov.cn/xxgk/xxxx/P020230914397942583684.docx (访问日期: 2025.10.28) [Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. Typical Cases of National Tourism Market Service Quality Improvement / Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. 2023. URL: https://www.mct.gov.cn/xxgk/xxxx/P020230914397942583684.docx (accessed: 28.10.2025)].

7. 马晓娜, 图拉, 徐迎庆. 非物质文化遗产数字化发展现状 / 马晓娜, 图拉, 徐迎庆 // 中国科学: 信息科学. 2019. Т. 49, № 2. С. 121–142 [*Ma Xiaona, Tula, Xu Yingqing*. Development Status of Digitalization of Intangible Cultural Heritage // Science in China: Information Sciences. 2019. Vol. 49, No. 2. P. 121–142].

8. 汉中市人大常委. 关于加快"旅居在汉中”城市品牌建设的几点建议 / 汉中市人大常委. – 汉中: 市人大常委会办公室, 2021. URL: https://gsl.hanzhong.gov.cn/hzgslwz/tzgg/202106/e19cbd06476f4f1aa6a63394f219fff3.shtml (访问日期: 2025.10.24) [Hanzhong Municipal People's Congress Standing Committee. Several Suggestions on Accelerating the Construction of "Living in Hanzhong" City Brand / Hanzhong Municipal People's Congress Standing Committee. Hanzhong: Municipal People's Congress Standing Committee Office, 2021. URL: https://gsl.hanzhong.gov.cn/hzgslwz/tzgg/202106/e19cbd06476f4f1aa6a63394f219fff3.shtml (accessed: 2025.10.24)].

9. 陕西日报. 秦岭熊猫音乐嗨唱季启幕 / 陕西日报 // 陕西省人民政府. 2025. URL: https://www.shaanxi.gov.cn/xw/ldx/ds/202507/t20250716_3543595_wap.html (访问日期: 25.10.2025) [*Shaanxi Daily*. Qinling Panda Music Singing Season Kicks Off // Shaanxi Provincial People's Government. 2025. URL: https://www.shaanxi.gov.cn/xw/ldx/ds/202507/t20250716_3543595_wap.html (accessed: 25.10.2025)].

URBAN DIGITAL TWINS FOR INCLUSIVE SUSTAINABLE CITIES

Qiao Liguo

Belarusian State University,
Minsk, Belarus, lg.qiao.scut@gmail.com
Supervisor – A. M. Nedzved, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

Urban digital twins (UDTs) are dynamic virtual replicas of physical cities, continuously synchronized with real-time data from IoT sensors, AI algorithms, cloud computing, and satellite remote sensing. These systems enable predictive modeling, resource optimization, and equitable decision-making across diverse economic contexts – from affluent hubs like Singapore to developing regions such as Ghana and Iran. We explores their role in fostering inclusive urban development, with particular attention to vulnerable populations, including low-income residents and individuals with cognitive impairments. Applications span traffic management, energy efficiency, disaster response, and partici– patory planning. Key challenges – affordability, data interoperability, and digital divides – are addressed through low-cost AI tools, semantic frameworks, open satellite platforms like Copernicus, and synthetic data for scenario simulation. UDTs help bridge socioeconomic gaps and build resilient, inclusive cities. The global digital twin market is projected to grow from $24.97 billion in 2024 to $155.84 billion by 2030, reflecting a CAGR of 34.2 %.

Keywords: urban digital twins; smart cities; sustainable development; developing countries; Internet of Things (IoT); artificial intelligence (AI); inclusive design; vulnerable populations; satellite remote sensing.

1. Introduction

The world is urbanizing at an unprecedented rate. As of 2024, approximately 57 % of the global population lives in cities – a figure projected to reach 68 % by 2050 [11]. This rapid shift places immense strain on urban infrastructure, exacerbating traffic congestion, air pollution, resource scarcity, and social inequality. In lower-income regions, these pressures fall disproportionately on vulnerable groups – informal settlement dwellers, low-wage workers, and people with cognitive impairments – who face heightened exposure to natural disasters and limited access to essential services.

In response, urban digital twins (UDTs) have emerged as powerful tools for adaptive urban governance. These virtual models mirror real-world cities in real time, integrating data from IoT sensors, AI-driven analytics, cloud computing, and satellite remote sensing [1]. In high-income settings, UDTs optimize energy grids and mobility systems with high precision [8]. In developing contexts, they enable foundational planning – such as mapping flood risks in informal settlements or designing accessible navigation systems for cognitively impaired residents [5].

Satellite remote sensing plays a pivotal role by delivering high-resolution imagery to track urban expansion, monitor heat islands, and predict hazards.

For instance, Sentinel satellites under the Copernicus program support real-time flood detection [3]. Meanwhile, the global digital twin market is expanding rapidly – from $24.97 billion in 2024 to an estimated $155.84 billion by 2030, with a compound annual growth rate of 34.2 % [4].

Far from static 3D renderings, modern UDTs are evolving into autonomous systems capable of running complex simulations – evaluating, for example, how climate shocks affect marginalized communities. By enabling evidence-based, inclusive decision-making, UDTs directly support UN Sustainable Development Goal 11: building sustainable, safe, and equitable cities. This review examines their conceptual foundations, applications, challenges, and future potential from a global perspective.

2. Conceptual Framework

At their core, UDTs function as living digital counterparts to physical urban environments. They achieve fidelity through continuous data fusion: IoT devices capture real-time conditions, cloud platforms process vast datasets, AI generates predictive insights, and building information modeling (BIM) ensures geometric accuracy. Satellite systems – using optical and radar imagery-provide broad spatial context, enabling analysis from city-wide patterns to neighborhood-level details [6; 7].

The adaptability of UDTs is one of their defining strengths. In high-income nations like Finland, 5G networks enable ultra-low-latency simulations. In contrast, cities in Ghana leverage open-access Copernicus data to achieve similar outcomes at minimal cost [5]. This flexibility is underpinned by multilayer data integration, combining physical infrastructure metrics with socioeconomic indicators to reflect the lived realities of diverse urban populations.

Interoperability is enhanced through semantic knowledge graphs, such as the World Avatar project (developed by the University of Cambridge), which connect disparate datasets into coherent, queryable systems [10]. For example, fusing satellite-derived flood risk maps with mobility data from low-income areas allows planners to simulate safe evacuation routes for residents with cognitive impairments. To prevent digital exclusion, user interfaces are increasingly designed with accessibility in mind – incorporating voice commands and simplified visualizations [9].

A widely adopted six-layer architecture provides structural coherence to UDT systems (adapted from Deng et al [7]). The foundation begins with terrain and land-use mapping, followed by detailed 3D building models (via BIM), infrastructure networks (roads, utilities), real-time IoT sensor streams, dynamic mobility flows, and finally a digital overlay layer for AI analytics and interactive dashboards. This layered approach creates closed feedback loops – from data collection to actionable interventions.

In resource-constrained environments, platforms like Google Earth Engine democratize access to satellite imagery, enabling local governments to monitor urban heat islands in underserved districts and allocate cooling resources equitably [5]. When combined with machine learning and UAV-derived data, UDTs achieve multiscale precision– supporting both metropolitan strategy and hyper-local inclusive design.

3. Applications in Urban Development

UDTs are transforming urban management by delivering context–specific, data-driven solutions that prioritize inclusivity and sustainability.

In traffic management, Barcelona's 15-minute city framework uses UDTs to optimize routing and reduce congestion while ensuring pedestrian pathways remain accessible to low-income residents [8]. Similarly, satellite-enhanced models in Iranian cities streamline traffic flow, with potential to integrate cognitive-friendly navigation cues [8].

Energy systems benefit from tight integration of IoT and satellite data. Singapore's Punggol Digital District synchronizes power and transport networks for maximum efficiency [1], while Dubai uses satellite guidance to site renewable installations in affordable housing zones [8].

Disaster resilience is another critical domain. In Australia, UDTs improve flood forecasting through high-accuracy satellite inputs [3]. In Ghana, pilot projects in Accra employ synthetic data within UDTs to simulate evacuation scenarios tailored to cognitively impaired residents in flood-prone informal settlements [5].

Participatory urban planning is gaining traction through immersive and accessible UDT interfaces. Helsinki's 3D city model facilitates public input into development decisions [2], while Curitiba leverages satellite data to protect coastal communities – integrating local knowledge into resilience strategies [10]. UNDP-supported initiatives in India and Vietnam use UDTs to model climate risks in low-income areas, ensuring that adaptation measures reach those most in need [5].

Globally, flagship projects illustrate the versatility of UDTs. Saudi Arabia's NEOM initiative embeds AI and IoT monitoring into urban design for sustainability [8]. The UK's National Digital Twin Programme enables cross-agency collaboration, while India's Amaravati project demonstrates how UDTs can guide greenfield city development. Even mid-sized cities are adopting the technology – CityZenith's SmartWorldOS drives carbon reduction, and Portugal's PlanIT Valley pioneers eco-urbanism.

Underpinning these efforts are 15-minute city principles: density, proximity, and diversity. Satellite remote sensing enhances predictive capabilities – issuing early warnings for heatwaves or floods to vulnerable populations – and ensures that urban upgrades do not displace marginalized communities [3].

4. Challenges and Solutions

Despite their promise, UDTs face significant hurdles. Data fragmentation and platform incompatibility hinder integration, while cybersecurity threats loom large. In low-income settings, inadequate infrastructure and high costs limit adoption. Digital divides exclude non-tech-savvy users, and complex interfaces can alienate cognitively impaired individuals. Processing satellite data demands substantial computing power, and equitable access remains uneven.

Governance poses additional complexities. Privacy regulations vary widely, and many developing nations lack trained personnel to manage UDT systems. Technical issues – sensor overload, real-time latency, and format mismatches – further complicate deployment.

A multifaceted response is emerging. Phased implementation begins with pilot zones in high-need areas, building trust and capacity [5]. International standards, such as ISO/IEC 30173, ensure interoperability across platforms [12]. Blockchain enhances data security and transparency. Open tools like Google Earth Engine lower barriers to satellite analytics, while UNDP programs provide funding and technical training in the Global South [5].

To promote inclusivity, edge computing reduces dependency on centralized infrastructure, and voice-activated, multimodal interfaces make UDTs accessible to diverse users [9]. Public-private partnerships – often involving the European Space Agency – accelerate technology transfer and cost-sharing in resource-limited regions [5].

5. Innovations and Future Directions

Innovation is accelerating UDT adoption. Affordable sensors and AI chatbots are expanding access in developing cities, while advanced climate modeling – powered by systems such as the Weather Research and Forecasting (WRF) model – uses satellite data to predict urban heat islands with greater accuracy [3]. Semantic frameworks like the World Avatar enable cross-domain simulations, from energy to public health [10]. Synthetic data generation, as seen in Curitiba, allows safe testing of mobility solutions for cognitively impaired users without real-world risks [10].

Looking ahead, standardization efforts by the Open Geospatial Consortium will streamline data exchange. Metaverse integrations promise immersive stakeholder engagement, allowing residents to "walk through" proposed changes. Social equity must remain central – algorithms should be audited for bias to prevent harm to vulnerable groups. Big data AI will enable hyper-personalized urban services, from adaptive transit schedules to tailored disaster alerts.

With the market poised for explosive growth through 2030, UDTs are set to drive the transition to zero-carbon, inclusive cities – provided ethical risks are proactively managed [8].

6. Conclusion

Urban digital twins represent a paradigm shift in city governance. By seamlessly integrating AI, IoT, and satellite remote sensing, they empower planners to simulate, optimize, and equitably manage urban systems across economic divides. From flood-prone informal settlements in Accra to high-tech districts in Singapore, UDTs deliver scalable, inclusive solutions that protect the most vulnerable while advancing sustainability.

To realize their full potential, policymakers must prioritize open-source ecosystems, ethical AI deployment, and global knowledge– sharing. Interdisciplinary research will be essential to navigate emerging complexities – from algorithmic fairness to climate resilience. When guided by these principles, UDTs can help fulfill the vision of UN SDG 11.

References

1. *Mazzetto S.* A Review of Urban Digital Twins Integration, Challenges, and Future Directions in Smart City Development // Sustainability. 2024. No 16 (19). Article 8337.

2. Urban Digital Twins for Citizen-Centric Planning: A Systematic Review of Built Environment Perception and Public Participation / J. Luo [et al] // International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation. 2025. No 143. Article 104746.

3. Applying Digital Twins to Research the Relationship Between Urban Expansion and Vegetation Coverage: A Case Study of Natural Preserve / D. Zhao [et al] // Frontiers in Plant Science. 2022. No 13. Article 840471. DOI: 10.3389/fpls.2022.840471.

4. Grand View Research. Digital Twin Market (2025–2030). 2024.

5. United Nations Development Programme (UNDP). Digital Twins for Cities: Harnessing Data to Revolutionize Urban Development And Planning. UNDP Policy Centre for Data, Technology and Innovation, 2025.

6. *Dawkins O., Dennett A., Hudson-Smith A. P.* Living with a Digital Twin: Operational Management and Engagement Using IoT and Mixed Realities at UCL's Here East Campus on the Queen Elizabeth Olympic Park. Proceedings of the 26th GISRUK Conference. GIS Research UK, 2018.

7. *Deng T., Zhang K., Shen Z.* A Systematic Review of a Digital Twin City: A New Pattern of Urban Governance Toward Smart Cities // Journal of Management Science and Engineering. 2021. No 6 (2). P. 125–134.

8. Urban Digital Twin Challenges: A Systematic Review and Perspectives for Sustainable Smart Cities / C. Weil [et al] // Sustainable Cities and Society. 2023. No 99. Article 104862.

9. A Digital Twin Smart City for Citizen Feedback / G. White [et al] // Cities. 2021. No 110. Article 103064.

10. Challenges of Urban Digital Twins: A Systematic Review and a Delphi Expert Survey / B. Lei [et al.] // Automation in Construction. 2023. No 147. Article 104716.

11. United Nations. World Urbanization Prospects: The 2018 Revision. Department of Economic and Social Affairs. Population Division, 2018.

12. International Organization for Standardization (ISO). Digital twin – Concepts and terminology, 2023. ISO/IEC 30173:2023.

РАЗДЕЛ III
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОЖАН

SMART CITY: DIGITAL TECHNOLOGIES FOR A COMFORTABLE AND SAFE LIFE

K. M. Andreev

Belarusian National Technical University,
Minsk, Belarus, bntu@bntu.by
Supervisor – S. A. Slassi Moutabir, Senior Lecturer

This article conceptualizes Smart Cities as a forward-looking paradigm for urban development in the digital age. It analyzes how interconnected technologies (most notably the Internet of Things (IoT), Artificial Intelligence (AI) and large-scale data analytics) reconfigure urban systems toward greater sustainability, operational efficiency and public safety. The analysis underscores the centrality of robust digital infrastructure, meaningful citizen participation and ethics-driven governance in safeguarding inclusivity and protecting privacy. By coupling technological architectures with human-centred design principles, Smart Cities seek to elevate quality of life, strengthen safety outcomes and embed long-horizon sustainability, thereby rendering urban environments more comfortable, resilient and future-ready.

Keywords: smart cities, Internet of Things (IoT), Artificial Intelligence, (AI), digital infrastructure, citizen engagement, ethical governance and data privacy, urban sustainability and resilience.

In the twenty-first century rapid urbanization has become one of the most defining global trends. According to the United Nations more than 55 % of the world's population currently resides in urban areas and this figure is expected to exceed 68 % by 2050 [1, p. 12]. Such a massive concentration of people in cities brings not only economic growth and innovation but also complex challenges arise such as congestion, pollution, energy inefficiency, housing shortages and rising demands on public services.

To address these issues, the concept of the Smart City has emerged as a transformative approach to urban management and sustainable development combining digital technologies with intelligent planning to enhance the quality of life for all citizens [2, p. 46].

A Smart City is not merely a technological innovation but a holistic governance model in which information and communication technologies (ICT), artificial intelligence, IoT and big data converge to optimize infrastructure and promote environmental sustainability [3, p. 88]. The core idea is to create an adaptive ecosystem where technology acts as an enabler of comfort, security and efficiency. Real-time data from interconnected devices allows for continuous monitoring of air quality, energy consumption and

public safety systems helping municipal authorities make data-driven decisions that strengthen urban resilience [4, p. 54].

Furthermore, Smart Cities represent a paradigm shift in civic participation. Citizens are no longer passive users of public services as they are active contributors who generate and share data through applications, platforms and smart devices [5, p. 102]. This interaction promotes transparency, inclusivity and the co-creation of public value between governments, businesses and residents. Smart governance, therefore, becomes responsive, participatory and citizen-centric [6, p. 64].

However, the implementation of Smart Cities is not without challenges. Issues such as cybersecurity, data privacy, high infrastructure costs and unequal access to technology remain critical [7, p. 131]. The success of digital transformation depends not only on advanced technology, but also on institutional collaboration, regulation and social trust. Ultimately, the Smart City concept reflects a key step toward achieving sustainable urban development as outlined in the United Nations 2030 Agenda [8, p. 5].

The Internet of Things (IoT) serves as the backbone of Smart City infrastructure. A vast network of sensors, devices and platforms enables continuous communication and monitoring across urban systems [2, p. 53]. For instance, smart traffic lights optimize mobility flows reducing congestion and emissions; while smart grids balance electricity distribution, detecting faults and rerouting energy automatically.

Environmental monitoring within Smart Cities increasingly leverages IoT-based sensor networks to track atmospheric and hydrological indicators in situ, enabling timely mitigation of ecological risks. Beyond operational gains, these capabilities institutionalize environmental stewardship by aligning urban management practices with long-term sustainability objectives [4, p. 77].

In parallel, IoT infrastructures underpin predictive governance: continuous data streams permit early detection of asset degradation and preemptive intervention. This is especially salient for utilities, multi-modal transport, and solid-waste systems, where condition-based maintenance reduces life-cycle costs and enhances public safety [3, p. 69].

Artificial Intelligence (AI) is pivotal for extracting value from the high-velocity, high-volume data produced by distributed sensors. Machine-learning models identify latent regularities, generate forecasts, and translate signals into decision-ready intelligence for urban managers [5, p. 101].

Deployed at scale, AI applications span adaptive traffic orchestration, dynamic resource allocation and risk analytics. Examples include real-time anomaly detection in public-safety surveillance and predictive demand modeling that allows authorities to prepare for short-term surges in electricity load or transit usage, thereby improving reliability and resilience [7, p. 136].

In addition, AI fosters transparency and evidence-based governance. By integrating data from different sectors – transport, energy, healthcare and security – AI supports strategic urban planning and reduces human error in decision-making processes [1, p. 33]. This creates a more efficient, responsive, and resilient city ecosystem. Active citizen participation constitutes a cornerstone of Smart City development [2, p. 49]. Through digital platforms and mobile applications, residents can report local issues such as infrastructure damage, waste overflow or malfunctioning streetlights enabling authorities to respond faster and more effectively [3, p. 81]. Such participatory systems promote civic responsibility and build stronger community ties.

Furthermore, digital inclusion initiatives aim to reduce the technological divide by ensuring equal access to digital resources. Programs offering affordable internet connections and training in digital literacy empower people of all ages and socioeconomic backgrounds to engage with smart technologies [5, p. 107]. This inclusivity transforms governance from a top-down model into a cooperative framework built on transparency and mutual trust [6, p. 65].

While digitalization offers significant benefits, it also introduces new risks and ethical dilemmas [4, p. 71]. The vast circulation of urban data intensifies concerns about privacy and cybersecurity. Malicious actors may target infrastructure networks or databases containing sensitive information threatening both safety and civil rights [7, p. 142]. To mitigate these risks, cities must adopt strong encryption standards, anonymization techniques and ongoing cybersecurity education [6, p. 68]. Ensuring the integrity of digital ecosystems is vital to maintaining citizen trust.

Moreover, Smart Cities must balance technological surveillance with personal freedom. Although cameras and biometric systems improve safety, unregulated monitoring can infringe upon individual privacy [8, p. 17]. Ethical data governance – built on transparency, accountability and informed consent – guarantees that technological advancement aligns with democratic values and human rights [5, p. 113].

Belarus has positioned its urban policy discourse around the convergence of digital infrastructure, service quality, and resident well-being. Municipal administrations increasingly view Smart City programs as instruments for optimizing transport flows, utility delivery, and emergency response through data-driven coordination. University–industry collaborations supply methodological support – ranging from IoT prototyping to geospatial analytics – helping cities formalize use cases and measurable outcomes. In this setting, digital solutions are framed not as stand-alone gadgets but as components of a coherent urban operating system.

A second strand of activity concerns the modernization of core public services via e-government platforms and sensor-enabled asset management.

Pilots in intelligent traffic signaling, remote meter reading and environmental monitoring illustrate a pragmatic focus on reliability, cost containment and safety. These projects also encourage the adoption of interoperable standards, cybersecurity baselines and privacy-by-design practices which are essential for public trust. Importantly, human-centered design – multilingual interfaces, accessibility features and transparent feedback loops – anchors technological roll-out in the lived realities of residents.

Looking ahead, Belarus can consolidate progress by scaling predictive maintenance across utilities, integrating real-time mobility data with urban planning and opening curated datasets for civic co-creation. Strategic priorities include strengthening municipal data governance, building advanced analytics capacity within city teams and nurturing start-ups that address local pain points in housing, waste and energy. Cross-city learning networks – connecting regional centers with national research hubs – would accelerate diffusion of proven solutions while containing risk. Through this portfolio approach, Smart City initiatives can deliver a tangible dividend in comfort, safety, and long-run urban resilience.

To conclude, the ultimate vision of Smart Cities extends beyond technological sophistication to long-term sustainability. Modern cities face challenges such as climate change, pandemics and resource scarcity which require adaptive and resilient systems [1, p. 21]. Smart technologies enhance this adaptability by integrating AI-based forecasting, renewable energy management, and digital health services. For example, during the COVID-19 pandemic, cities used data dashboards and mobile health applications to coordinate testing and vaccination campaigns effectively [3, p. 87]. In this sense, Smart Cities evolve as learning ecosystems – continuously analyzing, adapting, and improving. The future urban landscape will not only be smart but also wise – driven by innovation, inclusivity, and ethical responsibility [4, p. 75].

References

1. United Nations. World Urbanization Prospects: The 2018 Revision / Department of Economic and Social Affairs, Population Division. NY.: United Nations, 2019.
2. *Komninos N.* Intelligent Cities: Innovation, Knowledge Systems and Digital Spaces. L.; NY.: Routledge, 2013.
3. *Albino V., Berardi U., Dangelico R. M.* Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives // Journal of Urban Technology. 2015. Vol. 22, No 1. P. 3–21.
4. Smart Cities of the Future / M. Batty [et al.] // The European Physical Journal Special Topics. 2012. Vol. 214. P. 481–518.
5. *Bibri S. E., Krogstie J.* Smart Sustainable Cities of the Future: An Interdisciplinary Literature Review // Sustainable Cities and Society. 2017. Vol. 31. P. 183–212.
6. *Kitchin R.* The Ethics of Smart Cities and Urban Science // Philosophical Transactions of the Royal Society A. 2016. Vol. 374, No 2083. DOI:10.1098/rsta.2016.0115.
7. *Hashem I. A. T., Chang V., Buyya R.* The Role of Big Data in Smart City // International Journal of Information Management. 2016. Vol. 36, No 5. P. 748–758.

8. *Neirotti P., De Marco A., Cagliano A. C., Mangano G., Scorrano F.* Current Trends in Smart City Initiatives: Some Stylized Facts // Cities. 2014. Vol. 38. P. 25–36.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ С УЧЁТОМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОПАСЕНИЯ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ

В. Д. Блохина[1)], **Д. А. Касьянова**[2)]

[1)] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, vdblokhina@edu.hse.ru*
[2)] *Фиджитал проект «Удобный город», Москва, Россия*

В статье рассматриваются современные подходы и технологии психологического проектирования городской среды, направленные на повышение качества жизни и психологического благополучия горожан. Особое внимание уделяется использованию тепловых карт как инструмента визуализации поведенческой активности населения в городском пространстве, что позволяет выявлять зоны комфорта и дискомфорта. Анализируется реализация проекта «Удобный город» в России, в рамках которого применяются междисциплинарные методы, включая социологические опросы, поведенческие наблюдения и цифровые технологии. Подчеркивается значимость учета психологических факторов таких как восприятия пространства, чувства безопасности и социальной вовлеченности при проектировании общественных территорий. Результаты показывают, что интеграция научных психологических знаний в градостроительную практику способствует созданию функциональной и эмоционально комфортной городской среды.

Ключевые слова: психологическое проектирование; городская среда; проэкологическое поведение; качество жизни.

Современные города и мегаполисы сталкиваются с необходимостью создавать не только функциональную инфраструктуру, но и условия для комфортной жизни людей и гостей. В этой связи всё большее значение приобретает грамотное проектирование городской среды с учетом зеленых зон. Это междисциплинарный подход, объединяющий знания из психологии, урбанистики и архитектуры. Цель проектирования – формирование пространств, которые способствуют снижению стресса, создают возможности социального взаимодействия и общей удовлетворённости жизнью.

Одним из ключевых направлений в этой области является изучение взаимосвязи между поведением человека и его окружением. Исследования показывают, что восприятие городского пространства напрямую влияет на эмоциональное состояние и поведение жителей [2; 4]. Например, наличие зелёных зон снижает уровень тревожности, а плохо освещённые и пустынные улицы снижают чувство безопасности [5]. При проектировании городской среды необходимо учитывать не только экономические параметры, но и психологические аспекты.

Важным инструментом визуализации поведенческих паттернов стали тепловые карты. Карты отображают интенсивность присутствия зеленых насаждений в различных местах города с помощью цветовой шкалы. Тёплые цвета (зеленый) указывают на высокую активность объекта, холодные (красный), напротив, говорит о том, что испытуемый не рассматривает данный объект как привлекательный. Тепловые карты формируются на основе данных цифровых источников. Их использование позволяет выявлять «мертвые зоны», где люди не задерживаются, а также популярные точки притяжения как скверы, площади и пешеходные зоны. Рассмотрим более подробно применение тепловых карт в проектирование городских пространств на примере нашего исследования.

В рамках исследования были выделены объекты озеленения разного масштаба. Среди них междворовые участки, скверы, парки, а также крупные лесопарковые и рекреационные зоны. Для каждого объекта было проведено не менее десяти сканирований с учётом карт глубины и одновременно регистрировались окулометрические показатели респондентов.

По исходным фотографиям и видеозаписям были построены карты глубины, на их основе маски озеленения, позволяющие выделять типы растительности (деревья, кустарники, газоны) и оценивать их объём и занимаемую площадь. Сегментация выполнялась с помощью сверточных нейросетей, дообученых на основе открытых датасетов Urban Tree Cover и Cityscrapes, содержащие сегментацию деревьев и зелёных насаждений в городской среде. Маски использовались для расчёта пространственных характеристик: плотности кроны, площади зелёных покровов и суммарного объёма фитомассы в пределах объекта. Параллельно для каждого визуального кадра получались окулометрические метрики (точки и траектории взгляда, длительность фиксаций), которые затем агрегировались в тепловые карты внимания.

Обработка карт глубины, сегментация растительности и классификация типов растительности выполнялись с помощью нейросетевых моделей, натренированных на разметке полевых снимков. Для корректного сопоставления тепловых карт внимания, карт глубины и масок озеленения была выполнена нормализация данных: приведение по масштабу, коррекция искажений камеры и пространственная регистрация слоёв (выровнять планы и привести слои к общей системе координат). Эти шаги позволили уменьшить систематические ошибки и повысить точность расчётов объёмов и сопоставлений. Два ключевых показателя (объём/плотность озеленения и карта визуального внимания) были сопоставлены между собой и сравнены с выборкой респондентов по двум поведенческим метрикам (средняя длительность фиксации и

доля времени, проведённого в зоне интереса). Анализ включал корреляционный контроль, сравнение средних по типам объектов и кластеризацию участков по профилю «высокое/среднее/низкое» внимание при разной плотности зелёных насаждений. Набор статистических проверок и визуализаций позволил выявить системные связи между пространственной структурой зелёных зон и тем, как люди их воспринимают и взаимодействуют с ними. Объекты с более крупной вертикальной структурой (высокие деревья, выраженная многоярусность) демонстрировали больший «визуальный вес» в тепловых картах: внимание респондентов концентрировалось именно в зонах кроны и проходных аллеях. Плотность низкорослой растительности (кустарники, газоны) увеличивала общую площадь зелёного покрова, но не всегда переводилась в увеличение долгих фиксаций взгляда – такие зоны воспринимаются как фон. Сопоставление объёма озеленения и тепловых карт показало, что оптимальное сочетание «объёма» и «доступных визуальных маршрутов» обеспечивает максимальную вовлечённость посетителей пространства. Нормализация нейросетью позволила устранить значительную часть артефактов при сопоставлении снимков, что повысило надёжность расчётов объёма озеленения и точность тепловых карт. Такая информация становится основой для корректировки градостроительных решений. Например, перепланировки неиспользуемых пространств или улучшения освещения и ландшафтного дизайна в районах.

В России с 2023 года реализуется междисциплинарный фиджитал-проект научного волонтёрства «Удобный город», направленный на создание комфортной и технологичной городской среды в соответствии с приоритетами национальных проектов, включая «Десятилетие науки и технологий». Проект «Удобный город» направлен на повышение качества городской среды через вовлечение жителей в процесс благоустройства и использование современных технологий. Одной из ключевых особенностей проекта является применение междисциплинарного подхода, включающего не только архитектурное и инженерное проектирование, но и психологические исследования. В рамках проекта проводятся общественные обсуждения, опросы, а также используются цифровые платформы для сбора обратной связи от участников проекта.

Среди участников проекта города-миллионники, где были проведены исследования. Было проанализировано значение городской идентичности и проэкологического поведения горожан, анализируется, как жители воспринимают те или иные территории, какие эмоции вызывают у них определённые пространства, где они чувствуют себя комфортно или, напротив, не любят гулять. Данные интегрируются в

проектные решения от выбора цветовой гаммы фасадов до размещения детских и спортивных площадок. Важно, что проект «Удобный город» делает акцент на доступности, где пространства проектируются с учётом потребностей всех групп населения, включая людей старшего возраста, детей и людей с ограниченными возможностями.

Технологии, применяемые в рамках проекта, включают не только тепловые карты, но и цифровые двойники городов, позволяющие моделировать последствия тех или иных изменений до их физической реализации. Такие симуляции помогают оценить, как новая скамейка, дорожка или освещение повлияют на потоки пешеходов и их поведение. Это не только снижает риски ошибок на этапе строительства, но и значительно сохраняет инвестиции и повышает эффективность вложений.

Психологическое проектирование также учитывает культурные и исторические особенности конкретного города. Например, в исторических центрах акцент делается на сохранение идентичности, что является очень важным аспектом каждого города. Исследования показывают, что наличие локаций, вызывающих положительные эмоции и чувство принадлежности, значительно повышает лояльность жителей к своему городу [3; 6].

Современное проектирование городской среды всё больше смещается от только функционального подхода к ориентированному на человека. Психологические знания позволяют не просто благоустроить город, а сделать его по-настоящему живым, безопасным и комфортным. Интеграция таких методов, как тепловые карты, поведенческие наблюдения и общественное участие, как это реализуется в нашем проекте «Удобный город», открывает новые горизонты для создания устойчивой и инклюзивной городской среды.

Особое значение в психологическом проектировании городской среды приобретает принцип «медленного города» (slow urbanism), который противопоставляется ускоренному темпу жизни современных мегаполисов. Этот подход акцентирует внимание на создании пространств, способствующих замедлению, осознанному восприятию окружения и неспешному социальному взаимодействию. Важную роль играет внедрение зеленых зон. Исследования показывают, что наличие элементов таких как уютные скамейки, тенистые аллеи, зоны для неформального общения напрямую коррелирует с уровнем благополучия жителей [5; 7]. В рамках проекта «Удобный город» подобные принципы реализуются через создание так называемых «тихих зон» вблизи жилых кварталов, где минимизирован автомобильный трафик и особое внимание уделяется озеленению.

Еще одним важным аспектом является сенсорное проектирование учёт мультимодального восприятия городской среды: визуального, тактильного и сенсорного. Например, шумовое загрязнение считается одним из ключевых факторов стресса в городской среде. Согласно данным, хронический шумовой фон выше 55 дБ днём и 45 дБ ночью негативно влияет на сон, когнитивные функции и сердечно-сосудистую систему [2]. В ответ на это проекта «Удобный город» предлагает внедрение зон с использованием зелёных насаждений и ограничением скорости движения транспорта. Аналогично, визуальный хаос, когда избыток рекламы, разнородная архитектура, отсутствие цветовой гармонии может вызывать когнитивную перегрузку. Поэтому в новых проектах благоустройства всё чаще применяются единые градостроительные кодексы, регулирующие цветовую палитру, типы малых архитектурных форм и даже фактуру материалов.

Можно предположить, что безопасность и комфорт в общественных пространствах обеспечиваются не столько камерами наблюдения, но и естественным присутствием людей, пешеходными потоками. Психологически это создаёт ощущение что ты не один и, в тоже время, социального контроля, снижая уровень тревожности.

Важно подчеркнуть, что эффективность психологического проектирования напрямую зависит от вовлечения самих жителей в процесс трансформации городской среды. Пассивное благоустройство «сверху» зачастую игнорирует реальные потребности и поведенческие привычки горожан, что приводит к созданию «мертвых» пространств. В отличие от этого, проект «Удобный город» делает ставку на ко-дизайн совместное проектирование с участием граждан, местных сообществ, урбанистов и архитекторов. В ходе исследований используются методы визуализации, позволяющие выявить скрытые потребности. Например, в одном из районов Московской области было выявлено, что многие избегают центрального сквера не из-за его внешнего вида, а потому что часто собираются группы подростков, вызывающие у людей чувство дискомфорта. В результате было предложен проект благоустройства, где сквер разделили на функциональные зоны с учётом возрастных групп, добавили освещение и точки присутствия (например, кофейню и пункт проката велосипедов), что существенно повысит общее восприятие пространства.

Проектирование городской среды – это не просто дополнительный элемент градостроительства, а его неотъемлемая часть. Требуется системный и междисциплинарный подход, в котором данные и технологии работают в едином направление. Тепловые карты, поведенческие исследования и активное участие граждан становятся инструментами, которые позволяют понять город как живой организм и

учесть его потребности. Реализация подходов на примере междисциплинарного проекта «Удобный город» демонстрирует, что подобные подходы свидетельствуют о переходе урбанистики к новому этапу развития, основанному на данных и участии граждан.

Библиографические ссылки

1. *Блохина В. Д.* Городская среда и проэкологическое поведение: обзор исследований. Психологические исследования. 2024. Т. 17, № 98. С. 3.
2. *Сарчук Е. В., Лебедева А. М., Узбекова Л. Д.* Шумовое загрязнение как патогенный фактор для здоровья человека // StudNet. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shumovoe-zagryaznenie-kak-patogennyy-faktor-dlya-zdorovya-cheloveka (date of access: 25.10.2025).
3. *Al-Ghiyadh M. A.-K., Al-Khafaji S. J. N.* The Role of Urban Planning and Urban Design on Safe Cities // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2021. 1058(1), 012065. https://doi.org/10.1088/1757-899x/1058/1/012065.
4. *Meloni A., Fornara F., Carrus G.* Predicting Pro-environmental Behaviors in the Urban Context: The Direct or Moderated Effect of Urban Stress, City Identity, and Worldviews. Cities. 2019. No 88. P. 83–90. https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.01.001.
5. *Paudel S., States S.* Urban Green Spaces and Sustainability: Exploring the Ecosystem Services and Disservices of Grassy Lawns versus Floral Meadows // Urban Forestry and Urban Greening. 2023. No 84. doi.org/10.1016/j.ufug.2023.127932.
6. Perception of the Vegetation Elements of Urban Green Spaces with a Focus on Flower Beds / M. Poje [et al.] // Plants. 2024. Vol 5, No 13 (17). doi.org/10.3390/plants13172485.
7. *Roe J., Aspinall P.* The Restorative Benefits of Walking in Urban and Rural Settings in Adults with Good and Poor Mental Health // Health & Place. 2011. No 17(1). P. 103–113. https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2010.09.003.

ПРОГРАММЫ И КУРСЫ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ДЛЯ МИНЧАН ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Ю. Ю. Гафарова[1)], **О. Е. Дмитриева**[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, gafarova@bsu.by*

Статья посвящена проблематизации роли программ и курсов цифровой грамотности в социальном конструировании третьего возраста жителей Минска. Деятельность программ и курсов характеризуется с точки зрения наличия / отсутствия концептуальной модели обучения, основанной на учете особенностей данной аудитории.

Ключевые слова: третий возраст; молодые пожилые; студенты третьего возраста; обучение; программы и курсы цифровой грамотности; цифровые технологии.

Концепция третьего возраста, ориентированная на «освобождение людей от процесса социального старения», была обоснована в работах к. 80-х гг. английским геронтологом Питером Ласлеттом [1; 2] и развита с использованием концепта «молодых пожилых» (2014) [3]. Молодые пожилые – это люди от 65 до 84 лет, т. е. до возраста возникновения ограничений в области физического, эмоционального и когнитивного развития. Социальное конструирование третьего возраста как успешного и перспективного жизненного этапа требует адаптации к возрастным изменениям посредством выстраивания новых жизненных приоритетов, оптимизации наличных ресурсов и предотвращения ресурсных потерь [4]. Одним из значимых направлений такой адаптации является активное включение молодых пожилых в «революцию цифрового обучения». Программы и курсы цифровой грамотности не только помогают слушателям освоить технологии, связанные с цифровыми устройствами и системами, но и дают им возможность значительно снизить ригидность, повысить социальную активность и способность к самостоятельному решению многих жизненных проблем и, в целом, улучшить качество жизни.

Однако в качестве аудитории программ по освоению цифровых технологий студенты третьего возраста имеют свои особенности. Опираясь на международный опыт, выделим следующие основные характеристики такой аудитории: (1) автономность и самостоятельность студентов, (2) диверсифицированность самой аудитории и (3) специфические возможности аккомодации людей третьего возраста [5]. Восприятие обучения как личностной деятельности и самостоятельное определение траектории обучения позволяют взрослой аудитории добиться важного для нее ощущения контроля над процессом

освоения цифровых технологий. Кроме того, аудитория третьего возраста гораздо более диверсифицирована, чем аудитории других возрастов. Разный жизненный опыт, материальное положение, состояние здоровья, перспективы развития, уровень образования, семейное положение определяют различие потребностей в изучении цифровых технологий. Наличие же у людей третьего возраста специфических возможностей приспособления может требовать особого темпа обучения, необходимости корректировать объем материала, уточнять терминологию.

Аудитория «молодых пожилых» минчан чрезвычайно многочисленна. Она диверсифицирована, образована и состоит преимущественно из активных и достаточно уверенных пользователей Интернета.

По данным Белстата, численность минчан третьего возраста на начало 2025 года составляла 208,3 тыс человек. 1,0 % из них имеет послевузовское образование, 28,2 % – высшее, 29,2 % – среднее специальное, 22,8 % – общее среднее, 13,5 % – профессионально-техническое. Удельный вес пользователей сети Интернет среди них неуклонно растет. Если в 2023 г. процент таких пожилых людей составлял 74,9, то в 2024 – уже 79,0 [6]. Для сравнения отметим, что национальная программа «Активное долголетие – 2030» направлена на увеличение к 2030 г. удельного веса пользователей интернета от людей старшего возраста по всей стране с 40 лишь до 65 % [7].

Подавляющее большинство «молодых пожилых» минчан имеет базовые цифровые навыки. Электронной почтой и мессенджерами для звонков пользуются 92,4 %, общаются в социальных сетях (на форумах, в чатах, блогах и т. д.) – 77,5 %, просматривают фильмы, прослушивают музыку, играют в компьютерные игры – 75,6 %, читают и скачивают книги, газеты и журналы – 75,3 %, ищут информацию о товарах и услугах – 70,3 % [6]. Таким образом, можно высказать предположение о том, что обучение такой аудитории требует разработки концептуальной модели, основанной на учете особенностей, навыков и потребностей слушателей.

В Минске, как и в других крупных городах Беларуси, существуют различные программы и курсы для повышения цифровой грамотности горожан. Эти программы организуются государственными учреждениями, частными образовательными центрами, а также коммерческими организациями и волонтерскими инициативами. Предпримем попытку оценить их деятельность с точки зрения наличия / отсутствия концепции обучения, ориентированной на описанную выше аудиторию.

Программы, организуемые государственными учреждениями, предназначены, в первую очередь, для неопытных пожилых пользователей. Так, в рамках реализации упомянутой выше стратегии «Активное долголетие – 2030» территориальные центры социального обслуживания населения г. Минска проводят занятия по компьютерной грамотности только для начинающих. Слушателей обучают включать и выключать компьютер, открывать и закрывать окно программы. По мере прохождения курса они осваивают навыки работы с аккаунтом в социальных сетях или с личным кабинетом на сайте своего банка [8]. Курсы бесплатны для двух категорий граждан: инвалидов I и II групп; малообеспеченных, неработающих граждан в возрасте шестидесяти лет и старше, достигших пенсионного возраста, чья пенсия не превышает 200 % бюджета прожиточного минимума. Для всех остальных стоимость невелика.

На базе Национальной библиотеки Беларуси проводятся курсы по цифровой грамотности для пенсионеров, имеющих читательский билет. Курсы бесплатны и также ориентированы на начинающих пользователей. Они носят название «Компьютер с нуля», их продолжительность составляет один учебный год – с сентября по май [9].

В Минске есть и частные образовательные центры, которые предлагают специализированные курсы цифровой грамотности, доступные, в том числе, и для людей третьего возраста.

Так, образовательный и кадровый центр «Новое завтра» предлагает на платной основе компьютерные курсы для начинающих, школьников и пенсионеров (продолжительность курса – один месяц, объем – двадцать учебных часов, стоимость – 215 рублей). Обучение проводится в малых группах (6–8 человек). Слушателям предлагается гибкий подход к программе и оплате курса. Они могут присоединяться к любой группе и посещать только те занятия, которые им необходимы, оплачивая количество посещенных занятий. После обучения слушатель должен «понимать сущность, порядок, правила работы на компьютере; иметь представление об основных понятиях; владеть навыками работы с основными программами пакета Microsoft Office; уметь находить требуемую информацию через поисковые сайты; получать практические навыки работы по регистрации в социальных сетях; создавать свой электронный адрес, писать и отправлять электронные сообщения и письма» и пр. [10].

«Центр активного долголетия», позиционирующий себя как «открытое пространство для активных людей 40+», предлагает на платной основе (стоимость – 128 рублей) три обучающих курса: «Долголетие в сети: Смартфон» (продолжительность курса восемь недель, занятия проходят раз в неделю); «Долголетие в сети:

Инстаграм» (продолжительность курса восемь недель, занятия проходят раз в неделю); «Фото на Смартфон» (продолжительность курса шесть недель, занятия проходят два раза в неделю). Курс «Долголетие в сети: Смартфон» ориентирован на пользователей, осваивающих гаджет с нуля. Им предлагается найти ответы на следующие вопросы: «Что такое смартфон, как им пользоваться? Как настроить экран, чтоб все было видно? Как подключиться к интернету? Как подключить беспроводную гарнитуру? Как находить и устанавливать необходимые приложения? Как удалять ненужные файлы? Как выходить в интернет, основные поисковые системы?». Курс «Долголетие в сети: Инстаграм» предназначен для более опытных пользователей. Они должны изучить, как скачивать и устанавливать приложения, заполнять личный профиль, создавать посты и сториз, выходить в прямой эфир и пр. Курс «Фото на Смартфон» разработан для желающих улучшить свои навыки в мобильной фотографии. Им предлагается освоить основы фотографии (понимание основных принципов композиции, света и цвета), изучить специфику подготовки к съемке, технические аспекты фотографирования и пр. [11].

Как видно из описаний курсов, организованных частными образовательными центрами, они платные и ориентированные на слушателей различного возраста. При этом курсы, программы которых могут легко освоить обучающиеся третьего возраста, – базовые, а курсы для продвинутых пользователей преимущественно не специфицированы для пожилых, не приспособлены к их темпам и возможностям, что может вызывать у обучающихся третьего возраста затруднения в работе с материалом. Ранее «Центр активного долголетия» предлагал компьютерные курсы для пенсионеров с возможностью индивидуального обучения, когда для каждого учащегося разрабатывалась программа с учетом уровня его подготовки, однако в настоящее время эта опция недоступна.

В последние годы в Минске появляется всё больше инициатив волонтерских программ и коммерческих организаций. Так, инициатива обучения людей третьего возраста основам цифровой грамотности и информационной безопасности реализуется Волонтерским центром БГУИР совместно с Советской районной организацией РОО «Белорусский Красный Крест». Занятия проходят в офлайн-формате и включают индивидуальную работу волонтеров с каждым участником группы. Слушатели приобретают навыки использования смартфонов, Интернет-сервисов и популярных мессенджеров, оформляют личные профили в социальных сетях. Особое внимание уделяется блоку интернет-безопасности [12].

С 2020 года компания А1 запустила в Беларуси образовательную программу в рамках волонтерского движения #яонлайн. С 2021 года программа работает при поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА). Специально для этой программы эксперты разработали методические рекомендации для социальных работников, помогающих обучать цифровой грамотности людей старшего возраста и людей с инвалидностью. В рамках базовых программ аудитории предлагается не только приобрести навыки пользования гаджетами, но и познакомиться с правилами безопасности в интернете, освоить основы этикета в социальных сетях, правила общения в групповых чатах и обучиться пользованию программами для удаленного общения и обучения. В зависимости от уровня подготовки и потребностей слушателей предлагается разнообразить обучающие программы дополнительными занятиями по изучению специальных приложений или сервисов (например, тренажеров памяти или внимания) [13].

С 2020 года развивает свой проект и ООО «Мобильные ТелеСистемы» (МТС). Проект #НаучиСвоихБлизких, стартовавший в условиях пандемии, давал людям третьего возраста возможность повышать цифровую грамотность на онлайн-курсах вместе с близкими, которые могли оказать им посильную помощь. В настоящее время бесплатное обучение современным технологиям проходит в трёх форматах: на базе центра социального обслуживания населения Первомайского района Минска, онлайн и в виде бесплатной рассылки учебного комплекта – специального набора для самостоятельного освоения цифровых навыков. Программа курса включает два этапа: базовый и продвинутый. Основным фокусом подготовки является обучение пользователей возможностями работы с гаджетами и сервисами МТС: оплате онлайн коммунальных платежей; оформлению покупок на маркетплейсах и онлайн-площадках; заказу электронных талонов к врачам; отправлению посылок, отслеживанию расписания и движения транспорта; выписке онлайн газет и журналов и пр. [14].

Политика организации обучения аудитории третьего возраста, проводимая коммерческими организациями и волонтерскими движениями, представляется более продуманной с точки зрения наличия концептуальной модели обучения, частично основанной на учете специфики аудитории. Предлагаются более гибкие и адресные программы подготовки пользователей, однако учитываются, в основном, лишь потребительские характеристики аудитории. Кроме того, целевая аудитория А1 и МТС общереспубликанская, нет специфической ориентации на минчан третьего возраста с их уникальными особенностями.

Таким образом, в Минске работает значительное число программ и курсов для повышения цифровой грамотности горожан третьего возраста. Они включают как государственные инициативы, так и проекты частных и общественных организаций. Однако эффективность работы таких программ и курсов требует выработки цельной политики организации обучения минчан третьего возраста как специфической аудитории. Для эффективного охвата аудитории необходима концептуальная модель обучения, основанная на учете основных особенностей и требований «молодых пожилых», живущих в столичном городе.

Библиографические ссылки

1. *Laslett P*. The Emergence of the Third Age // Ageing & Society. 1987. Vol. 7. P. 133–160.
2. *Laslett P*. Fresh Map of Life: Emergence of the Third Age. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1989.
3. *Ortman J. M., Velkoff V. A., Hogan H*. An Aging Nation: The Older Population in the United States Population // Current Population Reports. Washington, DC: US Census Bureau, 2014. No 25–1140. P. 1–28.
4. *Formosa, M*. Four Decades of Universities of the Third Age: Past, Present, Future // Ageing & Society. 2014. No 34. P. 42–66.
5. *Гафарова Ю. Ю., Дмитриева О. Е*. Студенты третьего возраста: особенности аудитории программ по освоению цифровых технологий // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города: сборник материалов международной научно-практической конференции, 30.11.2023. Минск: БГУ, 2024. С. 122–128.
6. День пожилых людей. Статистический обзор // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Главное статистическое управление города Минска [сайт]. URL: https://minsk-city.belstat.gov.by/upload/2025/demogr/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%BF%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D1%8B%D1%85%20%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9%201%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%20%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%202025.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
7. Национальная стратегия Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000693 (дата обращения: 20.11.2025).
8. Федерация профсоюзов Беларуси [сайт]. URL: https://1prof.by/news/stil-zhizni/gde-v-minske-provodyat-besplatnye-kursy-kompyuternoj-gramotnosti-dlya-pensionerov/ (дата обращения: 20.10.2025).
9. Национальная Библиотека Беларуси [сайт]. URL: https://www.nlb.by/content/news/national-library-of-belarus/vedetsya-nabor-na-besplatnyy-kurs-kompyuter-s-nulya// (дата обращения: 20.10.2025).

10. Образовательный и кадровый центр «Новое завтра» [сайт]. URL: https://novoezavtra.by/katalog-kursov/informatsionnye-tekhnologii/kompyuternye-kursy-dlya-nachinayushchih-pensionerov-shkolnikov-v-minske (дата обращения: 20.10.2025).

11. Центр активного долголетия [сайт]. URL: https://dolgoletie.by/obuchenie/dolgoletie-v-seti-smartphone/ (дата обращения: 20.10.2025).

12. БГУИР [сайт]. URL: https://www.bsuir.by/ru/news/startoval-novyy-sezon-proekta-tsifrovaya-gramotnost-pozhilym (дата обращения: 20.10.2025).

13. #яонлайн для всех: A1 и ЮНФПА разработали новую программу обучения цифровой грамотности. URL: https://ionline.a1.by/ru/o-volonterskom-proekte-yaonlajn/primery-obuchayushhih-programm-i-poleznyh-materialov (дата обращения: 20.10.2025).

14. МТС [сайт]. URL: https://www.mts.by/other/online-school/ (дата обращения: 20.10.2025).

ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ КАК ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЛАРУСИ

Е. Ю. Дорогавцева[1)], **И. Ф. Бурина**[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, Dzedov@bsu.by*

В статье рассмотрены цифровые сервисы различной направленности как программное обеспечение или приложение для пользователей, которые являются частью информационно-коммуникационной инфраструктуры цифрового пространства Беларуси.

Ключевые слова: цифровое пространство Беларуси; информационно-коммуникационная инфраструктура, информационно-коммуникационные технологии.

Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы предусматривает «выполнение мероприятий по созданию (развитию) современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрению цифровых инноваций в отраслях экономики и технологий "умных городов"» [1, с. 2]. Целью данной программы является внедрение информационно-коммуникационных технологий во все отрасли экономики Республики Беларусь, а также в различные сферы жизнедеятельности белорусского общества.

В ходе выполнения предыдущей Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества, а также Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. было создано и функционирует достаточно большое количество различных цифровых сервисов для улучшения жизнедеятельности жителей Беларуси. Цифровые сервисы (программное обеспечение или приложение для пользователей) являются неотъемлемой частью информационно-коммуникационной инфраструктуры цифрового пространства Беларуси. Рассмотрим некоторые из них, направленные на оказание услуг жителям городов, охватывающие различные сферы жизнедеятельности человека.

Цифровой сервис «Талон» начал работать в 2011 году как первая интернет-регистратура, к сервису изначально были подключены всего пять поликлиник. В настоящее время через «Талон» можно записаться к врачам из 302 государственных и частных медучреждений. Разработчики данного сервиса считают, что «сервис стал больше, чем только онлайн-запись к врачам» [2]. Главная станица сервиса разделена на основные

блоки. Горизонтальная навигация направляет пользователей к заказу талона, поиску платных услуг, медучреждений, возможных мест сдачи анализов, поиска лекарств. Основной контент выглядит довольно скромно: представлены три материала специалистов-медиков по разным медицинским направлениям, однако статьи датированы июнем 2023 года. На сервисе представлены переходы на странички в социальные сети, такие как «Facebook», «Instagram», «ВКонтакте», «Telegram» и «Одноклассники». Однако при более пристальном изучении содержания страничек в социальных сетях можно отметить, что странички на данный момент не обновляются, последняя публикация в «Facebook» датируется 27 сентября 2023 г. (количество подписчиков, подписок – пять). Примерная ситуация наблюдается в «Instagram», «ВКонтакте», «Telegram» и «Одноклассники». Еще одной проблемой данного сервиса остается и то, что многие медицинские учреждения Беларуси не подключены к данной системе, в списке учреждений они присутствуют, а заказать талон с данного сервиса затруднено. При всем при этом, запись к врачам и на анализы, вызов врача и поиск лекарств возможно осуществить в мобильном приложении, рейтинг данного приложения на сегодняшний день составляет 4.1 балла из 5 возможных.

Еще одним из важных цифровых сервисов, который функционирует в цифровом пространстве Беларуси является 115.БЕЛ – платформа для решения городских проблем. Изначально, по словам начальника отдела маркетинга КУП «Центр информационных технологий Мингорисполкома» О. Головацкой, был создан портал городского хозяйства «Мой горад» для жителей города Минска в 2015 году. В 2017 он был запущен в Витебске, а в 2018 – во всех районных и областных центрах страны. Осенью 2019 года портал был переименован и стал называться «115.бел – Мая Рэспубліка» [3]. Хотелось бы отметить, что на портале для пользователей, доступны все предусмотренные функции (можно подать заявку, узнать о ее состоянии в режиме реального времени). Интерфейс портала выглядит просто и доступно. На главной странице портала присутствует статистика обращения граждан, а также фото до и после решения заявленной проблемы: каждое фото подписано, где произошел инцидент (улица, город, название проблемы). На главной странице цифрового сервиса также присутствует упоминание в виде строки об акции, которая в настоящее время проводится в городе (стране), при нажатии на название акции установлен переход на сайт ответственный за реализацию данной акции. Переходы на странички в социальные сети отсутствуют. Надо отметить, что «Осенью 2019 года были запущены приложения для iOS и Android «115.бел – Мая Рэспубліка» с новым дизайном, которые полностью соответствуют функционалу веб-версии портала. Добавлен упрощенный выбор адреса,

по которому оставляется запрос. Предоставлена возможность прикреплять несколько изображений к заявке, что раньше было недоступно. Введен контроль отключений ЖКУ непосредственно в мобильном приложении, яркий и удобный функционал заявок и предоставлена возможность получать несколько видов push-уведомлений» [3]. Однако рейтинг данного приложения на сегодняшний день составляет 2.2 балла из 5 возможных.

Рассмотрим еще один цифрой сервис, который был введен в действие несколько лет назад – это Портал рейтинговой оценки качества оказания услуг и административных процедур организациями Республики Беларусь. Портал достаточно хорошо проработан, имеет доступный интерфейс, развернутые функциональные возможности. «Данный портал позволяет высказать свое мнение о качестве обслуживания населения государственными организациями. Формирующийся на основе оценок потребителей рейтинг государственных организаций создает дополнительный стимул для улучшения качества работы с населением и способствует развитию открытого диалога правительства и населения» [4]. Воспользоваться аналитической информацией, размещенной на портале возможно только после регистрации. После регистрации доступен рейтинг организаций, где на любую оцифрованную дату можно получить информацию о позиции, средней оценке, о количестве полученных оценок. В случае, если нужная организация не находится, вам предлагается заполнить форму на добавление организации на портал, после проверки модератором внесенной информации организация будет добавлена в перечень. Несмотря на хорошую проработанность содержательного контента, при активизации некоторых ссылок сервис может выдать «ошибку», без объяснения причин происходящего. Переходы на странички в социальные сети отсутствуют, мобильное приложение не разработано.

Один из интересных цифровых сервисов, которым могут воспользоваться жители Беларуси является международная система поиска пропавших домашних животных данный сервер создан для ответственных хозяев домашних животных, данный ресурс позволяет подать объявление о пропаже животного, просматривать на карте место, где питомец потерялся, а также можно зарегистрировать своего питомца (создать его профиль), заказать медальон с нанесённым QR-кодом для быстрой связи с хозяином в случае потери животного (уникальный QR код Вашего питомца вместе с его профилем хранится в международной базе Petsi) [5]. На страницах сервиса размещены фото питомцев и их хозяев. Приятный интерфейс сервиса, удобный функционал поиска и подачи заявок, статистические данные о потерянных (замеченных)

питомцах очень располагают к взаимодействию. На сервере представлены переходы на странички в социальных сетях «Facebook», «Instagram», «ВКонтакте», однако с 2023 года они не обновляются. Мобильное приложение для Беларуси не разработано.

Для автовладельцев города Минска создан и запущен цифровой сервис платные автомобильные парковки. Последняя публикация в разделе «Новости» на данном сервисе датируется 23.09.2025. Данные о количестве пользователей, пользующимися услугами данного сервиса, отсутствует. На главной странице цифрового сервера изображена карта города, на которой в случае необходимости можно просматривать места, предусмотренные для платных парковок, места для стоянки автомобилей. При наведении на определенное место, обозначенное значком на карте, высвечиваются адрес, количество всего предусмотренных мест, а также количество свободных мест на данной стоянке. Данный сервис предлагает пользователям информацию о порядке оплаты платных автомобильных парковок на территории г. Минска при помощи системы ЕРИП, о покупке абонемента на автомобильную парковку (на семь дней, на тридцать дней), информацию об осуществлении контроля со стороны государственного учреждения «Парковки столицы» (разработчиками цифрового сервиса также предлагается опция «Проверьте свой номер») [6]. На данном цифровом сервисе представлен полный перечень нормативных правовых документов, регламентирующих осуществление данной услуги. Данный цифровой сервис не предлагает на сегодняшний день разработанного приложения для мобильного телефона, что может затруднять поиск места для парковки либо стоянки автомобиля в реальном времени. Переходы на странички в социальные сети отсутствуют. Мобильное приложение не разработано.

На всех рассмотренных выше цифровых сервисах, направленных на оказание различных услуг жителям городов (и не только), в обязательном порядке даны ссылки на правовые документы, регламентирующие их работу. Интерфейс рассмотренных цифровых сервисов выглядит просто и понятно, однако, на наш взгляд, требуется доработка функционала, обновление содержательного контента цифровых сервисов (в том числе, в социальных сетях), разработка для некоторых из них приложений для мобильного телефона.

Наличие достаточно большого количества цифровых сервисов, доступных жителям Беларуси, влечет за собой необходимость в повышении информированности различных групп населения страны о функционировании этих сервисов. А для этого необходимо периодически проводить исследования по изучению осведомленности

населения о различных цифровых сервисах, о доступности этих сервисов и о мнении населения по поводу безопасности их использования.

Открытое акционерное общество «Гипросвязь» по поручению Министерства связи и информатизации Республики Беларусь проводит исследование, направленное на выявление потребностей населения, администраций городов и бизнеса в цифровых сервисах «умного» города. Для этого на сайтах Мингорисполкома, ОАО «Гипросвязь» и др. размещена онлайн-анкета. На наш взгляд, исследований онлайн недостаточно, необходимо проводить опросы населения по репрезентативной выборке, чтобы результаты исследования можно было экстраполировать на всю генеральную совокупность. Что же касается онлайн-опросов, то на вопросы онлайн анкеты, по нашему мнению, скорее всего, ответят только самые активные пользователи сети Интернет и цифровых сервисов. По результатам опросов необходимо также проводить мероприятия, направленные на повышение осведомленности некоторых групп населения о различных цифровых сервисах, о доступности этих сервисов и о безопасности их использования.

Библиографические ссылки

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066 (дата обращения: 01.11.2025).
2. Талон.бай: [сайт]. Минск, 2010–2025. URL: https://talon.by/ (дата обращения: 01.11.2025).
3. *Бардович М. В., Головацкая О.* О запуске портала «Мая Рэспубліка» 115.бел. // Онлайн-конференция БЕЛТА: Новости Беларуси. Минск, 1999–2025. URL: https://belta.by/special/onlineconference/view/o-zapuske-portala-maja-respublika-115bel-1188/ (дата обращения: 01.11.2025).
4. Портал рейтинговой оценки качества оказания услуг и административных процедур организациями Республики Беларусь: [сайт]. Минск, 2017–2025. URL: https://xn----7sbgfh2alwzdhpc0c.xn--90ais/survey/survey-list. (дата обращения: 01.11.2025).
5. Пропавшие и найденные питомцы рядом с тобой на карте: [Petsi Global Ltd]. – [Leeds], 2025. URL: https://petsi.app/ru/qr-code (дата обращения: 01.11.2025).
6. Parkouka.By: [сайт]. Минск, 2025. URL: https://www.parkouka.by/ (дата обращения: 01.11.2025).

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN SPREADING KNOWLEDGE AND INNOVATION IN URBAN ENVIRONMENTS

V. A. Zhurauleva

Belarusian National Technical University,
Minsk, Belarus, bntu@bntu.by
Supervisor – N. P. Bulanova, Senior Lecturer

This paper investigates the influence of social media on the diffusion of knowledge and innovation in urban environments. It argues that social networks play a crucial role in fostering collaboration, participatory governance, and open innovation. The study explores how digital communication platforms transform cities into knowledge-sharing ecosystems that enhance civic engagement and social learning. It also examines ethical and social challenges, including misinformation, privacy, and digital inequality. By aligning technology with inclusivity and digital ethics, social media can serve as a catalyst for smarter, more connected, and sustainable urban futures.

Keywords: social media; digital era; urban knowledge; innovation; communication; smart cities; digital transformation; information exchange; participatory governance; crowd-sourcing; knowledge networks; digital literacy; civic engagement; e-participation; smart governance; urban innovation.

In the digital era, social media has evolved into one of the most powerful tools shaping the social, cultural, and economic fabric of modern cities. With more than 4.9 billion users worldwide and continuous growth in digital engagement, platforms such as Facebook, Instagram, TikTok, LinkedIn, and X (formerly Twitter) are redefining how information is produced, shared, and consumed. Unlike traditional media, social networks enable instantaneous, two-way communication, allowing individuals to simultaneously act as content creators, distributors, and critics. Within the urban context, these digital ecosystems have become essential infrastructures for the exchange of knowledge, dissemination of innovation, and participatory governance.

The rapid urbanization of the 21st century has led to an unprecedented demand for efficient communication systems that support learning and collaboration among city residents. Social media, as a part of the broader digital transformation, plays a crucial role in this process by facilitating real-time information exchange, promoting civic awareness, and fostering collective intelligence. Cities are increasingly dependent on data flows generated by online interactions – from citizens sharing feedback on municipal services to institutions using digital analytics for evidence-based policymaking. As a result, social media is now an indispensable component of smart urban ecosystems, complementing technologies such as the Internet of Things (IoT) and big data analytics.

The rise of social media has also blurred the boundaries between formal and informal knowledge production. Universities, startups, and public institutions use these platforms to share research results, promote innovation,

and engage with broader communities. Meanwhile, urban residents participate in crowd-sourced projects, co-create solutions for sustainability, and exchange experiences in real time. This dynamic flow of ideas has transformed cities into living laboratories where innovation and communication intertwine.

However, the integration of social media into urban life also raises questions about misinformation, data security, and social equity. The same platforms that promote openness can also amplify polarization, spread false narratives, and reinforce digital inequalities. Therefore, studying the role of social media in knowledge and innovation dissemination is not only about understanding technology but also about exploring its ethical, social, and governance implications.

1. Social Media as an Engine of Knowledge Exchange

Social media platforms serve as global knowledge networks, connecting people, ideas, and institutions beyond traditional boundaries [1]. In urban environments, they operate as digital knowledge markets where citizens, experts, and organizations continuously exchange information. Platforms such as LinkedIn, Twitter (X), and ResearchGate enable researchers, innovators, and policymakers to share findings, publish reports, and initiate interdisciplinary collaboration [2]. For instance, many universities now maintain official social media pages for the dissemination of open-access research, enhancing transparency and accessibility.

At the local level, social media contributes to the formation of micro-knowledge communities. Residents share practical insights about urban mobility, waste segregation, or sustainable consumption through neighborhood Facebook groups, Reddit threads, and local forums. This participatory flow of information creates a "knowledge loop" – where city dwellers collectively identify problems and share solutions faster than traditional bureaucratic systems can respond [1].

During the COVID-19 pandemic, such grassroots communication networks became vital for spreading verified health information, supporting mutual aid groups, and debunking misinformation.

Furthermore, social media democratizes access to knowledge by removing institutional barriers. Platforms such as YouTube and Coursera allow citizens to acquire technical and professional skills, thereby promoting continuous learning and digital literacy. This accessibility contributes to the development of knowledge-based urban economies, where the ability to share and apply information becomes a driver of competitiveness and innovation.

2. Social Media and Urban Innovation Ecosystems

Urban innovation depends on the interaction between multiple stakeholders – governments, universities, businesses, and civil society. Social media acts as a bridge connecting these actors, accelerating the flow of ideas and supporting open innovation processes. Startups use digital networks to test

new products, receive instant feedback, and attract investors. Municipalities employ social listening tools to monitor public sentiment and evaluate citizens' satisfaction with city services [3].

For example, in Amsterdam and Singapore – two recognized smart cities – local governments actively use social media data to design adaptive mobility systems and urban sustainability programs [1]. Crowd-sourcing platforms integrated with Twitter or Facebook enable citizens to report issues such as traffic jams, broken infrastructure, or environmental hazards in real time. This continuous feedback loop creates a collaborative governance model where innovation emerges from both institutional and citizen inputs [2].

Social media also fosters creativity and entrepreneurial culture. Platforms like Instagram and TikTok have become incubators for urban trends – from eco-design and digital art to sustainable fashion and architecture [3]. These spaces provide visibility to young creators and innovators who might otherwise lack access to traditional media. The viral nature of social platforms helps good ideas spread rapidly, turning local experiments into global inspirations.

Moreover, social media analytics – including trend mapping, sentiment analysis, and behavioral tracking – have become strategic tools for urban planning. By examining citizens' posts, hashtags, and geolocation data, cities can better understand needs, habits, and emerging challenges [1]. This data-driven innovation allows for agile responses to complex urban issues such as mobility, waste management, and environmental sustainability.

3. Social Media for Civic Engagement and Smart Governance

The rise of e-participation and digital citizenship has transformed how residents interact with city authorities. Through social media, citizens can now voice opinions, participate in consultations, and hold governments accountable. Public agencies increasingly use platforms like Twitter and Telegram for transparency – publishing real-time updates, policy changes, and emergency alerts.

In the context of smart governance, social media acts as a communication interface between decision-makers and communities. Cities like Barcelona, Seoul, and Tallinn employ interactive social channels to collect feedback on urban development projects, while encouraging collaborative policymaking. This approach not only strengthens trust but also builds social capital – the collective resource of shared values and cooperation that underpins urban resilience.

Additionally, social media enhances crisis management and emergency response. During natural disasters, protests, or pandemics, digital platforms provide instant communication between authorities and the public. The speed and reach of social networks enable the dissemination of life-saving information – from evacuation routes to healthcare resources. Thus, social

media is becoming an integral part of urban resilience systems, complementing traditional infrastructure.

4. Ethical, Social, and Technological Challenges

While social media empowers knowledge exchange, it also generates new risks. The proliferation of fake news and algorithmic bias threatens the quality of public discourse and can undermine trust in institutions . Moreover, the digital divide remains a critical issue – marginalized groups without access to high-speed internet or digital literacy are often excluded from online participation. This exclusion perpetuates inequality, making the benefits of social media unevenly distributed across urban populations [2].

Privacy and data protection are equally pressing concerns. Many social platforms collect vast amounts of personal information, which can be exploited for commercial or political purposes. Cities must therefore establish robust data ethics frameworks, promoting transparency and accountability in how digital data are used for urban governance . Initiatives such as the EU's General Data Protection Regulation (GDPR) have set important precedents for balancing innovation with individual rights.

Finally, the addictive design of social media platforms – driven by algorithms that prioritize engagement over accuracy – can lead to information overload and polarization [3]. To mitigate these effects, experts recommend integrating digital literacy and critical thinking into urban education programs. Encouraging responsible online behavior and promoting digital well-being are essential steps toward sustainable urban communication ecosystems.

Social media has become an indispensable component of modern urban life – shaping how citizens learn, innovate, and collaborate. It enables the creation of networked knowledge communities, fosters open innovation, and enhances civic engagement. Yet, its benefits come with responsibilities. For cities to truly harness the power of digital communication, they must promote ethical data governance, inclusivity, and media literacy.

In the long run, social media can transform cities into intelligent, participatory, and sustainable ecosystems – but only if managed with transparency, trust, and accountability. The balance between innovation and ethics will determine whether social media becomes a tool for collective progress or a source of division in the digital age [2].

References

1. United Nations. World Urbanization Prospects [website]. URL: https://population.un.org/wup/assets/WUP2018-Report.pdf. (date of access: 25.10.2025).

2. *Albino V., Berardi U., Dangelico R. M.* Smart Cities: [website]. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10630732.2014.942092. (date of access: 25.10.2025).

3. OECD. The Role of Digital Platforms in Fostering Knowledge Sharing and Innovation [website]. URL: https://www.oecd.org/sti/digital-platforms-innovation.pdf. (date of access: 25.10.2025).

COMMUNICATION AND MEDIA IN THE LIFE OF A MODERN CITY

P. A. Kozlova[1)], **A. D. Matskevich**[1)]

[1)] *Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus, polina.kozlova07@mail.ru*

This article explores the way how digital and visual media are reshaping the perception, structure and experience of the modern city. Drawing on the theories of Manuel Castells and Scott McQuire, the paper integrates current trends from 2024 to 2025 including digital twins, media architecture, AR/VR technologies and digital zoning. The city is presented not merely as a physical space, but as a dynamic media environment where residents co-create urban identity. Using Minsk as a case study, it examines key dynamics such as screen urbanism, geomedia practices and the growing role of bloggers as informal urban mediators. Overall, the conclusion is that digital engagement helps balance the harmony between the personal space and ensures that media enrich rather than overwhelm urban life.

Keywords: digital media; urban communication; screen urbanism; geomedia; Minsk; AR/VR; media architecture; Castells; McQuire; urban identity.

The modern city is no longer just a collection of buildings, streets and infrastructure. In the 21st century it has evolved into a complex communicative ecosystem where information, visual imagery and digital technologies have become as essential to its structure as transport or architecture. Media technologies are now embedded in the urban fabric, transforming architecture into a communicative interface and turning the city into a dynamic media platform [1]. This transformation is especially visible in Minsk, which has been actively developing its digital infrastructure and visual culture in recent years [2].

The aim of this article is to explore how visual and digital communications shape the image, structure, and perception of modern cities, with a special focus on Minsk as a case of cultural self-expression through media.

Visual media today serve both as a language of the city and as a semiotic system through which urban identity is expressed. Minsk, being a European capital, can be understood as a "visual text" composed of billboards, advertisements, screens, graffiti and digital façades. This aligns with McQuire's concept of screen urbanism [3].

In central Minsk, along Independence Avenue and around Victory Square, one can already observe the mediatization of architecture: interactive building façades, projection mapping during festivals and video installations on public structures. Events such as the Minsk Light Fest have turned the city into an open media platform where architecture becomes a screen for civic

expression. Visual media strongly influence the collective identity of Minsk's residents. Through public displays, advertisements and cultural campaigns, the city communicates its historical heritage and modern aspirations.

However, visual saturation has a downside. Excessive advertising and constant exposure to bright digital screens create visual noise and information overload. This uneven development, where central areas are saturated with media while peripheral zones remain underrepresented, reflects broader patterns of spatial inequality in postmodern cities [4].

The digital transformation of urban communication has introduced entirely new forms of interaction between citizens and their environment. Technologies such as VR, AR, and digital twins allow residents to engage with the city in immersive and personalized ways [5]. Digital twins make it possible to model urban changes before they occur. Augmented reality can layer memory, information or commercial messages directly onto the city's surfaces. Media architecture weaves digital stories into everyday surroundings transforming the city into a responsive interface [6].

Manuel Castells highlights that in today's networked society, power lies in the capacity to influence meaning [7]. This insight is particularly relevant to urban digital media where shaping online narratives directly impacts how residents perceive and engage with their city. Castells introduces the concept of mass self-communication: the ability of individuals to produce and distribute content on a global scale. A local blogger's post, a community's AR mural or a neighborhood's digital archive can influence how the city is seen and understood.

In Minsk, these dynamics are becoming visible. Interactive installations, AR city tours and digital campaigns by local creatives show how media is used not only to decorate but to engage. Residents document, critique and reimagine their surroundings. This digital innovation is a form of civic participation.

Urban space today includes not only buildings and infrastructure, but also digital layers that shape everyday routines. Local influencers and bloggers have become active participants in this environment. Their role goes beyond entertainment: they help form tastes, support community initiatives, highlight city events and even engage in urban planning discussions.

According to the Perfluence platform, the reach of bloggers in smaller cities is already comparable to national media [1]. For many young people, updates about urban life come not from official sources, but from trusted individuals online. This transformation has given rise to a new media ecosystem, where bloggers and other digital creators serve as unofficial bridges between urban life and its inhabitants. Their role aligns with Scott McQuire's concept of civic mediation where it is a process through which

non-institutional media participants contribute to shaping public discourse and reconfiguring how people experience and navigate city spaces [2].

Traditional media still hold value, especially for older audiences. But the influence of bloggers is growing steadily. They're not just content creators, they're becoming voices of the city, capable of launching initiatives, shaping public opinion and building regional identity.

Digital media now shape the way we experience and move through urban spaces. From picking cafés based on Instagram aesthetics to relying on GPS for navigation, tagging locations, reading online reviews and streaming content while commuting depicts how these everyday habits reflect a new kind of city life where digital engagement is seamlessly embedded in our routines.

This is where the concept of «geomedia» comes in, which is a term introduced by Scott McQuire to describe media that respond to location in real time [2]. It's not just about maps or navigation apps, but about how digital content connects us to places. Geomedia includes Instagram with geotags, Telegram channels with local updates, Google Maps, reviews and live streams. These tools make the city more interactive: they allow people to react, organize and participate even remotely. A vivid example is the public response to the redevelopment of Ivanovskaya Gorka in Moscow in 2020. Residents used geomedia to share photos, organize tours and coordinate protests. It wasn't just a news story, though it was a collective action enabled by digital tools [3].

The benefits are clear: faster access to information, stronger engagement and broader participation. But there are also downsides: constant notifications, uneven visibility of districts, and the pressure to stay connected. Central areas dominate the digital map, while peripheral neighborhoods often remain invisible.

The city now communicates 24/7. We receive push messages, watch stories, follow live updates. It's convenient, but also exhausting. The challenge is to stay connected without losing personal space.

One possible solution is digital zoning that is about creating urban spaces where media presence is intentionally reduced. Parks without Wi-Fi, cafés without screens or QR codes, places designed for offline interaction. These aren't anti-tech zones, but areas for balance and reset [4].

Another approach is managing your own media stream. Algorithms can be adjusted: notifications turned off, app time limited, content curated more consciously. The usage of technology on your own is not about rejecting it.

And finally, digital silence (setting aside time without screens helps restore attention and reduce the sense of overload.

In 2025 urban innovation efficiency is more about empathy. Cities are evolving into responsive environments that adapt to human rhythms, not just infrastructure demands. With the rise of AI-powered urban systems, digital

twins, and sensor-based feedback loops, the city is becoming a space where choice, comfort, and mental well-being are actively supported.

Imagine walking through Minsk or Barcelona and receiving a gentle notification: "Quiet park nearby, low foot traffic, minimal noise." This isn't science fiction. Platforms like Responsive Cities 2025 are already exploring how urban design can integrate decarbonization goals with human-centered digital services. Apps offer calm navigation modes, highlighting routes with fewer visual stimuli, less noise and more greenery which is especially useful for neurodivergent users or those seeking digital detox moments.

These innovations reflect a deeper shift to cities which are learning to listen. By analyzing spikes in digital activity, stress-related search patterns or even wearable data (with consent), urban systems can suggest restorative spaces such as quiet cafés, shaded benches, or art installations designed for reflection. This approach aligns with the broader 2025 smart city trends: AI-driven personalization of public services, from transport to mental health support; circular design principles that prioritize sustainability and emotional well-being; citizen-led feedback systems, where residents co-create urban improvements through participatory platforms [7].

The city of choice is about how to feel. In this new landscape, digital tools don't just guide movement; they shape experience. They help residents balance connection and rest, stimulation and silence, speed and slowness. And in doing so, they redefine what it means to belong in a city.

All in all, digital technologies are now embedded in the very operation of cities and in how we experience them. Tools such as VR, digital twins and geomedia actively transform the way urban spaces are perceived and used. Our engagement with the city increasingly happens through screens, data flows and shared digital content. The line between the material environment and its digital counterpart has become blurred.

This transformation influences everyday behavior, economic practices and social relationships. The city is no longer just a physical backdrop, it is an interactive system that we move through, shape and co-produce via media.

References

1. Perfluence. Influencer Marketing in Regional Cities. URL: https://perfluence.com/blog/influencers-in-regions (date of access: 30.10.2025).

2. Communicative Cities and Urban Space / eds. S. McQuire, W. Sun. L.: Routledge, 2020. DOI: 10.4324/9781003054436.

3. *Tosoni S., Krajina Z., Ridell S.* The Mediated City Between Research Fields: An Invitation to Urban Media Studies // International Journal of Communication. 2019. URL: https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/13546 (date of access: 30.10.2025).

4. Breidenbach S. Urban Public as a Phenomenon of Communication // European Journal of Creative Practices in Cities and Landscapes. 2020. Vol. 3, No. 2. P. 93–103. DOI: 10.6092/issn.2612-0496/10861.

5. *Janoskova P*. et al. The Concept of a Smart City Communication in the Form of an Urban Mobile Application // Sustainability. 2021. Vol. 13, No. 17. P. 9703. DOI: 10.3390/su13179703.

6. Responsive Cities 2025 Symposium. URL: https://responsivecities2025.org (date of access: 30.10.2025).

7. Forbes. Smart City Trends 2025. URL: https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2025/01/15/smart-city-trends-2025 (date of access: 30.10.2025).

КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕНЯЕТ ПРИВЫЧКИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И БИЗНЕС-МОДЕЛИ В ГОРОДАХ

П. А. Костюкевич

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест, Беларусь, box@brsu.by
Научный руководитель – О. И. Грядунова,
кандидат географических наук, доцент

Статья посвящена цифровизации, как процессу трансформации бизнес-процессов и потребительского поведения с использованием информационных технологий. Рассматриваются примеры, такие как цифровизация общества, бесконтактные платежи и рост онлайн-покупок, особенно в условиях пандемии COVID-19. Подчеркивается важность персонализации в маркетинге, что способствует повышению лояльности клиентов. Также анализируется влияние цифровых экосистем и платформ на малый и средний бизнес, открывающих новые возможности для роста. Цифровизация кардинально меняет экономические реалии, требуя от компаний гибкости и способности адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая трансформация; ритейлеры; пандемия; онлайн-продажа; маркетинг; персонализация; маркетплейсы; малый бизнес; цифровые привычки.

Цифровизация – это переход на новые процессы, модели и подходы на основе информационных технологий. Появление мессенджеров и видеосвязи, внедрение концепции «умного города», замена бумажных документов электронными, заказы через Интернет, интернет-банкинг, цифровое государство – всё это примеры цифровой трансформации. Цифровизация – это не только технологии, но и изменения в бизнес-процессах. Последнее десятилетие характеризуется ростом информационно-коммуникационных технологий и повышением их роли в экономике. Дополнительным стимулом ускорения цифровизации выступили введенные в связи с пандемией ограничения, ставя на первый план преобразование бизнес-процессов, информационную безопасность, нормативное регулирование. Формализации процессов цифровизации, систематизации терминологии и классификацией секторов экономики в зависимости от уровня цифровизации уделяется всё больше внимания как на государственном, так и на международном уровне [1]. Согласно данным ООН, на Земле сейчас проживает 8,20 млрд человек. В мировом соотношении 4,8 млрд человек (58,1 %) проживают в городах, тогда как 3,4 млрд остаются в сельской местности. В начале 2025 года интернетом пользовались примерно 5,64 млрд человек по всему миру, что оставляет около 68,7 % населения планеты. Это значительный рост по сравнению с

2022 годом, когда интернетом пользовались лишь 4,9 млрд человек. Около 31 % населения мира, примерно 2,6 млрд человек, никогда не пользовались интернетом и не имеют к нему доступа. Большинство из них живут в Африке [2]. Современный человек проводит со смартфоном большую часть времени, и ритейлеры используют мобильные приложения и сайты для повышения лояльности покупателей, совершенствуя персонализацию. Проведенный опрос в 2021 году Российским Бизнес-Каналом «Исследования рынков» показал, что в 2021 году 74 % респондентов совершают онлайн-покупки, хотя в 2020 году эта цифра составляла 59 %. Чаще приобретает товары через Интернет молодая аудитория – это люди от 18 до 34 лет. Тот факт, что смартфон является «личным» устройством, чем ноутбук или стационарный компьютер, открывает ритейлерам большие возможности для налаживания коммуникации с покупателем посредством мобильного приложения [3].

Глобальная цифровизация – один из наиболее значительных трендов экономического развития и факторов модификации потребительского поведения. Особую актуальность вопросы цифровизации получили при наступлении пандемии COVID-19, что привело к незамедлительному переносу бизнес-процессов в диджитал-пространство. Технологии цифровизации рассматриваются в науке с положительной стороны: цифровизация способствует решению не только экономических, но и социальных проблем – от старения населения и социального неравенства до вопросов устойчивого развития, экологии и климата. Социологи, психологи и другие специалисты сходятся во мнении, что цифровизация породила «цифровое» общество, которому присущи иные ценностные ориентации и потребности. Цифровая трансформация привела к формированию нового профиля потребителя – так называемого «человека цифрового». Интернет, для такого потребителя, не только информационная и рекреационная платформа, но и место работы, канал связи и приобретения и продажи товаров. После неожиданного локдауна, вызванного пандемией в 2019 году и сопутствующего ему спада в показателях прибыли, буквально через 1 месяц после начала пандемии был отмечен повышенный спрос в области облачных сервисов, рост числа онлайн-покупок, массовый переход на видеоконференцсвязь и повышение активности пользователей в социальных сетях. Все вышеперечисленные примеры привели к росту чистой прибыли диджитал-компаний во втором квартале 2020 года. По данным ЮНКТАД, совокупная чистая прибыль Амазон, Гугл, Эппл, Фейсбук и Майкрософт в третьем квартале 2020 года выросла на 31 %, а в четвертом квартале 2020 года рост составил 41 %. Цифровая трансформация повлияла не только на западные компании; ведущие

цифровые платформы Китая тоже продемонстрировали рост чистой прибыли с 2017 года по 2019 год на 37 % (с 20 млрд долларов до 27 млрд долларов соответственно). В 2020 году показатель совокупной чистой прибыли составил 48 млрд долларов США, что на 78 % больше, чем в 2019 году. Цифровая трансформация экономики привела ко включению в целевые группы тех потребителей, которые зачастую исключались из фокуса внимания экономистов. Дети и подростки, осведомленные о рыночных предложениях, зачастую оказывают влияние на выбор товаров для общего пользования семьей. Они не только являются потребителями, но и влияют на поведение взрослых людей при выборе товаров. Современные потребители, имея обширный выбор товаров и услуг, породили высокий уровень конкуренции. Из-за того, что рынок перенасыщен, компании-продавца прилагают все больше усилий по убеждения клиента в покупке товара. Потребитель ищет информацию и сравнивает цены на рыночные предложения, и совершает покупку, как в онлайн, так и в офлайн пространстве. Конкуренция – результат цифровой трансформации. Это хорошо иллюстрирует практика функционирования агрегаторов. Вместо «точечных» магазинов, которые открываются компанией по принципу – один производитель – один магазин, потребитель использует агрегатор, вне зависимости от требуемого товара. Агрегатор – информационный посредник, который собирает все предложения в единую подборку, и потребитель, на основе значимых для него критериев (цвет, цена, доставка и так далее) выбирает оптимальный вариант. Возникновение новых тенденций в поведении потребителей совпало с пандемийным периодом. В связи с национальными ограничениями и необходимостью минимизировать контакты, в том числе и при покупках, область распространения цифровых торговых платформ значительно расширилась. Количество бесконтактных платежей с 2020 года по 2022 год увеличилось с 2 % до 42 % соответственно. Ритейлеры, которые предоставляют потребителям возможность бесконтактных платежей, доставок, услуг, являются предпочтительными для множества потребителей [4].

В эпоху цифровых технологий персонализация становится фундаментальным подходом к формирования новых потребительских привычек. Персонализированные рекомендации позволяют создавать уникальный опыт взаимодействия бренда с клиентом, что значительно повышает эффективность маркетинговых усилий и способствует формированию устойчивых паттернов поведения. Рекомендации могут проявляться в виде персонализированной рекламы, промоакций, предложений продуктов и рассылок. Персонализированная реклама и промоакции основываются на глубоком анализе текущих потребительских привычках индивида и направленны на

стимулирование желаемых изменений в его поведении. Алгоритмы анализируют чувствительность конкретного потребителя к цене, его историю взаимодействия с брендом, текущую конкуренцию и сезонность для формирования оптимального предложения. Все это формирует персонализированные скидки, бонусы или комплексные предложения, разработанные специально для стимулирования желаемого поведения. Подход в персонализации предложений идет дальше, предоставляя потребителям не только индивидуально подобранные товары, но и комплексные решения их проблем. Это включает в себя разработку персонализированных режимов использования продуктов, рекомендации по сочетанию разных товаров или средств, интеграцию с Интернетом вещей для мониторинга эффективности и автоматической корректировкой рекомендаций. Такой подход не только повышает ценность предложения для клиента, но и формирует новые привычки использования товаров, так как потребитель постоянной получает поддержку и руководство [5].

В последние годы бизнес оказался в условиях нестабильного спроса. Люди стали внимательно относится к соотношению цена-качество, больше сравнивают и анализируют предложения на рынке товаров и услуг. Согласно исследованию McKinsey 2024 года (МакКинзи), 68 % компаний отмечают необходимость кардинально менять стратегии из-за изменений поведения клиентов. Для сектора бизнес-потребитель ключевыми факторами стали гибкость, персонализация и скорость. Цифровые каналы позволяют в реальном времени отслеживать тренды, тестировать новые продукты и запускать кампании за считанные дни. Платформы электронной торговли и маркетплейсы активно внедряют алгоритмы для анализа истории покупок и поведения пользователей при выборе товаров. К примеру, российская сеть косметики «Золотое Яблоко» за период 2023-2025 года увеличила долю индивидуальных предложений на 35 %, что напрямую повысило конверсию. Так же для этого сектора характерна ценовая чувствительность. В ответ на то, что потребители обращают внимание на цену товаров повседневного использования, компании запускают более доступные версии продуктов с упрощенной упаковкой и расширяют программы лояльности. В тоже время сектору бизнес-бизнес характерна стратегическая перестройка и долгосрочные контракты. Здесь скорость уступает место продуманной адаптации. Диверсификация клиентской базы, расширение географии поставок и выход в новые отрасли, является ведущим трендом в данном секторе. Одним из определяющих факторов является интеграция клиентов в цепочки поставок. Производители предлагают сервисное обслуживание, обучение персонала и совместную разработку продукции. Согласно исследованию Deloitte (Делойт) от 2024 года, 67 % B2B

(бизнес-бизнес)-компаний, предоставляющие комплексные услуги, повысили уровень удержания клиентов на 15 %. И, самым важным изменением данного сектора – цифровизация процессов продаж. Использование CRM (Customer relationship management; управление взаимоотношения с клиентом) аналитики помогает прогнозировать потребности и оптимизировать запасы. Адаптация к изменению спроса – это не разовая акция, а постоянный процесс. И будет выигрывать те компании, которые не просто следуют трендам рынкам, а формируют их, используя данные как ключевой ресурс [6].

Цифровые экосистемы и платформы стали неотъемлемой частью современной экономики. Вокруг них формируются новые рынки и способы взаимодействия, они способствуют усилению инновационной активности, становятся одним из ключевых факторов успеха предпринимательской деятельности [7]. Благодаря маркетплейсам малый и средний бизнес получает доступ к масштабным рынкам, стимулирует рост локальных экономик. Маркетплейсы и онлайн-платформы предоставляют возможность выхода за пределы локального рынка, тем самым становясь не просто каналом продаж, а полноценной экосистемой для бизнеса. К примеру, маркетплейсы предлагают логистическую поддержку, что особенно важно для малого бизнеса, где нет централизованного финансирования извне. Цифровые платформы и маркетплейсы становятся ключевым фактором развития малого и среднего бизнеса. Они не только предоставляют инструменты для роста, но и формируют новую экономику доверия. Таким образом, развитие цифровых платформ – это не просто технологический тренд, а стратегический путь к увеличению конкурентоспособности страны [8].

Цифровизация является основным двигателем изменений в экономике и потребительском поведении. Она трансформирует бизнес-процессы, делая онлайн-покупки более доступными и удобными, что особенно было важно в период пандемии. Персонализация становится ключевым инструментом для повышения лояльности клиентов и эффективности маркетинга. Цифровые экосистемы и платформы открывают новые возможности для малого и среднего бизнеса, позволяя им расширять рынки и получать доступ к ресурсам. Успех в новой экономической реальности будет зависеть от способности компаний эффективно использовать данные и быстро адаптироваться к изменениям, что приведет к устойчивому росту и развитию.

Библиографические ссылки

1. *Бухонова С. М., Яблонская А. Е.* Исследование цифровой трансформации российского банковского сектора в контексте его инвестиционной

привлекательности // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 2. С. 951–960.

2. World Population Review. Internet Users by Country // World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/internet-users-by-country (date of access: 18.10.2025).

3. Стратегии маркетинга: как выбрать правильный путь // РосБизнесКонсалтинг. URL: https://marketing.rbc.ru/articles/13332/ (дата обращения: 18.10.2025).

4. Цифровая трансформация и ее влияние на потребителей / Е. И. Толстихина // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 11–15.

5. *Аникина Е. В*. Стратегии создания новых потребительских привычек в эпоху цифровых технологий // Практический маркетинг. 2024. № 9. С. 37–41.

6. *Ларионова М.* А. Как компании адаптируются к изменению потребительского спроса: анализ трендов в B2B и B2C сегментах // Финансовый университет. URL: https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/kak-kompanii-adaptiruyutsya-k-izmeneniyu-potrebitelskogo-sprosa-analiz-trendov-v-b2b-i-b2c-segmentakh (дата обращения: 19.10.2025).

7. *Орлова В. А., Васильковский С. А*. Развитие бизнеса на цифровых платформах // Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, 17.03.2023. URL: https://issek.hse.ru/news/820948356.html (дата обращения: 19.10.2025).

8. Интернет-торговля и фулфилмент: управление логистикой и компанией «Региональная логистика». URL: https://logistics.ru/internet-torgovlya-i-fulfilment-upravlenie-logistikoy-i-kompaniey-regionalnaya-logistika/malyy. (дата обращения: 19.10.2025).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AGENTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT OF THE URBAN ECOSYSTEM

A. I. Loiko

Belarusian National Technical University,
Minsk, Belarus, loiko@bntu.by

This article describes the growing role of artificial intelligence agents in the digital environment of the urban ecosystem, which is rapidly becoming saturated with internet technologies. One manifestation of this new urban environment is digital assistants, which assist in the construction and modernization of urban spaces while taking environmental requirements into account. The risks associated with using artificial intelligence agents, related to their autonomy, are described.

Keywords: digital environment; urban ecosystem; digital technologies; artificial intelligence agent; urban modernization.

Software engineering has developed a family of artificial intelligence agents [1]. These agents differ in their embedded problem-solving capabilities. In particular, reactive artificial intelligence agents respond to a specific situation upon receiving information. Their capabilities are governed by an algorithm and cannot act outside its boundaries. In this modification, the chat bot responds to social network user requests based solely on the urban environment topics embedded in the algorithm.

Learning artificial intelligence agents offer extensive database manipulation capabilities within the algorithm. Combining these two types of artificial intelligence agents it to solve urban modernization problems. One clearly answers a given question (query), while the other applies learning to find answers to questions with elements of fuzzy logic based on memory resources [2]. The experience of combining artificial intelligence agents has transformed into a methodology for creating multi-agent systems. These systems utilize intelligent artificial intelligence assistants as software architecture elements. This opens up the possibility of solving complex urban development problems while taking ecosystem criteria into account. The implementation of such methodology is facilitated by the fact that an artificial intelligence agent can be easily integrated into any domain ontology environment [3].

This is evident at the level of generative design, in which software uses machine learning to explore all possible infrastructure facility placement options, quickly generating alternative designs and checking their compatibility, taking into account the project deadlines for each facility and the building's architecture. Any changes during the approval process can be quickly incorporated into the project, so generative design can also improve

the efficiency of the project development process, improving planning and coordination between stakeholders.

Artificial intelligence agents use data to effectively implement the construction workflow, from project management to resource allocation. When solving modernization problems, contractors use artificial intelligence agents to automate many tasks. Modernization begins with task planning. Artificial intelligence agents automate task assignments based on machine learning and deep learning.

Artificial intelligence agents determine human, construction, and energy resource requirements. They adapt productivity optimization schedules. They also analyze project budgets and identify discrepancies between the client's definitions and the logic of the contractor and subcontractors.

Artificial intelligence agents configure document and resource search functions in big data databases. They process client requests, thereby freeing construction company employees from time-consuming clarification of details.

Artificial intelligence agents implement analytical functions that search for useful insights to help contractors make informed decisions. One area of application for artificial intelligence agents is to reduce the share of manual labor in construction, as this labor is associated with heavy physical exertion, difficult climatic conditions, and additional costs for companies to ensure safe working conditions for workers. Artificial intelligence agents, when combined with construction foreman functions, improve the work of contractors through automation, efficiency, and intelligent decision-making. Automation saves work time and reduces the risk of injuries and accidents.

Efficiency is realized through accelerated work processes without compromising the quality of work performed, which is important in terms of the stated initial construction budget. Previously, there was a persistent tendency for commissioning projects (long-term construction projects) to be delayed and budget revisions to be upward.

Intelligent decision-making by artificial intelligence agents is based on providing the contractor with powerful insights. These insights are generated through big data analysis. As a result, the contractor makes decisions based on financial results.

By combining the described functions of artificial intelligence agents, an operational environment is formed. Within this environment, artificial intelligence agents categorize and tag data. An improved search function allows the construction foreman to find the necessary information more quickly. This reduces downtime. Predictive analytics of artificial intelligence agents forecasts project outcomes in context.

Front-end development was previously fraught with difficulties created by thousands of packages, constantly changing frameworks, and designers'

demands for perfect rendering. AI agents automatically manage breakpoints, ARIA attributes, and adaptive behavior. They test components, generating test cases that developers might miss.

But AI agents have their limitations. They are only as effective as the quality of their data. This is the Achilles' heel that can transform an autonomous AI agent system into a source of hallucinations and cognitive distortions [4].

References

1. *Loiko A. I.* Artificial Intelligence Agents: Philosophy and Ethics: a Textbook on the Academic Discipline "Philosophy and Methodology of Science" for Master's Students of all specialties. Minsk: BNTU, 2025.

2. *Loiko A. I.* Technology of Digital Ecosystems // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 49–56.

3. *Loiko A. I.* Data Ontology: a Textbook on the Academic Discipline "Philosophy and Methodology of Science" for Master's Students of all specialties. Minsk: BNTU, 2025. Deposited at BNTU 20.06.2025, No DEPBNTU-2025-257. URL: https://rep.bntu.by/handle/data/156540 (date of access: 20.06.2025).

4. *Loiko A.* Biases of Natural and Artificial Intelligence: Social Costs and Risks. Our Knowledge Publishing, 2024.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УМНОГО ГОРОДА

Л. Е. Лойко

Академия МВД Республики Беларусь,
Минск, Беларусь, larisa.loiko@tut.by

Исследованы особенности правового регулирования умного города с учётом разработанности цифрового права. Акцент сделан на применение практик аналогового права к разработке нормативных документов для правовой платформы умного города. За основу взят эмпирический опыт организации умного города в пространстве такого мегаполиса как Минск. Внимание уделено эффективному использованию городской среды, оптимизации транспортных потоков и оперативному информированию жителей мегаполиса о функционировании экосистемы города.

Ключевые слова: умный город; мегаполис; Минск; информационное пространство города; право.

Умным современный город делают цифровые технологии. Это означает буквально, что город становится интеллектуальной системой. Это означает то, что локальные цифровые решения в пределах городского пространства интегрируются в единую информационную систему [1]. В результате используется разнообразие информационных и коммуникационных технологий с целью предоставлять жителям города более качественные услуги. Эта методология становится основой для проектирования умных городов [2].

Концепция умных городов возникла под влиянием развития методологии цифровых платформ и цифровых экосистем. Она трансформировалась в методику использования технологий интернета вещей для достижения стратегических целей «умного города».

«Умные города» функционируют на сопряжении цифровых технологий и интеллектуальных потенциалов систем управления. Концепция следует тенденциям урбанизации, повышения экономического значения городов и растущего спроса на устойчивое развитие. Это тенденции использования передовой инфраструктуры.

Правовое регулирование умного города предполагает разработку нормативной базы для цифровой трансформации городского хозяйства и управления [3]. Её целью является повышение качества жизни граждан, обеспечение их безопасности и эффективности предоставления услуг. Правотворчество формулирует принципы развития умных городов [4]. В числе этих принципов гуманизм (ориентация на человека), безопасность (формирование безопасной и устойчивой среды), мультимодальность (интеграция информационных систем).

Задача внедрения и развития технологий «умных городов» сформулирована программно-стратегическими документами социально-экономического развития Республики Беларусь. Одним из таких документов является Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы». Технологии «умного города» определены в числе приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы.

В рамках программой деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 г. осуществляется внедрение региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)» в г. Минске, областных центрах, городах и районах с численностью населения 80 тыс человек. Цифровая платформа обеспечивает функционирование сервисов в различных сферах жизнедеятельности и управления. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. реализует создание региональной цифровой платформы в 17 городах. В их числе г. Минск; областные центры, Барановичи, Пинск, Новополоцк, Орша, Полоцк, Мозырь, Лида, Борисов, Солигорск, Молодечно, Бобруйск.

Реализации задач внедрения и развития технологий «умных городов» способствует Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного регулирования в сфере цифрового развития и вопросах цифровизации» и принятые на его основе нормативные правовые акты.

Концептуальную часть программы формирует проект «Умные города Беларуси». Он включен в перечень «проектов будущего» Республики Беларусь и решает задачи цифровой трансформации государства. Инструментом реализации проекта «Умные города Беларуси» является Государственная программа а 2021–2025 гг. Она включает подпрограмму «Региональное цифровое развитие», в рамках которой осуществляется реализация проекта «Умные города» Беларуси.

Проект «Умные города Беларуси»разработан Министерством связи и информатизации Беларуси на основании поручения Президента о разработке «проектов будущего». Это подпункт 1.7 пункта 1 протокола от 2 июля 2019 г. № 15.

В марте 2021 г. перечень «проектов будущего» одобрен Президентом и дано поручение по обеспечению реализации комплексных «проектов будущего» с разработкой планов мероприятий. Выполнением поручения занимается Министерство связи и информатизации. Программа действий министерства утверждена

Первым заместителем Премьер-министра Республики Беларусь в редакции от 21 февраля 2024 г. № 34/310-30/2519р.

Мероприятия скоординированы с Государственной программой по заказчикам, срокам и источникам финансирования. Проектом предусмотрено объединение «умных городов» в единую цифровую экосистему «цифровое государство». Предусмотрено предоставление сервисов и услуг цифровой платформы для решения задач обеспечения комфортной среды проживания и деятельности жителей городов.

В данном контексте осуществляется работа по созданию инфраструктурных и технических условий для внедрения современных систем управления городским хозяйством, расширения электронных и информационных услуг для жителей городов, развития сервисов обратной связи с населением.

Осуществляется масштабирование типовой региональной государственной цифровой платформы «Умный город». Это делается для интеграции «умных решений» в границах города для доступа к платформе удобных цифровых сервисов и услуг для местных органов власти, бизнеса и граждан. Во внимание берутся вопросы безопасности, жизнедеятельности, транспортного обеспечения, экологии, сферы жилищно-коммунального хозяйства, энергетики, социального обслуживания, здравоохранения, образования.

В 2024 г. был разработан технический паспорт цифрового развития «Реализация комплексного проекта «Умные города Беларуси». Мероприятия выполняются в соответствии с Техническим паспортом мероприятия 68. В этом же году завершена разработка программного обеспечения первой очереди Платформы с проведением предварительных испытаний, опытной эксплуатации на базе г. Минска, областных центров и одиннадцать городов.

В 2025 г. проводятся работы по разработке и внедрению второй очереди Платформы. Осуществляется разработка и апробация программного обеспечения второй очереди Платформы. Она включает расширенные компоненты ядра платформы, прикладные приложения и сервисы, интеграцию второй очереди платформы «Умный город» с государственными информационными системами и ресурсами, сторонними решениями и учетными системами организаций. Осуществляется проведение приемочных испытаний и мероприятий по вводу второй очереди платформы «Умный город» в постоянную эксплуатацию. В 2026–2030 гг. будет реализовываться дальнейшее развитие и масштабирование цифровой платформы.

Библиографические ссылки

1. *Антонова А. В*. Развитие методики оценки города по критериям «умного» города // Вопросы управления. 2020. № 6(67). С. 122–141. DOI: 10.22394/2304-3369-2020-6-122-141.

2. *Голикова Ю. Б*. Экономика и управление инновациями в городах и регионах как основа формирования концепции будущего «Умный город» // Современные аспекты экономики. 2020. № 3–2(271). С. 18–27. URL: https://elibrary.ru/vovkmj (дата обращения: 25.10.2025).

3. *Есаян А. К., Трушевский Ю. В*. Общие подходы к нормативному правовому регулированию технологий в сфере «Умный город» // Международное публичное и частное право. 2020. № 1. С. 36–41. DOI: 10.18572/1812-3910-2020-1-36-41.

4. *Тихалева Е. Ю*. «Умные города»: правовое регулирование и потенциал развития // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(3). С. 803–824. DOI: 10.21202/jdtl.2023.35.

СТАРТАП-ДВИЖЕНИЕ И ИДЕИ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ГОРОД: ОПЫТ STARTUP SPACE

И. В. Пинчук[1)], **Е. А. Олиферко**[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, PinchukIV@bsu.by*

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с развитием предпринимательского потенциала молодежи. Представлен опыт Белорусского государственного университета в части создания и функционирования Стартап-центра, а также предпринимательского сообщества StartUp Space. Авторами раскрыты особенности реализации двухмесячной программы для стартап-проектов ранней стадии – Space University. Представлены примеры реализованных стартап-проектов, тематика которых связана с городской средой. Обозначена перспектива развития молодежного инновационного предпринимательства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: молодежное инновационное предпринимательство; стартап; стартап-движение; Стартап-центр БГУ; StartUp Space; Space University; хакатон.

Вопрос развития предпринимательского потенциала молодежи в последние годы все чаще становится предметом для обсуждения как в академической среде, так и на уровне формирования государственных программ. Наиболее распространенной формой инновационных предпринимательских проектов являются стартапы, предполагающие создание нового бизнес-решения.

Закономерным является тот факт, что реализация данных проектов предполагает наличие соответствующей инфраструктуры и требует поддержки на уровне государственных программ. Обращаясь к опыту соседних стран, прежде всего Российской Федерации, можно отметить, что ряд университетов уже на протяжении более десяти лет занимается поддержкой стартапов своих студентов, также прослеживается тенденция открытия в высших учебных заведениях стартап-студий, акселераторов и инкубаторов. Наряду с этим, студенческое предпринимательство поддерживается на государственном уровне, в рамках реализации таких программ, как «ПРИОРИТЕТ – 2030» и «Платформа университетского технологического предпринимательства», созданная для развития способностей российской молодежи в сфере создания и ведения бизнеса [1].

В качестве наиболее успешного примера развития университетской стартап-экосистемы можно привести Израиль. В данной стране создана уникальная для мировой практики система высшего образования, интегрированная с индустрией инноваций на нескольких уровнях – правительственном, корпоративном и предпринимательском, что

позволило стране добиться лидирующих позиций в нескольких секторах высокий технологий [2]. Одним из основополагающих факторов привлечения венчурного капитала в Израиль является развитая система «выращивания» малых технологических компаний (стартапов). Ключевую роль в формировании зарождающихся стартапов играют университеты Израиля, создающие среду и условия для процесса рождения и развития инноваций [2].

В Республике Беларусь развитие молодежного стартап-движения началось относительно недавно. Наиболее ярким примером первой интеграции учреждения высшего образования в стартап-экосистему является созданный в 2019 году на базе Белорусского государственного университета Стартап-центр. Как отмечает проректор по учебной работе и интернационализации образования БГУ Виктор Кочин, «данное структурное подразделение было сформировано в рамках программы, в основе которой лежит модель предпринимательского университета, или «Университет 3.0». Концепцию, по которой у вузов помимо основной миссии – образования и второй миссии – проведения научных исследований для промышленного сектора появляется еще и третья: создавать инновации и коммерциализировать результаты научно-исследовательской деятельности, Министерство образования развивает с 2018 года. Учеба, наука и инновационное предпринимательство работают в тесной связке» [3]. Кроме того, по мнению Виктора Кочина, вовлечь молодежь в предпринимательскую деятельность может только сама молодежь. Поэтому в рамках стартап-центра БГУ создано предпринимательское сообщество StartUp Space, где студенты организовывают мероприятия для своих сверстников [3].

Таким образом StartUp Space BSU – это межвузовское молодежное предпринимательское сообщество, которое уже на протяжении пяти лет ставит своей целью создать среду, где молодые участники стартап-проектов смогут реализовать свои идеи, находить команду, тестировать идей и маштабироваться. Представители данного сообщества организовывают различные программы и мероприятия, в частности Space University – двухмесячная программа для стартап-проектов ранней стадии.

Примечательно, что участие могут принимать обучающиеся и сотрудники любых учреждений высшего образования страны. Участники проходят путь от формулирования идеи, проработки продукта/разработки и формирования команды.

Прохождение данной программы позволяет:

– развивать предпринимательские компетенции (которые формируются в процессе обучения);

– пройти экспертизу и получить обратную связь (от предпринимателей, топ-менеджеров и сотрудников ведущих компаний);

– интегрироваться в сообщество единомышленников (возможность найти друзей и новых членов команды).

Первым этапом программы является HI-DAY, на котором осуществляется отбор идей и проектов (конец сентября-начало октября).

Второй этап программы семинедельная образовательная часть (StartUO Skills). У участников есть возможность посетить лекции от предпринимателей, топ-менеджеров и сотрудников компаний, которые делятся знаниями и инструментами для развития молодежных стартапов и продуктов. Отдельно стоит отметить такую практику как «воскресные питчинги», на которых можно получить качественную обратную связь от выпускников-предпринимателей программы Space University и скорректировать развитие проекта, работу с трекерами, которые помогают отслеживать результат каждую неделю и отмечать прогресс роста проекта.

Третий этап программы – StartUp Generation. Трехдневный выездной предпринимательский форум, который является финальной частью программы. Количество участников такого мероприятия достигает трехсот человек, а проекты и команды представляют более пятнадцати учреждений высшего образования Республики Беларусь. Оценивают проекты опытные эксперты из числа предпринимателей и топ-менеджеров компаний (пятнадцать экспертов).

Отдельно стоит отметить такую форму стартап-проектов, как Space Hackathon. Это трехдневный конкурс инновационных решений, где за сорок восемь часов участникам нужно разработать и представить свое решение по задаче от компаний, лучшие команды получают денежный приз.

Участие в Space Hackathon позволяет молодым людям с поиском команды. Под каждый хакатон участники собираются в зависимости от задачи компании, поэтому можно привлечь к себе в команду человека с необходимыми компетенциями, например, разработчика, дизайнера или маркетолога.

Преимуществом такого рода мероприятий является возможность получить призовой фонд, который команды могут в том числе направить и на развитие своих продуктов и стартапов. Также это возможность для обучающихся проявить себя как талантливого и перспективного специалиста. Участники, даже из не победивших команд, приглашаются на стажировку или работу у компании-партнера.

В 2025 году StartUp Space BSU были организованы и проведены следующие мероприятия:

– Space Hackathon with МТБанк – 200 участников;

– Space Hackathon with МТС – 250 участников;
– Space Hackathon with InDev Solutions – 150 участников;
– Space Hackathon with МТБанк 2.0 – 200 участников;
– Space Hackathon with InDev Solutions 2.0 – 200 участников;
– Space Hackathon with Great Stone & Miran – 150 участников;
– Предпринимательский форум Space Day – 1500 участников;
– Программа Space University – 300 участников;
– Форум StartUp Generation – 300 участников.

Конечным результатом прохождения различных этапов программы является создание инновационного продукта или услуги с последующей коммерциализацией и масштабированием. В качестве примеров реализованных стартап-проектов, тематика которых связана с городской средой, можно выделить следующие:

– CartOn – сервис тележек для магазинов, предлагающий шеринг удобных тележек для транспортировки продуктов до дома. Работает продукт через приложение, что позволяет арендовывать и оставлять тележки там, где людям удобно, так как они оснащены GPS трекерами. Как отмечает основатель проекта «несмотря на необычную идею, стартап продолжает развиваться и привлекать внимание инвесторов. При этом развить идею и прийти к MVP удалось благодаря StartUp Space BSU» [4];

– U-Travel – система онлайн-путешествий по Республике Беларусь. Сервис позиционируется как инструмент для удобного планирования путешествий по Беларуси. Стартап закрывает базовые потребности: за короткое время, не тратя часы на поиски, детально спланировать маршрут для отдыха. Платформа учитывает различные сценарии: путешествия с семьей и детьми, поездки с друзьями или даже экскурсии для тех, кто впервые посетил страну и не знает, что посмотреть. «Мы создаем аналог таких сервисов, как Aviasales или Booking, но вместо поиска отелей мы предлагаем пользователям быстрое и эффективное планирование всего путешествия» – объясняет суть проекта сооснователь U-travel [5].

Таким образом, стартап-движение в университетах – это активная экосистема, где студенты, преподаватели и исследователи могут создавать инновационные компании, получая поддержку и знания в стартап-центрах. В подтверждение этого можно отметить, что в начале сентября с Парком высоких технологий Беларуси подписана дорожная карта, которая направлена на поддержку молодежных инициатив. Соглашение охватывает двенадцать высших учебных заведений страны [6].

Примечательно, что подобные инициативы соответствуют стратегическому курсу государства, направленному на построение

инновационной экономики и укрепление технологического суверенитета. Как отмечает начальник управления по делам молодежи Министерства образования Республики Беларусь Татьяна Симановская, «молодежь, прежде всего студенты и молодые ученые, обладает уникальным потенциалом. Она открыта к новому и не боится экспериментировать, видит новые подходы, предлагает нестандартные, неформальные решения» [6].

В целом, можно говорить о формировании системного подхода к развитию инноваций в стране, который использует академический потенциал университетов для создания и сопровождения бизнес-проектов.

Библиографические ссылки

1. Перспективы студенческих стартапов как источник инноваций / Д. М. Стажарова [и др.] // Вестник Академии знаний. 2024. № 3 (62). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-studencheskih-startapov-kak-istochnik-innovatsiy (дата обращения: 09.10.2025).
2. *Ларионов А. С.* Университеты Израиля как «колыбель» для основателей стартапов и первая ступень инновационной технологической спирали // Экономика Ближнего Востока. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/universitety-izrailya-kak-kolybel-dlya-osnovateley-startapov-i-pervaya-stupen-innovatsionnoy-tehnologicheskoy-spirali (дата обращения: 11.10.2025).
3. Наука и инновационное предпринимательство: на примере БГУ узнали, как в Беларуси развивается стартап-движение // Газета «Рэспубліка». URL: https://www.sb.by/articles/idei-kotorye-rabotayut.html (дата обращения: 10.10.2025).
4. Было бы удобно взять тележку возле магазина и дойти вместе с ней до дома». Как студент начал строить бизнес с потенциалом выручки в $ 1,5 млн в месяц // «Про бизнес» онлайн-портал о бизнесе и предпринимательстве. URL: https://probusiness.io/startup/11585-bylo-by-udobno-vzyat-telezhku-vozle-magazina-i-doyti-vmeste-s-ney-do-doma-kak-student-nachal-stroit-biznes-s-potencialom-vyruchki-v-1-5-mln-v-mesyac.html# (дата обращения: 10.10.2025).
5. «Вместо отеля – план поездки». Белорусы придумали сервис быстрого планирования путешествий // Office Life портал о бизнесе. URL: https://officelife.media/article/66680-belorusy-pridumali-servis-bystrogo-planirovaniya-puteshestviy/ (дата обращения: 12.10.2025).
6. Минобразования и ПВТ реализуют совместные проекты для развития стартап-движения в вузах // БЕЛТА – Новости Беларуси. URL: https://belta.by/special/society/view/minobrazovanija-i-pvt-realizujut-sovmestnye-proekty-dlja-razvitija-startap-dvizhenija-v-vuzah-748710-2025/ (дата обращения: 14.11.2025).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Д. О. Чувак

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, cuvakdanila@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева,
кандидат философских наук, доцент

В статье концептуально уточняются изменения экономического пространства города в условиях цифровых трансформаций. Для этого содержательно раскрыты понятия физического и социального пространства, на пересечении которых можно объяснить специфику экономического пространства города. Обосновано, что, анализируя указанные изменения, следует учитывать, во-первых, специфику экономического пространства в соответствии с приведенной классификацией (действительное или конструктивное, концептуальное или перцепционное), во-вторых, диалектику возможного и действительного, которая лежит в основе цифровых экосистем города.

Ключевые слова: экономическое пространство города; цифровые трансформации; возможность; действительность; цифровые экосистемы города.

Многообразие трактовок экономического пространства применительно к решению проблем урбанистики указывает на неопределенность его логических границ и неоднозначность содержания, что снижает теоретико-методологическое значение этого понятия. Особое значение оно приобрело в условиях цифровых трансформаций, поскольку они расширили границы экономического пространства за пределы физической территории. Информационно-коммуникационные технологии позволили создать новое экономическое пространство – цифровое, в котором города могут расширять сферу взаимодействий с глобальными рынками, развивать электронную коммерцию, оказывать более конкурентоспособные удаленные услуги. Из такой актуальной ситуации вытекает необходимость концептуального уточнения изменений в экономическом пространстве города в условиях цифровых трансформаций.

Концепция экономического пространства вырастает из представлений о пространстве физическом и социальном. Поэтому методологически значимыми для содержательной экспликации экономического пространства города являются философские представления о пространстве, эволюция которых репрезентирует аспекты, выявленные мыслителями прошлого. Согласно Демокриту, пространство – это пустота, а в понимании Аристотеля – это место, занимаемое телами. Для него в отличие от Демокрита пространство

отсутствует, пока нет его предметного заполнения. В Новое время, начиная с Декарта, атрибутом, т. е. неотъемлемым свойством пространства, стали считать протяженность материи. В этот период начинают формироваться физические представления о пространстве как реальности трехмерного мира, и разрабатывается соответствующий язык для его описания.

В XIX веке появляется социология и в ее контексте на основе физических и географических идей концептуально оформляются представления о социальном пространстве. Например, Э. Дюркгейм определил социальное пространство как организацию жизни народов на определенной территории [1]. Очевидно, что территория в данном контексте может быть описана в терминах, например, физической или экономической географии. Г. Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь» выявил особенности социального пространства, возникновение которого он связал с взаимодействием между людьми [2].

Экономическое пространство производно от пространства физического и социального. Физическое пространство обеспечивает материальную основу для экономики (территорию, природные ресурсы, населенные пункты, промышленные предприятия, транспортные и инженерные сети, а также хозяйственно освоенные и рекреационные площади). Социальное пространство формирует отношения, институты и правила, в которых осуществляется экономическая деятельность, а также создающего условия для экономической деятельности (уровень жизни населения, социальную мобильность и возможности для развития). Поэтому экономическое пространство города является той частью физического и социального пространства, где происходит производство, распределение, обмен и потребление материальных благ, и где формируются производственные и социальные отношения.

Городское экономическое пространство методологически полезно разделять дихотомически на реальные (действительные) и ирреальные (конструктивные) пространства. Такой логический ход позволяет устанавливать фундаментальное различие двух объектов познания, одному из которых признак присущ, другому – нет. Реальное экономическое пространство города можно раскрыть как конкретный материальный, или физический, мир (городская инфраструктура, реальные экономические отношения «продавец/покупатель»). В частности, А. Г. Гранберг определил реальное пространство как «вместилище» объектов социально-экономической инфраструктуры [3, с. 107]. Ирреальное экономическое пространство города, напротив, представляет собой пространство абстрактное, являющееся результатом конструктивной деятельности людей и опирающееся на представления об актуальной или потенциальной бесконечности [4, с. 103–104].

Ирреальное экономическое пространство города можно разделить, в свою очередь, на концептуальное и перцепционное. Концептуальное экономическое пространство города – это сфера, описываемая с помощью терминологии, специально разрабатываемой в соответствующих теориях в целях научного познания (например, терминологическое описание экономических отношений в терминах спроса и предложения). Перцепционное экономическое пространство города – это сенситивная сфера восприятия городской действительности, имеющая общие и специфические, индивидуально обусловленные признаки. Важно подчеркнуть, что они производны от контекста экономических отношений, т. е. проявляют себя лишь при условии их установления (возникновения). Общие признаки обусловлены экономическими потребностями горожан, специфические – их индивидуальными особенностями (возраст, пол, род занятий, уровень образованности, социальные роли и пр.).

Изменения в экономическом пространстве города, во-первых, стали следствием преодоления его физических границ с помощью цифровых технологий. Во-вторых, с помощью данных технологий создаются цифровые экономические пространства, предоставляющие для развития города новые возможности (привлечение инвестиций, развитие бизнеса и создание рабочих мест через электронную коммерцию, онлайн-услуги и удаленную работу). В-третьих, цифровые технологии повышают эффективность экономики на новом уровне (оптимизация экономической деятельности, поиск лучших форм управления городскими ресурсами, что делает город более привлекательным для жизни и бизнеса). В-четвертых, цифровые технологии повышают качество жизни горожан, делая доступными товары, услуги и информацию, а также способствуя развитию образования и здравоохранения.

Если исторически причиной появления и развития городов выступала экономика, то в современном мире город сам порождает новые формы экономики. Это означает, что взаимодействие, с одной стороны, процесса урбанизации, с другой, – процессов в экономике не является однозначным вследствие своей исторической изменчивости. В частности, Н. Б. Афанасьев указал на такую характеристику современности как размывание «границ рабочего и личного пространства». Он проследил трансформацию понятий «труд», «досуг», «праздность» и «свободное время» в контексте «отмирания классических трудовых практик» [5, с. 93], которые были свойственны экономическому пространству города. Поэтому учитывая особенности цифрового пространства как ирреального, т. е. конструктивного, важно понимать диалектику возможностей и действительности.

С логико-философской точки зрения, цифровые технологии, влияющие на преобразования в экономическом пространстве города, следует рассматривать в плане соотношения возможностей и действительности. Качественная специфика возможности может быть объяснена «в контексте ее взаимосвязей с действительностью», которые задают тенденцию развития [6, с. 37]. Условием, или основанием, для возможности выступает действительность (действительное положение дел), способствующая «ее превращению в новую действительность». В противном случае, когда возможность не имеет оснований, при наличии которых она становится действительностью, она становится невозможностью [6, с. 37].

Явления, находясь в разряде возможных явлений, т. е. не принадлежащих бытию, становятся его частью и воздействуют на него. Это можно иллюстрировать следующим вопросом: «Что действует на сознание с большей силой: события (явления), например, наказания, безработица, болезни или их возможность?» Это означает, что «возможное оказывает воздействие на действительность именно в соответствии с его мерой недействительности» [6, с. 37]. Однако воздействие возможности прекращается, если она актуализировалась.

Диалектика возможного и действительного лежит в основе цифровых экосистем города, поскольку их цель заключается в обеспечении «бесшовной» интеграции различных услуг (например, транспорт, ЖКХ, здравоохранение и коммерция) и создание единой и эффективной среды для всех участников. Такая система может быть создана вокруг одной компании (например, «умный дом» или банковские сервисы) или в форме маркетплейса, который объединяет множество независимых продавцов и покупателей.

Под цифровой экосистемой города следует понимать совокупность взаимосвязанных сервисов, платформ и технологий, таких как интернет вещей, искусственный интеллект, большие данные, которые оптимизируют городские процессы и улучшают жизнь жителей. Создание подобных экосистем подтверждает тот факт, что цифровое экономическое пространство города трансформируется из физического в гибридное пространство. Это означает, например, что онлайн-активность и цифровые платформы дополняют и расширяют традиционные офлайн-процессы, что приводит к появлению новых бизнес-моделей, повышению эффективности управления и предоставления услуг, а также созданию цифровых экосистем [7].

Обобщая, можно сделать следующие выводы. Экономическое пространство возникает на пересечении физического и социального пространств. Анализируя изменения в экономическом пространстве города в условиях цифровых трансформаций, следует учитывать, во-

первых, его специфику в соответствии с приведенной классификацией: реальные (действительные) и ирреальные (конструктивные), включающие концептуальные и перцепционные пространства, во-вторых, диалектику возможного и действительного, которая лежит в основе цифровых экосистем города.

Библиографические ссылки

1. *Дюркгейм Э.* Социология и социальные науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М: Канон, 1995.

2. *Зиммель Г.* Социология пространства // Избранное. В 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996.

3. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М.: ВШЭ. 2003.

4. *Воробьева С. В.* Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск; БГУ, 2018.

5. *Афанасов Н. Б.* Смысл понятия «свободное время» и цифровой капитализм // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. XXII. № 1–2 (105–106). С. 94–99.

6. *Воробьева С. В.* Поссибилизм как новая гуманитарная парадигма в цифровом мире // Гуманизм и современность: материалы Междунар. науч. конф. (27 марта 2025 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. Минск: Четыре четверти, 2025. С. 36–39.

7. *Семячков К. А.* Этапы становления цифровой экосреды современных городов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 2(62). URL: https://eee-region.ru/article/6203/ (дата обращения: 27.10.2025).

ЦИФРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГОРОЖАН: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЕДИНОЙ КАРТЫ ПЕТЕРБУРЖЦА

А. В. Чугунов

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия, chugunov@egov-center.ru

Статья представляет промежуточные результаты исследовательского проекта Центра технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО, посвященного выявлению стратегий цифрового поведения горожан с вариацией по возрастным группам в условиях цифровизации и быстрого проникновения городских сервисов в жизнь Санкт-Петербурга. Исследование проводится по заказу Минобрнауки России. В статье рассматриваются результаты онлайн-опроса, который был проведен по репрезентативной половозрастной выборке среди жителей Санкт-Петербурга, пользователей Единой карты петербуржца. В анкете были использованы вопросы, характеризующие цифровое поведение жителей Петербурга и их отношение к новым технологиям. Цель исследования заключается в получении информации о привычках и предпочтениях пользователей цифровых технологий, а также об их отношении к новым цифровым сервисам и технологиям. В анкете были отражены следующие аспекты изучения цифрового поведения: (а) использование цифровых технологий (частота использования различных устройств и коммуникационных платформ, мессенджеров и социальных сетей); (б) определение готовности респондентов к использованию инновационных цифровых сервисов, таких как беспилотный транспорт, дроны-доставщики, нейро-импланты и искусственные интеллектуальные помощники; (в) выявление особенностей цифрового поведения, таких как вовлечение в социальные сети, доверие к искусственному интеллекту и др.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание FSER-2024-0049 «Исследование стратегий цифрового поведения горожан разных возрастных групп»).

Ключевые слова: цифровое поведение; мегаполис; цифровые трансформации; искусственный интеллект; Единая карта петербуржца.

Цифровое поведение жителей мегаполисов изучается с первых этапов развития интернета. По мере расширения цифровизации и роста её влияния на повседневную жизнь исследовательский фокус смещался. Новый всплеск интереса к теме связан с развитием концепции «Умного города» [1]. К примеру, Ф. Лиу и соавторы отмечают, что цифровая трансформация меняет повседневную жизнь, делая виртуальное пространство её неотъемлемой частью, что обусловливает актуальность комплексных исследований влияния виртуальной среды на субъективное благополучие [2].

Важным направлением исследований является изучение городской среды и социального взаимодействия в цифровую эпоху, с особым

акцентом на интеграцию цифровых технологий и Интернета вещей (IoT) в городе. Так, иракские исследователи показали, что интеграция цифровых решений в городской дизайн одновременно создаёт новые формы взаимодействия и порождает риски – от снижения личных контактов до угроз конфиденциальности и усиления неравенства, что требует сбалансированного подхода к технологической интеграции [3].

Рост цифровых объектов в городском пространстве меняет отношение человека к среде своего проживания. Французские исследователи показали, что цифровизация таких пространств ведёт к социальному и городскому дистанцированию и изменению субъективного восприятия места, сопровождаемому особым эмоциональным состоянием [4].

Схожие наблюдения представлены в исследовании коллективного эмоционального поля Санкт-Петербурга [5], где показано, что публичные коммуникации в соцсетях формируют аффективное восприятие городских локаций. Сопоставление с опросами выявило, что доминирующие онлайн-мнения закрепляются как индивидуальная оценка городской среды.

Финские исследователи изучили переход к общенациональной цифровой системе планирования землепользования и его влияние на партисипаторные практики [6]. Они отмечают, что участие граждан должно рассматриваться как обязательный элемент планировочных данных, что требует его структурированного включения в информационную модель национального плана.

В нашем исследовании на первом этапе был проведен экспертный опрос с целью выявления мнения экспертного сообщества о сферах цифрового поведения россиян в соответствии с классификацией поколений (за основу была взята теория поколений Штрауса – Хау). Критерием для отбора экспертов стало наличие компетенций в области социологического анализа и понимания теории поколений, либо в области межпоколенческих различий в использовании информационных технологий, либо в области внедрения масштабных ИТ-проектов [7; 8]. Основу для списка респондентов составило экспертное сообщество Центра технологий электронного правительства ИТМО и Некоммерческого партнерства ПРИОР Северо-Запад. Опрос был проведен в сентябре 2024 г., путем рассылки онлайн анкеты для сбора экспертных оценок и в нем приняли участие сорок четыре эксперта. Среди экспертов по 11 % составили представители ИТ-компаний, государственных учреждений и некоммерческих организаций, 57 % – работники образовательных организацией, ВУЗов, и 9 % выбрали другие типы организаций.

В результате экспертного опроса были сформулированы следующие выводы:

– обозначена неготовность старших поколений к технологическим инновациям и цифровой трансформации общества;

– выявлены опасения, что можно назвать «неясным будущим», со стороны младших и средних поколений по вопросам перспектив расширения цифрового поведения;

– отмечено, что отдельное внимание при разработке ИИ-сервисов следует уделить опасениям младших и средних поколений, связанным с угрозами при замене «человека искусственным интеллектом»;

– зафиксирована актуализация решения этических вопросов взаимодействия ИИ и человека, которые на сегодняшний день находятся еще в стадии деклараций.

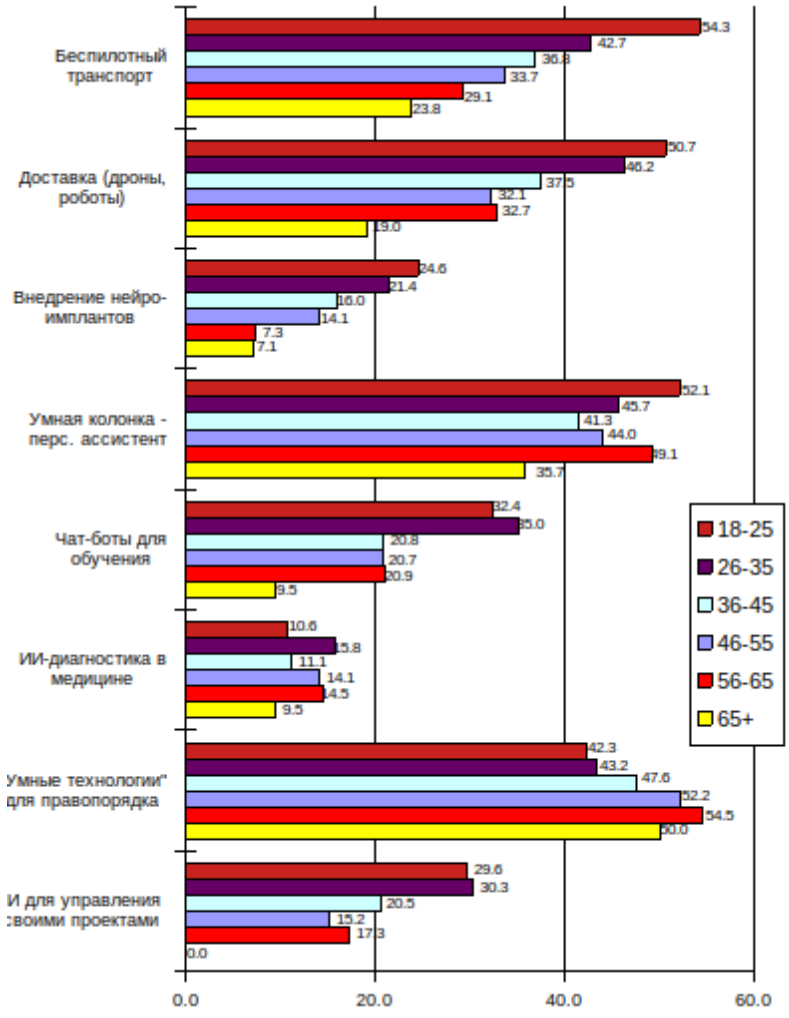
По результатам экспертного опроса была уточнена программа дальнейших исследований, в частности разработана программа социологического опроса, который был проведен в июле 2025 г. методом онлайн-анкетирования среди пользователей Единой карты петербуржца (ЕКП, https://ekp.spb.ru/). Исследование проведено на репрезентативной выборке по полу, возрасту и району проживания респондентов – 1 тыс. человек от 18 лет и старше (доверительная вероятность 95 %, интервал 4 %).

В выборке 53 % женщин и 47 % мужчин. По возрасту: 18–25 лет – 12,6 %, 25–35 – 23,2 %, 36–45 – 30,6 %, 46–55 – 18,4 %, 56–65 – 11 %, старше 65 – 4,2 %. По доходам: 6,7 % – высокие, 59,9 % – средние, 21,4 % – низкие, 12 % – очень низкие.

В анкете были использованы вопросы, характеризующие цифровое поведение жителей Петербурга и их отношение к новым технологиям. Цель исследования заключалась в получении информации о привычках и предпочтениях пользователей цифровых технологий, а также об их отношении к новым цифровым сервисам и технологиям. Таким образом, исследование было направлено на выявление связи между социально-демографическими характеристиками и цифровым поведением, с акцентом на различия между возрастными группами.

По результатам исследования, большинство респондентов ежедневно активно используют современные средства. Наиболее популярны смартфоны (94 %), телефоны старого типа («кнопочные») используются редко (7 %), компьютерами пользуются половина респондентов – 57 %. Для коммуникации используют мессенджеры 71 %, социальные сети 57 % (приложения VK 42 %). Значительная доля пользователей регулярно используют бесплатные мобильные приложения (53 %), платные приложения менее востребованы (9 %).

Особый интерес в исследовании представляло измерение готовности людей разного возраста использовать новые технологии и средства коммуникации (рисунок). Традиционно, младшее поколение (18–25 лет) демонстрирует наибольшую открытость новым технологиям. Молодежь готова активно использовать беспилотный транспорт, получать посылки с помощью дронов, применять нейроимпланты и другие умные устройства.



Распределение ответов на вопрос «Оцените свою готовность пользоваться различными цифровыми возможностями в перспективе ближайших пяти лет. Пожалуйста, выделите те утверждения, которые Вы могли бы отнести к себе», в %.

Гистограмма показывает, что значительная часть опрошенных демонстрирует открытость к современным технологическим новшествам, особенно к таким решениям, как беспилотники и дроны для доставки товаров (в среднем около 40 %), использование голосовых помощников (45 %) и внедрение устройств по всему городу, способных следить за порядком на дорогах и улицах (около 50 %). Опрос показал,

что наибольшее доверие вызывают автономные транспортные системы и технологии домашней автоматизации. Мы также видим, что у жителей города присутствует определённый скепсис относительно внедрения медицинских имплантатов и полной замены традиционных врачебных методов диагностики.

Конечно, при анализе данных этого опроса следует учитывать два фактора, которые определяют ограничения, связанные с тем, что мы в данном случае имеем дело с ответами активных пользователей цифровыми технологиями. Во-первых, опрос проводился среди пользователей цифровых сервисов экосистемы «Единая карта петербуржца» (сейчас это более 2 млн жителей Санкт-Петербурга), но и анкету, видимо, заполняли те, кто интрбесуется новыми технологиями. Из всего массива ответов в ходе обработки была сформирована выборка, представляющая население города по полу и возрасту. но полученные результаты, конечно, нельзя распространять на все население Санкт-Петербурга. Это мнение активных жителей, использующих информационные технологии.

Исследование выявило наличие значительных положительных связей между использованием новейших технологий, уровнем доверия к ним и ощущением улучшения качества жизни благодаря цифровым инструментам. Обратные тенденции были отмечены среди пожилых респондентов, которые демонстрируют меньшую открытость к новым технологическим решениям.

Активные интернет-пользователи чаще получают услуги через интернет и верят в положительные перемены благодаря технологиям. Те, кто беспокоится о недостоверной информации, одновременно отмечают повышенный риск формирования интернет-зависимости.

Анализ выявляет статистически значимую разницу в восприятии цифровых технологий среди различных возрастных групп. Молодежь чаще принимает современные устройства и стремится к удобству использования цифровых сервисов. Вместе с тем, пожилые люди переживают больше тревоги по поводу риска потери данных и распространения ложной информации.

Исследование показало широкий спектр отношения горожан к цифровой среде. Большинство уверенно владеет основными цифровыми устройствами и активно применяет интернет-ресурсы. Тем не менее, сохраняются сомнения относительно будущего технического прогресса, включая страхи перед снижением личного комфорта и ростом рисков киберпреступности. Именно защита данных и уверенность в безопасности выступают ключевыми факторами для повышения степени участия населения в цифровом обществе.

Рабочая группа проекта считает важным направлением дальнейших исследований акцент на изучение двух групп – молодежи и пожилых, т.к. есть предположение, что имеющийся и расширяющийся разрыв между этими поколениями в восприятии новых технологий, все активнее влияющих на социум, может негативно повлиять на социально-экономическое развитие.

В этой связи представляет существенный интерес сопоставление результатов наших исследований с данными других аналитических центров. Например весной 2025 года NtechLab совместно с Центром развития гуманитарных технологий «Новая эра» провели федеральное социологическое исследование «Перспективы развития искусственного интеллекта» (аудитория – российская молодежь от 18–35 лет) [9]. Исследование показало, что 88 % опрошенных использовали технологии искусственного интеллекта в повседневной жизни, что говорит о высокой степени интеграции технологий в молодежную среду. Это связано с использованием нейросетевых ИИ-технологий для работы и учебы (85 %). В основном – это подготовка текстов ИИ (75 %) и сбор и анализ данных (55 %). 90 % респондентов воспринимают ИИ как «библиотеку знаний». Второй по популярности образ – «Освобождение человека от сложных задач», с которым согласились 75 % опрошенных.

К сожалению, комплексные исследования старших групп населения, относящегося к категории «Серебряный возраст» пока отсутствуют. что является актуальной научной задачей.

Следует также отметить, что расширение применение технологий искусственного интеллекта вносит существенные коррективы как в бизнес-модели функционирования цифровых экосистем, так и в исследовательскую повестку не только в сфере информатики и вычислительной техники, но и гуманитарных дисциплин.

Библиографические ссылки

1. *Marchesani F*. The Global Smart City: Challenges and Opportunities in the Digital Age. Emerald Publishing Limited, 2023. DOI: 10.1108/9781837975754.

2. *Liu F., Zhao Y., Mao Z.* Unveiling the Formation Mechanisms of uRban Residents' Subjective Well-Being in the Digital Age: A Conceptual Framework // Cities. 2025. Vol. 163. Art. 106045. DOI: 10.1016/j.cities.2025.106045.

3. The Impact of Digital Technologies on Urban Life Quality and Social Dynamics in Bismayah / R. Z. Alshaikh [et al.]// International Journal of Sustainable Development and Planning. 2024. Vol. 19, No 9. P. 3405–3416. DOI: 10.18280/ijsdp.190911.

4. *Bailly E., Marchand D.* Digitalization of public spaces: sensory and emotional issues in people’s relationships to places // Articulo – Journal of Urban Research. 2021. № 22. Art. 4785. DOI: 10.4000/articulo.4785.

5. *Чижик А. В., Садохин А. П.* Опыт анализа социального самочувствия горожан: соотнесение характеристик городской инфраструктуры здоровья и

тональности текстов из социальных сетей (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 50–64. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-50-64.

6. *Nummi P., Harsia-Mikkola E., Mattila H*. The Role of the Citizen and Participatory Data in Information Model-Based Planning in Finland // Planning Practice & Research, 2025. P. 1–24. DOI: 10.1080/02697459.2025.2578619.

7. *Низомутдинов Б. А., Видясова Л. А., Куприенко И. В*. Готовность горожан к использованию новых цифровых технологий: результаты сравнительного анализа цифрового поведения в разрезе поколений // International Journal of Open Information Technologies. 2024. Vol. 12, No 12. P. 96–101.

8. *Куприенко И. В*. Цифровые изгои в контексте трансформации современного общества // Управление информационными ресурсами: Материалы XXI Международной научно-практической конференции, Минск, 28 марта 2025 года. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2025. С. 102–104.

9. Перспективы развития искусственного интеллекта: восприятие молодежи России. 2025 / NtechLab и Центр развития гуманитарных технологий «Новая эра». URL: https://new-era.space/upload/Перспективы_развития_искусственного_интеллекта_НЭ_NtechLab.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

DIGITAL INEQUALITY AS A DRIVER OF EMOTIONAL ALIENATION

Cao Wenmin

Belarusian State University,
Minsk, Belarus, caowenmin04@gmail.com
Supervisor – I. M. Nalivaika, PhD in Philosophy, Associate Professor

Dominant discourses often reduce digital inequality to technological access and attribute emotional alienation to individual psychology. This desocialized view obscures the problem's core. From a social-philosophical perspective, drawing on Axel Honneth, Michel Foucault and Jürgen Habermas. This paper reveals how digital technologies reshape social structures and human coexistence. It argues that digital platforms, algorithmic sorting, and data accumulation collectively reconfigure social relations. Groups lacking adequate digital representation suffer systemic misrecognition, which forms the structural basis of emotional alienation. Through critical social theory, this paper analyzes the intrinsic link between digital inequality and emotional alienation to provide theoretical resources for a more inclusive digital society.

Keywords: digital inequality; emotional alienation; digital technologies; digital platforms; social structures; digital representation.

1. The Philosophical Connotation of Digital Inequality: From Resource Distribution to the Order of Recognition

Traditional digital divide research remains confined to the paradigm of distributive justice, focusing on the unequal distribution of material resources. However, this paradigm fails to grasp the essential characteristics of inequality in the digital age. From a social-philosophical vantage point, digital inequality is, in essence, a disequilibrium within the order of recognition – that is, the system of social esteem mediated by digital technologies systematically devalues certain lifestyles, cultural expressions, and forms of existence.

Honneth, in his recognition theory, distinguishes three forms of recognition: emotional care, legal equality, and social esteem. Digital inequality erodes all three forms: algorithmic recommendations complicate authentic emotional connections; data surveillance undermines the substance of legal equality; and disparities in cultural visibility disrupt the fair distribution of social esteem. On digital platforms, social esteem is no longer granted primarily through interpersonal interaction or traditional media but is allocated via mechanisms of algorithmic visibility. This algorithmic visibility is not value-neutral; it is embedded with specific commercial logics and cultural biases. As Honneth notes, social esteem pertains to the social conditions for individual self-realization – when certain groups are systematically overlooked or devalued in the digital realm, their sense of self-worth faces a fundamental threat [1, p. 2].

Digital misrecognition manifests in three forms: "algorithmic invisibility" (a lack of representation in the digital public sphere, leading to feelings of meaninglessness and social non-existence, e.g., the absence of slums on digital maps); "stereotypical representation" (being reduced to one-dimensional digital images, a distorted form of recognition leading to anger and damaged self-esteem, e. g., ethnic minorities being algorithmically associated with crime-related content); and "cultural devaluation" (the systematic marginalization of lifestyles and value systems, resulting in shame and cultural inferiority, e. g., the marginalization of dialects and non-mainstream cultural expressions on platforms). These forms of misrecognition not only lead to a loss of material opportunities but also cause a distortion of self-relation – individuals struggle to view themselves as equal members of society, fostering what Honneth terms "social shame." This misrecognition manifests emotionally as a dual alienation: alienation from the self (difficulty in forming a coherent self-identity) and alienation from others (difficulty in establishing sincere emotional connections) [4]. Digital misrecognition is therefore not merely a manifestation of inequality but a structural driver of emotional alienation.

2. The Asymmetry of Recognition: From Honneth to Digital Exclusion

In the digital ecosystem, the "asymmetry of recognition" refers to the systematic differences in the visibility, representation, and validation of worth that digital platforms and algorithmic systems afford to different groups. This asymmetry is not a technically neutral, accidental outcome but is rooted in social biases and power structures reflected in algorithmic design.

Kain's research on digital mapping in Delhi reveals that algorithmic visibility systematically reproduces socio-spatial hierarchies: low-income neighborhoods with complex toponymy receive minimal coverage, whereas affluent areas with simplified nomenclature achieve comprehensive digital representation. This cartographic disparity not only mirrors socioeconomic divisions but actively re-inscribes historical caste and class segregation. Digital invisibility thus constitutes a form of social misrecognition, marginalizing communities from the discursive construction of digital space and rendering their existential realities epistemically invalid [5].

Algorithmic bias intensifies this recognition asymmetry globally. Platforms like Google Maps and Wikipedia, despite universalist claims, manifest profound content imbalances structured by historical and linguistic hegemony. The systematic over-representation of Euro-American regions alongside the under-representation of populous Global South areas, coupled with the privileging of colonial languages over widely spoken non-European tongues, generates what may be termed epistemic injustice. These curatorial mechanisms reinforce historical power structures by determining legibility within digital memory, ultimately shaping both planetary consciousness and

subaltern identity. This recognition deficit produces affective consequences through what might be called epistemic identity injury. When digital platforms algorithmically marginalize communities, they are not merely replicating material inequalities but generating novel structures of emotional exclusion. As evidenced by Gaza residents risking physical safety for sporadic connectivity, digital exclusion transmits a profound emotional message: their narratives remain unworthy of incorporation into dominant digital archives [7]. This systematic denial of recognition fosters deep alienation, excluding subjects from a digitally-mediated world that increasingly governs social legibility and historical remembrance.

3. Forced Visibility: Perspectives from Foucault to Han Byung-Chul

In stark contrast to the asymmetry of recognition experienced by some, the digital age also presents the paradoxical phenomenon of "forced visibility." For those with digital access and skills, the digital environment often demands the continuous exposure of personal lives, emotional experiences, and private information as a price for participating in social life.

Foucault's panopticon metaphor reveals how visibility becomes a core mechanism of modern power operation. In the digital age, this metaphor acquires new significance: we inhabit a "digital panopticon" where visibility and being-visible become key mechanisms of social control and emotional alienation. Unlike the central surveillance described by Foucault, the politics of digital visibility assumes a more complex form. Byung-Chul Han, in his work "The Transparency Society", argues that contemporary society is experiencing a voluntary self-exposure – individuals are not coerced but are seduced, are expected, to display themselves [2, p. 27]. This voluntariness obscures a coercive essence: in digital society, to be "invisible" is almost equivalent to being "non-existent. "Digital platforms naturalize this forced visibility through a culture of connectivity. Constant online presence, the expectation of immediate response, and the pressure to perform emotions all create new forms of power. This power operates not through prohibition but through encouragement, not through repression but through stimulation. The result is a form of self-exploitation – individuals actively participate in their own process of emotional alienation.

The unique feature of digital surveillance lies in its logic of datafication – transforming human experience and emotion into calculable, predictable data points. Emotion itself becomes an object of extraction, categorized, analyzed, and utilized for commercial or social control purposes. In this process, a fissure emerges between authentic emotional experience and its digital representation, leading to the individual's alienation from their own emotional life. This emotional alienation is particularly evident on social media. Individuals learn to shape and perform their emotions according to algorithmic preferences; authentic emotional experience is replaced by performative

emotional expression. Emotion ceases to be an internal state of connection and becomes a strategy for accumulating social capital. This commodification of emotion is a central feature of emotional alienation in the digital age – we perform emotions not for genuine connection but for visibility, likes, and followers.

The increasing reliance on digital interfaces for accessing basic services in smart cities intensifies this forced visibility. Metro systems expect app-based tickets or smart card taps; housing and welfare applications are digitized by default; parking meters, cafes, and even public toilets often accept only QR codes or contactless payments. For those with fast phones, available data, and stable IDs, the urban experience is seamless; but for those lacking these resources, they are pushed into longer queues, higher fees, or complete exclusion. This technological compulsion creates not only practical barriers but also conveys a clear emotional message: those unable or unwilling to remain perpetually visible have no place in the digital city.

4. Isolation within Connectivity: The Alienation of Digital Communication

One of the most paradoxical experiences of the digital age is "isolation amidst connectivity," where surface-level hyper-connection coexists with profound emotional alienation, a condition amplified by digital inequality. Drawing on Habermas's distinction between the lifeworld – oriented toward mutual understanding – and the system – driven by functional imperatives – the digital era manifests an intensified colonization of the lifeworld by algorithmic logics, commercial interests, and data accumulation.

Digital platforms, far from being neutral conduits, actively instrumentalize communication through interface design, algorithmic recommendations, and incentive structures, thereby undermining the authenticity and sincerity essential to meaningful dialogue. Empirical studies show that even when disadvantaged groups gain internet access, their usage often remains confined to entertainment and basic communication, failing to translate technical connectivity into substantive social participation or emotional fulfillment. This dynamic fosters what Habermas would identify as a erosion of communicative rationality: as interaction becomes dominated by strategic aims – such as impression management or social capital accumulation – the capacity of communication to build shared understanding and genuine connection diminishes. The result is "connected loneliness," a state of being surrounded by digital interactions yet starved of emotional resonance. The COVID-19 pandemic starkly exposed this divide, revealing that true digital inclusion requires not only access but also the skills and resources to cultivate and sustain relationships through technology, without which the shift online becomes a source of further isolation rather than a bridge to belonging.

5. Towards a Digital Future of Recognition Justice

Addressing the emotional alienation stemming from digital inequality requires moving beyond technical fixes to a digital society reconstituted around "recognition justice". This entails a threefold approach: First, technology design must integrate recognition justice, ensuring algorithms avoid systemic marginalization, guarantee plural visibility, respect diverse lifestyles (cultural justice), and foster identity elasticity beyond stereotypes. Second, digital communicative spaces must be rebuilt on Habermasian principles, creating non-commercialized arenas, employing deliberative design for rational discourse, and acknowledging plural rationality to foster genuine mutual understanding. Third, digital literacy should be redefined as a "recognitive competency", encompassing not just technical skills but also critical algorithm awareness, digital empathy, and the capacity for recognition resistance.

As a "super wicked problem," digital inequality demands this multi-dimensional approach – focusing on technical access, interaction quality, and recognition – across design, public sphere reconstruction, and competency cultivation to achieve recognition justice.

Conclusion

This paper has analyzed how digital inequality drives emotional alienation from a social-philosophical perspective. Digital inequality is not merely a matter of resource distribution but a manifestation of a disordered recognition order; digital visibility is not just a technical feature but a mechanism of power operation; digital communication is not simply a change in interaction patterns but an expression of the colonization of the lifeworld. Addressing emotional alienation in the digital age requires moving beyond the mindset of technical fixes to engage deeply with the reconfiguration of social relations. A digital society oriented towards recognition justice should be capable of accommodating diverse modes of being, respecting different life trajectories, and nurturing authentic emotional connections. In this sense, the critique of digital inequality is not only a diagnosis of contemporary society but also a prospect for a more just and inclusive digital future.

Digital technology is not fated to cause emotional alienation – it also holds the potential to connect people and expand recognition. Realizing this potential requires steering technological development so that the digital society becomes a new home for human flourishing, rather than an accelerator of emotional alienation.

References

1. *Calegari F.* The Struggle for Recognition: Axel Honneth’s Contributions for a Moral (and Liberal) Grammar of Social Conflicts // Leviathan: Notes on Political Research. 2013. P. 45–70.

2. *Han B. C.* The Transparency Society. Stanford: Stanford University Press, 2015.

3. *Heinz A., Deserno L., Reininghaus U.* Urbanicity, Social Adversity and Psychosis // World Psychiatry. 2013. No 12(3). P. 187–197.

4. *Kuhn C., Khoo S. M.* Understanding Digital Inequality: A Theoretical Kaleidoscope // Postdigital Science and Education. 2023. P. 894–932.

5. *Kain D.* Caste in Gig Economy: Exploring the Spatiotemporality of Work in India // Centre of South Asian Studies. 2023.

6. *Mark G., Martin D.* Geographies Of Digital Exclusion: Data And Inequality // London: Pluto Press,2022.

7. *Sutter J. D.* Income Inequality and Google Maps // CNN, Cable News Network, 7 Nov. 2013. URL: edition.cnn.com/2013/11/07/opinion/sutter-google-maps-income-inequality (date of access: 17.11.2025).

INTERNET TECHNOLOGY EMPOWERS YOUNG CHINESE WOMEN TO FIND HIGH-QUALITY EMPLOYMENT

Gao Jiacheng

Belarusian State University,
Minsk, Belarus, 13951841399@163.com
Supervisor – L. G. Titarenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor

As the underlying technology of various digital technologies, Internet technology has profoundly changed people's daily lives and working methods. Whether it can empower the economic and social status of young women deserves in-depth exploration. To this end, based on data from the 2010, 2015, and 2021 Chinese General Social Survey, this study uses the least squares and quantile regression models to examine the impact of internet use on the salary wages of young Chinese women. The results show that internet use significantly increases the salary wages of young Chinese women, and as their salary wages rise, the effect of internet use on their wages increases. The research conclusion reveals the important role of using Internet technology in the salary wages of young women, and have implications for enhancing the economic and social status of young women.

Keywords: Internet use; Chinese young women; salary wage; Chinese general social survey.

Young women are a key employment group in China's pursuit of high-quality employment. Their labor force participation and employment quality not only impact the achievement of high-quality employment but also the stability and harmony of Chinese society. For a long time, young Chinese women workers have faced significant employment pressure. Unlike young Chinese men, young Chinese women often shoulder responsibilities such as housework, childrearing, and elder care [1, p. 288]. These activities can lead to a voluntary redistribution of labor within the family, thereby limiting the labor force participation of young Chinese women.

At the same time, since the 18th National Congress of the Communist Party of China, the Chinese government has repeatedly emphasized the importance of building a digital China and a digital superpower. Against this backdrop, the development of various digital technologies has spawned new business models, new models, new opportunities, and new employment forms, continuously increasing the ability to absorb employment. As the underlying technology behind various digital technologies, internet technology has profoundly transformed the way Chinese society works and lives, and has become a key driver for optimizing the social employment structure and achieving high-quality economic development. Internet technology can break the spatial and temporal constraints of employment, fostering new types of

jobs [2, p. 437] and providing more flexible employment opportunities for young Chinese women.

First, the development of internet technology has promoted the optimization of employment structures. The widespread application of internet technology across various industries has driven the continuous integration of traditional industries with internet technology, thereby optimizing the traditional employment structure and creating more opportunities for young Chinese women to enter emerging industries, helping to break down occupational gender segregation in traditional industries. In the past, some traditional industries, such as manufacturing, often had a low proportion of young Chinese women working in these fields due to the arduous physical labor and the influence of traditional gender norms. However, with the advent of the intelligent manufacturing era, the digital transformation of industry has spawned new positions such as industrial data analysts and intelligent manufacturing planners, which place greater emphasis on knowledge, skills, and data analysis capabilities rather than purely physical strength. This has provided young Chinese women with more opportunities to enter these fields, leveraging their strengths in data analysis, communication, and coordination to gradually address the gender imbalance in traditional industries.

Second, the development of internet technology has broken down employment restrictions and promoted the digital labor model. One scholar has noted that "the use of the internet has reduced physical requirements for work, and telecommuting has reduced commuting time, avoided workplace distractions, and increased employment flexibility." The digital labor model differs from the traditional work model, which typically requires employees to work at fixed times and locations. This often poses a significant employment barrier for young Chinese women with family responsibilities. The digital labor model breaks with the traditional work model, providing young Chinese women with more flexible working hours and locations, enabling them to better balance work and family. This has not only reduced implicit discrimination against young Chinese women in the workplace but also increased their participation in the labor force.

Third, internet technology has also fostered the emergence of new occupations, such as freelancing, e-commerce, and digital content creation. These jobs often require minimal physical effort, allowing young Chinese women to compete based on their intellectual abilities, thereby reducing gender inequality in the labor market. On the one hand, the rise of freelancing and e-commerce has provided a broad platform for young Chinese women entrepreneurs. In the past, starting a business often required significant capital, connections, and physical presence, creating arduous hurdles for many young Chinese women. However, the advent of the digital labor era has significantly lowered the barriers to entrepreneurship. Young Chinese women can easily

open their own online stores, studios, or provide various online services through internet platforms. Furthermore, the development of digital content creation has provided young Chinese women with new avenues to showcase their talents. In this field, creativity and talent, rather than traditional physical strength or gender advantages, are key. Young Chinese women often possess unique strengths in emotional expression, attention to detail, and aesthetics, enabling them to stand out in digital content creation.

Therefore, in the pursuit of high-quality employment in China, it is crucial to effectively guarantee employment for young Chinese women and improve the quality of their employment. Therefore, analyzing the employment dividends of internet technology and systematically exploring its impact on high-quality employment for young Chinese women has high academic value and significant social significance. To this end, this paper, based on data from the 2010, 2015, and 2021 China General Social Surveys, develops least squares and quantile regression models to examine the impact of internet use on the wages of young Chinese women. The specific model development and results are as follows.

Benchmark Regression Model. This paper uses the least squares regression model as the benchmark regression model to assess the overall impact of internet use on the wages of young Chinese women. The specific model settings are as follows.

$$SI_i = C_1 + \alpha_1 * Internet_i + \beta * Control_i + \mu_i$$

In the above formula, SI_i and $Internet_i$ represent the salary income and internet usage of the i-th Chinese young woman interviewed, respectively. $Control_i$ represents a series of control variables for the i-th Chinese young woman interviewed, including her ethnicity, household registration, marital status, health status, her own years of education, and her parents' average years of education. The estimation results show that Internet use can significantly increase the wage income of young Chinese women at the 0.1 % level ($\beta_{\text{internet use}} = 0.5791$, $P < 0.001$), indicating that as the frequency of Internet use by young Chinese women increases, their wage income level will also increase significantly.

Quantile Regression Model. Based on the benchmark regression model, this paper uses quantile regression to examine whether internet use has heterogeneous effects on the wage income of young Chinese women at different positions in the conditional distribution. The specific model settings are as follows.

$$Q_{i\varphi}(SI_i \vee X_i) = X_i \beta_{i\varphi} + \mu_{i\varphi}$$

In the above formula, $Q_{i\varphi}(SI_i \vee X_i)$ represents the level of the salary income of young Chinese women interviewed under the given quantile condition φ and characteristic variable X_i.

$$min¿$$

To reflect changing trends, this study selects three representative quantiles (25th, 50th, and 75th) as the quantile conditions for the equation, defining them as lower, medium, and higher levels of salary income, respectively. Based on this, by minimizing the equation (see the above formula), the coefficient estimation for internet use and a series of control variables under these specific quantile conditions can be obtained. The estimation results show that, on the one hand, regardless of the wage income level of young Chinese women, Internet use can always significantly increase their wage income ($\beta_{25\text{th quantile}} = 0.2512$, $P < 0.001$; $\beta_{50\text{th quantile}} = 0.3942$, $P < 0.001$; $\beta_{75\text{th quantile}} = 0.6496$, $P < 0.001$). On the other hand, according to the estimation result, as the wage income of young Chinese women increases, the improvement effect of Internet use on them also continues to increase.

To sum up, Internet technology can effectively enable young Chinese women to achieve high-quality employment, and as the wage income of young Chinese women grows, the effect of using Internet technology on their wage income will continue to increase.

References

1. *Pawluczuk A., Lee J., Gamundani A. M.* Bridging the Gender Digital Divide: an Analysis of Existing Guidance for Gender Digital Inclusion Programmes' Evaluations // Digital Policy, Regulation and Governance. 2021. Vol. 87, No 3. P. 287–299.

2. *Viollaz M., Winkler H.* Does the Internet Reduce Gender Gaps? The Case of Jordan // The Journal of Development Studies. 2022. Vol. 58. No 3. P. 436–453.

РАЗДЕЛ IV
СОВРЕМЕННАЯ УРБАНИСТИКА И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ПРОБЛЕМ

КРЕАТИВНОСТЬ И ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ

С. В. Артёменко

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест, Беларусь, serg2462@mail.ru

Рассматриваются вопросы перехода экономического развития современных городов к экономике, основанной на знаниях, культуре, интеллектуальной собственности и креативности. Дается представление о креативности, характеризуются креативные индустрии и их влияние на развитие городов. Выявляются особенности креативной среды города. Значительное внимание уделено креативным городам, их характеристикам и особенностям.

Ключевые слова: креативность; креативные индустрии; креативный город.

Развиваясь, современный город использует свой экономический потенциал, ресурсы, историко-культурное и социальное наследие максимально эффективно, безопасно и удобно для себя.

Современные тенденции урбанизации на увеличение числа горожан и концентрацию в городах хозяйственных функций ведут к трансформации их хозяйственной структуры. Такая трансформация проявляется в переходе от добывающей и производящей экономики к новой экономике, основанной на знаниях, культуре, интеллектуальной собственности и креативности. В связи с этим в городском развитии возникают не актуальные ранее проблемы и угрозы – приспособление к новой экономике и ревитализация хозяйства после многих десятилетий преимущественно индустриального развития. Эти проблемы проявляются в наличии в городах деградировавших пространств с постпромышленными неудобствами и угрозами, загрязненных территорий и водных природных объектов, с проблемной социальной структурой населения. Решение данных проблем в целях улучшения качества жизни в городах, повышения их конкурентоспособности может быть основано на развитии креативного сектора, в котором креативность является ключевым элементом инновационности. Нобелевские лауреаты по экономике в 2025 г. объясняют инновационный рост экономики и утверждают, что именно инновационно-обусловленный экономический рост стал нормой в последние два века: общество связало научные объяснения с практическими умениями, и поток изобретений перестал прерываться [1].

Существует широкий спектр взглядов и суждений о возможностях использования креативности в урбанистическом и экономическом развитии.

Креативность понимается как творческое отношение, мыслительный процесс, включающий создание новых идей, концепций, ассоциаций или связей с существующими идеями и концепциями.

Признание креативности и инновационности в качестве ключевых факторов сохранения (усиления) конкурентоспособности и аттрактивности радикально меняют содержание деятельности хозяйственных и институциональных субъектов.

Креативные индустрии в городском пространстве – это динамично развивающийся сектор экономики, в котором креативность, культура и технологии соединены с социальными и хозяйственными целями городов. Они играют ключевую роль в стимулировании инноваций, ревитализации городских пространств и создании новых мест приложения труда.

Креативные индустрии охватываю широкий спектр видов деятельности, которые часто концентрируются в городах и использующих их ресурсы – инфраструктуру, творческий потенциал жителей, потребителей результатов креативной деятельности. Такие индустрии разнородные и многоаспектны. Чаще всего к ним относят:

– рекламу и маркетинг;

– визуальные искусства и проектирование: мода, графика, архитектура, различные виды дизайна;

– перфоманс – театр, музыка, танец, кино;

– массмедиа и издательское дело: пресса, телевидение, радио, электронные публикации;

– новые технологии – программирование, компьютерные игры, мобильные приложения;

– сценическое (актерское) искусство.

Креативные индустрии оказывают значительное влияние на город в различных аспектах. С их помощью возможно улучшение качества жизни – креативная активность способствует увеличению аттрактивности и разнообразия городского пространства, большему его соответствию запросам жителей. Различные события в мире культуры, социальных практик формируют имидж города, привлекают туристов, инициируют различные процессы, связанные с формированием качеств самоидентификации. Благодаря, воссозданию (ревитализации), преобразованиям различных не используемых в городе объектов (старые промышленные здания, например) в центры креативной деятельности – галереи, клубы, студии и др. – они получают новое функциональное

предназначение. Креативный сектор, взаимодействуя со сферой технологий, стимулирует развитие инновационной деятельности.

При планировании городского развития, основанного на креативности, могут быть использованы различные подходы. Кроме взглядов, связанных с развитием креативной экономики (креативной индустрии), представляет интерес создание креативного города, основанное на планировании и управлении в целях создания городской среды, благоприятной и удобной для реализации креативных практик.

Основными компонентами креативной среды города являются место, люди, деятельность и инфраструктура. Все они тесно связаны и взаимодействуют друг с другом. Характер такого взаимодействий зависит расположения города на территории страны, его места в иерархической системе городского расселения, уровня развития коммуникационных и информационных систем, специфики управленческих систем и других факторов. Формирование такого специфического креативного пространства (среды) может привести к формированию креативного города.

Креативный потенциал пространства представляет собой совокупность индивидуальных, присущих городу, креативных качеств и качеств его социального и культурного пространств. Город, который в политике своего развития целенаправленно использует креативность и инновационность с опорой на творческий потенциал своих жителей, можно определить как креативный город.

К основным характеристикам, присущим креативному городу, его жителям следует отнести:

– особенности городской политики, создающие условия для креативной деятельности;

– уникальность и разнообразие;

– открытость и толерантность;

– предприимчивость и инновационность;

– стратегические лидерство и видение;

– благоприятная среда для обучения и развития талантов (включая соответствующую инфраструктуру);

– коммуникация, простота доступа, налаживание связей;

– надлежащее качество жизни (включая качественные государственные услуги);

– профессионализм и эффективность [2].

Корни креативности города находятся в его истории, традициях, культурных основаниях. Одной модели такого города не существует, поэтому возможно лишь выявить существенные основания, формирующие условия его креативности и инновационности.

Важным элементом потенциала креативного развития являются горожане – представители творческих профессий. Вместе с тем, в креативных городах активно реализуется потенциал всех его жителей – бизнесменов, представителей творческих профессий, академических кругов, обычных горожан. Их интеллигентность (иногда креативные города называют *интеллигентными*), воображение, мотивированность, новаторство и креативность становятся фактором развития города. Культура здесь рассматривается и используется и как ресурс, поддерживающий развитие города и как шанс реализовать новые, инновационные направления и формы такого развития.

В креативном городе городская среда планируется, функционирует и развивается на принципах открытости, сотрудничества и творчества при внимательном и уважительном отношении к сложившимся традициям и специфике культуры.

Статус креативного города могут получить не только крупные города с функциями региональных центров, административные центы, столицы государств, но и малые города с характерными только им индивидуальными характеристиками и социальными практиками.

Все современные города в определенной степени креативны. Они опираются на свой потенциал для создания наиболее благоприятных условий жизни людей и влияют при этом на хозяйственной развитие. Осознанный выбор направления развития – создание креативного города, с опорой на определенную идею, имеющиеся ценности и заинтересованность локального сообщества, является залогом успеха в этой деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Буянов Е.* Нобелевская премия по экономике 2025: кто и за что получил – простыми словами. URL: https://ipro.econ.msu.ru/nobel 2025 (дата обращения: 31.10.2025).

2. *Rogowska M.* Przestrzen publiczna w rozwoju kreatywnych miast. URL: chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiehjai/index.html (date of access: 31.10.2025).

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА В ФОКУСЕ СЕМИОТИКИ И КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

С. В. Воробьева

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, cherbourg@mail.ru

В статье обосновывается применимость семиотической методологии и методологии культурного трансфера в решении проблем, связанных с парадоксальностью коммуникативного пространства. Для этого парадоксальность коммуникативного пространства города раскрыта в контексте двойственности: с одной стороны, как необходимое стремление к диалогу – интегратору городской целостности, с другой, – как неизбежное возникновение маргинальных границах своего и чужого во взаимодействиях горожан. Показано, что аргументированное решение проблем, связанных с этой парадоксальностью, предполагает синергизм методологии семиотики и культурного трансфера. Это позволяет, во-первых, разграничивать аргументы холизма, обосновывающие единство коммуникативного пространства, и аргументы, обосновывающие нахождение на границах его подпространств, во-вторых, выявлять особенности функционирования знаковых систем и их динамическую передачу от одного культурного контекста к другому.

Ключевые слова: коммуникативное пространство города; парадоксальность коммуникативного пространства; социальные коммуникации; городской холизм; маргинальные границы; культурный трансфер; семиотическая модель палимпсеста.

Актуальность темы проистекает из необходимости формализации и осмысления изменений в коммуникациях, вызванных цифровыми трансформациями общества в глобальном и локальном масштабах. С одной стороны, цифровые трансформации, обусловленные четвертой промышленной революцией, связаны, прежде всего, с появлением интернета и соответствующим технико-технологическим и экономическим развитием цивилизации и городов как ее коррелятов, в результате чего коммуникация вынудила человека жить по своим правилам и законам. Более того, цифровое общество создало нового горожанина, вынужденного виртуально или реально структурировать пространство изнутри своего «я», придавая ему коммуникативную определенность. С другой стороны, цифровые трансформации порождают ряд проблем, проистекающих из парадоксальности коммуникативного пространства города. Такое положение дел требует уточнения методологии семиотики и культурного трансфера, перспектив объединения их ресурсов в исследовательских целях. Исходя из этих аспектов, ставится цель: обосновать применимость указанных

методологий в решении проблем, связанных с парадоксальностью коммуникативного пространства.

Теоретико-методологические аспекты семиотического подхода к социальным коммуникациям в городе обусловлены факторами знаковой опосредованности, которые составляют ресурсы восприятия и поведения горожан. В таких факторах необходимо различать, во-первых, когнитивные особенности функционирования знаков, порождающих три разные онтологии и эпистемологии в коммуникации, во-вторых, синтаксические, семантические и прагматические особенности этих онтологий и эпистемологий. Когнитивные особенности функционирования знаков, проистекающие из типологии Ч. С. Пирса, обусловлены аналоговой (фактической), условной (пространственно-временной) и умозрительной социально-культурной реальностью [1]. Различия заключены в значениях, конструируемых в контексте соответствующих реальностей и с опорой на чувственное или рациональное познание, т. е. соответственно на первичную реальность, порождаемую знаками-иконами, или на третичную реальность, порождаемую знаками-символами.

В социальных коммуникациях особую роль играют значения и смыслы знаков-символов, задаваемых культурными рамками этих коммуникаций и требующих не рефлекторных, как в случае знаков-икон, а рефлективных способов кодирования и декодирования. Такая идея разрабатывается, например, в теории символической конвергенции, постулирующей существование взаимосвязи между образами, на которые опираются участники диалога, и «степенью группового сознания и солидарности» [2, с. 67]. Символическая конвергенция – это языковой процесс, в котором развивается чувство общности, т. е. создается общая символическая реальность при различиях в аналоговых реальностях.

Принципы и признаки функционирования «языка» города обусловлены взаимосвязями его синтактики, семантики и прагматики. Это означает, что город как пространство социальных коммуникаций распознаваем с позиций его структур и расположения элементов (или мест) города, их значений и смыслов, а также ситуаций использования. В частности, прагматические ситуации использования зависят от исторического, социального, экономического, функционального или иного значения элементов, которые становятся местами (жилыми, рекреационными, коммерческими, историческими и др.) для человека при условии наполнения их субстанцией или деятельностью.

Социальные коммуникации в городе предполагают взаимодействие на основе отношений, устанавливаемых между кем-либо или чем-либо. Само взаимодействие – это совокупность интеракций коммуникаторов,

их взаимозависимость и изменение состояний под влиянием сторон. Понимание, оценка и модификация отношений имплицируется семиотикой и культурным трансфером, что обусловлено парадоксальной спецификой коммуникативного пространства города. Она заключается, с одной стороны, в необходимости постоянного диалога как интегратора городского холизма, и в который включены прямо или косвенно все горожане, с другой, – в неизбежности маргинальных границ, препятствующих социальной интеграции, ограничивающих социальные, культурные, экономические или иные возможности.

Аргументы подобной парадоксальности можно разделить на две группы. Первая группа включает аргументы целостности. Согласно Г. Зиммелю, если люди не взаимодействуют, т. е. не вращаются в разных кругах (например, торговых или финансовых), соприкасаясь с разными мирами, то пространство не возникает. Пространственное единство означает соприкосновение различных ранее независимых элементов города [3]. Однако подобное «вращение» может осуществляться на границе своего и чужого, поэтому вторая группа аргументов касается маргинальных границ, взаимосвязи чуждости города и отчуждения людей внутри него. Но такие границы раскрываются не в свойствах территории, а в свойствах пространства как разноаспектного образования, конституированного единством функционирования города и горожан.

Маргинальное положение горожанина проистекает из его нахождения на границе своего и чужого (пространства других). Чужими оказываются различные социальные группы, языки, культуры, интересы, что приводит к кризису самоопределения. Например, свое (магазины, рестораны, жилые комплексы и др.) маскируется чужим (латиницей или английскими заимствованиями) в целях достижения коммерческого успеха. Это важно учитывать, исходя из того, что «главная особенность социально-культурного пространства города заключается в том, что оно формируется и функционирует в полной зависимости от деятельности индивида» [4, с. 381]. Новое место может стать источником пограничного существования, поддерживаемого маргинальными границами. По содержанию они могут быть социальными (например, сельские жители, эмигранты), территориальными (жители центра/периферии), психологическими (неопределенность или неудовлетворенность своим положением в определенном локусе пространства). Маргинальное положение на новом месте сопровождается чувствами ненужности и одиночества, преодоление которых лежит в плоскости выстраивания новых коммуникаций. Иначе такое положение трансформируется в социальное, культурное или психологическое отчуждение.

Маргинальные границы в городе скрывают особый образ жизни, пребывающий вне диалога или на пересечении диалога и конфликта. Маргинальная самоидентификация в городе имеет место тогда, когда город не воспринимается как часть собственной жизни и воспоминаний, когда человек не чувствует себя в нем своим, когда сложно примирить личные ценности с нормами и представлениями, принятыми в городском сообществе. Методологическим разрешением такого положения дел служит концепция культурного трансфера как динамическая передача знаковых систем от одного культурного контекста к другому. Культурный трансфер делает акцент не на условиях устойчивости городского сообщества или общества в целом, а на новых условиях его существования, проистекающих из различных представлений о себе и из переплетения различных культур. Такого рода условия, согласно М. Эспаню и Е. Е. Дмитриевой, не поддаются сравнению, а требуют понимания посредством механизмов «постоянной реконструкции новых условий существования» сообщества [5, с. 43].

Для реконструкции новых условий существования в пространстве города его власти и жители должны выступать инициаторами и катализаторами, во-первых, диалога как взаимодействия культур и обмена опытом, во-вторых, трансфера как заимствования и адаптации культурных элементов. При этом диалог составляет условие взаимопонимания, трансфер – сосуществования различий между культурными элементами. Диалог, устанавливая множественные пространственные взаимосвязи в городе, создает условия, при которых сложно оказаться на территории «чужого». Иначе сохранится вероятность оказаться между двумя границами. Как подчеркнула С. Баньковская, нахождение между «по ту» и «по эту» стороны границ означает пребывание «в промежуточном – маргинальном – положении» [6, с. 463].

Город в фокусе диалога и трансфера представляет собой семиотическую модель палимпсеста. Такая модель описывает слоистую структуру реальности (например, исторический, социальный, культурный пласт), что важно учитывать, например, в управлении городом [7]. Она основана на следующих принципах: наличие множества «слоев» реальности, каждый из которых имеет значение; учет следов прошлого в новом «слое»; новое содержание взаимодействует с предыдущим, создавая новые условия для интерпретации; слои взаимосвязаны, образуя единую систему, в пределах которой формируется итоговое значение. Если учесть, что «город является ответом на запрос человека на организацию и структурирование» окружающей его действительности [8, с. 33], то очевидной в преодолении парадоксальности коммуникативного пространства города

становится понимание сопряженности аналоговой, индексной и символической реальности в организации этого пространства.

В частности, «слоистая» сопряженность аналоговой и индексной реальности – это когнитивный синкретизм метафорических и метонимических репрезентаций. Метафорические репрезентации основаны преимущественно на чувственных восприятиях и их длительности, предопределяя в последующем аффективно-когнитивные перцепции (*знакомое, легкое, сложное, радостное*). Метонимические репрезентации связаны непосредственно с пространством и способами ориентирования в нем. К когнитивным ориентирам в коммуникативном пространстве относятся, например, *действие, противодействие, препятствие, притяжение, принуждение*. Главными метонимическими ориентирами выступают логические схемы, например: *причина/следствие; цель/результат; мотив/действие*. Поэтому применительно к теме маргинальных границ важно различать их метафорические и метонимические свойства, препятствующие установлению пограничного сотрудничества вследствие искажений, усиливающихся под влиянием цифровых трансформаций, но в то же время расширяющих возможности социальной инженерии, которая использует уязвимые места в коммуникации для манипулирования людьми [9].

Цифровые трансформации превратили коммуникацию в глобального «монстра», вследствие чего человек даже вне своих желаний получает информацию, приводящую к деформации его восприятия, к рождению спонтанных стереотипов, оперированию тенденциозным знанием, которое всегда неполно, предвзято, подчинено определенной цели. Как отметил П. Рыбкин, общество вступило в стадию «коллективной изолированности», при которой каждый «полагает себя центром вселенной, поскольку все более совершенные технологии создают иллюзию, будто каждый может управлять этой вселенной в один клик». Подобная иллюзия блокирует «возможность продуктивных действий на неких общих разумных основаниях, поскольку эти общие основания теперь воспринимаются индивидом как внешнее давление и ничего, кроме отторжения, не вызывают» [10].

Таким образом, парадоксальность коммуникативного пространства города проявляется в двух взаимно дополнительных процессах: необходимости диалога как интегратора городской целостности и неизбежно возникающих маргинальных границах своего и чужого во взаимодействиях горожан. Поэтому решение проблем, связанных с парадоксальностью коммуникативного пространства, предполагает синергизм двух методологических подходов – семиотики и культурного трансфера. Такой синергизм позволяет, во-первых, разграничивать

аргументы холизма, обосновывающие единство коммуникативного пространства, и аргументы, устанавливающие нахождение на границах его подпространств, во-вторых, выявлять особенности функционирования знаковых систем и их динамическую передачу от одного культурного контекста к другому. Результатом выступает понимание «слоистой» структуры реальности и построение семиотической модели палимпсеста.

Библиографические ссылки

1. *Велько О. А*. Методические подходы к преподаванию математики студентам-социологам // Математика и информатика в естественнонаучном и гуманитарном образовании. Минск: БГУ, 2012. С. 58–61.

2. *Велько О. А., Моисеева Н. А*. Основы высшей математики: электронный учебно-методический комплекс для специальности 1-23 01 05 «Социология». Минск: БГУ, 2020. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/241078 (дата обращения: 06.03.2020).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГНОЗНОЙ АНАЛИТИКИ В ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ

И. И. Екадумова

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, ekadumova@gmail.com

Социокультурные условия выступают основным ограничителем эффективности прогнозной аналитики в системах управления умными городами. Противоречия между техническими возможностями современных систем машинного обучения и их практической результативностью связаны с различиями в культурных контекстах их применения. Ключевые барьеры включают недоверие граждан к автоматизированным системам, цифровое неравенство, недостаточную медиаграмотность населения, культурные установки и критическое отношение к интеллектуальным технологиям. Алгоритмы, разработанные без учета локальных социальных практик, воспроизводят и усугубляют существующие социальные противоречия. Европейская модель регулирования цифровой коммуникации демонстрирует стратегию преодоления этих барьеров. Успешная цифровая трансформация городского управления требует комплексного подхода, сочетающего технические инновации с глубоким пониманием социокультурных особенностей городских сообществ.

Ключевые слова: прогнозная аналитика; умные города; цифровая трансформация; городское управление; машинное обучение; цифровое неравенство.

Урбанизация и сопутствующий ей прогресс в развитии технологий умного города представляют собой повсеместное явление, охватывающее практически все страны и регионы современного мира. Умный город – это городское пространство, в котором устойчивость и эффективность городской инфраструктуры и управленческих процессов, а также рост качества жизни горожан обеспечиваются посредством интеллектуальных технологий. Конкретные модели развития и внедрения технических решений для умных городов существенно различаются в зависимости от культурных традиций, региональных особенностей и специфики правовых систем. Эти различия предопределяют необходимость изучения социокультурных условий, влияющих на эффективность цифровых инструментов городского управления.

Прогнозная аналитика – группа методов анализа данных, позволяющая предсказывать будущие события и поведение – является важнейшим инструментом в управлении городами, особенно в мегаполисах. Благодаря использованию машинного обучения современная прогнозная аналитика применяется для решения таких

проблем городского управления, как оптимизация транспортных потоков, обеспечение общественной безопасности, повышение качества и доступности городских услуг. Вопрос о том, какие именно города следует считать умными или претендовать на звание «самых умных», остается предметом споров [1]. В понимании того, что делает город «умным», можно выделить два основных направления. Некоторые исследователи отмечают, что «способность города эффективно собирать, интегрировать и анализировать данные является ключевым критерием его «умности» и устойчивости в долгосрочной перспективе» [2]. Этот техноцентрический подход сосредоточен на показателях эффективности технических решений. Альтернативный, человекоцентрический подход представлен в докладе McKinsey Global Institute, авторы которого отмечают, что город по-настоящему умным делает не просто повышение операционной эффективности инфраструктуры, а использование данных и цифровых технологий для повышения качества жизни их жителей [3, с. 8].

В условиях, когда управление городами все более зависит от стремительно растущих объемов больших данных и технологий искусственного интеллекта, автоматизация процесса принятия решений не ограничивается такими техническими и инфраструктурными областями, как оптимизация транспортных потоков, предотвращение коммунальных аварий и упреждение изменения спроса на муниципальные услуги. Технологии умного города способны решать и социокультурные проблемы, такие как создание новых каналов общения между жителями города и местными органами власти, формирование и укрепление локальных сообществ, основанных на соседских связях, организация совместной деятельности горожан, в частности, стимулирование развития волонтерства, наставничества и поддержки семей [3, с. 16]. При учете нужд разных социально-демографических групп городского населения технологии умного города помогают преодолевать цифровой разрыв, расширяя доступ к цифровым услугам и инструментам для ранее маргинализируемых социальных групп. Подобные технологии могут способствовать развитию социальной справедливости, сплоченности, демократизации процессов управления, преодолению цифрового неравенства и улучшению качества жизни всех горожан.

Прогнозная аналитика, эффективная для решения технических задач, может оказаться не столь эффективной для решения социально-культурных проблем. Будучи интегрированными в определенные отношения власти и культурные контексты, автоматизированные решения, опирающиеся на прогнозную аналитику с большой вероятностью усилят те социальные порядки, которые сложились до их

внедрения. Более того, исходные исследовательские установки, лежащие в основе алгоритмов обработки данных, могут неадекватно отражать реалии городской жизни. По мнению исследователей В. Рао, Э. Роблес-Андерсон, традиционные методы исследования городов остаются привязанными к рациональности Просвещения и априори предполагаемыми идеальным формам города (как пространственным, так и социальным). Между тем, в современных социокультурных реалиях устоявшиеся ранее модели и соответствующие им стандартизированные данные не способны охватить всю сложность, многообразие и текучесть форм и практик социальной коммуникации горожан [4]. Когда эффективное агрегирование и артикуляция интересов жителей города по тем или иным причинам затруднены, создание эффективной, безопасной и этически приемлемой для всех системы управления данными становится проблематичным. В таких условиях прогнозная аналитика становится не столько средством решения социальных проблем, сколько фактором их усугубления.

Исследователи Силезского технологического университета К. Стецула и Р. Волняк в своей обзорной работе по применению искусственного интеллекта в умных городах выделяют социокультурные барьеры, которые также характерны для прогнозной аналитики. Во-первых, это недоверие граждан к «умным» системам. Опасения относительно точности, прозрачности и возможных ошибок в алгоритмах ведут к сопротивлению или уклонению от контактов с такими системами, особенно если речь идет о работе алгоритмов с чувствительной информацией, раскрытие которой нарушает границы приватности индивида, лишает его контроля над своими персональными данными и создает условия для дискриминации [5, с. 1355, 1360]. Во-вторых, вовлечение населения в процессы развития умных городов затрудняется недостатком знаний о принципах работы новых информационных технологий [5, с. 1377, 1379]. Когда технологии и устройства быстро меняются, уровень цифровой медиаграмотности горожан всегда остается недостаточным. Как бы ни продвинулись конечные пользователи в освоении технологий цифровой коммуникации, их отношения с коммерческими и государственными структурами будут оставаться асимметричными, поскольку те всегда на порядок лучше оснащены инструментами воздействия на цифровое пространство. В-третьих, определенную роль здесь играют социальные различия. Социальные группы с низким уровнем цифровых навыков, в особенности старшее поколение, зачастую склонны сторониться новых технологий или воспринимать их с опасением [5, с. 1377]. В-четвертых, в некоторых сообществах, в силу укоренившегося недоверия к автоматизированным системам управления, принято отдавать

предпочтение людям-экспертам. Это также может тормозить внедрение предиктивных решений [5, с. 1360]. Критическое отношение к новым технологиям в целом создает неблагоприятную для развития технологий умных городов атмосферу недоверия. Сдвиг от техноутопизма к дистопическому взгляду на технологии, по мнению Нирит Вайсблатт, произошел в 2016 году, когда предметом особой критики массмедиа стали доминирующее положение крупных технологических компаний на рынке, злоупотребления персональными данными пользователей и воздействие таргетированной политической рекламы на демократические процессы и выборы [6].

Преодоление социокультурных барьеров на пути развития инструментов прогнозной аналитики в городском управлении требует комплексного подхода, сочетающего технические и институциональные решения. Европейская модель регулирования цифровой коммуникации, включающая Общий регламент по защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR), Акт о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA) и Акт о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA), демонстрирует стратегию, направленную на решение подобных проблем. Европейская стратегия регулирования предусматривает требования к прозрачности алгоритмов, принципы доступности информации и этические стандарты обработки данных. Эти меры направлены на противодействие росту недоверия граждан, снижение цифрового неравенства и адаптацию интеллектуальных технологий к культурным особенностям различных социальных групп. Однако правовое регулирование само по себе не является достаточным. Эффективность прогнозной аналитики в городском управлении зависит также от способности и готовности городских властей адаптировать технические решения к местным социокультурным условиям. Без учета культурной специфики коммуникативных практик и исторических традиций, стандартизированные алгоритмы будут лишь воспроизводить имеющиеся социальные противоречия и усугублять неравенство.

Таким образом, ограниченная эффективность прогнозной аналитики в городском управлении обусловлена не столько техническими причинами, сколько недооценкой значимости социокультурных аспектов ее применения. Успешная цифровая трансформация городского управления требует не только технологических инноваций, но и глубокого понимания местных социальных практик, создания инклюзивных механизмов участия граждан в процессах принятия решений и развития правовой базы, обеспечивающей прозрачность и подотчетность автоматизированных систем городского управления.

Библиографические ссылки

1. What is a Smart City? // IBM. URL: https://www.ibm.com/think/topics/smart-city#:~:text=A %20smart %20city %20is %20an,is %20a %20matter %20of %20debate. (date of access: 24.10.2025).

2. *Дурдыев А. Г., Дурдыев Р. А., Шаберди Г.* Управление городскими данными: анализ больших данных и искусственный интеллект как инструменты оперативного планирования и принятия решений в умном городе // Наука и мировоззрение. 2025. Т. 1. № 59. С. 230–235.

3. Smart Cities: Digital Solutions for a More Livable Future: Executive Summary / J. Woetzel [et al.] McKinsey&Company, 2018. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Industries/Public %20and %20Social %20Sector/Our %20Insights/Smart %20cities %20Digital %20solutions %20for %20a %20more %20livable %20future/MGI-Smart-Cities-Executive-summary.pdf. (date of access: 28.10.2025).

4. *Rao V., Robles-Anderson E. R.* Urbanism beyond the City: Variations on a Theme // Public Culture. 2022. Vol. 34. No 3. P. 319–325.

5. *Wolniak, R., Steculа K.* Artificial Intelligence in Smart Cities – Applications, Barriers, and Future Directions: a Review // Smart Cities. 2024. Vol. 7. No 3. P. 1346–1389.

6. *Weiss-Blatt N.* The Techlash and Tech Crisis Communication. Emerald Publishing Limited, 2021.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ОТ ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЫ ДО ЦИФРОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Е. В. Лебедева

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, lebedevaev@bsu.by

В статье осуществлён краткий обзор развития этнографических исследований городской среды. Рассматриваются ранние этапы этнографических исследований, представленные социальной экологией как одного из направлений Чикагской школы социологии (теория концентрических кругов). Уделяется внимание социопсихологическому (антиструктуралистскому) направлению городских исследований в интерпретации К. Линча (изучение «чувствуемого ландшафта» города). Анализируются возможности социального картографирования как метода городских исследований, представляется переход от классического метода ментальных карт к его современной интерпретации (виртуальные интерактивные карты, создаваемые интернет-пользователями). Завершается статья упоминанием современных тенденций цифровой антропологии города.

Ключевые слова: городская среда; этнографические исследования; социальное картографирование; цифровая антропология.

Возникнув в Европе в начале XX века, эмпирические исследования городской среды получили массовое распространение в США (например, изучение жилищных условий семей рабочих, мигрантов и этнических групп в Чикаго [1], лонгитюдное обследование, проведённое в период с 1909 по 1914 г. командой П. Келлога в Питсбурге, посвящённое описанию образа и условий жизни, а также качества жилища рабочих в сталелитейной промышленности [2], Спрингфилдское обследование под руководством Ш. Харрисона, которое затрагивало целую область социальной политики города: общественное здоровье, образование, социальные службы в их многочисленных видах [3]). Ключевым поворотом в социологическом исследовании города стало формирование в 1920–1930-х гг. чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт и др.), представители которой видели главную задачу социологии в содействии городским реформам. Эмпирические исследования городской среды получили наиболее широкое распространение именно в работах представителей Чикагской школы. Р. Парк впервые ввел в научный оборот термин «городская среда» и в 1915 г. организовал первый в США центр городских исследований. Э. Берджесс для объяснения особенностей формирования городской среды предложил теорию концентрических кругов [4]. Проведённое им картографирование городских районов Чикаго позволило обнаружить особые

«концентрические зоны», в каждой из которых сосредоточены определенные экономические и жилые структуры как последовательно идущие зоны городского расширения [4] или экспансии [4, с. 36]. В структуре городской среды, по Э. Берджессу, можно выделить следующие элементы: центральный деловой район, смешанная (переходная) зона, рабочий район, пригород и окраины. Движущей силой экспансии выступает конкуренция за обладание ценными городскими ресурсами (прежде всего земельными участками), когда экономически более успешные субъекты «выигрывают борьбу» и сосредотачиваются в центре (деловой район), те же, кто «проигрывает» вытесняются на периферию (рабочий район). Как результат, внешний облик центрального района любого крупного города имеет одинаковые элементы – торговый центр, офисные здания в виде небоскрёбов, железнодорожная станция, центральная гостиница, театр, музей и городская ратуша, что означает пересечение (концентрацию) в городском центре экономической, культурной и политической жизни города.

Новым витком в развитии эмпирических исследований городской среды стало развитие этнометодологической (антиструктуралистской) программы, чему способствовала популярность социально-психологических исследований, связанная с выходом в 1960 г. книги К. Линча «The Image of the City» («Образ города») [5]. К. Линч предложил понимать городскую среду как нечто целостное, что «воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте» [5, с. 15]. В отличие от предшественников, К. Линч считал возможным переход от чувственного восприятия физической среды к более сложной организации образа города, который «является продуктом двустороннего процесса, связывающего наблюдателя и объект наблюдения» [5, с. 112], «создаётся наложением одного на другой множества индивидуальных» [5, с. 50] что означает понимание образа города как группового феномена (public images), достаточно гибкого, чтобы «соответствовать навыкам восприятия, свойственным тысячам людей» [5, с. 112]. Для изучения образа города К. Линч предлагает метод ментальных карт как описание не просто городского ландшафта, но «чувствуемого ландшафта», «ощущаемой среды», основанной на межличностном взаимодействии. К. Линч также вычленил ряд отдельных элементов образа города (пути, границы, районы, узлы, ориентиры). При взаимодействии вышеуказанные элементы могут как взаимно усиливаться, так и вступать в конфликтное отношение и даже мешать восприятию друг друга. Благодаря К. Линчу в арсенал городской социологии прочно вошли методы качественного исследования, такие

как глубинное интервью, проективный рисунок, распознавание по фото, эксперимент, экспертные оценки и т. п., позволившие им в дальнейшем накопить необходимый для микросоциологии города эмпирический опыт.

К. Линч выделил конкретные элементы («ключевые точки») городского пространства как ментального образа, оказывающего непосредственное влияние на субъективное восприятие окружающего мира:

1. пути – это коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально (например, тротуары или улицы);

2. элементы окружения, являющиеся стыками между двумя состояниями, «линейные разрывы непрерывности» (например, стены, или окраины жилых районов);

3. районы – части города, средние по величине и представленные как двухмерная протяжённость, в которую наблюдатель мысленно входит «изнутри». Линч полагал, что большинство горожан структурируют непосредственное пространство своей жизнедеятельности, оперируя понятием «район»;

4. узлы – стратегические точки города, в которых максимально сконцентрированы и сфокусированы какие-либо функции или особенности пространства. Зачастую «узлы» приобретают черты центробежной силы для целого района и обладают символическим значением;

5. ориентиры – точечные пространственные элементы, которые являются внешними по отношению к наблюдателю [5, с. 50–53].

Иными словами, с позиции этнометодологической ориентации городская среда представляется как «сцена» – место, где протекает публичная жизнь, осуществляются разнообразные социальные контакты. Важным вкладом картографических исследований в социологию города стало понимание территориальной обусловленности социальных практик – тесной взаимосвязи физических характеристик городской среды и её социальных свойств (что в дальнейшем положило начало направлению социологии города, связанного с исследованием качества городской среды).

Помимо прочего, преимуществом социального картографирования является также возможность привлекать горожан для создания таких карт, наглядно обозначая как существующие проблемы в инфраструктуре и благоустройстве отдельных городских районов, так и их символическое наполнение, сложившийся ментальный образ, предоставляя данные для анализа состояния городской среды и принятия соответствующих управленческих решений [6]. В этом смысле

«социальные карты призваны способствовать выполнению главной городской функции – созданию благоприятных условий для развития человеческого потенциала» [6, с. 154].

На современном этапе этнографические исследования городской среды развиваются преимущественно в русле цифровой антропологии – научной дисциплины, ориентированной на анализ повседневности цифрового мира. Исходя из определения, цифровая антропология города фокусируется на рассмотрении роли цифровых технологий в преобразовании городской жизни – прежде всего, на выявлении взаимосвязи между цифровыми и не-цифровыми мирами. Методы сбора данных в цифровой антропологии города отчасти сохранили преемственность с классической социологической методологией (в её качественном исполнении) – включённое наблюдение, глубинные интервью, анализ текста (писем и дневников), но при этом обогатились современными источниками информации. Активность индивида в цифровом пространстве неизбежно приводит к образованию многочисленных «цифровых следов» – диалоги в мессенджерах, публикации в социальных сетях, эмодзи и комментарии, отметки геолокации, маршруты перемещения на онлайн-картах. Сетевой этнограф, подобно классическому антропологу, осуществляет скрупулёзную систематизацию вышеперечисленных цифровых следов, вычленяя в них общие структуры, анализируя универсальные правила и закономерности.

Современное развитие цифровой антропологии города обусловило новый виток популярности метода картографирования в городских исследованиях. Непосредственно традиция наносить результаты социологического исследования на карту города сложилась ещё в эпоху Чикагской школы [7]. Так, изучая различные социальные явления и феномены, социологи маркировали карту Чикаго в соответствии с обнаруженными социальными характеристиками, выделяя городские районы с наибольшим количеством самоубийств, районы одиночек или наоборот, городские кварталы, популярные у семей с детьми, в результате чего «социологические данные получали географическую привязку» [7, с. 211].

Активное внедрение в повседневную жизнь цифровых технологий, наблюдаемое в последние годы, существенно расширило возможности картографических практик. В частности, развитие геоинформационных систем (ГИС-технологий) привело к включению в арсенал городских исследований интерактивных карт – динамичных визуальных материалов, отражающих «различные внешне наблюдаемые аспекты общественной жизни и размещенные в той или иной схеме пространства» [7, с. 215]. Создание интерактивной карты города

предполагает не только наличие обратной связи между её авторами и пользователями, но и возможность полного стирания границ между ними – когда горожане, делясь собственными «цифровыми следами», способствуют наполнению интерактивной карты, добавляя в неё новые слои и уровни, отображая различные динамические процессы. Наиболее активны в создании таких виртуальных карт города пользователи социальных сетей – размещая в собственных профилях фотографии различных городских мест, создавая короткие видео, оставляя комментарии по поводу публикаций других пользователей они, тем, самым, создают «воображаемый контекст», который, вместе с тем, обладает вполне реальной силой видоизменять городскую территорию – обуславливая популярность (и развитие) определённых городских мест, или же, напротив, их упадок и запустение. Быстрое развитие технологий искусственного интеллекта, особенно в сфере генерирования медиаконтента, когда на смену визуальных материалов, создаваемых городами (UGC) приходят тексты, изображения и видеоролики, генерируемые нейросетями (AIGC) с высокой долей вероятности обозначает начало новой эпохи социального картографирования.

Таким образом, этнографические исследования городской среды за последние сто лет прошли долгий путь – от антропологического жизнеописания «городских племён» времён Чикагской школы до современных «цифровых экспедиций», объединяющих в себе не только урбанистов и социологов, но и программистов. При этом само социальной картографирование от простого инструмента визуализации данных социологического исследования превратилось в мощный инструмент производства городской среды.

Библиографические ссылки

1. *Sophonisba P. B., Abbot E.* Chicago's Housing Problem: Families in Furnished Rooms // American Journal of Sociology. 1910. No 16. P. 297–455.

2. The Pittsburgh District. Civic Frontage / ed. by P. U. Kellogg. NY.: Survey Associatec. Inc., 1914.

3. The Springfield Survey. A Study of Social Conditions in an American city / dir. by S. M. Harrison. NY.: Russel. Sage Foundation, 1920.

4. *Burgess E. W.* The Growth of the City: An Introduction to a Research Project // Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. The City. Chicago: UCP, 1925. P. 35–41.

5. *Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982.

6. *Вафина З. А.* Социальное картографирование как инструмент решения социальных проблем города // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2012. № 11. С. 153–157.

7. *Стрельникова А. В.* Социальное картографирование: эволюция метода // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 2 (103). С. 210–217.

АНТИУРБАНИЗМ В ФИЛОСОФИИ «ГРАЖДАНИНА ЖЕНЕВЫ»

И. И. Лещинская

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, liracom@yandex.ru

Статья посвящена критическому анализу городской цивилизации в контексте философского и литературного творчества Ж.-Ж. Руссо. Показано, что в рамках просветительской программы были обоснованы две ценностные установки по отношению к феномену города: оптимистическая и пессимистическая. Последняя была представлена критикой и отрицанием ценностей городской цивилизации Ж.-Ж. Руссо. Выявлено, что в рациональном обосновании и доказательстве крайне негативной оценки города философ сформулировал основные антиурбанистические аргументы: «аргумент природы», «аргумент человека» и «аргумент общества». Рассмотрена теоретическая и практическая значимость анализа данной проблемы Ж.-Ж. Руссо для решения проблем современного социума.

Ключевые слова: Ж.-Ж. Руссо; природа; «естественный человек»; свобода; добродетель; разум; город; «цивилизованный человек»; неравенство; отчуждение; порок.

Ж.-Ж. Руссо – один из наиболее ярких и глубоких мыслителей эпохи Просвещения. Будучи уроженцем Женевы, Руссо был связан с этим городом прочными узами на протяжении всего его жизненного пути. Он многократно представлял этот город в различных ипостасях в своем философском и литературном творчестве, а также зачастую авторство на своих произведениях обозначал подписью «гражданин Женевы».

Эпоха Просвещения ознаменовала собой целый ряд коренных изменений в жизни европейского общества и тем самым способствовала бурному развитию городов. Деятели Просвещения в качестве основной задачи полагали создание в городах новых сфер культурного пространства для свободного распространения научных и философских идей. По существу, речь шла о формировании социальной «инфраструктуры разума», которая была призвана обеспечить свободный доступ всех горожан к достижениям разума.

Данная деятельность просветителей положила начало процессу интенсивного формирования публичной сферы европейского общества. Публичные библиотеки, публичные музеи, кофейни, салоны, академии стали площадками для широкого обсуждения новейших достижений науки и философии. Это имело важное значение для формирования в городах специфической культуры рационально-критического суждения,

что способствовало осуществлению интеллектуальной революции в обществе.

Европейские города явились культурными и социально-политическими центрами развития буржуазного общества, так как публичная сфера будучи тесно связанной с правовой и экономической жизнью социума, с неизбежностью привела к изменениям политических стратегий его основных классов. В силу этого феномен города достаточно часто становится предметом анализа просветителей. Именно в философском и литературном творчестве просветителей формируются истоки как урбанизма, так и его противоположной ценностной установки – антиурбанизма. Как отмечают исследователи, именно в этот период отчетливо проявились две ценностных установки по отношению к феномену города: оптимистическая в лице Ш. Монтескье и И. Г. Гердера, и крайне пессимистическая, представленная критикой и отрицанием ценностей городской цивилизации Ж.-Ж. Руссо [1].

По этому поводу исследователи писали: «Ш. Монтескье в «Персидских письмах» называет город матерью изобретательности и отмечает стремление людей жить в городах. И. Г. Гердер идеализирует исторические реалии городской жизни. Он описывает средневековые европейские города как «военные лагеря культуры, горнила трудолюбия», «бастионы, отразившие натиск варваров» и сделавшие возможным дальнейший прогресс. В городах, по его мнению, складывались новые жизненные формы социальности, появившиеся в результате конкуренции и соревновательности, благодаря чему развивалось трудовое усердие горожан» [2, с. 29].

Критика городской цивилизации пронизывает все творчество Руссо. Со всей пылкостью своей натуры он обрушился на нее в первом своем трактате «Рассуждения о науках и искусствах», ставшего его ответом на конкурсный вопрос Дижонской академии: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» (1749). Эта тема получила свое дальнейшее развитие в следующем трактате под названием «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1754), а также в трактате «Об общественной договоре» (1762). Данная тема присутствует в его работах социально-политического педагогического, художественного и исповедального характера.

Руссо обвинял городскую цивилизацию во всех смертных грехах современного ему человека. В рациональном обосновании и доказательстве этих обвинений он, по сути, сформулировал основные антиурбанистические аргументы: «аргумент природы», «аргумент человека» и «аргумент общества».

Он считал, что человек, взращенный городской цивилизацией, физически слаб и нравственно порочен. Выдвигая подобного рода обвинения он апеллировал к «естественной природе» человека. «Чистая», «непорочная» сельская жизнь была противопоставлена им городской жизни с ее пороками и пагубными страстями. По этому поводу он писал: «… душа и страсти человеческие, незаметно подвергаясь порче, изменяют, так сказать, и свою природу; вот почему с течением времени изменяются предметы наших потребностей и удовольствий; вот почему изначальное в человеке постепенно исчезает, и общество открывает тогда глазам мудреца лишь скопище искусственных людей и притворных страстей, которые суть продукт этих новых отношений и не имеют никакого действительного основания в природе» [3].

По мнению Руссо, сложность и противоречивость городской жизни, ее ритм и требования разрушают индивидуальность и целостность человеческой природы, заставляют человека жить в постоянной оглядке на мнение других. В результате в обществе воцаряется пошлое однообразие, поскольку люди бояться быть тем, что есть на самом деле и вынуждены следовать определенным правилам и эталонам. Философ писал: «Покоряясь этому вечному принуждению, люди, образующие то стадо, которое называется обществом, будучи поставлены в одинаковые условия, совершают одинаковые поступки, если их от этого не удерживают более сильные побуждения. Поэтому никогда не знаешь, наверное, с кем имеешь дело, и, чтобы узнать друг друга, надо дождаться крупных событий, то есть времени, когда уже будет поздно, ибо для этих-то событий и было бы важно знать, кто твой друг» [4].

Бытие цивилизованного человека, вечно озабоченного и неудовлетворенного, по мнению философа, вступило в вопиющие противоречие с его природной сущностью. Руссо следующим образом описывал жизнь горожанина: «Нет ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни полного доверия, и под однообразной маской вежливости, этой хваленной учтивостью, которой мы обязаны просвещению нашего времени скрываются подозрения, опасения, недоверие, холодность, задние мысли, ненависть и предательство» [4]. Философ пришел к выводу, что насилие, совершаемое человеком над природой как средой обитания «счастливого дикаря», жаждущего лишь «покоя и свободы», с неизбежностью привело к деформации человеческой природы. «Счастливый дикарь», живший спокойно и невинно на лоне природы превратился со временем «в тирана себя самого и природы» [2]. Испорченный цивилизацией человек, по убеждению философа, является единственным «автором зла».

Природа для мыслителя выступила олицетворением разумно организованного порядка и гармонии, цивилизованное общество, в свою очередь, – воплощением неразумности и хаоса. По поводу последнего он писал: «Явно противоречит естественному закону…, чтобы дитя повелевало старцем, глупец руководил человеком мудрым и чтобы горстка людей утопала в излишествах, тогда как голодная масса лишена необходимого» [3]. В обосновании оппозиции «природа-общество» Руссо не только подвергает критике современное ему общество, но и демонстрирует опыт ценностной репрезентации природы.

Особую роль в пагубном процессе деградации городов и нравов их жителей он отводит наукам и искусствам, развитие которых также неразрывно связано с городами. Он обращается к истории различных народов и показывает, как города утрачивали свое былое величие в результате развития наук и искусств. Так, прославленный Рим, который олицетворял собой «храм добродетели», с появлением множества недостойных авторов, к которым Руссо относит Овидия, Катулла, Марциала, погряз в преступлениях и стал «игрушкой» в руках варваров. Философ заявлял, что «… эта столица мира, поработившая столько народов, сама впадает в порабощение и погибает накануне дня, когда один из ее граждан был признан законодателем изящного вкуса» [4].

Не менее печальная участь постигла Афины, после того как данный полис стал обиталищем многочисленных ораторов и философов. В качестве идеала для Руссо выступили такие гражданские общины античности, как Спарта и республиканский Рим. Не случайно он разводит понятия «горожанин» и «гражданин». По мнению философа, современный горожанин не может быть представлен без влияния всех пороков городской жизни, второй же есть результат воспитания в духе «общего блага». Он писал: «… становясь гражданином, я подписываюсь выплачивать огромный долг всему человеческому роду, что моя жизнь и все эти удобства, которыми я обладаю, должны быть посвящены службе ему» [5, с. 129].

Он также гневно критикует Париж, который называет обителью надменности, царством мошенников и негодяев. Этому городу как олицетворение порочности и вражды он противопоставляет Женеву. Он писал: «Быть может одному только городу – Женеве – подобает явить миру назидательный образец столь совершенного единения в рядах общества богословов и литераторов; и на их признанной мудрости и умеренности, на их рвении к процветанию государства я и основываю в значительной степени надежду на вечное его спокойствие…» [3]. Поэтому Руссо убежден, что наиболее адекватной формой существования человека и условием восстановления его поврежденной цивилизацией природы является «одиночестве на лоне природы».

Внутренняя сложность и противоречивость городской цивилизации не позволяет человеку сохранить целостность и формирует «разорванное сознание». Такой социальный тип был назван Руссо «двойное существо» (être double). С одной стороны, он одержим собой и безразличен к другим. Но с другой стороны, он не может обойтись без признания своих достоинств со стороны других. Он постоянно сравнивает себя с другими людьми, живет в оглядке на их мнение и одержим страхом не получить должного признания. Руссо писал по данному поводу следующее: «Как только человек начинает сравнивать себя с другими, он непременно становится их врагом, ибо каждый стремится в душе быть самым могущественным, самым счастливым, самым богатым, не может не считать своим тайным врагом всякого, кто имеет те же замыслы и тем самым становится препятствием на его пути. Вот первичное и основное противоречие, которое превращает общественные привязанности в простую видимость…» [6, с. 419].

В силу этого человек городской цивилизации становится чуждым самому себе, а также подозрительным и агрессивным по отношению к другим. Отчуждение человека от своей природы неизбежно породили его отчуждение от другого человека и общества в целом. Руссо заявлял: «Будучи всегда в противоречии с самим собою, вечно колеблясь между своими склонностями и своими обязанностями, он никогда не будет ни человеком, ни гражданином; он не будет пригоден ни для себя, ни для других [7, с. 28]. Кроме того, неизбежным результатом сравнения является осознание неравенство людей, которое с необходимостью ведет к противоречиям и вражде. Преодоление негативных последствий развития городской цивилизации для человека и общества, по убеждению Руссо, возможно посредством «возвращения к природе», реализации программы нравственного воспитания и созданием идеала общества, в котором будут господствовать ценности, отражающие «дух нации».

Таким образом, тема антиурбанизма в творчестве Руссо теснейшим образом связана с критикой цивилизации и социально-культурного прогресса. В рамках данной критической программы, которая формировалась в течении всего творческого пути философа, были обоснованы главные антиурбанистические аргументы: «аргумент природы», «аргумент человека» и «аргумент общества». Именно они были положены в основание критики городской цивилизации и позволили осуществить ее глубокий анализ, который не утратил своей актуальности для современного этапа развития общества.

Библиографические ссылки

1. *Лейбович О. Л., Королькова А. В*. Городская культура. Девять лекций. Пермь: ПГАИК, 2013.

2. *Горнова Г. В*. Урбанизм и антиурбанизм в западной философии конца XVIII – середины XX веков / Вестник МГУКИ. № 4 (36). 2010. С. 28–34.

3. *Руссо Ж.-Ж*. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 31–109.

4. *Руссо Ж.-Ж*. Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1750 году по вопросу, предложенному этой же академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. С. 21–50.

5. *Руссо Ж.-Ж*. Письмо о добродетели и счастье // Этическая мысль. Том 15. № 2. 2015. С. 123–130.

6. *Руссо Ж.-Ж*. Фрагменты и наброски // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 411–432.

7. *Руссо Ж.-Ж*. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 19–619.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Г. Е. Попов[1)], **И. Н. Алов**[1)]

[1)] *Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, popov_ge@pfur.ru*

Социально-экономические различия и диспропорции между регионами существуют на всех территориях. Они связаны с неравномерностью размещения ресурсов, человеческого капитала, транспортной доступностью и географическим положением. Для анализа использовались следующие показатели: доля округов в численности населения Калининградской области (динамика 2002–2021 гг., прирост (убыль) населения, изменение долей городского и сельского населения, коэффициента демографической нагрузки, естественный и миграционный прирост (убыль). Исследование позволило сделать вывод о том, для равномерного и комплексного развития региона необходимо сгладить пространственные диспропорции между ближней и дальней периферией Калининграда: в регионе прослеживается яркая зависимость между уровнем развития территории и ее удалённости от регионального центра. Эта зависимость проявляется в меньшей степени там, где существует хорошее транспортное сообщение, например в Гвардейском, Черняховском и Гусевском округах. Зеленоградский, Светлогорский округа – самые популярные среди туристов, что позволило им стать одними из самых развитых в регионе. Особенно выделяется Гурьевский округ – агломерация Калининграда с самым высоким в регионе приростом населения за счет близости к региональному центру и более дешевому жилью. Среди возможных мер повышения уровня развития: развитие транспортного сообщения, налоговые льготы и субсидии предприятиям, работающим в проблемных районах, создание рабочих мест и возможностей для профессионального обучения молодежи после школы.

Публикация выполнена в рамках проекта №060509–0-000 системы грантовой поддержки РУДН.

Ключевые слова: Калининградская область; демография; муниципальные округа; численность населения; социально-экономическое развитие; города.

Введение

Демографические процессы играют ключевую роль в формировании социально-экономической ситуации в регионах всех стран мира, что оказывает прямое влияние на внутреннюю и внешнюю устойчивость государства. Калининградская область, это экономически развитый и стратегически важный регион – полуанклав РФ на Балтийском море. Ввиду вышеописанных особенностей размещения региона и определения его границ практически исключается возможность для маятниковой миграции с соседними регионами. В связи с этим создание эффективной системы распределения ресурсов между административными единицами

региона особенно важно для максимизации его темпов развития и вклада в национальную экономику [1].

Целью исследования является типологизация округов Калининградской области по трендам социально-демографического развития по комплексу основных показателей.

Материалы и методы

В административно-территориальном отношении Калининградская область разделена на 12 муниципальных и 10 городских округов, 23 городских населенных пункта (в т. ч. – 8 города регионального значения и 14 районных центров; 1 населённый пункт относился к категории поселка городского типа (ПГТ)) [2].

В ходе исследования использовались статистические методы обработки данных (табличные и графические методы, анализ показателей рядов динамики). Статистической основой анализа явились Всероссийские переписи населения за 2002 и 2021 гг., статистические сборники, порталы администраций административно-территориальных образований Калининградской области.

Рассмотрена доля округов в численности населения региона в 2002 и 2021 гг., за указанный период изменение городского и сельского населения [3; 4].

Коэффициент демографической нагрузки рассчитан по формуле:

$$K_{дем.нагр.} = \frac{S_{до\,15\,лет} + S_{свыше\,64\,лет}}{S_{15-64}}$$

где $S_{до\ 15\ лет}$ – численность населения до 15 лет;

$S_{свыше\ 64\ лет}$ – численность населения возраста свыше 64 лет;

$S_{15\text{-}64}$ – численность населения в возрасте от 15 до 64 лет.

Картографирование показателей округов Калининградской области выполнено в программе QGIS.

Результаты исследования

Калининградская область относится к регионам России с развитым промышленным производством. В структуре ВРП в 2021 г. Преобладали: обрабатывающие производства, торговля, транспортировка и хранение, сельское хозяйство. Калининградская область в 2021 г. Находилась на 8 месте по совокупной прибыли компаний и на 22 месте по выручке среди

других регионов. Специальный экономический статус области, включая особую зону «Калининград», способствует привлечению инвестиций и развитию экспортно-импортных операций [5]. Тем не менее, существуют проблемы, такие как зависимость от импорта товаров из-за отсутствия сухопутных границ с Россией, а также недостаточное развитие инфраструктуры и транспортной сети [6, 11]. В Калининграде в 2002 году было сконцентрировано 45 % населения региона (1,5 % от территории региона), также есть прочие округа, где концентрируется население области: Багратионовский, Гурьевский, Балтийский, Черняховский и Гусевский.

За 2002–2021 г. увеличилась концентрация населения в столице региона – г. Калининграде на 3 %. Одновременно с этим наблюдался отток населения из восточных округов региона.

По типам динамики численности населения нами было выделено восемь типов округов, рассмотрим их ниже (рис. 1).

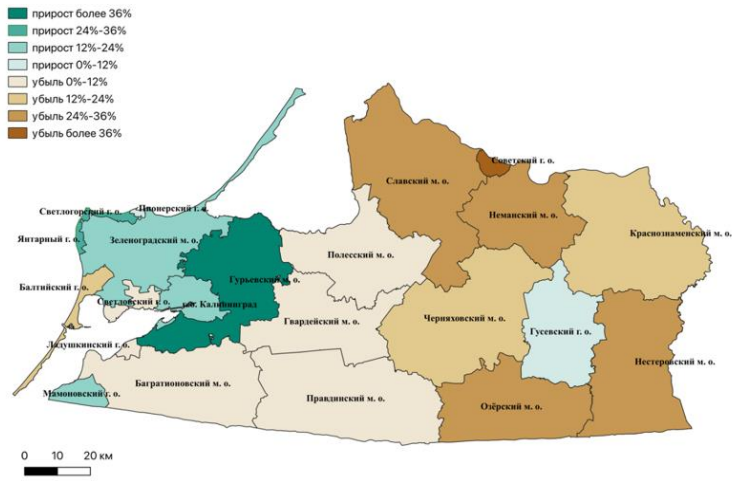


Рис. 1. Динамика численности населения по округам Калининградской области, 2000–2021 гг. [2–4].

Прирост наблюдался в столице региона – г. Калининграде (14 %), и в округах, расположенных на побережье Балтийского моря: Гусевский (2 %), Мамоновский (15 %), Пионерский (8 %), Светлогорский (26 %), Янтарный (34 %), Гурьевский (118 %), Зеленоградский (17 %).

Отдельно следует отметить, что в большей части приморских округов региона наблюдался рост численности населения, причиной этому являются масштабные государственные инвестиции в развитие рекреационного потенциала территории [7]. Светлогорский городской округ вошел в топ-10 самых посещаемых курортов России по данным аналитического агентства ТурСтат в 2021 году [8]. Основу экономики

округа составляют предприятия туристическо-рекреационного комплекса. В Янтарном г. о. основу экономики составляют предприятия по добыче и переработке янтаря, входящие в топ-60 в рейтинге предприятий области по выручке в 2021 году. Зеленоградский муниципальный округ также входит в число самых посещаемых туристами: в 2023 году его посетило 3,5 млн туристов [7].

В Калининграде сосредоточены научно-исследовательские центры (БФУ им. И. Канта, КГТУ и другие), крупнейшие предприятия (ООО «Автофинанс», ООО «Международный фонд частных инвестиций» – первая и третья компании региона по выручке в 2022 году), здесь генерировалось 67 % от общей выручки предприятий области в 2022 году. Калининград – культурный, образовательный и экономический центр региона [7].

Особый интерес представляет Гурьевский муниципальный округ: за исследуемый период прирост численности населения составил 118 % (145 % городское и 110 % сельское), округ граничит с Калининградом, прилегает к Куршскому и Калининградскому заливам, что делает его экономико-географическое положение достаточно выгодным. Сообщение с другими частями области развито, через административную единицу проходят все пути сообщения с более восточными округами, протекает самая крупная река области – Преголя, впадающая в Калининградский залив и судоходная на всем протяжении. В округе находится единственный в Калининградской области гражданский аэропорт, который обеспечивает обслуживание регулярных внутренних и международных, а также чартерных рейсов. Районный центр расположен в 7 км от Калининграда, основной прирост населения происходит из-за миграции из Калининграда, что делает Гурьевск и одноименной муниципальный округ де-факто субурбией Калининграда [9; 12].

Мамоновский округ расположен в западной части области, прилегает к морю, граничит с Польшей. Наблюдался прирост населения 15 % (городское и сельское) с 2002 по 2020 гг. В 2018 году был утвержден Прогноз социально-экономического развития муниципального образования «Мамоновский городской округ» до 2023 года, который ставил целью прост численности населения до 8447 тыс. человек, в 2020 году это показатель составил 8 527 тыс человек, можно сделать вывод, что данный проект напрямую повлиял на рост численности населения в Мамоновском г. О [15].

Наибольшая убыль населения (больше 10 %) замечена в округах, расположенных преимущественно в центральной и восточной части области: Балтийский, Советский, Краснознаменский, Неманский,

Нестеровский, Озерский, Полесский, Правдинский, Славский, Черняховский.

Рассмотрим причины убыли населения в округах региона: осложненное транспортное сообщение с другими частями области, в особенности с Калининградом, постепенное снижение экономической активности, закрытие предприятий, отсутствие университетов, в некоторых случаях даже техникумов, низкий уровень комфортности городской среды, а также отсутствие вложений в развитие территории.

Оценка демографической нагрузки в муниципальных округах Калининградской области в 2021 г.

Наименьший коэффициент демографической нагрузки наблюдается в Гусевском, Балтийском и Гурьевском округах, что связано с более высокой экономической активностью на данных территориях по сравнению с другими округами, и значительным притоком мигрантом на предприятия, расположенные в этих округах.

Максимальная демографическая нагрузка выявлена в Неманском округе с высокой убылью населения и низкой экономической активностью (17 из 22 округов по выручке в 2022 году [7]), выявлена закономерность – более высокая демографическая нагрузка в восточной части области, районах с убылью населения. Выделяется Гусевский округ с одним из самых низких значений коэффициента при этом расположенный в восточной части области. В 2023 году Гусев победил во Всероссийском конкурсе проектов по формированию комфортной городской среды, на территории округа расположено два техникума в которых в 2023 году обучалось почти 3000 студентов, численность занятых в крупных и средних предприятиях составила 5,1 тыс. человек (рис. 2).

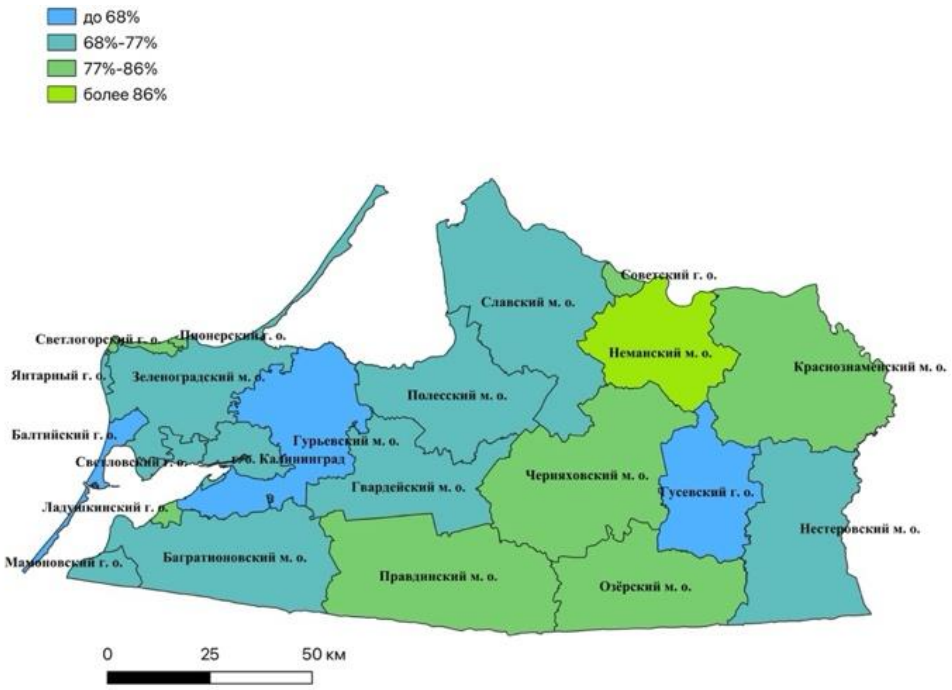


Рис. 2. Коэффициент демографической нагрузки по округам в 2021 г. [2–4].

Перспективы решения демографических проблем области

Для предотвращения оттока молодежи может предотвратить создание филиалов техникумов или университетов в районах с убылью населения [16]. Отличным примером эффективно проделанной работы по улучшения демографической ситуации является Гусевский г. О., расположенный среди округов с убылью населения. До 2010 года в нем наблюдалась убыль населения, однако после 2014 года были приняты проекты по повышению комфортности городской среды г. Гусева, что привело к росту численности населения на 2 % (за счет мигрантов), примечательно, что одновременно с ростом городского населения в округе наблюдается убыль сельского населения, что свидетельствует о направленности инвестиций только на города округа. Для снижения убыли населения восточную часть региона следует сравнять по уровню жизни с западной, тогда население не будет так активно и выраженно мигрировать из в более развитые районы, однако следует отметить, что прирост населения во всех округах осуществлялся только за счет мигрантов, поэтому необходимо не только стимулировать естественный прирост в регионе, но еще и учитывать предпочтения мигрантов для повышения их притока в районы в убылью населения.

Заключение

Для региона характерны большие пространственные диспропорции в размещении населения и экономической активности: в столице области – г. Калининграде проживало в 2020 г. 48 % населения области, было сосредоточено 67 % от выручки всех компаний региона. Притяжение крупного города способствует оттоку населения из восточной части области в западную, а также повышению демографической нагрузки на трудоспособное население территорий. Прирост численности населения в регионе обусловлен миграционным притоком, при сохраняющейся естественной убыли населения. в основном обусловлен за счет мигрантов как из других регионов РФ, так из стран ближнего зарубежья России. Из общего тренда выделяются Гусевский, Мамоновский округа по причине эффективного государственного вмешательства в повышение уровня жизни населения, разработке и осуществлении стратегий развития. Среди эффективных мер (в том числе основываясь на опыте Гусевского и Мамоновского округов) – развитие транспортного сообщения с наиболее развитыми территориями региона, поддержание и развитие экономической активности путем инвестирования в создание предприятий и выделения субсидий, создание возможности образования молодежи после школы в проблемных округах, как это было сделано в Гусевском округе.

Библиографические ссылки

1. *Анохин А. А., Шелест К. Д., Тихонова М. А*. Тенденции динамики численности населения: устойчивость социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа // Baltic Region. 2019. Т. 11, № 4. С. 36–57. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-3.

2. Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 (дата обращения: 24.02.2024).

3. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 24.02.2024).

4. Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 24.02.2024).

5. *Гимбицкий К. К., Кузнецова А. Л., Федоров Г. М*. Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации // Балтийский регион. 2014. № 1. С. 56–71.

6. Инвестиционный паспорт. Гусевский городской округ. URL: https://www.admgusev.ru/city/economic/doc/pasport_invest.pdf. (дата обращения: 21.04.2024).

7. Информация о социально-экономическом развитии Калининградской области в 2022 году.

URL: https://gov39.ru/working/ekonomy/situation/?ysclid=lszwtpnr36327562934 (дата обращения: 24.02.2024).

8. Калининградская область. URL: https://нацпроекты.рф/cat/reg_main/reg_kaliningrad/ (дата обращения: 24.02.2024).

9. Компании Калининградской области. URL: https://spark-interfax.ru/statistics/region/27000000000 (дата обращения: 21.04.2024).

10. *Манаков А. Г., Бочарникова А. В., Теренина Н. К.* Факторы динамики численности разделенных границами частей малочисленных народов вепсов и сету (сето) // Этнография. 2022. № 3 (17). С. 49–69.

11. *Манкевич Д. В.* О структуре рождаемости населения Калининградской области в конце 1940-х – 1950-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 12. С. 83–87.

12. *Манкевич Д. В.* Процессы демографического развития в истории Калининградской области: общероссийские тенденции и региональная специфика // Балтийский регион. 2022. № 3. С. 145–164.

13. Минздрав Калининградской области. URL: https://www.infomed39.ru/ (дата обращения: 24.02.2024).

14. Об утверждении региональной программы Калининградской области по повышению рождаемости на период 2023–2025 годов. URL: http://kodeks.karelia.ru/api/show/406769471 (дата обращения: 24.02.2024).

15. Паспорт Мамоновский МО. URL: https://mamonovo.gov39.ru/dokumenty/index.php?element=11161 (дата обращения: 21.04.2024).

16. *Попов Г. Е., Холина В. Н.* Образовательный потенциал как фактор демографического развития городов и районов Рязанской области (2000–2020 гг.) // Инновационная экономика. 2023. № 3(36). С. 52–66.

ВОЛОНТЕРСТВО КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

А. А. Похомова

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, Pakhom@bsu.by

Статья посвящена рассмотрению феномена волонтерства в современном белорусском городе в контексте формирования городской идентичности и социальной ответственности горожан. Показана актуальность разных направлений волонтерской деятельности в условиях городской среды. Сделан акцент на наиболее популярных направлениях волонтерства среди белорусов, таких как социальное, экологическое и зооволонтерство. Рассмотрено участие молодежи в преобразовании городского пространства посредством волонтерской деятельности.

Ключевые слова: волонтерство; корпоративное волонтерство; городская среда; городское пространство; инфраструктура волонтерства; социальная ответственность.

Процессы урбанизации, протекающие в Беларуси в последние десятилетия, детерминировали существующий дисбаланс между городским и сельским населением страны. Так, согласно данным Национального статистического комитета, в Беларуси по состоянию на 1 января 2025 года 78,9 % городского населения и 21,1 % – сельского [1], что предопределяет развитие организованных форм волонтерской деятельности в условиях города и его инфраструктуры. Ключевые агенты развития волонтерского движения также располагаются в городах, преимущественно в столице и областных центрах, где сконцентрированы материальные и человеческие ресурсы. Город объективно аккумулирует в себе не только новые идеи, инициативы, ресурсы и в разной степени развитую инфраструктуру волонтерства, но и формирует потребность в добровольцах и их деятельности. Так, наиболее популярными видами волонтерской деятельности в Республике Беларусь, согласно результатам статистических обследований [2], выступают социальное, экологическое и зооволонтерство, что демонстрирует ключевые направления приложения усилий добровольцев как социального и трудового ресурса. При этом приоритеты в сферах волонтерской деятельности у горожан разных поколений могут отличаться. Например, пожилые люди в меньшей степени участвуют в экологическом волонтерстве, отдавая предпочтения помощи животным и работе в общественных, религиозных и других организациях [3].

В дальнейшем среди широкого спектра направлений волонтерской деятельности (спортивное, событийное, культурно-историческое, медицинское, поисково-спасательное, донорство и др.) остановимся на наиболее распространенных в Беларуси. Указанные направления

(социальное, экологическое и зооволонтерство) являются отражением традиций, ценностных ориентаций, культурного кода, исторической памяти белорусов, проявлением гражданской ответственности и патриотизма. Следует отметить, что реализация данных направлений волонтерской деятельности гражданами разных возрастов актуальна, востребована и возможна только в условиях городской среды по следующим причинам.

Социальное волонтерство ориентировано на помощь людям разных социальных групп, находящимся в трудной жизненной ситуации или испытывающим затруднения, среди которых могут быть мигранты, беженцы, лица с инвалидностью, детям-сиротам, одиноким пожилым людям и т. д. В данную категорию активности волонтеров входит работа в хосписах, больницах, детских домах, домах престарелых (пансионатах, домах-интернатах), территориальных центрах социального обслуживания населения и др. Работа волонтеров направлена на улучшение качества жизни отдельных социальных групп людей. Реализовывается социальное волонтерство как посредством индивидуального участия в мероприятиях, акциях, проектах, так и в корпоративной форме. Корпоративное волонтерство предполагает, что работник организации участвует в волонтерской деятельности при содействии и поддержке работодателя. Например, участие в проекте общественного объединения «Республиканская ассоциация инвалидов-колясочников» в создании / обеспечении безбарьерной среды в городах, которая важна для пожилых людей, инвалидов, мам с малолетними детьми, маломобильных в результате травмы людей, велосипедистов [4], позволяет повышать инклюзивность городской среды, сопричастность граждан к процессу изменения городских пространств и зданий.

Экологическое волонтерство связано с ответственным отношением к окружающей среде и включает в себя такие социальные практики как раздельный сбор отходов, информационно-просветительская работу с населением, экотуризм, ликвидацию стихийных свалок, уборку территорий от опавшей листвы и / или мусора, апсайклинг, благоустройство и озеленение и др. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь №1, 2025 год объявлен Годом благоустройства, в рамках которого запланировано осуществление комплекса мероприятий, направленных «на создание и поддержание удобной, безопасной, современной и эстетически организованной среды жизнедеятельности людей» [5]. Согласно Указу, для достижения цели по благоустройству возможно привлечение ресурсов государства, организаций и самих граждан. В пункте 6 Указа предписывается местным исполнительным и распорядительным органам «содействовать расширению практики привлечения волонтеров к проведению мероприятий в рамках Года

благоустройства» [5]. Таким образом, формирование и развитие комфортной городской среды становится зоной ответственности не только коммунальных служб и городских властей, но и самих граждан.

Зооволонтерство связано с защитой и охраной животных (уход за животными в приютах, лечение, передержка безнадзорных животных, информационная работа с населением, спасение, реабилитация и возвращение в природу диких животных и др.). В Республике Беларусь за последние годы внимание к проблеме безнадзорных животных получило правовую поддержку, в 2024 году подписан Закон № 361-З «Об ответственном обращении с животными», направленный в том числе на профилактику появления безнадзорных животных на улицах города и садовых товариществах и недопущение иных форм жестокого обращения. В Минске вопросы, связанные с безнадзорными собаками и кошками, находятся в ведомстве государственного предприятия «Фауна города», а также десятков негосударственных приютов (например, приют котов и собак «Суперкот», центр помощи бездомным животным «Старый кот») и некоммерческих зоозащитных организаций (например, общество защиты животных «Эгида», благотворительное объединение «ЗООшанс»).

Интеграция в волонтерское движение детей и молодежи осуществляется, как правило, через учреждения образования и предполагает не только информирование о существующих в городе социальных проблемах и возможностях посильного индивидуального вклада в их решение, но и формирование корпуса гуманистических ценностей, созидательного отношения к окружающей среде, обучение, получение нового социального опыта и т. д. Участие в общественно значимых инициативах позволяет молодежи стать частью происходящих в обществе социальных процессов, способствовать созданию комфортной, т. е. удовлетворяющей потребности и благоприятно влияющей на самочувствие, городской среды для учебы, отдыха и самореализации, что для сепарирующихся от родителей, склонных к группообразованию молодых людей немаловажно. Молодежь выступает «производителями и потребителями городского пространства» [6, с. 56], что является реализацией их права на город (А. Лефевр).

С ростом индивидуализации общества и усилением анонимности социальных контактов и атомизации субъектов, снижением уровня социального доверия городские публичные пространства стали местом для реализации волонтерских акций и мероприятий, например, благотворительные акции «Дорога домой» проводятся в пространстве «Lidbeer Dvor» в Минске, профилактическая и информационная деятельность БОКК – в рамках городских праздников, экологические

проекты волонтерских отрядов учреждений высшего образования по озеленению и благоустройству – в разных локациях города.

Таким образом, с одной стороны, город становится средой для реализации добровольческих инициатив, с другой стороны – способом освоения пространства, формирования территориальной идентичности и одним из факторов осуществления социальной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Население Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/naselenie_2025.pdf (дата обращения: 06.11.2025).
2. Труд и занятость в Республике Беларусь: статистический буклет // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/7d2/o4n5opmbin3c1495lrh4tth7isy7gctb.pdf (дата обращения: 09.11.2025).
3. День пожилых людей 2025: статистический обзор // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2025.pdf (дата обращения: 09.11.2025).
4. Бизнесу. Зачем быть доступными? // Портал о безбарьерной среде. URL: https://www.freeway.by/biznesu/zachem-byt-dostupnymi/ (дата обращения: 09.11.2025).
5. Об объявлении 2025 года Годом благоустройства // Президент Республики Беларусь. URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-1-ot-3-anvara-2025-g (дата обращения: 10.03.2025).
6. *Жданова А. Э.* Об актуальности вовлечения молодежи в процесс развития городского пространства // Экономика. Социология. Право. 2024. №1(33). С. 55–63.

КОНЦЕПТ «ГОРОДА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Р. С. Сащеко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, romansashcheko@gmail.com

Рассматривается эволюция концепта «города» в мир-системной парадигме Ф. Броделя, И. Валлерстайна, А. Г. Франка, С. Амина, Дж. Арриги и Т. Дус Сантуса: от трактовки города как исторической структуры и центра экономической иерархии до структурно-функциональной модели, в которой город выступает узлом в системе глобального разделения труда между ядром, полупериферией и периферией. Представлен анализ теории зависимости, раскрывающей механизмы «развития недоразвитости» и феномен «уродливой урбанизации» на периферии мировой системы.

Ключевые слова: мир-системный анализ; город; историческая структура; глобальное разделение труда; теория зависимости; «уродливая урбанизация»; циклы накопления; «новая зависимость»; финансовая экспансия.

Город в методологической программе мир-системного анализа является одним из основополагающих концептов в рамках перманентной полемики изучения прошлого и настоящего мировой цивилизации, обнаруживая перспективы и эвристический потенциал в контексте осмысления и уяснения логики исторического развития будущего капиталистической мир-экономики [1, с. 29].

Мир-системный анализ представляет собой макроисторическую парадигму исследования, ориентированную на историческую перспективу анализа циклов, тенденций и долгосрочных структурных характеристик мировой экономики.

У истоков мир-системной программы − крупнейший представитель французской исторической школы «Анналов» Ф. Бродель. В работе «Динамика капитализма» (1985), автор предлагает оригинальную методологию анализа города. Для Ф. Броделя город − это не просто населённый пункт, а фундаментальная историческая структура, обладающая исключительной устойчивостью. Он существует в ритме − «длительной временной протяжённости» (longue durée), переживая смену политических режимов и экономических конъюнктур [2, с. 14].

Ф. Бродель наделяет город двойственной природой: с одной стороны, он погружён в повседневную материальную жизнь, с другой − является мощным ускорителем изменений. Как отмечает автор, «города и деньги являются одновременно и двигателем, и показателем развития; они вызывают изменения и указывают на них. Но при этом они также

являются их следствием» [2, с. 21]. Эта диалектика позволяет рассматривать город не как пассивный элемент экономического ландшафта, а как активного участника исторического процесса.

Один из ключевых тезисов Ф. Броделя заключается в том, что экономика «старого порядка» (XV−XVIII вв.) была организована в виде жёсткой иерархии, включающей в себя так называемый «нижний уровень» (элементарные рынки и лавки) с преобладающим «приземленным» обменом и конкурентной борьбой, и «верхний уровень» − зона сложного, «высшего» обмена, характеризовавшаяся стремлением к монополии и максимальной прибыли (ярмарки, биржи, операции негоциантов). В такой классификации, именно «верхний уровень» и становится центром страхования, фрахта, торговли ценными бумагами и международных расчетов [2, с. 55−57].

Город, по Ф. Броделю, является местом концентрации именно верхнего уровня обмена. Яркой иллюстрацией служит его описание площади Риальто в Венеции, где на небольшом пространстве сосуществовали рыбный рынок, мясная лавка и финансовая биржа [2, с. 27]. Такая пространственная близость символизировала единство экономической системы, где разные уровни обмена поддерживали друг друга. Город − это физическое воплощение рыночной экономики, пространство, где «масляное пятно» обмена растекается, связывая локальную автаркию с более широкими экономическими сетями.

Ф. Бродель использует выразительную метафору, называя городское торговое сердце «чревом» (le ventre) экономики [2, с. 27]. Эта метафора подчёркивает функцию города как центра концентрации, переработки и перераспределения всех экономических потоков − товаров, капитала, кредитов и информации. Город активно организует экономическое пространство вокруг себя, создавая зависимость периферии от центра. Из этого можем извлечь методологический принцип мир-системного подхода: глобальные структуры рождаются из конкретной материальной и экономической практики, и город − идеальная призма для их наблюдения.

В отличие от подходов, рассматривающих город как автономный организм или культурный феномен, мир-системный анализ И. Валлерстайна предлагает структурно-функциональное понимание урбанизации как неотъемлемого элемента глобальной капиталистической системы. Для Валлерстайна город − это не самостоятельная сущность, а производная от его места в международном разделении труда.

Основу мир-системного анализа И. Валлерстайна составляет тезис о существовании с XVI века единой «мировой капиталистической экономики» − глобальной социальной системы, основанной на едином

разделении труда и капиталистическом способе производства. Ключевым структурным принципом этой системы является ее разделение на три иерархические зоны: 1) ядро − зона, в которой концентрируются высокотехнологичные, капиталоемкие производства и функции управления, позволяющие извлекать прибавочный продукт из других зон; 2) периферия − зона, поставляющая сырьевые ресурсы и дешевую рабочую силу, находящаяся в положении структурной зависимости от ядра; 3) полупериферия − буферная зона, выполняющая посреднические функции между ядром и периферией, частично заимствующая черты обеих [3, с. 27].

Города в этой системе не являются независимыми акторами, а выполняют функции, детерминированные позицией их государств и регионов в международном разделении труда.

Согласно логике И. Валлерстайна, города служат материальными узлами, через которые осуществляется накопление капитала и управление мировой экономикой.

Города ядра функционируют как финансовые, политические, научно-технические центры, где аккумулируется прибавочный продукт, извлеченный из периферийных и полупериферийных регионов.

Города периферии являются пунктами передачи ресурсов и прибавочного продукта по направлению к ядру.

Города полуперефирии играют стабилизирующую роль в мир-системе, обеспечивая социальную мобильность и смягчая прямые противоречия между ядром и периферией.

Если И. Валлерстайн рассматривал город как функциональный узел в иерархии единой капиталистической мир-экономики, то А. Г. Франк и С. Амин сместили фокус исследований на деструктивные последствия этой интеграции, показывая, как подчинение глобальному капитализму приводит к структурной деформации городов и обществ на периферии мировой системы.

Согласно концепции «развития недоразвитости» А. Г. Франка, капиталистическая мир-система не преодолевает отсталость, а активно производит её, выстраивая такую структуру отношений «центр-периферия», при которой развитие метрополий напрямую обусловлено систематическим недоразвитием подчиненных регионов.

Функционирование этой системы обеспечивается иерархией городов, выступающих узлами в цепях извлечения ресурсов по схеме «метрополия-сателлит». На глобальном уровне доминируют города-метрополии развитого капиталистического ядра (Лондон, Нью-Йорк). Им подчинены национальные метрополии − главные города стран периферии, которые, в свою очередь, эксплуатируют региональные центры внутри своих стран. Основание этой пирамиды составляют

локальные сателлиты − сельские поселения, чьи ресурсы в конечном счете извлекаются в пользу верхних уровней системы.

Функция города-сателлита (национальной или региональной метрополии) заключается в том, чтобы обеспечивать выкачивание экономического излишка с низших уровней системы и его передачу на высшие уровни, вплоть до мировой метрополии [4, с. 95–98].

Города периферии изначально возникают и развиваются не как центры автономного экономического роста, а как трансмиссионные механизмы в системе эксплуатации. Возникает поляризованная экономика «двух скоростей», где рост столицы-метрополии оплачен стагнацией и регрессом окружающих территорий.

С. Амин, развивая теорию зависимого развития, выделил специфические черты периферийного капитализма. Одним из наиболее ярких его проявлений становится феномен «уродливой урбанизации», характеризующийся неорганичным и диспропорциональным ростом городов.

В отличие от урбанизационных процессов в странах ядра, исторически сопряженных с индустриализацией, на периферии мировой системы наблюдается структурный разрыв между урбанизацией и развитием производительных сил. Для крупных агломерации глобального Юга (такие как Каир, Карачи, Сан-Паулу) наблюдаются следующие тенденции зависимой урбанизации.

Во-первых, наблюдается гипертрофия третичного сектора. Вместо диверсифицированной промышленности здесь доминируют торговля, услуги, неформальный сектор и бюрократический аппарат. Этот сектор выполняет не производственные, а перераспределительные функции, обслуживая сырьевую экономику.

Во-вторых, происходит маргинализация и расширение трущобных зон. Массовый приток разоренного сельского населения, не находящего места в современной экономике, приводит к лавинообразному росту маргинальных территорий. Эти анклавы формируют резервную армию труда для неформального сектора.

В-третьих, характерна имитация моделей потребления. Городские элиты воспроизводят потребительские стандарты метрополий, что стимулирует импорт дорогостоящих товаров и вызывает утечку капитала, ослабляя внутренние накопления и дестабилизируя местную экономику [5, с. 94–96].

С. Амин рассматривает такой город как прямое порождение и наглядное воплощение периферийного капитализма, где пространственная организация служит механизмом зависимости, обеспечивающим передачу ресурсов и прибавочного продукта в центр мировой системы. Эта модель порождает зону «уродливой

урбанизации», характеризующуюся фундаментальным разрывом с производительной индустриализацией, что, в свою очередь, ведет к массовой социальной маргинализации и структурной деформации экономики в форме гипертрофии непроизводительных секторов. Именно поэтому, с точки зрения А. Г. Франка и С. Амина, преодоление этих проблем требует не внутренних реформ, а кардинального разрыва с логикой зависимости от мировой капиталистической системы, которая воспроизводит данную деформацию на структурном уровне.

Развивая идеи «мир-системников» Ф. Броделя и И. Валлерстайна, Дж. Арриги в работе «Долгий двадцатый век» предлагает модель системных циклов накопления. Каждый цикл ассоциируется с определенным городом-гегемоном, который становится организационным центром мировой экономики на определенном историческом этапе. Город, в модели Дж. Арриги, выступает ключевым пространственным плацдармом капиталистического накопления. Каждый новый системный цикл накопления порождает специфическую организационно-институциональную конфигурацию, воплощающуюся в доминирующем городе-гегемоне (автор приводит следующую историческую последовательность: Генуя, Амстердам, Лондон, Нью-Йорк). Город обеспечивает необходимую институциональную инфраструктуру и социальные сети для координации транснациональных экономических операций. Капиталистическое накопление развивается через последовательную смену системных циклов, каждый из которых характеризуется диалектическим единством двух фаз. В фазе материальной экспансии происходит концентрация капиталовложений в реальный сектор экономики и торговые операции, что находит свое пространственное воплощение в городах-метрополиях производственно-торгового типа. Последующая фаза финансовой экспансии, наступающая при снижении нормы прибыли в производственном секторе, сопровождается миграцией капитала в финансовую сферу и трансформацией городского лидера в глобальный финансовый центр.

Дж. Арриги отмечает, что в современных условиях доминирования финансовой экспансии наблюдается ослабление территориальной привязки капитала к национальным экономикам. Формируется глобальная сеть взаимосвязанных финансовых центров, включающая Лондон, Нью-Йорк, Токио, Гонконг и Сингапур. Этот процесс сигнализирует о кризисе текущего системного цикла накопления и переходе к принципиально новой, сетевой организации глобального капитализма, где традиционная иерархия городов-гегемонов замещается полицентричной системой узлов глобальной финансовой сети. Таким образом, эволюция городских систем отражает фундаментальные трансформации в способах капиталистического накопления,

демонстрируя переход от монополярных моделей гегемонии к сетевым структурам координации в условиях финансовой глобализации [6].

Теоретической основой для анализа современных городов периферии в логике мир-системного анализа служит разработанная Т. Дус Сантусом теория зависимости.

Т. Дус Сантус выделил три исторические формы зависимости: колониальную (основанную на торговой монополии), финансово-промышленную (связанную с экспортом сырья) и, наконец, «новую зависимость», сложившуюся в послевоенный период. Последняя характеризуется доминированием транснациональных корпораций (ТНК), инвестирующих в промышленность, ориентированную на внутренний рынок развивающихся стран, и основана, прежде всего, на технологической и промышленной зависимости.

В эпоху «новой зависимости» главным механизмом извлечения прибавочного продукта становится технологическая рента. ТНК, базирующиеся в городах ядра, монополизируют передовые технологии через патентное право. Их филиалы, размещаемые в столицах и крупнейших городах периферии, становятся центрами внедрения и контроля за этими технологиями. Это обеспечивает постоянный отток ресурсов из периферийных стран в форме платежей за патенты, лицензии и репатриируемой прибыли ТНК, что создает структурные ограничения для самостоятельного накопления капитала на периферии. Столицы периферийных стран становятся анклавами концентрации непроизводительных и управленческих функций. Крупные города периферии выполняют роль внутренних метрополий в рамках национальных границ. Они выкачивают ресурсы (сырьевые, человеческие, финансовые) из собственных периферийных зон − сельских районов и малых городов − чтобы затем передать часть этих ресурсов в мировые центры через механизмы ТНК и финансовой системы. Эта внутренняя иерархия «метрополия-сателлит» зеркально воспроизводит глобальную структуру «центр-периферия», обеспечивая воспроизводство зависимости на всех уровнях.

Отметим, что концепция «новой зависимости» Т. Дус Сантуса позволяет раскрыть специфический функционал крупных городов периферии как трансмиссионных механизмов, обеспечивающих отток ресурсов и технологическую ренту в пользу ядра. Встроенные в броделевскую «длительную временную протяженность» и циклическую динамику Дж. Арриги, эти города предстают не как изолированные феномены, а как структурные элементы единого, но иерархизированного капиталистического мира-экономики, чья логика развития на протяжении столетий определяется его внутренней поляризующей динамикой.

Таким образом, город в методологии мир-системного анализа предстает не как автономный социокультурный феномен, а как фундаментальный структурный элемент глобальной капиталистической экономики, чьи функции и иерархический статус исторически детерминированы его позицией в системе международного разделения труда.

Библиографические ссылки

1. *Барсук И. А*. Город в методологической программе мир-системного анализа // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы международной науч.-практ. конф., Минск, 25−26 ноября 2021 г. / БГУ; редкол.: И. В. Пинчук (гл.ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 29−32.
2. *Бродель Ф*. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.
3. *Валлерстайн И*. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. 2– изд. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018.
4. *Франк А. Г*. Капитализм и недоразвитость в Латинской Америке: Исторические исследования Чили и Бразилии. М.: ИЛА РАН, 1992.
5. *Амин С*. Воспоминания. Экономика глобального капитализма. М.: Ин-т Африки РАН, 2020.
6. *Арриги Дж*. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Ин-т Гайдара, 2013.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИКИ

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, Iri_na2000@rambler.ru

В статье осуществлен системный анализ эволюции теоретико-методологических оснований исследований города в социально-гуманитарном знании. Выявлена логика трансляции ключевых идей классической социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс) в парадигмы Чикагской школы, где была сформулирована социально-экологическая концепция города. Детально рассмотрены современные исследовательские программы неомарксизма (М. Кастельс, Д. Харви) и неовеберианства, актуализирующие проблемы политической экономии развития городского пространства. Центральное место в работе отведено методологическому значению «пространственного поворота» в социальной философии. В этом контексте проанализирована теория производства пространства А. Лефевра, интерпретирующая его не как пассивный контейнер, а как активный социальный продукт, исследуемый через диалектику пространственных практик, репрезентаций пространства и репрезентативных пространств. Доказывается, что интеграция социологического и социально-философского дискурсов формирует комплексный инструментарий для анализа современного города как ключевого элемента социальной трансформации и актора глобальных процессов.

Ключевые слова: социальная философия; методология урбанистики; пространственный поворот; производство пространства; Анри Лефевр; социальная экология; неомарксизм; политическая экономия города.

Проблема методологического оснащения исследований в рамках современной урбанистики сохраняет свою остроту в контексте усложнения объекта анализа – современного города, который предстает не просто как локализация поселенческой общности, но как концентрированное выражение фундаментальных социальных, экономических и культурных процессов. Адекватная рефлексия данного феномена требует выхода за узкодисциплинарные рамки и обращения к ресурсу междисциплинарности, объединяющему потенциал социологии, философии, географии и культурной антропологии.

Цель настоящей работы заключается в теоретической реконструкции и критическом осмыслении основных исследовательских программ в урбанистике, с акцентом на их философско-методологические основания и эвристический потенциал в условиях «пространственного поворота».

Генезис научного интереса к городу как специфическому социальному организму восходит к классическому социологическому канону. Хотя, за исключением Макса Вебера, классики не оставили

развернутых трактатов о городе, их фундаментальные концепции – веберианский анализ власти и рационализации, дюркгеймовская теория разделения труда, политэкономия марксизма – заложили методологический фундамент для последующей урбанистики [1; 2].

Эмпирическое и теоретическое наполнение эти идеи получили в рамках Чикагской школы, осуществившей, по сути, первую масштабную исследовательскую программу в области социологии города. Р. Парк, Э. Берджесс и их последователи, разрабатывая социально-экологический подход, рассматривали город как естественную среду человеческого существования, подчиняющуюся определенным законам пространственной организации [3]. Последующая радикализация этого подхода Л. Виртом, стремившимся к построению «чистой» социологической теории городской жизни и урбанистических процессов, вывела на первый план коммуникативную природу города, порождаемую скученностью и гетерогенностью населения [4, с. 77].

Середина XX столетия ознаменовалась кризисом экологической парадигмы и становлением новых теоретических перспектив, обусловленных переходом к постиндустриальной стадии развития. Критический импульс неомарксистской традиции (М. Кастельс, Д. Харви) был направлен на разоблачение иллюзии нейтральности городского развития. В их работах город предстает как арена борьбы капитала, пространственное воплощение противоречий капиталистического способа производства. Если М. Кастельс сместил фокус на анализ коллективного потребления и потоков информации [5], то Д. Харви, развивая идеи «права на город», раскрыл механизмы пространственной фиксации капитала и социального неравенства [6].

Альтернативную исследовательскую программу предложили неовеберианцы (Д. Белл, Э. Гидденс), акцентировавшие относительную автономию политического измерения и роль государственных институтов в управлении развитием городского пространства. Именно в этом русле сформировался запрос на масштабные эмпирические исследования и мониторинг городской политики.

Синтез структурного и интерпретативного подходов был предложен в рамках социопространственной перспективы (SSP), рассматривающей город как продукт взаимодействия экономических детерминант, государственного вмешательства и культурных ориентаций горожан.

Методологическим прорывом, оказавшим трансформирующее воздействие на все социально-гуманитарные науки, стал «пространственный поворот». Его суть заключается в отказе от трактовки пространства как априорной, статичной данности и переходе к пониманию его как сложного социального продукта, активного участника социальных отношений. Ключевой вклад в разработку этой

проблематики принадлежит французскому философу Анри Лефевру и его работе «Производство пространства» [7], в которой исследуется феномен репрезентации пространства, анализируется вопрос о том, каким образом и в каких формах пространство может себя представлять.

Согласно идеям А. Лефевра, специфика социального конструирования в отношении феномена пространства раскрывается через анализ места как средства производства, обладающего той же реальностью, что и капитал, а значит так же, как и капитал, являющегося средством контроля, господства и власти, и так же, как и средство производство, отчуждено от того, кто его использует. Пространство создается и воспроизводится обществом в процессе экономического, политического и культурного взаимодействия представителей социума. Вместе с тем, пространство как продукт производства кажется производящему его обществу непроизведенным, а естественным физическим телом.

Концепция А. Лефевра соотносится с базовыми положениями течения, в рамках которого появился пространственный дискурс, – неомарксизма и постмарксизмом. Размышляя о поиске отправной точки для анализа пространства социального, А. Лефевр отражает основополагающий принцип нео– и постмарксизма – принцип тотальности. Для описания социального пространства как продукта общественного конструирования, то есть как продукта сложных отношений власти и угнетенного класса и подвергая критике классическую философскую традицию, расчленявшую пространство на физическое, ментальное и социальное, А. Лефевр, предлагает диалектическую триаду для анализа его социального производства:

1) пространственная практика (perceived space) – материальное использование пространства в повседневной жизни, рутинные маршруты и коммуникационные потоки;

2) репрезентации пространства (conceived space) – концептуализированное, проектируемое пространство ученых, планировщиков, архитекторов, подчиненное логике доминирующего дискурса и власти;

3) репрезентативные пространства (lived space) – пространство, непосредственно переживаемое и символически осваиваемое пользователями через их опыт, память и практики; пространство сопротивления и творчества.

Континуальное и сингулярное взаимосвязанное существование компонентов триады можно проиллюстрировать следующим образом: Пространство репрезентирует себя посредством языка, знаков и символов. Язык города как набор кодов разрабатывают и воплощают в жизнь города архитекторы, планировщики, урбанисты. Постепенно

символы начинают считывать все горожане, и репрезентация начинает воплощаться уже посредством восприятия этих созданных знаков и символов в практиках повседневности. Привнесенные символы в материальных элементах города, соединяясь с практиками горожан, являют собой социальное тело городского пространства. Таким образом, топос не может быть глобальным в значении «универсальный», так как оно существует неразрывно как с конкретным социумом, так и на определенной географической территории.

Так, пространственный поворот в социальной философии отражает топофилию современной культуры в целом. Топофилия понимается нами как глубинно-эмоциональная окрашенность человеческого отношения к месту, которое связано с поиском «собственного места в мире», дома, «малой родины».

Эвристическая мощь концепции А. Лефевра раскрывается при анализе современных процессов детерриториализации, культурной гибридизации и формирования «пограничья». Она предоставляет критический инструментарий для деконструкции естественности сложившихся пространственных порядков и выявления скрытых отношений власти и угнетения, что сближает ее с постколониальными исследованиями, направленными на эмансипацию маргинализированных социальных субъектов.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что современная урбанистика переживает этап методологической рефлексии и синтеза. От анализа города как экологической системы или экономического ресурса научная мысль движется к его пониманию как многомерного социально-символического конструкта. «Пространственный поворот» и связанная с ним теория производства пространства А. Лефевра задают новую онтологию объекта, в рамках которой пространство обретает статус активной, производительной силы. Интеграция этой социально-философской оптики с традиционными социологическими подходами создает устойчивый теоретический каркас, необходимый не только для объяснения сложности современного города, но и для критического осмысления и преобразования городской реальности в контексте вызовов глобализации и поисков социальной справедливости.

Библиографические ссылки

1. *Вебер М.* История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

2. *Савченкова В. М.* Концепции города и урбанизации в западной социологии (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.01 / МГУ. М., 2005.

3. *Вагин В. В.* Городская социология. М., 2000.

4. *Казанцев В. И., Светуньков М. Г.* Социология города. Ульяновск, 2004.

5. *Castells M*. City, Class and Power. L., NY.: St. Martins Press, 1978.
6. *Harvey D*. The Urbanization of Capital. Oxford: Blackwell, 1985.
7. *Лефевр А*. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

НОВЫЕ НАУКОГРАДЫ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

П. С. Суринова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, 1132237396@pfur.ru
Научный руководитель – В. Н. Холина, кандидат географических наук, доцент

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью наукоградов в формировании национальных инновационных систем в условиях современных вызовов. Целью статьи является сравнительный анализ моделей развития современных наукоградов на примере российского Серпухова и белорусского Жодино. В исследовании применяется сравнительно-сопоставительный подход, основанный на анализе конкретных кейсов. В результате выявлены преимущества комплексной модели Серпухова, а также раскрыты системные социальные и административные проблемы. На примере Жодино обоснована высокая уязвимость моноструктурных наукоградов к современным внешним вызовам. Раскрыты ключевые кадровые вызовы и необходимость сбалансированного подхода к управлению. Теоретическая значимость работы заключается в развитии концепции управления инновационными территориями. Практическая ценность состоит в обличении проблем современных наукоградов с целью предупреждения повторения негативных опытов в городах-научных центрах.

Ключевые слова: наукограды; моноструктурный город; особые экономические зоны; научно-образовательный кластер; градообразующее предприятие.

Наукограды – специализированные территории, которые создаются во всех странах мира для стимулирования научно-технического прогресса, разработки новых технологий и внедрения передовых решений в экономику и социальную сферу [7]. Наукограды играют ключевую роль в инновационном развитии регионов и всей страны в целом, функционируют во многих странах мира. В их число входят США, Япония, Китай, ОАЭ и многие другие [8]. Они обеспечивают инновационные исследования в фундаментальной и прикладной химии и физике, биологии, авиации, ракетостроении, космических исследованиях и многих других областях. Российские наукограды прошли сложную эволюцию – от закрытых «рабочих поселений» при научных центрах до технополисов, интегрированных в экономику знаний [4]. В 2025 г. в России работают 12 наукоградов: Бийск, Дубна, Жуковский, Кольцово, Королёв, Мичуринск, Обнинск, Реутов, Серпухов, Троицк, Фрязино и Черноголовка [10].

Наукограды обеспечивают условия для концентрации научного потенциала, включая исследовательские институты, лаборатории и технологические центры. Как правило, наукограды функционируют при государственной поддержке, включающей создание специальных

экономических зон, что в свою очередь способствует привлечению инвестиций, развитию государственно-частного партнерства и развитию малого и среднего бизнеса, ориентированного на высокие технологии. Условием успешного функционирования наукоградов является наличие высокорейтинговых образовательных учреждений, транспортной и социальной инфраструктуры, которая делает территорию привлекательной для инвесторов и специалистов.

Наиболее репрезентативным примером нового наукограда на территории Российской Федерации является город Серпухов, расположенный в 99 км к югу от Москвы. Выгодное географическое положение на пересечении транспортных путей делает его значимым экономическим и логистическим узлом Южного Подмосковья. Статус наукограда город получил в 2024 г. путем слияния городского округа Серпухов с расположенными рядом Пущино и Протвино.

Общая численность населения городского округа Серпухов составляла на 2024 г. составляла 181,7 тыс человек, 5 % из них составляют работники научно-производственного комплекса города. Большую часть данных работников на данный момент составляют жители недавно присоединенных городов-спутников. В 2024 г. в состав научно-производственного комплекса Серпухова входило пятьдесят организаций, при этом высших учебных заведений – четыре. Серпухов можно отнести к комплексным наукоградам [4]. Это значит, что его профиль не ограничивается одним научно-техническим направлением, статус «Наукоград РФ» присвоено в 2023 г. Ключевые организации, определившие этот потенциал, включают ведущие предприятия и научные центры занимающиеся исследованиями в области робототехники, фармацевтики, ядерной физики и др. В их число входят АО «НПО "Андроидная техника"», АО «Ратеп», АО «Конструкторское бюро "Автоматика"», АО «Серпуховский завод "Гиперон", Научно-технологический центр уникального приборостроения РАН и РКК «Энергия».

Как и любой другой город Серпухов сталкивается с проблемами. Главная из них – это недостаточное государственное финансирование НИОКР (на протяжении двух последних десятилетий расходы на НИОКР не превышали 2 % ВВП) [3]. Это создает трудности в реализации крупномасштабных проектов и других аспектах деятельности наукоградов. Недостаточное финансирование и низкие уровни заработных плат привели к массовому оттоку населения из наукоградов и, соответственно, уменьшению интереса к профессиональной деятельности в пределах таких городов.

Кроме того, важной проблемой в контексте Серпухова стал фактор социальной идентичности. Решение об объединении Серпухова с

соседними наукоградами – Протвино и Пущино – в рамках общего городского округа продиктовано стремлением объединить научные компетенции и ресурсы трёх центров, особенно в сфере фармацевтики и биотехнологий. Однако на практике объединение столкнулось с рядом трудностей. Резкие административные изменения, без учёта мнения научных коллективов и жителей, привели к снижению мотивации, конфликту интересов и размыванию уникальной среды, которая веками формировалась в наукоградах. Для достижения реальной синергии необходимо не только формальное объединение территорий, но и выстраивание общего видения развития, поддержка местных инициатив и создание комфортной среды для жизни и работы.

Одним из инструментов решения проблем города стало создание особой экономической зоны (ОЭЗ) в 2025 г [5]. Статус резидента ОЭЗ предоставляет предприятиям налоговые льготы, таможенные преференции и сниженные арендные платежи, что создаёт благоприятные условия для реализации научных проектов. Это позволит привлечь дополнительные ресурсы и инвестиции, так как ряд крупных компаний (например, «Алурона», «Столетика», «Нанопорус») заинтересован в открытии предприятий на территории наукограда. Ожидается, что это позволит создать около девятисот новых рабочих мест и привлечь молодых специалистов. Несмотря на то, что большинство планируемых к открытию производств имеют скорее производственный, чем исследовательский характер, данные изменения принесут городу инвестиции, необходимые для развития исследовательских центров Пущино и Протвино.

Примером нового наукограда за рубежом можно назвать город Жодино. Жодино – город областного подчинения в Минской области Беларуси, расположенный в 44 км к северо-востоку от Минска. Город находится на пересечении важных транспортных путей, что способствует его промышленному и логистическому развитию. Основным градообразующим предприятием города, безусловно, является Белорусский автомобильный завод (БелАЗ), который и определил судьбу Жодино как города машиностроителей. Важно отметить, что на данный момент в законодательстве Беларуси нет юридического статуса «наукоград» или любого другого статуса, подтверждающего его профильность. Город представляет классический пример моногорода, чья экономика, инфраструктура и социальная сфера зависят от одного градообразующего предприятия. Большая часть научно-технической деятельности города сконцентрирована вокруг тяжелой промышленности. Ее представителями являются Белорусский автомобильный завод (БелАЗ), Кузнечный завод тяжёлых штамповок (КЗТШ), и Жодинский опытно-экспериментальный механический завод

«Ремиз». Однако в городе расположены и другие организации, занимающиеся научными исследованиями (Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по животноводству, Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по земледелию и проч.).

Главной проблемой Жодино как наукограда стала его моноструктурность [3]. Несмотря на большое количество предприятий, располагающихся в городе, вся экономика и бюджет города критически зависят от «БелАЗа». В 2020 г. на предприятии работало 11,2 тыс человек при населении в 64,7 тыс человек, что составляет около 17 % от всех жителей города. БелАЗ является основным работодателем и во многом определяет жизнь города. В таких условиях любая угроза предприятию может нанести непоправимый ущерб не только финансовому состоянию города, но и его жителям. Примером такого ущерба стало внесение завода в санкционные списки США, что привело к опасениям работников по поводу возможных сокращений рабочих мест, зарплат.

На данный момент правительство Беларуси пока не ввело целенаправленных мер по решению сложившейся ситуации в городе. В настоящее время предприятие сотрудничает с РФ в рамках кредита для модернизации производственных мощностей, что позволило уменьшить угрозу сокращений на производстве.

Кроме того, большое влияние на стабильность научной среды города произведет указ Президента Беларуси о приоритетных направлениях научной деятельности [6]. Одним из данных приоритетов является создание инновационных технологий в агропромышленном комплексе и пищевой промышленности. Это положительно повлияет на расположенные в городе научные центры, занимающиеся разработками в данных областях, и позволит диверсифицировать экономику.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современные наукограды, как в России, так и в Беларуси, сохраняют роль критически важных элементов национальных инновационных систем, имея научно-технический потенциал. Однако их устойчивое развитие сталкивается с системными вызовами: хроническим недофинансированием, кадровым кризисом, и уязвимостью моноструктурной экономики к внешнему шоку, таким как санкционное давление. Ключевыми шагами к успешной трансформации выступают развитие имеющегося потенциала через развитие малого инновационного бизнеса, целенаправленная поддержка кадрового потенциала и эффективное использование инструментов государственно-частного партнерства, в частности, создание особых экономических зон. Таким образом, будущее наукоградов зависит от реализации

сбалансированной политики, сочетающей целевое финансирование, гибкое управление, учитывающее научную специфику, и активную интеграцию в глобальные технологические цепочки для выполнения их миссии драйверов научно-технического прогресса.

Библиографические ссылки

1. *Барсукова Т. А*. Наукограды: ретроспективный прогноз // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2013. – № 4. – С. 6–10.
2. *Калинина Е*. Правительство создаст «Сколково» для фармы // Сетевое издание «Forbes.ru», 12 марта 2025. URL https://www.forbes.ru/healthcare/532507-pravitel-stvo-sozdast-skolkovo-dla-farmy?ysclid=mhbigy3wlt133648328 (дата обращения: 29.10.2025).
3. *Кутепова Н. И*. Социальные проблемы наукоградов и подходы к их решению // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 6. С. 114–119.
4. *Лысая Т. А*. Наукограды России: история развития от научных поселений до инновационного центра «Сколково» // AMIT. 2017. № 3 (40). С. 180–191.
5. Об утверждении постановлений о создании особых экономических зон в Вологодской, Московской и Новосибирской областях: постановление Правительства Рос. Федерации от 7 марта 2025 г. № 288–290. 2025. 10 марта.
6. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 1 апр. 2025 г. № 135 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. URL https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=PD12500035 (дата обращения: 29.10.2025).
7. О статусе наукограда Российской Федерации: федеральный закон от 07.04.1999 № 70–ФЗ (ред. от 2024 г.). URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 22816/ (дата обращения: 29.10.2025).
8. *Ракша С. Ю., Сидорова В. В*. Обзор мирового опыта по формированию и развитию технопарков и технополисов // Строительство и техногенная безопасность. 2017. № 6 (58). С. 64–69.
9. *Сибиряев А. С*. Сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта создания наукоградов // Вестник ГУУ. 2015. № 6. С. 112–118.
10. Справка об оценке соответствия показателей научно-производственных комплексов наукоградов Российской Федерации требованиям, установленным пунктом 8 статьи 2.1 Федерального закона от 7 апреля 1999 г. № 70–ФЗ // Минобрнауки России. 2024. URL https://www.minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=97562 (дата обращения: 29.10.2025).
11. *Федорова В. В*. Особая планета-наукоград Дубна // Инновации. 2017. № 10 (228). С. 3–6.
12. *Dearing J. W*. Growing a Japanese Science City: Communication in Scientific Research. Routledge, 2002.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ УРБАНИЗАЦИИ НА КИТАЙСКИЕ ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Л. Г. Титаренко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, sociology@bsu.by

Стремительная цифровая трансформация Китая вызвала к жизни быстрый рост городов и появление городских конгломератов, особенно на востоке страны. Цель статьи – показать двойственность социальных последствий урбанизации. Урбанизация стимулировала перемещение населения из сельской местности в города. Современные китайские исследования и статистика свидетельствуют, что произошла двойная социальная дифференциация: миграция из деревни в город привела к потере сельского населения, особенно молодого, с одной стороны, и к социальному расслоению между молодежью, переехавшей в города, с другой. Молодежь легко адаптируется к городу, вовлекается в цифровизацию повседневной жизни, но не может обеспечить желаемого уровня жизни из-за высокой конкуренции. Отсюда – вынужденные переработки, ежедневные дальние поездки на работу, отсутствие времени на личную жизнь, что негативно сказывается на молодом поколении. Исследователи полагают, что снижение темпов городской жизни могло бы оказывать положительное влияние на молодежь, но амбиции последней не дают на это надежд, как и на решение проблемы перенаселения китайских мегаполисов. Необходимы дальнейшие междисциплинарные исследования растущей урбанизации Китая.

Ключевые слова: урбанизация; современный город; цифровая трансформация городской жизни; рост социальной дифференциации; Китай.

Современный Китай является высоко урбанизированной страной, в которой цифровая трансформация кардинальным образом изменила не только города, но и сельскую местность. Подчеркнем, что трансформация Китая осуществляется в соответствии с целями государства. Целью государственного подхода к урбанизации и цифровизации провозглашено построение национальной системы, сочетающей глобальное видение успешной страны с китайским стилем мышления и анализа. По мнению китайских авторов, социальное функционирование Китая осуществляется не как механическое копирование западной модели модернизации, а как процесс творческой трансформации, сочетающий элементы традиционного и современного, локального и глобального.

Проходящие в стране в течение нескольких десятилетий разные трансформации называются «периодом перехода» Китая, в ходе которого осуществились колоссальные сдвиги в экономике страны, социальной географии городов, материальном благосостоянии населения, психологии горожан. Китай развил эффективную, ориентированную на экспорт экономику благодаря урбанизации. Резко вырос уровень образованности населения. Если в 1964 г. только 416 человек на 100 000

населения имели высшее образование, то к 2023 году число людей с университетским дипломом достигло 250 млн чел., а уровень неграмотности снизился с 33,6 % в 1964 году до 2,7 % в 2020 году. В 2020 г. общая численность населения одиннадцати крупнейших городских агломераций Китая составила 630 млн чел., что составляет 44,6 % населения страны. Число мегаполисов с постоянным городским населением более десяти млн чел увеличилось с шести до семи, а число сверхкрупных городов с постоянным городским населением более пяти миллионов и менее десяти миллионов человек увеличилось с десяти до четырнадцати [1]. Тем самым был создан новый ландшафт развития Китая.

Вместе с тем проявились не только позитивные результаты трансформации, но и социальные проблемы, которых не было раньше. Современная исследовательская проблема состоит в выявлении факторов, обусловивших эти процессы, и анализе их двойственных последствий [2].

Среди многочисленных факторов, способствовавших урбанизации, выделяют внутренние и внешние. Внутренние включают необходимость быстрого развития экономики Китая в условиях растущих глобальных вызовов, включая цифровую революцию. Внутренние факторы включают необходимость поднять качество быстро растущего городского населения, т. е. уровень образования и компетенций молодежи, обеспечить молодых людей квалифицированными рабочими местами, улучшить образ жизни всего населения и поднять его благосостояние. Так, согласно национальной статистике, доля городского населения Китая увеличилась с 17,92 % в 1978 г. до 66,16 % к концу 2023 г [1] Этот показатель отражает количественные изменения и качественный сдвиг в характере основного социального противоречия в стране – перехода от проблем выживания к вызовам глобального развития. На фоне таких структурных изменений китайская социология сфокусировала исследовательский интерес на процессах социальной стратификации и мобильности, связанной с урбанизацией.

Второй важнейший фактор изменений – цифровая трансформация. Согласно статистике урбанизации, опубликованной в китайских источниках, число пользующихся интернетом только за одно десятилетие с 2013 г. до 2023 г. выросло на 30,6 %: с 45,8 % до 76,4 % населения [3]. По скорости загрузки мобильных устройств Китай в 2019 г. вышел на второе место среди ведущих экономик мира, уступая только Канаде. Однако, согласно социологическим исследованиям, опубликованным в международном журнале, растет разрыв между городом и селом: в 2022 г. только 58,8 % жителей сельской местности пользовались интернетом, а среди лиц в возрасте 60 лет и старше –

43,2 %, хотя с 2015 г. реализуется специальная программа по информатизации сельской местности [4]. Иначе говоря, цифровая трансформация усилила социальную дифференциацию населения Китая, пока не создав механизмов его смягчения ни в городе, ни в стране. Происходящее углубление процессов цифрового неравенства – это вызов китайскому обществу. Тем не менее экономика страны с ростом цифровизации и урбанизации получила новые импульсы развития, а уровень Е-торговли увеличился. Так, объёмы продаж в сфере интернет-коммерции рос в 2018-2020 гг. в среднем на 14 % в год, при этом 78 % всех интернет пользователей совершали покупки в интернете [5, с. 33], подтверждая рост своей цифровой грамотности и качественное изменение образа жизни в условиях урбанизации.

Если обратиться к международным исследованиям цифровой трансформации в городах, то станет очевидным факт рост цифрового неравенства в других странах, где быстро развивается урбанизация и цифровизация. Однако сходные социальные последствия цифровизации в крупных городах были ранее выявлены и в Западной Европе – видимо, это универсальная тенденция [6, с. 289]. Позитивный результат цифровизации как возможность выравнивания социального неравенства городского и сельского населения в настоящее время оказывается менее значимым, чем ожидалось.

Таким образом, несмотря на значимые успехи урбанизации и дигитализации, которые превратили Китай в высокоразвитую современную страну, число социальных проблем не уменьшается, они лишь принимают другие формы. Исследователями отмечается двойственность результатов этих процессов. Например, в 2020 г. численность внутренних мигрантов составила 380 млн чел, или 26,6 % населения страны. К 2023 году городское население достигло 930 млн чел, со среднегодовым приростом в 16,89 млн. Однако миграция из деревни в город привела к резкому уменьшению сельского населения, особенно молодого, в результате чего деревенские старики остались без поддержки со стороны уехавших детей. Выросло и социальное расслоение между молодежью, переехавшей в города, и коренным населением городов. Молодежь достаточно легко адаптируется к городу, вовлекается в цифровизацию повседневной жизни, но не может обеспечить себе желаемого уровня жизни из-за высокой конкуренции за рабочие места при недостаточно высоком уровне образования. Эти проблемы вызвали интерес исследователей, которые концентрируются на анализе формирования новых городских социальных групп, включая группы работников с гибкой занятостью – фрилансеров, водителей такси, работников кол-центров, курьеров служб доставки еды и других категорий нестандартных форм труда. Именно эти группы не имеют

трудовых договоров, не включены в систему социального обеспечения, их профессиональный рост затруднен ввиду чрезмерной трудовой занятости. Таким группам труднее встроиться в существующую социальную структуру города. Несмотря на переезд в большой город, они не могут потреблять культурные и образовательные ресурсы, подвергаются трудовой эксплуатации в условиях платформенной экономики. В принципе, все молодые мигранты, переехав из провинций в мегаполис, не могут следовать типичному для городского среднего класса образу жизни ввиду нехватки средств, высокого уровня психологического давления, часто – языковых проблемах (провинциальные диалекты). Поскольку китайские мегаполисы отличаются высокой стоимостью жизни, молодые мигранты снимают жилье далеко за городом и тратят часы для того, чтобы добраться до работы. Хотя в Китае широко распространены социальные сети, молодым мигрантам не хватает устойчивых сетей социальной поддержки в мегаполисе. Некоторые, отчаявшись, даже возвращаются в провинцию. Несмотря на то, что миграция сельских жителей изменила географическое положение и тип профессиональных занятий, до настоящего времени более глубоких изменений в образе мышления и поведения «новых горожан» не произошло. Может потребоваться одно-два поколения, чтобы селяне стали настоящими горожанами. Вполне вероятно, что в условиях экономических колебаний и политических ограничений урбанизированность населения может затормозиться. К настоящему времени суть урбанизации Китая заключалась в «урбанизации элит». Для достижения этой цели элиты полагаются на свой собственный образовательный капитал [7].

Библиографические ссылки

1. Превращение из густонаселенной страны в центр человеческих ресурсов, достижения в качественном развитии населения. Доклад № 15 из серии о достижениях экономического и социального развития Китая за последние 75 лет // URL: http // mediaalmanah.ru (дата обращения: 18.10.2025).
2. *Лебединцева Л. А., Чжан Х.* Цифровое неравенство: ключевые понятия и постановка проблемы / Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: XVIII Ковалевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России. СПб.: Скифия-принт. 2024. С. 813–814.
3. Internet User Penetration Rate in China, 2012-2023 // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/236963/penetration-rate-of-internet-users-inchina (дата обращения: 18.10.2025).
4. *Wang J., Yin Z., Jiang J.* The Effect of the Digital Divide on Household Consumption in China // International Review of Financial Analysis. 2023. V. 87, No 5. P. 102–127.
5. *Линь Д.* Удовлетворенность пользователей уровнем проникновения и техническими характеристиками интернета в Китае // Политика и Общество. 2020.

№ 1. URL: https: //nbpublish.com/library_read_article.php?id=33151 (дата обращения 20.10.2025).

6. *Cruz-Jesus F.* Digital Divide across the European Union // Information & Management. 2012. № 49 (6). P. 278–291.

7. *Zhang H., Erokhina L. D.* Transformation of the Social Structure of Chinese Cities in the Context of Urbanization // Society, Sociology, Psychology, Pedagogy. 2018. No. 2. P. 51–55.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ЗЕЛЕНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА БРЕСТА

О. В. Токарчук[1)], **С. М. Токарчук**[1)]

[1)] *Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь, oleg.v.tokarchuk@mail.ru*

В работе рассматриваются возможности геоинформационного картографирования и географических информационных систем (ГИС) в инвентаризации зеленой инфраструктуры города. Данная проблематика раскрывается на примере города Бреста. При выполнении исследования в качестве объектов выступали следующие компоненты зеленой инфраструктуры: ландшафтно-рекреационные территории, особо-охраняемые природные территории, зеленые насаждения в пределах кварталов и элементы озеленения отдельных объектов. Методика изучения зеленой инфраструктуры города Бреста была разработана с учетом возможностей современных ГИС-технологий и включала несколько элементов: работу с формами для сбора полевых данных, редактором легенды, а также картографическими веб-шаблонами. Выполненные ГИС-проекты размещены в общем доступе в сети Интернет.

Ключевые слова: зелёная инфраструктура; геоинформационное картографирование; географическая информационная система (ГИС); инвентаризация; ландшафтно-рекреационная территория; особо-охраняемая природная территория; зелёные насаждения; элементы озеленения.

«Зеленая инфраструктура» – это один из терминов городского планирования, применяющийся для обозначения системы озеленения. Данный термин является относительно молодым, так как его официальное закрепление в экологическом менеджменте и экологической политике произошло только в 2013 году. Это стало возможным после утверждения европейской стратегии зеленой инфраструктуры, как части более широкого «Европейского зелёного курса», цель которого – сохранение, восстановление и улучшение зелёной инфраструктуры для борьбы с потерей биоразнообразия и обеспечения устойчивости экосистем. В русскоязычной литературе существует несколько подходов к определению термина «зеленая инфраструктура» [2]. Однако чаще всего под данным понятием понимают спланированную сеть высококачественных природных и полуприродных территорий, которая формируется и управляется с целью предоставления широкого спектра экосистемных услуг и защиты биоразнообразия в сельских и городских условиях.

Неоднозначным в современной литературе является выделение компонентов зеленой инфраструктуры в городах. В то же время анализ литературных источников позволяет определить следующие основные

компоненты [1]: природные или слабоизмененные природные комплексы, искусственное ландшафтно-рекреационные территории, техногенные элементы озеленения (зеленые крыши, стены и балконы). В ряде классификаций в качестве отдельного компонента зелёной инфраструктуры города также рассматриваются водные пространства. Это во многом связано с тем, что в англоязычной литературе употребляется понятие «сине-зеленая инфраструктура города». Помимо этого, как правило, водные объекты «образуют» устойчивые системы с зелёными насаждениями и являются местом развития водных и околоводных растений.

Помимо составных частей (компонентов) также выделяется несколько иерархических уровней формирования зеленой инфраструктуры города, что также является важным моментом при разработке методик её изучения. В частности, выделяется городской уровень (включает крупные парки, поймы рек и др.), микрорайонный (включает отдельные скверы, бульвары и др.), локальный (включает элементы внутриквартального озеленения, частные огороды и зеленые зоны, озеленённые территории общественных центров и другие объекты).

Целью данного исследования является разработка и апробирование на примере Бреста методик инвентаризации и ГИС-картографирования зеленой инфраструктуры города.

При выполнении исследования в качестве объектов выступали следующие компоненты зеленой инфраструктуры: ландшафтно-рекреационные территории, особо-охраняемые природные территории, зеленые насаждения в пределах кварталов и элементы озеленения отдельных объектов. Таким образом работа проводилась на всех иерархических уровнях зелёной инфраструктуры.

К ландшафтно-рекреационным территориям Бреста следует отнести наиболее значимые городские парки, скверы, бульвары, озелененные территории общественных центров. Согласно разным источникам, их количество колеблется в довольно широких пределах. При выполнении инвентаризации ландшафтно-рекреационных территорий города их список из генерального плана дополнялся другими территориями, которые можно выделить на основании представленных в научной литературе критериев. В результате инвентаризации было выделено сорок четыре объекта общегородской значимости: из них сеть парков, девятнадцать скверов, шесть бульваров, три сада и девять озелененных территорий общественных центров.

В Бресте насчитывается тринадцать особо охраняемых природных территорий. Из них два заказника и одиннадцать памятников природы,

среди которых преобладают ботанические (девять). Данные объекты также рассматривались как объекты городского уровня.

Среди объектов локального уровня рассматривалось озеленение дворов, городских кварталов, детских площадок.

Методика изучения зеленой инфраструктуры города Бреста была разработана с учетом возможностей современных ГИС-технологий и включала несколько элементов: работу с формами для сбора полевых данных, редактором легенды, а также картографическими веб-шаблонами.

Для выполнения исследования и инвентаризации объектов зеленой инфраструктуры непосредственно в полевых условиях использовались мобильные ГИС-приложения для создания полевых опросов. Данные, полученные в ходе полевого исследования, заносились в интерактивную картографическую базу данных.

В частности, на базе мобильного ГИС-приложения был создан специальный опрос относительно качественных и количественных характеристик озеленения детских площадок центральной части города Бреста, позволивший обобщить сведения об общем количестве деревьев, их родах, состоянии, отбрасываемой тени и т. д. Всего было описано двести десять площадок. Разработанная методика полевой инвентаризации не только упростила процесс сбора данных, но и позволила перейти на следующий уровень исследования, связанный с разработкой геоинформационных алгоритмов обработки полученной информации.

Первым методом обработки полученной в ходе полевого исследования информации стала работа с редактором легенды в ГИС-программе.

Легенда картографического объекта – это совокупность изобразительных средств, которые используются или могут использоваться для изображения векторного объекта при его визуализации. Возможности работы с легендой зависят от программного обеспечения. Отдельные ГИС-программы позволяют работать только со стандартным небольшим набором легенд и значков, другие – представляют значительное количество инструментов, которые помогают создавать инвентаризационные карты и картосхемы самых разнообразных типов.

Легенды векторных объектов в географических информационных системах представляют собой различные формы и цвета маркеров; такие как тип, толщина или цвет линий; различные штриховки, цвета контурных линий и заливок полигонов. Все это позволяет создавать разнообразные и максимально наглядные карты и картосхемы.

Также большое значение имеют сами типы легенды, которые можно использовать в программе. Большинство ГИС-программ позволяет в настоящее время работать с очень широким спектром типов легенд (уникальное значение, градуированные цвета и символы, диаграммы, цвет и размер, преобладающая категория и др.). Кроме того, имеются возможности работы с каждым из этих типов в области настройки цветов, контуров, прозрачности и др.

Например, для отображения озеленённости детских площадок центральной части города Бреста была составлена картосхема «Количество деревьев», созданная на основе типа легенды «Градуированные цвета». Для создания карты использовался специальная векторный маркер (пиктограмма) «ель». Данный маркер в зависимости от количества деревьев в пределах детской площадки был закрашен в разные оттенки зеленого цвета. Символ, показывающий площадки без деревьев, отображался серым цветом.

Для отображения озеленённости кварталов центральной части города Бреста использовались самые разные типы легенды для полигональных объектов. Например, плотность деревьев отображалась типом легенды «Градуированные цвета» (чем выше плотность деревьев, тем темнее оттенок), количество деревьев типом «Градуированный символ» (чем больше деревьев, тем крупнее круговой маркер), доминантные виды деревьев легендой «Уникальный символ» (каждый доминантный вид имеет свой оттенок из красно-зеленой гаммы), общий породный состав деревьев в пределах кварталов показан типом легенды «Локализованная диаграмма».

Все это позволяет подобрать наиболее подходящие инструменты для визуализации результатов исследования зеленой инфраструктуры города.

Составленные с использованием редактора легенды картосхемы легли в основу работы с картографическими веб-шаблонами, которые позволили создать различные веб-приложения на основе всех имеющихся графических материалов (карт и картосхем, иллюстраций, текста и др.) и запросов к внешнему виду приложения. Всего при изучении зеленой инфраструктуры Бреста было создано более пятнадцать разных типов интерактивных ГИС-проектов, разных типов.

Во-первых, следует отметить «Атлас озеленения кварталов центральной части города Бреста» (https://arcg.is/19ziCu). Он характеризуется сложной многоуровневой структурой, состоит из семи тематических разделов. Большая часть разделов атласа создавалась путем встраивания в приложение тематических веб-карт, которые дополнялись текстовым и иллюстративным материалом.

Отдельного внимания заслуживает еще один ГИС-продукт – информационно-справочные системы, которые представляют собой набор тематических карт и сопровождаются краткой дополнительной информацией. Структура каждой системы состоит из определенного набора вкладок, в пределах каждой из которых размещены интерактивная карта и дополнительная панель с иллюстративно-описательной информацией. В частности, система «Зелёная инфраструктура Бреста» (https://arcg.is/nuSyW) содержит тематические веб-карты, отображающие данные по озеленённости городских кварталов улиц. В ней собраны карты по количеству деревьев в целом и по количеству деревьев каждого вида. Первоначально данная информация была обобщена в виде отдельных картографических файлов привязки (шейп-файлов), которые впоследствии были использованы для общей визуализации.

Также была апробирована методика создания интерактивных каталогов с использованием картографических шаблонов. В частности, можно отметить каталог «Ботанические памятники природы города Бреста» (https://arcg.is/DHDei), который включает девять вкладок, каждая из которых содержит точное местоположение памятника природы и его подробную характеристику с несколькими иллюстрациями.

Помимо этого, в ходе исследования были апробированы методики создания виртуальных экскурсий с применением различны типов ГИС-шаблонов. В частности, разработанный веломаршрут «#BrestVeloGreen» (https://arcg.is/191jH5) состоит из более чем двадцати точек. Маршрут проходит, как по малоизвестным, так и по наиболее известной у туристов центральной частям города. Маршрут включает в себя посещение большинства ботанических памятников природы Бреста, трех наиболее интересных водных объектов города и некоторых архитектурных объектов. Каждая точка маршрута сопровождается текстовой и иллюстративной информацией. Сам веломаршрут оформлен на электронной карте с учетом велодорожек, пешеходных переходов и других особенностей местности.

Ряд других интерактивные ГИС-продуктов можно посмотреть по ссылкам: https://arcg.is/1qnOuq, https://arcg.is/1Sa4b01, https://arcg.is/0fK9Pm, https://arcg.is/DiPyv0, https://arcg.is/1zCqij0.

Таким образом, материалы проведённых исследований позволяют сделать вывод о том, что современные ГИС-технологии предоставляют широкие возможности для сбора и обработки полевых данных, упрощения и качественной визуализации результатов изучения зеленой инфраструктуры города.

Библиографические ссылки

1. *Баклаженко Е. В., Рощупкина О. Е.* Зеленая инфраструктура города. Техническая эстетика и дизайн-исследования. 2022. Т. 4. № 4. С. 59–68.

2. *Подойницына Д. С.* Критический анализ концепции «Зеленая инфраструктура». Архитектура и современные информационные технологии. 2016. № 1(34). С. 12.

ГОРОД КАК СИСТЕМА КУЛЬТУРЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В. Н. ИВАНОВСКОГО

М. А. Филипчик

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
Гомель, Беларусь, ms.filipchik@mail.ru

В статье раскрываются перспективы применения методологии В. Н. Ивановского в исследованиях города как системы культуры. Для этого эксплицирована разработанная философом типология культурных систем, обусловленных человеческими мотивами, чувствами и знаниями. Обосновано, что в соответствии с ней следует различать девять типов методологических концептов, генерализирующих универсальные ценности горожан. Именно эти ценности генетически и феноменологически предопределяют философские основания анализа и понимания города как культурной системы. Это позволяет исследовать город как множество сосуществующих пересекающихся пространств и выявлять в нем трансграничные зоны смысла на пересечении мотивов, чувств и знаний.

Ключевые слова: город; В. Н. Ивановский; типология культурных систем; человеческие мотивы; чувства; знания; трансграничные зоны смысла.

Актуальность исследования города как системы культуры обусловлена возрастающей ролью урбанистических процессов в современном мире, значимостью городов в социальном, экономическом, политическом и иных форм развития общества и государства в целом. Значение городов как основных точек роста мира в XXI веке обусловлено цифровыми трансформациями, которые изменяют их пространство, создают множество культурных перекрестков, пограничных (переходных) зон. В их пределах, с одной стороны, постоянно группируются и перегруппировываются сообщества, генерируются векторы культурных взаимодействий и конфликтных ситуаций, с другой, – существуют конкретные горожане. Особое значение в этом ракурсе имеет методология культуры, разработанная русско-белорусским философом В. Н. Ивановским [1]. Он раскрыл культуру через призму ценностей, принятых в социуме, которые собственно его формируют и предопределяют тенденции в развитии. Поэтому цель статьи – актуализировать данный методологический подход и наметить перспективы его применения в исследованиях города как системы культуры.

Город как система культуры представляет собой диалектику целостности и фрагментации, отражающую его двойственную эмпирическую и внеэмпирическую сущность. Эмпирическая реальность города – это разрозненность и относительная самостоятельность его частей (фрагментов), значение которых раскрывается в разделительном

смысле. Внеэмпирическая реальность – это целостность городской среды, значение которой раскрывается в собирательном (агрегатном) смысле, т. е. холизм города как культурной системы подразумевает его существование как единства многочисленных многоуровневых связей и отношений. Поэтому в методологических подходах к исследованию города необходимо различать собирательные и разделительные смысловые контексты, значит, коллективные и индивидуальные признаки, аддитивные и эмерджентные структуры [2, с. 98–99, 134]. В результате рефлексия города как целостности должна основываться на выявлении функциональных свойств и отношений, позволяющих «видеть» город как порядок связей и правил взаимодействия определенных элементов, как условия их равновесного самоорганизующегося состояния, как уравновешивающих друг друга процессов конвергенций и дивергенций.

Теоретические разработки о «системах культуры», предложенные В. Н. Ивановским, перекликаются с «первым законом социальных процессов», сформулированным Т. Парсонсом. Согласно этому закону, существенной чертой социальной системы выступает «тенденция процесса взаимодействия к самосохранению» [3, с. 307]. Поэтому можно утверждать, что разработанная В. Н. Ивановским типология культурных систем и выявленные в ее рамках их особенности обеспечивают в методологическом плане конструирование объясняющих и понимающих моделей города.

Культурные системы В. Н. Ивановский раскрыл с двух точек зрения: с точки зрения их происхождения, т. е. генетической (или исторической) стороны, и с феноменологической точки зрения. Это означает, что он понимал важность совмещения двух позиций: во-первых, на основе каких факторов появляется опыт, во-вторых, как он переживается, каким образом факторы генезиса формируют и структурируют переживание. Иллюстрацией такого совмещения в современных урбанистических исследованиях могут служить «ментальные карты» [4] или «феноменологическая осуществимость ценности в сознании» [5].

В качестве основы культуры В. Н. Ивановский обосновал труд как «необходимую основу жизни» [1, с. 1], которую можно рассматривать в двух взаимно дополнительных аспектах: коллективном и индивидуальном. В коллективном аспекте он определил культуру как «совокупность трудовых процессов по обработке или усовершенствованию чего бы то ни было», и результатов таких процессов, что позволяет включить в нее многочисленные разделы, например, культуру полей, растений и животных, тела и духа, эстетическую культуру [1, с. 2]. В индивидуальном аспекте он раскрыл

ее как культуру человека и культуру его психики. Это означает, что индивидуальная культура человека образуются, «с одной стороны, из естественно накопляющихся отложений его трудовой жизни в форме приспособлений, навыков, привычек, с другой, – составляет объект планомерной работы над "воспитанием" человека» [1, с. 3].

Особое значение в решении методологических проблем, связанных с культурой, В. Н. Ивановский придал феноменологии, поскольку она позволяет раскрыть культуру как «предмет мысли» [1, с. 3]. В составе культуры с феноменологической позиции можно, по его мнению, «выделить несколько основных сфер или областей, между которыми распределится все содержание жизни и деятельности человека» [1, с. 3]. Оно включает «все его восприятия и мысли, воспоминания и построения, все его чувства и настроения, желания, акты воли и действия» [1, с. 3]. Объединение генетического и феноменологического позволило философу выявить и обосновать девять типов культурных систем (культурных ценностей), через призму которых представляется возможным решение проблем города как социального проекта. Если учесть, что именно в рамках такого проекта урбанизм раскрывается как образ города и образ жизни в нем, которые неотъемлемо связаны с соответствующими системами культуры, то становится очевидной практическая применимость методологии В. Н. Ивановского в целом и его типологии культурных систем в частности.

Рассмотрим поэлементно три группы культурных систем, каждая из которых включает по три их типа, внутренне родственных между собой. Согласно типологии В. Н. Ивановского, первая группа культурных систем обусловлена человеческими мотивами, вторая группа – чувствами, эмоциональным мышлением и творчеством, третья группа – знаниями. Методологически важно подчеркнуть, что данная типология лежит в основе формирования ментальных карт, представляющих собой аналоговые (образные) и цифровые (дискретные) репрезентации действительности [4] и, в конечном счете, определяющих алгоритм принятия или непринятия ценностей.

Согласно В. Н. Ивановскому, группа культурных систем, обусловленная человеческими мотивами, включает в качестве исходного типа систему, связанную со сферой «личных (эгоистических) интересов субъекта». Она «в эволюционно-биологическом порядке, несомненно, основная и первичная», так как проистекает из «инстинкта самосохранения во всех его формах и разновидностях и оберегает физическое бытие и благополучие человека» [1, с. 4]. Второй тип культурной системы включает «сферу интересов альтруистических – интересов других людей (и отчасти животных), воспроизводимых деятелем в силу симпатии, сочувственного переживания их

состояний» [1, с. 6]. Ее В. Н. Ивановский оценил по структуре как более высокую и более сложную по сравнению со сферой личных интересов, поскольку она предполагает экстраполяцию интересов «на других субъектов и тем радикально изменяет форму самого переживания и его значение в строе жизни» [1, с. 6]. Особенности альтруистических интересов проистекают из расширения круга личностей, в отношении которых эти интересы проявляются, например, семейные, местные, коммунальные, профессиональные.

Третий тип – это этическая система, которая включает «всю деятельность человека», терминологически обозначаемую как поведение, складывающееся под влиянием трех разновидностей мотивов: «эгоистических, альтруистических и "принципиальных" (этических)» [1, с. 6–7]. Этическая система, сводимая преимущественно к альтруистическим интересам, «отличается от первых двух систем формой, в которой переживаются относящиеся к ней состояния сознания» [1, с. 7]. Этика как культурная система предполагает регулирование деятельности в соответствии с принципами или правилами, принимаемыми в качестве нормы.

Применительно к урбанистическим исследованиям первая группа культурных систем позволяет выявлять культурные сходства и различия на уровне мотивов человеческих действий, различая три привязанности горожан – к себе и решению своих проблем, к Другому (например, волонтерская деятельность) и к этическим нормам (например, ответственность за Другого в виде помощи бездомным животным).

Следующая группа культурных систем выявлена В. Н. Ивановским на основе главенства в них чувств, эмоционального мышления и творчества [1, с. 9], из чего рождаются возможные экзистенциальные состояния и переживания, настроенность на мир, т. е. некоторое ценностное единство в сознании человека. Эмоциональное («выразительное») мышление выражается «в образах и в понятиях чувства, настроения, интуиции человека, поэтому подчиняется не требованиям логики, обоснования и доказательства, а своим особым, мало еще изученным законам» [1, с. 9]. Вследствие этого оно «не вправе претендовать на познавательное значение», ибо «его методология совсем иная». Познавательное значение «не в состоянии охватить "действительность" таким образом, как это делает наука, – оно дает лишь творческие человеческие документы, в которых может отражаться, конечно, вся жизнь, которые могут быть интересны, поучительны, могут иметь воспитательное значение», но «могут и не иметь его» [1, с. 9–10]. При этом В. Н. Ивановский подчеркнул, что «ум, при всей его огромной жизненной важности, имеет для человека, прежде всего, служебное

значение: в своей внутренней основе, в интимном ядре своей личности человек живет преимущественно чувствами и настроениями» [1, с. 10].

Третий элемент – творческая деятельность человека, руководимая вдохновением, отражает «состояния человеческой психики (а через них и всякое другое содержание) в чувственных восприятиях, образах и идеях, удовлетворяющих особого рода бескорыстным чувствованиям» [1, с. 10]. Искусство как проявление творческой деятельности является универсальным языком человеческой психики, так как оно «по содержанию не ограничено какой-либо особой, специальной областью жизни, – оно может иметь предметом решительно все» [1, с. 11–12].

В соответствии со второй группой культурных систем методологически важно различать две сферы в образе города и образе жизни в нем. В первой сфере доминируют чувства и эмоциональное мышление, во второй – творчество. В. Н. Ивановский метафорически назвал их «жизненной лирикой» и «искусством» [1, с. 10, 11]. В качестве третьего жизненного тренда, вырастающего из эмоционально-оценочного отношения к собственному бытию, он назвал также религию [1, с. 14].

Третья группа культурных систем основана на знании. Это означает, что ключевые факторы, влияющие на образ города и образ жизни в нем, обусловлены не эмоционально-волевым, а символическим мышлением, ориентированным на познание бытия (теоретическое знание), познание действий и способов их выполнения (прикладное знание). Если первое знание включает науку и философию, то второе – систему правил, которые «человек должен выполнять, чтобы достичь поставленных им себе целей» и совокупность которых «составляет содержание того, что можно выделить в особую культурную систему под названием техники» [1, с. 32].

Группа культурных систем, основанных на знаниях, выступает в качестве методологического основания для анализа и оценки цифровых трансформаций города как системы культуры. Это исходная точка культуры цифровой, репрезентирующей множество различных моделей, сформированных благодаря слиянию различных форм знания и деятельности с информационно-коммуникационными технологиями. Результатом такого слияния выступают новые модели цифровой культуры в пространстве современного города. Кооперативный эффект взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и культуры (культурных систем в терминологии В. Н. Ивановского) позволяет осуществлять прогнозирование урбанистических процессов в аспектах самоорганизации жизни города, выявляя, например, в соответствии с концепцией VUCA-мира факторы нестабильности, неопределенности, сложности или неоднозначности. В качестве

переменных в исследованиях могут служить категории, эксплицированные В. Н. Ивановским в его типологии культурных систем, которая позволяет формализовать текущее состояние городской среды. Применительно к жителю города как к человеку это означает организацию пространства в соответствии с его потребностями [6; 7].

Таким образом, перспективы применения методологии В. Н. Ивановского в исследованиях города обусловлены разработанной им типологией культурных систем, обусловленных человеческими мотивами, чувствами и знаниями. В соответствии с ней следует различать девять типов методологических концептов, генерализирующих универсальные ценности горожан, которые генетически и феноменологически предопределяют философские основания анализа и понимания города как культурной системы. Это позволяет исследовать город как множество сосуществующих пересекающихся пространств и выявлять в нем трансграничные зоны смысла на пересечении мотивов, чувств и знаний.

Библиографические ссылки

1. *Ивановский Вл. Н.* Методологическое введение в науку и философию. Т. 1. Минск: Белтрестпечать, 1923.
2. *Воробьева С. В.* Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018.
3. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.
4. *Воробьева С. В.* Ментальные карты города в контексте прагма-диалектики: утопии и гетеротопии // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы междунар. науч.-практ. конф.; Респ. Беларусь, Минск, 25–26 ноября 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 67–73.
5. *Кирсберг И. В.* Ценность в сознании: как она феноменологически осуществляется? // Вопросы философии. 2025. № 4. С. 94–103
6. *Новикова О. В.* Дрейфуя по городу: к проблеме конструирования субъектности горожанина // Социальные практики и развитие городской среды : урбанистика и инноватика: материалы междунар. науч.-практ. конф.; Респ. Беларусь, Минск, 25–26 ноября 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 226–231.
7. *Новикова О. В.* Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 2. С. 12–20.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ДЛЯ АНАЛИЗА СЕТЕЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ МАГАЗИНОВ БРЕСТА

З. И. Хрипунова[1)], **С. М. Токарчук**[1)]

[1)] *Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь, zlatakhripunova@gmail.com*

Настоящее исследование посвящено анализу торговой инфраструктуры города Бреста на примере анализа сетей продовольственных магазинов с использованием картографического метода и ГИС-технологий. В рамках работы применялись инструменты ArcGIS Online и Survey123 для сбора, обработки и визуализации данных о расположении, характеристиках и графике работы торговых объектов. Основное внимание уделялось сетям продовольственной торговли областного и городского уровней. Проведен сбор информации о местоположении магазинов, их типах, режиме работы, рейтингах и отзывах покупателей. Анализ созданных карт позволил выявить пространственные закономерности размещения торговых точек в целом и по отдельным характеристикам. Практическая ценность работы заключается в возможности определения оптимальных мест размещения новых объектов и планирования развития торговых сетей с учетом географических особенностей города.

Ключевые слова: торговая инфраструктура; картографический метод; ГИС-технологии; торговые сети; розничная торговля; продовольственные магазины; Брест.

Введение

Изучение торговой инфраструктуры города с использованием картографического метода имеет большую практическую значимость. В то же время данный метод достаточно редко применяется для анализа существующей системы торговых объектов, а также разработки перспективных направлений ее оптимизации. В научной литературе достаточно широко представлены исследования, посвященные изучению торговой инфраструктуры и ее отдельных составляющих (например, продовольственных магазинов, кафе, торговых центров и др.) [1; 2]. Однако, картосхемы размещения данных объектов в пределах территории исследования, а также оценочные и аналитические карты в подобных работах встречаются достаточно редко. Также следует подчеркнуть, что во многих работах, использующих метод картографирования, исследуются большие по площади территории и широкий круг объектов, что исключает детальное изучение отдельных категорий торговых сетей или конкретных групп торговых точек.

Данная ситуация обусловила необходимость углубленного исследования отдельных торговых сетей розничной продовольственной

торговли на примере небольшой (локальной) территории. Для выполнения научной работы был выбран город Брест, областной центр. В рамках анализа ведущих торговых компаний, действующих в регионе, были выделены представители различных категорий: республиканский уровень – ООО «Санта Ритейл» и сеть «Санта» (обслуживающая 32 магазина в городе), областной – ООО «Торговый дом Альвин» и сеть «АсСорти» (7 магазинов), а также городские – ОАО «Продтовары» и сети «Продтовары», «Дискаунтер» и «Микс» (всего 22 торговых точки). В данной работе предлагается рассмотреть анализ сетей продовольственных магазинов областного и городского уровней.

Исследование выполнялось с использованием инструментов ГИС-анализа на платформе ArcGIS Online, а также программного обеспечения ArcGIS Survey123 для сбора полевых данных. В рамках исследования были созданы мобильные анкеты и сформированы базы данных по рассматриваемым торговым сетям. Работа проводилась в несколько этапов.

На первом этапе, на основании данных, собранных из открытых официальных Интернет-источников, была составлена инвентаризационная картографическая база данных и веб-карта размещения изучаемых магазинов в Бресте. База данных включала не только точное местоположение каждого магазина, но и такие сведения как тип магазина, время и продолжительность работы, рейтинг и некоторые другие. В дальнейшем были составлены тематические и оценочные карты, которые позволили выполнить анализ размещения сетей и дать их характеристику.

ООО «Торговый дом Альвин». Брестская торговая компания ООО «Торговый дом Альвин» суммарно владеет 10 объектами розничной продовольственной торговли товарами повседневного спроса «АсСорти» в Брестской области. При этом 7 объектов находятся непосредственно в городе Брест (рис. 1), 2 в Кобрине и 1 в Жабинке. Все торговые объекты сети относятся к категории «дискаунтер». Кроме розничной торговли компания также осуществляет оптовую продажу товаров по низким ценам.

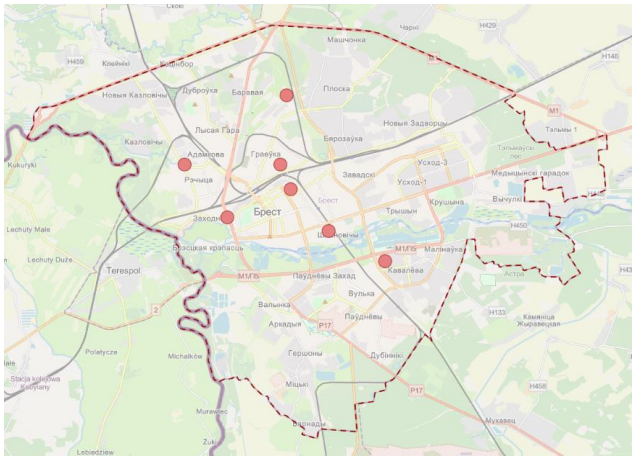


Рис. 1. Расположение магазинов «АсСорти» по территории г. Брест

Дискаунтеры сети располагаются в четырёх микрорайонах города из 17: три магазина в микрорайоне «Центр», два – в микрорайоне «Граевка», по одному в микрорайонах «Речица» и «Ковалёво».

Все магазины сети работают без перерывов и без выходных и санитарных дней. Рабочий график не отличается в зависимости от дня недели. Четыре магазина «АсСорти» начинают рабочий день в 9:00, три – в 8:00. Все магазины заканчивают рабочий день в 21:00. Таким образом, продажа осуществляется на протяжении 12-13 часов ежедневно.

Рейтинг магазинов сети на сервисе «Яндекс Карты» несколько меньше, чем у магазинов «Санта». Средняя оценка составляет 3,5 балла, наименьшая – 3,1 балл (принадлежит дискаунтеру «АсСорти» по адресу ул. Республиканская, 88), наибольшая – 3,9 баллов (ул. Писателя Смирнова, 93А). Исходя из отзывов покупателей, недочётами сети являются ограниченный ассортимент товаров, отсутствие ремонта и невежливый персонал.

ОАО «Продтовары». Торговая компания ОАО «Продтовары» владеет 21 объектом розничной продовольственной торговли товарами повседневного спроса.

При этом торговые объекты располагаются по городу неравномерно. Большинство магазинов сети (9 объектов) находятся в микрорайоне «Центр». Три торговых объекта – в микрорайоне «Ковалёво», 2 – в микрорайоне «Вулька», по одному – в микрорайонах «Граевка», «Дубровка», «Речица», «Берёзовка», «Задворцы», «Киевка» и «Восток». В микрорайонах «Катин Бор-Козловичи», «Плоска», «Вычулки», «Красный Двор», «Волынка-Гершоны», «Котельня-Боярская» и «Тельмы» магазины компании отсутствуют (рис. 2).

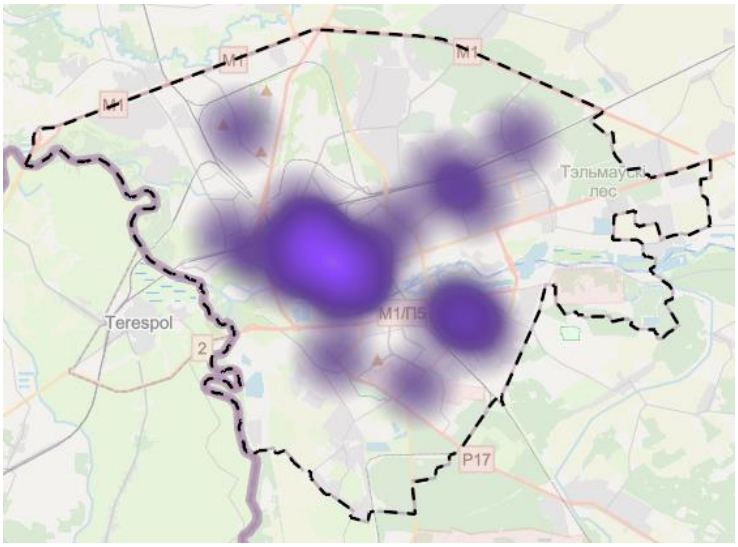


Рис. 2. Интенсивность расположения торговых объектов
компании ОАО «Продтовары» по территории г. Брест

На территории города Брест располагаются такие сети компании ОАО «Продтовары», как универсамы «Продтовары» (12 объектов в городе; в том числе магазины «Меркурий», «На болоте», «На Советской», «Сатурн» и «Южный»), магазины низких цен «Дискаунтер» (8 объектов) и супермаркет «Микс». Можно отметить, что магазины «Дискаунтер» имеют наибольшее распространение в менее населённых микрорайонах города, в то время как «Продтовары», в большинстве своём, располагаются в наиболее популярном среди жителей и гостей города микрорайоне «Центр» (рис. 3).

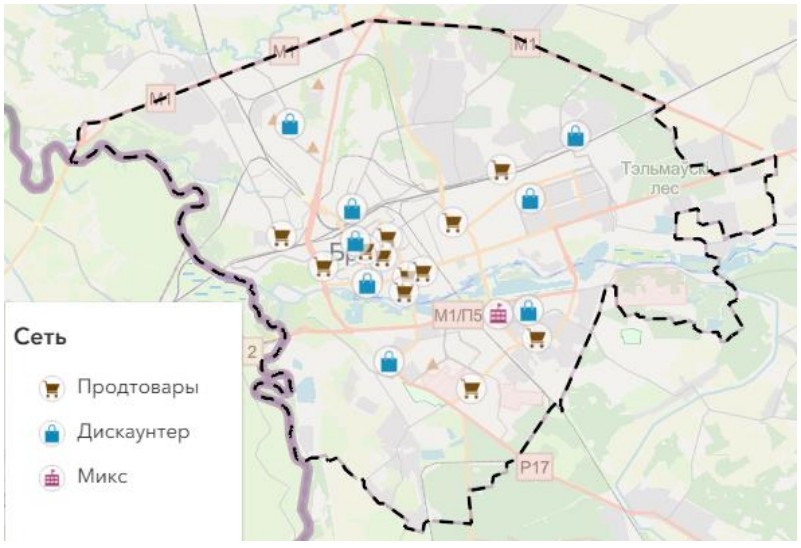


Рис. 3. Расположение торговых сетей компании ОАО «Продтовары»
по территории г. Брест

График работы 20 магазинов не включает в себя перерывы и выходные или санитарные дни. Исключением является только магазин «Продтовары» по адресу ул. Фомина, 17, осуществляющий также оптовую продажу товаров: данный объект работает с понедельника по пятницу в течении 9 часов без перерывов.

Большинство магазинов компании ОАО «Продтовары» (14 из 21, или 66,7 %) начинают рабочий день в 8:00. Три объекта работают с 7:30 (как правило, это объекты, находящиеся вблизи учебных заведений и организаций, работающих с восьми часов утра), также три – с 9:00.

Семнадцать объектов (81 %) завершают продажу в 23:00. По одному торговому объекту работают до 18:00, 22:00 и 02:00.

Среднее время беспрерывной работы торговых объектов города составляет 15 часов 30 минут. При этом один магазин работает круглосуточно («Продтовары» по адресу ул. Котовского, 9). Большинство магазинов (13 из 21, или 61,9 %) работают по 15 часов ежедневно.

Средняя оценка торговых объектов компании ОАО «Продтовары» пользователями онлайн-сервиса «Яндекс Карты» составляет 4,3 балла. Максимальный балл – 4,7 (магазин «Дискаунтер» по адресу ул. Волгоградская, 38А), минимальный – 4,1 (такую оценку покупатели поставили шести магазинам сети).

Выводы

Неравномерное расположение торговых объектов рассмотренных сетей по территории города, а также их недостаток в окраинных микрорайонах, может свидетельствовать о том, что существующая система расположения магазинов требует некоторого усовершенствования. Абсолютное большинство изученных магазинов имеют чёткий и удобный для большинства категорий граждан график работы с достаточной продолжительностью рабочего дня. Однако, из всех рассмотренных объектов, только один работает круглосуточно, что можно считать недостатком. Применение картографического метода позволяет увидеть основные пространственные закономерности размещения торговых объектов в городе.

Библиографические ссылки

1. *Романенко Е. Р., Гартованная О. В*. Особенности проектирования, размещения магазинов от территориального месторасположения // Экономика и социум. 2020. № 1(68). С. 706–708.

2. *Балаш О. С., Балаш В. А*. Кластерный анализ размещения продовольственных магазинов в полицентрическом городе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2012. № 1. С. 61–63.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПЛАНИРОВАНИЯ КАРЬЕРЫ СТУДЕНТОВ

Чэнь Сыци

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, schen1657@gmail.com
Научный руководитель – Е. Е. Кучко, доктор социологических наук, профессор

В современном обществе цифровизация становится ключевым инструментом, трансформирующим повседневную жизнь и социальные процессы. Цифровые сервисы активно внедряются в транспорт, городскую инфраструктуру, электронную коммерцию и культурную сферу, повышая эффективность и качество жизни населения. Студенты, как наиболее восприимчивая к инновациям социальная группа, первыми осваивают цифровые технологии в обучении, коммуникации, а также в профессиональном самоопределении и планировании карьеры.

Ключевые слова: цифровизация; планирование карьеры; студенты.

Цифровая эпоха, также называемая информационной эпохой, представляет собой период глубоких глобальных преобразований, основанных на развитии цифровых технологий и информационных систем. Её ключевой особенностью является всестороннее и ускоренное распространение цифровых технологий, включающих интернет, облачные вычисления, большие данные и искусственный интеллект. Эти технологии становятся важной силой, стимулирующей экономический рост, социальное развитие, модернизацию городского управления и изменение повседневных практик. В данной эпохе информация превращается в новый производственный фактор и стратегический ресурс, а также в основу, обеспечивающую социальные инновации и развитие человеческого потенциала.

По сравнению с индустриальной эпохой, ориентированной на стандартизацию и массовое производство, цифровая эпоха в большей степени направлена на оптимизацию эффективности, инновации бизнес-моделей и научно обоснованные решения посредством сбора, анализа и интеллектуальной обработки данных. Цифровые технологии глубоко меняют способы взаимодействия между людьми, а также между человеком и организацией, размывая границы между виртуальной и реальной средой и ускоряя цифровую трансформацию образования, научной и академической деятельности [1, с. 13].

Ключевые особенности цифровизации проявляются на нескольких уровнях, среди которых искусственный интеллект, анализ больших данных, цифровые инструменты и модели удалённой работы являются

наиболее показательными технологическими достижениями. Развитие искусственного интеллекта позволяет эффективно обрабатывать сложную информацию с использованием машинного обучения и обработки естественного языка, обеспечивая точный анализ данных и интеллектуальную поддержку принятия решений в сфере образования, управления, консалтинга и услуг. Анализ больших данных через систематическую интеграцию огромных объёмов информации предоставляет студентам возможности для планирования карьеры, основанного на данных, включая анализ, прогнозирование и подбор соответствующих карьерных траекторий, а также обеспечивает научно обоснованные и персонализированные рекомендации в рамках университетского карьерного консультирования. Широкое использование цифровых инструментов способствует не только переходу традиционных отраслей к интеллектуальной и цифровой трансформации, но и формирует новую структуру профессиональных навыков, увеличивая потребность в специалистах с комплексными, креативными и технологическими компетенциями.

В то же время цифровая трансформация вызывает глубокие изменения в способах организации труда. Удалённая работа как форма цифровой занятости преодолевает временные и пространственные ограничения традиционной профессии и формирует у молодёжи представление о гибких карьерных траекториях. Эти цифровые особенности не только трансформируют традиционные модели работы, но и значительно влияют на восприятие студентами профессионального мира, выбор карьерного пути и формирование структуры профессиональных компетенций. Для студентов, находящихся на этапе формирования профессиональных представлений и целей развития, системы карьерной оценки с поддержкой искусственного интеллекта, платформы профессионального подбора на основе больших данных, виртуальный опыт работы и инструменты онлайн-сотрудничества формируют широкую технологическую и практическую основу для реализации качественного планирования карьеры.

Студенты, являясь одновременно активными пользователями цифровой среды и одной из ключевых групп будущего рынка труда, одними из первых осваивают и широко применяют разнообразные цифровые сервисы и интеллектуальные технологии. Цифровизация не только формирует их образовательные практики и повседневную среду, но и становится важным инструментом, поддерживающим профессиональное осознание, выбор развития и планирование карьеры.

Традиционные модели планирования карьеры проявляют свои ограничения в эпоху цифровых технологий, когда меняются правила бизнеса и конкурируют управленческие модели, обеспечивающие

продуктивность, инновации, гибкость и адаптивность [2, с. 2]. Под влиянием искусственного интеллекта, больших данных и мобильного интернета профессиональная среда студентов становится сложной и динамичной: карьерные пути диверсифицированы, цикл обновления навыков сокращается, а границы отраслей перестраиваются. Это повышает требования к профессиональной компетентности, информационному анализу и планированию карьеры, тогда как традиционные подходы остаются статичными и не обеспечивают персонализированного сопровождения.

Цифровизация предоставляет студентам новые возможности карьерного консультирования, всесторонне усиливая технологическую основу, адаптивность и разнообразие процесса планирования карьеры за счёт искусственного интеллекта, анализа больших данных, виртуального профессионального опыта и цифровых платформ карьерного консультирования.

Технологичность. Освоение цифровых компетенций играет ключевую роль в повышении конкурентоспособности студентов. С распространением анализа данных, информационных технологий и искусственного интеллекта во всех отраслях эти навыки перестраивают современную структуру профессиональных компетенций и рынок труда. Анализ данных позволяет извлекать ценные инсайты из больших объёмов информации и поддерживает научно обоснованное принятие решений; владение цифровыми инструментами повышает эффективность решения задач и оптимизацию рабочих процессов; развитие искусственного интеллекта стимулирует освоение передовых технологий, таких как машинное обучение и обработка естественного языка. Систематическое внедрение цифровых компетенций в планирование карьеры обеспечивает конкурентоспособность, адаптивность и прочную основу для профессионального развития и долгосрочного роста студентов.

Адаптивность. В традиционных моделях планирования карьеры индивид обычно продвигается по стабильной и линейной траектории, что делает профессиональное развитие относительно предсказуемым и этапным. Однако с приходом цифровой эпохи эта модель претерпевает существенные изменения. Широкое распространение искусственного интеллекта, цифровых инструментов, интеллектуальных технологий и ускоренная интеграция больших данных способствуют появлению новых профессий и кардинально меняют требования к навыкам в традиционных должностях, придавая карьерному развитию высокий уровень гибкости. Распространение платформенной экономики, удалённой работы и форм фриланса позволяет студентам более самостоятельно управлять собственными карьерными траекториями, реконструируя

профессиональную идентичность в условиях межотраслевой мобильности, смены ролей и параллельного участия в нескольких проектах. Высокая мобильность и гибкость, обеспечиваемые цифровыми технологиями, дают возможность студентам преодолевать географические ограничения, включаться в глобальное сотрудничество и укреплять профессиональную устойчивость посредством онлайн-проектов, гибких форм занятости и многоканального исследования карьерных возможностей [3, с. 129].

Многообразие. В условиях растущего разнообразия социальной структуры и индивидуализации ценностных ориентиров студентов планирование карьеры демонстрирует значительные потребности в многообразии, при этом цифровые технологии выступают ключевым инструментом повышения гибкости. Цифровые платформы, анализ больших данных и интеллектуальные системы рекомендаций позволяют точно выявлять дифференцированные потребности студентов разных специальностей, профилей и этапов развития, преодолевая ограничения традиционных моделей карьерного консультирования и предоставляя многомерную поддержку, учитывающую интересы, структуру компетенций и профессиональные ценности. Цифровые ресурсы также способствуют расширению междисциплинарного обучения, межотраслевого исследования и самостоятельного предпринимательства, позволяя студентам через онлайн-курсы, виртуальные проекты и отраслевые базы данных формировать комплексную структуру навыков и гибко адаптироваться к быстро меняющейся профессиональной среде. Использование цифровых технологий обеспечивает открытые, многоуровневые и многофункциональные системы поддержки планирования карьеры, способствуя формированию у студентов самостоятельных, креативных и высококачественных траекторий развития в условиях разнообразных выборов [4, с. 1].

Таким образом, цифровизация становится ключевым инструментом повышения качества планирования карьеры студентов, интегрируя технологические компетенции, адаптивность и многообразие в профессиональное развитие. Применение искусственного интеллекта, анализа больших данных, цифровых платформ и виртуального профессионального опыта обеспечивает более точное принятие решений, гибкость выбора карьерного пути и формирование комплексных навыков. Цифровые технологии способствуют созданию открытых, многовариантных и индивидуализированных траекторий развития, позволяя студентам эффективно адаптироваться к динамичной профессиональной среде. Интеграция цифровых инструментов в процессы карьерного консультирования обеспечивает устойчивое

развитие компетенций, подготовку к будущим вызовам рынка труда и повышение конкурентоспособности студентов на глобальном уровне.

Библиографические ссылки

1. Управление человеческими ресурсами: стратегии и инновации: учебник и практикум для вузов / Н. Горелов и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛитРес, 2024.
2. *Нагибина Н. И., Щукина А. А*. HR-Digital: цифровые технологии в управлении человеческими ресурсами // Вестник евразийской науки. 2017. Т. 9. № 1 (38). С. 3–20.
3. *Фан На*. Планирование карьеры в условиях цифровой трансформации: возможности и проблемы // Современный бизнес. 2025. №9. С. 129–132. DOI: 10.14097/j.cnki.5392/2025.09.020.
4. *Хэ Сян*. Изучение моделей профессионального образования для студентов колледжей в цифровую эпоху // Социологическое общество Чжэнчжоу. Труды социологического симпозиума 2025 года (Т. 2). Чэндуский колледж искусств и наук, 2025. С. 7–9. DOI:10.26914/c.cnkihy.2025.014047.

РАЗДЕЛ V
КУЛЬТУРНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

РАЦИОНАЛИЗМ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО УРБАНИЗМА

В. К. Баласанян

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, vladabalasa31@gmail.com
Научный руководитель – О. В. Новикова, кандидат философских наук, доцент

Исследуется влияние рационализма Нового времени на европейское градостроительство и рецепция в нем идей Просвещения. Показано, как рационализм и протестантская критика средневековой иерархии привели к геометрически упорядоченной планировке городов (на примере Парижа). Особое внимание уделено диалектике свободы и контроля в XVIII веке: «объемы свободы» символизировали освобождение, но одновременно служили инструментом дисциплинирования. Анализируется, как идеалы Просвещения сталкивались с практическими задачами градостроительства, формируя основы современных урбанистических дискуссий о балансе автономии и регуляции.

Ключевые слова: рационализм; протестантская этика; Новое время; Просвещение; градостроительство.

Европа XVIII века вошла в эпоху Просвещения, которая обосновала идею разума как главного инструмента преобразования общества. А центральным идеалом этого периода стала свобода – как индивидуальная, так и коллективная, – понимаемая через призму рационального осмысления и критики традиционных институтов, таких как церковь, монархия и сословные привилегии. Однако реализация этих идеалов в городском пространстве XVIII века выявила диалектику между стремлением к освобождению и необходимостью контроля, что особенно ярко проявилось в урбанистических и социальных практиках эпохи.

Города стали лабораториями просветительских идей, где свобода мысли и действия сталкивалась с новыми формами регуляции. В 1791 году революционные идеи о «свободном пространстве» начали воплощаться на практике: по распоряжению парижской мэрии на площади Людовика XV вырубили сады и замостили территорию, превращая её в открытый, пустой объём. Архитектор Шарль де Вайи предлагал придать бывшей площади, переименованной в площадь Революции, строгую симметрию, окружив её одинаковыми фасадами зданий и оставив середину свободной от дорог и тротуаров. Бернар

Пойе, в свою очередь, выступал за очищение прилегающих мостов от декоративных павильонов, мешавших проходу. Подобные принципы применялись и в других точках Парижа, например, на Марсовом поле – там архитекторы стремились создавать открытые, ничем не преграждённые пространства, выражающие идеалы прозрачности и свободы [1, с. 357].

Эти пустоты мыслились как «дом» для символического тела Марианны – аллегории народа и свободы. Её образ, соотносимый с образом Девы Марии не только по звучанию имени, стал объектом гражданского почитания [1, с. 351]. В отличие от религиозных статуй, фигуры Марианны воздвигались под открытым небом, символизируя равенство, открытость и братство. Таким образом, идея «объёмов свободы» развивала просветительскую веру в свободное движение и прозрачность городского пространства – логическое продолжение улиц, освобождённых от барьеров.

Однако помимо идеалистического пафоса, в этих пространствах проявлялась и воля к контролю: пустые площади позволяли властям осуществлять полный надзор за населением. Историк Франсуа Фюре отмечал, что революционная идеология сознательно культивировала напряжение между новым порядком и идеологической «пустотой» [2].

В контексте теории «отчуждения зрителя» Мари-Элен Уе [1, с. 381] церемониальная динамика революционных праздников может быть интерпретирована как инструмент легитимации власти. Анализ последовательности ритуальных действий – от инкорпорации в символическое тело Марианны до принесения клятвы перед статуей Геркулеса – демонстрирует целенаправленную трансформацию коллективного сознания.

Данный переход демонстрирует ключевую смену парадигмы в революционной идеологии: от пассивного, «женского» начала, ассоциируемого с внутренним единством и эгалитарными идеалами, к активному, «мужскому» началу, олицетворяющему военизированную мощь и дисциплину. Визуальный ряд и сценарий движения (построение в армейское каре) трансформируют первоначальные лозунги свободы и равенства в механизм мобилизации. Ритуал, начавшись как акт эмансипации, завершается как акт консолидации власти через символическое и физическое подчинение, редуцируя индивидуальное в пользу безусловного коллективного действия.

Таким образом, диалектика свободы и контроля в городах XVIII века демонстрирует, как идеалы Просвещения – вера в разум, прогресс и естественные права человека – сталкивались с практическими вызовами урбанизации и социального управления. Этот конфликт не только определил развитие европейских городов, но и заложил основы

современных дискуссий о балансе между свободой и безопасностью в urban-пространстве.

Философия Нового времени, сформировавшаяся в условиях секуляризации и рационализма, оказала значительное влияние на градостроительство, превратив города в пространства, организованные по принципам логики, функциональности и контроля. Рационализация городской среды, вдохновлённая идеями Декарта и других мыслителей, проявилась в чёткой геометрии улиц, симметрии застройки и стремлении к упорядоченности, что особенно заметно в архитектуре Парижа эпохи Нового времени.

Эпоха Просвещения, провозгласившая свободу и разум ключевыми ценностями, внесла противоречие в развитие городов: с одной стороны, создавались открытые публичные пространства (площади, парки), символизирующие освобождение от традиционных иерархий, с другой – усиливались механизмы контроля, такие как полицейский надзор и регламентация городской жизни. Революционные преобразования в Париже, включая создание «объёмов свободы» (например, площади Революции она же площадь Людовика XV), демонстрируют диалектику между стремлением к визуальной и социальной открытости и необходимостью дисциплинирования городского пространства.

Таким образом, города XVIII века стали воплощением просветительских идеалов, где свобода и контроль существовали в постоянном противостоянии. Этот период заложил основы современного урбанизма, в котором вопросы баланса между индивидуальной автономией и коллективной регуляцией остаются актуальными. Архитектурные и социальные эксперименты эпохи Просвещения показывают, как философские концепции трансформировались в конкретные практики городского планирования, формируя новое понимание публичного пространства как арены взаимодействия разума, власти и свободы.

Библиографические ссылки

1. *Сеннет Р*. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016.

2. *Фюре Ф*. Постижение Французской Революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.

ДЕСТРУКТИВНАЯ И КРЕАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ УРБАНИЗАЦИИ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА

А. В. Барковская

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, barkovskaja2@gmail.com

В процессе развития цивилизаций создаются предпосылки для бурного роста городов, формирования городской культуры, социальных институтов, экономических возможностей и разнообразия профессиональной деятельности и т. д. Все это выглядит привлекательно в глазах жителей сельской местности, которые включаются в миграционные процессы и заселяют города. Особое ускорение урбанизации придала индустриализация, с ее наукой, техникой, технологией, развитой промышленностью и ростом экономических показателей. Расширение городских территорий происходило за счет уменьшения естественной природы и увеличения искусственных ландшафтов. Урбанизация природы в полной мере отразила амбивалентность действий людей, ибо она стала хорошим индикатором креативности и деструктивности принимаемых решений. Утрата гармонии человека с природой привела его к рурализации, т. к. город, предоставляя одни блага, забирает себе другие, что и стало причиной оттока многих жителей из городов.

Ключевые слова: человек; цивилизация; урбанизация; город; городская культура; природный ландшафт; эстетизированный универсум.

В данной постановке проблемы трудно быть первопроходцем, открывающем неизведанное поле и ее возможных решений, слишком давно она находится в фокусе внимания разных дисциплинарных дискурсов. Уже, начиная с 60-х годах XX в., оформляется первая русско–язычная теория урбанизации, акцентирующая внимание на тенденциях увеличения численности городских жителей в структуре населения страны, о роли городской культуры для развития общества и т. д. Урбанизацию исследуют в трех аспектах, как точечную урбанизацию (массовый отток населения из сельской местности и его концентрация в отдельных крупных городах); субурбанизацию (стремительные рост и развитие пригородной зоны, уплотнение населения в пригородах и появление мегаполисов) и гиперурбанизацию (резкое увеличение площади и людности городов с ярко выраженными негативными экологическими проявлениями [1, с. 182–183].

Тем не менее, интерес к ней не ослабевает, остроту эта тема приобретает и по причине экспансивного поведения города, расширяющего свое искусственное пространство за счет сужения ареала естественного, природного. Сегодня общепризнанно, что увеличение городских территорий негативно сказывается на качестве природной среды и биоразнообразии в целом. Любые технологические инновации

увеличивают диктатуру человека над природой и тем самым делают жизнь людей комфортнее. В тоже время, именно их могущество, признанное в качестве главной ценности современной цивилизации, нарушает законы функционирования природы, подрывает ее рекреационные силы, разрушает естественную среду обитания всего живого и ставит под вопрос саму возможность ее физического выживания. И поэтому нельзя не признать правоту К. Лоренца, для которого опустошение естественного жизненного пространства не только разрушает внешнюю природную среду, в которой мы живем, но убивает и в самом человеке всякое благоговение перед красотой и величием открытого ему творения.

Город как воплощение созидательной воли людей одновременно воспринимается и как неизбежная деструктивная сила, т. к. расширение городского пространства невозможно без негативных последствий для естественной природы. В эпоху античности поэты специально создавали для горожан, так называемую «пастушескую поэзию», пытаясь привлечь их внимание к преимуществам деревенской жизни на лоне природы, рассказывая о красивых деревьях, душистых цветах и травах, о звонких цикадах, об умиротворенной тишине. В сельской поэзии именно природный мир, в отличие от городского, наполняет жизнь людей смыслом и обеспечивает им душевный комфорт, а блага цивилизации с ее городами уже не кажутся столь привлекательными и желанными. Символами городской жизни признан эстетизм, ирония и скептицизм [см.: 2]. В то же время, город формирует «интеллигентную элиту», которая может творить сама и быть экспертом в оценке плодов чужого творчества, обеспечивает развитие образования и различных отраслей ремесел и т. д. В частности, Фукидид обосновывал интеллектуальный статус Афин тем, что его жители «сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить свои планы», их «энергия духа» вызвала у них неуемную любознательность, вечную готовность удивляться, свежесть восприятия, интерес и вкус к деталям, быстроту ума, любовь к жизни, к физическому существованию, к собственному телу, сильному и прекрасному, и в то же время – серьезность в отношении к себе и окружающему, величавое спокойствие духа и другие возвышенные черты характера [3, с. 240].

Все это создавало предпосылки к обособлению человека от природной зависимости и интенсификации его активности, опосредованной орудием труда. Природный мир – это уже не только жизненное пространство, но и строительный материал, и место для строительства, и объект трудовой деятельности, и т. п. Тем самым человек постепенно стал преодолевать сопротивление природы: орудия труда – от каменных до железных – расширяли его возможности в

использовании вещества природы. Правда, примитивная техника не могла еще играть роль буфера между людьми и динамикой природных процессов – засухой, наводнением и т. д., соответственно, любой их вызов всегда проходил на грани жизни и смерти. Основным капиталом в хозяйственной деятельности людей, в первую очередь, была земля и в силу этого технический прогресс пока носил эпизодический характер. Оценивая меру ущерба природе, нельзя не признать, что ее доиндустриальные темпы и объемы не сопоставимы с современными, однако их внутренний потенциал сыграл свою роль. В этой связи не следует недооценивать доиндустриальную деятельность людей, определяя ее как примитивную, ибо «когда ожидание первого урожая увенчалось успехом, это вызвало целый переворот в мышлении: человек увидел, что он по своему усмотрению и по своей воле может воздействовать на природу, вместо того чтобы ждать от нее милости» [4, с. 201].

Истоки инструментального отношения к природе имеют древнегреческое происхождение, поскольку западный рационалистический стиль мышления диалектически синтезировал в себе созерцательные интенции и технологическую направленность на преобразование природных объектов, где креативная и деструктивная силы человека являют собой две стороны одной медали. Правда, античный принцип гармонии микро– и макрокосма сдерживал инструментальный пафос людей, христианские установки этому способствовали: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют..., но собирайте себе сокровища на небе...» (Мф. 6: 19–20) и ренессансный культ природы устанавливал границы превышения всякой разумной меры господства над ней, что отражено в элегии «Гастинскому лесорубу» П. Ронсара. Здесь гастинский лес еще не тронут цивилизацией, поэтому он символизирует собой свободу и независимость людей от ее плодов: «Кто первым занесет неправедный топор / Над рощами, что здесь шумели с давних пор, … /... пускай войны дракон / Жестоко истребит нарушивших закон!» [5, с. 369].

Тем не менее, пассивное смирение человека уступает место его творческой активности, утверждающей ценность индивидуального бытия: достоинство личности, ее свободу и различные вариации творческого духа. Естественное и искусственное имело принципиальное значение в культивировании человеческой индивидуальности, ибо все способности человека предварительно заложены в его личностной природе. Тем самым ренессансные гуманисты развивают концепцию, согласно которой природа является предпосылкой индивидуальности человека, культура же восполняет недостаточность природного с помощью усилий самого человека. Несмотря на значимость

«плодоносящей природы», ценили как раз искусственность – рукотворность, обдуманность, мастерство и образ мастера венчает развертывание природного начала, именно он признан тем центром, в котором аккумулирован идеал созидательно-творческой сущности человека. Искусство этой эпохи с пиететом относится к первозданной естественной красоте, которая воплощается и в рукотворных произведениях, таких как террасные сады, дворцовые парки и т. п. Картина художника является аналогом чувственно-воспринимаемой природы, а визуальный образ отождествляется с реальным природным объектом.

И если ранее стремились к гармонии микро и макрокосма, то в эпоху антропоцентризма, усиленного математическим естествознанием, появляются новые ориентиры: построить «в человеческом понимании истинный образ мира», т. к. «знание – это сила» (Ф. Бэкон), стать «господами и владетелями природы» (Р. Декарт») или в другие времена просто «изменить мир», поскольку «он дан, но не создан мной» (К. Маркс) и т. д. После умозрительных и всеобъемлющих конструкций устройства мира, появился вкус к познанию реальных вещей, что активировало научный и творческий потенциал новоевропейского человека. Осознание ценности гносеологических проектов, ориентированных на раскрытие внутренних и внешних связей природных объектов, увеличивало креативные возможности человека: он не только удовлетворял собственное любопытство, но и открывал множество «окон в мир», изменял стиль мышления, задавал правила поведения в окружающем мире, ведь те взаимоотношения природы и человека, которые были вчера, совсем не будут похожи на те, которые возникнут завтра (Н. Моисеев). Правота этой мысли несомненна, поскольку для фундаментальной науки в первую очередь важны истина и инновации, которые задают программу человеческой деятельности, от целевых установок которой зависит характер отношений человека к миру природы. Деструктивный характер если и не программируется, то в латентном состоянии он пребывает и вполне может проявится, если в системе ценностей станут доминировать только прагматические цели и экономические приоритеты. Но Б. Паскаль полагал, что вначале «пусть человек подумает, что он есть рядом с сущим, пусть взглянет на себя в растерянности и пусть из этой маленькой норки, где он обитает, – я имею в виду вселенную, – он научится назначать истинную цену земле, царствам, городам, домам и самому себе» [6, с. 132].

Техногенная цивилизация с последующей промышленной революцией осуществляет переход от мускульной энергии человека к крупному машинному производству, а рационально организованная деятельность человека активно воздействует на природу, что приводит к

увеличению темпов социальных изменений за счет перестройки прежних способов жизни людей и создает условия для формирования новых возможностей и др. Установка на индустриализацию способствовала развитию экстенсивной формы природопользования, традиции «управления природой» и расширению искусственной среды обитания людей. Т. Адорно и М. Хоркхаймер писали, что поскольку наука и разум ориентированы на господство над природой, постольку они имманентно связаны с господством как таковым. Интересно, что в эпоху романтизма и призыва Руссо «назад к природе», дикая природа в глазах корыстолюбивых пуритан не имела никакой практической ценности.

Развивающееся на основе научно-технических достижений общество изменило не только свой социальный облик, но и структуру городов, делая их все более привлекательными в глазах «некультурных» селян. Интенсивное развитие промышленного сектора, с одной стороны, обеспечивает экономический рост, как следствие – изменяет требования к качеству образования, социальной сфере и т. д., что автоматически повышает уровень жизни городского населения и тем самым оценивается им положительно. С другой, – за благополучие нужно платить, но плату вносит окружающий мир, именно он испытывает загрязнение своей среды, нерациональное использование земли и воды, как и других своих ресурсов, вплоть до уничтожения естественных островков, случайно оказавшихся на пути градостроительства. В ответ австрийский художник XX в. Фр. Хундертвассер предлагал высаживать деревья на балконах домов горожан, а за вторжение в их личное пространство, они смогут платить кислородом. Разведение садов на крышах австрийских домов – это не только реакция на бурную урбанизацию, убивающую природу, но и желание показать негативную сторону городских приоритетов. Городские фермеры XXI в. готовы на таких же крышах разводить огороды и хозяйства, поскольку из-за уменьшения сельского населения городам придется самим себе производить еду. Положительный контекст состоит в том, что благодаря новым технологиям минимизируется потребление воды, почв и удобрений и люди в меньшей степени будут зависеть от капризов погоды.

Модернизация и урбанизация в немалой степени формируют эгоистического человека, стремящегося к достижению собственных целей. Практически до 60–70-х гг. XX в. функционировала концептуальная модель «фронтальной экономики» (К. Боудинг), согласно которой природа – это не только неограниченный источник ресурсов, но и эксплуатируемый объект, необходимый для реализации идеологии прогресса. Она предстает в статусе мастерской, а не сада или храма. Природа покорена и сегодня город уже вынужден ее

воспроизводить. Однако природный мир не терпит насилия над собой, он защищается, порождая природные аномалии, не способствующие продуктивному развитию своих форм. По определению М. Твена, цивилизация – это общество, формирующее потребности, в которых нет потребности, тем самым люди ввергаются в ситуацию абсурда.

Лик индустриализации определяют капитал, деньги и власть, а город – это место их максимальной концентрации и ценится то, что экономически выгодно и востребовано. Несомненно, что любой крупный город изменяет природную среду, ее атмосферу, растительность, почву, рельеф, гидрографическую сеть, подземные воды, грунт и даже климат. Промышленные предприятия в черте города наносят огромный ущерб его флоре и фауне, большое количество транспорта негативно влияет на растительность вдоль дорог, во дворах и парках, что приводит к ее болезням и порой гибели, плохая утилизация бытовых отходов и поведение граждан, оставляющих мусор на аллеях, в лесных зонах, не способствуют не только устойчивому развитию всего природного, но и самих городов. Современный человек амбивалентен: он устремляется в город, как гаранта комфорта, разнообразия рынков труда и образовательных структур, и в тоже самое время перемещается за городскую кольцевую, где его повседневная жизнь должна быть максимально приближена к естественной природе, т. е. начинается рурализация против урбанизации.

Урбанизация приводит к тому, что природная среда обитания людей трансформируется в неоприродную, и город воспринимается как эстетизированный универсум человеческой жизни, в котором парковые ландшафты замещают естественные. Городской житель, воспринимает природный ландшафт, скорее, в качестве красивого пейзажа, эстетического объекта, источника кислорода и т. д. Уже не природный, а опредмеченный мир, состоящий из знаков и артефактов, в первую очередь определяет существование современного человека. Неслучайно, в лексикон экологической науки введено адекватное ситуации выражение «урбанизация природы», указывающее на преобразование естественных ландшафтов в искусственные под влиянием городской застройки. Остается надеяться, что цифровая цивилизация позволит достичь устойчивого развития городов в условиях непрекращающейся урбанизации и гармонизировать креативное и деструктивное поведение человека.

Библиографические ссылки

1. *Кабалина М. С.* Урбанизация и ее влияние на биосферу. URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/40870/1/978-5-9907908-1-0_2022_042.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

2. Александрийская поэзия / сост. и предисл. М. Грабарь-Пассек. М.: Художественная литература, 1972.

3. *Фукидид*. История // Историки античности: в 2-х т.. М.: Правда, 1989. Т. 1. Древняя Греция. С. 205–404.

4. *Фромм Э*. Анатомия человеческой деструктивности. М: АСТ, 2015.

5. *Ронсар П*. Избранная поэзия. М.: Художественная литература, 1985.

6. *Паскаль Б*. Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995.

БАЙКАЛ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ РЕСУРС ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А. В. Блинникова

Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия, Annoy@list.ru

В статье рассматривается специфика репрезентации Иркутска через призму его культурного кода, связанного с озером Байкал. Анализируется, каким образом Байкал формирует идейную, символическую и пространственную структуру города, выступая смыслообразующим и идентификационным ресурсом для местного сообщества. Раскрываются историко-культурные предпосылки формирования «байкальской» городской идентичности, способы визуализации ценностей и традиций в архитектурной и событийной среде. Особое внимание уделяется практикам событийного, экологического и этнокультурного туризма, которые становятся важнейшими инструментами сохранения нематериального наследия и формирования инклюзивного городского пространства. Обсуждаются современные вызовы, такие как экологические угрозы, коммерциализация и риск утраты аутентичности, а также предлагаются стратегии устойчивого развития городской среды на основе интеграции природных и культурных компонентов.

Ключевые слова: культурный код; городская идентичность; социокультурное пространство; архитектурная среда; этнокультурный туризм; экологические вызовы; аутентичность; устойчивое развитие; Иркутск; Байкал.

В современной научной дискуссии урбанистики и социологии города всё более актуальным становится вопрос о репрезентации культурного кода территории и его визуализации в структуре городского пространства. Например, Иркутск, как исторический, административный и культурный центр Восточной Сибири, занимает особое место на ментальной карте России, а его культурный код в значительной степени детерминируется уникальным природным и социокультурным феноменом – озером Байкал. Байкал выступает не только географическим ориентиром, но также становится ключевым элементом городской и региональной идентичности, смысловым ядром пространственного и символического устройства Иркутска [1].

Становление Иркутска тесно связано с ролью Байкала как транзитного, коммуникативного и сакрального пространства, поскольку уже с момента основания города в XVII веке город функционирует как важная точка пересечения торговых, научных и культурных маршрутов, связывающих европейскую часть России с Дальним Востоком, Монголией и Китаем. Байкал изначально воспринимался не только как объект природного восхищения, но и как ресурс экономического развития, место освоения новых территорий, источник рыбы, воды и сырья.

Культурологические исследования указывают, что Байкал стал мифологемой и символом сакрального пространства, в народных и городских нарративах Иркутск репрезентируется в парадигме «города на Байкале», где сама близость к озеру воспринимается как уникальное преимущество и миссия – быть «столицей» Байкальского региона. Так, архитектурные и символические доминанты города (например, памятники первооткрывателям Сибири, декабристам, художественные муралы и инсталляции) апеллируют именно к этому смыслу сопричастности Байкалу. Современное городское пространство Иркутска во многом структурируется через визуальный и семантический потенциал байкальской темы. Анализ городской среды, проведенный с применением методов пространственного семиотического анализа, позволяет выделить несколько уровней репрезентации:

1. архитектурный уровень – оформление общественных пространств, фасадов зданий, парков, реконструкции набережных предполагает регулярное включение байкальской символики (образы волн, ледяных узоров, рыб, нерпы), что формирует узнаваемый ландшафт и усиливает символическую связь города с озером;

2. арт-урбанизм и креативные пространства – развитие городской среды сопровождается созданием временных и постоянных арт-объектов и инсталляций, посвящённых Байкалу и осмысленных как трансляторы локальной идентичности. Фестивали современного искусства, проекты уличных художников, их тематические выставки не только привлекают внимание туристов, но и способствуют обновлению коллективной памяти горожан;

3. институциональный уровень – деятельность музеев, культурных центров, библиотек, театров (например, Байкальский музей, Дом ремёсел, Иркутская областная филармония) формируют информационное поле вокруг Байкала, задают просветительскую и эколого-культурную парадигму развития города;

4. событийный и коммуникационный уровень – актуальные практики событийного туризма, массовые городские мероприятия («Байкальская рыбалка», фестиваль «Живи на Байкале», всероссийские спортивные турниры на льду), а также диалоговые площадки (экофестивали, дискуссии и круглые столы по проблемам Байкала) реализуют стратегию социальной интеграции и включённости горожан и гостей города в повестку сохранения и осмысления байкальского наследия.

Байкал для жителей Иркутска – не только рекреационный или туристический ресурс, но важнейший маркер коллективной идентичности. Более 80 % иркутян считают озеро ключевой характеристикой региона и важнейшей составляющей городского образа

жизни. Формируется особая «байкальская» субъектность, включающая экологическую ответственность, уважение к природному ландшафту, готовность участвовать в волонтёрских и социальных инициативах. Поколенческие различия проявляются в способах освоения байкальской тематики: если для старшего поколения преимущественно важна традиция и патерналистское понимание Байкала как «старшего брата», то молодёжь осваивает новые форматы коммуникации с озером – блогинг, экотуризм, арт-фотографии и социальные креативные практики [2].

Стремительный рост туризма на Байкале и вокруг него генерирует вызовы устойчивости: увеличивается нагрузка на природные экосистемы, обостряются проблемы утилизации отходов, возрастает риск утраты аутентичного культурного кода под давлением массового туризма. В социологии туризма Байкал выступает примером «туристического пространства риска», где баланс между доходностью и устойчивым развитием должен постоянно пересматриваться.

Свидетельством этого служит трансформация символических объектов города: часть ремесленной продукции, искусство и сувенирика теряют изначальную насыщенность смыслами, превращаясь в массовый коммерческий продукт. Аналитики отмечают возникновение «маркетинговых симулякров» Байкала, когда подлинная экзистенция озера заменяется декоративными повторениями и тиражированиям его образа [3].

Перед Иркутском стоит задача сформировать устойчивую модель городской идентичности, где Байкал выступает не только внешним брендом, но источником глубоких смыслов и практик. Среди перспективных направлений развития эксперты выделяют:

– развитие интеграционных урбанистических проектов, направленных на экологизацию городских пространств и расширение доступности символических локаций, связанных с Байкалом;

– поддержку локальных сообществ и инициатив, направленных на сохранение нематериального культурного наследия, передачу экологических и культурных норм молодому поколению;

– формирование системы культурного туризма, подчеркивающей уникальность аутентичных традиций, локальных ремёсел и современного искусства, связанных с байкальской тематикой;

– активную инклюзию образовательных и просветительских форматов в городскую жизнь (экологические школы, летние университеты, урбанистические лаборатории).

Заключение

Проблематика культурного кода Иркутска не исчерпывается его физическим положением на карте России – это сложный, многослойный

феномен, где природное и социальное, материальное и символическое входят в резонанс. Байкал, обладающий сакральной, эстетической и экономической значимостью, цементирует уникальную идентичность города и выступает пространством формирования новых сообществ, практик и смыслов. Только баланс между рациональным освоением, бережным отношением к природному наследию и культурной рефлексией способен обеспечить устойчивость развития Иркутска как центра Байкальского региона.

Библиографические ссылки

1. *Блинникова А. В*. Межрегиональный анализ туристских продуктов Иркутской области и Республики Бурятия: адаптация к изменяющейся социальной реальности // Миссия конфессий. 2024. Т. 13. № 8 (81). С. 184–193.

2. *Блинникова А. В., Большедворская М. В., Фальковская Т. Ю*. Экономика впечатлений и зимний креативный туризм на Байкале: постковидная перезагрузка // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 371–378.

3. *Фальковская Т. Ю., Блинникова А. В*. Культурный ландшафт сибирских регионов: объекты, субъекты, инструменты развития. Иркутск: [б. и.], 2024. ISBN 978-5-00202-595-4.

ФЕНОМЕН «ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА» В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Е. Д. Бородина

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Минск, Беларусь, elenaborodina672@gmail.com
Научный руководитель – С. А. Заруцкий, кандидат географических наук, доцент

В статье рассматриваются подходы к определению феномена, «исторический город». Были приведена классификация исторических городов в Беларуси, рассмотрены отличительные черты исторических городов в планировке, деятельности, социальной структуре. На основе SWOT-анализа выделены перспективные направления развития исторических городов в Беларуси.

Ключевые слова: исторический город; исторический ландшафт; историко-культурное наследие.

В настоящее время исторические города занимают важное место в системе культуры и туризма. Данный вид городов не популяризирован в той степени, в которой это необходимо. Нужно расширять туристических потенциал данных мест, сохранять культурные ландшафты, беречь историко-культурное наследие и модернизировать совсем устаревшую инфраструктуру. Исторические города имеют уникальные черты, которые необходимо развивать, передавая будущим поколениям идентичность таких поселений.

Для описания феномена «исторический город» встречается множество определений данного понятия. Однако следует отметить, что единой трактовки в научной литературе не наблюдается. Ученые из разных областей наук выделяли свои подходы к выделению исторического города.

По мнению О. Г. Дранкевич, исторический город – это феномен материальной культуры, прошедший длительную историческую эволюцию и визуально сохранивший в своей структуре и облике следы преемственности этого развития – подлинные памятники истории и культуры [1]. Известный российский специалист по изучению культурного наследия П. М. Шульгин считает, что исторический город представляет собой территорию, в которой важна сохранность памятников архитектуры, истории и культуры, исторической планировки, археологического культурного слоя и естественного природно-культурного ландшафта [2].

Неоднозначна трактовка понятия «исторический город» в общественной географии. Так Э. Л. Файбусович трактует понятие «исторический город» как город с длительным «стажем», сыгравший выдающуюся роль в военной, экономической, политической истории страны, ставший символом своей эпохи; город, заключающий в пределах своей территории старинные укрепления, постройки. Ю. А. Веденин считает, что исторической город как особое пространственное образование обладает природными и историко-культурными сооружениями исключительной культурной ценности и важности [3].

Изучив подходы многих ученых к определению понятия «исторический город», сложилось собственное представление о данном феномене. С точки зрения автора, исторический город – это населенный пункт, который возник в более ранние периоды и отличается сохранившимся историко-культурным ландшафтом, а также своей уникальной историей развития и сложившимися традициями.

Исторические города обладают своими отличительными чертами. Какие-то из них являются общими для всех городов, а некоторые характерны только для отдельных исторических городских поселений. Были выделено наличие следующих отличительных черт, характеризующие «возраст» городов:

– исторические центры, улицы и площади, связанные с важными историческими событиями в жизни народа;

– остатки древней планировки и застройки городов;

– сооружения исторических объектов гражданской и промышленной архитектуры, уникальные рукотворные природные ландшафты;

– древность происхождения;

– связь со значимыми для страны событиями былых лет;

– сохранность давних промыслов и технологий;

– наличие памятников истории, архитектуры, природы и музейных комплексов (все это в совокупности является носителем культурной информации).

Определяющей чертой выделения исторического города служит наличие исторического ландшафта – внутригородской территории с совокупностью памятников историко-культурного наследия, которая сохранила свой исторический облик и особую специфику функционирования.

Для исторических городов характерно сохранение таких элементов, как исторические кварталы, площади, улицы. Исторические площади – это архитектурно оформленные открытые пространства в городах, имеющие большое значение для истории и культуры, которые используются для проведения торжественных мероприятий, собраний и общественной жизни. Исторические кварталы – исторически и

планировочно обусловленная часть территории города, на которой сосредоточены общественные здания и сооружения общего назначения. Как правило, это старейшая часть города, которая отображает его развитие и свидетельствует о его культурном, архитектурном, социальном и политическом прошлом. Если современный центр города является центральным в функциональном смысле, то исторический центр занимает это место согласно территориальной концепции. Исторические улицы – это улицы, сохранившие архитектурный облик, планировку или название, которые отражают прошлое города, поселения или региона. Они могут быть названы в честь известных личностей, исторических событий, быть связаны с определёнными этапами развития города или просто хранить атмосферу прошлых столетий.

Исторические кварталы в зарубежных странах часто являются важными культурными и туристическими центрами, сохранившими архитектурные стили и атмосферу прошлых эпох. Примерами являются: Латинский квартал в Париже, известный своими узкими улочками, историческими университетами (включая Сорбонну) и атмосферой богемной жизни; Готический квартал в Барселоне – старинная часть города с узкими улочками, средневековыми зданиями и множеством исторических памятников, включая кафедральный собор Святого Креста и Святой Евлалии.

В Республике Беларусь к категории «исторический город» можно отнести 52 городских поселения. В Брестской области – одиннадцать городских поселений (крупные города, более 100 тыс. чел.) – Брест, Пинск; средние города (20–100 тыс. чел.) – Кобрин; малые города (менее 20 тыс. чел.) – Высокое, Давыд-Городок, Городище, Каменец, Косово, Ляховичи, Пружаны, Ружаны). В Витебской области – девять городских поселений (крупные города – Витебск; средние города – Полоцк, Орша; малые города, – Браслав, Глубокое, Дисна, Копысь, Поставы, Толочин). В Гомельской области – сеть городских поселений (крупные города – Гомель, Мозырь; средние города – Рогачев; малые города – Брагин, Туров, Речица, Чечерск). В Гродненской области – девять городских поселений (крупные города – Гродно, Лида; средние города – Волковыск, Новогрудок, Слоним, Сморгонь; малые города – Свислочь, Мир, Ошмяны). В Минской области – десять городских поселений (крупные города – Минск, Борисов; средние города – Вилейка, Слуцк; малые города – Дзержинск, Заславль, Клецк, Копыль, Мядель, Несвиж). В Могилевской области – семь городских поселений (крупные города – Могилев, Бобруйск; средние города – Кричев; малые города – Глуск, Мстиславль, Славгород, Шклов).

Все вышеперечисленные города имеют длительную историю развития, сохранность отдельных исторических элементов застройки и

объектов историко-культурного наследия [4]. К примеру, ярко выраженные исторические кварталы сохранились в таких городах, как Минск, Гродно, Брест, Могилев, Полоцк, Витебск. Исторические улицы, площади, историко-архитектурные комплексы – в городах Несвиж, Пинск, Ружаны, Мир, Кобрин, Новогрудок, Браслав, Мозырь, Туров, Дзержинск. Отдельные исторические объекты – в городах Пружаны, Борисов, Коссово, Орша, Гомель, Лида, Борисов, Слуцк, Каменец, Мстиславль, Глубокое, Давыд-Городок.

Исторические города – это особый тип населенных пунктов, среди основных критериев их выделения наряду с наличием объектов историко-культурного наследия является роль в истории. Исключительная роль исторических населенных пунктов связана с их миссией по сохранению исторической памяти. При выявлении исторических городов Беларуси была использована оригинальная методика, основанная на частоте упоминания населенных пунктов в школьных учебниках по истории Республики Беларусь. «Историчность» белорусских населенных пунктов в значительной степени зависела от административных функций. Первые девять позиций в итоговом рейтинге занимают города, выполнявшие в прошлом государственные или региональные «столичные» функции.

Небольшие исторические «культурные гнезда» меньше всего испытывают потребность в промышленном освоении. В качестве одного из направлений их развития выступает туристификация. При имеющихся значимых рекреационных ресурсах и выгодном транспортно-географическом положении относительно центров формирования устойчивых туристских потоков, туризм может стать градообразующим видом деятельности. Однако, часто этому препятствуют слабое развитие социальной инфраструктуры, включая туристскую, труднодоступность места и менталитет местных жителей, не готовых к приему в своем населенном пункте туристов.

Значительный рост населения в городах XVIII в. повлек и увеличение внутригородской торговли, что не могло не отразиться на планировочной структуре города. Архитектурно-пространственная организация городского ансамбля развивалась вокруг общественного и административного центра. Отношение этого центра с торговыми зонами носило различный характер: в одних городах городской торг проектировался в зоне административно-общественного центра; в других он составлял планировочный узел; иногда в структуру плана города включалось несколько торговых площадей, которые, как правило, располагались вдоль одной из магистралей или же, образовывали локальные композиционные центры. К этому времени в архитектуре торговых зон сложились и получили распространение несколько типов

торговых зданий, различных по своей планировочной и объемной структуре: торговый двор, торговый ряд, жилой дом с торговыми лавками на первом этаже и товарные склады.

Вообще в планировках XVIII в. площадям, в том числе и торговым, отводилась немалая роль: они являлись своеобразными композиционными узлами, способствовали организации в городе системы так называемой визуальной ориентации, служили базой для создания главенствующих элементов в общей застройке архитектурных ансамблей. Подобные ансамбли редко, или почти никогда, не обходились без вертикальной доминанты – собора (на главных площадях города) или церкви (на малых, второстепенных площадях). Панорама города, благодаря этому, часто имела общие для всех уездных городов черты: была насыщенна многочисленными одно– или двухэтажными строениями, жилыми домами, административными и торговыми зданиями, деревянными и каменными, но неизменно с двух– или четырехскатными, с небольшим, но достаточным уклоном крышами, и с размеренно-возвышающимися от зрителя, главками церквей и соборов. Насыщенные декоративными элементами, детально проработанные силуэты церквей и простые крыши прочих зданий, благодаря которым прослеживается регулярность застройки, лишь изредка «украшенных» печными трубами и слуховыми окнами, придают определенный шарм таким панорамам, а своеобразие ландшафта делает каждый город неповторимым [5].

На основе проведенного SWOT-анализа по выявлению возможных направлений развития исторических городов и их популяризации были выделены следующие сильные стороны: исторические города имеют свою идентичность, туристскую привлекательность и высокий туристический потенциал; сохранение историко-культурного наследия предотвращает потерю ценности культурного ландшафта. К слабым сторонам можно отнести: миграцию молодежи в более молодые растущие города; устаревшую городскую инфраструктуру; преобладание населения посттрудоспособного возраста. К основным возможностям развития исторических городов можно отнести поддержку местных традиций и ремесел, что способствует продвижению туризма; сохранение и модернизация исторических ландшафтов и объектов, что может служить организации мероприятий для местных жителей и туристов; создание сайтов для популяризации истории родных мест; реконструкция поврежденных объектов и модернизация инфраструктуры. Угрозы, с которыми можно столкнуться: ограниченность экономической базы, недовольство со стороны жителей; наличие объектов инфраструктуры и градостроительства, которые не подлежат реставрации.

Таким образом, рассмотренный феномен представляет собой уникальное образование, сложившееся из древних традиций и ремесел, историко-культурного наследия, исторической памяти и отличительной архитектуры. Все в совокупности и формирует понятие «исторический город», который, привлекает своей идентичностью и своим прошлым множество людей. Поэтому сохранение и популяризация исторического города – это довольно актуальный вопрос, который требует особого внимания со стороны государства, градостроителей, географов и историков.

Библиографические ссылки

1. *Дранкевич О. Г.* Культурно-историческое наследие Беларуси в туристско-экскурсионном показе // Вести Института современных знаний. 2013. Вып. 1. С. 52–57.

2. *Шульгин П. М.* Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России. 2004. № 2. С. 115–133.

3. *Науменко В. Е., Султанов Р. С.* «Исторический город»: к определению понятия // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 4. С. 5–7.

4. Министерство культуры Республики Беларусь. URL: https://kultura.by/nasledie/rol-gosudarstva-v sokhranenii-istoriko-kulturnogo-naslediya-belarusi/ (дата обращения: 21.10.2025).

5. *Серегина М. С.* Особенности формирования общественных пространств исторических городов: традиции и новации // Вестник МИТУ-МАСИ. 2021. № 1. С. 8–15.

ГОРОДСКАЯ МИНИ-СКУЛЬПТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА И ДИВЕРСИФИКАЦИИ ТУРПРОДУКТОВ

А. А. Гаврилова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, 1132227383@pfur.ru
Научный руководитель – У. В. Мизеровская, кандидат экономических наук, доцент

Статья посвящена анализу опыта российских городов по созданию новых элементов городской айдентики в виде мини-скульптур городских символов. Определены и охарактеризованы особенности реализации подобных проектов с точки зрения финансирования и индивидуальных подходов к развитию первоначальной концепции. Более подробно рассмотрен опыт Калининграда и Калуги, чьи мини-символы наиболее востребованы и популярны в информационном пространстве за счет различных факторов их позиционирования. В заключение выявлены положительные эффекты, наблюдаемые в исследованных российских городах, и предложены перспективные направления дальнейшего развития существующих концептов мини-скульптур как одного из новых элементов туристического брендинга городов.

Ключевые слова: мини-скульптуры; айдентика; туристическая привлекательность; символы города.

Введение

В последние несколько лет в России наблюдается заметный рост спроса на внутренний туризм, причем особой популярностью пользуются самостоятельные туры, позволяющие не зависеть от временных рамок экскурсии и выбирать объекты просмотра, исходя из собственных предпочтений. По данным аналитических агентств за 2019–2024 гг. доля самостоятельных туристов, путешествующих по России, увеличилась на 11 %, составив 48 % от общего числа туристических поездок, в то время как количество желающих приобрести туры сократилось на 5 % [1]. Однако без сопровождения гида или местных жителей туристам бывает достаточно сложно сориентироваться в незнакомом городе и найти сведения о менее известных культурно значимых объектах, а также построить оптимальный маршрут до каждого из них. Кроме того, самостоятельные поездки наиболее приемлемы для путешествий с детьми, которые не всегда готовы к длительным экскурсиям и восприятию большого объема новой информации. В связи с чем одним из актуальных способов повышения привлекательности города становится развитие туристической навигации с одновременным созданием универсальных турпродуктов,

рассчитанных на различную целевую аудиторию. Городские власти также заинтересованы в формировании собственной идентичности города, способствующей привлечению туристов и его выделению на фоне конкурентов. При этом в контексте самостоятельного туризма традиционные составляющие туристического потенциала – история, архитектура, монументы и музеи – перестают играть ключевую роль, а наибольшую ценность приобретают уникальные арт-объекты, способные как улучшать эстетический облик города, так и выполнять роль функциональных элементов городской инфраструктуры.

На сегодняшний день одним из наиболее популярных направлений развития городской среды и повышения ее туристической привлекательности является создание малых архитектурных форм, в частности бронзовых мини-скульптур – символов города.

Опыт российских городов

Концепция создания и размещения мини-скульптур возникла из идеи установки обычных жанровых монументов, связанных с какими-либо значимыми образами в городе. Первым российским городом, где в 2016 г. появилась серия мини-скульптур, был Серпухов. Официальным символом города является павлин, тринадцать миниатюрных фигурок которого впоследствии были расположены на городских улицах. В то же время сама задумка мини-скульптуры появилась гораздо раньше и фактически была реализована в Санкт-Петербурге в виде знаменитого монумента Чижику-Пыжику. При этом размер памятника был обусловлен реальным размером птицы и нерациональностью его масштабирования.

В 2018–2021 гг. серии городских мини-скульптур были созданы в Рязани (Грибы с глазами) [2] и Калининграде (Хомлины). Оба проекта были предложены самими горожанами и носили экспериментальный характер, так как формат мини-фигурок позволял установить их практически в любом месте, без привязки к архитектуре. После успешной реализации опыт стал масштабироваться и с 2022 г. ещё в девяти городах появились городские жанровые мини-скульптуры, среди которых Калужские Космонавты, Костромские Зайцы, Светлогорские Светлоежики, Псковские Барсики и др [3]

Исходя из аналитики запросов в поисковых системах, арт-объекты сразу же становятся популярны в информационном пространстве и привлекают внимание как туристов, так и местных жителей. Максимальное количество запросов, связанных с мини-скульптурами, в поисковой системе Яндекс наблюдается в пик туристической активности в летние месяцы, но и общая востребованность мини-скульптур также растет, что выражается в увеличении обоих экстремумов показателя количества запросов соответствующей тематики. Например, в

Калининграде максимум поисковых запросов с августа 2020 г. до августа 2025 г. увеличился более чем в пять раз и составил 25,5 тыс., половина из которых приходились на Калининградскую область. В Пскове после появления мини-скульптур Барсиков в декабре 2023 г. количество запросов сразу же достигло 1 тыс., к августу 2025 г. показатель вырос в 1,5 раза, при этом заметно увеличилась доля запросов, осуществленных не с территории региона.

Интересно, что в ряде городов администрация не принимает участия в финансировании данных проектов, и создание объектов полностью обеспечиваются за счет средств частных инвесторов и заинтересованных сторон [4]. Подобная инициатива активно реализуется в Калуге, где в 2025 г. была установлена ещё одна фигурка космонавта, созданная по заказу клининговой компании города. Мазайские Зайцы в Костроме также были профинансированы местным предпринимателем и автором проекта Вячеславом Тимофеевым. Таким образом, установка бронзовых фигурок все чаще становится «народной» инициативой, но приносит немалую финансовую выгоду городу как в части сувенирной продукции, так и благодаря увеличению туристической привлекательности территории.

Кроме разработки уникального образа символа и тематической направленности арт-объектов, каждый город выбирает свой концепт интеграции фигурок в городскую среду.

Кейс Калининграда

Кейс с калининградскими Хомлинами интересен тем, что, будучи одним из первых реализованных проектов с мини-скульптурами, авторами было принято решение остановиться на изначально утвержденных семь бронзовых фигурках. Проект был предложен дизайнер-декоратором Наталией Шевченко и её супругом Сергеем, проживающими в Калининграде. При этом первые образы Хомлинов появились случайно во время разговора девушки по телефону, и первоначально должны были стать персонажами компьютерной игры. Воплотить фигурки в жизнь предложил знакомый Наталии Шевченко скульптор Андрей Следков, в результате чего в городе появилась семья Хомлинов. В Калининграде, в отличие от остальных городов, сделан акцент на дальнейшем развитии концепта за счет мифологизации и выпуска историй о существующих персонажах и местах Калининграда, связанных с Хомлинами (например, в кафе «Хомлины» можно попробовать кашу бабушки Марты) [5]. При этом на этапе разработки проекта было решено устанавливать фигурки в наиболее людных местах и вблизи достопримечательностей (на перилах Медового моста на острове Канта, вблизи Зоопарка и Музея Янтаря и т. п.) для обеспечения сохранности скульптур. Сегодня все Хомлины объединены в единый

туристический маршрут, проходящей по историческому центру города. Кроме того, идея с Хомлинами коммерционализируется через сувенирную продукцию, а инициаторы проекта открыли собственную лавку-кафе «Мастерская Хомлинов», привлекающую значительное количество посетителей своим аутентичным дизайном.

Кейс Калуги

Другой подход к развитию концепции мини-скульптур демонстрирует кейс Калуги. На данный момент в городе располагаются более 30 мини-космонавтов, и их количество постоянно увеличивается. Каждый желающий «инвестировать» в развитие городской среды и оставить свой след в истории Калуги имеет возможность заказать «свою» фигурку, при условии согласования образа и места установки с городскими административными службами. Самый первый Космонавтик был установлен около Калужского областного драматического театра по инициативе его директора Александра Кривовичева в 2023 г. Отличительной чертой калужских космонавтов является разнообразие и отсутствие единой тематической направленности: одни арт-объекты связаны с профессиями (Космонавтик-офтальмонавтик, Космонавтик-строитель Петя, Космонавтик-урбанист и др.), другие – с социальной ответственностью горожан (Космонавтик с листочком, Космонавтик Надя), третьи – с важными историческими датами для Калуги (Космонавтик Тая). При этом фигурки устанавливаются в произвольных местах и без привязки к другим туристическим объектам. Эффект от реализации проекта определенно повлиял на туристический поток в масштабах всего региона: согласно данным Росстата, количество туристов в Калужской области за год увеличилось более чем на 30 % и превысило 1 млн чел. В 2024 г. в виду большого числа мини-скульптур туристическими порталами и турагенствами города предлагаются тематические квест-экскурсии по поиску фигурок, такие как «В поисках десяти космонавтиков», «Секреты калужских космонавтиков», детская экскурсия «Космический квест» и др.

Таким образом, несмотря на схожую идею создания серии мини-скульптур в каждом городе по-своему интерпретируется концепция подобного брендинга территории и реализуются различные варианты дальнейшего развития, что делает опыт городов уникальным, несмотря на единство первоначального концепта.

Выводы

Как видно из изученных кейсов, первоначально идея создания мини-скульптур была основана на стремлении совместить типичный образ горожанина, представителя конкретного слоя общества и профессии, с символом города. Однако впоследствии подобные арт-объекты стали

реальным инструментом развития отрасли и формирования брендинга территории.

Исходя из имеющегося опыта российских городов можно выделить ряд преимуществ от реализации таких проектов:

1) геймификация отрасли и трансформация турмаршрута в квест позволяет создавать турпродукт, рассчитанный на широкую аудиторию;

2) рост туристической привлекательности города способствует увеличению турпотока, а концепция с мини-скульптурами впоследствии приобретает коммерческий характер;

3) привлечение горожан к развитию городского пространства создает возможности для самореализации представителей творческих слоёв населения и повышения качества городской среды при минимальных расходах городского бюджета;

4) создание турпродукта интересного и понятного детям в городах, позиционирующих себя как исторические центры способствует развитию массового туризма;

5) размещение фигурок вблизи достопримечательностей обеспечивает популяризацию малоизвестных объектов в городе;

6) совмещение просветительской и эстетической функций позволяет минимизировать затраты туристов на поиск достоверной информации.

При этом, как показывает практика, концепция создания мини-скульптур имеет большой потенциал для развития, в связи с чем можно выделить перспективные направления разработки будущих проектов:

1) применение мини-скульптур для обеспечения туристической навигации через создание серии самостоятельных тематических маршрутов (исторических, гастрономических и др.) в городах, где представлены мини-скульптуры с несколькими различными тематиками;

2) при наличии оптимального количества мини-скульптур в городе возможна реализация идеи квеста с поощрительными призами;

3) постепенное размещение или создание тематических мини-скульптур в честь значимых дат позволит увеличить лояльность туристов и обеспечит неоднократное посещение города;

4) олицетворение символа города в виде мини-скульптуры даёт возможность для коммерциализации идеи в ряде сфер, связанных с туризмом предприятиями общественного питания и размещения за счёт создания дополнительных атрибутов, связанных с символом (историй, мифов, блюд, дизайна и оформления номеров);

5) привлечение организаций и частных лиц туристической сферы к непосредственному развитию отрасли и установке мини-скульптур для создания дополнительных стимулов к посещению конкретных достопримечательностей.

Заключение

Создание миниатюрных скульптур в городах не следует рассматривать как простое копирование одной концепции. Мини-фигурки становятся дополнительными арт-объектами города и достаточно часто основаны на образах, содержащихся в его официальной айдентике. Реализация подобных проектов имеет большое количество положительных эффектов, в частности способствует усилению сплоченности городских сообществ, развитию городской идентичности и росту туристической привлекательности территории. Кроме того, как показывает опыт Калининграда, установку городских мини-скульптур можно считать одним из этапов масштабного проекта по непосредственной интеграции символов в городскую среду, имеющего ряд перспективных направлений дальнейшего развития, что позволяет говорить о мини-скульптурах как об одном из новых проявлений брендинга городов.

Библиографические ссылки

1. Доля путешествующих самостоятельно россиян за 5 лет выросла на 11 % // Сетевое издание «Интерфакс-Россия», 28 июня 2024. URL: https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/dolya-puteshestvuyushchih-samostoyatelno-rossiyan-za-5-let-vyrosla-na-11 (дата обращения: 30.10.2025).
2. *Клейман К.* Пионер, профессор и рыбачок. Летом в Рязани появятся новые мини-скульптуры «грибов с глазами» // Интернет-портал «Рзн.инфо», 25 мая 2022. URL: https://m.rzn.info/articles/pioner-professor-i-rybachok-letom-v-ryazani-poyavyatsya-novye-mini-skulptury-gribov-s-glazami-59381.html (дата обращения: 29.10.2025).
3. *Шиханов А.* Мал, да удал: где в Центральной России искать мини-скульптуры // Интернет-портал «Российской газеты», 03 сентября 2025. URL: https://rg.ru/2025/07/03/reg-cfo/mal-da-udal-gde-v-centralnoj-rossii-iskat-mini-skulptury.html?ysclid=mhd6uk32ld12552030 (дата обращения: 29.10.2025).
4. Космонавтики ищут спонсоров для побега из колыбели // Интернет-портал «Калугахаус», 18 мая 2023. URL: https://media.kalugahouse.ru/s/kosmonavtiki/ (дата обращения: 28.10.2025).
5. *Мельникова В.* Зачем по Калининграду разбросали хомлинов и как они стали достопримечательностью // Metro Moscow, 16 сентября 2025. URL: https://www.gazetametro.ru/articles/zachem-po-kaliningradu-razbrosali-homlinov-i-kak-oni-stali-dostoprimechatelnostju-16-09-2025?ysclid=mhc0a6bqlx738481727 (дата обращения: 29.10.2025).

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЧЕРЕЗ ДИЗАЙН ГОРОДА В ВИДЕОИГРАХ

Е. И. Жешко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, yahor.zheshka@gmail.com
Научный руководитель – А. А. Похомова, кандидат социологических наук, доцент

В рамках исследования анализируется специфика формирования исторической памяти путем репрезентации городов в видеоиграх на примере Assassin's Creed II. Работа демонстрирует, как реконструированные цифровые версии городов участвуют в формировании исторической памяти игроков. Рассматриваются особенности воссоздания итальянских городов эпохи Возрождения, включая здания, планировку улиц и другие элементы, а также производится обращение к восприятию игровым сообществом реконструированных городов. Установлено, что видеоигры могут влиять на формирование исторической памяти игроков, а детальная проработка городской среды играет важную роль в восприятии игры как исторически достоверной и аутентичной. Исследование вносит вклад в понимание роли цифровых медиа в современных процессах конструирования исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память; видеоигры; город; case study; цифровое пространство.

Город является неотъемлемой частью цивилизации [1, с. 105]. При этом, он обладает ключевой ролью в сохранении, трансляции исторической памяти [2]. Это связано с его способностью постоянно напоминать людям об их прошлом [3, с. 20]. В связи с этим, можно говорить о том, что город является «местом памяти», связанным с реальным и воображаемым (порой измененным относительно реального) прошлым [4].

Необходимо отметить, что, несмотря на широкий потенциал городов, в ряде случаев он не реализуется, поскольку люди не всегда могут посетить их по временным, ресурсным и иным причинам. Решением для возникшего противоречия может выступить реконструкция города в рамках видеоигры. Показательным предстают результаты проведенного китайскими учеными Л. Вэньцянь и Н. Сяомэй эксперимента, в котором исследователи установили, что изучение реконструированного в рамках игры города Наньтоу происходило успешно – игроки исследовали город, погружались в его историю, культуру и формировали историческую память [5].

Следует отметить, что научное сообщество в настоящее время пришло к консенсусу в вопросе о том, что видеоигры способны участвовать в формировании исторической памяти. Так, румынский социолог С. Матей говорит о способности видеоигр показывать игрокам

«мир, который нужно помнить», формировать в «игровой среде» историческую память [6], австралийский историк Э. Хартман, а также австралийские литературоведы Р. Таллок и Х. Янг утверждают, что исторические видеоигры являются формой истории, которая способна демонстрировать ландшафты прошлого [7]. С рядом схожих тезисов о перспективах использования видеоигр в трансляции исторической памяти выступают и такие авторы, как американский социолог У. Бейнбридж [8], мальтийские исследователи С. Каселли, К. Бонелло Руттер, польский ученый Т. З. Майковский [9], российский социолог А. В. Яковенко [10] и прочие.

В настоящее время феномен городов в видеоиграх не получает должного освещения в научных работах. В связи с этим, в рамках настоящей публикации предпринимается попытка описания специфики представления городов в видеоиграх с позиции их объектов (кварталов, участков, зданий, улиц), внешнего вида этих элементов [11], быта жителей – иначе говоря, игрового пространства, и их сеттинга (концепции – то есть формируемого у игрока образа пространства) [12]. Методом исследования выступил case study. Особенностями метода являются фокус на показательном случае, обращение к разнообразному массиву данных и получение углубленной информации [13]. Видеоигрой, рассматриваемой в данной публикации, выступает Assassin's Creed II (2009). Выбор видеоигры основывался на анализе экспертного интервью (12 респондентов), в рамках которого видеоигра была оценена рядом экспертов как эталон успешных игровых проектов, способствующих формированию исторической памяти.

Assassin's Creed II (2009) была разработана студией Ubisoft Montreal (Канада) и была выпущена издателем Ubisoft 17 ноября 2009 года. Действия данной ролевой видеоигры происходят в Италии эпохи Возрождения, в рамках сюжета игрок берет на себя роль семнадцатилетнего итальянца Эцио – представителя светского тайного общества ассасинов. Видеоигра разрабатывалась при участии архитектурного исторического консультанта М. Э. Наварро, которая на момент разработки видеоигры являлась аспирантом в университете Макгилла и в 2013 году защитила докторскую диссертацию.

Как отмечает М. Э. Наварро, создатели игры не стремились к точности воспроизведения исторического облика зданий, поскольку «их бы просто никто не узнал», а игра потеряла бы «часть своей привлекательности» [14]. Фактически, как отмечает консультант, «городское и архитектурное пространство было основано на реальности», но содержало «фантазию, призванная рассказать историю и создать определенный опыт» [15]. В задачи консультанта входили поиски вещей, которые не могли существовать в эпохе – например,

балконов с коваными перилами, а также проработка всех перечней зданий, которые должны были присутствовать в отображенных городах.

Следует отметить, что историческая точность городской среды в данной видеоигре намеренно игнорируется ее создателями в пользу возможности «приблизиться к архитектуре прошлого», в результате чего Assassin's Creed II предстает эффективным инструментом для распространения истории и создания её привлекательного образа (хоть иконические элементы, идеи, а также образы города и не соответствуют реальности). В связи с этим, города в Assassin's Creed II являются основой для передачи фоновой истории игры [16]. В этой видеоигре все элементы города выполняют разные закрепленные за ними функции: архитектура – определения пространств, вызова атмосферы, а также передачи смыслов. Здания, улицы, их внешний вид – создания идентичности города, также они являются частью среды, с которой можно взаимодействовать (перемещение).

Восприятие городов аудиторией игры. С целью поиска ответов на вопрос о том, насколько достоверными и привлекательными для игроков в Assassin's Creed II было решено обратиться к двум источникам информации – комментариям в специализированной теме на Reddit (интернет-ресурс, основывающийся на существовании тематических сообществ) «Насколько близки города Assassin's Creed 2 к своим историческим аналогам?» [17], а также материалам проведенного глубинного интервью с экспертами-игроками, которые проходили данную игру (три респондента; интервью взято в рамках научно-исследовательской работы по гранту Министерства образования Республики Беларусь № 20250848).

Обращение к комментариям в профильной теме позволяет отметить, что ряд игроков посчитали достоверным (несмотря на отмеченную ранее экспертами недостоверность) представление городов: «Я несколько раз бывал в Венеции […] и был очень впечатлён её точностью [изображения]» (skedaddle), «Игра была поразительно точной... Каждое здание выглядело точь-в-точь как те, что я видел там» (oskar_s), «Разработчикам очень хорошо удалось передать облик и, каким-то образом, атмосферу этого места» (benoliver999). При этом, игроки отмечали, что некоторые элементы городов не являлись исторически достоверными: «Мраморные фасады добавлены только в XIX веке, но присутствуют в игре» (iamdan1), «Форли [город] находится прямо у моря, хотя в реальности он […] далеко от побережья» (Not_in_Missouri). Несмотря на это, комментаторы положительно оценили как сами города, так и создаваемую ими атмосферу прошлого. Следует отметить, что игроки положительно оценивали то, что они узнавали те или иные части городов в реальности (несмотря на то, что,

как подчеркивала М. Э. Наварро, данная часть являлась преимущественно исторически недостоверной).

Согласно анализу проведенных интервью, было установлено, что города воспринимаются игроками как исторически достоверные: «Особенно хорошо получилось исполнение средневековых городов, Флоренция очень мне запомнилась, все отлично отображает жизнь средневекового жителя» (Интервью № 1, И., муж., РБ), «Сами города выглядят реалистично, думаю, в те годы именно так они примерно и выглядели» (Интервью № 2, Е., муж., РБ), «Там все города, за исключением Рима, достоверные» (Интервью № 3, Я., муж., РБ).

Внимание игроков привлекают различные элементы: замки, рынки, площади, пристани и другие, однако, геймеры не разделяют их на определенные категории, предпочитая выделять отдельные запомнившиеся элементы, оценивая их как самостоятельные единицы, а не части города в целом. Необходимо отметить, что восприятие достоверности элементов города может базироваться на представлениях о прошлом, полученных игроками путем изучения прочих медиа: «Несколько площадей широких […] достоверно, что у них […] одно-два места, где можно было массово послушать речи, плюс перед церковью, конечно, они были, тоже достоверно выглядит, видел похожее в сериале Кастлвания» (Интервью № 2, Е., муж., РБ). При этом, негативно восприниматься могу элементы, которые выглядят нелогичными на взгляд игроков: «Что вспоминается из плохого […] бежишь по городу, и там поле где-то на открытом пространстве и его пропалывают, выглядит странно – не могу представить, чтобы в Средневековье оттуда ничего не крали, вот такие моменты кажутся очень алогичными и явно сделаны не к месту» (Интервью № 2, Е., муж., РБ).

Вместе с этим, к числу недостатков, мешающих формированию исторической памяти, следует отнести слабую проработку быта населения города: «Там не очень хорошо раскрыты именно бытовые мелочи», «Если про поведение людей говорить, то они просто ходят по городу, болтают, сидят на скамейках» (Интервью № 1, И., муж., РБ), «Ты просто бегаешь по городу, навстречу идут люди, иногда большие группы людей, но у них нет каких-то особых взаимодействий» (Интервью № 2, Е., муж., РБ). Несмотря на данные факты, наличие достоверных по мнению игроков моментов воспринимается ими уже в положительном ключе: «В порте сидят рыбаки, насколько я знаю, там рыбачить можно было тогда, то есть, это аутентично, вот такие штуки можно похвалить» (Интервью № 2, Е., муж., РБ).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд следующих выводов:

– видеоигры могут влиять на формирование исторической памяти игроков, демонстрируя им среду прошлого и его атмосферу;

– видеоигры являются новым инструментом формирования исторической памяти, потенциал которого в настоящее время не раскрыт в полной мере;

– элементы видеоигр, которые не соответствуют исторической достоверности, могут быть восприняты игроками как таковые;

– игроки могут строить свое мнение об исторической достоверности видеоигры на основании обращения к репрезентациям эпохи в иных медиа и оценивать достоверность игры по данному критерию;

– проработка элементов города, и, в частности, быта его жителей, важны для успешности восприятия игры как исторически достоверной и аутентичной.

Библиографические ссылки

1. *Арутюнов С. А., Рыжакова С. И.* Культурная антропология. М.: Весь мир, 2004.

2. *Калачёва И. И.* Город как место сохранения и трансляции культурной памяти белорусского народа // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / БГУ; редкол.: И. В. Пинчук [и др.]. Минск, 2021. – С. 134–140.

3. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

4. *Филиппова Е. И.* История и память в эпоху господства идентичностей: интервью с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 75–84.

5. *Liu W., Nie X.* Cultural Heritage Game Design Based on the Collective Memory Reconstruction Model // SHS Web of Conferences. 2023. No 167. P. 1–8.

6. *Matei Ș.* The Technological Mediation of Collective Memory Through Historical Video Games // Games and Culture. 2023. Vol. 20, Is. 4. P. 477–498.

7. *Hartman A., Tulloch R., Young H.* Video Games as Public History: Archives, Empathy and Affinity // Game Studies: The International Journal of Computer Game Research. 2021. Vol. 21, Is. 4. URL: https://gamestudies.org/2104/articles/hartman_tulloch_young (access date: 22.06.2024).

8. *Bainbridge W. S.* Online Multiplayer Games (Digital Print). NY.: Springer, 2009.

9. *Caselli S., Giappone K. B. R., Majkowski T. Z.* Ten Years of Historical Game Studies: Towards the Intersection with Memory Studies. 2021. Vol. 1, Is. 10. P. 29–50.

10. *Яковенко А. В.* Новейшие технологии и их роль в поддержке социокультурной памяти // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16. С. 786–788.

11. *Al-Saaidy H. J. E.* Urban Form Elements and Urban Potentiality: Literature Review // Journal of Engineering. 2020. Vol. 26, No 9. P. 65–82.

12. *Perdana A. B.* Video game sebagai representasi arsitektur dan Persilangannya dengan sejarah dalam seri Assassin's Creed // Jurnal Arsitektur ARCADE. 2024. Vol. 8, No 2. P. 203–211.

13. *Sclafani C. A.* Case Study Primer: Origins and Basic Principles // Global Journal of Human-Social Science: G (Linguistics & Education). 2017. Vol. 17, Is. 3. P. 45–47.

14. *Наварро М. Э.* «В игре есть парень, который карабкается по стенам, – надо придумать, за что ему цепляться» // Искусство. URL: https://iskusstvo-info.ru/maria-elisa-navarro_moralez/ (дата обращения: 04.10.2025).

15. What It's Like to Be an Architectural Consultant for Assassin's Creed II // ArchDaily. URL: https://www.archdaily.com/774210/maria-elisa-navarro-the-architectural-consultant-for-assassins-creed-ii (access date: 04.10.2025).

16. *Navarro Morales M. E.* La arquitectura como elemento narrativo en Assassins Creed II // Quaderns de Cine. 2018. No 13. P. 93–102.

17. How Close were the Cities of Assassin's Creed 2 to their Historical Counterparts? // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/AskHistorians/comments/v5c42/how_close_were_the_cities_of_assassins_creed_2_to/ (дата обращения: 04.10.2025).

СОВРЕМЕННЫЙ МЕГАПОЛИС КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О. В. Курбачёва

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, kafedra628@gmail.com

В работе рассматривается проблемные аспекты этнокультурной идентичности в пространстве современного города. Отмечается сложность конструирования этничности в условиях постглобализационного развития и интенсификации миграционного процесса, что отражается в двойственном характере проявления этнокультурной идентичности в современном городе. С одной стороны, формируется надэтническая система знаков, позволяющая интегрировать различные этнические группы в единое городское универсальное пространство, с другой стороны, аккультурация не представляет собой простой линейный процесс. Антиэмигрантские настроения, повышенный уровень этнофобии, этностереотипизации и бытового шовинизма свидетельствуют о рельефности и многоаспектности анализируемой темы.

Ключевые слова: мегаполис; этнокультурная идентичность; множественная идентичность, этничность; миграция.

По мнению классика современной экологии Юджина Одума, стремительная урбанизация XX века изменила образ Земли сильнее, чем все другие виды деятельности человека за всю историю его существования [1, с. 89]. Американский эколог отмечал паразитарный и эксплуатирующий характер города и его беспрецедентное влияние на экологическое и экономическое развитие человечества в целом. Однако сегодня в условиях постглобализационных тенденций, аккумулирующих диаметрально противоположные стратегии социодинамики, стоит особенно предметно уделить внимание не только материально-производственным и экологическим аспектам функционирования городской среды, но важно обратить пристальный исследовательский взгляд и на этнокультурные особенности развития современного города.

С чем связан такой повышенный интерес? Современный город представляет собой сложное полиэтническое и поликультурное образование, в пространстве которого пересекаются множество различных этнокультурных практик, паттернов поведения и традиций. Сегодня за редким исключением демографическая статистика мегаполисов демонстрирует обширнейшую палитру этнических и национальных культур. Это обусловлено глобализационными процессами и тесно взаимосвязанной с ними интенсификацией миграции. В результате сегодня мегаполис обладает центростремительной силой и становится жизненным пространством для

представителей абсолютно разных этнических групп и конфессий. Очевидным каналом инкорпорирования в городскую жизнь выступает миграция в её разнообразных формах проявления (трудовая, образовательная, научная и др.) Например, по данным национальной статистики на 1 января 2025 г., в национальный состав города Минска входит более двадцати восьми представителей других национальных культур, среди которых можно отметить как самые многочисленные (русские, евреи, поляки, украинцы, армяне и др.), так и малочисленные народности (удмурты, чуваши, корейцы, мордва, греки и др.) [2]. Учитывая, что г. Минск является относительно небольшим крупным городом по сравнению с иными мировыми столицами и другими мегаполисами, можно соотнести в геометрической прогрессии и величину полиэтнического состава крупных городов мира. Включенность в жизнь мегаполиса представителей иноэтнического населения предполагает и даже обязывает к следованию правилам и особенностям формирования и регулирования совместного жизненного пространства. Для обеспечения конструктивного и взаимоуважительного сосуществования этнокультурных общностей создаются национально-культурные общественные объединения, в правовом поле разрабатываются законы и нормы полиэтнического взаимодействия, ориентированные на уважение и свободное определение гражданином своей этнической принадлежности. Например, на 1 января 2025 г. в Минске официально зарегистрировано более тридцати национально-культурных общественных объединений, а включая Минскую область – более пятидесяти объединений [2], в которых не только поддерживаются этнокультурные и национальные интересы иноэтнического населения города, но и решаются социально-бытовые и правовые вопросы представителей других этнических групп.

Однако теоретический концепт города как полиэтнического пространства на практике сталкивается с рядом сложностей, связанных с ростом этнофобии, этностереотипизации, бытового шовинизма и увеличения конфликтных ситуаций на почве этнокультурных различий. Помимо обозначенных сложностей, которые возникают в полиэтничном пространстве, стоит отметить, что для современных крупных городов также свойственна трансформация как социокультурных связей и ролей, так этнокультурной идентичности городских жителей. Более того, с учетом возрастающего уровня миграции и процессов аккультурации проблема этнокультурной идентичности выступает непросто одним из актуальных, но и сложных вопросов как на концептуально-теоретическом уровне, так и на социально-практическом.

С одной стороны, в больших городах гетерогенность и полиэтничность является нормой и в повседневной городской культуре

постепенно формируется надэтническая, универсализированная система знаков и паттернов, аккумулирующих все локальные этнические культурные коды в один общий габитус. В результате границы этничности размываются, и этнокультурная идентичность представляет собой скорее, который может сосуществовать параллельно с иными видами идентичности: гражданской, конфессиональной, городской и т. д. Чаще всего этническая идентичность находится в латентном фоновом режиме, пока нет своеобразного запроса на самоидентификацию, катализатором которой выступает внешний фактор. В качестве причины может выступить агрессивная ассимиляция, военная угроза, конфликтное состояние, потеря независимости и другие причины [3, с. 78].

С другой стороны, мы понимаем, что инкорпорирование в жизненное пространство другой этнической культуры не представляет собой линейный и поверхностный процесс. Начало 2000-х годов показало идеализированность и уязвимость дискурса мультикультурализма. Сегодня мы отчетливо пониманием, что за фасадным сосуществованием различных культур, обнаруживается скрытый пласт айсберга из этнокультурных стереотипов, этнического сепаратизма, этнофобии, а также спекуляции на тему гражданственности и национализма. Социокультурные, психологические, духовно-мировоззренческие ценности, установки и представления мигрантов всегда находятся под определенным давлением инаковости и в результате чего в той или иной степени проявляется шок аккультурации. При этом в зависимости от количественных и соответственно качественных показателей инкорпорированности иноэтнического населения стресс испытывает и доминирующая культура.

Так, в результате сложного, нелинейного процесса аккультурации, встречи в едином коммуникативном поле представителей различных этнокультурных сообществ, этническая категоризация проявляется в качестве символического защитного пояса. Это своеобразный акт этнической солидарности для представителей одной культуры. Вместе с тем уровень этнической идентичности в таких условиях может быть нестабильным и принимать гиперболизированную форму. Например, может варьироваться от этноцентризма до этнофанатизма и проявляться в интолерантном отношении к иноэтническому окружению. Как следствие могут возникать различные кризисные моменты, провоцирующие антиэмигрантские настроения. Постепенно развивается нелинейная модель идентификации, интегрирующая различные культурные коды, а самокатегоризация становится более подвижной, включающая дифференцированные идентификационные маркеры

(например, городской, этнической, национальной, конфессиональной и другой системы означивания) [3, с. 79].

Так, даже при первом приближении к рассмотрению проблемы этнокультурной идентичности в современной городской среде можно обнаружить рельефность и сложность заявленной темы. Неслучайно проблема идентичности в мегаполисах сегодня является одной из востребованных и актуальных тем, требующих комплексного и системного изучения. Сегодня город стал объектом междисциплинарного исследовательского интереса, аккумулирующего в пространство теоретической рефлексии социологов, философов, психологов, политологов, экономистов, антропологов и других представителей социально-гуманитарного знания [4, с. 90]. А тема этничности и создания ценностно значимой коммуникативной и жизненной среды в городском пространстве для представителей различных этнических общностей представляет собой объект не только теоретических исканий, но и практической реализации. Сегодня для городской среды свойственна более гибкая и подвижная идентификационная модель и возникает эффект множественной или мультиэтнической, дрейфующей городской идентичности. Однако при этом важно не редуцировать из внимания отличительность и этническую самобытность культур, которые сохраняют свою значимость и ценность для этнофоров. Поэтому с учётом продолжающихся глобализационных процессов на уровне правительства стран и непосредственно руководства мегаполисов осуществляется постепенная миграционная политика, ориентированная на интеграцию населения и формирование конструктивной модели взаимодействия между представителями различных культур.

Библиографические ссылки

1. *Одум Ю*. Экология. М.: Мир, 1996.
2. Национальный состав населения г. Минска // Уполномоченный по делам религий и национальностей. URL: belarus21.by/Articles/1458135340?ysclid=mh377g82va36063583 (дата обращения: 23.10.25).
3. *Курбачёва О. В*. Метаморфозы этнокультурной идентичности в современной городской среде // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024. № 2. С. 67–73.
4. *Набок И. Л., Малышева Е. В*. Метаморфозы этничности в жизненном пространстве современного мегаполиса // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 90–94.

КУЛЬТУРНЫЕ ЗНАКИ СТРИТ-АРТА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА УЛАН-УДЭ

А. Т. Ламбаева[1)], **И. А. Ламбаева**[2)]

[1)] *Независимый исследователь, Улан-Удэ, Россия, alambaeva@gmail.com*
[2)] *Московский государственный технический университет гражданской авиации, Москва, Россия, i.lambaeva@mstuca.ru*

Статья посвящена семиотическому анализу Улан-Удэ, рассматриваемого как сложный символический конструкт. Исследуется роль современного стрит-арта в трансформации городского пространства и формировании новой визуальной идентичности столицы Бурятии. Авторы выделяют ключевые функции уличного искусства: эстетическую (украшение и гуманизация среды), социальную (платформа для обсуждения актуальных проблем), экономическую (развитие туризма) и идентификационную. Особое внимание уделяется тому, как художники через обращение к бурятскому орнаменту и мифологии конструируют гибридную культурную идентичность, выступая мостом между традицией и современностью. Стрит-арт анализируется как мощный инструмент диалога, способствующий укреплению межкультурных связей в полиэтничном регионе.

Ключевые слова: Улан-Удэ; стрит-арт; культурная идентичность; визуальная среда; социальная коммуникация; этнокультурный код; бурятская культура; городское пространство.

Город – это не просто совокупность зданий, улиц и инфраструктуры. Это сложный, многослойный текст, написанный языком архитектуры, планировки и, что особенно актуально для современности, визуального искусства. Улан-Удэ, столица Республики Бурятия, представляет собой уникальный семиотический конструкт, где переплетаются коды традиционной бурятской культуры, советского наследия и актуальных глобальных тенденций. Одним из самых динамичных и значимых «почерков» в этом тексте сегодня стал стрит-арт, трансформирующий городское пространство из пассивной среды в активный диалог между властью, художниками и жителями [1].

Чтобы понять роль стрит-арта, необходимо сначала прочесть базовые коды Улан-Удэ. Его семиотика начинается с исторического центра – Одигитриевского собора, несущего символы православия и русской имперской колонизации. Ему противостоит, а точнее, сосуществует, гигантская голова Ленина на площади Советов – мощнейший знак советской эпохи, ее монументальности и идеологического доминирования. Октябрьский район с его типовой застройкой говорит языке позднесоветского модернизма и урбанизации.

Поверх этого накладывается этнокультурный код: орнаменты на зданиях, стилизованные под бурятскую юрту павильоны, буддийская символика в элементах декора. Город становится полем битвы и одновременно синтеза различных дискурсов. Однако официальные

символы зачастую статичны и музейны. Именно здесь на сцену выходит стрит-арт как живой, оперативно реагирующий на запросы общества язык, который заполняет лакуны в символическом поле города, делая его более целостным и релевантным для современного горожанина.

Современный стрит-арт в Улан-Удэ давно перерос стадию маргинального вандализма и превратился в институализированную практику с четко выраженными функциями. Эстетическая роль уличного искусства наиболее очевидна. Серые, безликие фасады панельных домов, утилитарные объекты вроде трансформаторных будок и остановок общественного транспорта обретают новое лицо. В рамках таких проектов, как «САЙНУУ! АРТ», эти объекты превращаются в арт-объекты. Оформление школ, детских садов и социальных учреждений яркими, доброжелательными образами не просто украшает городские ландшафты, но и психологически делает их более комфортными, безопасными и «человечными» для жителей. Это визуальная терапия для постсоветского города, страдающего от архитектурного однообразия.

Стрит-арт становится мощнейшей площадкой для обсуждения острых социальных вопросов. Художники берут на себя роль социальных пропагандистов и просветителей. Яркий пример – деятельность объединения «У-У Точка», чьи работы направлены на борьбу с наркопреступностью и популяризацию здорового образа жизни. Их муралы и стикеры – это не абстрактные лозунги, а визуальные нарративы, доступные и понятные молодежи. Через простые, но выразительные образы искусство говорит на темы экологии, толерантности, межкультурного взаимодействия, донося важные послания до самой широкой аудитории, минуя официальные каналы коммуникации.

В современной экономике креативность становится ресурсом развития. Стрит-арт, особенно масштабные муралы, работает как инструмент «арт-туристификации». Уникальные, качественно выполненные работы, отражающие локальную специфику, становятся точками притяжения. Турист едет не только посмотреть на голову Ленина или дацаны, но и сфотографироваться с новым арт-объектом, в котором зашифрована душа места. Это формирует новый, креативный имидж Улан-Удэ, способствует развитию малого бизнеса (кафе, сувенирные лавки, экскурсии) и встраивает город в глобальные культурные тренды.

Идентификационная функция – это, пожалуй, ключевая функция стрит-арта в полиэтничном регионе, направленная на конструирование локальной идентичности. Для Республики Бурятия, стоящей на стыке культур, вопрос сохранения и актуализации бурятской идентичности в условиях глобализации крайне важен. Стрит-арт становится мостом

между традицией и современностью. Художественные объединения, такие как «Б.А.Т.О.», активно включают в свои работы элементы бурятского орнамента, мифологические сюжеты, образы национальных героев и шаманской символики.

Изображая традиционные узоры «хас» на современном фасаде или стилизуя персонажей под героев эпоса «Гэсэр», художники делают этническую культуру актуальной для молодежи. Это не застывшее музейное знание, а живой, динамичный код, вплетенный в повседневность городской жизни. Таким образом, стрит-арт выполняет важнейшую миссию по формированию гибридной социальной идентичности, где бурятское наследие органично сочетается с общегражданской и глобальной идентичностью.

Совокупность арт-объектов в городе формирует его уникальный визуальный код. Масштабные муралы, посвященные природе Байкала, бескрайним бурятским степям или историческим событиям, становятся новыми достопримечательностями. Они создают «лицо» города, отличное от тысяч других. Работы, подобные тем, что созданы в рамках проекта «САЙНУУ! АРТ», не просто украшение; они транслируют вовне культурные ценности Улан-Удэ: уважение к природе, связь с исторической памятью, открытость инновациям. Эти визуальные нарративы – мощный инструмент межкультурного диалога. Продвигая через искусство идеи экологической ответственности (как в работах «У-У Точка»), ценность семьи, значимость родного языка или идеи современного динамичного развития (в работах объединения «Контраст»), город формирует позитивный и притягательный образ для внешнего мира и укрепляет самоуважение местных жителей.

Улан-Удэ как символический конструкт непрерывно переписывается и достраивается. Стрит-арт стал одним из главных соавторов этого текста, пройдя путь от маргинального протеста до признанной формы общественного диалога и культурной политики. Он эффективно выполняет эстетическую, социальную, экономическую и, что самое важное, идентификационную функции. Визуальное искусство на улицах города служит мостом между различными этническими и социальными группами, между прошлым и будущим, между локальным и глобальным [2]. Превращая городское пространство в галерею под открытым небом, стрит-арт делает Улан-Удэ не просто административной столицей, но и живым, пульсирующим креативным центром, где рождается и визуально воплощается новая, синтетическая культура Бурятии XXI века.

Библиографические ссылки

1. *Армстронг Дж*. Оспариваемая галерея: уличное искусство, этнография и поиск городского понимания // AmeriQuests. 2005. Т. 2. № 1.

2. *Аграмакова О. И., Арцыбашева Т. Н*. Стрит-арт в контексте взаимодействия с городским пространством // Мир культуры: культуроведение, культурография, культурология. 2014. С. 60–64.

ЭКОТРОПА ПРИ ХРАМЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО В МИНСКЕ КАК МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА, ПРИРОДЫ И ГОРОДА

иерей А. Г. Мосесов

Приход храма святителя Николая Японского,
Минск, Беларусь

В условиях глобального экологического кризиса поиск эффективных моделей экологического просвещения и устойчивого развития городских территорий приобретает междисциплинарный характер. Религиозные институты, обладающие значительным социальным капиталом и устойчивой системой ценностей, выступают новыми акторами в решении экологических проблем. Проект экотропы при храме святителя Николая Японского в г. Минске представляет собой практическую модель, демонстрирующую потенциал религиозной организации в сфере охраны природы.

Ключевые слова: храм святителя Николая Японского; экотропа; решение экологических проблем; взаимодействия человека, природы и города.

Если говорить в контексте урбанистики как науки о городской среде, православный храм сегодня – это привычная часть городской среды, а православные приходы являются неотъемлемым элементом пространства белорусских городов. Как любой элемент городской среды они должны учитывать определенные условия: архитектура, социальные и экономические особенности, ландшафт, экология.

Приход храма в честь святого равноапостольного Николая Японского в городе Минске – молодой строящийся комплекс (https://n–do.by/), концепция которого изначально была направлена на то, чтобы максимально учесть особенности городской среды и прежде всего природного ландшафта. Одним из значимых элементов концепции храмового комплекса как строительного объекта являлся экологический подход: сохранение экологического потенциала, который имеется на выделенном земельном участке. Возникла идея создания с этой целью экотропы.

Мировоззренческой базой для действий был и есть христианский взгляд на творение:

– возможность увидеть Бога в его творении;

– миссия человека: возделывать и хранить этот мир (Бытие, 2:15);

– проявлять любовь к каждому творению, созданному Богом («обнять» весь мир);

– бережное отношение к миру природы как к таланту, который Бог вверил человеку, чтобы хранить и приумножать его.

Православная Церковь в сфере экологии предлагает антропологическую модель, альтернативную потребительскому отношению к природе, свидетельствуя о духовно-нравственных ориентирах в деле преодолении экологического кризиса. Развитие официальной церковной позиции по вопросам экологии отражено в таких документах:

– Основы социальной концепции Русской православной церкви (2000 г.) [3, с. 103–107];

– Позиция Русской православной церкви по актуальным проблемам экологии (2013 г.) [4];

– Методические рекомендации об участии Русской Православной Церкви в природоохранной деятельности (2015 г.) [2].

Анализируя эти документы, можно сделать вывод, что ключевыми в позиции Церкви в сфере экологии являются следующие акценты:

1) «возделывание и хранение» (Быт. 2:15): ответственность человека не как хозяина, но как управителя вверенного ему Божьего творения;

2) преодоление греховной страсти стяжательства: бережное отношение к миру понимается как добродетель, противоположная хищническому потреблению;

3) аскетика как экологическая практика: самоограничение, скромность в потреблении ресурсов являются естественным следствием христианского мировоззрения.

Приход при освоении участка земли поставил своей целью гармонично вписать храмовый комплекс в существующие биотопы, чтобы максимально сохранить элементы живой природы. Поэтому сегодня прихрамовая территория включает в себя:

– элементы озеленения (цветники, клумбы, кустарники и пр.);

– монументально-декоративные скульптуры «Декалог»;

– экотропу «Каменная горка».

Экологическая тропа «Каменная горка» была учреждена Приходом еще в 2016 году под патронажем Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Она стала тем компонентом, который был призван соединить человека и природу в формате городского пространства. Экотропа представляет собой объект протяженностью около 700 метров, включающий тропинки, искусственный водоем, информационные просветительские стенды, четыре биотопа (участок луга, водоем с заболоченными участками, участок поля, участок лесопарка).

Экотропа при храме как объект городской среды приносит многофакторную пользу:

– сохранение оазисов природных ландшафтов внутри города;

– экологическое просвещение жителей и гостей столицы;

– точка вовлечения в деятельность по защите зеленых территорий города;

– создание экологически дружественной среды;

– отдых в городе с пользой для здоровья;

– социальная экологическая справедливость (экотропа в черте города позволяет всем, независимо от статуса и финансового состояния быть на природе и получать экологическое образование и воспитание).

Вывести данный проект на новый уровень позволил в 2025 году проект «Зеленая Воскресная школа при церковном приходе». Проект осуществляется при поддержке Международного грантового конкурса «Православная инициатива» (фонд «Соработничество») и его целью является внедрение образовательного экологического компонента в жизнь Прихода и городскую среду.

Проект предполагает решение следующих задач:

– модернизацию существующей Экотропы (обновление инфостендов на экологическую тематику и создание образовательного пространства для детей – «экодворика»);

– разработку и внедрение методического пособия для экологических занятий с детьми на базе Воскресной школы;

– проведение занятий на экологическую тематику с учащимися Воскресной школы, а также посетителями экотропы (детьми, молодежью) из светских учебных учреждений;

– проведение просветительских мероприятий экологической направленности (кинолектории, «завтраки» с экологом, мастер-классы для учащихся).

Реализуя проект связанный с экотропой, приход решает прежде всего просветительские задачи. В частности, приход становится своеобразной площадкой для формирования экологической культуры и экологически дружественного образа жизни. Кроме того, стоит отметить, что проект имеет консолидирующую и партнерскую роль, выступая в роли платформы для диалога между государственными органами, научным сообществом, заинтересованными корпорациями (включая некоммерческий сектор) и местными жителями. Кроме того, решается практическая задача в сохранении и приумножении экологического городского ресурса: содержание биотопов, создание рекреационных зон, озеленение, поддержание биоразнообразия.

Сегодня можно сказать, что Приходом храма святителя Николая Японского в г. Минске на практике реализована многофункциональная модель, где духовное служение неразрывно связано с экологической ответственностью. Проект экотропы доказал свою эффективность как в сохранении городских экосистем, так и в социальной мобилизации, обеспечивая «экологическую справедливость» – доступность

качественной природной среды для всех социальных групп. Создан прецедент, демонстрирующий, что религиозная организация может быть не объектом, а субъектом формирования городской экологической политики.

Опыт создания и развития экотропы «Каменная горка» позволяет рассматривать православный приход как перспективную площадку для реализации принципов устойчивого развития на локальном уровне. Экотропа при храме святителя Николая Японского в Минске как модель взаимодействия человека, природы и города может внести существенный вклад в развитие «зеленой» урбанистики и социальной экологии.

Библиографические ссылки

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2001.
2. Методические рекомендации об участии Русской Православной Церкви в природоохранной деятельности // Сайт «Человек и творение». 2025. URL: https://tvorenie.by/biblioteka/ofitsialnye– dokumenty/dokumenty– russkoj– pravoslavnoj– tserkvi/metodicheskie– rekomendatsii– ob– uchastii– russkoj– pravoslavnoj– tserkvi– v– prirodoohrannoj– deyatelnosti (дата обращения: 20.11.2025).
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018.
4. Позиция Русской Православной Церкви по актуальным проблемам экологии // Официальный сайт Русской Православной Церкви. 2025. URL: https://www.patriarchia.ru/article/88651 (дата обращения: 20.11.2025).

ЭСТЕТИКА БОЛЬШОГО ГОРОДА

И. М. Наливайко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, niminna3@gmail.com

Данная статья посвящена экспликации значимости эстетического фактора при организации городской среды и городского ландшафта современного большого города. В ней обосновывается тезис о необходимости сбалансированного подхода к сочетанию стратегический усилий городской администрации и тактических повседневных практик горожан, являющихся субъектами городской жизни, не только потребляющими, но и производящими городскую среду. Эстетика города в данном случае означает результат выстраивания человекоразмерной городской среды, соответствующей совокупности всех чувственных реакций человека как телесно-сознательного существа.

Ключевые слова: эстетика; эстетическое отношение; хронотоп; городской ландшафт; городская среда; архитектурной ансамбль; телесность; повседневные практики.

Слово «эстетика» получает все большее распространение не только в философском дискурсе, где оно служит названием раздела философии, представляющего собой учение о выразительных формах любой сферы действительности, но и в обыденном языке, обозначая гармонично упорядоченное состояние какого-либо социального объекта или процесса. Мы уже привыкли к фразам типа «эстетика поведения», «эстетика танца», «эстетика жилища» и т. д. Выражение «эстетика города» принадлежит к тому же семантическому ряду. Но здесь следует иметь в виду, что такое словоупотребление, как правило, опирается на устойчивый стереотип, в соответствии с которым само представление о гармонии и упорядоченности почти однозначно связано с визуальным восприятием, с тем зримым обликом, который приятен человеческому взгляду в силу каких-то индивидуальных или культурных предпочтений. Этот стереотип уходит своими корнями в культуру древнегреческого полиса, которая, как известно, «жила эйдетикой» и даже космос воспринимала как пластически выраженную и эйдетически явленную совокупность тел. Это в полной мере относится и к ситуации соотношения человека с городской средой, где эстетика города понимается чаще всего как визуальный облик города или отдельных его районов, гармоничный вид архитектурных ансамблей, удачная «встроенность» городских сооружений в природный ландшафт. Однако интенсивная и сложно структурированная жизнь современного города, особенно мегаполиса, заставляет вспомнить об исконном значении древнегреческого слова, которое отнюдь не исчерпывалось визуальными

коннотациями. Этимологические словари древнегреческого языка напоминают, что помимо возникшего в более поздний период общеупотребимого значения «чувственный» (опираясь на которое А. Баумгартен и предложил называть эстетикой науку о чувственном постижении мира), в этом слове присутствовали такие смыслы как «чутье», «нюх», «звериный след». То есть, отсылка к эстетике отнюдь не означает сфокусированность только на визуальной данности объекта восприятия, а предполагает весь спектр чувственных отношений человека с миром. Именно это является основанием для определения сущности и специфики эстетического отношения как особого модуса человеческого бытия, предназначение которого – выстроить определенную дистанцию между человеком и миром, а точнее – внести в мир человеческую размерность, сделать его не враждебной внешней инстанцией с ее пугающей бесконечностью, а обжитой средой человеческой экзистенции.

Эстетическое отношение является необходимой составляющей человеческого бытия и востребовано в любую эпоху. Однако современная социокультурная ситуация с ее глобализационными и массовидными процессами делают его нормальное функционирование как никогда актуальным. Это в полной мере касается процессов урбанизации и тех вызовов, которые предъявляет человеку и социуму феномен большого города. Я сознательно выбираю именно это выражение, поскольку в русском языке, в отличие от, скажем, английского, различающего city и town, нет двух отдельных слов для обозначения различных масштабов поселения и разного устройства городской жизни, а слово «мегаполис» может пониматься по-разному в разных культурных контекстах. Так, например, ни один из мегаполисов на постсоветском пространстве не может быть сравним с китайскими мегаполисами, прежде всего, по несоизмеримости их масштабов. Применительно к ситуации большого города слово «эстетика» отсылает не только и не столько к привлекательности визуального облика, к тем «видам», которые любят увековечивать в своих фото и видеосъемках туристы, а – к необходимости гармоничного вживания человека как телесно-сознательного существа в городскую среду. А это предполагает не только продуманную организацию городского пространства, но и человекоразмерную инфраструктуру, разумное сочетание градообразующих предприятий и культурных объектов, гармонизацию интересов туристического бизнеса и привычной жизненной среды горожан и т. д. Все эти вызовы требуют сбалансированного сочетания стратегических усилий различных административных инстанций и индивидуальных тактик горожан, обживающих и, в какой-то мере, продуцирующих городскую среду [более подробно о взаимосвязи

стратегий и тактик см.: 1]. Поэтому эффективное разрешение этих вызовов в значительной мере зависит от того места, которое при планировании городская администрация уделяет повседневным практикам, таким как перемещение по городу, обживание своего жилища, потребление пищи, проведение досуга, которые и определяют комфортность городской среды для самих жителей. Значимость этой проблемы можно проиллюстрировать множеством примеров, как позитивного, так и негативного планов. К последним можно отнести широко известный кейс Венеции, где приоритетность туристического бизнеса для городской администрации привели к вытеснению коренных жителей, которые переселяются либо на курортный остров Лидо, либо в материковый Местре, либо вообще покидают регион Венето.

Город это прежде всего пространство человеческого проживания и особый способ организации социальной жизни. Поэтому, возвращаясь к тезису о телесно-сознательной природе человека, следует понимать, что пространственные телесные практики играют ведущую роль в этом процессе. Но они никоим образом не сводятся только к области визуального «схватывания» пространства, которое зачастую превалирует в городском планировании. Для жителя города городское пространство – это не картография, которая радует глаз стороннего дистанцированного наблюдателя, обозревающего городскую панораму со смотровой площадки, а пространство кинетического движения тела, перемещения, но не безразлично-отвлеченное, а маркированное значимыми для него местами: дом, место работы, любимое кафе, театр и т. д. Житель города – прежде всего пешеход, прочерчивающий в городском пространстве свои пути. Причем, эти пути могут быть не только индивидуально избранными, они могут отражать тактический выбор определенной социальной группы: жителей какого-либо квартала, работников предприятия, обитателей университетского кампуса и т. д. В 80-е годы прошлого века в ходе своих лекций на отделении философии Белгосуниверситета профессор В. С. Степин любил ссылаться на пример планирования Академгородка, где его жителям сначала предоставили возможность проложить свои тропинки к различным зданиям и только потом заасфальтировали уже готовые «логистические линии». Но избираемые пешеходом маршруты вовсе необязательно опираются на прагматику, зачастую их определяет не прописная истина, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками, а мотивы более «отвлеченные», такие как места культурной и исторической памяти, городские традиции и т. д. Именно такие мотивы в свое время помогли защитить от сноса минскую Осмоловку (при этом как-то незаметно поменяв ее название), которая сейчас стала одним из любимых мест для прогулок и проведения досуга минчан.

Однако пространственные телесные практики связаны не только с моторной функцией человека, они напрямую зависят от всей совокупности наших чувственных реакций. Мы сознательно, а зачастую и бессознательно избегаем мест с дурным запахом и по мере возможности стараемся не селиться рядом с предприятием, продуцирующим дурно пахнущие отходы. Мы выбираем районы, где есть рестораны любимой национальной кухни. Мы идем в кинотеатр, предлагающий наиболее комфортные места для зрителей и т. д.

В не меньшей степени для городского жителя важны практики темпоральные (впрочем, полностью их отделить от пространственных можно только в рамках теоретического дискурса, на практике они, как правило, переплетены). К темпоральным практикам, прежде всего, относится аудиальная составляющая городской жизни, например, бой часов на ратушной башне, выстрел крепостной пушки, ежедневный звук колокола или горна на башне городского собора – события, определяющие время суток, утверждающие размеренный темп жизни и, одновременно, отсылающие к значимым историческим событиям, поддерживающие историческую и культурную память, связывающие с культурной традицией. Эти звуки привычны, вписаны в повседневную жизнь, но они же вносят в нее момент событийности. Но существует еще и привычной для горожанина звуковой фон, который может (и должен) быть человекоразмерным, а может негативно влиять на слуховое восприятие и создавать ощущение эмоционального (а иногда и физического) дискомфорта, усталости, депрессии. Именно поэтому в некоторых городах запрещены сигнальные сирены машин различных социальных служб в ночное время.

Сочетание пространственных и временных повседневных практик не только лежит в основании городского хронотопа, но и составляет эстетику большого города как соразмерную человеческой чувственности среду обитания современного человека, являющуюся результатом творческой апроприации прочерченного стратегиями плана городской жизни в ходе тактических повседневных практик горожан.

Библиографические ссылки

1. *Серто, М. де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

ГОРОД КАК GESAMTKUNSTWERK

О. В. Новикова

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, novikovaov@bsu.by

В статье с социально-философских позиций исследуется феномен «идеального города» и города как «тотального произведения искусства». Автор обращается к концепту Gesamtkunstwerk, рассматривая его рецепцию в философии XIX в., модернистском искусстве и в работах теоретиков школы Баухаус и анализируя концептуальные представления и практические проекты Ле Корбюзье. Показано, как во второй половине XX века идея города как Gesamtkunstwerk утрачивает актуальность и на первый план выступают проблемы, связанные подменой целостности городского пространства фрагментацией, а социальной целостности города – усиливающейся атомизацией общества.

Ключевые слова: город; Gesamtkunstwerk; тотальное произведения искусства; Баухаус; модернизм; В. Гропиус; А. Лефевр.

Как построить идеальный город? Этот фундаментальный вопрос имел различные варианты решений в истории: от Гипподамовой системы до осевой перспективы Ренессанса, от «римской решетки» до модернистских проектов. Философский аспект этого вопроса предполагает экспликацию сущности урбанистического идеала: что значит – идеальный город? Если для древних греков город должен был быть соразмерен человеку, а организация городского пространства предполагала реализацию права быть видимым и слышимым, то увлеченное геометрией римское градостроительство стремилось следовать витрувианским принципам «прочность, польза, красота» и уподобляло соотношение величин в архитектурных сооружениях пропорциям человеческого тела: «если природа сложила человеческое тело так, что его члены по своим пропорциям соответствуют внешнему его очертанию, то древние были, очевидно, вполне правы, установив, что при постройках зданий отдельные их члены должны находиться в точной соразмерности с общим видом всей фигуры», – писал Витрувий, рассуждая о композиции городских храмов [1, с. 61]. Эти же конструктивные принципы распространялись и на иные здания, формируя в итоге целостное и гармоничное городское пространство.

Возвращение к античным ценностям в эпоху Возрождения выдвигает идеи упорядоченности и геометризации городских планов: соблюдение симметрии, создание осевой перспективы – соединения ключевых точек прямой линией улиц – было призвано подчеркнуть эстетическую компоненту города, которая, по словам Андреа Палладио, «явится результатом красивой формы и соответствия целого частям,

частей между собой и также частей целому» [2, с. 15]. Отражением этого идеала стал реконструированный в эпоху Ренессанса и барокко Рим, однако проекты Возрождения все же предполагали возведение городов «с чистого листа»: идеальный город нужно не перестроить, а построить – в пустом месте, не адаптируя идеал к реалиям, а создавая идеальную реальность. «Города были новыми; их строили на пустом месте, методично, регулярными, геометрическими, по планам… Соборы были белыми, мысль – ясной, разум – живым, зрелище – правильным», – отмечал Ле Корбюзье [3, с. 36]. Примером может служить Пальманова – построенный по проектам XVI века город-крепость в форме девятиконечной звезды. Однако города, развитие которых было обусловлено не только волей архитектора, но и объективными факторами, оказывались более жизнеспособными.

Новоевропейский рационализм перевел фокус внимания градостроителей на прагматические и утилитарные аспекты развития разрастающихся городов, а идеи механицизма и органицизма определили вектор интерпретации идеального города прежде всего как досконально функционирующего образования. Форма и красота оказались вторичными по отношению к функции (обеспечения порядка, гигиены, материального производства и т. д.).

Новый масштабный проект по созданию нового идеального города – города как «тотального произведения искусства», Gesamtkunstwerk, предлагают модернисты в первой половине XX века. Следует отметить, что само понятие Gesamtkunstwerk изначально никак не было связано с урбанистикой – впервые оно появилось в труде немецкого романтика К. Трандорфа «Эстетика, Или учение о мировоззрении и искусстве» и подразумевало синтез искусств. Популярность же оно приобрело благодаря Р. Вагнеру, трактовавшего Gesamtkunstwerk как «великое универсальное произведение искусства, которое должно включить в себя все виды искусств, используя каждый вид лишь как средство и уничтожая его во имя достижения общей цели – непосредственного и безусловного изображения совершенной человеческой природы» [4, с. 159]. В этом случае речь шла о театральном проекте, инкорпорировавшем искусства музыки, танца, драмы и поэзии в само тело театра, создаваемое через архитектуру, скульптурные композиции и живопись в интерьерах. В дальнейшем под Gesamtkunstwerk стали понимать целостный гармоничный объект, созданный на стыке различных жанров искусства при помощи ансамбля художественных средств.

Идея города как Gesamtkunstwerk возникает в текстах теоретиков школы Баухаус. Если революционный пафос модернистов был направлен на разрушение традиции и создание нового мира – как заявлял

К. Малевич, «ничего не нужно современности, кроме того, что ей принадлежит, а ей принадлежит только то, что вырастет на ее плечах» [5], то применительно к урбанистическим проектам это означало, что город, как и дом, должен был быть выстроен не только функционально, эргономично и с учетом потребностей времени, но и эстетично: это было великое холистическое целое, в формировании которого должны быть задействованы архитектура, дизайн, скульптура, живопись, философия и наука.

Первый директор школы Баухаус В. Гропиус, указывая на значимость формы, цвета, «человеческого масштаба» в градостроительстве, утверждал необходимость выработки нового конструктивного подхода, который смог бы объединить искусство и науку ради создания города как Gesamtkunstwerk – «тотального произведения искусства», единой художественно спроектированной среды обитания человека. Признавая безусловную необходимость научного подхода: «подлинное планирование является одновременно наукой и искусством. В качестве науки оно анализирует человеческие взаимоотношения, в качестве искусства – объединяет человеческую деятельность в культурный синтез» [6, с. 200], – Гропиус высказывал сомнение в позитивистском утверждении его суперценности: «в противоположность этому я убежден, что нашему дезориентированному обществу существенно необходимо соучастие в творческих процессах искусства в качестве обязательного противовеса науке, чтобы нейтрализовать ее атомизирующее влияние» [6, с. 204].

Здесь на первый план выступает диалектическая связь коллективизма и индивидуализма в жизни города: коллективизм, выступавший основной формой организации социальной жизни на протяжении первых тысячелетий городской истории, в Новое время уступил место социальной атомизации горожан, а XIX столетие стало, по словам А. де Токвиля, «эрой индивидуализма» [7]. Утрата тесных социальных связей в условиях становления массового общества, анонимность и блазированность (в терминологии Г. Зиммеля) жителя большого города, стандартизация образа жизни вошли в число факторов, обусловивших переживание экзистенциального кризиса и «неподлинности бытия» – что стало не только предметом рефлексии в философии и литературе, но и стимулировало творческий поиск в сфере искусства. Как альтернативу художнику-одиночке, романтическому гению, Баухаус выдвигал идею артели – коллектива художников-ремесленников, совместные усилия которых позволят «придумывать и создавать новое здание будущего, где все сольется в едином образе: архитектура, скульптура, живопись, – здание, которое, подобно храмам, возносившимся в небо руками ремесленников, станет кристальным

символом новой, грядущей веры» [8, с. 225]. Целью такого коллективного творчества должно было стать воплощение Gesamtkunstwerk и как эстетического, и как социального феномена.

Значимый признак такого грандиозного проекта – обращение к геометрии как средству решения проблем. Ле Корбюзье, рассуждая в «Планировке города» о способах городской застройки, иронизирует, что Париж, Рим или Стамбул были «выстроены на пути ослов», т. е. нерациональным, естественным путем, в то время как «чем меньше человеческие творения под даются непосредственному охвату, тем они ближе к чистой геометрии; скрипка, стул, касающийся нашего тела, сравнительно мало геометричны, но город – чистая геометрия. Будучи свободным, человек тянется к чистой геометрии. Тогда он создает то, что называется порядком» [9, с. 15]. В духе Витрувия Ле Корбюзье разрабатывает систему Модулора – пропорциональных гармонических величин, соотнесенных с ростом человека, и используемых в жилищном строительстве – и применяет ее в ряде проектов (e. g. в «Марсельской жилой единице», объединившей в одном здании жилые квартиры, идущую по одному из средних этажей внутреннюю улицу с магазином и кафе, детсад, бассейн и зону отдыха на крыше: предполагалось, что человек может реализовывать ряд социальных потребностей не выходя из дома). Похожие идеи предлагали советские архитекторы-модернисты в межвоенный период: дома-коммуны с обобществленным бытом, нацеленные на формирование новой социальной единицы – группы товарищей, объединенной общностью как профессионального, так и мировоззренческого характера.

На практике, однако, эти проекты в силу различных причин не были реализованы в полной мере, и во второй половине XX века большие города столкнулись с проблемой нехватки либо отсутствия публичных пространств – топосов, предназначенных для осмысленной коммуникации и совместной неутилитарной деятельности горожан. Дж. Джекобс усматривает причину этого в трансформации мегаполисов в «комплексы отдельных построек» [10]. А. Лефевр, анализируя урбанистические проблемы, отмечает, что «современный город и городское начало невозможно осмыслить как произведения (в широком смысле как произведения искусства, преобразующие свой материал), не поняв их для начала как продукты» [11, с. 11]. А как продукт современный город характеризуется гомогенностью (типовой застройкой), фрагментацией (однородное гомогенное пространство легко дробится на участки, что приводит к образованию городских гетто) и иерархичностью. Целостность распадается, популярность жилых комплексов выстраивает город как мозаику, но «комплексы создают не единство, а изоляты» [11, с. 12]. Стремление модернистов преодолеть

стремительный распад города как социальной целостности оказалось безуспешным, и процесс атомизации общества, достаточно интенсивный во второй половине прошлого столетия, ускорился в последние десятилетия.

«Впрочем, судя по всему, этот закон или эта схема пространства со своей логикой (гомогенность-фрагментация-иерархичность) приобрели еще больший размах и стали почти всеобщими: аналогичные эффекты наблюдаются в науке и культуре, в функционировании общества в целом» [11, с. 13], – заключает Лефевр. Учитывая, что его текст вышел в 1974 году – а это время становления постмодернизма, – можно отметить противоречие модерной триады «гомогенность-фрагментация-иерархичность» актуальным ценностям глобализирующегося мира: гетерогенности, системности и равенству.

Признавая необходимость изменения принципов градостроительства, современный урбанизм более не предлагает монументальных проектов города в духе Gesamtkunstwerk: акценты вновь сместились на прагматизм и функциональность, форма подчинилась функции.

Библиографические ссылки

1. *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. М.: Архитектура-С, 2006.
2. *Палладио А*. Четыре книги об архитектуре. М.: Всесоюзная академия архитектуры, 1938.
3. *Ле Корбюзье Ш. Э*. Когда соборы были белыми. Путешествие в край нерешительных людей М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
4. *Вагнер Р*. Избранные работы. М.: Искусство, 1978.
5. *Малевич К*. О музее // Искусство коммуны. 1919. № 12 (23 февраля). С. 2.
6. *Гропиус В*. Круг тотальной архитектуры // Гропиус В. Границы архитектуры. М.: Искусство. 1970.
7. *Токвиль А. де*. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
8. *Гропиус В*. Программа Государственного Баухауса в Веймаре // Гропиус В. Границы архитектуры. М.: Искусство. 1970.
9. *Ле Корбюзье Ш. Э*. Планировка города. М.: ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1933.
10. *Джекобс Д.* Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
11. *Лефевр А*. Производство пространства М.: Strelka Press, 2015.

ПРОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

О. А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия, okwook@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы развития публичного пространства города. На примере просоциальных практик, направленных на городское развитие, показываются особенности трансформации городов, их внутренняя психогеографическая и психосоциальная структура развития. Выявляются знаковые составляющие развития на социокультурном и ментальном уровне внешней (зависящей от истории, традиций, культуры людей населяющих город в разные периоды развития) и внутренней динамики публичных городских пространств (зависящей от социальной активности и социальной ответственности жителей города, проявляющейся в личных инициативах и готовности вовлекаться в общественные практики в виде волонтеров или добровольцев, изменяющих социальный портрет публичного пространства города). Используются результаты авторского исследования, которые обозначают существующие стратегии и типы влияния просоциальных практик на публичное пространство города.

Ключевые слова: публичное пространство; город; просоциальные практики; психогеография города; психосоциальная структура.

Публичное пространство любого города наполнено социальными связями и формами реализации внутреннего потенциала горожан. Для одних городских публичных пространств характерны граффити-образы, для других – эко-пространственные трансформации, для третьих – инновационные виртуально-технологические кибер-пространства и так далее. Но всех их объединяют не просто управленческие стратегии административного аппарата, но и личная заинтересованность горожан в том или ином формировании публичного пространства.

Публичное пространство городов меняется под влиянием внешних условий социального развития, в виде цифровизации, глобализации и проч [1, с. 193]. Ранее публичное пространство могло ограничиться зоной озеленения и местом для прогулок. Сегодня публичное пространство города – это место не просто досуга, это место обучения, активного отдыха, постоянного взаимодействия и социальной реализации небезразличных горожан, вовлеченных в просоциальную активность [2, с. 33].

Любая инициатива, может найти место реализации, разнообразную поддержку и последующее развитие в публичном пространстве, если ее организаторы и участники показывают внутреннюю трансформацию их сообщества и окружающей среды, после ее реализации [3, с. 27]. Тем и

ценно современное публичное пространство городов, что оно становится не только местом досуга и переключения, но и местом активной реализации, направленной на общественное благо всех. Это не всегда профессиональная реализация, но всегда личная заинтересованность, которая помогает формализовать разнообразные практики, наполняющие смыслом повседневную жизнь горожан, вне рамок повседневности, профессиональной реализации и обыденного взаимодействия [4, с. 180]. В этом смысле, публичное пространство создает новые практики социального взаимодействия, которые позволяют выходить из зоны привычного и тем самым развиваться, адаптироваться к новым условиям жизни и применять новые технологии в организации публичного пространства города, регулировать социальное взаимодействие через механизмы междисциплинарного диалога и проч. Всё это способствует повышению гражданской ответственности и социальному участию, просоциальной активности.

Публичное пространство может наполняться через:

– просветительско-образовательную деятельность (лекции, мастер-классы, дискуссии, дебаты);

– пространственно-технологическую модернизацию (озеленение и уборка дворов, ремонт детских и спортивных площадок);

– добровольческие патрули (дружины по несколько человек помогающие разным социальным группам (пенсионеры, инвалиды, женщинам с детьми), следящими за порядком);

– программы взаимопомощи «помощь соседу» (помощь в бытовых вопросах, выгрузке, доставке покупок для людей временно не дееспособных);

– эко-инициативы (сбор батареек или пластиковых пакетов, раздельный сбор мусора, мини-компостеры, просветительские публичные акции по экономии ресурсов, экологическому потреблению и проч.);

– информационное просвещение (обучение представителей старшего поколения возможностям интернет-технологий, информационных порталов и т. д.);

– доступную городскую среду и дружественную навигацию по городу (информации о том, где к кому и по какому вопросу можно обратиться);

– реализацию проектов, направленных на преемственность поколений, внутрисемейных связей, ЗОЖ и проч. («Город моей семьи», «История города – история моего рода», «Известные горожане», «Топонимика города в выдающихся горожанах»).

Таким образом, просоциальная активность позволяет наполнить публичное пространство городов новым контекстом и смыслами. Новое

фактическое содержание публичного пространства города позволяет ориентироваться на перспективы его развития не только в краткосрочной, но и в дальнесрочной перспективе. Просоциальная активность в публичном пространстве формирует ориентиры будущего городов, поэтому ей необходимо уделять особое внимание в стратегическом развитии муниципалитетов.

Библиографические ссылки

1. *Ардашев Р. Г.* Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сборник научных трудов / научн. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 193–197.

2. *Ардашев Р. Г.* Иррациональность городского сознания // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города: сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 33–36.

3. *Баев П. А.* Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.

4. *Скуденков В. А.* Психогеография публичного пространства в условиях постпандемического общества // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сборник научных трудов / научн. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 180–182.

ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ

Ю. А. Протасова

Белорусский национальный технический университет,
Минск, Беларусь, protasovay@mail.ru

В статье рассматривается история формирования общественных пространств в городах Беларуси от ранних рынков в пределах детинцев до современных пространств. Выполняется анализ основных типов пространств – площадей, бульваров, набережных, пешеходных улиц, определяется их роль в городской социальной среде. Прослеживается влияние политических, экономических, социальных трансформаций на морфологию и функции общественных пространств. Дан анализ морфологии площадей, их роль в городской жизни. Результаты показывают, что общественные пространства являются индикаторами социокультурных изменений. Исследование подчеркивает значение изучения градостроительных традиций и трансформации общественных пространств для понимания исторического развития городской среды. В заключении даются рекомендации по совершенствованию городских пространств, направленные на повышение доступности, многофункциональности, экологической устойчивости.

Ключевые слова: бульвар; городская среда; набережная; общественное пространство; площадь; сквер, город.

В период социально-политических, экономических, экологических трансформаций последних десятилетий изучение феномена общественных городских пространств становится все более актуальным. Переход от советской градостроительной парадигмы через сложный период минимального строительства при становлении новой государственности к современным практикам подчеркнул необходимость адаптации существующих общественных городских пространств и создания их новых форм. Выявление градостроительных традиций и современных трансформаций общественных пространств важно для развития городской среды.

В поселениях Беларуси первыми общественными пространствами городов являлись рынки, расположенные в пределах или за крепостными стенами детинца (Гродно, Минск, Полоцк, Могилев, др.). В древнем Менске возникло небольшое пространство в пределах детинца сразу за воротами града – соборная площадь, а за пределами крепостных стен сформировалась рыночная площадь.

В XV–XVII в. увеличиваются размеры белорусских городов и численность жителей, развиваются планировочные структуры (чаще всего это определялось принятием Магдебургского права), строительство новых общественных зданий и необходимость создания пространств

перед ними обусловило создание новых площадей – ратушных. Они имели элементарные планы и формировались главными зданиями города (ратуша, гостиный двор, культовые объекты). Например, в Витебске с получением магдебургского права (1597 г.) и территориальным ростом возникла Ратушная площадь на Взгорском посаде (в разные периоды – Рынковая, Полицейская, Воскресенская) [1, с. 78]. Площадь имела замкнутый характер, формировалась традиционной застройкой (ратуша, церковь Воскресения Христова, костел св. Антония бернардинского монастыря).

В этот же период торговля стала все более важным элементом городской жизни и экономики, поэтому в городах возникало несколько рынков. Это самые большие открытые пространства городской структуры, имели прямоугольный или квадратный план, формировались замкнутыми или полузамкнутыми. Именно на этих площадях кипела городская жизнь, особенно в дни ярмарок. Часто на торговой площади строились ратуши, а также сакральные объекты. Так в Минске к середине XVII в. была создана новая торговая площадь – Новый рынок (Высокий рынок, Верхний рынок), которая была больших размеров (2,75 га) и могла вместить всех горожан. Площадь формировали главные здания города (ратуша, гостиный двор, здания монастырей и др.), но главным зданием являлся костёл Пресвятой Девы Марии (начало XVIII в.), хотя центральное место занимала ратуша – символ Магдебургского права. Так как города XV–XVII в. не обладали большими размерами, а центры развивались постепенно главные площади часто были полифункциональными, совмещали три основных функции (торговую, ратушную, соборную).

К концу XVIII в. в связи с вхождением белорусских земель в состав Российской империи в городах проходила значительная реконструкция и перестройка. Многие города получили классическую планировку и систему площадей разной функции. В Витебске во Взгорье «три основных площади центра были сгруппированы в компактный градостроительный ансамбль, целостный в функционально-планировочном, визуально-пространственном и художественном отношениях» [1, с. 412]. К трем центральным площадям (ратушная, торговая (севернее ратушной), культурно-административная), находящимся на одной оси, добавилась самая крупная Смоленская торговая площадь, в Заручавской части сформировался Могилевский рынок – квадратная классическая площадь. Площади, созданные в XVIII в., имели схожее планировочное решение, выраженное в элементарных планах и трассировке улиц в центре пространств площади. Уникальность архитектурно-планировочном решениям придавали улицы, по-разному примыкающие к площадям, и сама застройка.

Например, к концу XVIII в. в центре Минска сформировалась система площадей: торговая площадь старого замка, Нижняя торговая и Верхняя площади. Главным элементом композиции являлась Верхняя площадь, так как занимала высокое, господствующее положение над городом, на ней были сосредоточены важнейшие здания города.

В конце XIX в. города Беларуси активно развивались (в связи со строительством железных дорог), получили новые регулярные планировочные системы и более развитые общественные пространства с чертами русского градостроительства. Площади имели простые планы с фрагментами озеленения в центре. В этот период формировались привокзальные площади и распространился новый градостроительный элемент, осуществляющий связь основных общественных пространств, бульвар.

В XX в. в период вхождения Беларуси в состав СССР изменилось функциональное назначение городских площадей, их масштаб и декорирование. Знаковым стало переименование главных площадей в честь В. И. Ленина, и создание на них нового композиционного центра – памятника В. И. Ленину. В зависимости от места размещения и масштаба монумента, они подчеркивали «ведущую роль здания в композиции», усиливали «организующую роль этого здания», являлись «основным акцентом в композиции площади» [2, с. 110].

В середине XX в. после второй мировой войны при восстановлении городов заново создавались общественные пространства. Политические тенденции советского времени требовали формирования пространств для массовых мероприятий, демонстраций, что обусловило появление в большинстве городов больших площадей и широких проспектов. Главные площади городов в следствие своих больших размеров оказались немасштабны человеку, для гуманизации таких пространств и поддерживая идею города-сада создавали традиционное для того периода озеленение (партерная зелень, рядовые посадки) в пространстве площадей. Вследствие развития транспортного обеспечения городов, роста автомобилизации, многие городские площади были разделены улицами-проспектами с активным транспортным движением. Главными городскими общественными пространствами стали административные площади и в настоящее время они остаются композиционными центрами городов (Минск, Давид Городок, Клецк, Хойники и т. д.).

В 1960-х гг. изменился характер использования пространства главных площадей, так как на них возникли мемориальные зоны, как дань памяти ВОВ и потребность того времени. В 1965 г. на пл. Свободы в Бресте установили памятную стелу в честь войск 1-го Белорусского фронта, освобождавших город в июле 1944 г. В Могилеве в 1960-е г. Советская (Губернаторская) площадь сформировалась жилой застройкой

на месте сноса исторической и несколькими зданиями общественного назначения, в 1980-х гг. получила новое планировочное решение с мемориальным пространством, включающим комплекс «Борцам за Советскую власть», Вечный огонь, братскую могилу 15 красноармейцев 35-го бронеотряда 16-й армии.

Период становления новой Беларуси 1991–2000 гг. не дал новых интересных пространств в городах, но изменил направленность использования существующих. Были попытки создания пешеходных городских пространств, для чего временно использовались активные транспортные магистрали как пешеходные улицы в праздничные дни.

В XXI в. в Беларуси активными темпами начался процесс реконструкции главных городских площадей и создания новых. Новые экономические условия определили потребность создания подземных торговых центров с разноуровневыми пешеходными пространствами (торговый центр «Столица» в Минске, бизнес-центр «Марко-Сити» в Витебске), большие зоны перед торговыми центрами (в Минске, Гродно, Витебске, Бресте, Могилеве и др.). Внутри торговых центров формируются разноуровневые пространства, аналогичные пешеходным улицам. Также создаются новые пешеходные зоны при реновации промышленных территорий (улица Октябрьская, завод Горизонт в Минске). Новые политические условия диктовали необходимость создания масштабных репрезентативных пространств (в Минске – площадь Государственного флага, пространство перед Национальной библиотекой). Определение национальной идентичности молодого государства Республики Беларусь вызвало необходимость реконструкции центральных улиц города, исторических районов, где воссоздавали исторически ценные общественные пространства по-новому (улицы Советская в Бресте и Гродно, Суворова в Витебске, Ленина в Пинске, Зыбицкая и Комсомольская в Минске и др.). Изменение социального контекста вызвали потребность в актуализации пространств для людей в парках и скверах. Это способствовало реконструкции парковых территорий городов (парк Победы, Лошицкий парк, парк около Большого театра Беларуси в Минске; парк в Подниколье в Могилеве, парк Гомельского дворцово-паркового комплекса и др.).

Современные общественные пространства городов Беларуси демонстрируют преобладание наследия советской эпохи. Городские площади имеют большие размеры, элементарные планы, разрезаются улицами с активным транспортным движением, сформированы преимущественно административными зданиями. Площади чаще всего традиционно полифункциональны, также присутствует мемориальная зона. Уникальной чертой площадей городов является е наличие на

площади и сакрального объекта (церковь, костел) и памятника В. И. Ленину (Брест, Вилейка, Иваново, Минск и др.).

Были проанализированы пятнадцать площадей городов Беларуси по ряду показателей с помощью геоинформационных программ (ArcGis, Qgis, MapInfo) и источников открытых данных. Анализировались: «коэффициент озеленения – % территории, занятой газонами, деревьями, кустарниками, цветниками. %-я доля территории с искусственным покрытием, предназначенным для движения пешеходов, формирует коэффициент мощения. Транспортный коэффициент – % территории, занятой проезжей частью, автомобильными стоянками … Коэффициент замкнутости – процентная доля «зоны замкнутости» ко всей территории открытого пространства площади. Под зоной замкнутости понимается полоса территории, ширина которой равна высоте прилегающей к площади застройки» [3, с. 39].

Анализ показал, что процент озеленения площадей варьируется от 0,3 (Привокзальная площадь Гомеля) до 35 (пл. Свободы в Полоцке). Чаще озеленением занято 10–20 % пространства площади. Процент мощения превышает 35 и достигает в некоторых случаях 89. Территория, занятая транспортными артериями и стоянками, на площадях с движение транспорта колеблется от 10 до 45 %. Коэффициент замкнутости колеблется от 20 до 52 %. Проведенный анализ выявил то, что преобладают транспортные пространства, малое количество озеленения. При реконструкции таких важных для жизни горожан территорий желательно сократить доли транспортной инфраструктуры и увеличить долю пешеходных и озелененных пространств.

В настоящее время в городах Беларуси наблюдается тенденция к фрагментации пространств, то есть появились приватизированные и специализированные общественные пространства (закрытые территории учебных заведений, дворы), доступные для своей целевой аудитории. Вместе с тем можно отметить повышение инклюзивности пространств, увеличение зеленых территорий, что повышает социальную устойчивость городского среды.

Исследование феномена открытых пространств городов Беларуси показал, что эти основополагающие элементы городской структуры являются продуктом исторических трансформаций. На протяжении десяти столетий общественные городские пространства Беларуси меняли приоритетность функций, морфологию, архитектурное оформление и т. д. Пройдя путь от рыночных и ратушных площадей, советских масштабных городских пространств, постсоветских коммерческих территорий, главные городские пространства остаются местами городской памяти и социального взаимодействия. Анализ типологий пространств выявил приоритет в разные периоды разных форм

(площади, парки, бульвары, набережные, дворовые пространства). Для главных площадей городов предпочтение отдавалось многослойной функциональности (торговля, культура, сакральные функции, мемориальные зоны).

Учитывая все вышесказанное можно предложить следующие принципы адаптации существующих общественных пространств и создания новых для городов Беларуси:

– использование градостроительных традиций в формировании открытых пространств;

– формирование многофункциональности пространств;

– развитие гибкости планировочных решений (пространственная – использование модульных элементов; временная – возможность изменять назначение пространств в разное время; технологическая – готовность инфраструктуры пространств применять новые технологии);

– усиление сине-зеленой инфраструктуры (фонтаны, карманные парки, скверы, парклеты и т. д.) для улучшения микроклимата и рекреационной ценности территорий.

Библиографические ссылки

1. *Чантурия Ю. В*. Белорусское градостроительное искусство: средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм в системе европейского зодчества. Минск : Беларуская навука, 2020.

2. Общественные центры городских населенных мест БССР (Опыт формирования, проблемы и направления развития) / Е. Л. Заславский [и др.]. Минск: Вышэйшая школа, 1991.

3. *Вашкевич В. В., Протасова Ю. А.* Критерии оценки качества функционально-планировочной организации городских площадей // Город, пригодный для жизни: материалы VI Международной научно-практической конференции, Красноярск, 14–16 ноября 2023 г. / Сибирский федеральный университет, Институт архитектуры и дизайна; отв. ред. Д. Е. Лемытская; редкол. С. М. Геращенко [и др.]. Красноярск: СФУ, 2024. С. 38–43.

МОЛОДЁЖНЫЙ ДОСУГ В МАЛЫХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. Ю. Сакович

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, sakovich05@mail.ru

В статье рассмотрена организация досуга молодёжи в малых провинциальных городах Беларуси. Определены возможности его развития. Установлено, что для современных молодых людей ценность досуга выше, чем для старших поколений. Это обуславливает потребность развития досуговой инфраструктуры малых провинциальных городов. В настоящее время городской досуг белорусской провинции разнообразен: посещение кафе, прогулки в парке, занятие физической культурой и спортом на оборудованных площадках, проведение фестивалей, ярмарок и др. Однако представленные в малых провинциальных городах формы организации свободного времени не в полной мере удовлетворяют потребностям молодых людей. К проведению городских праздников, фестивалей, концертов следует активно привлекать молодёжь не только в качестве зрителей, но в качестве участников. Это позволит не только расширить круг общения, но и усилить чувство идентичности с малым городом. Перспективным направлением развития молодёжного досуга является агротуризм.

Ключевые слова: молодёжь; досуг; малый город; провинция; досуговая инфраструктура.

В Республике Беларусь особое внимание уделяется развитию малых провинциальных городов, находящихся на удалённом расстоянии от столицы и областных центров. Численность населения в них не превышает 20 тыс. чел. Малый провинциальный город занимает важное место в системе расселения, поскольку выступает связующим звеном между крупными экономическими и культурными центрами и сельскими поселениями. Они сочетают в себе развитую социальную инфраструктуру и спокойствие провинциальной жизни. Формы организации досуга в малых городах белорусской провинции различные: отдых на природе, занятия спортом, прогулки в парках и скверах, посещение кафе/бара, фестивали, концерты и др. Однако этого не всегда достаточно для удовлетворения досуговых потребностей современной молодёжи. Нередко молодые люди уезжают в столицу и областные центры не только в стремлении найти работу с высоким уровнем заработной платы, но также чтобы интересно проводить свободное время. В связи с этим рассмотрим современное состояние и возможности развития молодёжного досуга в малых провинциальных городах Республики Беларусь.

Ценность отдыха и развлечений для нынешнего поколения молодых людей, именуемого зуммерами, выше, чем для людей старших возрастных групп. Анализ ценностных ориентаций, проведанный на основе результатов социологического исследования, выполненного в 2022 г. в рамках профессионального конкурса «Бренд года» показал, что в целом поколение Z ориентировано на традиционные ценности. Однако если среди возрастной категории старше 26 лет в тройку лидеров входили здоровье, семья и финансовое благополучие, то зуммеры наряду со здоровьем и материально обеспеченной жизнью отдавали приоритет такой ценности, как уверенность в себе. Ценность семьи у поколения Z занимала четвертое место из восемнадцати позиций. Существенные межпоколенные различия были обнаружены в таких ценностях, как развитие, познание и развлечения. Их значение для современной молодёжи было в несколько раз выше, чем для старших поколений. Что касается ценности развлечений, то зуммеры разместили её на четырнадцатой позиции, в то время как люди старших возрастных групп – на восемнадцатой (последней) [1]. Таким образом, результаты исследования показали, что интересное времяпрепровождение, хоть и не занимало лидирующих позиций в рейтинге ценностей, имело более важное значение для современной молодёжи, чем для старших поколений. По нашему мнению, это следует учитывать при планировании досуговой инфраструктуры малых провинциальных городов.

Отдых городского населения белорусской провинции зачастую связан с работой объектов культуры. Различные мероприятия, направленные на интеллектуальное развитие молодёжи, проводятся в библиотеках. Местные дома культуры организуют праздники, концерты, фестивали и др. Мероприятия в них проводятся на постоянной основе. Однако важно сделать их увлекательными, чтобы заинтересовать молодёжь. От качества проводимых в городских домах культуры мероприятий во многом зависит уровень удовлетворённости провинциальной молодёжи досугом в целом.

Для современных молодых людей важным является такой способ организации свободного времени, как занятия физической культурой и спортом. Это соотносится с наиболее важной ценностью молодёжи – здоровьем. Во многих малых провинциальных городах Республики Беларусь построены современные физкультурно-оздоровительные комплексы, бассейны, работа которых способствует полезной организации досуга молодых людей, проживающих в малых городах.

Современная молодёжь значительную часть свободного времени проводит в интернете. В сети молодые люди общаются с друзьями, делятся своими фото, видео, смотрят фильмы и др. Для удовлетворения

потребности в такой форме организации досуга городскому населению белорусской провинции необходим качественный интернет.

Изучению малых городов Республики Беларусь было посвящено исследование, проведённое Белорусским институтом стратегических исследований (БИСИ) в 2023 г. В рамках опроса изучалась удовлетворённость населения различными аспектами жизни в своём населённом пункте, в том числе организацией досуга в нём. Согласно результатам исследования, 39,0 % опрошенных были удовлетворены и 44 %, скорее удовлетворены работой объектов культуры. Деятельность спортивных сооружений большинство жителей малых городов оценивало положительно (79,1 %). Качеством телефонной связи и интернета большая часть опрошенных была удовлетворена (70 %). В целом же организацию досуга в своём населённом пункте позитивно оценивала чуть более половины респондентов (53,2 %) [2]. Таким образом, несмотря на позитивные оценки работы ключевых объектов досуговой инфраструктуры малых городов, значительная часть горожан не могла в полной мере удовлетворить в них свои потребности в отдыхе. Это указывает на необходимость развития сферы досуга в малых провинциальных городах Республики Беларусь.

В июле-августе 2024 г. нами был проведён экспертный опрос руководителей и специалистов сельхозпредприятий Мядельского района на тему «Кадровое обеспечение и модернизация агропромышленного комплекса Республики Беларусь». Результаты исследования показали, что некоторые эксперты проживали в районном центре или на небольшом расстоянии он него. Социальную инфраструктуру города они считали хорошей. В райцентре было кафе, дом культуры, физкультурно-оздоровительный комплекс, оборудованный пляж. Отмечалось, что в городе были созданы все условия для семей с детьми. Одна часть экспертов считала, что этого достаточного для малого города, вторая указывала на малое количество развлечений для молодёжи [3, с. 155–157].

Следует отметить, что досуговые предпочтения современной молодёжи отличаются от предыдущих поколений. В 2000-х гг. популярным способом организации досуга являлась дискотека. Однако результаты исследования показали, что сегодня для многих молодых людей такая форма отдыха не является интересной. Современные молодые люди предпочитают кафе/бар/ресторан, бильярд, боулинг, кино. Одной из популярных форм организации досуга является туризм.

В белорусской провинции перспективным направлением отдыха является агротуризм. В Мядельском районе он получил широкое распространение, что обусловлено живописной природой региона. В июле-августе 2024 г. нами было проведено исследование на тему

«Туристический потенциал белорусской провинции». Методом глубинного интервью было опрошено двенадцать туристов, арендующих агроусадьбу в Мядельском районе. Результаты исследования показали, что отдых в регионе они оценивали на высоком уровне. Агроусадьбы в районе разные. Некоторые представляют собой обычный деревенский дом с санузлом на улице. Есть промежуточный вариант, сочетающий в себе комфорт и красоту природу. Встречаются также агроусадьбы класса люкс. Чем лучше условия проживания, тем дороже. В целом данные опроса показали, что чаще всего туристы получали то, на что рассчитывали [4, с. 128–143]. По нашему мнению, такой вид отдыха, как агротуризм, следует популяризировать среди жителей малых провинциальных городов, особенно среди молодёжи. Не всегда молодые люди владеют информацией о возможностях отдыха в агроусадьбе. Поэтому считаем целесообразным создание и продвижение рекламы агротуризма, целевой аудиторией которой является молодёжь малых провинциальных городов Беларуси.

Посредством досуговых мероприятий следует развивать у молодых людей любовь и привязанность к родному городу и провинции в целом. Проводимые концерты, фестивали, конкурсы, спортивные соревнования следует организовывать так, чтобы они оставляли глубокое эмоциональное переживание и сопричастность к происходящему. Участие в городских праздниках, экскурсиях, выставках, ярмарках позволит осознать значимость истории, местной культуры, традиций. Поощрение за достижения сформирует осознание ценности молодёжи для развития города. В провинции, где тесные социальные связи, общественное признание имеет большое значение. По нашему мнению, организациям, в которых работает молодёжь, следует активно привлекать молодых людей к участию в городских досуговых мероприятиях. Это поспособствует не только формированию (усилению) местной идентичности, но также расширению круга общения и потенциальных брачных партнёров, что особенно важно в молодом возрасте.

Таким образом, ценность досуга для современных молодых людей имеет большее значение, чем для старших поколений, что следует учитывать при планировании инфраструктуры отдыха и развлечений в малых провинциальных городах. На современном этапе городские мероприятия для молодёжи чаще всего организуются в местных домах культуры, библиотеках, клубах. Согласно результатам опроса БИСИ, проведённого в 2023 г., несмотря на высокий уровень удовлетворённости жителями малых городов работой объектов культуры, спорта, сети Интернет, организацию досуга значительная часть населения оценивала не высоко. Данные авторского исследования на тему «Кадровое

обеспечение и модернизация агропромышленного комплекса Республики Беларусь» показали, что досуговая инфраструктура малых провинциальных городов не в полной мере удовлетворяет потребностям современной молодёжи. Перспективным направлением отдыха и развлечений в Беларуси для молодых людей является агротуризм. Данный способ организации досуга следует популяризировать среди молодёжи, проживающей в малых провинциальных городах. В целом при организации городских досуговых мероприятий следует активно привлекать молодёжь. Это позволит сформировать у них чувство сопричастности к происходящему и тем самым усилить чувство идентичности с малым провинциальным городом.

Библиографические ссылки

1. В Беларуси провели исследование зумеров. Рассказываем, чем сейчас живёт молодежь. URL: https://myfin.by/article/zhizn/cenat-cuvstvo-umora-i-ne-boatsa-uvolnatsa-s-raboty-kto-takie-belorusskie-zumery (дата обращения: 19.10.2025).
2. Малые города Беларуси // Аналитика БИСИ. URL: https://socio.bisr.by/malye-goroda-belarusi/ (дата обращения: 20.10.2025).
3. *Сакович А. Ю.* Малые провинциальные города как центры социокультурного развития сельской молодежи // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно 15–16 мая 2025 г., ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ. 2025. С. 155–157.
4. *Сакович А. Ю.* Туристский потенциал белорусской провинции (социологический анализ) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2025. №17 (1). С.128–143.

СЕМИОТИКА ГОРОДА: ТЕРРИТОРИЯ, ПРОСТРАНСТВО, ГРАНИЦЫ

Ф. Ю. Сакович

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, Sakovicfeda9@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент

В статье раскрывается семиотика города в концептуальных аспектах его территории, пространства и границ. На основе типологии знаков Ч. Пирса и концепции семиосферы Ю. М. Лотмана эксплицируются категории территории, пространства и границы, уточняется их взаимосвязь. Показано, что семиотика города в качестве концептуальных точек отсчета включает знаки-иконы, предопределяющие границы; знаки-индексы, задающие территории; знаки-символы, конституирующие пространства. Обосновано, что город в концептуальном плане представляет собой открытую диалогическую систему, в которой территория (субстрат) взаимодействует с пространством через границы, или «барьеры-мосты».

Ключевые слова: семиотика; город; знак; символ; икона; индекс; пространство; территория; границы.

Актуальность изучения города через призму знаковых отношений, т. е. с опорой на семиотический метод, обусловлена, во-первых, поиском философских оснований понимания города, сущность которых неотделима от пространственной сущности человека; во-вторых, экспликацией пространственной сущности человека, обусловленной границами его познания, мышления, коммуникации и жизни в городской среде. Поскольку сущностью города является видоизмененная сущность человека, то город является воплощением действий и взаимодействий, которые, в свою очередь, интерпретируются в качестве модусов бытия и путей преобразования этого бытия, связанных с установлением территориальных и пространственных границ [1–3], со «стремлением к рационализации человеческого пространства» [4, с. 108].

Семиотическая проблема территории, пространства и границы связана с категорией «место». Но этот аспект изучения города ориентирует на исследование физических или символических мест с акцентом его географических или метафизических особенностей [3; 4]. Такая дифференциация представляется недостаточной, поэтому ставится цель: раскрыть семиотику города в концептуальных аспектах его территории, пространства и границ. Для ее достижения обратимся к типологии знаков, разработанной Ч. Пирсом. На основе отношения знака к «своему» объекту он выделил следующие три типа знаков: знаки-образы (отношение подобия), знаки-индексы (физическая, причинно-следственная связь), знаки-символы (опосредованная связь) [5].

В семиотике города следует считать аксиомой положение: одному месту, или универсуму, могут принадлежать различные по своим характеристикам и свойствам территории и пространства. Другими словами, две категории – территория и пространство – находятся в отношении частичной совместимости. Наличие такого отношения подразумевает с точки зрения логики возможность трех изомеров в аргументации, связанной с темой места. Это, во-первых, место как территория, не являющаяся пространством; во-вторых, место как пространство, не являющееся территорией; в-третьих, место как территория и пространство.

Поскольку на одной территории могут иметь место различные пространства, и одно пространство может быть характерно различным территориям, постольку решающим фактором выступает граница. Ю. М. Лотман подчеркнул, что «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее ("свое") пространство и внешнее ("их")», на «это» и «то» [6, с. 257]. «Это» уже существует в своем пространстве, «то» – находится за пределами его границ и должно быть воспринято, освоено или отторгнуто. Поэтому связующим звеном категорий территория и пространство является понятие границы, которое так или иначе репрезентирует «то» и «это», начало и конец «одного» и «другого» («иного»). При этом граница функционирует как барьер и как мост. В первом случае препятствует проникновению «другого», во втором – способствует.

Типология знаков как актуальный инструмент для анализа города позволяет концептуально различить территорию, пространство и границы. Знаки-иконы, основанные на подобии, лучше всего характеризуют границу: она подобна фильтру или мембране, разделяющей и соединяющей миры, как отметил Ю. М. Лотман в своей концепции семиосферы [6, с. 209]. Граница – это не просто линия раздела, а икона перехода, где «свое» и «чужое» обретают видимое подобие в форме барьера-моста, стимулирующего диалог и перевод смыслов. В контексте города это проявляется в границах районов, рек или стен, где физическое подобие отражает культурные оппозиции «порядок / хаос» [7]. Граница как икона подчеркивает первичную реальность города, где фактическое содержание (подобие) доминирует, создавая основу для дальнейших интерпретаций [4]. Граница первична еще и потому, что она, разделяя «это» и «то», соответствует двум основным операциям человеческого мышления и познания: установлению тождества и различия. Воспринимая и оперируя знаками-иконами, человек вместе с тем отличает «одно» от «другого», познавая различные качества, что делает возможным всякое другое познание и мышление. В частности, «ментальные границы актуализируются

пространственными первообразами», которые «проистекают непосредственно из жизненного пространства», создаваемого соединением реального и воображаемого пространств [8, с. 70].

Знаки-индексы, связанные с реальным взаимодействием, соответствуют территории как физическому субстрату города. Территория – это индекс, указывающий на реальную связь человека с земной поверхностью: она указывает на фактическое присутствие чего-то, как, например, дым указывает на огонь или вывеска с названием указывает на торговое место. С. В. Воробьева подчеркнула, что вторичная индексная реальность города обусловлена направленностью внимания, где место (территория) воспроизводит разночтения через палимпсест – наслоение исторических слоев [4, с. 110]. Территория как вторичная реальность не может существовать без границ, устанавливаемых посредством знаков-индексов. Поскольку она есть некоторый реальный объект или факт, обусловленный и включенный во взаимодействие с другими фактами или объектами, постольку она подчиняется взаимосвязям в составе некоторого целого или причинно-следственным связям, предоставляя человеку возможность действовать. Н. О. Анисимов иллюстрирует это событиями, свидетельствующими о том, как территория города становится социокультурной средой, в которой индивид как субъект взаимодействует с объектом, создавая семантико-семиотические практики [1]. Это означает, что территория не статична: ее индексная природа подразумевает постоянное взаимодействие, где физическая реальность (почва, реки, здания) указывает на урбанистические процессы формирования социокультурного пространства, подразумевающие движение «от метафизики к практикам». В этом движении город как система урбанистический проект формирует идентичность своего жителя [3].

Знаки-символы, опирающиеся на закон или конвенцию, идеально подходят для пространства как абстрактной модели. Пространство – это символический конструкт, где город создает денотаты через законы культуры (например, семиосферу как пространство диалога) [6, с. 206]. Пространство есть третичная, умозрительная, ментальная реальность. Она опосредована и основана на первичной и вторичной реальностях. Если знаки-иконы позволяют оперировать тождественным и различным, знаки-индексы действовать в физическом мире, то знаки-символы, которые суть пространство, позволяют порождать смысл, интерпретировать различные сообщения и устанавливать коммуникации между людьми. Это необходимое поле для жизни горожан и городских сообществ. В частности, З. Н. Афинская и Л. Н. Кулаженкова отметили, что топонимы (имена улиц) как символы – это «места памяти», фиксирующие историю и престиж, где пространство города становится

социально-культурным феноменом [2]. Символическая природа пространства позволяет интерпретировать город как текст, где законы культуры (конвенции) определяют, как пространство распространяется на разные территории, создавая частичную совместимость. В работе Е. В. Медведевой это развивается через идею достопримечательностей как символов в метасистеме, где пространство генерирует новые смыслы [9].

Частичная совместимость территории и пространства подчеркивает их семиотическую динамику: территория как индекс обеспечивает реальное основание, пространство как символ – абстрактную интерпретацию. Граница как икона связывает их, создавая напряжение, которое Ю. М. Лотман описал как семиотическую неоднородность [6, с. 207]. В городе это проявляется, например, в диалоге «центр / периферия»: центр – символ стабильности (ядро семиосферы), периферия – индекс изменений, где граница фильтрует внешние влияния [4]. Например, Минск территориально представлен на карте в форме окружности. Но одна территория подразумевает наличие множества семиотических пространств. Ю. М. Лотман подчеркнул, что семиотическое пространство – не сумма языков, а условие их существования, где граница амбивалентна: барьер и мост [6, с. 209].

В контексте философской урбанистики эта взаимосвязь позволяет моделировать город как систему: концепт (символ), структура (икона границы) и субстрат (индекс территории) [9]. Н. О. Анисимов добавил, что город как социокультурное пространство непрерывно продуцирует информацию, где категории взаимодействуют через семантико-семиотические практики, читая культурный код [1]. Это значит, что частичная совместимость территории и пространства не только теоретическая конструкция, но и основа для динамики: на одной территории (например, исторический центр Минска) могут сосуществовать пространства бизнеса (символы), памяти (индексы) и перехода (иконы границ), создавая палимпсест смыслов [4].

Для иллюстрации рассмотрим примеры городов. В Санкт-Петербурге, как отметил Ю. М. Лотман, семиотическое пространство строится на оппозиции «свое / чужое», где Невский проспект как граница-икона разделяет парадный фасад (символ имперской мощи) и закулисье (индекс повседневной жизни) [6, с. 241]. Территория города – болотистая почва – индекс реальной борьбы с природой. В работе С. В. Пирогова это вписывается в структуралистскую парадигму, где город как текст интерпретируется через визуальные коды [7]. В белорусском контексте Минск иллюстрирует палимпсест: территория как индекс наслоений (советское / постсоветское), пространство как символ трансфера культур, граница как икона диалога [4]. Гродно и

Могилев, являясь городами одной территории, скорее находятся в разных пространствах и с разными культурами, поскольку нельзя отрицать и приуменьшать влияние польской и русской культур на эти города.

Таким образом, семиотика города в качестве концептуальных точек отсчета включает знаки-иконы, предопределяющие границы, знаки-индексы, задающие территории, знаки-символы, конституирующие пространства. Поэтому город концептуально представляет собой открытую диалогическую систему, в которой территория (субстрат) взаимодействует с пространством через границы. Такой подход позволяет моделировать развитие города, двигаясь от метафизических представлений к реальным городским практикам, изменяющим семантику текста города с учетом прагматических представлений его жителей.

Библиографические ссылки

1. *Анисимов Н. О.* Город в дискурсе семиотики // Juvenis scientia. 2018. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-v-diskurse-semiotiki (дата обращения: 26.10.2025).

2. *Афинская З. Н., Кулаженкова Л. Н.* Городская топонимика как семиотическая проблема // Евразийский союз ученых. 2015. № 11 (20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskaya-toponimika-kak-semioticheskaya-problema (дата обращения: 26.10.2025).

3. *Бернюкевич Т. В.* Социокультурное пространство города: от метафизики города до исследования городских практик // Общество: философия, история, культура. 2020. № 7. С. 13–17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-goroda-ot-metafiziki-goroda-do-issledovaniya-gorodskih-praktik (дата обращения: 26.10.2025).

4. *Воробьева С. В.* Пространственная семиотика города в контексте философской урбанистики // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города: сборник материалов международной научно-практической конференции, 30 ноября 2023 года, г. Минск. – Минск : БГУ, 2024. С. 108–114.

5. *Пирс Ч.* Логические основания теории знаков. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000.

6. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство – СПБ, 2000.

7. *Пирогов С. В.* Контуры визуальных исследований города // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 59–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontury-vizualnyh-issledovaniy-goroda (дата обращения: 26.10.2025).

8. *Воробьева С. В.* Ментальные карты города в контексте прагма-диалектики: утопии и гетеротопии // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы международной научно-практической конференции; Минск, 25–26 ноября 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 67–73.

9. *Медведева Е. В*. Семиотика достопримечательности и ее роль в формировании текста города // Вестник Московского университета. Серия 10. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-dostoprimechatelnostey-i-ee-rol-v-formirovanii-teksta-goroda (дата обращения: 26.10.2025).

10. *Касаткина С. С.* Семиотический подход к исследованию города как системы // Философская мысль. 2017. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskiy-podhod-k-issledovaniyu-goroda-kak-sistemy (дата обращения: 26.10.2025).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО И ТУРИСТИЧЕСКОГО ОБЛИКА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

С. А. Стаськевич

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, 6734061@mail.ru
Научный руководитель – И. Н. Колядко, кандидат философских наук, доцент

Цель данной статьи – определить символическую роль биографий исторических личностей для современного города в общекультурном и прикладном туристическом аспекте. Автор обосновал символический аспект исторических биографий, определил его полезность для культурного развития и формирования идентичности города и его жителей. Обозначил возможные риски профанации истории при чрезмерном административном и идеологическом догматизме. Было определено, что грамотное символическое оформление исторической биографии имеет большую ценность для культурного контекста и туристической привлекательности города.

Ключевые слова: историческая личность; биография; символ; культура; туризм.

Биография человека волне может выступать в качестве символа. В определенном смысле это даже неизбежно, ведь всю сложность конкретной человеческой жизни невозможно представить сугубо логически, как последовательность конкретных причин и следствий. Чтобы биография была употребительна для наших духовных нужд, в том числе и утилитарного плана, ее необходимо оформить символически, в виде ряда тенденций, через призму которых факты связывали бы нас с определенной идеей. Как и многие другие символы, биографии формируют и выражают идею города, что важно и для обогащения культурного контекста как самоцели, и для туризма.

Вообще символический потенциал биографии и связанного с ней имени видели и использовали еще задолго до появления туризма в современном смысле, причем для совершенно других целей – консолидации людей. На нем основан, в том числе, исторический феномен самозванства, который очень часто встречался, например, в российской истории. Так, бунтовщик Емельян Пугачев называл себя спасшимся Петром III, а Лжедмитриев во времена Смуты начала XVII в. вообще было не менее четырёх. Но подобный способ употребления интересует нас лишь в плане демонстрации того эмоционального и смыслового воздействия, которое может оказывать биография как символическое образование. В непосредственно интересующем нас контексте эта сила направлена на культурное творчество.

Конечно, символическое биографическое образование не имеет почти ничего общего со строго научной биографией того или иного

знаменитого человека. У него есть свои правила формирования и употребления. Хотя основной костяк научных фактов в случае символического оформления биографии сохраняется, здесь зачастую также присутствуют легенды, исторические анекдоты, слухи, упрощения, домыслы. В биографии как символе в первую очередь должен быть ярко эстетически выражен монолитный характер героя. Сложные для усвоения исторические, психологические, экономические, политические и философские интерпретации его мотивов порой заменяются на более простые и понятные потенциальной публике. За счет такого рода интерпретации биография личности имеет возможность сохранять свою актуальность.

В качестве примера культурной идеализации исторического персонажа можно снова обратиться к российской истории и привести скульптурную композицию «Степан Разин с дружиной», которая находится в Российском городе Ростов-на-Дону. Конечно, логика установления памятника Разину не имеет здесь в качестве предпосылки непосредственное влияние данного персонажа на развитие города. Ростов-на-Дону возник позже событий восстания 1670–1671 года. В сущности, даже долгосрочному развитию края Разин не поспособствовал. По крайне мере, прямых указаний на это нет. Однако биография Разина являет собой пример казацкого донского свободолюбия и готовности давать отпор любым формам политического и экономического подчинения. Именно этот романтический анархизм вышел здесь на первый план. То, что данный персонаж был в том числе и жестоким грабителем, вряд ли принималось и принимается в расчет [1, с. 160–163].

Город в таких случаях примеряет к себе лишь то, что уместно для него по смыслу. Но зачастую это гораздо больше, чем просто факты или их интерпретация. Биография исторического персонажа в интересующем нас аспекте представляет собой весьма богатый мир смыслов, идей и переживаний, которые в гораздо большей степени поддаются именно эстетическому пониманию, нежели научному. Иными словами, историческая биография являет собой историю личности [2, с. 15–17]. А такая история, по мнению русского философа А. Ф. Лосева, неминуемо символична [3, с. 81]. Впрочем, в конкретном случае толковать ее сугубо в общечеловеческом смысле, то есть чисто философски, не получится. Необходима некоторая привязка к местности, к теперешнему времени и его контексту. И в этом случае интерпретация исторической биографии представляет собой очень тонкое искусство, в котором нужно избежать перегибов как локальной ограниченности, так и абстрактной умозрительности.

В случае небольших городов личность может иметь определяющее значение для местной культуры и туризма. Особенно если подобный город не обладает большим количеством сохранившихся и интересных для посетителей материальных памятников. Причем знаменитый человек может быть или тесно связан с городом, или, скорее, косвенно, но иметь региональное или государственное значение. И в том, и в другом случае символическая биография будет выводить на первый план необходимые для контекста городской истории моменты, придавая им особую значимость. Вероятно, читателю не раз приходилось видеть на домах таблички, содержание которых указывало на то, что в помещении останавливался знаменитый человек. Подобная остановка могла ничего не значить для самого человека при его жизни, но города всегда стараются подчеркнуть даже подобные факты.

Помимо памятных табличек и памятников в честь знаменитых людей города называют улицы, архитектурные объекты, скверы, парки и т. д. То есть сам городской ландшафт географически является не только носителем городской структуры, но и культурного контекста города. Решения о внутригородских наименованиях всегда принимаются с учётом обстоятельств, официально. Некий приоритет здесь часто получают знаменитые уроженцы, хотя многое может зависеть и от конкретной идеологической парадигмы, принятой на уровне местной администрации и выше. Однако даже если некий персонаж остается вне официальной культурной жизни города, это делает его своего рода «ресурсом» который, может быть и, вероятней всего, будет востребован в будущем.

В связи со всем вышеупомянутым нельзя обойти стороной вопрос о том, не является ли символическое оформление и выражение исторических биографий печальной неизбежностью культурной практики, из-за которой коверкается истинный облик личности человека прошлого. Тут стоит принимать во внимание правило, которое было выведено относительно гуманитарных наук и феномена понимания в целом еще герменевтикой Г.-Г. Гадамера. Ряд «предрассудков» как неких эпистемологических условностей является позитивным моментом знания, который предоставляет нам та или иная традиция. Без этого понимание и, как следствие, любая интерпретация чего бы то ни было были бы попросту невозможны. Проще говоря, знание в гуманитарной сфере всегда исторично и естественным образом предпосылочно [4, с. 124–126]. Объективность и строгость естественной науки для истории не применимы в полной мере, (как вероятно, даже и для самих естественных дисциплин) и историческая биография даже научного плана будет иметь некий символический «налет» интерпретации. Истина в данном случае является скорее главной установкой на максимально

возможную объективность и достоверность. Грамотные акценты в популярном изложении материала обыкновенно позволяют ей следовать, пусть и не всегда в полной мере.

Контекстуальность в изложении сама по себе тоже не является изъяном, ведь любая информация подается с оглядкой на воспринимающую ее аудиторию и предмет. Когда аудитория столь обширна, что представляет собой все городское сообщество и гостей города, определенное усреднение способствует лучшему усвоению информации. Сформировать более детальный «трехмерный» облик человека прошлого воспринимающий способен самостоятельно, уделив время серьезным источникам. Таким образом, город в своих легендах, справках, памятных знаках предоставляет своеобразную символическую аннотацию, воспринимать которую необходимо должным образом. Опасность может крыться в чрезмерной идеологизации и политизации биографий и культуры в целом. Там, где символизм свободных интерпретаций заменяется догматом одной строго определенной версии, которая преподносится как исчерпывающая, действительно есть риски профанировать историю. Впрочем, несмотря на подобные опасности, пользы от символического момента в исторических биографиях все же больше. Благодаря ему город приобретает культурную идентичность и становится уникальным миром, уютным и вдохновляющим для горожан, интересным и привлекательным для туристов.

Библиографические ссылки

1. *Смирнова М. В.* Степан Тимофеевич Разин – государственный преступник или народный герой? // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 160–164.
2. *Долгова Н. Б.* Биография как олицетворение культуры эпохи (симптомы методологии) // Музыкальное образование и наука. 2021. № 1(14). С. 15–17.
3. *Лосев А. Ф.* Диалектика художественной формы. М: Академический Проект, 2010.
4. *Медведев Н. В.* Герменевтика Гадамера и социально-гуманитарное познание // Манускрипт. Философия, религиоведение, этика. 2017. № 7(81). С. 121–127.

РАЗВИТИЕ ГОРОДА СТАРОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА (ПРИМЕР БОХУМА, РУР)

Я. В. Трофимова

Институт социально-экономических исследований
Уфимского Федерального Исследовательского Центра Российской Академии Наук,
Уфа, Башкортостан, Россия, tro1@mail.ru

В статье рассмотрен процесс развития города Бохум, расположенного в старом промышленном регионе Рура. Показана зависимость городской жизни от горнодобывающей отрасли, представленной прежде всего добычей каменного угля. Выделены направления вынужденной трансформации города после завершения добычи угля в 1970-х гг.

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00571-25-00 на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов.

Ключевые слова: город; старый промышленный регион; каменный уголь; партисипаторное бюджетирование.

В условиях текущих экономических вызовов тема развития города старопромышленного региона актуальна. Сохранять ли сложившийся промышленный профиль города или пытаться найти новые точки роста? Обратимся к опыту других стран.

Бохум – один из городов Рура, в средние века – часть графства Марк. Формирование города из сельского поселения происходило постепенно, хотя уже в архивных документах 1268 г. Бохум упоминается как город. Согласно источникам можно выделить несколько периодов в становлении города, расположенного на территории крупного угольного бассейна: 1) городской хартией (1298 г.) определяются наследственные имущественные права граждан и устанавливается статус городской общины; германским сеньором Эверхардом регламентируется процесс аренды гражданами Бохума торговых лавок и т. д.; начинается добыча каменного угля открытым способом [1]; 2) грамотой (1321 г.) сеньора начинают регулироваться отношения между его наместником (Schultheissen) и гражданами, жителями дается право на охраняемый рынок, судебную систему, собственную городскую казну, куда поступает часть поборов и штрафов. Вместе с тем муниципалитетом продолжает управлять наместник, а не мэр; действует прообраз городского совета, открывается монетный двор в Бохуме. Несколько позднее строятся городские укрепления в виде вала и рва (1340 г.) и дорога от Эссена до Бохума. Мэр как глава совета упоминается в документе 1407 г., печать городской общины с городским гербом встречается в документах 1381 и 1383 гг.

Население города состоит в основном из крестьян, ремесленников, горняков. Около 1300 г. каменный уголь использовался жителями для

собственных нужд (прежде всего для отопления), а также для продажи на экспорт в Кельн и Голландию. Постепенно формируются зачатки налоговой системы – устанавливается ежегодный сбор в пользу сеньора за коммерческое пивоварение (1349 г.). Для улучшения городских дорог городской совет получает право взимать плату за проезд повозок и провоз скота (1424 г.) (для сравнения, в России появление транспортных платежей относят к XIX в [2, с. 94]), а также собирать акциз на вино (1426 г.) [3].

Первые штольни в Рурском регионе были открыты в XV в., в начале XVI в. добыча в штольнях была широко распространена, с конца XVI в. началось строительство подземных шахт, которые в середине XVIII в. стали наиболее распространенным способом добычи. В графстве Марк в этот период насчитывалось 108 действующих и 104 неработающих угольных шахты.

Первые свидетельства о шахтах по добыче каменного угля в Бохуме относят к XVI в. Шахты располагались в долине Рура, недалеко от Штипеля. Первая лицензия на добычу угля была выдана в 1677 г. шахте Dickebäckerbank (гора Baaker Berg) фермеру Г. Келлерману. В 1738 г. в Бохуме было открыто первое горное управление в Рурской области (Märkische Bergamt). К 1840 г. относят начало промышленной добычи каменного угля, а также соли, золота, серебра, меди и редких металлов (молибден и литий). В 1854 г. в Бохуме действовало 15 крупных шахт (с добычей свыше 150 тыс. т каменного угля)[4, с. 76]. На шахтах применялось 86 паровых двигателей, в том числе для откачки воды (30 единиц) и подъема угля (47 единиц). Крупнейшей шахтой Бохума была шахта Fridrich Wilhelm с добычей более 400 тыс. тонн угля и численностью работающих около 475 чел.

Падение объемов добычи и сокращение численности населения во время Первой мировой войны стали признаками постепенного превращения Бохума в город старопромышленного региона. Очередной подъем добычи связывают с подготовкой ко Второй мировой войне. В 1929 г. в Бохуме насчитывалось более 70 шахт (максимальный показатель по Европе). В 1939 г. в Рурском регионе действовала 151 угольная шахта и добыча достигла своего максимума – 130 млн тонн угля [5]. Последний кратковременный подъем начался после войны, когда появились многочисленные мелкие шахты и «дикие» шахты, добывавшие уголь вблизи поверхности и в заброшенных шахтах. Шахты в Рурской долине закрылись в 1970-х годах, в том числе в Бохуме последняя шахта (Ганноверская) была законсервирована в 1973 г.

Сокращение производства и закрытие шахт означало, что региону был необходим новый вектор развития. Первоначально предполагалось производственное использование территорий шахт. Так, один из заводов

Адама Опеля (Adam Opel AG) (теперь Opel Automobile GmbH) был построен в 1963 г. на месте бывшего шахтного комплекса Dannenbaum, закрытого в 1958 г. В 2014 г. завод был закрыт и теперь здесь при участии компаний Bosch, VW, Uni-Institute планируется построить к 2027 г. исследовательские центры с 10 тыс. рабочих мест, при этом старые шахты будут использоваться для отопления и охлаждения. Шахтные воды из закрытого рудника Роберта Мюзера уже применяются для отопления пожарной станции и школ.

Закрытие шахт потребовало дополнительных затрат на создание новых рабочих мест и переквалификацию персонала (было высвобождено 40 тыс. человек), природоохранные мероприятия, в том числе на рекультивацию земель и защиту от наводнений, поддержку коммунальных служб города. Для решения этих проблем городу предоставляются субсидии и гранты из различных источников.

Новыми точками роста города стали наука (университет открылся в 1962 г.) и сфера услуг, включая «индустриальный» туризм. Развитие «индустриального» туризма в регионе связывают с деятельностью городского музея горного дела, созданного в 1927 г. и получившего в 1973 г. в качестве выставочного объекта копер (сооружение над законсервированной шахтой «Германия» высотой 71,4 м и весом 650 тонн). Места добычи и вход в закрытые шахты, например, в шахту Dickebäckerbank (эксплуатировалась по 1955 г.), становятся историческими памятниками и объектами туристического маршрута. Отвалы горных отходов пытаются интегрировать в ландшафт местности, учитывая их при планировании дорожек, обзорных площадок и т. д.

В «Стратегии Бохума 2030» отмечается, что город, помимо своей роли в науке, должен развивать современное городское управление, стремиться к сотрудничеству с обществом и совместной разработке проектов. По сути город возвращается к историческому самоуправлению, используя партисипаторное бюджетирование как механизм вовлечения населения в управление [6, с. 37]. Концепция Smart City нацелена на ускорение муниципальной цифровизации в контексте устойчивого развития Бохума [7] и включает пять тем (устойчивая инфраструктура, интеллектуальное городское управление, цифровое общество, устойчивая мобильность и окружающая среда, инновационная экономика и наука).

Так, направление «Цифровые рабочие процессы и услуги» имеет ключевое значение для городской администрации. В основе соблюдение принципов транспарентности [8, с. 74]: открытый доступ общественности к информации о структуре и функциях правительства; политике правительства, административным услугам независимо от местонахождения, личности и времени. Проект E-Akte предполагает

полный отказ от бумажного документооборота в сфере госуслуг. «Энергетическая и ресурсоэффективность» – часть устойчивого развития Бохума. Интеллектуальные коммунальные сети в районах, анализ данных о потреблении (интеллектуальный учет энергии, тепла, воды) и умные здания представляют собой рычаги повышения эффективности использования ресурсов. Внедряются технологии минимизации потерь, опирающиеся в том числе и на решения искусственного интеллекта [9, с. 44]. Проект Smart Metering предусматривает создание прозрачной инфраструктуры коммунальных предприятий, используя интеллектуальные измерительные приборы («потребители видят то, за что они платят»).

Таким образом, город Бохум, имея трехсотлетнюю историю горнодобывающего производства, сохранил ее и сделал одной из точек своего роста как туристического центра. Это позволило частично сохранить занятость, развивая сектор услуг. Внедряя концепцию умного города, Бохум повышает свою привлекательность для жителей и туристов. Для решения проблем, характерных для старого промышленного региона, город использует финансовую помощь федеральной земли, а также инициативу граждан, опираясь на принципы партисипаторного бюджетирования.

Библиографические ссылки

1. *Dege W., Dege W.* Das Ruhrgebiet. Berlin, Stuttgart, Gebrüder Borntraeger, 1983.
2. *Трофимова Я. В.* Дорожные платежи в системе российских налогов и сборов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 6 (134). С. 94–101.
3. *Hoefken G.* Verleihung der Stadt an Bochum. URL: https://www.kortumgesellschaft.de/id-5-heimatbuch-1951-verleihung-der-stadtrechte-an-bochum.html (date of access: 02.10.2025).
4. Zeitschrift fuer das Berg-, Huetter-, und Salinenwesen im Deutschen Reich 3, 1856 / Muenchener Digitalisierung Zentrum Digitale Bibliothek. URL: https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10228231?page=,1 (date of access: 01.10.2025).
5. *Harnischmacher S.* Quantification of Mining Subsidence in the Ruhr District (Germany) // Géomorphologie Relief Processus Environnement. 2010. №16 (3). P. 261–274. DOI: 10.4000/geomorphologie.7965.
6. *Трофимова Я. В.* Партисипаторное бюджетирование в условиях экологических вызовов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 1(169). С. 37–44. DOI: 10.34773/EU.2023.1.6.
7. Partizipation & Vernetzung. URL: https://www.bochum-smartcity.de/partizipation-vernetzung/ (дата обращения: 01.09.2025).
8. *Трофимова Я. В.* Институт прозрачности – актуальный тренд развития бюджетной системы // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. № 2(164). С. 74–80. DOI: 10.34773/EU.2022.2.14.

9. *Трофимова Я. В*. Современные технологии минимизации потерь в цифровой экономике // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 2(24). С. 40–45.

УПРАВЛЕНИЕ КРАСОТОЙ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ ТЕРРИТОРИЙ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Т. Ю. Фальковская[1)], **П. М. Романова**[2)]

[1)] *Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, dear_dear@inbox.ru*
[2)] *Тюменский государственный университет Тюмень, Россия*

В статье обосновывается необходимость внедрения эстетического паспорта территорий (ЭПТ) как инновационного инструмента управления эстетическими ресурсами в контексте развития креативной экономики региона. Рассматривается роль и функции эстетического паспорта территорий для развития локальных креативных индустрий.

Ключевые слова: эстетический паспорт территорий; эстетический капитал; креативные индустрии; визуальная идентичность; территориальное развитие; культурное наследие.

В контексте стремительного приближения креативной цивилизации и бурного развития креативной экономики эстетический капитал территории приобретает огромное значение как фактор формирования конкурентных преимуществ региона с точки зрения туристической привлекательности, с точки зрения экономического развития, с точки зрения миграционных процессов. Согласно исследованиям НИУ ВШЭ, вклад креативных индустрий в ВВП России достиг 3,5 %, что превышает среднемировой уровень, который держится на уровне 2,5–3 %. При этом в мире наблюдается устойчивый рост инвестиций в креативный сектор [1].

Эстетический капитал территории – это совокупность эстетических ценностей, обладающих инвестиционной привлекательностью и способных к воспроизводству эстетических и экономических ценностей. Структура эстетического капитала такова: эстетические ценности, материальные и нематериальные объекты, имеющие эстетическую ценность, к которым относятся артефакты, внешние и внутренние пространства; человек как носитель внешних эстетических проявлений и внутреннего потенциала, такого как эстетическая эрудиция и навыки по преобразованию внутреннего потенциала в эстетические ценности [10, с. 181].

Концепт эстетического капитала все активнее используется в научной и управленческой риторике, что подразумевает систематическое использование визуальных культурных ресурсов территории для создания добавленной стоимости. Детализация структурных элементов

эстетического капитала выливается в обширный список, который включает в себя в том числе предметное и архитектурное наследие территории, ландшафтные особенности территории, эстетические коды и творческий потенциал местных профессиональных сообществ.

Для практической реализации концепта эстетического капитала требуются специфические инструменты; таким инструментом является эстетический паспорт территории (ЭПТ). ЭПТ коррелирует с детализированным списком элементов эстетического капитала лишь частично, ЭПТ – это цифровой реестр и управленческий инструмент, фиксирующий и регламентирующий параметры визуальной идентичности пространства: материалы, колористику, символику, орнаменты, силуэт застройки, элементы благоустройства, визуальные коридоры; нематериальные элементы: локальные нарративы, «места памяти», традиции и ремесленные техники; экономические и управленческие механизмы поддержки аутентичности [9, с. 292].

ЭПТ синтезирует подходы культурной географии, экономики наследия, визуальной семиотики и lean-менеджмента в городском развитии [9, с. 290]. Международная и российская практика предлагает широкое разнообразие подходов и моделей к управлению визуальными ресурсами городов: Великобритания, США, Нидерланды, Россия демонстрируют успешные примеры интеграции инноваций и наследия, природной и рукотворной красоты, а также конвертации эстетики в экономические показатели. О структуре ЭПТ и методиках его разработки мы говорили ранее [9]. В данном случае мы хотели бы сфокусироваться на потенциале ЭПТ в качестве драйвера развития региональных креативных экономик.

Эстетический паспорт территории представляет собой не просто эстетический регламент по обустройству городской и пригородной среды, ЭПТ – это стратегический драйвер развития креативных индустрий, комплексного формирования и развития уникальной идентичности региона и повышения конкурентоспособности территории в условиях современных запросов и требований. ЭПТ представляет собой набор визуальных элементов, эстетический стандарт, которой задает минимально допустимый эстетический уровень продуктов креативных индустрий. Любой стандарт в условиях конкуренции и добровольного их применения представляет собой предельно допустимый уровень и задает точку отсчета для инноваций и развития. Внедрение ЭПТ создает направления развития и стартовый уровень качества для креативных индустрий, обеспечивает их конкурентоспособность. ЭПТ агрегирует локальные элементы эстетики, превращает культурное наследие в драйвер экономического роста; ЭПТ косвенно способствует формированию новых рабочих мест в сфере

креативной экономики, в креативных индустриях. ЭПТ необходимо интегрировать в систему стратегического планирования развития территорий для преодоления хаотического вне стилевого единства освоения пространств.

ЭПТ таким образом становится квинтэссенцией эстетических локальных кодов. ЭПТ имеет огромное значение для развития региональных креативных индустрий: это гарантия качества и материал для свободной интерпретации и воплощения в разнообразных, но узнаваемых продуктах креативных индустрий.

Внедрение ЭПТ обеспечит развитие локальной идентичности, трансляции эстетического кода в продуктах креативных индустрий: архитектура, фэшн-индустрия, киноиндустрия, предметный дизайн, игровая индустрия и так далее – все креативные отрасли получат мощную эстетическую интенцию для дальнейшего развития, для поиска инновационных решений в уникальной колее локальных эстетических кодов.

Однако, надо понимать, что ЭПТ и эстетические коды в нем не являются обязательным стандартом, но эстетической канвой, обеспечивающей эстетическое единство и узнаваемость локальной эстетики. Кроме того, разработка и внедрение ЭПТ позволит преодолеть кризис культурной самоидентификации через комплексы локальных эстетических кодов. При этом важно не превращать ЭПТ в замкнутую эстетическую экосистему: изоляция, в том числе эстетическая, приводит к деградации системы. Важно соблюдать баланс регламентации и свободы творчества, возможность проявления локальных эстетик в сочетании с отказом от моноэстетики; осуществлять фокус на локальных эстетических кодах не пренебрегая мощным синергетическим потенциалом мультикультурных эстетик как отражение тренда глобализации, открытости и коллабораций.

Библиографические ссылки

1. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Креативные индустрии в России: статистический анализ. М.: НИУ ВШЭ, 2024.
2. *Throsby D.* The Economics of Cultural Policy. Cambridge: CUP, 2010.
3. *Florida R.* The Rise of the Creative Class. NY.: Basic Books, 2019.
4. Bureau of Land Management. Visual Resource Management. Washington: U.S. Department of the Interior, 2019.
5. Greater London Authority. London Housing Design Guide. London: GLA, 2010.
6. Copenhagen Municipality. Visual Identity Guidelines for Urban Development. Copenhagen: City Planning Department, 2022.
7. Национальный центр «РОССИЯ». Суверенный архитектурно-визуальный код России. М.: НЦ «РОССИЯ», 2024.

8. Министерство культуры Российской Федерации. Концепция по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия на период до 2030 года. М.: Минкультуры России, 2017.

9. *Романова П. М., Фальковская Т. Ю., Шихов Д. И.* Эстетический паспорт территорий как инструмент управления эстетическими ресурсами города // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространстве. Материалы VII международной научно-практической конференции; под общ. ред. Т. Ю. Фальковской. Иркутск, 2025. С. 290–297.

10. *Фальковская Т. Ю.* Эстетический капитал как фактор развития креативной экономики: сформировать, привлечь, приумножить // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространстве. Материалы V международной научно-практической конференции; под общ. ред. Т. Ю. Фальковской. Иркутск, 2023. С. 179–187.

ЭКОТРОПА КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ, СВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И КОММЕРЧЕСКИХ БРЕНДОВ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

В. В. Шайбак

Рекламное агентство «Кудесница АртМедиапресс», Минск, Беларусь, v.shaibak@gmail.com

Статья посвящена анализу проекта «Экотропа при храме святителя Николая Японского» как уникальной модели коллаборации религиозной общины, светского общества и бизнес-структур в условиях современной урбанистики. Рассматривается потенциал экотроп как пространства экологического просвещения, социального взаимодействия и формирования ответственного отношения к природе. Особое внимание уделено возможностям привлечения частного и государственного сектора, а также выгодам для всех участников проекта.

Ключевые слова: экотропа; религиозная община; коллаборация религиозной общины, светского общества и бизнес-структур; современная урбанистика.

Введение

Современная урбанистика стремится к интеграции природных элементов в городскую среду, формированию экологически ответственного поведения горожан и укреплению локальных сообществ. На пересечении этих задач появляется формат экотроп – малых рекреационных маршрутов, органично встроенных в городскую ткань.

Проект создания «Экотропы при храме святителя Николая Японского» представляет собой редкий пример синтеза экологического, культурно-исторического и духовного содержания. В данном случае религиозная община выступает не только хранителем духовных традиций, но и активным участником развития городской среды. Это создаёт предпосылки для формирования нового типа городских коллабораций: «религиозный приход – гражданское общество – бизнес».

Экологическая тропа как социально значимый урбанистический объект

Экотропа – это не просто природный маршрут. Это площадка для формирования экологической культуры, проведения образовательных и культурных мероприятий, развития городской идентичности. В условиях храма подобная тропа приобретает дополнительную ценностную нагрузку: становится пространством тишины, созерцания и уважения к природе как к сотворённому миру.

Создание экотропы на территории прихода:

– укрепляет роль храма как культурного и социального центра района;

– расширяет аудиторию прихода, вовлекая жителей разных возрастов и мировоззрений;

– способствует развитию экологического просвещения среди детей и молодёжи;

– формирует новые формы взаимодействия между городскими институтами.

Потенциал коллаборации: религия – общество – бизнес

Выгоды для религиозной общины:

1. социальная открытость и укрепление доверия. Храм становится не только местом богослужений, но и культурно-экологическим центром;

2. приток новых посетителей. Экотропа привлекает жителей района, школьников, семейные аудитории и туристов;

3. развитие социальных инициатив. Появляется возможность организации экскурсий, экологических уроков, волонтёрских мероприятий.

Выгоды для светского общества:

1. создание нового общественного пространства. Маршрут становится местом отдыха, прогулок, экологического образования;

2. формирование локальной идентичности. Экотропа усиливает привязанность жителей к своей территории;

3. повышение качества городской среды.

Выгоды для коммерческих брендов:

1. долгосрочный социальный вклад. Участие в создании экотропы – это устойчивый физический объект, который ассоциируется с брендом;

2. PR-и ESG-выгоды. Экологические и культурные инициативы повышают репутационный капитал компании;

3. работа с локальными сообществами. Команды компаний могут участвовать в волонтёрских субботниках, мероприятиях тропы.

Таким образом, возникает уникальная модель win-win-win взаимодействия, в которой каждый участник получает значимые социальные и имиджевые выгоды.

Экотропа как комплексный проект: культурный, экологический, социальный аспекты

Экотропу можно позиционировать сразу в нескольких плоскостях:

1. экологический проект. Формирование экологического сознания, бережного отношения к природе, создание рекреационных зон;

2. культурно-исторический маршрут. Храм Николая Японского – значимый объект, включающий тему межкультурных связей и истории христианства в Японии;

3. социальная платформа. Тропа может стать местом для встреч, мастер-классов, занятий для школьников, мероприятий для пожилых людей;

4. туристический объект. Привлекательная точка маршрута для экскурсий, культурных программ и районных мероприятий.

Источники финансирования и партнёрства

Для частного сектора участие может быть мотивировано:

– корпоративной социальной ответственностью;

– ESG-целями (экология, социальная вовлечённость, управление);

– интересом к работе с локальным сообществом.

Наиболее перспективные категории партнёров:

– эко-ориентированные бренды,

– банки,

– IT-компании,

– ритейл и торговые сети.

Для государственных организаций проект представляет интерес в рамках:

– благоустройства территории;

– экологического воспитания;

– социального развития района.

В качестве партнёров могут выступать:

– местные администрации,

– лесничества,

– учреждения образования,

– экологические сообщества.

Стратегия привлечения партнёров

Эффективное продвижение проекта требует следующих последовательных шагов:

1. разработка концепции экотропы: цели, схема маршрута, образовательные элементы, бюджет;

2. создание презентации для потенциальных партнёров с акцентом на значимость и уникальность проекта;

3. формирование партнёрских пакетов различного уровня (генеральный, точечный, волонтёрский);

4. выделение совпадающих ценностей между храмом, обществом и бизнесом;

5. обеспечение прозрачности и позитивного PR для привлечения устойчивых партнёрств.

Экотропа как форма взаимодействия религиозной общины, светского общества и коммерческих брендов в городской среде

Вариантами взаимодействия религиозной общины, светского общества и коммерческих брендов может быть разработка и установка

арт-объектов, скамеек и зон отдыха, малых мостиков, настилов и конструктивных элементов, сцен и пространств для мероприятий, интерактивных и образовательных точек.

Арт-объекты (и брендированные элементы):

1. «тории природы» – минималистичная деревянная арка, современная интерпретация японских тории, выполненная из обработанного дерева или металла. Бренд может разместить аккуратный логотип на боковой рейке;

2. сенсорная «поющая» инсталляция ветра – металлические трубки, создающие мягкий звук на ветру. Бренды экологической направленности могут поддержать такую «музыкальную» точку;

3. арт-камни «Зерно мудрости». Группа крупных камней (габбро, гранит) с выгравированными цитатами о природе, гармонии, экологии;

4. интерактивный «Лесной ксилофон». Деревянные балки, на которых посетители могут играть палочками. Детям понравится, брендам будет удобно для SMM и активаций.

5. лайт-арт «Свет в тишине» – солнечные светильники, встроенные в низкие столбики или камни, создающие мягкую дорожную подсветку. Энергетические компании или банки отлично впишутся в их установку как партнёры.

Скамейки и зоны отдыха:

6. «скамья созерцания» с панорамной спинкой. Спинка может быть выполнена из перфорированного металла с узором японских волн или сакуры, логотип бренда размещен внизу справа;

7. парные скамейки «Диалог» – две скамьи, расположенные под углом друг к другу, символ диалога общества, природы и человека, отличная имиджевая история для любого партнера;

8. шезлонги «Тихая пристань» – деревянные лежаки с эргономичной формой. Сделать их можно из термодерева или переработанного пластика;

9. «скамья-волна» – гнутая деревянная конструкция, напоминающая волну Хокусая, может быть фотогенична и меть большой PR-потенциал;

10. «зелёные скамейки» с мини-клумбами – скамьи с вмонтированными контейнерами для растений. Бренды могут «усыновить» растения, разместив надпись: «Посажено компанией ___ в поддержку экологии города».

Малые мостики, настилы и конструктивные элементы:

11. мостик «Дорога света» из дерева и тросов – лёгкая, воздушная конструкция, на боковых перилах которой могут быть размещены элементы фирменного паттерна партнёра;

12. навес-павильон для отдыха «Японский сад» – мини-беседка с деревянным стильным каркасом. В нее можно встроить солнечные панели, что привлечет энергетические бренды.

Сцены и пространства для мероприятий:

13. маленькая природная сцена «Окамото» – площадка из дерева с мини-бэкдропом в японском стиле, которая может быть использована для лекций, мини-концертов, школьных выступлений;

14. амфитеатр «Круг общения» – невысокие деревянные ступени вокруг центральной площадки. Бренд может установить одну вертикальную стойку со своим логотипом.

Интерактивные и образовательные точки:

15. «путь пяти чувств» – это маршрут из нескольких станций, на которых можно:

– услышать природу,

– потрогать разные фактуры дерева,

– вдохнуть ароматы трав,

– рассмотреть микрообъекты через лупу,

– почувствовать землю босыми ногами (в мини-отсеке).

Каждую станцию может поддержать отдельный партнёр.

Заключение

Проект экотропы при храме святителя Николая Японского демонстрирует успешную модель интеграции религиозного пространства в современную урбанистическую среду. Взаимодействие религиозной общины, светского общества и коммерческих брендов открывает новые возможности для развития городских территорий, усиления локальной идентичности и формирования экологически ответственного поведения.

Такие проекты способны не только улучшать качество городской среды, но и укреплять социальные связи, формируя пространство диалога между различными группами горожан. Экотропа становится символом того, что устойчивое развитие города возможно только при совместных усилиях всех его участников.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ УРБАНИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКИХ АКТИВНОСТЕЙ

Е. М. Янкевич

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Беларусь, yankevich_em@mail.ru

В данной статье исследуется взаимосвязь между глобальными процессами урбанизации и эволюцией туристических практик. По мнению автора, урбанизация не просто создает новые точки притяжения для туристов, но и выступает ключевым фактором, формирующим новые типы туристического спроса и предложения. Рассматриваются такие феномены, как городской туризм, креативный туризм, джентрификация и появление «нетуристических» районов в качестве объектов интереса. Анализируется двойственная роль туризма в развитии городов – как катализатора экономического роста, формирования социально-экономических эффектов и как источника социально-пространственных дисбалансов. Статья базируется на анализе академической литературы и конкретных кейсах мировых мегаполисов.

Ключевые слова: урбанизация; туристические активности; социально-экономические эффекты; креативная экономика; джентрификация; устойчивое развитие.

Одним из определяющих глобальных трендов в XXI веке становится урбанизация. Более половины населения мира, как отмечает ООН, проживает в городах, и на данный момент времени, эта доля продолжает расти. Параллельно с таким явлением туризм утверждается как одна из крупнейших и более того динамично развивающихся отраслей мировой экономики, невзирая на различные вызовы. Следует утверждать, что эти два мегатренда тесно переплетены: города становятся главными драйверами и центрами притяжения туристических потоков. Однако их взаимосвязь носит сложный, многогранный и зачастую противоречивый характер, что требует глубокого научного осмысления и обуславливает актуальность исследования.

Что касается степени научной разработанности темы исследования, то проблематика городского туризма изучается в работах таких авторов, как М. Фуллер, Д. Харви, Р. Флорида, фокус научного интереса которых смещен на экономические аспекты или управление туристическими потоками. В тоже время комплексный анализ урбанизации как системный процесс, трансформирующий саму суть туристических активностей, остается недостаточно раскрытым. Р. Флорида разработал новый показатель – индекс креативности, который является ключом к экономическому росту и кроется не только в способности привлекать креативный класс, но и в способности трансформировать это базовое

преимущество в креативные экономические результаты в виде новых идей, новых высокотехнологичных предприятий и регионального роста [1]. На наш взгляд, различные классы людей уже давно распределяются по районам внутри города или региона. Но теперь мы наблюдаем масштабную перегруппировку населения между городами и регионами по всей стране: одни регионы становятся центрами креативного класса, в то время как другие состоят из большей доли рабочего класса или представителей сферы услуг в зависимости от того какие градообразующие организации находятся в городе. Другими словами, идет процесс джентрификации – преобразования неблагополучных городских районов, который начинается с появления более состоятельных жителей, что приводит к улучшению их инфраструктуры, реставрации зданий и, как следствие, к росту цен на жилье. Этот процесс часто сопровождается вытеснением коренных жителей с низким уровнем дохода из-за повышения арендной платы и налогов.

Д. Харви установил капиталистический характер урбанизации, он встает на позицию всех, кто пытается в процессе развития городов обеспечить себе средства к существованию [2]. Дж. Урри и Й. Ларсен в своих исследованиях (2011) «Туристический взгляд 3.0» утверждают, что «риски и будущее» города стимулируют городской опыт, рассказывая о будущем места назначения и потенциальных рисках, а также о выбранных путях развития [3]. Центральный тезис социолога Дж. Урри, известного в туристическом сообществе благодаря манифесту о мобильности (2000), остается таким, что увиденное позволяет туристам формировать общее понимание окружающего их мира. Понимание, построенное путем обработки различных знаков, культурных практик и впечатлений и упрощения их, чтобы они могли обсуждать эти практики в рамках своей мимолетной туристической активности. Актуальным представляется видение Дж. Урри и сейчас, как структурного и технологического факторов глобализации преобразующих скорость развития взаимосвязанности и сетей. По его мнению, расширение туристического доступа во все уголки земного шара (и, возможно, за его пределы) проливает яркий, даже возмутительный, свет на неравенство и привилегии наблюдателей по отношению к наблюдателям. Действительно, виртуальные музеи и Google карты предлагают такие возможности.

Трансформация происходит не только на уровне геоэкономики, геополитики, но и в сфере туристических перемещений. Появляются новые идеи и интеграции на фоне инноваций в сфере туризма, возникают ранее непредвиденные проблемы, конкурирующие интересы и меняется опыт, с которыми сталкивается туризм [4].

Ситуация с урбанизацией в Республике Беларусь не отклоняется от мировых трендов и показывает усугубляющуюся тенденцию. Численность городского населения в стране в 2016 году составляла 76,5 %, а на начало 2025 года уже 78,9 %, при этом общая численность населения за этот период сократилась на 3,8 %, городского на 1,2 %, сельского населения на 12,5 % [5, с. 73]. В Беларуси наиболее наглядным примером урбанизации является город Минск (27,8 % всего городского населения страны), который поступательно внедряет принципы инновационного и устойчивого развития, демонстрируя и преобладание уровня всех показателей социально-экономического развития по отношению к регионам.

Следует отметить, что рационализация внутренней социально-экономической структуры города и сбалансированности инфраструктурного развития могут быть осуществлены на основе кластерного подхода [6]. Следует сделать акцент, что городская среда, сосредотачивая скопление населения, дает возможность высокого заработка, что увеличивает уровень жизни населения и способствует активизации туристического спроса. Как правило, в крупных городах оплата труда выше, чем в малых. Однако, при сочетании в доступе аэропорта и высокого уровня совокупных располагаемых доходов, отмечается рост выездных туристических потоков, что отрицательно влияет на социально-экономическое развитие страны.

В свою очередь, урбанизация выступает как генератор новых форм туристического спроса и предложения. Город рассматривается как мультипродукт, а посетителям предлагается не просто набор достопримечательностей, а комплексный туристический продукт. Например, культурный (музеи, театры), событийный (фестивали, форумы), деловой (MICE-туризм), гастрономический, шопинг-туризм, медицинский, образовательный, промышленно-патриотический, при условии развития инфраструктуры средств размещения.

Согласно теории Ричарда Флориды, рост креативного класса в городах порождает спрос на аутентичные, иммерсивные персонализированному туристическому опыту услуги, что ведет к популяризации креативного туризма: мастер-классы, воркшопы, участие в локальных практиках; «нетуризма» (off-the-beaten-track tourism): интерес к жилым, непопулярным у массового туриста кварталам, стрит-арту, локальным кафе и рынкам; «инфраструктурный импульс», когда урбанизация стимулирует развитие транспортной, гостиничной и цифровой инфраструктуры, что, в свою очередь, делает город более доступным и комфортным для туристов.

Происходит процесс трансформации туристических активностей, проявляющийся в смещении фокуса: сдвиг от пассивного осмотра

классических достопримечательностей (Эйфелева башня, Лувр) к активному потреблению городской атмосферы и повседневных практик. Цифровизация накладывает особый отпечаток на туристические перемещения. Социальные сети (Instagram, TikTok) становятся мощным драйвером новых туристических активностей, создавая «вирусные» локации и формируя «цифровой образ» города, который туристы стремятся воспроизвести. Примеры новых активностей: фуд-туры по локальным ресторанам и рынкам (присущи крупным городам); вело- и самокатные туры по индустриальным или парковым зонам; посещение коворкингов и креативных кластеров наравне с музеями.

Итак, туризм как фактор урбанистических изменений формирует позитивные эффекты, такие как: экономическое развитие через создание рабочих мест, рост налоговых поступлений; реновация городской среды как реставрация исторических зданий, развитие общественных пространств (набережные, парки), которые используются и жителями; усиление культурной идентичности, когда туризм стимулирует сохранение и популяризацию нематериального культурного наследия.

Однако, прослеживаются и негативные эффекты и вызовы от урбанизации: джентрификация и рост цен, когда наплыв туристов ведет к росту арендной платы и вытеснению местных жителей из центральных районов (кейсы Барселоны, Венеции); овертуризм, где наблюдается перегрузка инфраструктуры, деградация исторических памятников, конфликты между туристами и местными жителями; стандартизация и потеря аутентичности – коммерциализация городской культуры, превращение уникальных мест в сувенирные лавки для туристов.

Тем не менее, урбанизация и туризм в контексте устойчивого развития сводится к необходимости управления, повышение роли и компетенций в туристической сфере, непрерывная многоуровневая подготовка, переподготовка и повышение квалификации с учетом сложившихся тенденций международного опыта [7]. Стихийное развитие туризма в городах неприемлемо. Требуется разработка стратегий устойчивого туризма, включающих: диверсификацию потоков: продвижение менее популярных районов и «межсезонья». Необходимо строгое регулирование: введение туристических сборов, квот на посещение. Следует заметить, что вовлечение местного сообщества позволит распределить доходы от туризма среди резидентов и учитывать их мнения при планировании, что способствует формированию социально-экономических эффектов (прямых, косвенных, скрытых) и выявить взаимодействие через систему сбалансированных показателей [8].

Таким образом, взаимосвязь урбанизации и туризма является симбиотической и диалектической. Урбанизация создает материальную,

культурную и социальную основу для новых, сложных форм туристических активностей, выходящих далеко за рамки традиционных посещений. Туристическую индустрию необходимо рассматривать как социо-экономическую систему. Туристические активности трансформируются в сторону большей иммерсивности (полного погружения человека в определенную среду), персонализации и ориентации на потребление опыта и аутентичной городской атмосферы. Обратное влияние туризма на города неоднозначно. С одной стороны, он выступает катализатором экономического и культурного развития, с другой – является источником серьезных социально-экологических проблем, главная из которых – «овертуризм». Перспектива дальнейших исследований видится в разработке эффективных моделей управления туристическими потоками на основе принципов устойчивого развития, smart-city (умный город) технологий и баланса интересов туристов, местных жителей и бизнеса. Будущее городского туризма лежит не в наращивании количественных показателей, а в качественной трансформации, обеспечивающей устойчивость и жизнеспособность городских систем.

Библиографические ссылки

1. *Florida R.* The Rise of the Creative Class. 2002. ISBN 978-1-5416-1774-2. URL: https://washingtonmonthly.com/2002/05/01/the-rise-of-the-creative-class/ (date of access: 15.10.2025).
2. *Harvey D.* Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. 2012. URL: https://davidharvey.org/media/righttothecity.pdf (date of access: 15.10.2025).
3. *Urry J., Larsen J.* The Tourist Gaze 3.0. 2011. URL: https://www.researchgate.net/deref/http %3A %2F %2Fdx.doi.org %2F10.1080 %2F13683500.2012.759548?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19 (date of access: 20.10.2025).
4. *Richards G.* Rethinking Cultural Tourism. 2020. URL: https://repository.tilburguniversity.edu/server/api/core/bitstreams/a0d00b37-42c4-43a8-b68f-368355ef125e/content (date of access: 10.10.2025).
5. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели: стат. сборн. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Т. 1. Минск. 2025. URL: http://belstat.gov.by/ (дата обращения: 14.10.2025).
6. *Тарасенок А. И., Малеронок В. Н.* Туристические кластеры города Минска // Вести Института предпринимательской деятельности. 2021. № 2 (25). С. 42–51.
7. *Горбылева З. М., Шамардина И. А.* Кадровый потенциал как детерминанта возрождения туризма // Научные труды БГЭУ. 2021. С. 108–115.
8. *Янкевич Е. М.* Оценка социально-экономических эффектов функционирования региональной туристической дестинации. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2024.

РАЗДЕЛ VI
ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОРОДЕ

Е. М. Андрейковец

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, emandreikovetc@mail.ru
Научный руководитель – И. И. Калачёва, доктор исторических наук, профессор

В статье рассматривается социально-демографическое положение молодых семей в Республике Беларусь в контексте современных процессов урбанизации и трансформации семейных ценностей. Анализируются количественные и качественные характеристики молодых семей, динамика брачно-репродуктивного поведения, уровень урбанизации и региональные различия демографических показателей. Особое внимание уделено исследованию социально-экономических факторов, влияющих на формирование молодой семьи, её роль в воспроизводстве населения и укреплении института семьи. Описываются государственные меры поддержки, направленные на решение жилищных и финансовых проблем, а также стимулирование рождаемости. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования демографической и семейной политики, направленной на создание благоприятных условий для развития молодых семей и сохранения семейных традиций в условиях модернизации белорусского общества.

Ключевые слова: молодая семья; урбанизация; демографическая политика; рождаемость; социально-экономические факторы; семейные ценности.

Семья как базовый социальный институт является фундаментом любого общества, определяющим его демографическое будущее и культурную преемственность. В условиях современных социально-экономических трансформаций особое значение приобретает исследование молодой семьи, которая представляет собой наиболее динамичную и адаптивную форму семейной организации. В Республике Беларусь молодые семьи составляют значительную часть городского населения и играют ключевую роль в процессах урбанизации, воспроизводства населения и социального развития.

Согласно белорусскому законодательству, молодой семьей считается семья, в которой один или оба супруга находятся в возрасте до 31 года и находятся в первом браке. По данным переписи населения 2019 года, в Беларуси проживают 2 612 413 семей, из которых 43,7 % воспитывают детей моложе 18 лет. Средний размер белорусской семьи составляет 2,9 человека, что превышает показатели большинства европейских стран (для сравнения: в ЕС – 2,4 человека).

Важной характеристикой белорусского общества является высокий уровень урбанизации семей: 78,2 % семей проживают в городской местности, и только 21,8 % – в сельской. Эта тенденция особенно выражена среди молодых семей, которые концентрируются в городах в поисках лучших возможностей для образования, трудоустройства и карьерного роста. Современные тенденции брачно-семейного поведения молодежи в Беларуси характеризуются повышением возраста вступления в первый брак. В 2024 году средний возраст женщин при первом браке составил 26,5-27,6 года, мужчин – 28,8-29,4 года. За последнее десятилетие этот показатель увеличился более чем на 3 года [1].

В 2024 году в Беларуси было заключено 46 242 брака, что меньше по сравнению с предыдущими годами. При этом более 60 % браков заключаются между людьми, вступающими в брак впервые. Подавляющее большинство браков (93,8 %) заключается между гражданами Беларуси. Структура семей по количеству детей демонстрирует преобладание малодетности: 57,3 % семей имеют одного ребенка, 33,5 % – двоих детей, и только 9,2 % – троих и более детей. Эта тенденция отражает общеевропейские процессы снижения рождаемости и перехода к модели малодетной семьи. Особенно тревожным является снижение общего уровня рождаемости: в 2024 году в Беларуси родилось 58 938 детей, что почти в два раза меньше по сравнению с 2016 годом (117 779 детей) [2]. Средний возраст матери при рождении первого ребенка превысил 27 лет и продолжает увеличиваться.

Урбанизация в Беларуси продолжает усиливаться, и молодые семьи играют в этом процессе ведущую роль. За период с 2005 по 2025 год доля сельского населения сократилась с 28,1 % до 21,1 %. Города остаются центрами притяжения для молодежи благодаря концентрации экономических возможностей, образовательных учреждений и социальной инфраструктуры.

В Минске, крупнейшем городе страны, проживает значительная часть молодых семей. По данным 2024 года, в столице зарегистрировано 548 174 семьи, из которых 45,3 % воспитывают детей до 18 лет. Наибольшая концентрация молодежи наблюдается во Фрунзенском районе (96 102 человека), Московском районе (78 800 человек) и Заводском районе (55 472 человека).

Региональная дифференциация демографических процессов в Беларуси показывает, что наиболее высокие показатели рождаемости отмечаются в Минске и Брестской области, в то время как наименьшие – в Гродненской, Витебской и Могилевской областях. Это отражает различия в социально-экономическом развитии регионов и миграционной привлекательности городов.

Молодые семьи сталкиваются с рядом экономических барьеров:

1. жилищная проблема: высокая стоимость жилья и недостаточные темпы строительства доступного жилья;

2. материальные трудности: необходимость достижения финансовой стабильности перед созданием семьи откладывает брачные планы;

3. совмещение карьеры и семьи: особенно актуально для женщин, стремящихся к профессиональной самореализации.

Жилищная проблема остается одной из наиболее острых для молодых семей в белорусских городах. На конец 2023 года на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий состояло 259 595 молодых семей. В 2024 году эта цифра составила 251 007 семей. Для решения жилищных проблем государство предоставляет различные формы поддержки. В 2024 году жилищные условия улучшили 5 635 молодых семей. При этом спрос значительно превышает возможности государства по предоставлению жилья, что создает длительные очереди и откладывает решение жилищного вопроса на годы.

Государственная жилищная политика в отношении молодых семей включает несколько направлений [3]:

1. льготное кредитование;

2. финансовая помощь в погашении кредитов;

3. государственный заказ на строительство жилья.

Социологические исследования показывают, что семья остается важнейшей ценностью для белорусской молодежи. По данным масштабного опроса 2024 года, проведенного среди 12 тысяч молодых белорусов, 70,2 % респондентов назвали семью самым важным аспектом своей жизни.

В структуре жизненных приоритетов молодежи до 30 лет семейные ценности занимают ведущие позиции: здоровье (73,1 %), деньги и материальный достаток (59,3 %), родные и близкие (56,3 %), семья (55,4 %), друзья и дружба (45,8 %), дети (43,1 %). При этом влияние на выбор семейных ценностей оказывают пол и семейное положение: девушки чаще отмечают важность детей (51,8 % против 34,7 % у юношей).

Современная белорусская молодежь демонстрирует высокий уровень осознанного подхода к созданию семьи. Молодые люди готовы вступать в брак после завершения образования, достижения финансовой стабильности и карьерных целей. Эта тенденция отражает общий процесс модернизации семейных отношений и повышения требований к качеству жизни.

Влияние урбанизации на семейные ценности проявляется в том, что в крупных городах отмечается снижение значимости детей и более выражена тенденция повышения значимости профессиональной роли

женщины. Это может привести к дальнейшим изменениям в модели семейного поведения.

Государственные расходы на поддержку семей демонстрируют устойчивый рост. В 2023 году расходы на выплату государственных пособий семьям составили 4046,7 млн рублей (рост на 6,5 % по сравнению с 2022 годом). Расходы на выплату пособий по материнству составили 258,5 млн рублей [4].

Беларусь сталкивается с серьезными демографическими вызовами. Естественная убыль населения в 2024 году составила более 56 тысяч человек (родилось 58 938, умерло 115 124 человека). Суммарный коэффициент рождаемости снизился до 1,38 ребенка на одну женщину, что значительно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1–2,2 ребенка).

Молодые семьи в белорусских городах характеризуются высоким уровнем образования. В 2024/2025 учебном году в учреждениях профессионально-технического образования обучалось 67,5 тысячи учащихся, среднего специального образования – 116,6 тысячи, в высших учебных заведениях – 234,6 тысячи студентов и магистрантов.

Высокий образовательный уровень молодых семей способствует их концентрации в городах, где сосредоточены наиболее привлекательные рабочие места и возможности для профессионального развития. Это создает положительный синергетический эффект для городского развития, но одновременно усиливает диспропорции между городом и селом.

По данным выборочного обследования 2024 года, молодежь в возрасте от 15 до 30 лет составляет 17,6 % среди занятого населения. Высокая трудовая активность молодых семей обеспечивает их относительную экономическую стабильность, но одновременно создает проблемы совмещения профессиональных и семейных обязанностей.

В Минске 51,6 % занятых женщин в возрасте 20–49 лет имеют детей до 18 лет, что свидетельствует о высокой трудовой активности матерей. При этом 56,5 % занятых женщин этого возраста занимают руководящие должности [5].

Крупные белорусские города создают особую среду для развития молодых семей. В них сконцентрированы образовательные учреждения, медицинские центры, культурные объекты и возможности для досуга. Это делает города привлекательными для молодежи, но одновременно создает высокую конкуренцию за ресурсы, особенно жилье.

Минск как столица республики обладает наибольшей привлекательностью для молодых семей. Здесь сосредоточены лучшие возможности для карьерного роста, образования детей и культурного развития. Однако это создает повышенную нагрузку на городскую

инфраструктуру и жилищный фонд. Малые и средние белорусские города, такие как Островец, демонстрируют потенциал для привлечения молодых семей благодаря комфортной среде проживания, развитой социальной инфраструктуре и возможностям для профессиональной реализации. Государственная политика развития региональных центров направлена на создание альтернатив столичной концентрации населения.

Таким образом, новая демографическая политика Беларуси, формулируемая в рамках Национальной стратегии устойчивого развития до 2040 года, должна сосредоточиться на создании благоприятных условий для молодых семей. Это включает:

1. совершенствование жилищной политики: увеличение объемов строительства доступного жилья для молодых семей;
2. развитие системы поддержки: расширение спектра социальных услуг и повышение размеров пособий;
3. создание условий для совмещения карьеры и семьи: развитие гибких форм занятости и детской инфраструктуры.

Важным направлением является пропаганда семейных ценностей через систему образования, СМИ и культурные институты. Необходимо показывать положительные примеры успешного совмещения семейной жизни и профессиональной карьеры, популяризировать семейный образ жизни среди молодежи.

Для снижения концентрации молодых семей в крупных городах важно развивать малые и средние города, создавать в них современную инфраструктуру и рабочие места. Это поможет обеспечить более равномерное размещение населения по территории страны.

Молодая семья в белорусском городе представляет собой сложный социальный феномен, отражающий современные процессы модернизации общества. С одной стороны, молодые семьи являются носителями традиционных семейных ценностей и демонстрируют высокую ориентацию на создание семьи и рождение детей. С другой стороны, они сталкиваются с серьезными вызовами, связанными с жилищными проблемами, экономическими трудностями и необходимостью совмещения карьерных и семейных устремлений.

Государственная семейная политика в Беларуси характеризуется комплексным подходом к поддержке молодых семей, включающим систему пособий, жилищные программы и социальные гарантии. Однако масштабы поддержки пока недостаточны для кардинального решения демографических проблем и полного удовлетворения потребностей молодых семей.

Урбанизационные процессы усиливают концентрацию молодых семей в городах, что создает как возможности для их развития, так и дополнительные проблемы. Необходима сбалансированная региональная

политика, направленная на создание привлекательных условий жизни не только в крупных центрах, но и в малых и средних городах.

Перспективы развития института молодой семьи в белорусских городах во многом зависят от успешности реализации новой демографической стратегии, эффективности государственной поддержки и способности общества адаптироваться к современным вызовам, сохраняя при этом традиционные семейные ценности.

Библиографические ссылки

1. Статистический сборник «Брак и развод в Республике Беларусь: 2024». Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2024/marriage-2024.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2024 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2024. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135040/ (дата обращения: 01.10.2025).
3. Более 20,7 тыс. белорусских семей улучшили жилищные условия в 2024 году / БелТА, 14.05.2025. URL: https://belta.by/society/view/bolee-20-7-tys-belorusskih-semej-uluchshili-zhilischnye-uslovija-v-2024-godu-715035-2025/ (дата обращения: 29.09.2025).
4. Социальная защита населения / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2023. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/sotsialnaya-zaschita-nseleniya/ (дата обращения: 28.09.2025).
5. День женщин 2025 Минск / Главное статистическое управление города Минска. Минск, 2025. URL: https://minsk-city.belstat.gov.by/upload/2025/demogr/ %D0 %94 %D0 %B5 %D0 %BD %D1 %8C %20 %D0 %B6 %D0 %B5 %D0 %BD %D1 %89 %D0 %B8 %D0 %BD %202025 %20 %D0 %9C %D0 %B8 %D0 %BD %D1 %81 %D0 %BA.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА

В. А. Бедуля

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест, Беларусь, smilevika547@gmail.com
Научный руководитель – С. А. Заруцкий, кандидат географических наук, доцент

В статье рассматривается особенности организации деятельности туристических информационных центров в Республике Беларусь. Рассмотрены теоретические аспекты, передовой зарубежный и белорусский опыт работы с туристическими информационными центрами, и их сравнительная характеристика.

Ключевые слова: туристический информационный центр; внутренний туризм Республики Беларусь; туристический потенциал города; туристическая инфраструктура.

В условиях активного развития внутреннего и международного туризма города все чаще сталкиваются с необходимостью системного подхода к организации туристической деятельности. Современный турист предъявляет высокие требования к качеству сервиса, удобству получения информации, логистике и безопасности. Поэтому формирование эффективной туристической инфраструктуры становится приоритетной задачей местных властей и профильных организаций.

Одним из ключевых элементов этой инфраструктуры выступает туристический информационный центр (ТИЦ) – специализированное учреждение, целью которого является информационное сопровождение гостей города, продвижение туристических ресурсов территории и координация взаимодействия участников туристического рынка. Присутствие туристического информационного центра в городе – это показатель ориентированности городских властей на развитие туризма. Это также элемент конкурентоспособности территории на туристическом рынке.

Центр выполняет сразу несколько функций: информационную, рекламно-просветительскую, координационную и сервисную. Основной задачей ТИЦ является обеспечение туристов достоверной, актуальной и полезной информацией о городе. Это касается маршрутов передвижения, мест размещения, питания, работы музеев и театров, проведения мероприятий и экскурсий. В условиях, когда турист может впервые оказаться в незнакомом городе, наличие понятного и доступного источника информации способствует снижению уровня стресса,

повышает удовлетворённость поездкой и, как следствие, улучшает впечатление от пребывания на данной территории.

ТИЦ может функционировать в различных форматах. Наиболее распространен – это физический офис, расположенный в местах наибольшего туристического потока: на железнодорожных вокзалах, в центральных районах, рядом с историческими достопримечательностями или вблизи крупных гостиниц. Такой офис, как правило, оснащён стендами с буклетами, картами, путеводителями, интерактивными панелями и справочными материалами. В нем работают сотрудники, владеющие несколькими языками, умеющие не только предоставить справку, но и помочь в бронировании экскурсии, объяснить маршрут, рассказать об интересных местах, которые не всегда указаны в стандартных путеводителях.

Всё чаще появляются и мобильные ТИЦ – это специально оборудованные транспортные средства, работающие в местах с сезонным или перемещающимся потоком туристов (например, на фестивалях, выставках, в курортных зонах).

Современные технологии позволяют ТИЦ работать не только офлайн, но и онлайн. Большинство туристических информационных центров имеют свои сайты и страницы в социальных сетях, где публикуются афиши мероприятий, маршруты экскурсий, справочная информация, рекомендации по пребыванию. Некоторые центры развивают мобильные приложения, где турист может найти всё необходимое – от списка гостиниц до кнопки вызова такси. Онлайн-сервисы особенно важны для молодых туристов и иностранных гостей, привыкших планировать поездки заранее, без лишней бумажной волокиты. Тем не менее, физическое присутствие центра остается востребованным, особенно среди туристов старшего возраста и тех, кто путешествует спонтанно.

Функции ТИЦ не ограничиваются обслуживанием туристов. Он также играет важную роль в продвижении города как туристического направления. Центр может участвовать в разработке брендированной сувенирной продукции, поддерживать проведение фестивалей, выставок и других событий, способствующих привлечению внимания к городу. Кроме того, ТИЦ может координировать взаимодействие между туроператорами, гостиницами, экскурсоводами и учреждениями культуры, создавая устойчивую сеть сотрудничества. В этом смысле центр выступает связующим звеном между муниципальной администрацией, бизнесом и конечным потребителем туристических услуг.

Отметим и аналитическую функцию ТИЦ. Он может собирать данные об интересах и предпочтениях туристов, вести статистику

обращений, анализировать обратную связь. Эта информация крайне важна для планирования туристической политики города, оценки эффективности рекламных кампаний, корректировки маршрутов и определения приоритетов в развитии инфраструктуры [1].

Международный опыт показывает, что развитые ТИЦ становятся не только полезным сервисом, но и полноценной точкой притяжения. Так, во многих европейских странах центры сочетают функции музеев, выставочных площадок, арт-пространств. В них можно увидеть экспозиции, посвященные истории города, попробовать местные продукты, поучаствовать в мастер-классе. Такой подход позволяет не только информировать, но и эмоционально вовлекать туриста, делая его визит более насыщенным и запоминающимся.

В России туристические информационные центры активно развиваются с начала 2010-х гг. Они появились во всех городах Золотого кольца, в крупных культурных центрах – Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Екатеринбурге. Во многих случаях их создание финансируется из регионального или федерального бюджета, а функционирование обеспечивается за счёт субсидий и партнёрства с туристическим бизнесом. Важно отметить, что эффективность ТИЦ напрямую зависит от профессионализма его сотрудников и продуманности взаимодействия с остальными участниками туристического процесса [2].

Анализ зарубежного опыта функционирования ТИЦ позволяет выявить ряд моделей и подходов, которые существенно отличаются от практик, применяемых в Республике Беларусь. В большинстве развитых стран Европы и Азии ТИЦ представляют собой разветвленные сети, состоящие из многочисленных филиалов, расположенных как в крупных городах, так и в туристически привлекательных регионах. Например, в Шотландии сеть VisitScotland объединяет региональные центры, которые не только предоставляют справочную информацию, но и активно сотрудничают с частным сектором, включая гостиничный бизнес и транспортные компании, что способствует комплексному обслуживанию туристов. В Испании, особенно в туристических центрах вроде Барселоны, информационные пункты интегрированы с цифровыми технологиями, включая интерактивные киоски и мобильные приложения, что расширяет возможности пользователей и позволяет получать актуальные сведения в режиме реального времени [3; 4].

Азиатские модели ТИЦ, в частности в Японии и Сингапуре, акцентируют внимание на высокой степени цифровизации и мультиязычности обслуживания. Центры JNTO (Japan National Tourism Organization) используют современные технологии, такие как виртуальная реальность и планшеты для предоставления интерактивных экскурсий, а также оказывают поддержку в бронировании транспортных

и гостиничных услуг. Аналогично, в Сингапуре информационные центры ориентированы не только на туристов, но и на бизнес-путешественников, что расширяет спектр предлагаемых услуг [5; 6].

В сравнении с зарубежными аналогами, белорусские ТИЦ преимущественно функционируют в традиционном формате. Их основная задача – предоставление информационно-консультационных услуг с использованием бумажных носителей, таких как карты и буклеты, и редко включают электронные сервисы или системы онлайн-бронирования. Кроме того, масштаб сети ТИЦ в Беларуси значительно уступает зарубежным моделям, сосредоточиваясь преимущественно в столице и крупных туристических центрах, что ограничивает доступность услуг для путешественников в регионах.

Финансирование и управление иностранными ТИЦ зачастую реализуются на основе смешанных моделей, включающих государственное и частное партнерство, что способствует повышению эффективности работы и внедрению инноваций. В Беларуси финансирование большинства ТИЦ носит государственный характер, что ограничивает гибкость и оперативность в развитии инфраструктуры. Таким образом, анализ зарубежных практик показывает, что современные ТИЦ характеризуются высокой степенью технологической интеграции, многоязычной поддержкой и широкой сетью филиалов с развитой системой партнерств. Белорусские туристические информационные центры, находясь на этапе формирования и развития, имеют значительный потенциал для модернизации, включающей цифровизацию сервисов, расширение спектра услуг и улучшение взаимодействия с частным сектором [7].

Библиографические ссылки

1. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь / Постановление совета министров Республики Беларусь 7 декабря 2022 г. № 839 О мерах по поддержке туристической индустрии, развитию внутреннего туризма и международного въездного туризма. URL: https://kostukovichi.gov.by/downloads/guests/tour/20221207_839.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

2. АНО «Проектный офис по развитию туризма и гостеприимства Москвы». URL: https://welcome.moscow/ (дата обращения: 30.10.2025).

3. Visit Scotland. URL: https://www.visitscotland.com/ (дата обращения: 30.10.2025).

4. Официальный туристический портал Испании. URL: https://www.spain.info/ru/ (дата обращения: 30.10.2025).

5. Singapore Visitor Center. URL: https://www.holidify.com/places/singapore/singapore-visitor-centre-sightseeing-121786.html (дата обращения: 30.10.2025).

6. Туристический информационный центр JNTO. URL: https://visitjapan.ru/plan/tic (дата обращения: 30.10.2025).

7. Свод презентаций II Республиканского форума «Организация работы туристических информационных центров». URL: https://belarustourism.by/свод %20презентаций %20ii %20форума %20тиц.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

ГОРОДА-СПУТНИКИ: НОВЫЙ ТРЕНД В РАЗВИТИИ МИНСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

А. В. Григорьев[1)], **И. А. Барсук**[1)]

[1)] *УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», Минск, Беларусь, Grigor-alex@mail.ru*

В контексте государственной политики в градостроительной сфере, а также положений Концепции комплексного градостроительного развития населенных пунктов и территорий Республики Беларусь до 2030 г. представлено значение и правовой статус городов-спутников Минской агломерации, отражены приоритеты градостроительного развития.

Ключевые слова: градостроительство; городское пространство; государственная политика в градостроительной сфере; города-спутники; Минская агломерация; правовой статус; приоритеты градостроительного развития; Новый урбанизм (CNU).

В условиях глобализации определяющим фактором устойчивого развития общества практически во всех сферах общественной жизни становится экономическая среда. Города, особенно крупные, являются субъектами инновационной экономики и общества знаний, поэтому корреляция политических и экономических связей, качество, уровень жизни и индекс счастья по благополучию населения, особенности внешне- и внутриэкономической деятельности позволяют осуществить переход на новый уровень общественных отношений в градостроительной сфере.

В контексте современных процессов социодинамики, прежде всего в политической и экономической сферах, достаточно активно в градостроительстве развиваются принципы Нового урбанизма, что в свое время нашло отражение в концепции, зародившейся от идеи города-сада и появления конгресса Нового урбанизма (CNU), основанного в 1993 году и возглавляемым по сей день Андресом Дуани (род. в 1949 г.) и его супругой Элизабет Платер-Зиберк (род. в 1950 г.) (США). Организационное оформление CNU связано с наличием ряда проблем в городах, прежде всего таких, как быстрые темпы урбанизации и их влияние на природный каркас и комфортность городской среды. Именно поэтому целью CNU явилось создание комфортного городского пространства, удовлетворяющего потребности горожан в коммуникации при сохранении функции города как системы эффективного создания, распространения и приумножения ресурсов.

Подобные проблемы и тенденции на современном этапе цивилизационного развития стали отчетливо проявляться и в крупных

населенных пунктах Республики Беларусь. В связи этим была принята Концепция комплексного градостроительного развития населенных пунктов и территорий Республики Беларусь до 2030 г., Она определяет основные направления, задачи и механизмы устойчивого комплексного градостроительного развития городских и сельских населенных пунктов, территорий Республики Беларусь до 2030 года с учетом стратегии социально-экономического развития Республики Беларусь и ее регионов [1].

Минская агломерация, включающая в первую очередь город Минск и Минский район Минской области, является крупнейшей в Республике Беларусь. Поэтому в целях реализации основных направлений государственной градостроительной политики, обеспечения комплексности развития административно-территориальных единиц, создания дополнительных условий для увеличения объемов жилищного строительства, сбалансированного развития населенных пунктов, их социальной, производственной, транспортной и инженерной инфраструктуры предусмотрено, что городам областного или районного подчинения, поселкам городского типа, расположенным на расстоянии не более шестидесяти километров от г. Минска или областного центра, по решению Президента Республики Беларусь может быть придан статус города-спутника. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 214 придан статус города-спутника г. Минска городам Дзержинску, Заславлю, Логойску, Смолевичи, Фаниполю, г. п. Руденск [2].

В правовом контексте Указ Президента Республики Беларусь урегулировал вопрос создания городов-спутников в Республике Беларусь и определил статус городов-спутников Минской агломерации, а Кодекс об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности 2023 г., объединил и систематизировал нормативные предписания, содержавшиеся в различных актах законодательства [3].

Функционирование города-спутника осуществляется с центром в единой коммерческой и социальной инфраструктуре, с которой он связан общностью жизни населения – взаимным социальным, производственным, рекреационным, культурно-бытовым и другим тяготением. При этом он характеризуется оптимальной транспортной доступностью до центра и отличается особым вниманием к охране окружающей среды и ландшафтной архитектурой. Все это определяет стратегию развития города-спутника в рамках системы расселения на территории, являясь особыми конкурентными преимуществами для него [4].

Комплексное градостроительное развитие населенных пунктов и территорий Республики Беларусь предполагает определение приоритетов градостроительного развития:

– гуманизация городской среды – создание в городах условий, в которых людям удобно жить, работать, отдыхать, в которых люди активно участвуют в обсуждении имеющихся проблем и поиске путей развития городов;

– создание многофункциональной городской среды как нового формата жизни в городах со сближенным размещением мест проживания, работы, рекреации, получения услуг;

– создание творческой атмосферы в городах, развитие сети общественных пространств, где люди могут общаться, обмениваться идеями, создавать сообщества единомышленников, производить инновации, что улучшит инвестиционный климат и активизирует процессы экономического развития;

– сохранение и ревитализация историко-культурного наследия с целью его более рационального использования для современных потребностей людей;

– осознание значимости туризма как важной отрасли городской экономики;

– сохранение и(или) воссоздание природы в городах – гармоничное включение в городскую среду зелёных насаждений и водных устройств, приносящих людям радость общения с природой;

– создание «умных» городов, насыщенных новейшими технологиями с использованием телекоммуникационных систем, возобновляемых источников энергии (геотермальных, солнца, ветра, воды), экономии ресурсов и их рационального потребления;

– создание красивых городов с со-масштабными человеку пространствами, выразительной архитектурой, с произведениями искусства, включёнными в городскую среду [5].

Можно утверждать, что в Республике Беларусь многообразие системы городских поселений обусловлено различиями исторического происхождения, генезисом градообразования, природными и культурными условиями развития. При этом в отечественной социальной практике концепция (CNU) в Минске уже достаточно отчетливо проявляется в создании «комфортных городских районов», которые способствуют снижению нагрузки на «центр» Минска, появлению новых рабочих мест в городах-спутниках и развитию в них местной социальной инфраструктуры, обеспечивающей комфортную и безопасную жизнь горожан.

Библиографические ссылки

1. О концепции комплексного градостроительного развития населенных пунктов и территорий Республики Беларусь до 2030 года / Постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 21 мая 2024 г. № 46 // Министерство архитектуры и строительства. 21.05.2024, № 46. URL: http://mas.gov.by/ru/gradpolitikaa (дата обращения: 28.10.2025).

2. О развитии городов-спутников / Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 214 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 07.05.2014, № 214. URL : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31400214 (дата обращения: 28.10.2025).

3. Кодекс Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» от 17 июля 2023 г. № 289-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 17.06.2023. URL : https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=Hk2300289 (дата обращения: 28.10.2025).

4. *Айсин Р. Р.* Особенности формирования современного города спутника // Новое слова в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследования: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 28 апреля 2014 г. / Центр развития науч. сотрудничества (ЦРНС); под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: ЦРНС, 2014.

5. *Потаев Г. А.* Градостроительство в Республике Беларусь в XXI веке: ориентиры развития // Academia. Архитектура и строительство. 2021. № 2. С. 29–35. DOI: 10.22337/2077-9038-2021-2-29-35.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ

В. В. Иванись

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест, Беларусь, box@brsu.by
Научный руководитель – А. И. Кароза, кандидат архитектуры, доцент

В статье рассматриваются современные тенденции и явления в развитии городской застройки, включая разрастание города и усадочное разрастание. Основное внимание уделено анализу факторов и последствий разрастания городской территории, а также проработке методологии ГИС-инструментов для выявления пространственной динамики. На основе зарубежных и отечественных источников исследуются основные подходы к типологии форм разрастания, взаимосвязь между урбанизацией и изменениями ландшафта. Результаты анализа позволяют более комплексно оценить специфику и риски роста городов.

Ключевые слова: разрастание города; усадочное разрастание; пространственная динамика; ГИС-анализ; городское развитие.

Введение

Проблема разрастания городов (urban sprawl), которую часто определяют как «хаотично разбросанная застройка новых городских территорий» или «ленточная застройка вдоль магистралей», занимает умы планировщиков и политиков с середины XX века [1]. Разрастание приводит к тому, что городское население во всем мире становится более сегрегированным по материальному достатку, возрасту, этнической принадлежности, образу жизни, времени, проводимому в дороге, что усиливает проблему социального неравенства. Кроме того, разрастание приводит к увеличению экологического следа городов.

Фундаментальным исследованием, послужившим базой для всех последующих работ по проблеме городского разрастания, является отчет «The Costs of Sprawl» («Издержки расползания»), опубликованный Real Estate Research Corporation (RERC) в 1974 году. Эта работа считается одной из наиболее влиятельных в области территориального планирования и развития. Главный вывод исследования RERC остается актуальным и сегодня. Он состоит в том, что разрастание является наиболее затратной формой жилой застройки с точки зрения экономических, экологических, ресурсных и иных издержек.

В настоящее время проблема разрастания территории городской застройки при снижении численности населения и росте инфраструктурных затрат стала весьма насущной в европейской и особенно американской практике городского управления. Она актуальна и для Беларуси, где градостроительная политика, традиционно

опирающаяся на генеральные планы, не успевает за пространственными трендами. Так, устойчивая депопуляция наблюдается в одиннадцати из тринадцати крупнейших городов страны, в то время как инфраструктура продолжает требовать содержания.

В условиях разрастания на меньшее число жителей ложится необходимость содержания расширенной инфраструктуры, что ведет к росту затрат на коммунальные услуги. Это явление определяют как усадочное разрастание (shrinkage sprawl), при котором негативные последствия несбалансированного роста проявляются даже без привязки к застройке новых территорий [2]. Таким образом, цель настоящего исследования состоит в анализе мирового и отечественного опыта диагностики разрастания и последующей разработки методики оценки данного процесса для белорусских городов.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ научной литературы позволил:

1. Установить концептуальное различие между ростом urban growth и разрастанием urban sprawl.

Так, термин «городское разрастание» (urban sprawl) является дискуссионным и не имеет единого прочно устоявшегося подхода к трактовке. Его определение варьируется в зависимости регионального контекста и фокуса исследования.

В широком смысле разрастание города описывается шестью факторами [2; 3]: 1 – доминирование одного вида землепользования; 2 – застроенные территории низкой плотности; 3 – рассеянная/разбросанная застройка (scattered development); 4 – неконтролируемое и не скоординированное расширение; 5 – возникновение неблагоприятных экологических условий. В своей совокупности эти факторы приводят к неустойчивому использованию земельных ресурсов, что рассматривается как интегральное следствие и ключевой итог процесса разрастания.

Таким образом под разрастанием городов можно понимать комплексный процесс, характеризующийся доминированием одного вида землепользования, застроенных территорий низкой плотности, рассредоточенной застройки, неблагоприятными экологическими условиями и неконтролируемым расширением. В конечном итоге приводит к неустойчивому и нерациональному использованию земельных ресурсов [2]. В свою очередь, «рост города» (urban growth) рассматривается как закономерный процесс развития [4]. В контексте планировочной структуры, это движение к модели компактного развития, пятнадцатиминутного города.

Принципиальное отличие двух процессов заключается в распределении плотности населения в городе. Рост города предполагает сбалансированную застройку новых территорий с прогнозным

увеличением численности населения, при этом средняя плотность увеличивается. Формируется тренд на снижение численности населения, по мере отдаления от центра города. Разрастание описывается как неустойчивая форма городского роста. Это быстрый и хаотичный рост, вызывающий необратимое преобразование городской и прилегающей территории. Распределение плотности при разрастании города отражает появление новых жителей на территориях, удаленных от центра, при одновременном снижении плотности населения в центральной и срединной частях города.

2. Выявить и систематизировать подходы к определению такого термина, как усадочное разрастание (shrinkage sprawl).

Усадочное разрастание (shrinkage sprawl) – особый вид разрастания, наблюдаемый в европейской, российской и белорусской практике, который происходит при снижении численности населения и растущих затратах на инфраструктуру.

Признаки такого типа разрастания могут быть обнаружены даже при сокращении численности населения, сопровождающемся застройкой новых территорий [1; 3]. Это явление ведет к росту неэффективности городской инфраструктуры и увеличению стоимости существующих услуг и ресурсов для меньшего числа жителей.

3. Определить основные методические подходы к диагностике пространственного разрастания городов.

Современные методики анализа разрастания отошли от одномерных оценок и используют многомерный подход, который интегрирует геопространственные данные (например, GIS) для оценки макропаттернов (плотность, форма) и микродинамики (фрагментация, типология роста) [2]. Выделим четыре основные группы методов: 1 – индексы компактности и дисперсии; 2 – индексы пространственной организации, 3 – ландшафтные метрики; 4 – индексы транспортной доступности.

Индексы компактности и дисперсии – ключевые для оценки макропаттернов. Например, градиент плотности населения позволяет визуализировать распределение плотности от центра к периферии, а индекс дисперсности дает понимание того, насколько реальная форма города отклоняется от идеальной компактной модели.

Индексы пространственной организации используются для оценки степени рассеивания застройки. Чем выше значение индекса, тем более хаотичным и рассредоточенным является рост, это количественный индикатор интенсивности разрастания [4].

Ландшафтные метрики фокусируются на микро-уровне, анализируя морфологию и связность застроенной территории. Например, NDBI

(Нормализованный разностный индекс застройки) позволяет мониторить динамику изменения застроенных территорий.

Индексы транспортной доступности позволяют оценить автомобильную зависимость, транспортные издержки горожан, дисбаланс между землепользованием и транспортной сетью.

Российский опыт анализа пространственного планирования

Методология, разработанная НИУ ВШЭ в 2021 году, представленная в книге «Планирование разрастания. Пространственная политика городов России» [1], адаптирует мировые концепции к российской специфике, уделяя особое внимание взаимосвязи между планированием и демографическими тенденциями. Это исследование 93 российских городов основано на инструментах экспресс-анализа, позволяющих сопоставить фактическое состояние пространственной структуры с параметрами, заложенными в генеральные планы. Ключевым методологическим новшеством является фокус на усадочном разрастании (shrinkage sprawl). В отличие от стран, где разрастание происходит на фоне активного демографического роста (как в США в 1974 году), многие европейские и российские города демонстрируют расширение застройки при уменьшающейся или стагнирующей численности населения. Эта модель развития критически повышает неэффективность существующей городской инфраструктуры, поскольку меньшее число жителей вынуждено оплачивать растущие эксплуатационные расходы растянутой системы. Таким образом, если разрастание является дорогим для растущих городов, оно становится финансово критическим и неэффективным для сжимающихся городов.

В исследовании использует два основных индикатора для оценки планируемых изменений: 1 – градиент плотности населения; 2 – индекс дисперсности (DI).

Анализ российских городов показал, что планирование часто является необоснованным и не соответствует демографическим прогнозам, закладывая избыточное резервирование территорий и завышенные объемы жилищного строительства. Это приводит к тому, что генеральный план, призванный контролировать рост, фактически становится инструментом легализации и стимулирования избыточной дисперсии, что влечет за собой критические негативные последствия.

Методология исследования

Анализ городского разрастания требует применения различных методик, которые могут количественно оценить как макропаттерны (распределение населения и плотность), так и микродинамику (фрагментацию и связность). Ключевой аспект методологии, которая будет работать для постсоветских городов, – это сравнение текущего фактического состояния, динамики с запланированным состоянием,

которое определяет генеральный план. Это позволяет оценить степень того, насколько реалистичное и избыточное планирования.

Для проведения таких исследований используются геоинформационные системы (ГИС) и данные дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), позволяющие получать сопоставимые пространственные данные о застройке, землепользовании и дорожной сети [3].

Градиент плотности населения используется для оценки макропаттернов развития города относительно его центра и прогнозирования модели роста, заложенной в планировочную документацию. Метод основан на визуализации распределения плотности населения (чел./га) в зависимости от расстояния от условного центра города. Рассчитывается путём деления территории города на концентрические кольца (например, с шагом 1 км) от делового или административного центра. В каждом кольце рассчитывается средняя плотность населения, привязанного к жилой застройке

Индекс дисперсности (DI) является количественной мерой отклонения фактического расселения от идеальной компактной модели (DI = R_t / R_c). Средневзвешенное расстояние до центра (R_t) рассчитывается как отношение суммы расстояний от местонахождения всех горожан до центра к общей численности населения. Чем меньше R_t, тем более эффективной и оптимальной является форма города с точки зрения постоянных ежедневных перемещений. Средневзвешенное расстояние в эталонном городе (R_c) рассчитывается для гипотетического цилиндрического города той же площади и населения, но с равномерным распределением плотности.

Для детального анализа морфологии и механизмов роста используются индексы, основанные на ГИС-анализе застроенных территорий. Индексы Энтропии Шеннона используются для оценки интенсивности разрастания и степени пространственной дисперсии застройки в различных зонах.

Ландшафтные метрики позволяют количественно описать морфологию и фрагментацию застройки. Индекс Крупнейшего Патча (LPI) – мера доминирования центрального ядра.

Индекс Транспортной Доступности (пятнадцатиминутная зона) – метод, который оценивает долю городской территории, которая может быть достигнута определенным процентом населения (например, 60–100 %) в течение пятнадцати минут на индивидуальном транспорте, используя граф улично-дорожной сети. Низкая транспортная доступность, несмотря на развитие дорожной сети, указывает на неэффективность планирования землепользования. Такая городская политика создает порочный круг.

Заключение

Эмпирические исследования, которые получили своё начало благодаря работе RERC (1974), доказали, что разрастание является наиболее дорогостоящей формой развития городов. Однако в контексте постсоветских городов и ряда стран Восточной Европы, где наблюдается долгосрочный тренд на снижение численности населения, проблема усугубляется феноменом усадочного разрастания. Тогда разрастание усугубляется и неэффективность городской инфраструктуры становится критической, поскольку меньшему числу жителей вынуждено покрывать растущие расходы на обслуживание несоразмерных систем.

Для объективной оценки пространственной политики необходимо использовать комплексный подход, сочетающий макроанализ, микроанализ и функциональный анализ.

Макроанализ – градиенты плотности, индекс дисперсности для оценки стратегических решений и сбалансированности роста. Микроанализ – ландшафтные метрики, для понимания механизмов роста. Функциональный анализ – индекс транспортной доступности, для оценки последствий землепользования на мобильность и инфраструктурные издержки. Автор планирует проведение анализа белорусских городов по указанной методике в последующих исследованиях.

Библиографические ссылки

1. Планирование разрастания. Пространственная политика городов России: аналитический доклад / А. В. Головин [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

2. *Chettry V.* A Critical Review of Urban Sprawl Studies // Journal of Geovisualization and Spatial Analysis. 2023. Vol. 7, No 2. P. 28.

3. *Saini V., Tiwari R.* K. A Systematic Review of Urban Sprawl Studies in India: a Geospatial Data Perspective // Arabian Journal of Geosciences. 2020. Vol. 13, No 17. P. 840.

4. Patterns of Eastern European Urbanization in the Mirror of Western Trends – Convergent, Unique or Hybrid? / H. Taubenböck [et al.] // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2019. Vol. 46, No 7. P. 1206–1225.

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА – НОВЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ИНКЛЮЗИВНОЙ И БЕЗОПАСНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Н. Н. Красовская

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, KrasovskayaNN@gmail.com

В статье рассматривается концепция архитектуры поддержки как нового направления в социальной архитектуре, направленного на создание пространств, обеспечивающих физическую, психологическую и социальную безопасность уязвимых групп населения. Анализируются основные принципы проектирования инклюзивных пространств, особое внимание уделено вопросу совместного проектирования и междисциплинарного взаимодействия. Подтверждена необходимость перехода от универсальных проектных решений к персонифицированным моделям, способным учитывать специфику человеческого опыта и потребностей.

Ключевые слова: социальная архитектура; архитектура поддержки; инклюзивность; уязвимые группы населения; доступность; социальная интеграция.

Создание комфортных общественных пространств и доступной социальной инфраструктуры способствует формированию безопасной и устойчивой городской среды, что в свою очередь положительно отражается на качестве жизни населения и демографическом развитии.

Социальная архитектура – это направление, ориентированное на проектирование пространств, способных решать общественные задачи и оказывать позитивное воздействие на социальные процессы. Её главная цель – обеспечивать удобство, доступность и повышение качества жизни для всех категорий населения, включая тех, кто оказался в сложной жизненной ситуации; снижать уровень социального неравенства, создавая доступное и продуманное жилье.

Социальная архитектура представляет собой подход, в котором ключевыми ориентирами становятся не только функциональные, но и социальные, психологические и культурные потребности человека. Важно создавать комфортную, доступную и поддерживающую среду, способствующую социальной интеграции и психологическому благополучию человека.

Одним из стратегических направлений социальной архитектуры является разработка *архитектуры поддержки* – концепции, предусматривающей создание пространств, предназначенных для проживания, реабилитации и социальной адаптации уязвимых групп населения, нуждающимся в поддержке и защите.

Уязвимые группы населения – это категории граждан, находящиеся в состоянии повышенного социального, психологического или физического риска. К ним относятся женщины, пережившие насилие, пожилые люди, дети-сироты, мигранты, беженцы, инвалиды и др.

Такие категории населения чувствительны к внешней среде. Они чаще испытывают тревожность, стресс, незащищённость и чувство изоляции. Поэтому архитектурная среда должна минимизировать эти состояния. Для таких людей особенно важны простота ориентации, защита от посторонних взглядов, наличие тихих зон, использование тёплых цветов и создание домашней атмосферы [2, с. 1442]. Таким образом, архитектура поддержки формирует пространство, способное оказывать стабилизирующее воздействие на психоэмоциональное состояние пользователей.

Архитектура, ориентированная на социально уязвимых людей, должна выполнять не только практическую, но и терапевтическую функцию, обеспечивая атмосферу безопасности и доверия. Следовательно, проектирование зданий для таких групп населения требует соблюдения ряда принципов: обеспечение физической и психологической безопасности, инклюзивность, адаптивность под индивидуальные нужды, уют и доступность.

Важным направлением сегодня является развитие практики *совместного проектирования* с участием будущих пользователей, специалистов по социальной работе, психологов, представителей некоммерческих организаций и органов местного самоуправления. Такой подход обеспечивает более точное соответствие пространственных решений реальным потребностям и особенностям целевых групп.

Интеграция архитектурных, социально-психологических знаний позволяет выстраивать системное понимание среды как инструмента социальной терапии. Архитектура поддержки должна быть гибкой и адаптируемой под потребности людей. Она должна способствовать формированию инклюзивного, безопасного и психологически комфортного пространства, где человек чувствует себя защищённым, нужным и способным к восстановлению [2, с. 1443].

Практическим воплощением такого подхода стала реализуемая в республике государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 гг. и включенные в нее две подпрограммы: «Социальное обслуживание и социальная поддержка» и «Доступная среда жизнедеятельности инвалидов и физически ослабленных лиц». Программа направлена на улучшение обеспечения социальной защиты населения, формирование доступной среды и повышение доступности объектов социальной и транспортной инфраструктуры [1]. Здесь ставится задача не только материальной поддержки, но и формирования

физической среды – доступной инфраструктуры, объектов социального обслуживания и учреждений, оказывающих услуги.

Государственная программа «Социальная защита» включает направления социальной поддержки, которые подразумевают дальнейшее создание и модернизацию центров социального обслуживания, кризисных центров, пансионатов и временного жилья. В контексте архитектуры поддержки это предъявляет требования не только к доступности, но и к качеству внутренних пространств: приватности, психотерапевтическим характеристикам интерьера. То есть программа создаёт институциональную платформу для развития социальной архитектуры и интеграции принципов безбарьерности и доступности.

Социальная архитектура – это не просто новое направление проектирования, а важнейший инструмент социальной поддержки и гуманизации городской среды. Она ориентирована на создание пространств, способствующих социальной интеграции, психологическому комфорту и восстановлению человека.

Инклюзивность и безопасность среды становятся приоритетными системными критериями качества городской среды. Они определяют не только физическую доступность, но и социально-психологический комфорт.

Инклюзивная среда рассматривается как инструмент социальной интеграции, создающая условия для взаимодействия людей с разными физическими и психическими возможностями, возрастом и личным опытом. Эффективное формирование инклюзивной и безопасной среды возможно только при интеграции усилий различных специалистов, учреждений и ведомств. Такой подход обеспечивает комплексное понимание социальных процессов и предотвращает формальное внедрение норм без реального улучшения качества жизни.

Таким образом, развитие социальной архитектуры следует рассматривать как элемент государственной социальной политики, направленной на повышение качества жизни, укрепление доверия и социального равновесия, и инструмент социальной справедливости. Важен переход от универсальных решений к персонифицированным, адаптивным моделям, ориентированным на человеческие ценности и уважение к индивидуальному опыту.

Библиографические ссылки

1. Государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 21 декабря 2020 года, № 748. URL: https:// https://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/GP-sotszaschita-2021-2025.pdf. (дата обращения: 31.10.2025).

2. *Перфильева Д. Н.* Архитектура поддержки: проектирование зданий для уязвимых групп населения // Международный научный журнал «Вестник науки». № 6 (87). Т. 4. С. 1441–1445.

«ПРАВО НА ПАРК» В ГОРОДЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ, ЭТИЧНОСТЬ, ПРОБЛЕМНОСТЬ

А. О. Панфилова

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, panfilova.ao@dvfu.ru

В статье анализируются научно-практические основания «права на парк» в городе как элемента концепции «права на город», представляющей собой попытку социологического поиска и определения социальной справедливости. Неравные возможности пользования городскими пространствами, нередкое ущемление интересов жителей в этом вопросе составляют проблематику гуманистического дискурса в современной урбанистике и социологии города. Показана актуальность и социальная значимость вопроса сохранения и расширения городских зеленых зон; подчеркивается внимание к развитию открытых общественных пространств на государственном и бизнес-уровнях. Приводятся данные о социальной роли парков в вопросах гражданской активности и солидарности, современной этики городского развития. Отмечен также выраженный гражданский запрос на расширение «зеленого пояса» города.

Ключевые слова: урбанизация; город; парки; парковые пространства; право на город; комфортная городская среда.

Урбанизация продолжает оставаться одним из наиболее значимых и комплексных в плане следствий цивилизационным процессом. Его течение обусловливает как тематику и характер научных городских исследований, так и разработку и внедрение современных практических градоустроительных инициатив и проектов.

В наше время особенно актуализировались вопросы гуманистического наполнения городских экосистем. Важную и многозначную роль в этом играют парки и зеленые массивы города (городские леса, скверы и пр.).«Это прямо связано с пересмотром градостроительной политики в стране, где пространство считается местом встречи и диалога для всех участников» [4, с. 61]. В контексте современной этики развития пространства, в этот процесс должны быть внесены очень разнообразные параметры – безопасности, комфортности, инклюзивности, адаптивности, эстетичности и др. На практике нередко серьезные градоперестроечные и хозяйственные решения сопрягаются с ущербом «зеленому» поясу, что имеет свои последствия.

Мировая практика городского развития показывает серьезное внимание паркам, признание их роли в комфортности среды и положительного социального самочувствия горожан. Регулярно публикуются крупные научные обзоры релевантных теме исследований, подтверждающих целесообразность прицельного их развития. В их

проектировании и обустройстве участвуют различные субъекты и структуры; экспертно показана связь парковых зон в вопросах сохранения биоразнообразия территории, предоставления экосистемных услуг; признана их роль в создании условий для отдыха, занятий спортом, улучшения физического и психического здоровья. Многообразие и многофункциональность этих зон подтверждается, например, обширной специализацией Ассоциации парков России (Ассоциация по развитию парков и общественных пространств «Парки России») как отраслевого сообщества. В нее входят разработка концепций развития; работа с аудиториями; организация образовательных, деловых и культурно-массовых мероприятий; привлечение внебюджетных доходов; социокультурное программирование территорий; формирование центров притяжения; увеличение количества посетителей [1].

Парки города выступают площадками-основаниями социальных взаимодействий. Более того – они сами вступают во взаимодействия с жителями: «предлагают» варианты активности и действий (физических, спортивных, коммуникативных), «подталкивают» к ним. Как будет показано ниже, эти зоны способны выступить и социально мобилизующей силой. В современном проектном воплощении парковые зеленые «острова», во-первых, «являются наиболее часто используемыми жителями открытыми пространствами» [8, с. 446]. Следовательно, это важнейшие площадки, где могут быть реализованы различные социальные активности людей. Во-вторых, они (парки) могут играть и играют важную сервисную роль, предоставляя различные социальные услуги – развлекательные, рекреативные, культурно-просветительские, воспитательные и др.

Гражданский же запрос на расширение и охрану зеленых городских зон очень высок. Так, согласно авторскому исследованию 2024 г., в г. Владивостоке (Приморский край) самым посещаемым публичным пространством является Нагорный парк. Его недавняя ревитализация позволила городу получить в использование действительно полезное во многих смыслах место, которое позволяет совместить интересы и различные активности – от прогулок с ребенком и занятий йогой до концертных мероприятий и небольших публичных перфомансов. Очень «обширен» и социальный портрет посетителей – это и люди постарше, и подростки, и мамы с колясками и др. Все наши респонденты были единодушны в мысли о том, что парков и зон схожего формата в городе должно появляться больше.

Наряду с этим, городские решения, выносимые не в пользу лесных и парковых массивов, – серьезный повод внутригородской социальной напряженности и конфликтности. Нередко это перерастает в ситуации

оспаривания пространства – когда гражданские сообщества самоорганизуются на защиту зеленой зоны от интересов и действий коммерческих застройщиков и местной администрации.

По своему смыслу эти ситуации, их возникновение и развитие, соотносятся с концепцией «права на город», встроенной в дискурс современной урбанистической социологии и урбанистики. Ключевые положения этой концепции сформулированы в работах А. Лефевра, Д. Харви и др. Вместе с тем, это и один из знаковых современных концептов социальной справедливости. Его сущность заключается не только в базовой «правовой» комплектации – на дом / кров, безопасность, пищу, заработок и пр., но и в требовании полноценной субъектной представленности в городе. Это, например, право на городскую мобильность, право притязать на соответствующие городские идентичности и их выбор, право на вариативность в плане социальных активностей и взаимодействий. В конце концов, это и право «остаться» в городе, когда субъекту угрожает вытеснение из привычного места обитания. Это может произойти, например, в процессе джентрификации, ситуациях вынужденного расселения из ветхого или аварийного жилья. Риски такого вытеснения часто несут в себе проекты реновации и/или комплексного развития территорий.

Споры за территорию подкрепляются и противоположными мнениями о ее использовании у жителей и коммерческих структур. И это притом, что по своей сути «парк – это не просто пространство, где растут трава, деревья и кустарники, это зона отсутствия конфликта» [7, с. 4]. В реальности же именно вокруг зеленых зон нередко складываются откровенно конфликтные отношения вовлеченных сторон, провоцируя эскалацию социальной напряженности. «Некоторые местные конфликты становились по-настоящему массовыми, получавшими федеральную огласку (например, протесты против строительства «Охта-центра» в Санкт-Петербурге в 2006–2010 гг., вокруг Химкинского леса в 2007–2012 гг., по поводу мусорного полигона на станции Шиес в 2018–2020 гг., из-за строительства храма в сквере у драмтеатра в Екатеринбурге в 2019 г. и др.) [2, с. 294]. Исследование этих же авторов от 2021 г. на материалах и данных по Свердловской области [3] показало, что «после 2010 г. в регионе наблюдался резкий подъем конфликтной активности, связанной с оспариванием муниципальных территорий (преимущественно городские конфликты). В последние годы чаще всего конфликты разгораются вокруг таких пространств, как парки, скверы, площади и прочие публичные городские места» [2, с. 295; 3].

Фактически в недавней истории социальной экологии почти любого крупного города мы можем найти сюжеты, развивающиеся порой до открытых столкновений и конфликтов. Так, «спор вокруг крупнейшего

лесного массива в столичном регионе – национальном парке «Лосиный остров» – тянется с 2023 года» [6]. В 2024 году вопрос о строительстве дороги через парк был задан Президенту РФ во время прямой линии. В. В. Путин «поручил правительству, Московской области и Общественной палате до 1 апреля 2025 года рассмотреть варианты решения проблемы транспортной доступности Королева с учетом мнения жителей» [6]. Несмотря на серьезную экспертную проработку вопроса, достичь взаимопонимания по поводу этой территории и вариантах хозяйствования на ней между общественниками и административными кругами не удалось. Кейсы споров за использование городских лесов, лесопарков и парков так или иначе регулярно попадают в медийное поле последних лет – противостояние в парке «Торфянка» на севере Москвы (2015–2017 гг.); спор по поводу парка «50 лет ВЛКСМ» в Екатеринбурге 2023 г.; общественные конфликты этого года в Ростове-на-Дону вокруг реконструкции парка «Дружба» в Северном жилом массиве; в Феодосии – вокруг Морского сада; обращение жителей г. Владивостока к Президенту России и главе СК РФ с просьбой помочь отстоять лесной массив района «Змеинка», предполагающийся под коммерческую застройку. Эти и другие ситуации демонстрируют серьезную чувствительность гражданского сообщества к городским «зеленым» объектам. Стоит отметить и способность последних мобилизовывать горожан для отстаивания и сохранности как собственно зеленых зон, так и своего «права» на них – права, понимаемого как элемент собственной полноценной городской субъектности.

Таким образом, мы можем подчеркнуть актуальность и современность понимания парков как социально значимых открытых общественных пространств, в том числе и в определенном правовом смысле. Наличие, сохранность, благоустроенность «зеленого пояса» способны влиять на важные общественные параметры жизни в городе, как максимум – на социальную привлекательность территории, ее справедливое устроение. В социологическом смысле это можно подтвердить тем, что «в настоящее время исследования в этой области сосредоточены в основном на анализе равенства в парковых зонах с точки зрения первичной социальной справедливости, анализе равенства в парковых зонах с точки зрения уязвимых групп населения, а также на изучении взаимосвязи между парковыми зонами и здоровьем» [9].

Здесь важно и то, что посредством парковой тематики и городского благоустройства, в целом, можно развивать демократические инструменты вовлечения в них граждан, стимулировать конструктивную социальную активность и интерес к преображению городской среды. Так, «с каждым годом все больше россиян вовлекаются в процесс голосования, что подтверждают данные социологических исследований

НАФИ, согласно которым, 90 % опрошенных полагают, что голосование за объекты благоустройства – работающий инструмент, а 88 % россиян отметили изменения к лучшему в вопросах благоустройства городской среды за последний год» [5].

Можно сказать, что подлинная комфортность и привлекательность действительно современной и человекоориентированной городской среды должны определяться, в том числе, налаженностью и гармоничностью социальных отношений с природным. В современных общественных условиях развитие городов во многих странах мира происходит по обновленным ценностным и гуманистическим основаниям. Они призваны, в том числе, укреплять как социальное благополучие горожан, так и их веру в «справедливость пространства».

Библиографические ссылки

1. Ассоциация парков России: официальный сайт. URL:https://urbanparks.ru/ (дата обращения: 16.10.2025)

2. *Белоусов А. Б., Давыдов Д. А.* Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 292–314. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2520.

3. *Белоусов А. Б., Давыдов Д. А.* От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362–385. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2052.

4. *Малыгин А. В.* Проблема наследия советского паркостроения в малых городах России на примере г. Йошкар-Олы // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика. 2023. № 2 (2). С. 57–64.

5. От Магадана до Севастополя // Официальный сайт Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/05/20/21072392.shtml (дата обращения: 17.10.2025).

6. Почему москвичи выступают против строительства дороги через парк «Лосиный остров» // Официальный сайт Forbes.ru. URL: https://www.forbes.ru/sustainability/541096-pocemu-moskvici-vystupaut-protiv-stroitel-stva-dorogi-cerez-park-losinyj-ostrov (дата обращения: 19.10.2025).

7. *Ретеюм А. А*. Городская среда будущего // Вестник Университета Правительства Москвы. 2022. № 2. С. 3–9.

8. *Хао Цзини, Козлов В. В*. Исследование развития и строительства современных городских парков в Китае // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2022. Т. 12. № 3. С. 442–457. DOI: 10.21285/2227-2917-2022-3-442-457.

9. *Yan L., Jin X., Zhang J*. Equity in Park Green Spaces: a Bibliometric Analysis and Systematic Literature Review from 2014–2023 // Frontiers in Environmental Science. 2024. No 12. DOI: 10.3389/fenvs.2024.1374973.

ОСОБЕННОСТИ БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. С. Печко

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, n.pehko@yandex.by
Научный руководитель – Е. Е. Кучко, доктор социологических наук, профессор

В данной статье анализируется создание безбарьерной городской среды для пожилых людей в условиях демографического старения населения Республики Беларусь. Проанализированы теоретические подходы рассмотрению безбарьерной среды как целостной системы возможностей, обеспечивающих автономию и самореализацию пожилых граждан, а также четырехуровневая система оценки безбарьерности: от базового перемещения до высшего уровня самореализации. Выявлены ключевые противоречия адаптации пожилых людей: между объективным ростом инфраструктуры и субъективной недоступностью, формальным наличием доступной среды и реальной невозможностью её использования, потребностью в стабильности привычных маршрутов и динамикой городских изменений. В статье подчеркивается необходимость системного внедрения универсального инклюзивного дизайна для превращения пожилых людей в полноценных мобильных граждан.

Ключевые слова: демографическое старение; безбарьерная городская среда; пожилые люди; право на город; Республика Беларусь.

Демографическое старение населения – один из наиболее значимых глобальных процессов XX века. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в стране проживает 1 627 917 человек в возрасте 65 лет и старше (почти каждый шестой белорус). При этом 73,2 % пожилых граждан проживают в городской местности [1]. Город как основное пространство жизни большинства пожилых людей должен обеспечивать не только физическую, но и социальную, культурную и психологическую доступность.

Безбарьерная городская среда для пожилых людей – это комплексная система возможностей, позволяющая совершать привычные повседневные практики, снижать уязвимость и создавать условия для самореализации граждан старшего возраста. В современной социологии повседневности подчеркивается, что именно привычные и рутинные действия (такие, как посещение магазинов, прогулки в парке, встречи с друзьями и родственниками) обеспечивают стабильность социального функционирования пожилого человека и удовлетворенность собственной жизнью [2].

Понятие безбарьерной среды укладывается в концепцию «права на город», описанную Д. Харви [3], в рамках парадигмы новой мобильности (Дж. Урри [4]). Ключевым понятием парадигмы является «мобильный

горожанин» – индивид, имеющий возможность свободно и безопасно перемещаться по городу, пользоваться зелеными зонами, участвовать в принятии решений о развитии своего района и реализовывать свою гражданскую позицию. Безбарьерная среда выступает неотъемлемым условием мобильного гражданства – способности человека независимо от возраста, пола и физического состояния полноценно участвовать в городской жизни [5].

Физические и символические барьеры (высокие бордюры, отсутствие лифтов, узкие тротуары, агрессивная реклама, цифровой разрыв и т. д.) ограничивают социальное пространство для пожилых людей, тем самым усиливая их маргинализацию. В то же время ликвидация этих барьеров не ограничивается техническими решениями. Она требует изменений социальных установок и практик городского планирования.

Развитие безбарьерной среды для пожилых людей можно оценивать по четырехуровневой модели, предложенной И. С. Ромачевым [2], включающей такие уровни, как перемещение, экология и комфорт общественных пространств, потребление и повседневные услуги, самореализация.

Перемещение – базовый уровень безбарьерной среды. Шаговая доступность объектов первой необходимости (аптеки, магазины, поликлиники, остановки общественного транспорта) являются ключевым фактором автономии пожилых граждан. Отсутствие пандусов, тактильной плитки, удобного освещения превращает обыденное перемещение в сложные испытания. В Беларуси новые жилые комплексы проектируются с учетом данных факторов, однако в старых районах проблема остается актуальной.

Экология и комфорт общественных пространств связаны с тем, что городские парки, скверы, набережные выступают не только местом отдыха, но и фактором физического и психологического здоровья людей старшего возраста. Доступность зеленых зон снижает риск депрессии, является рекреационной зоной для поддержания социальных контактов, способствует регулярной физической активности. Так, в 2025 году 71,1 % пожилых белорусов в возрасте 65 лет и старше хотя бы раз в неделю занимались физическими упражнениями или спортом, в том числе в городских парках и на дворовых площадках [1].

Потребление и повседневные услуги – это не только доступ к магазинам, аптекам и банкам. Все это позволяет пожилым людям сохранять независимость, однако важным аспектом становится адаптированность и доступность цифровизации. На начало 2025 года только 75,6 % горожан старшего возраста имеют доступ к сети Интернет, который является для них скорее средством коммуникации с

друзьями / родственниками и местом для проведения досуга [1]. Это свидетельствует о постепенном преодолении цифрового разрыва, однако требует дальнейшей адаптации и обучения.

Самореализация является высшим уровнем безбарьерной среды. Когда базовые потребности удовлетворены, повседневные практики трансформируются в практики в практики поддержания индивидуальности и разнообразия. В 2025 году 15,3 % участников волонтерских движений Беларуси составляли люди в возрасте 65–74 года, трудовую активность продолжают 2,1 % пожилых людей, особенно в сферах творчества, спорта, развлечений и образования.

Город одновременно предоставляет пожилым людям большие возможности и создает серьезные барьеры. С одной стороны, присутствуют развитая инфраструктура, культурные учреждения, транспорт, с другой – высокая плотность застройки, интенсивное движение, информационная перегрузка, быстрые изменения норм взаимодействия. И. С. Романычев выделяет основные противоречия социальной адаптации пожилого человека в городской среде [2]:

– противоречие между объективным ростом инфраструктуры и субъективным ощущением её недоступности у пожилых людей. Новые жилые комплексы, торговые центры и медицинские учреждения появляются в большом количестве, однако для пожилого человека они часто остаются недостижимыми по причине отсутствия учета инклюзивных особенностей лиц третьего возраста;

– противоречие между формальным наличием «доступной среды» и реальной невозможностью её использования из-за недостатка информации или навыков. Пандусы, тактильная плитка могут быть установлены в соответствии с нормами, однако пожилые люди опасаются ее использовать;

– противоречие между желанием сохранить привычные повседневные маршруты и постоянным изменением городской инфраструктуры. Знакомые магазины, аптеки или даже дворовые скамейки обеспечивают ощущение стабильности и контроля над жизнью, тогда как регулярные ремонты, открытие новых торговых центров и закрытие привычных объектов разрушают эту систему ориентиров и требуют от пожилого человека новых адаптационных усилий.

Эти противоречия приводят к тому, что даже при гуманизации городской среды периодически возрастает неопределённость, нарушающая стабильное воспроизводство повседневных практик.

Подводя итог, укажем, что безбарьерная городская среда для пожилых людей – это не набор разрозненных технических решений, а целостная система возможностей удовлетворения потребностей – от

базовых до высоких. Только при последовательном движении по всем уровням повседневные практики людей старшего возраста трансформируются из рутины «выживания» в практики самореализации и гражданской активности.

Опыт Беларуси демонстрирует позитивную динамику в сфере создания безбарьерных условий проживания пожилых людей в городской среде. Отметим рост пользователей Интернета, сохранение трудовой активности, участие в волонтерских движениях, увеличение доли людей, занимающихся физической активностью. Однако для полного раскрытия потенциала людей старшего возраста необходимо системное внедрение принципов универсального инклюзивного дизайна городов. Только в таких городах пожилые люди перестанут быть уязвимой группой, а станут полноценными мобильными гражданами, сохраняющими достоинство, автономию и социальную вовлеченность.

Библиографические ссылки

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2025.pdf (дата обращения: 15.11.2025)

2. *Романычев И. С.* Адаптация пожилого человека в городской среде и повседневные практики // Теория и практика общественного развития. 2025. № 2. С. 42–48.

3. *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: НЛО, 2018.

4. *Урри Дж.* Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14

5. *Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р.* Право на город в парадигме мобильности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 165–175.

РЕНОВАЦИЯ КАК ДРАЙВЕР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ УРБАНИЗИРОВАННОГО ПРОСТРАНСТВА АРКТИКИ

У. А. Рондак[1)], **И. А. Самусенко**[1, 2)]

[1)] *Белорусский государственный университет,*
Минск, Беларусь, rondakulyana@gmail.com
[2)] *Республиканский центр по гидрометеорологии,*
контролю радиоактивного загрязнения и мониторингу окружающей среды,
Минск, Беларусь, samusenko.irina.03@inbox.ru
Научный руководитель – У. А. Рондак, преподаватель

Городские территории Арктики, как и другие урбанизированные пространства в мире, сталкиваются с большим количеством экологических, экономических и социальных проблем. Такие вызовы создают потребность в реализации новых проектов, которые смогли бы стать драйвером устойчивого развития современных городов. В статье представлен разработанный проект многофакторной реновации существующего здания в городе Архангельске, который затрагивает экологические, экономические и социальные аспекты. Экологический блок отвечает за оптимизацию энергоэффективности, обращение с отходами и устойчивое дизайнерское оформление. Экономический акцентируется на поддержку местного бизнеса. Социальный направлен на развитие местных сообществ и увеличение социальной активности населения.

Ключевые слова: реновация; Арктическое урбанизированное пространство; устойчивое развитие.

Особенностью Арктического урбанизированного пространства является высокая индустриализация с развитием мощных промышленных зон. Именно поэтому городская территория подвергается здесь не только воздействию коренных градостроительных преобразований, но и всевозможных видов загрязнения, что в совокупности усугубляется низким рекреационно-эстетическим потенциалом самих городов [1]. Среди основных вызовов развития урбанизированного пространства Арктики можно назвать:

1. эффективность и рациональность использования городского пространства. Данный вызов заключается в необязательности расширения города для расширения его функционала и возможностей. Задача заключается в том, чтобы посмотреть под другим углом на уже существующие здесь пространства;

2. диаметральность – одновременная суровость и хрупкость Арктики. Климат здесь достаточно суров, при этом Арктическое пространство и его уязвимые экосистемы крайне изменчивы. Именно поэтому современные Арктические города должны быстрее адаптироваться к прогрессирующему изменению климата и его

негативным последствиям. Идеальная концепция: обладать высокой устойчивостью и при этом быть гибкими и трансформационными;

3. города должны создаваться для людей. При градостроительном планировании часто не учитываются уникальность пространства и колорит местного сообщества, а местные жители никак не участвуют в создании пространств своих же городов. Соучастие может стать отличным решением не только для повышения самой комфортности и привлекательности городов;

4. монопрофильность Арктических городов, которые появились благодаря промышленности. Зацикленность на одной функции мешает эффективному экономическому и социальному развитию города.

Сложившаяся ситуация приводит к возникновению потребности в формировании экологически устойчивых и при этом экономически процветающих и социально справедливых городов Арктики, которые станут не только идеальным местом жизни для уже существующего здесь населения, но и стимулом для его роста.

В качестве решения данной задачи предлагается создание пилотного проекта по реновации неиспользуемых зданий городской Арктической зоны с применением обновлённых экологических стандартов, внедрением современных технических решений и реализацией социальных потребностей с акцентом на развитие местных сообществ. Именно с этой целью был разработан проект по созданию многофункционального эко-арт центра в существующем, но неиспользуемом здании перспективного района города Архангельск, Российская Федерация. Основными реализуемыми направлениями проекта являются экологический, экономический и социальный блоки. Экологический отвечает за энергоэффективность (снижение потребляемой энергии и теплопотерь), внедрение альтернативных и автономных источников энергии, зелёное строительство (экологичные строительные материалы, озеленение – особенно вертикальное), обращение с отходами (система сбора с акцентом на разделение классов вторичных ресурсов, минимизация образовавшихся отходов, внутренние решения рециклинга). Социальный концентрируется на формировании максимально удобного пространства для людей: изменение функций пространства на образовательные, культурные и развлекательные, формировании местных сообществ и чувства сопричастности, инклюзивности для людей с инвалидностью и открытостью для жителей всех возрастов. Экономический направлен на увеличение востребованности самого объекта, создание привлекательных мест для развития бизнеса и формировании новых рабочих мест, а глобально – создании новых пространств, которые смогут выступать в качестве экономических драйверов города. Создание такого современного и

привлекательного пространства также решит основную социальную проблему Арктического региона – отток местного населения [2]. Планируемый центр станет доступен для жителей разных возрастов, а также для людей с инвалидностью.

В основе проекта лежит метод реновации – комплексный процесс обновления и модернизации существующего строения, направленного на улучшение эксплуатационных характеристик, повышение энергоэффективности, а также адаптацию к изменяющимся потребностям и требованиям – в данном случае к обновлённым экологическим стандартам, внедрению современных технических решений и реализацию социальных запросов с акцентом на развитие местных сообществ. Этот метод можно назвать неочевидным устойчивым решением, ведь благодаря нему мы более эффективно и рационально использования городского пространства, тем самым минимизируя расширение урбанизированной среды со всем широким спектром её отрицательных характеристик (ухудшение состояния окружающей среды посредством химических и физических загрязнений, низкие эстетические показатели, ухудшение физического и психологического здоровья населения). Подход реновации крайне актуален при создании устойчивых городских проектов. В первую очередь благодаря отсутствию необходимости создавать новый объект с нуля, что априори сокращает углеродный след и количество затрачиваемых ресурсов. Также современные подходы реновации со всеми описанными блоками идеально ложатся в концепцию устойчивого развития, создавая комплекс взаимосвязанных решений с большим количеством сопутствующих выгод.

Проект предполагается реализовывать в здании бывшего торгового центра, расположенного в зоне многофункциональной смешанной и общественно-деловой застройки на набережной Северной Двины в городе Архангельске [3]. Строение состоит из двух основных этажей, крыши и чердачного помещения. Общая площадь составляет 2159 м2, вместимость около 250–300 человек. Согласно предлагаемому проекту реновации, данное здание будет переформировано в эко-арт центр, состоящий из четырех функциональный блоков. Первый блок отвечает за культуру и искусство – создание места для творческой самореализации горожан, продвижения темы любви к природе и экологическое просвещение через творчество. Данной функцией будут охвачены следующие планируемые помещения: выставочный зал с постоянными и временными экспозициями, арт-мастерские, а также сезонное использование крыши и прилегающего пространства набережной. Второй блок – экология – оранжерейное пространство (зона зимнего сада и учебный огород с высокими грядками и вертикальным озеленением),

интерактивные учебные классы с экологической направленностью, рабочие пространства для местных инициатив и активистов. Третий блок охватывает образование и предполагает создание конференц-зала, зоны коворкинга и небольшой библиотеки. Последний, четвёртый блок, будет отдан интерактиву: выделение пространства для фудкорта, небольшого магазина с местными брендами и детского интерактивного пространства. Также в здании предусмотрены вспомогательные пространства: гардероб, санузлы (в т. ч. для людей с инвалидностью), лифт, подвальные помещения и место хранения отходов.

Дизайн-концепт будущего арт-пространства разработан с акцентом на айдентику поморского района. Проектируемый фасад здания будет оформлен рисунками орнаментов мезенской росписи: верхний ярус – небо с облаками, средний – человек и природа, нижний слой – северное лето. Название проектируемого объекта взято из поморского языка – «Кёж», обозначающий напиток из северных ягод, который на протяжении многих веков согревал местные народы в суровых условиях севера.

На данный момент в г. Архангельске нет аналога подобного культурного хаба, однако в России и в мире такие практики распространены достаточно широко. Ближайшие находятся в г. Тула (Творческий индустриальный кластер «Октава»), г. Москва (Культурный центр «Хлебозавод № 9», Дом культуры «ГЭС-2»), г. Санкт-Петербург (Общественное культурно-деловое пространство «Севкабель Порт»). Однако чаще всего в качестве таких объектов реновации или скорее даже джентрификации выступают бывшие промышленные здания или районы. В нашем случае объект общественной застройки не переходил из класса промышленных, что делает данный объект более уникальным.

Для подтверждения ценности реализации данного проекта был проведён предварительный социальный опрос местного населения, охвативший 135 человек из г. Архангельска. Основными респондентами стали молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет, преимущественно это студенты Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, который находится в пешей доступности от рассматриваемого здания. Таким образом, основной целевой аудиторией будущего эко-арт центра являются люди разного возраста с акцентом на студенческую молодёжь. При этом центр является привлекательным для других категорий граждан: семьи с детьми, ремесленники и люди искусства, локальные предприниматели с малым бизнесом. В основном местные сообщества, которым не хватает пространства для самореализации и развития, однако центр не исключает возможность посещения туристов. Среди основных проблем и потребностей опрошенных были выявлены:

1. общая нехватка общественных пространств в городе;

2. необходимость создания в городе привлекательного современного общественного пространства с широким функционалом и экологической повесткой, которое станет местом притяжения людей;

3. отсутствие доступного пространства третьего времени, которое находится в центре, обладает бесплатными доступными опциями для времяпрепровождения, а также является инклюзивным;

4. внутреннее желание найти «свое» место в городе, где можно самореализовываться, проводить досуг, заниматься творчеством, развивать бизнес и работать.

Кроме того, было выявлено, что жители города сами видят и подмечают примеры неиспользуемых зданий и пространств Архангельска, и даже сами указывают на потенциал их нового использования. При этом 78 % респондентов указывают на желание видеть в городе больше общественных пространств, считая их важнейшим драйвером развития современного города. Более того, среди преобладающих запросов по созданию подобного проекта видна поддержка экологичности, инклюзивности и доступности. Внутри пространства большинство опрошенных хотят видеть места творческого отдыха (62,5 %), свободные пространства для работы инициатив и реализации собственных проектов (50,0 %), а также образовательную зону (44,1 %). Очень важно отметить, что 52,2 % ответили, что и сами готовы стать частью такого пространства, например, в качестве работника или волонтёра. Основная масса респондентов (80,0 %) готова тратить до тридцати минут своего времени, чтобы добраться до общественного пространства в городе.

Успешность проекта также можно оценить метриками трёх разных составляющих: экологической, социальной и экономической. К экологическим будут относиться: измерения количества расходуемой энергии и ресурсов, процент покрытия потребностей пространства в электроэнергии альтернативными источниками, расчёт количества образовываемых и сортируемых отходов, создание фокус-групп и проведение опросов населения по темам увеличения спроса на более осознанный образ жизни. Среди социальных: анализ спроса на проведение мероприятий, оценка уровня посещаемости и социальной активности, анализ социальных изменений в городе и регионе, анализ активности в социальных сетях. Экономические метрики: определение рентабельности, оценка спроса на аренду, оценка количества партнерств, анализ количества проектов малого и среднего бизнеса и уровня устойчивости их работы.

Также был выделаны основные риски планируемой реновации и последующей работы центра. Во-первых, работа солнечных панелей,

которые могут работать лишь короткий период в году из-за непродолжительности светового дня. Также мощности панелей не смогут полностью покрывать пики энергопотребления и базовые потребности в зимний сезон. Ещё один риск связан с запылением солнечных панелей и образованием наледи. Также среди рисков можно отметить: риск формирования «мёртвого места» из-за непродуманной и нескоординированной программы активностей; перегрузка коммерческими функциями, если при низкой рентабельности придётся выделить большую часть площадей под аренду; возможное увеличение итоговой стоимости проекта из-за необходимости перепланировки пространства и сложности предварительной оценки ремонтных работ.

Библиографические ссылки

1. *Замятина Н. Ю., Гончаров Р. В*. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. 2020. № 4. С. 69–82.

2. *Бачуринская И. А., Костюкович Д. А*. Проблемные аспекты развития арктических городов: отток населения и пути решения // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2024. № 4. С. 22–30.

3. Генеральный план муниципального образования «Город Архангельск» // Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального образования «Город Архангельск». URL: https://www.arhcity.ru/?page=1374/1 (дата обращения: 15.10.2025).

АРХИТЕКТУРНЫЕ РЕШЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНЫХ ОБЩЕЖИТИЙ КАК ЭЛЕМЕНТОВ ДОСТУПНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Д. А. Самолазова[1)], **В. А. Сысоева**[1)]

[1)] *Белорусский национальный технический университет,*
Минск, Беларусь, samolazova03@gmail.com
Научный руководитель – А. В. Мазаник, кандидат архитектуры, доцент

Статья посвящена решению проблемы фрагментарности безбарьерной среды в белорусских городах. На примере формирования инклюзивной среды для обучения в ней раскрываются задачи и подходы к проектированию на основе принципов универсального дизайна. В работе анализируются современные архитектурные решения инклюзивных студенческих общежитий и приводятся примеры оптимальной архитектурно-планировочной организации таких объектов для обеспечения безопасности, доступности, социальной поддержки и реализации прав людей с ограниченными возможностями. Наряду с необходимостью следования принципам универсального дизайна в работе отмечается необходимость формирования разнообразных пространств в студенческих общежитиях для более полного учета различных ограничений возможностей их жителей.

Ключевые слова: инклюзивные студенческие общежития; архитектурно-планировочная организация; люди с ограниченными физическими возможностями, универсальный дизайн.

Введение

Современные подходы к адаптации людей с ограниченными возможностями в городской среде предполагают создание беспрерывного пространства, обладающего такими характеристиками как доступность, безопасность, равные условия для всех, независимо от возраста, способностей, пола или социально-экономического статуса. В белорусских городах такое пространство формируется в соответствии с требованиями технических нормативно-правовых актов, которые реализуют Концепцию универсального дизайна в области создания безбарьерной среды [1; 2]. Благодаря устранению физических и социальных барьеров обеспечивается комфорт проживания в городах и участие в жизни сообщества всех категорий граждан. Однако, в настоящее время в белорусских городах безбарьерная среда представлена фрагментарно, что не позволяет всем горожанам в полной мере участвовать в жизни городского сообщества. В данной статье акцентируется внимание на потребностях студентов с физическими ограничениями или инвалидностью, их возможностях получать образование вдали от родного дома и полноценно интегрироваться в студенческую жизнь.

Период обучения в возрасте от 18 до 22 лет играет решающую роль в формировании личности, мировоззрения, а также в развитии межличностных отношений и самосознания. Поэтому важно создать такую образовательную и социальную среду, которая способствовала бы воспитанию гармонично развитого, свободного и всесторонне зрелого человека. Эта среда должна предоставлять условия для разнообразных форм коммуникации, эффективного обучения, а также для реализации потребностей в общественной активности и интеграции. Наряду с самими объектами образования, немалую роль в обеспечении комплексности безбарьерной среды для студентов с ограниченными возможностями играет пространство для проживания на период учебы [3].

Выявление архитектурно-планировочных решений для обеспечения безопасных условий проживания, создания комфортной среды студенческих общежитий, достижения баланса между социальным взаимодействием, активной деятельностью и уединением с учетом потребностей людей с ограниченными возможностями стало темой магистерской диссертации.

Основная часть

Рекомендации по формированию инклюзивной среды для обучения в городах предлагают следовать принципам универсального дизайна, которые способствуют созданию гибких и инклюзивных пространств. Это касается, например, устройства широких тротуаров и коридоров, тактильных указателей, автоматических дверей и безбарьерных санитарных узлов, регулируемой мебели и трансформируемых помещений, что облегчит участие студентов в учебных мероприятиях. Учебным заведениям следует уделять приоритетное внимание созданию полностью доступной физической и цифровой среды для всех студентов. Старые здания в первую очередь нуждаются в модернизации с помощью пандусов, лифтов, более широких дверных проемов и коридоров для обеспечения мобильности пользователей инвалидных колясок.

При этом важно учитывать различный характер ограничений возможностей людей, будь то постоянная инвалидность, временные ограничения (например, во время беременности) или ограничения, обусловленные контекстом (например, родителя, передвигающегося с коляской по песчаной дорожке). Поэтому кроме отсутствия барьеров для передвижений, важно учитывать особые требования к сенсорным сигналам, свету и цвету, акустическим характеристикам открытых и закрытых пространств.

В дополнение к улучшению материально-пространственной среды, университеты и другие учебные заведения внедряют цифровые вспомогательные технологии, такие как программы чтения с экрана,

инструменты преобразования текста в речь и навигация с клавиатуры. Известны передовые практики, когда для оказания поддержки в области психического здоровья, ориентированной на студентов с ограниченными возможностями, университеты реализуют программы поддержки сверстников в составе комплексных стратегий обеспечения инклюзивности.

Студенческие общежития являются теми объектами, где можно в первую очередь пилотировать инклюзивное проживание студентов с различными физическими возможностями, развивая опыт интеграции и взаимопомощи. Определенные архитектурно-пространственные решения в проектах общежитий могут способствовать созданию благоприятных и инклюзивных сообществ для жизни и обучения, с акцентом на физическом и психическом благополучии проживающих.

Современное студенческое общежитие в городе – это, как правило, четырех-двадцатиэтажное здание вместимостью до тысячи человек, в нем располагается несколько функциональных зон: жилая, общественная, административно-хозяйственная, а также служебные и технические помещения. Жилые комнаты группируются с подсобными зонами, поэтажными помещениями для обслуживания (комнаты для занятий и отдыха, кухни, гостиные и другие). Общественная зона включает в себя вестибюльные группы, помещения для питания, культурно-бытовые услуги, медицинский пункт, а также зоны для занятий спортом и физической культурой. Обычно жилая часть занимает все этажи здания, кроме первого или первых двух [4]. Наиболее распространена планировочная схема коридорного типа, поскольку она обеспечивает наиболее высокую вместимость общежития. Однако, данная схема имеет ряд недочетов для комфортного проживания студентов с ограниченными физическими возможностями. Так, например, длинный коридор визуально сужает пространство; повышенный шумовой фон делает пребывание в вестибюльной и жилой зоне некомфортными; передвижения студентов с ограниченными физическими возможностями затруднены. Поэтому более удобным вариантом представляется планировка блочного типа, где вместо отдельной жилой комнаты в качестве основной структурной единицы выступает жилая ячейка на 4–5 человек. В состав такой ячейки входит также санитарный блок (туалет, ванная или душевая) и небольшая кухня (или ниша для приготовления пищи). Для студентов с ограниченными физическими возможностями наличие кухни считается обязательным элементом, поскольку к её размерам и доступности предъявляются особые эргономические требования [3].

Входные группы общежитий зачастую оборудованы лестницами, поэтому должны быть непременно обеспечены пандусом или

электрическим подъемным устройством. Современные проекты общежитий предусматривают вход с уровня земли и наличие тактильного мощения, таблички со шрифтом Брайля, тем самым достигая принципа безбарьерной среды [5].

На основе анализа передового опыта проектирования можно выделить следующие подходы, которые позволяют создать инклюзивные общежития, жители которых чувствуют, что их ценят, уважают и поддерживают, – это формирование разнообразных пространств и следование принципам универсального дизайна.

Так, инклюзивные общежития предлагают сочетание приватных, полу-приватных и общественных пространств для удовлетворения различных социальных потребностей – тихие жилые и учебные комнаты, места для общения с играми и телевизорами, а также общие кухни. Использование принципов универсального дизайна обеспечивает доступность для студентов с ограниченными физическими возможностями, включая пандусы для инвалидных колясок, широкие дверные проемы, лифты и адаптируемую мебель, интуитивно понятные системы навигации с четкими мультисенсорными указателями могут помочь студентам с нарушениями зрения или когнитивных функций самостоятельно ориентироваться в общежитиях.

В качестве примера инклюзивного общежития можно привести новые корпуса общежитий Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (ТПО «Прайд», 2020–2022). Архитекторы смогли создать знаковый объем на узком участке вдоль реки Яуза среди существующей застройки. Его концепцией стало создание многофункционального пространства в комплексе с жилой средой. В этом общежитии входные группы организованы с уровня земли, первый этаж полностью отдан под общественные функции: коворкинг, переговорные, спортзал, библиотека и так далее, на втором этаже предусмотрено несколько блоков, адаптированных для проживания студентов с физическими ограничениями: расширены дверные проемы, ванная комната и санузел оснащены специальным оборудованием [6].

Заключение

Восполнение пробелов в инклюзивном пространстве является комплексной задачей. Одним из ее аспектов является формирование доступной городской среды для студентов с физическими ограничениями. Новые подходы к архитектурно-планировочной организации инклюзивных студенческих общежитий служат повышению качества жизни всех людей, обеспечению комфорта, безопасности и благополучия жителей городов.

Библиографические ссылки

1. Концепция универсального дизайна в области создания безбарьерной среды – Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь. 2011. URL: http://mas.gov.by/pda/ru/news_ru/nutverzhdena-kontseptsija-universalnogo-dizajna-v-oblasti-sozdanija-bezbarjernoj-sredyn-820/ (дата обращения: 15.10.2025).

2. Строительные нормы Республики Беларусь. Среда обитания для физически ослабленных лиц: СН 3.02.12-2020: официальное издание: введены в действие с изменением Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь 07.11.2024. Минск, 2024.

3. Дом для студентов / Е. Агранович-Пономарева [и др.]. Biatystok: Oficyna Wydawnicza Politechniki Biatostockiej, 2017.

4. *Кожушко Л. А., Гордиевская Е. О., Демина Э. Н.* Сопровождаемое проживание: опыт, проблемы, перспективы развития // Физическая и реабилитационная медицина. 2019. Т. 1, № 2. С. 26–36.

5. *Боровкова А. А., Мазаник А. В.* Универсальная модель общежития глазами студента // Архитектура: сборник научных трудов. 2018. Вып. 11. С. 228–233.

6. *Горелова Д.* Стеклянное общежитие // archi.ru: [сайт]. URL: https://archi.ru/russia/96414/steklyannoe-obschezhitie (дата обращения: 28.10.2025).

РЕНОВАЦИЯ ЖИЛЫХ СООРУЖЕНИЙ

Ю. А. Скорченко

Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Луганск, Россия, skorchenko60@mail.ru

Рассматривается проблема реставрации устаревших жилых зданий, которые со временем теряют свою надежность. Анализируются актуальные проблемы реновации обветшалых домостроений.

Ключевые слова: реставрация; ремонт; возрождение; реновация; адаптация; реконструкция; обновление.

Реновация – это адаптация существующего объекта за счет изменения функционального назначения здания, сооружения, комплекса для последующего его использования. Также она включает в себя многоаспектный комплекс понятий: это может быть небольшой ремонт, капитальное обновление или полная ликвидация старого объекта с вводом в эксплуатацию нового [1, с. 369]. Данный процесс, получивший обозначение реновации зданий, содержит выполнение единой совокупности взаимосвязанных строительных работ, куда входит полная реконструкция объектов, их дальнейшая адаптация под какие-либо современные потребности и т. д.

Со временем в устаревших зданиях изнашиваются коммуникации, приходят в негодность стены, тип квартир перестает соответствовать современным нормам. Они не отвечают требованиям повышения качества жизни. Старые и полностью обветшавшие дома попадают под программу реновации, которая дает жилым зданиям новый шанс на существование. В целях изучения имеющихся вариантов использования постройки (эстетических, экономических, многофункциональных) вырабатывается архитектурная концепция для реновации домостроения. Для каждого объекта специально формируется индивидуальная концепция реконструкции и несколько интересных сценариев использования территории.

Реновация предполагает наиболее полную модернизацию зданий и прилегающих пространств в полном соответствии с сегодняшней политикой страны, а также потребностей бизнеса в целом [2]. Редевелопмент объединяет все виды реновации по улучшению качественных характеристик объекта. Все эти дома с самого начала строились как временные – срок их эксплуатации не должен быть больше полувека. Какая-то часть пятиэтажек уже имеет статус старых, а некоторая в ближайшем времени перейдет в эту категорию.

Освободившееся место после сноса ветхого жилья может быть использовано для застройки новыми домами.

Проблемы обновления и воспроизводства жилищного фонда нашли свое отражение в работах В. Бабакина, О. Бессоновой, Д. Жукова, В. Зотова, К. Кияненко, Ю. Панибратова, В. Чекалина, В. Черняка и других ученых.

Целью статьи является рассмотрение и анализ информации о методологии проектирования реновационных жилых построек.

Целесообразно различать несколько видов реновации в соответствии с ее объектами. Для повышения комфортности жизни применяются следующие методы: капремонт; модернизация и реконструкция; реставрация. Выбор способа восстановления объектов зависит от истории и состояния строения, цели его будущей эксплуатации. Обычно в реновации принимают участие региональные и местные власти [3]. Государство может выделять субсидии, финансировать жилищную программу. В качестве примера можно привести тепловую реновацию, как разновидность модернизации жилой структуры: замена устаревших коммуникаций, утепление фасадов, ремонт тепломагистралей. Целью этого метода выступает улучшение энергоэффективности жилого фонда.

Реновация территорий – еще один вид редевелопмента. К примеру, когда планируется снос имеющегося старого здания с последующим извлечением и утилизацией инженерных коммуникаций. Такая работа производится, чтобы освободить земельный участок для нового строительства. Техническое состояние ветхого здания при этом не всегда учитывается [4].

К жилым зданиям и сооружениям массовой застройки можно отнести домостроения длительного и кратковременного проживания, среди которых как квартирные дома, так и общежития разной этажности и конструктивной системы [5]. Чаще всего реновационным мероприятиям подвергаются пятиэтажные жилые дома, построенные по типовым проектам. Такой опыт связан с относительной простотой проведения изменений: внутренней перепланировкой, имеющей эластичность за счет трансформации перегородок и возможности надстройки мансардного и нескольких дополнительных этажей без применения сложных инженерных решений [6].

Лучшим форматом застройки исторической среды является жилищный ансамбль со многими комплексными функциями как бы единого организма, отвечающий большинству потребностей жителя мегаполиса.

Формирование структуры реновации жилых домов чаще всего определяется тщательным градостроительным анализом территории, где

будут происходить изменения в интересах повышения качества жизни местного населения. Жителей реновируемых домов интересует, в первую очередь, улучшение своих жилищных условий. Важная социальная проблема – рост нагрузки на социальную инфраструктуру, поскольку уделяется незначительное внимание автопарковкам, доступности образовательных и медицинских учреждений. В целом одним из главных аспектов проблемы социальных коммуникаций вокруг реновации является противоречие между слишком завышенными ожиданиями и реальными результатами.

В настоящее время реновация является неотъемлемой составляющей градостроительного процесса. Градоформирующие задачи реновации заключаются в выявлении и сохранении ценных объектов исторического наследия. Их включения в новые архитектурные ансамбли в качестве ключевых элементов для функционального использования территорий и зданий, обеспечения гибкой планировочной организации, функциональной, экологической, эстетической адаптации объектов к градостроительной среде.

Выводы

Принципами архитектурно-художественного решения жилых комплексов на основе реновации ценных исторических объектов являются контрастное противопоставление нового и старого, реставрация значимых артефактов прошлого, доминантная значимость ценных объектов зодчества. Для типичных нейтральных исторических объектов следует применять принципы акцентирования существующего формирования нового социального образа. Рекомендуется использование эстетически-эмоционального потенциала промышленных объектов и сооружений для создания индивидуального образа здания с помощью предложенных приемов.

Библиографические ссылки

1. *Скорченко Ю. А*. Строительство, архитектура, урбанистика // Тезаурус: учебное пособие / сост. Ю. А. Скорченко. Луганск: Ноулидж, 2023.

2. *Тихонов В. Э.* Принципы формирования многофункциональных комплексов в центрах крупнейших городов: дис. …канд. архитектуры. М., 1986.

3. *Токарев А. Г.* Система композиционных приемов как средство организации городского пространства в творчестве М. Н. Кондратьева // Труды РГААИ. Вып. 1. 2001. С. 70–75.

4. *Федяева Н. А., Набокова Т. Б.* Многофункциональные жилые комплексы: учебное пособие. М.: МАРХИ, 1981.

5. *Федорова М. Ю*. Совершенствование функциональных качеств жилья крупнейших городов на основе специфики жизнедеятельности населения: дис. ... канд. архитектуры. Л., 1989.

6. *Хасиева С. А*. Архитектура городской среды: учебник. М.: Стройиздат, 2001.

ЭКОГОРОД В СВЕТЕ ЭТИКИ ДОБРОДЕТЕЛИ: АНТИЧНЫЕ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОМ УРБАНИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

О. А. Шершнева

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, Olgashershnyova@yandex.by

Статья представляет собой философское исследование феномена современного города, выходящее за рамки сугубо урбанистического и социологического анализа. Автор последовательно раскрывает город как сложный и противоречивый концепт, определяющий условия человеческого существования. Центральным и наиболее оригинальным тезисом статьи является синтез античной философии и современной урбанистики. Автор предлагает рассматривать экогород через призму аристотелевской концепции арете (добродетели) как совершенного выполнения своей функции. Функция города-полиса заключается в том, чтобы обеспечивать эвдемонию граждан, что в XXI веке неотделимо от гармонии с природой. Таким образом, экологичность становится не техническим решением, а высшей добродетелью современного города, а устойчивый образ жизни – новой гражданской доблестью, воспитываемой самой городской средой. В заключении делается вывод, что идея «города-арете» задает новый философский императив и целевую ориентацию для урбанистики, призывая видеть в городе не машину для жизни, а организм, чья высшая цель – человеческое процветание, достигнутое в разумном и ответственном диалоге с планетой.

Ключевые слова: арете; экогород; урбанистика; симулякр; эвдемония; фронезис; этика добродетели; устойчивое развитие.

Что такое современный город? Это вопрос, который сегодня простирается далеко за пределы урбанистики и социологии, упираясь в самые основы человеческого бытия. Это не просто место на карте, не только совокупность зданий и инфраструктуры, а мощнейший философский концепт, воплощенный в бетоне, стекле и цифровых кодах. Если Платон описывал пещеру, где узники видят лишь тени реальности, то современный город – это пещера, состоящая из симулякров, где мы соприкасаемся с миром не напрямую, а видим его отфильтрованным через экраны, медиа, коммерческие нарративы. Горожанин все больше напоминает узника, прикованного не цепями, но алгоритмами рекомендаций и бесконечным потоком контента. Вопрос в том, способны ли мы еще отвернуться от этих теней и увидеть свет?

Современный город – это пространство фундаментальных противоречий. С одной стороны, город – это величайший генератор возможностей, пространство, где можно сконструировать любую идентичность, это двигатель социального ускорения. С другой стороны, город становится местом, где «быть» постепенно подменяется

«казаться», машиной по производству одиночества в толпе и отчуждения не только от других, но и от себя. Постоянный искусственный свет, шум, «каменные джунгли» отрывают нас от естественных ритмов, мы теряем связь с собственной телесностью и инстинктами, что порождает экзистенциальную тревогу. Хайдеггер сказал бы, что город погружает человека в безличное состояние «Man» [3], где никто не принимает решений, а все живут по навязанным анонимным шаблонам моды, потребления и поведения. Мы попадаем в «ловушку ускорения», бежим всё быстрее, но остаемся на месте. Это порождает «молчаливый стресс» – чувство, что ты не успеваешь за самой жизнью.

Современный город – одновременно и тюрьма (дисциплинарный паноптикум), и карнавал (пространство безграничных возможностей). Он освобождает нас от пут традиционной общины, но навязывает новые, более изощренные цепи – цепи выбора, скорости и потребления. Возможно, главная философская проблема города в том, что он стал слишком реальным, слишком успешным в своем проекте. Он так плотно окружает нас своим искусственным миром, что мы забываем спросить: а что остается за его пределами? И осталось ли там что-то, что мы могли бы назвать «подлинной жизнью»?

Экологический кризис радикально преобразил философское представление о современном городе. Он перестал восприниматься как триумф человеческой воли над хаотичной природой и стал хрупким артефактом, что изменило саму онтологию города – наше понимание того, что он есть в своей основе. Если классический модернистский город мыслился как независимая машина для жизни, противостоящая природе, то экологический кризис обнажил эту иллюзию. Город оказался не крепостью, а проницаемой экосистемой, полностью зависимой от внешних потоков [2]. Поскольку мы не отдельные субъекты, противостоящие миру объектов, мы всегда уже вплетены в мир, экокризис сделал эту вплетенность городского жителя трагически очевидной. Мы не можем «уйти» от природы, мы всегда часть ее, даже когда асфальтируем ее и поднимаемся в небоскребах.

Городская природа перестает быть «дикой», она становится гибридом природного и искусственного. Урбанистика заговорила о «зеленой инфраструктуре» – это попытка не просто «озеленить» город, а вписать его в естественные циклы, признать право природы на существование внутри городской ткани. В этой связи формируются и развиваются представления об экогороде» («устойчивый город», «зеленый город»), который существует по принципам природной экосистемы: минимизирует вредное воздействие на окружающую среду, эффективно использует ресурсы и создает здоровые, справедливые условия для жизни всех своих обитателей. Устойчивый город – это

«концепция, характеризующая развитие города как целостной системы, в которой гармонично интегрированы социальные, экономические, экологические и институциональные аспекты развития» [4, с. 114].

Экогород – это, в первую очередь, набор технологий и инфраструктурных решений, связанных с использованием чистой энергии эффективного транспорта и рациональным управлением отходами. Экогород – это город-механизм, который старается работать с меньшим вредом для природы, такая экосистема, которая стремится к симбиозу с природой. Экогород – это не только про экологию, но и про качество человеческой жизни и этику. Современный город становится организмом, цель которого – обеспечивать процветание граждан через гармонию с природой, поэтому экологичный образ жизни становится новой гражданской добродетелью.

Арете – понятие, которое отражает сущность города как сообщества, где гармония с природой неотделима от социальной гармонии и личного благополучия. Арете – «добродетель» или «доблесть», наивысшее качество, которое позволяет чему-либо или кому-либо в полной мере реализовать свое предназначение. Для Аристотеля арете была неотъемлемой частью эвдемонии – высшего человеческого блага, часто переводимого как «счастье», «процветание» или «благоденствие». Аристотель отмечал, что «добродетель есть сознательно избираемый склад [души], состоящий в обладании серединой по отношению к нам, определяемый таким суждением, каким определил бы ее рассудительный человек. Серединой же обладают между двумя [видами] порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка» [1, с. 97]. Аристотель считал, что арете – это «золотая середина» между двумя пороками. Так, например, мужество как добродетель есть золотая середина между трусостью и безрассудной отвагой, щедрость – золотая середина между скупостью и расточительством.

Этот принцип арете как добродетели применим и к городу (полису). Аристотель определял полис как общение ради благой жизни. Следовательно, добродетельный город – это тот, который наилучшим образом выполняет свою функцию: обеспечивает эвдемонию своих граждан. В античности это достигалось через участие в общественной жизни и справедливые законы. Сегодня, в эпоху информационных технологий неотъемлемой частью «благой жизни» стала гармония с природой. Таким образом, современный экогород – это полис, чья добродетель проявляется в способности обеспечивать процветание, не подрывая экологических основ собственного существования.

Для Аристотеля высшее благо человека – это «деятельность души в согласии с добродетелью». Счастливая и процветающая жизнь возможна

только тогда, когда человек живет разумно, действуя в соответствии с добродетелью на протяжении всей своей жизни. Арете у Аристотеля отражает функциональность (как совершенство в выполнении своей функции), приобретенность (как склад души, обретаемый через привычку и обучение, серединность (как «золотая середина» между двумя пороками), разумность (добродетель всегда направляется практической мудростью), целеполагание (путь к достижению высшего человеческого процветания). Таким образом, аристотелевское арете – это практическое мастерство быть человеком, искусство жить хорошо, достигаемое через разумные привычки, правильные поступки и мудрое суждение.

Принцип арете согласуется с понятием фронезис [1] – практическая мудрость, способность верно судить и принимать верные решения в конкретных обстоятельствах. Это не слепое следование правилам, а гибкий, осознанный выбор. Современное урбанистическое планирование, ориентированное на экологию, – это и есть фронезис в действии. Это не просто применение типовых «зеленых» стандартов, а глубокое понимание контекста. Практическая мудрость диктует не просто строить больше очистных сооружений, а восстанавливать естественные русла рек, создавать дождевые сады и использовать воду как ценный элемент городского ландшафта. Мудрость заключается в переходе от централизованных, уязвимых систем к распределенной энергетике, где каждый дом может быть не только потребителем, но и производителем энергии.

Когда мы говорим «экогород как арете», мы подразумеваем, что город должен достичь своего высшего предназначения и совершенства в выполнении своего предназначения – обеспечить эвдемонию своим жителям. В XXI веке это процветание невозможно без гармонии с природой. Следовательно, экологичность – это не просто «опция» или «технология», а неотъемлемая часть добродетели современного города, его путь к совершенству и выполнению своей главной функции. Экогород-арете – это город, который осознал свою высшую функцию: быть средой для полноценной, осмысленной и ответственной человеческой жизни, интегрированной в более широкую живую систему планеты. Обращение к античным идеям напоминает нам, что любая технология лишь инструмент. Его ценность определяется той добродетелью, которую он призван служить. И в XXI веке высшей урбанистической добродетелью становится способность жить в гармонии с природой, превращая мегаполис из паразита экосистемы в ее мудрого и добродетельного симбиота. Таким образом, арете – это не абстрактная мораль, а практическое совершенство, реализация высшего потенциала – будь то человек или целый город.

Античная этика была антропоцентричной. Однако, переосмысляя ее сегодня, мы можем расширить круг «сообщества», чье благо должен обеспечивать город. Добродетельный экогород учитывает интересы не только нынешних, но и будущих поколений (что перекликается с концепцией устойчивого развития), а также – в духе биоцентризма – интересы не-человеческих существ: животных, растений, целых экосистем. Для Аристотеля добродетель – это не врожденное качество, а привычка, воспитываемая через практику и правильные поступки. Средой, которая воспитывает такую «экологическую добродетель», и должен стать город (через раздельный сбор мусора, безопасную велоинфраструктуру и пр.). Городская среда перестает быть нейтральным фоном и становится активным участником формирования характера своих жителей. Взгляд на экогород сквозь призму этики добродетели позволяет нам совершить важный концептуальный сдвиг. Устойчивое развитие – это не только вопрос солнечных батарей и электромобилей. Это, в первую очередь, вопрос морального выбора и практической мудрости всего сообщества.

Устойчивый образ жизни в городе не просто можно, но и нужно рассматривать как новую, формирующуюся гражданскую добродетель в аристотелевском смысле. Это не просто личный выбор или следование моде, а проявление практической мудрости и ответственности, направленное на общее благо. Устойчивый образ жизни в городе – это именно та новая форма гражданской добродетели, которая отвечает вызовам современного общества. Это практическое воплощение практической мудрости (фронезис) – способности принимать верные решения в сложных условиях, балансируя между личными интересами и благом всего городского сообщества, включая его природную основу.

Таким образом, «экогород» – это комплексная, динамичная модель городского развития, которая интегрирует технологические инновации, экологические принципы и социальные ценности для создания устойчивого, здорового и справедливого общества. Античной концепция этики добродетели предлагает рассмотреть экологический город не как набор технологий, а как воплощение человеческой добродетели (арете). Говорить о городе как об арете – значит, поднять дискуссию об урбанистике с уровня технических решений на уровень целеполагания и смысла. Город в условиях глобального кризиса способен выполнять функцию процветания граждан, не разрушая экологических основ для будущих поколений. Современный город способен воспитывать добродетельных граждан, формировать у горожан экологическую привычку.

Говорить о возможности города как арете сегодня и возможно, и нужно. Хотя мы, вероятно, никогда не достигнем идеала города, в совершенстве исполняющего свою функцию, сама эта концепция служит мощным компасом. Она задает высшую планку, ориентируя человечество на экологическую этику как главную добродетель в эпоху тотального информатизации и технологизации. Город-арете – это философский императив, призыв видеть в городе не просто машину для жизни, а живой, развивающийся организм, чья высшая цель – человеческое процветание, достигнутое в гармонии с природой. В этом смысле эта античная идея становится самой передовой программой действий для урбанистов, градостроителей и всех нас как жителей городов.

Библиографические ссылки

1. *Аристотель*. Никомахова этика. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022.
2. *Козлов А. А*. Экогород на пути к экологической цивилизации, книга для зеленых революционеров, участников экогрупп и активистов альтернативной цивилизации. Екатеринбург: Автограф, 2006.
3. *Хайдеггер М*. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006.
4. *Шмелева И. А., Шмелев С. Э*. Методологические проблемы междисциплинарного исследования устойчивого развития крупных городов // Биосфера. 2010. № 1. С. 112–125.

РАЗДЕЛ VII
ПСИХОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ЦИФРОВОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

ПСИХОГЕОГРАФИЯ ГОРОДА

П. А. Баев

Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия, bayev.pa@mail.ru

В статье рассматриваются условия создания психологически комфортного пространства городов, выделяются особенности и типы развития психогеографических особенностей городов через социокультурные, социальные, психологические, исторические, экономические, политические, природные условия. Рассматриваются исторические условия развития психогеографии и современные особенности психогеографического моделирования и стратегического развития городских пространств в рамках естественных и искусственных точек притяжения жителей города и гостей. Рассматриваются факторы, влияющие на психогеографию города как ресурс административного регулирования и как механизм внутреннего естественного развития города как живого организма через своих жителей и их восприятие города. А также анализируются перспективы развития психогеографии в современных условиях развития городов.

Ключевые слова: психогеография; город; городское пространство; психогеография городской среды; психогеографический рельеф города; психология городского ландшафта.

В середине XX века ученые различных направлений стали изучать влияние городской среды и городского пространства на социально-психологическое самочувствие жителей городов. Идеи унитарного урбанизма (синтеза искусства и технологий) воплощались в облике архитектуры. Именно архитектура выступала точкой пересечения времени и пространства в мечтах современников [1, с. 33]. На практике это выражалось в сочетании жестких вариантов архитектуры и мягких форм света, способных менять восприятие жителей городов того места где они живут, работают, отдыхают в пространстве города.

В дальнейшем, стали появляться исследования психологии города, которые позволяли выявить образы городов для их жителей и гостей [2, с. 193]. Образ города формируется через воспоминания или непосредственное восприятие, через людей или материальные объекты (памятники, здания, скверы). Сегодня образ города – это система множества информационных, исторических, технологических, инфраструктурных решений, которые в своей совокупности формируют образ города [7, с. 70]. Мы всегда накладывает свой опыт на образ

восприятия города, и получаем конструкт психологически комфортного или некомфортного городского пространства. Первый – притягивает новых жителей и укрепляет положительную идентичность у старожилов, второй – гонит жителей города в другие городские агломерации [6, с. 197].

Психогеография города сегодня – это изучение того, как пространственные особенности и городское окружение формируют эмоции и чувства человека, развивают его восприятие и определяют поведение.

Психогеография города включает в себя:

– изучение того, как люди перемещаются по городу, что замечают, что игнорируют и почему (места притяжения для разных социальных групп, зоны избегания);

– изучение эмоциональных карт (какие пространства вызывают радость, тревогу, стресс, ностальгию и проч.);

– изучение социально-психологических и психогеографических связей (того, как культура, история, инфраструктура, демография, влияют на восприятие пространства города).

На психогеографию города влияет [3, с. 332]:

– пространство архитектурных решений, а также наличие или отсутствие зеленых массивов (скверов, парков, озер, рек);

– наличие транспорта и общего восприятия движения и ритма города;

– городские шумы (выхлоп газа и бензиновых паров в автомобилях, звуки музыки, звуки производств и проч.);

– запыленность и загрязненность городского пространства;

– плотность населения (чем больше людей на квадратный метр, тем более дискомфортно людям, многоэтажная застройка, дома-колодцы, узкие улицы – приводит к тому, что нет «пространства для жизни»);

– малые площади личных квартир (из-за ограниченности городского пространства и/или средств для покупки большего жилья).

Притягательными местами для жителей городов в рамках изучения психогеографии города можно выделить естественные и искусственные образы [4, с. 32]:

– озелененные пространства естественного и искусственного происхождения внутри города (скверы, парки, озера, реки);

– шопинг-центры с красивыми витринами (искусственно формируемые креативные образы притяжения внимания и эмоциональных переживаний);

– досугово-атмосферные пространства (кафе, рестораны, клубы – искусственно конструируемая среда, формирующая эмоции).

Психогеография городского пространства может стать одним из ключевых направлений развития урбанистики, так как позволяет повышать уровень идентичности и солидарности для горожан и туристов (например, через создание уникальных маршрутов, которые подчеркивают уникальные социально-психологические, социокультурные особенности района) [5, с. 119]. Также эти знания позволяют более точно и эффективно планировать стратегическое развитие городов (озеленение, освещение, звукоизоляцию и проч.). Психогеография способствует социальной интеграции (формирование зон культурных мероприятий, публичных пространств). А также психогеография расширяет возможности просветительско-образовательных проектов для разных социальных групп (картирование города, восстановление истории и культуры города, создание креативных и инновационных центров города и т. д.).

Поэтому, психогеография города выступает механизмом расширения возможностей стратегического и тактического развития любого современного города. Изучение психогеографии позволит лучше понимать существующие особенности и проблемы и предлагать нестандартные варианты их решения.

Библиографические ссылки

1. *Ардашев Р. Г.* Иррациональность городского сознания // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 33–36.

2. *Ардашев Р. Г.* Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сборник научных трудов / научн. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 193–197.

3. *Полюшкевич О. А.* Коллаж публичного пространства города // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города: сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 331–334.

4. *Полюшкевич О. А.* Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.

5. *Скуденков В. А*. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 119–122.

6. *Скуденков В. А*. Психогеографические притязания жителей Иркутска // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск, 2019. С. 197–204.

7. *Скуденков В. А*. Психогеография города: от архитектуры к социально-психологическому самочувствию // Философия здоровья: интегральный подход: межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 69–79.

ВЛИЯНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ НЕСОГЛАСОВАННОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМФОРТ НАСЕЛЕНИЯ

А. А. Бойчук

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест, Беларусь, sashalei598@gmail.com
Научный руководитель – С. А. Заруцкий, кандидат географических наук, доцент

В статье рассматривается проблема визуального шума в городской среде и его влияние на психоэмоциональное состояние человека. Подчеркивается, что несмотря на важную экономическую и информационную роль наружной рекламы, её чрезмерная концентрация приводит к нарушению визуальной гармонии, сенсорной перегрузке и снижению уровня психологического комфорта жителей. Анализируется понятие визуального загрязнения, его связь с эмоциональной усталостью и стрессом. Отмечается значимость применения принципов видеоэкологии и дизайн-кода для гармонизации визуальной среды и улучшения качества городской жизни.

Ключевые слова: визуальный шум; городская среда; реклама; видеоэкология; дизайн-код; психологический комфорт; визуальное загрязнение; урбанистика.

Городские исследования стали одним из актуальных направлений эмпирической социологии с середины XX века. Современная урбанистика уделяет особое внимание визуальному образу города, поскольку он оказывает сильное эмоциональное воздействие на жителей и гостей, формируя субъективное восприятие привлекательности городской среды как пространства для жизни, труда, отдыха и туризма.

Город представляет собой сложную систему, в которой сочетаются вещественно-материальная, информационная и ценностно-смысловая составляющие. Существенную роль в формировании визуальной структуры городской среды играет наружная реклама, изменяющая облик улиц, зданий и общественных пространств [1, с. 388].

Современная реклама выступает не только экономическим инструментом продвижения товаров и услуг, но и элементом идеологического воздействия. Она формирует систему символических ценностей, влияет на восприятие социальных норм, целей и смыслов жизни, закрепляя в общественном сознании определённые модели поведения [2, с. 123]. Наружная реклама становится частью информационного поля города, и в чрезмерных количествах она нарушает визуальную гармонию, формируя эффект визуальной перегруженности.

В повседневной жизни человек постоянно взаимодействует с городской средой, воспринимая её не только физически, но и эмоционально. Внешний вид улиц, сочетание цветов и форм,

архитектурная согласованность или, напротив, хаотичность элементов напрямую воздействуют на психическое состояние.

Исследования подтверждают, что визуальные раздражители способны вызывать физиологическую реакцию, аналогичную реакции на громкий шум, и перегружают мозг информацией, вызывая чувство беспокойства и эмоционального истощения.

Визуальная перегруженность городской среды представляет собой не только эстетическую, но и социокультурную проблему. Улицы, заполненные вывесками и баннерами, теряют индивидуальность, превращаясь в однотипные коммерческие пространства. Это приводит к утрате культурной идентичности, снижению уровня эстетического восприятия и ослаблению эмоциональной связи человека с местом проживания. Когда город превращается в поле рекламных сообщений, его жители перестают воспринимать его как пространство, обладающее собственным характером и смыслом.

Изучение влияния визуальной среды на психику человека стало предметом научного направления, известного как видеоэкология. Термин был введён академиком В. А. Филипом в 1989 г. и обозначает область исследований, посвященную взаимодействию человека с визуальными аспектами окружающей среды [3, с. 43]. Поскольку человек получает до 85 % информации об окружающем мире через зрение, визуальное восприятие является главным каналом взаимодействия со средой. Именно поэтому несбалансированная визуальная среда оказывает столь сильное влияние на эмоциональное состояние и уровень психологического комфорта.

В. А. Филип отмечал, что чрезмерная гомогенизация визуального поля (это когда в пространстве преобладают однотипные элементы и формы) вызывает у человека ощущение давления и потери ориентации [4, с. 119]. В городской среде такие поля формируются за счёт однообразных фасадов, материалов покрытий, повторяющихся конструктивных элементов и большого количества рекламных поверхностей. Исследователь эстетических свойств ландшафтов К. И. Эрингис в 1975 г. установил, что визуальное поле становится агрессивным при наличии пяти и более повторяющихся архитектурных элементов или тринадцати однотипных растительных объектов подряд.

Проблема визуального шума усиливается стремительной урбанизацией. Современные города насыщены искусственными материалами, прямыми углами, крупными геометрическими плоскостями и множеством источников информации. В таких условиях человеку все труднее находить визуальное равновесие, а дефицит природных ландшафтов и рекреационных зон усугубляет ситуацию. В результате формируется искусственная среда, не соответствующая

природным потребностям восприятия, что вызывает хроническое напряжение и снижает качество жизни.

Для решения проблемы визуальной несогласованности необходим системный подход, направленный на гармонизацию городской среды. Одним из эффективных инструментов выступает дизайн-код – совокупность правил, регламентирующих оформление фасадов, вывесок, рекламных носителей и других визуальных элементов. Дизайн-код позволяет создать визуально упорядоченное пространство, где реклама и архитектура существуют в согласии, не нарушая эстетического восприятия. Он способствует формированию комфортной зрительной среды, упрощает навигацию по городу и снижает уровень психологического напряжения жителей.

Визуальная несогласованность городской среды разрушает целостность архитектурного облика, нарушает эмоциональное равновесие и снижает психологический комфорт населения. Чрезмерное количество рекламы и хаотичное использование цветовых и пластических решений формируют эффект визуального загрязнения, который негативно сказывается на самочувствии горожан. В условиях постоянного зрительного давления человек испытывает усталость, раздражительность и ощущение беспорядка, что в долгосрочной перспективе может привести к эмоциональному выгоранию и отчуждению от городской среды.

Гармонизация визуального пространства города является важнейшим направлением современной урбанистики. Формирование целостного визуального образа, ограничение визуального шума, использование принципов видеоэкологии и внедрение дизайн-кодов позволяют создать эстетически выверенную и психологически безопасную среду. Такой подход не только улучшает внешний облик города, но и способствует формированию устойчивого чувства комфорта, безопасности и эмоционального благополучия его жителей.

Библиографические ссылки

1. *Кашкабаш Т. В.* Интерпретация городского пространства в современных условиях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 10 (18). С. 388–399.

2. *Вагнер Е. А.* Формирование архитектурной среды пешеходных пространств в контексте сложившейся городской застройки // Вестник евразийской науки. 2016. № 1 (8). С. 123–140.

3. *Филип В. А.* Визуальная среда города // Вестник международной академии наук. 2006. № 3 (23). С. 43–50.

4. *Страутманис И. А.* Информативно-эмоциональный потенциал архитектуры. М.: Стройиздат, 1978.

ПРОЯВЛЕНИЯ МАКИАВЕЛЛИЗМА И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

П. С. Братченя[1)], Е. И. Климушко[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, polinop2309@gmail.com*

Городская среда бросает вызовы личностному развитию, создавая сложную картину с высокими требованиями, обилием социальных контактов и интенсивным темпом жизни. Всё это может как способствовать, так и препятствовать развитию человека, особенно в критичный период перехода от детства к взрослости. Статья посвящена теоретическом анализу проявлений макиавеллизма и жизнестойкости в период ранней взрослости. Определяется понятие и суть самих явлений макиавеллизма и жизнестойкости в современной психологической науке; рассматривается вопрос, как эти два качества взаимодействуют в структуре личности; может ли определенный уровень макиавеллизма повышать жизнестойкость, или, наоборот, высокая жизнестойкость позволяет справляться со стрессом без прибегания к манипулятивным тактикам.

Ключевые слова: макиавеллизм; жизнестойкость; ранняя взрослость; адаптационные стратегии; личностные ресурсы; манипулятивное поведение.

Городская среда в настоящее время формирует довольно сложный контекст для развития и становления личности. Города характеризуются высокой конкуренцией, стрессом, разнообразием социальных взаимодействий и часто – анонимностью. Такие условия могут как стимулировать, так и затруднять развитие личности на любом из этапов становления. И особенно критично влияние урбанизации по нашему мнению, сказывается именно в период ранней взрослости. В этот жизненный этап молодые люди сталкиваются с множеством вызовов, включая социальное давление, академические нагрузки и сложности в межличностных отношениях. Это время активного формирования личности, поиска своего места в жизни, построения карьеры и межличностных отношений. В этот период закладываются основы будущего успеха и благополучия. В условиях этих вызовов возрастает актуальность изучения личностных черт, способствующих успешной адаптации и достижению целей.

Одной из таких черт является макиавеллизм. Макиавеллизм – личностная черта, включающая склонность к манипулятивным стратегиям, цинизму и расчетливости, прагматичному мышлению и готовности использовать всевозможные средства для достижения целей [1]. Макиавеллистические тенденции становятся все более распространенным, особенно у лиц периода ранней взрослости, когда

формируются поведенческие стратегии и социальные установки. При этом важно понимать, каким образом эта черта влияет на способность индивида адаптироваться к сложным социальным ситуациям, справляться со стрессом и выстраивать межличностные отношения.

Важным ресурсом, обеспечивающим успешную адаптацию и устойчивость перед жизненными трудностями, является жизнестойкость. Жизнестойкость – это сложное психологическое свойство, включающее способность преодолевать трудности, сохранять эмоциональное равновесие и эффективно адаптироваться к изменениям [2, с. 356]. Жизнестойкость играет ключевую роль в процессе личностного развития, позволяя человеку противостоять негативным воздействиям среды и находить продуктивные пути решения проблем.

Появление понятия макиавеллизма связано с научной деятельностью Р. Кристи и Ф. Л. Гейса (1970), чьи идеи развивали Д. Д. Брагинский, П. В. Бдюменштейн, Д. Н. Джонс, Э. Х. Кидд, Р. Р. Миллер, Д. Мосс, Т. Х. Мун, Д. Нир, Д. Ф. Рутманн, Т. Уилл, Д. С. Уилсон, М. Эймс и многие другие. В русскоязычной психологии также с 1970-х годов проблему макиавеллизма активно изучали С. Л. Братченко, В. В. Бойко, Е. Л. Доценко, В. В. Знаков, И. Н. Калуцкая, Д. Б. Катунин, Л. В. Куликов, В. П. Шейнов и др.

Понятие жизнестойкости появилось не так давно. Впервые оно было упомянуто в работах С. Мадди и С. Кобейса в 80-х годах прошлого века, а развивали научные представления о жизнестойкости такие авторы как А. Антоновски, К. С. Карвер, Ф. М. Любис, С. А. Медник, М. Мохзана, М. Нордмо, О. К. Олсен, С. К. Сегерстром, М. Тавил, Р. Харви, Дж. Хетланд, М. Ф. Шайер и другие. В странах постсоветского пространства вопрос жизнестойкости также довольно актуален и рассматривается в работах Л. А. Александровой, Н. М. Волобуевой, Т. В. Володиной, Т. И. Куликовой, Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой, Т. А. Сережко, Р. И. Стецишина и многих других.

В настоящее время существует множество исследований, посвященных отдельным аспектам макиавеллизма и жизнестойкости, однако взаимосвязь между ними остается недостаточно изученной.

Данная работа ставит перед собой целью произвести теоретический анализ научных источников и определить, способствует ли макиавеллизм большей устойчивости к стрессовым ситуациям или, напротив, снижает способность к адаптации, создавая дополнительные трудности в межличностном взаимодействии. Понимание взаимосвязи макиавеллизма и жизнестойкости может иметь важное теоретическое и практическое значение.

Период ранней взрослости является критическим периодом в жизни человека, когда происходит стабилизация личностного развития,

закладываются основы будущих отношений и карьеры. Как отмечают Л. В. Порхачева и К. Я. Джус, в это время молодые люди начинают осознавать свои ценности, формировать романтические и дружеские отношения, а также принимать важные решения, которые могут оказывать на них влияние в долгосрочной перспективе [3]. В этот период жизни макиавеллизм и жизнестойкость могут оказывать существенное влияние на адаптацию и социальные взаимодействия молодых людей.

Макиавеллизм как личностная черта включает в себя манипуляции, использование других для достижения своих целей и отсутствие моральных ограничений [1]. В период ранней взрослости уровень макиавеллизма может варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей человека и социального окружения.

Исследования Ф. Гётца, В. Блейдорна и П. Рентфроу показывают, что в этот период макиавеллизм демонстрирует четкие возрастные закономерности [4]. После достижения в подростковом возрасте пика проявления макиавеллистических черт (16 лет), уровень макиавеллизма начинает постепенно снижаться в период ранней взрослости, однако остается в высоких пределах. Это снижение объясняется несколькими ключевыми факторами. Одним из них является социальное созревание, это говорит о том, что принятие социальных ролей, присущих в основном взрослым людям (профессиональная деятельность, серьезные отношения), требует развития навыков кооперации и эмоциональной регуляции. К еще одному фактору относят новые социальные ожидания. Общество предъявляет более строгие требования к поведению взрослых людей, что снижает допустимость использования откровенно манипулятивных стратегий [4].

И. Н. Конарева и М. И. Сергиенко отмечают, что люди с высоким уровнем макиавеллизма, склонные к манипулятивному поведению, зачастую имеют проблемы в межличностных отношениях, из-за чего другие люди теряют к макиавеллистам доверие, что может привести к социальной изоляции [5]. Из этого следует еще один ключевой фактор. В период ранней взрослости у людей может происходить осознание последствий своих действий. Молодые люди начинают понимать, что манипулятивные стратегии могут привести к краткосрочному успеху, но в долгосрочной перспективе могут вызывать проблемы в отношениях и социальной жизни. Это понимание может способствовать снижению уровня макиавеллизма и повышению жизнестойкости. Исследования Д. Б. Катунина и Л. В. Куликова также показывают, что личностные особенности, формируемые в данный период, могут существенно влиять на выбор стратегии поведения в зрелом возрасте. И представители данной возрастной категории, осознающие свои склонности к манипуляции, могут начать работать над улучшением своих

коммуникативных навыков и повышением жизнестойкости, что в итоге приведет к более успешной социальной адаптации [1].

Несмотря на тенденцию к снижению уровня макиавеллизма после подросткового возраста, лицам ранней взрослости характерно проявлять достаточно ярко макиавеллистические черты. На основе исследований можно сделать вывод, что сохранение высокого уровня макиавеллизма может быть обусловлено особенностями социального контекста и задачами личностного развития. Молодые люди в этом возрасте часто сталкиваются с необходимостью выстраивать сложные социальные взаимодействия, достигать личных целей и конкурировать с другими людьми, что может способствовать использованию стратегий манипуляции и прагматичного подхода к межличностным отношениям [1].

Жизнестойкость определяется как способность человека адаптироваться к стрессовым ситуациям и преодолевать трудности. В период ранней взрослости жизнестойкость выступает ключевым ресурсом для преодоления личностных кризисов. В данный период жизнестойкость проявляется через адаптацию к новым социальным ролям, преодоление профессиональных трудностей, эмоциональную устойчивость в межличностных отношениях. Молодые люди учатся балансировать между учебой, работой и личной жизнью, что требует высокой стрессоустойчивости. В этом возрасте многие сталкиваются с первыми карьерными неудачами или сложностями в поиске работы. Жизнестойкость может помочь воспринимать это как временные препятствия. Кроме того, построение близких связей, конфликты и расставания требуют сохранять психологическое равновесие, чему способствует жизнестойкость.

Как отмечает О. Б. Дарвиш, возраст ранней взрослости является критическим этапом формирования жизнестойкости, поскольку именно в этом периоде активно происходят процессы самоопределения, поиска жизненных ориентиров и профессиональной реализации. Низкий уровень устойчивости к стрессу может проявляться в виде повышенной тревожности, неуверенности в себе, сложности принятия решений. В то же время, развитие жизнестойкости на этом этапе обеспечивает лучшую подготовку к дальнейшим жизненным задачам и стрессовым ситуациям [2].

Жизнестойкость является ключевым фактором, помогающим индивидам преодолевать кризисные ситуации. Так, период COVID-19 стал серьезным испытанием для психического здоровья людей, особенно для лиц 18–25 лет, которые находятся на этапе ранней взрослости. Были проведены исследования, которые показали, что молодые люди в этот кризисный момент столкнулись с повышенным уровнем стресса,

одиночеством и необходимостью адаптироваться к резким изменениям в социальной и профессиональной жизни. Люди, которые не обращались за психологической помощью, демонстрировали более высокий уровень жизнестойкости, по сравнению с теми, у кого были постоянные или возросшие потребности в психологической поддержке. Исследование С. Марчини, Э. Заурино, Дж. Бузиотис, Н. Брондино, В. Дельвенн и М. Делэ выявило роль социальных контактов. Изоляция во время пандемии сократила возможности для живого общения, что усугубляло чувство одиночества даже у устойчивых индивидов. В то же время поддержка семьи оказалась важным ресурсом для совладания со стрессом [6].

Таким образом, в период ранней взрослости жизнестойкость проявляется через способность молодых людей опираться на внутренние ресурсы и внешнюю поддержку. Кризисные ситуации подчеркивают важность развития этих качеств для сохранения психологического здоровья и успешной адаптации к изменениям.

Некоторые исследования показывают, что жизнестойкость в ранней взрослости проявляется через сложное взаимодействие биологических, внутрипсихических и межличностных факторов. Внутрипсихические факторы, такие как толерантность к стрессу, позитивная самооценка и способность к рефлексии, играют ключевую роль в поддержании устойчивости личности. Также наличие крепких социальных связей способствует снижению уровня стресса и улучшению общего психологического состояния.

Кроме того, важным аспектом является способность человека использовать свои ресурсы для преодоления трудностей. Например, в своих исследованиях Дж. Фриц, Дж. Сточл, Э. Фрид, И. Гудиер, К. Ван Боркуло, П. Уилкинсон, А. Хармелен отмечают, что навыки управления эмоциями и снижение уровня агрессии помогают эффективно справляться с конфликтами и стрессовыми ситуациями. Уровень жизнестойкости может изменяться в зависимости от жизненного опыта. Так, люди, пережившие трудности в детстве, могут иметь более низкие показатели жизнестойкости, но при этом сохранять способность адаптироваться благодаря поддержке окружающих и личным усилиям [7].

Можно сказать, что жизнестойкость в период ранней взрослости представляет собой не статичное качество, а динамический процесс, зависящий от контекста и ресурсов личности. Жизнестойкость особенно важна в условиях современных вызовов, когда молодежь сталкивается с повышенными требованиями к профессиональной и личной самореализации. Она служит основой для успешного перехода к

последующим этапам жизни, где устойчивость к стрессу и способность к саморегуляции продолжают играть решающую роль.

При рассмотрении личностных факторов, влияющих на адаптивное поведение молодежи, необходимо учитывать не только ресурсы, способствующие устойчивости, но и характеристики, способные снижать адаптационный потенциал. В частности, исследование В. Г. Маралова и Т. П. Мараловой [8] показывает, что выраженность черт так называемой «тёмной триады» личности – макиавеллизма, нарциссизма и психопатии – может быть связана с пренебрежением потенциальной угрозой и стремлением к рискованному поведению. Такие личности склонны воспринимать опасности не как сигналы к мобилизации, а как возможность достижения личной выгоды, даже ценой деструктивных последствий. Это указывает на то, что наряду с жизнестойкостью как ресурсом устойчивости, в структуре личности могут присутствовать факторы, затрудняющие формирование устойчивых и конструктивных способов совладания.

Таким образом, на основе исследований Ф. Гётца, В. Блейдорна и П. Рентфроу можно проследить взаимосвязь макиавеллизма и жизнестойкости в период ранней взрослости. Как показывают данные [4], после достижения пика макиавеллистических проявлений (около 16 лет) наблюдается их постепенное снижение, что коррелирует с параллельным развитием жизнестойкости. Этот процесс можно рассматривать как показатель личностного созревания, когда молодые люди переходят от примитивных манипулятивных стратегий к более зрелым адаптационным механизмам.

Исследования возрастной динамики макиавеллизма приобретают особую значимость в контексте его связи с адаптационными ресурсами личности. Исследователи Р. Рогоза и Я. Цецюх отмечают, что макиавеллистские стратегии, будучи эффективными в краткосрочной перспективе для достижения конкретных целей, в долгосрочном периоде могут подрывать психологическое благополучие за счёт:

1) снижения качества межличностных отношений (как следствие манипулятивного поведения),

2) формирования дезадаптивных копинг-стратегий (избегания искреннего контакта, эмоциональной дистанции),

3) когнитивных искажений (восприятия мира как враждебной среды) [9].

Принятие взрослых социальных ролей требует развития навыков кооперации и эмоциональной регуляции, что естественным образом ограничивает проявление макиавеллизма. Одновременно эти же социальные вызовы стимулируют развитие жизнестойкости, которая

становится необходимым ресурсом для преодоления профессиональных трудностей и построения устойчивых межличностных отношений.

Особый интерес представляет выявленная в исследованиях Д. Б. Катунина и Л. В. Куликова динамика осознания последствий своего поведения [1]. В период ранней взрослости происходит важный когнитивный сдвиг – молодые люди начинают понимать, что хотя манипулятивные стратегии могут давать краткосрочные преимущества, в долгосрочной перспективе они приводят к потере доверия и социальной изоляции. Это осознание становится мощным стимулом для развития жизнестойкости как альтернативной стратегии адаптации.

Важно отметить, что этот процесс не является линейным. Как показывают исследования Д. Б. Катунина и Л. В. Куликова [1], в условиях повышенной конкуренции или социального давления может наблюдаться усиление макиавеллистических тенденций. Высокий уровень макиавеллизма может привести к тому, что человек сталкивается с конфликтами и социальной изоляцией, что, в свою очередь, может снижать его жизнестойкость. Молодые люди, практикующие манипуляции, чаще испытывают внутренние конфликты и стресс, что негативно сказывается на их способности адаптироваться к новым условиям среды и справляться с трудностями. Однако, как отмечают Т. В. Адамович, М. С. Егорова и И. А. Бобряшова, именно жизнестойкость может обеспечить устойчивость к стрессу и способность находить конструктивные решения без использования манипуляций [10].

Таким образом, макиавеллизм и жизнестойкость представляют собой противоположные подходы к взаимодействию с окружающим миром. Макиавеллизм, с его акцентом на манипуляции и стратегическом использовании других, контрастирует с жизнестойкостью, которая опирается на внутренние ресурсы, адаптивность и позитивное восприятие вызовов. Важно подчеркнуть, что, несмотря на эти различия, оба феномена могут играть определенную роль в процессе преодоления стрессовых ситуаций, которые неизбежно транслирует современная городская среда и урбанизация в целом. Выбор между макиавеллизмом и жизнестойкостью как стратегиями преодоления стресса может зависеть от различных факторов, включая личностные особенности, контекст ситуации и культурные нормы. В некоторых ситуациях макиавеллистические стратегии могут казаться более эффективными в краткосрочной перспективе, но в целом, жизнестойкость представляет собой более адаптивный и здоровый подход к преодолению жизненных трудностей.

Библиографические ссылки

1. *Катунин Д. Б., Куликов Л. В*. Макиавеллизм как психологическая проблема: история вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2006. № 2. С. 68–78.

2. *Дарвиш О. Б*. Особенности жизнестойкости старшеклассников и студентов // МНКО. 2018. № 4 (71). С. 356–358.

3. *Порхачева Л. В., Джус К. Я*. Основные направления развития личности в период ранней взрослости // СибСкрипт. 2008. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-lichnosti-v-period-ranney-vzroslosti (дата обращения: 07.03.2025).

4. *Götz F., Bleidorn W., Rentfrow P*. Age Differences in Machiavellianism across the Life Span: Evidence from a Large-Scale Cross-Sectional Study // Journal of Personality. 2020. No 8. URL: https://www.researchgate.net/publication/ 339778121_ Age_differences_in_Machiavellianism_across_the_life_span_Evidence_from_a_large-scale_cross-sectional_study (date of access: 10.03.2025).

5. *Конарева И. Н., Сергиенко М. И*. Особенности макиавеллизма и коммуникативного поведения в юношеском возрасте // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2017. № 1. С. 56–63.

6. Study of Resilience and Loneliness in Youth (18–25 years old) during the COVID-19 Pandemic No 49. P. 1–13.

7. Resilience Factor Changes between Early and Late Adolescence / J. Fritz [et al.]. 2019. URL: https://osf.io/preprints/osf/8xgkb_v1 (date of access: 21.03.2025).

8. *Маралов В. Г., Маралова Т. П*. Взаимосвязь отношения к опасностям с темной триадой личности у студентов // Концепт. 2023. № 3. С. 1–7.

9. *Rogoza R., Cieciuch J*. Dark Triad Traits and their Structure: An Empirical Approach // Current Psychology/. 2020. Vol. 39. URL: https://www.researchgate.net/publication/323748377_Dark_Triad_traits_and_their_structure_An_empirical_approach (date of access: 10.03.2025).

10. *Адамович Т. В., Егорова М. С., Бобряшова И. А*. Развитие темной триады у подростков и ее связь с порядком рождения // Психология XXI века: Психология как наука, искусство и признание: сборник научных трудов участников международной научной конференции молодых ученых: в 2 т. / редкол: А. В. Шаболтас, С. Д. Гуриева. СПб., 2018. С. 11–18.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАБИЛИТАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЛЮДЕЙ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПАНСИОНАТА

Л. П. Васильева[1)], А. А. Шкутова[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, belaya.vezha@yahoo.com*

В статье рассмотрены социально-психологические аспекты реабилитации и адаптации для людей с инвалидностью вследствие психических заболеваний в условиях социального пансионата. Полученные результаты легли в основу рекомендаций, которые могут быть использованы специалистами, работающими в сфере психического здоровья (врачами-психиатрами, психологами, специалистами по социальной работе), для повышения эффективности процессов социальной и трудовой реабилитации психически больных, направленных на улучшение их социальной адаптации и психоэмоционального состояния.

Ключевые слова: люди с психическими расстройствами; социальный пансионат; социальная адаптация; психоэмоциональное состояние; комплексная реабилитация.

Актуальность темы исследования определяется тем, что в Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2025 г. на учете в органах по труду, занятости и социальной защите состояло 502,9 тыс. инвалидов, в том числе: инвалидов I группы – 72,4 тыс. человек; II группы – 269 тыс. человек; III группы – 136 тыс. человек; детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 25,5 тыс. человек. За данный период текущего года численность инвалидов сократилась на 3856 чел. или 0,8 %» [1]. Наблюдается рост числа инвалидов с психическими расстройствами. Проблема психического здоровья населения приобретает все большую актуальность в современном обществе. Растущий темп жизни, экономическая нестабильность, политическая и социальная напряженность и другие факторы оказывают негативное влияние на психику человека, приводя к росту числа психических расстройств. В этой связи важное значение приобретает комплексная система реабилитационной помощи психически больным, включающая не только медикаментозное лечение, но и социальную и трудовую реабилитацию и адаптацию, направленные на восстановление их социального статуса, трудоспособности, интеграцию в общество. Реабилитация и адаптация лиц с инвалидностью вследствие психических расстройств – одна из наиболее важных и трудных задач современных систем социальной помощи. Именно ввиду особого внимания к вопросам социальной защиты лиц, страдающих психическими расстройствами со стороны

государства, концепция реабилитации больных в психиатрии получила в последнее время большое развитие. Она включает в себя профессиональный, социальный и медицинский аспекты, которые призваны способствовать наиболее полноценной адаптации и интеграции данной категории лиц в социальную среду и окружающую их жизнь. Такой комплексный подход затрагивает сразу все стороны жизнедеятельности психически больных, что должно обеспечить результативность реабилитационных воздействий. Именно биопсихосоциальная модель реабилитации стала преобладающей в деятельности специалистов по восстановлению разных аспектов жизнедеятельности данной категории лиц. Биопсихосоциальная модель реабилитации, обеспечивающая наиболее полную адаптацию и социализацию психически больных, нацелена на восстановление или формирование недостаточных или утраченных в результате болезни, травмы навыков, знаний, умений, способностей взаимодействовать с социумом, решать проблемы по мере их поступления, включаться в общественную и профессиональную жизнь.

Актуальность данной работы обусловила необходимость разработки научно-обоснованных рекомендаций по улучшению процессов адаптации, социальной и трудовой реабилитации психически больных, находящихся в социальном пансионате, которые бы учитывая их психологические особенности и проблемы, способствовали лучшей адаптации, восстановлению трудоспособности и социального статуса психически больных, а также на обеспечивали снижение уровня стигматизации, улучшение качества жизни и вовлечение в общественно полезный труд.

Целью данной работы было изучение влияния социально-психологических аспектов реабилитации людей с психическими заболеваниями, находящихся в условиях социального пансионата, через воздействие на адаптацию, качество жизни и эмоциональное состояние последних.

Организация и методика проведения исследования

Исследование проводилось на базе ГУ «Рогачевский социальный пансионат "Цветущий"». В исследовании участвовали 23 человека с инвалидностью вследствие психических заболеваний в возрасте 40–55 лет, из них 14 мужчин и 9 женщин. Программа социальной и трудовой реабилитации в ГУ «Рогачевский социальный пансионат "Цветущий"» включала в себя комплекс мероприятий по социально-бытовой и трудовой реабилитации, путем занятий в кружках и работой в лечебно-трудовых мастерских, а также организацию трудовой занятости лиц с психическими заболеваниями на базе пансионата.

Методика проведения исследования, направленная на диагностику состояния участников, проводилась с помощью, структурированного опросника, охватывающего различные аспекты их социальной адаптации, психоэмоционального состояния и качества жизни. Опросник состоял из четырех частей, каждая из которых предназначена для сбора информации по определенной тематике, что позволило получить достаточно полное представление о состоянии респондентов.

Первая часть опросника содержит общую информацию о респонденте, включая возраст, пол и уровень образования. Эти демографические данные являются важными для анализа и сопоставления результатов, так как они могут влиять на восприятие и уровень социальной адаптации.

Вторая часть опросника посвящена оценке социальной адаптации участников. Здесь респонденты отвечают на вопросы о своих отношениях с окружающими, частоте общения с друзьями и близкими, уверенности в себе при взаимодействии с другими людьми и способности решать конфликты.

Третья часть опросника фокусируется на психоэмоциональном состоянии участников. Вопросы касаются частоты ощущений тревоги и беспокойства, уровня стресса в повседневной жизни, частоты приступов подавленности и способности управлять своими эмоциями.

Четвертая часть опросника оценивает качество жизни участников. Респонденты отвечают на вопросы о своей общей удовлетворенности жизнью, частоте физической активности, значимости хобби и увлечений, а также о том, как часто они испытывают радость от жизни.

Статистическая обработка данных проводилась в специализированной программе SPSS 23. Для определения нормальности распределения переменных использовался специальный критерий нормальности Колмогорова-Смирнова. В случае применения структурированного опросника изучения социальной адаптации, психоэмоционального состояния распределение переменных было асимметричным, то есть отличалось от нормального, соответственно, для исследования различий в переменных был применен непараметрический метод статистической обработки данных для двух независимых выборок – U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования

Исследование показателей социальной адаптации и психоэмоционального состояния у лиц с инвалидностью вследствие психических заболеваний, находящихся на реабилитации в социальном пансионате (23 человека), позволило выявить следующее. Большая часть респондентов демонстрировала удовлетворительный уровень социальной адаптации по ряду показателей. Так 17 человек из 23 (74 %)

оценивало показатель «качества отношений с окружающими» как хороший и очень хорошие. В отношении показателя «уверенность в себе» большинство респондентов (16 человек, 69,6 %) ответило, что чувствуют себя очень уверенно и уверенно, что свидетельствует о положительной самооценке и достаточно позитивном восприятии своих возможностей. Оценка «способности решать конфликты» демонстрирует, что большая часть респондентов (17 человек, 74 %) оценивали свои навыки как очень хорошие и хорошие. Анализ частоты общения показал, что у части испытуемых наиболее распространенным является ежедневное общение (10 человек, 43 %), что свидетельствует о достаточно высокой социальной активности данной части участников опроса. Тем не менее, 7 респондентов (30 %) общаются с окружающими лишь несколько раз в неделю, а 6 человек (26 %) – раз в неделю, что может говорить об ограниченном круге общения или предпочтении более уединенного образа жизни. Небольшое количество респондентов (3 человека, 13 %) общаются гораздо реже, а 2 человека (9 %) – лишь несколько раз в год, что может указывать на социальную изоляцию и большие трудности в установлении и поддержании социальных контактов. Как видно, анализ отдельных показателей выявляет наличие определенных проблем и трудностей у части респондентов, которые требуют дальнейшего изучения, разработки и принятия соответствующих мер реабилитационной поддержки.

Среди причин, затрудняющих социальную адаптацию данной категории лиц, можно назвать стигматизацию. В современном обществе, к сожалению, ещё недостаточно развито толерантное отношение к лицам с психическими расстройствами, к их потребностям, проблемам и нуждам. Люди часто испытывают опасения при взаимодействии с ними, стараясь сократить или вовсе исключить контакты. К тому же, длительное проживание в стационарных учреждениях, что характерно для большинства лиц с психическими расстройствами, также может нарушать или ограничивать их социальную адаптацию. Это связано с формированием пассивной позиции, ослаблением или утратой социальных связей, снижением возможности развивать социально – бытовые, коммуникативные и социально-трудовые навыки [2, с. 28].

Проведённая оценка показателей психоэмоционального состояния участников анкетирования, включающих испытываемые «частоту тревоги», «уровень стресса», «частоту подавленности» и «способность управлять эмоциями», позволила глубже понять, как респонденты справляются с эмоциональными нагрузками и стрессовыми ситуациями.

Наиболее распространенными ответами на «частоту испытываемой тревоги» были – редкое возникновение тревожных состояний (10 человек, 44 %), и – испытывание тревоги иногда (7 респондентов или

30 %); – испытывали тревогу часто – 6 человек (26 %), что может указывать на наличие хронического стресса или повышенной тревожности у последних.

С другой стороны, оценка уровня стресса демонстрирует, что наименьшее количество респондентов (6 человек, 26 %) испытывают низкий уровень стресса, что может свидетельствовать об относительно стабильном психоэмоциональном фоне некоторой части участников исследования или, возможно, умении использовать эффективные стратегии преодоления стрессовых ситуаций и достаточном уровне психологической устойчивости. В то же время, большинство респондентов испытывают средний (8 человек, 35 %) и высокий (9 человек, 39 %) уровни стресса, что может указывать на значительное воздействие негативных факторов на психоэмоциональное состояние, и требует дальнейшего изучения причин и механизмов развития стресса у данной категории лиц для разработки мероприятий по реабилитационному вмешательству.

Анализ «частоты подавленности» показывает, что около половины респондентов (10 человек, 44 %) отмечало, что у них никогда не возникает чувства подавленности, 6 человек (26 %) испытывает подавленность иногда, а 7 человек (30 %) – треть испытуемых – часто, что может указывать на наличие депрессивных тенденций и требует особого внимания к психологическому благополучию данной группы респондентов.

В отношении «способности управлять эмоциями» получены следующие результаты: большая часть респондентов (12 человек, 52 %) оценивает свои навыки управления эмоциями как хорошие, что может свидетельствовать о достаточно хорошем уровне умения использовать эффективные стратегии саморегуляции. Оценивает свою «способность управлять эмоциями» лишь на удовлетворительно – 11 человек (48 %), что может говорить о наличии определенных трудностей в контроле над эмоциями и требует дальнейшего развития эмоционального интеллекта.

Результаты статистического анализа различий между двумя группами участников исследования (мужчины и женщины) по показателям социальной адаптации и психоэмоционального состояния показали следующее. Только по показателям «способность решать конфликты», которые были выше у женщин (U-критерий_= 180, $p < 0.05$) и показателю «уверенность в себе» (U-критерий_= 150, $p < 0.01$) были статистически значимые различия. Для остальных показателей социальной адаптации и психоэмоционального состояния наблюдалось отсутствие статистически значимых различий между мужчинами и женщинами.

В заключение необходимо отметить, что исследование требует продолжения. Результаты исследования позволили разработать рекомендации для включения в программу реабилитации психически больных и подчеркнуть необходимость комплексного подхода к социально-психологическому и трудовому аспектам их реабилитации. Данный подход должен основываться на индивидуальных потребностях, междисциплинарной работе с участием специалистов разного профиля и поддержке со стороны государства и общества. Разработанные рекомендации могут быть использованы специалистами, работающими в сфере психического здоровья (врачами-психиатрами, психологами, специалистами по социальной работе), для повышения эффективности процессов социальной и трудовой реабилитации психически больных, направленных на улучшение их социальной адаптации и психоэмоционального состояния. Результаты исследования могут быть также использованы для разработки программ, направленных на повышение толерантности общества к лицам с психическими заболеваниями и создание благоприятных условий для их интеграции в общество.

Библиографические ссылки

1. Сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ (дата обращения: 03.10.2025).

2. *Волошина И. Г., Воронова И. Г.* Социальная адаптация лиц с психическими расстройствами: возможности сопровождаемого проживания // Научный результаты в социальной работе. 2023. Т. 2, № 1. С. 27–33.

DIGITAL INCLUSION OF URBAN ELDERLY THROUGH THE LENS OF ALGORITHMIC IMAGINARY

I. I. Ekadumova[1)], Lin Hao[1)]

[1)] *Belarusian State University,*
Minsk, Belarus, ekadumova@gmail.com

Digitalization of present-day cities has exacerbated the problem of digital inclusion for elderly populations. Digital health communication practices among elderly urban residents is the most significant aspect of this problem, bearing direct relevance to their health and longevity. Policies supporting the digital well-being of elderly urban dwellers require more than simply developing media use skills. They require understanding how older adults perceive and interact with algorithmic systems shaping their information environments. Within the frameworks of deep mediatization and algorithmic imaginary theories, digital literacy is conceptualized as users' capacity to critically reflect on their embeddedness in socio-technical ecosystems. The Chinese case illustrates how intergenerational relationships, cultural traditions, and local community support networks shape the ways older adults interact with health information in digital environments. Sustainable approaches to bridging the digital divide must account for these complex, culturally embedded mechanisms. Understanding the psychological pathways linking digital literacy to actual communication behavior is essential for comprehending the particulars of digital participation among aging urban populations.

Keywords: digital inclusion; deep mediatization; algorithmic imaginary; digital health communication; urban digitalization; digital literacy; intergenerational relationships.

In an era where digital technology is profoundly reshaping urban landscapes, sustainability pertains not only to the environment and economy but also to social inclusion. A digital city that fails to enable the equal integration of its senior inhabitants cannot achieve genuine sustainable development. One critical aspect of social inclusion concerns the health information risks faced by older adults within algorithmically curated information environments. This is a common digital media literacy challenge that necessitates attention amid the dual transitions of urbanization and digitalization.

While digital skills are of obvious importance for social inclusion in the contemporary world, a fundamental question remains crucial for digital inclusion in urban areas: through what social and psychological processes does digital literacy ultimately influence an individual's digital communication behavior? In other words, what are the psychological mechanisms connecting digital communication skills and actions? Exploring this universal issue requires delving into specific social and cultural contexts.

The social group of urban residents that falls in risk of social exclusion is the elderly. Although the criteria for classifying a population into this category vary across countries, it can be agreed that the common characteristic of this

group is that they are digital migrants. Their childhood and adolescence occurred in the pre-digital era. Furthermore, since urban areas, especially large metropolitan areas, are more intensively digitally transforming than rural areas, the challenge of mastering digital technologies during the later-life socialization period may be more tangible for them. The experience of the pandemic has highlighted one more aspect of this problem – how digital media literacy of older adults is related to their ability to discern and make use of health information.

The theoretical framework of deep mediatization describes a societal condition where digital media and their infrastructures are increasingly driven by algorithms that have permeated all spheres of social life. In this deeply mediatized environment, characterized by differentiation, connectivity, and datafication, the media manifold – the complex, interconnected, algorithm-driven ecosystem of platforms and infrastructures- becomes the primary context for communication and information access [1, p. 16]. Consequently, digital media literacy is no longer confined to operational skills for processing information or using a single set of media. Today's media literacy has already evolved to include the competence to critically reflect one's embeddedness into an entire socio-technical ecosystem. A pivotal component of this advanced literacy is the algorithmic imaginary – the ways individuals perceive, make sense of, and imaginatively engage with the often opaque algorithmic systems that curate their information environments. Algorithmic imaginary refers to «ways of thinking about what algorithms are, what they should be, how they function and what these imaginations in turn make possible» [2, p. 10–11]. Algorithmic imaginary is not just technical competencies. It is perceptions that shape people's expectations and behavior when interacting with algorithmic systems. These perceptions influence how people use platforms, what they trust or avoid, and how they organize their communication practices. The term coined by T. Bucher, is an attempt to conceptualize the influence of shared visions or representations on social practices and behavior. People's beliefs and affects about algorithms are not just passive responses, but active impetus that influence how algorithms are developed. Thus, users' interactions with algorithms are viewed from the perspective of social construction of technological systems. This perspective appears promising for studying vulnerable populations such as older adults, whose algorithmic imagination is largely shaped not only by individual learning but also by their immediate social environment.

For elderly populations, digital health communication presents a critical research focus. Given that older adults often struggle with digital communication, examining how they navigate this vulnerability should take into account whether and how family and community support networks influence the aforementioned psychological pathway. Besides, the digital

landscape significantly shapes older adults' digital health communication practices. This landscape is best examined at the national level, where national media systems harmonize global, regional, and micro-social conditions of mediated communication through state policies and cultural contexts.

Studies on digital literacy issues among older adults confirm that «intergenerational family support is a key factor in older adults' digital media use» [3]. Community-based digital literacy programs and peer support play a crucial role in sustaining digital engagement among older adults as well [4]. Examining the Chinese case may reveal pathways to addressing elderly digital inclusion in urban areas. Such pathways should extend beyond purely technological or policy-driven solutions. They should take into account complex, culturally embedded mechanisms of older adults' digital communication rooted in intergenerational relationships, cultural traditions and community support and users' own sense-making processes. Sustainable approaches to bridging the digital divide for aging urban populations need to recognize these social and cognitive dimensions of their digital well-being.

References

1. *Hepp A., Hasebrink U.* Researching Transforming Communications in Times of Deep Mediatization: A Figurational Approach // Communicative Figurations: Transforming Communications in Times of Deep Mediatization. 2018. P. 15–48. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-65584-0_2 (date of access: 24.10.2025).

2. *Bucher T.* The Algorithmic Imaginary: Exploring the Ordinary Affects of Facebook Algorithms // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, No 1. P. 30–44.

3. *Cui S., Zhao Y., Qie R.* Who Needs What Support? Exploring the Relationship between Intergenerational Support and Digital Media Use among Chinese Older Adults: A Latent Profile Analysis // Computers in Human Behavior. 2025. Vol. 164. DOI: 10.1016/j.chb.2024.108506.

4. Digital Literacy Education for Older Adults: A Scoping Review / L. Xu et al. // Proceedings of the Association for Information Science and Technology. 2024. Vol. 61, No 1. P. 691–696.

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СУИЦИДАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Д. С. Лихван

Гродненский государственный медицинский университет,
Гродно, Беларусь, lihvandasha650@gmail.com
Научный руководитель – С. М. Гресь, кандидат исторических наук, доцент

В статье рассматривается влияние городского образа жизни на формирование суицидальных наклонностей у человека. В ней исследована взаимосвязь между особенностями городской среды, такими как плотность населения, темп жизни, уровень стрессовых факторов и их влияние на психическое состояние человека. А также анализируются механизмы, посредством которых городская среда может способствовать развитию суицидальных наклонностей у личности, проживающей в условиях города. Здесь представлен риск развития суицидальных наклонностей у определенных прослоек населения. Особое внимание уделяется факторам, которые увеличивают риск возникновения депрессии и других психических расстройств, приводящих к суициду, а также возможным мерам профилактики для снижения данной угрозы.

Ключевые слова: жизнь; город; городская среда; условия; психика; фактор; суицидальные наклонности; здоровье; молодежь.

Жизнь в городе имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны она дает человеку больше шансов для развития, создает комфортные условия для жизни, но с другой стороны городская среда отрицательно сказывается на физическом и психологическом здоровье людей. Экологические, биологические и социально-экономические факторы крупных городов, оказывающие влияние на самочувствие и здоровье человека, очень разнообразны и многочисленны [1, с. 22]. Наличие большого количества заводов, фабрик и других предприятий, транспорта, которые загрязняют воздух, приводит к возникновению большого количества заболеваний, что ухудшает психологическое человека, и в итоге может привести к суициду.

Одним из, казалось бы, незначительных факторов, оказывающих воздействие на психическое состояние человека, является архитектура городских пространств. Часто именно стиль и расположение зданий могут играть негативную роль. Острые углы создают ощущение напряженности, а прямые линии, нехарактерные для природных форм, воспринимаются как неестественные. Отсутствие декоративных элементов и однообразие фасадов вызывают усталость и снижают уровень эмоционального удовлетворения от внешнего вида города. Проведённые исследования показывают, что большинство участников опросов предпочитают здания с лепниной и интересными формами в

дизайне, тогда как лишь около 3 % респондентов отдавали предпочтение стандартным пяти- или девятиэтажным домам с прямыми линиями и минимальным декором. Это связано с тем, что многообразие форм и пересечение линий более естественно воспринимается подсознанием, поскольку такие элементы характерны для природных ландшафтов и архитектуры эпохи 1960–70-х годов. Ярким примером архитектурного стиля, положительно влияющего на эмоциональное состояние, является Био-тек, который объединяет плавные линии и природные формы с передовыми технологиями и практичностью. Такой стиль архитектуры следует использовать чаще при строительстве современных городов, чтобы улучшить психологический климат и создать более комфортную среду для жителей [1, с. 23].

Люди, проживающие в городских условиях, регулярно сталкиваются с явлением, которое принято называть «городским стрессом», или стрессом, связанный с городской средой. Этот хронический стресс сопровождает человека почти постоянно, создавая постоянное напряжение и нагрузку на его нервную систему. Длительное воздействие такого стрессового состояния может оказывать отрицательное влияние на здоровье, приводя к различным нарушениям функций организма [1, с. 22].

В частности, непрекращающийся стресс способствует развитию заболеваний сердечно-сосудистой системы, а также негативно влияет на работу желудочно-кишечного тракта, вызывая различные расстройства пищеварения и другие проблемы. Более того, хронический стресс может служить основой для возникновения множества заболеваний, так как он выступает патогенетической основой для ряда нарушений – сердечно-сосудистых, невротических и эндокринных заболеваний [1, с. 22].

Эти факты подчеркивают важность поиска способов регулирования стрессовых состояний и выработки методов психологической устойчивости, особенно для городских жителей, чтобы сохранить здоровье и повысить качество жизни [1, с. 22].

Стресс в городской среде может возникать по многим причинам. Вот одна из них: из-за быстроты и стремительной смены фонов, возникает неспособность реагировать на всё новые раздражители городского жителя: нервы возбуждаются, и вся нервная система «включает» автономный, спящий режим. В больших городах скапливается наибольшее количество людей и предметов, что вынуждает человека затрачивать невосстанавливающиеся нервные силы. Поэтому образовывается противоположная ситуация: люди охраняют себя путем обесценивания всего объективного мира. В конце концов это приводит к обесцениванию и собственной личности, что в свою очередь сильно сказывается на психике человека. Постоянное угнетенное состояние и

обесценивание самого себя приводит к развитию депрессии, которая без своевременного вмешательства специалиста, может стать предпосылкой к появлению у индивида суицидальных наклонностей [2].

Взросление в городской среде удваивает риск развития шизофрении и других психических расстройств, например депрессии или хронической тревожности. Главной предпосылкой специалисты считают так называемый «социальный стресс», причиной которого является изоляция и одиночество. На первый взгляд, это звучит довольно парадоксально, ведь в городе проживает огромное количество людей, что, наоборот, должно было бы увеличивать социальное взаимодействие. Однако в связи с быстрым ритмом жизни, наличием большого количества забот и дел горожанам не хватает душевного общения, которое имеет большое значение для психического здоровья людей. Работа в офисе или на дому превращает замкнутые высотные пространства в основную «среду обитания» горожан. Согласно докладу сооснователя компании Create Streets, жители высотных домов чаще других страдают от стресса и сталкиваются с неврозами. Однако в погоне за карьерным ростом и лучшими условиями жизни удобство расположения становится важнее эстетики и эмоционального состояния. Главное, жить рядом с метро, даже если в «муравейнике», или работать поближе к торговым центрам и кинотеатрам [3].

Помимо вышеперечисленных предпосылок к возникновению суицидальных мыслей, стоит выделить определенную прослойку населения наиболее подверженную развитию суицидальных наклонностей – молодежь.

Уязвимость детей чаще связана с особенным периодом их развития и становления как личности – пубертатом, когда происходит формирование их самосознания. В этот период ребенок особенно восприимчив к различным внешним и внутренним факторам, воздействующих на него, особенно к социально-психологическим трудностям, которые могут усиливать его эмоциональную лабильность и способствовать развитию депрессии. Следует отметить, что манифестация депрессивных состояний у подростков часто усугубляется гормональными изменениями, возникающими в рамках полового развития [4].

По данным специалистов, примерно один из восьми подростков сталкивается с проявлениями депрессии, которая может затягиваться на длительный период. Эта хроническая или часто повторяющаяся депрессия значительно ухудшает качество жизни подростка, нередко ведущая к саморазрушительным формам поведения. В их числе – рискованные поступки, такие как нанесение себе травм, эксперименты с запрещенными веществами или злоупотребление психоактивными

препаратами, а в самых тяжелых случаях – суицидальные мысли и попытки [3].

Эти факты подчеркивают важность своевременного обнаружения и комплексного подхода к профилактике и лечению депрессивных состояний у детей и подростков, что является актуальной задачей современных психологов, педагогов и семей [3].

Суицидальное поведение несовершеннолетних может быть связано с популярностью социальных сетей и интернета в целом. В городе, в отличие от деревни, у подростков больше свободного времени, которое большинство предпочитает проводить в соцсетях, где они общаются, обмениваются мыслями, состоят в различных сообществах и группах. Неизвестные люди, находящиеся в соцсетях, а также курирующие так называемые «группы смерти» могут оказывать негативное влияние на подростков, убеждая их в том, что суицид является единственным способом решения всех проблем, которые могли бы возникнуть у подростка [4].

В заключение, можно отметить, что городской образ жизни оказывает значительное и многогранное влияние на психологическое состояние населения и уровень риска возникновения суицидальных действий. Высокий уровень стрессовых факторов, присущих городским условиям, таких как ускоренный ритм жизни, постоянное ощущение нехватки времени, социальное давление, конкуренция, а также недостаток социальной поддержки и чувства сопричастности, существенно повышают вероятность развития психоэмоциональных расстройств, особенно депрессии и тревожных состояний. Эти расстройства, в свою очередь, могут стать предвестниками опасных поступков, связанных с суицидом.

Кроме того, современные условия городской среды зачастую сопровождаются повышенной степенью информационной перегрузки, ухудшением экологической ситуации и недостаточной доступностью качественной психологической поддержки, что усиливает риск развития суицидальных настроений у уязвимых групп населения, таких как подростки, молодые люди.

При этом важно учитывать, что причины суицидальных действий многообразны и зачастую требуют комплексного подхода к профилактике. Эффективные меры должны включать развитие системы психологической поддержки и консультирования, просветительскую деятельность, направленную на устранение стигмы в отношении психоэмоциональных проблем, а также создание условий для повышения качества жизни в городе – улучшение инфраструктуры, развитие социальных программ, мероприятий по укреплению социального капитала и формирования сообществ.

Таким образом, только интегрированные меры, направленные на снижение стрессовых факторов, формирование устойчивых coping-стратегий у граждан и создание дружественной и поддерживающей городской среды, смогут существенно снизить уровень суицидальности, помочь людям справляться с эмоциональными трудностями и сохранить их психическое здоровье. Это важно не только для отдельных индивидов, но и для общего благополучия общества и устойчивого развития урбанизированных территорий.

Библиографические ссылки

1. Сахаровские чтения 2021 года: экологические проблемы XXI века: материалы 21-й международной научной конференции, Минск, 20–21 мая 2021 г. / Междунар. гос. экол. ин-т им. А. Д. Сахарова Бел. гос. ун-та; редкол.: А. Н. Батян [и др.]; под ред. д-ра ф.-м. н., проф. С. А. Маскевича, к. т. н., доцента М. Г. Герменчук. Минск: ИВЦ Минфина, 2021.
2. Влияние культурного пространства города на индивида. URL: https://thewallmagazine.ru/influence-of-the-city/ (дата обращения: 24.10.2025).
3. Как города доводят человека до депрессии и что поможет это исправить. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/ourcity/columns/kak-goroda-dovodyat-cheloveka-do-depressii-i-chto-pomozhet-eto-ispravit?from=copy_text (дата обращения: 24.10.2025).
4. Основные факторы, влияющие на проблемы предупреждения суицидов среди несовершеннолетних. URL: file:///C:/Users/Acer/Downloads/osnovnye-faktory-vliyayuschie-na-problemy-preduprezhdeniya-suitsidov-sredi-nesovershennoletnih-1.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
5. Суицидальное поведение несовершеннолетних как социально-психологическая проблема. URL: file:///C:/Users/Acer/Downloads/osnovnye-faktory-vliyayuschie-na-problemy-preduprezhdeniya-suitsidov-sredi-nesovershennoletnih-1.pdf (дата обращения: 08.10.2025).

САМООЦЕНКА И СКЛОННОСТЬ К СОЗАВИСИМЫМ ОТНОШЕНИЯМ У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ И ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Т. Ф. Пашаева[1)], **Н. В. Власова**[1)]

[1)] *Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, tomapashaeva25@gmail.com*

Урбанистическая среда в ныне существующих реалиях характеризуется интенсивностью социальных взаимодействий и изобилием социальных контактов, вместе с тем наблюдается снижение их эмоциональной глубины и доверия. В условиях ускоренного темпа жизни и цифровизации возникает особая психологическая среда, в которой появляется дезориентация в построении надежных социальных связей, тем самым провоцируя эмоциональную зависимость, что негативно сказывается на самооценки и психологической адаптации личности. В представленной работе рассматривается влияние современной городской среды на самооценку и склонность к формированию созависимых отношений у молодых женщин. В исследовании приняли участие сорок девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех лет. Результаты указывают, что участницы с выраженными созависимыми тенденциями обладают более высоким уровнем тревоги и фрустрации, а также имеют низкую самооценку по следующим показателям: уверенность в себе, чувство авторитета среди сверстников, вера в собственные навыки. Полученные результаты могут быть использованы для профилактики созависимости в юношеском возрасте.

Ключевые слова: урбанизация; самооценка; созависимость; цифровая среда; адаптация; социальная зависимость

В современном мире процесс урбанизации, а также развитие цифровых технологий, несомненно, оказывает влияние на стиль жизни и как следствие психологическое состояние городских жителей [6]. Основываясь на данных Всемирной организации здравоохранения, отметим, что уже к 2030 году большая часть населения развивающихся стран будет проживать в городах, а не в сельских местностях, а к 2050 году этот показатель достигнет 70 % [11]. Однако, перемещение жителей в города не происходит одновременно с развитием объектов инфраструктуры и влечет за собой изменение в образе жизни, процесс адаптации к новым условиям и связанный с этим стресс для переезжающих. В связи с этим происходит рост психических расстройств [3]. Так, исследования показывают, что чаще всего тревожно-депрессивные расстройства выявляются у женщин, проживающих в городской среде нежели в сельской [2; 10; 12].

Вместе с этим, неизменно растет роль интернет-ресурсов, а сила их воздействия на жизнь человека становится всё значительнее –

происходит трансформация межличностных отношений и самоощущения личности. Внедрение социальных сетей в повседневность обусловливает более доступную, но одновременно и более поверхностную коммуникацию [8]. Это привело к феномену «гиперсоциальности», характеризующемуся непрерывным пребыванием человека в активном взаимодействии с другими людьми и потоком информации [1]. М. Кастельс отмечает, что сетевое общество характеризуется чрезмерным количеством социальных контактов и сопровождается потерей глубины и стабильности этих связей. Данный факт негативно влияет на самооценку молодых людей, в большей степени у девушек. Помимо этого, при недостатке стабильных и устойчивых эмоциональных связей молодые женщины могут искать опору в романтических отношениях, а в случае нестабильности самооценки возрастает риск развития созависимых отношений [4].

Г. А. Ананьева определяла созависимость как социально-психологический феномен, при котором человек становится поглощен жизнью другого, испытывая от него зависимость как в эмоциональном, так порой и социальном, и физическом плане [7]. По мнению В. Д. Москаленко, люди со склонностью к созависимости испытывают постоянное чувство вины и стыда, стремятся помочь другим, чтобы заслужить любовь и признание, при этом они не умеют принимать комплименты, ввиду того что это увеличивает их негативные переживания. Такие люди не выносят критики со стороны других, поскольку сами постоянно критикуя себя, что также свидетельствует о неустойчивой самооценке. Именно поэтому низкая самооценка рассматривается как один из главных факторов, детерминирующих созависимое поведение [5].

В современной городской среде возникновение созависимых отношений может быть обусловлено определенными социально-психологическими тенденциями. Так, исследование Т. Хорана продемонстрировало, что уровень урбанизации влияет на восприятие социальных сетей как способствующих социальной изоляции [8]. Научный труд, посвященный изучению польской метрополии, выявил, что одиночество выступает посредником между урбанизацией и ухудшением психического здоровья [9].

Таким образом, исходя из вышесказанного можно предположить, что при дефиците здоровой модели отношений и несформированности надежной и многообразной системы социальных связей все эмоциональные потребности концентрируются на единственном взаимодействии, что создает давление и предпосылки для формирования созависимости.

На основании проведенного теоретического анализа нами было проведено исследование, направленное на выявление характеристик самооценки у молодых девушек, склонных к формированию созависимых отношений.

В эмпирическом исследовании приняло участие сорок девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех лет (M = 20 лет). Все респонденты являются жительницами города Москва и обучаются в высших учебных заведениях. Участницы не обладают диагностированными психическими расстройствами. Из сорока респондентов двадцать восемь на момент исследования находились в романтических отношениях.

Выраженность склонности к созависимым отношениям измерялась с использованием следующих методик: Шкала созависимости Фишера (J. L. Fischer, L. Spann, D. Crawford) в адаптации В. Д. Москаленко и Шкала созависимости Уйнхолд. С целью изучения особенностей самооценки были использованы такие методики, как «Диагностика самооценки психических состояний» Г. Айзенка, «Самооценка по Дембо-Рубинштейн» в модификации А. М. Прихожан. Полученные данные обрабатывались с использованием программы SPSS. Для проверки гипотез о различиях групп применялся критерий Манна-Уитни (U-критерий).

На основании статистического анализа было выявлено, что 67 % всей выборки в той или иной степени склонны к созависимым отношениям и 33 % не склонны. Это соответствует предположениям о том, что среди молодежи зависимое поведение в отношениях достаточно распространенное явление. Анализ показал следующую тенденцию – склонные к созависимости респондентки чаще находятся в паре, нежели их сверстницы без данной выраженной склонности.

На основании результатов, полученных с помощью Методики «Диагностика самооценки психических состояний» наблюдаются значимые различия по уровню тревожности и фрустрации. В то же время по шкалам агрессивности и ригидности не выявлены статистически значимые различия между группами ($p > 0.05$). Тревожность у девушек с созависимостью существенно выше и составил 13,0 против 8,9 у не имеющих созависимости ($p = 0.03$). Кроме того, у созависимых женщин заметно повышен уровень фрустрации (чувствительность к неудачам): средний балл 10,9 против 8,0 ($p = 0.05$). Эти различия статистически значимы и указывают, что предрасположенные к созависимости девушки более тревожны и менее устойчивы к фрустрациям, чем их ровесницы без данной склонности. Что касается агрессивности, то средние показатели почти идентичны в обеих группах молодых женщин (11,3 и 11,7; $p > 0.1$). Ригидность (склонность к психологической негибкости)

также не отличается: 12,1 и 12,4 ($p > 0.2$). Полученные результаты подтверждают, что созависимые девушки испытывают больше эмоционального напряжения: они склонны чаще тревожиться и сильнее переживать неудачи. Это согласуется с теоретическими представлениями: постоянная озабоченность отношениями и страх потери партнера могут вызывать тревожность, а игнорирование собственных потребностей ради другого ведет к накоплению внутренней неудовлетворенности и фрустрации.

По результатам анализа с использованием методики «Самооценка по Дембо-Рубинштейн» было выявлено, что по всем измеряемым показателям самооценка у созависимых значимо ниже, чем у не подверженных созависимости. Так, результаты по шкале самооценки «авторитет» (значимости среди сверстников) у созависимых девушек составил в среднем 46,7 балла, тогда как у не подверженных данной аддикции 88,2 балла ($p = 0.05$). Разница свидетельствует о том, что склонные к созависимости девушки чувствуют себя мало уважаемыми и мало значимыми среди ровесников.

Самооценка уверенности в себе также значительно занижена у созависимых: 39,8 балла против 68,1 ($p = 0.03$). Данный показатель напрямую отражает уровень самоуважения и внутренней уверенности, что подтверждает характерную для созависимых внутреннюю неуверенность.

Кроме того, респонденты с созависимостью существенно хуже оценивают свои практические способности по шкале «умелые руки» (средний балл 44,6 против 73,3 у не подверженных созависимости) ($p = 0.03$). Следовательно, созависимые молодые женщины в большей степени испытывают сомнения в своей самостоятельности в бытовых и прикладных делах, что может отражать их общую неуверенность и склонность полагаться на другого человека в решении практических задач.

По шкалам оценки умственных способностей и внешности показатели созависимых девушек обнаруживают более низкие результаты, но не достигают статистической значимости различий. Вызывает интерес то, что по шкале «характер» (волевые качества) респонденты со склонностью к созависимости даже оценили себя чуть выше, чем участники без такой склонности (в притязаниях: 77,1 против 75,5 балла), однако разница не является значимой. Следовательно, можно предположить, что, созависимые стремятся компенсировать внутренние дефициты, идеализируя развитие характера и силы воли.

Помимо текущей самооценки, методика Дембо-Рубинштейн позволила измерить уровень притязаний – насколько высокий уровень развития качеств девушки хотели бы иметь. В целом, у несозависимых

респондентов притязания были выше практически по всем параметрам, что можно интерпретировать как большую уверенность в своих перспективах и правах на успех. Значимые различия были выявлены по шкале умственных способностей. Так, созависимые девушки в среднем оценили свой уровень желаемого интеллекта на 65,3 балла, тогда как их сверстницы, несклонные к данной аддикции, – на 75,8 балла ($p = 0.04$). Созависимые молодые женщины не верят, что способны достичь высоких интеллектуальных результатов, и закладывает для себя более низкую «планку» возможностей. Аналогичная тенденция наблюдалась в притязаниях по шкалам практические навыки и авторитет. Только результаты по притязаниям характера группы не различались: склонные к созависимости даже несколько выше оценили желаемый уровень развития своего характера (77,1 против 75,5 балла; $p > 0.5$), возможно, придавая особое значение силе воли и личностным качествам, которые, как им кажется, могли бы компенсировать их уязвимости.

Таким образом, молодые девушки, склонные к созависимости, имеют более низкую самооценку практически по всем ключевым параметрам личности: чувство собственной значимости, уверенность в своих силах, независимые практические умения. Они также меньше верят в возможность собственного успеха в будущем, занижая планку притязаний. Напротив, их ровесницы без созависимых тенденций оценивают себя значительно выше и смелее планируют свой рост.

Полученные результаты позволяют лучше понять, как городская цифровая среда может влиять на психологические характеристики молодых женщин, способствуя или ослабляя формирование созависимых паттернов. Во-первых, выявленное у созависимых участниц сочетание высокой тревожности и низкой самооценки можно рассматривать через призму урбанистических факторов. Известно, что жизнь в мегаполисе сама по себе повышает уровень тревожности из-за постоянного стресса, спешки, информационного давления. Для девушек с предпосылками к созависимости городской стресс может стать катализатором: они более остро реагируют на перегрузки, испытывают тревогу в социально насыщенной среде, что усиливает их зависимость от близкого человека. Наши данные о заниженном чувстве собственной значимости (авторитета) у созависимых девушек сопоставимы с этим: живя среди большого числа успешных и активных сверстников некоторые девушки начинают ощущать себя «невидимыми», неважными для других.

Таким образом, урбанизация и цифровая культура задают высокий норматив потребности быть в отношениях, одновременно не обеспечивая молодежь психологической устойчивостью для здорового взаимодействия. Исследование показало, что для молодых людей в условиях современного мегаполиса необходима разработка

психологических и общественных мероприятий, способствующих установлению гармоничных взаимоотношений, что создаст основу для более устойчивого психологического состояния общества, способного успешно противостоять вызовам цифровизации.

Библиографические ссылки

1. *Буслаева Е. Л., Власова Н. В.* Особенности понимания риска на разных стадиях профессионализма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 3 (844). С. 113–121.

2. *Власова Н. В.* Развитие ценностно-смысловой сферы на различных этапах формирования личности // Психологическое благополучие современного человека. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2019. С. 60–65.

3. *Емельянова Т. П.* Психологическое благополучие и социальные представления о жизни в мегаполисе // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 213–214. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-i-sotsialnye-predstavleniya-o-zhizni-v-megapolise (дата обращения: 14.10.2025).

4. *Маковецкая Е. Н.* Трансформация семейных отношений в современном обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4–1 (103). С. 150–152. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-semeynyh-otnosheniy-v-sovremennom-obschestve (дата обращения: 11.10.2025).

5. *Москаленко В. Д.* Зависимость: семейная болезнь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ПЕРСЭ, 2004.

6. *Радина Н. К.* Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141.

7. *Сидоров К. Р.* Самооценка в психологии // Мир психологии. 2006. № 2 (46). С. 224–234.

8. *Horan T. J.* The Effects of Urbanization and Social Media Use on Individuals' Perceived Social Isolation // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2024. No 14 (1). DOI: 10.30935/ojcmt/14171.

9. Urbanization, Loneliness and Mental Health Model: A Cross-Sectional Network Analysis with a Representative Sample / D. Ochnik et al. // Scientific Reports. 2024. No 14(1). DOI: 10.1038/s41598-024-76813-z.

10. *Srivastava K.* Urbanization and Mental Health // Industrial Psychiatry Journal. 2009. No 18 (2). P. 75–76. DOI: 10.4103/0972-6748.64028.

11. World Health Organization. Mental Health Atlas 2020. Geneva: WHO, 2020.

12. *Xu J., Liu N., Polemiti E., Garcia-Mondragon L., Tang J., Liu X., Lett T., Yu L., Nöthen M. M., Feng J., Yu C., Marquand A., Schumann G.* Effects of Urban Living Environments on Mental Health in Adults // Nature Medicine. 2023. No 29 (6). P. 1456–1467. DOI: 10.1038/s41591-023-02365-w.

ENVIRONMENTAL VOLUNTEERING AND URBAN WELL-BEING

S. A. Slassi Mutabir[1)], **S. R. Alekperov**[1)]

[1)] *Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus, slassie@bntu.by*

This article examines the motivational profiles and guiding values of individuals engaged in contemporary environmental volunteering amid urban infrastructure. A primary objective is to assess the contribution of these activities to the development and reinforcement of civil society institutions. Drawing from theoretical frameworks and hypothetical empirical data, the research reveals that volunteering is driven by a multifaceted set of factors including altruistic ideals, social connection and practical benefits. Among their value systems, universalism and benevolence emerge as predominant. The paper concludes that environmental movements function as a vital mechanism for cultivating civic duty, enhancing social trust and fostering grassroots networks, thereby making a direct contribution to a more robust civil society.

Keywords: environmental volunteerism; civil society; motivation; value orientations; civic engagement; psychological well-being; urban social integration.

Environmental volunteering has emerged as a vital grassroots response to urban ecological and social challenges. Volunteers participate in a wide range of initiatives such as park restoration and tree planting to urban gardening and clean-ups campaigns contributing not only to environmental sustainability, but also to a community cohesion and personal psychological benefits. In the present modern era which is marked by climate anxiety, social isolation and urban fragmentation, understanding the value orientations and motivations behind this form of civic engagement is particularly relevant.

Volunteer participation in environmental initiatives reflects a growing public awareness of the interconnectedness between human well-being and the health of the urban environment. As cities expand and natural spaces diminish, citizens increasingly seek active roles in environmental stewardship. This phenomenon signifies more than an interest in conservation through revealing a shift toward participatory models of urban governance and collective responsibility. Volunteering is not merely an act of service but a manifestation of civic identity and belonging.

The research problem lies in the insufficient understanding of the relationship between the individual motives and values of environmental volunteers and their contribution to the development of social capital and civic institutions. Thus, the purpose of this paper is to identify and analyze this relationship.

The theoretical basis for understanding environmental volunteer motivation rests on two main constructs: the self-determination theory by Deci

and Ryan, which differentiates between intrinsic and extrinsic motivation, and Schwartz's theory of basic human values. Research indicates that most volunteers are more driven by such intrinsic motives such as altruism, civic responsibility and a desire to protect nature rather than external rewards like career advancement or social recognition [1].

Empirical studies in Austria and the UK, for instance, found that while British volunteers often seek skills and learning experiences, Austrian participants prioritize intrinsic motives such as contributing to environmental preservation. Similarly, studies in Malaysia and Japan report high levels of biospheric and altruistic values among university student volunteers with female participants often scoring higher in nature-related concerns [2]. These findings point to the importance of cultural and demographic contexts in shaping volunteer engagement patterns.

Motivation is often dynamic and multi-dimensional. While some individuals enter volunteering through pragmatic motives (such as gaining experience or fulfilling academic requirements), their involvement frequently deepens into a more value-driven commitment. This evolution suggests that volunteer programs should accommodate a diversity of initial motivations while nurturing the internalization of pro-environmental values over time.

Using Schwartz's value theory, researchers found that environmental volunteers frequently prioritize self-transcendence values, particularly universalism (a concern for the welfare of all people and nature) and benevolence (emphasizes helping those with whom one is in frequent personal contact). These values suggest that volunteers are motivated by a moral commitment to collective well-being rather than personal gain. In addition, many volunteers score high on openness to change, especially self-direction (independent thought and action) and stimulation (a desire for novelty and challenge), reflecting a proactive and adaptable mindset. This value orientation has been confirmed across diverse cultural settings, indicating that such traits are not culturally isolated but globally relevant. Collectively, these patterns suggest that environmental volunteers possess a stable ethical and civic identity grounded in care, autonomy, and social responsibility [1].

Notably, lower scores are often reported for values tied to self-enhancement (achievement, power) and conservation (tradition, conformity), indicating a preference for flexibility, inclusiveness and progressive social ideals. The predominance of universalistic values supports the hypothesis that environmental volunteerism is closely linked to moral concern for the welfare of others and the natural world. In practical terms, this alignment means that many volunteers are already predisposed to community-oriented behavior and their participation reinforces their sense of collective efficacy.

What is more, volunteering and psychological well-being beyond motivations is increasingly recognized for its positive psychological impacts.

A systematic review of health outcomes found that volunteers exhibit lower rates of depression, anxiety and stress. For example, Japanese studies during the COVID-19 pandemic demonstrated that older adults engaged in volunteer work reported significantly lower levels of loneliness and depression compared to non-volunteers [4]. In this way, volunteering provides individuals with a sense of purpose, self-accomplishment and belonging creating strongly links to mental health. Activities like urban gardening, park clean-ups or citizen science not only reduce stress through physical engagement and nature exposure but also reinforce participants' self-worth and agency. These projects also serve as informal therapeutic environments where people find emotional relief and recovery through connection with nature and community.

Furthermore, physical activities involved in environmental volunteering (such as planting, walking, or outdoor maintenance) have been marked by physiological benefits including improved cardiovascular health and reduced cortisol levels. These outcomes are particularly significant in urban environments where sedentary lifestyles and environmental stressors negatively affect public health. Thus, volunteering functions both as a preventive and restorative strategy for mental and physical well-being [3].

In terms of social integration and community impact it can be claimed that urban environmental volunteering also fosters social integration and strengthens neighborhood ties. Participants build new relationships, reduce social isolation and create support networks. A Tokyo study found that urban gardeners experienced greater perceived general and mental health as well as enhanced social cohesion compared to non-gardeners [5].

In Russia, a 2021 study addressed the development of environmental volunteerism in schools, reflecting the country's strategic emphasis on ecological education and youth engagement. The study's objective was to test the assumption that involving schoolchildren in socially significant environmental projects helps cultivate their civic attitudes and serves as an effective tool for socialization. The researchers utilized a nationwide survey conducted by a federal education center in Moscow, which gathered data from 26 regions across seven federal districts of Russia. One key finding was an overwhelming consensus (nearly 90 % of respondents) on the need to establish school-based eco-volunteer communities, indicating a strong demand for structured youth environmental groups [6]. The formation of such volunteer groups within schools was shown to integrate smoothly with existing extracurricular programs, institutionalizing students' volunteer activities while encouraging their initiative. Moreover, experts agreed that participation in ecological volunteering fosters numerous positive qualities in children, notably responsibility and care for nature (each noted by 86 % of respondents), as well as greater initiative, activity, and diligence. The study concluded that through eco-volunteering many young participants also

develop a stronger sense of social responsibility and self-confidence, highlighting its value for youth's personal and civic growth. Overall, this research from Russia demonstrates that ecological volunteering is not only an environmental or educational endeavor, but also an effective mechanism for enhancing youth social integration and personal development [6].

Engaging in collective environmental action also enhances intergenerational and intercultural understanding. Community gardens and urban greening projects often bring together diverse participants across age, ethnicity, and socioeconomic backgrounds. These interactions facilitate dialogue, empathy and mutual learning, contributing to more inclusive and resilient urban communities.

Certain policy rules and strategic implication instructions must be observed while providing the dual benefit, both environmental and psychosocial. As a consequence, environmental volunteering should be embedded within urban policy frameworks. Local governments and non-governmental organizations can support these efforts by providing accessible volunteering platforms, training and social recognition. Designing projects that align with volunteers' intrinsic values while offering opportunities for skill development and social engagement will enhance retention and impact. Municipalities should integrate volunteer initiatives into broader strategies for urban resilience and sustainability. By supporting community-led greening projects, cities can enhance biodiversity, improve public spaces and foster citizen participation. Cross-sector collaboration between local authorities, educational institutions and civil society organizations can further institutionalize volunteering as a pillar of sustainable urban development.

In Belarus, a recent study examined the potential of student ecological volunteering as an educational tool in the context of the national «Year of Improvement» initiative. The research situates eco-volunteering within higher education (for example, at Belarusian State University in Minsk) as a means to foster environmental awareness and values among youth. It provides a definition of «ecological (green) volunteering» and describes various forms of environmental volunteer activity, from park conservation and tree planting to community clean-up campaigns. National data from 2024 indicate that ecological volunteering is the third most popular type of volunteer activity among young Belarusians, engaging about 8 % of youth volunteers in environmental projects. A university survey in Minsk found that 38.9 % of student respondents had some volunteer experience, with nearly 30 % participating specifically in ecological volunteering initiatives [7]. The author highlights that educational institutions serve as a key platform for integrating volunteering into youth culture, leveraging eco-volunteering to instill ecological values and social responsibility. It is noted that many students are motivated by a commitment to environmental protection and actively

contribute to Sustainable Development Goals through eco-volunteer projects. Overall, this Belarusian research underscores that ecological volunteering initiatives not only aid the environment but also promote social engagement and ethical development among young volunteers.

Overall, the study has shown that the motivation of participants in environmental volunteer movements is based primarily on internal value systems and a desire for self-development. The value profile of volunteers is characterized by the dominance of universalism and benevolence. Provided that environmental volunteerism is not just a form of leisure or conservation activity, but an institution that produces and reproduces a civic culture. It promotes the transformation of individual values into collective action, builds social trust, and develops self-organization skills. Consequently, supporting and developing volunteer movements is a strategically important task for building a mature and sustainable civil society in Russia. Further research could focus on a comparative analysis of volunteer motivation in different spheres (social, cultural, environmental) and study the long-term dynamics of their civic engagement.

All in all, environmental volunteerism in urban settings serves as a powerful vehicle for fostering psychological well-being, civic engagement, and sustainable community development. Volunteers are primarily guided by universalistic and altruistic values, and their participation contributes to social integration and mental resilience. As cities worldwide grapple with ecological degradation and social fragmentation, harnessing the motivational and therapeutic potential of environmental volunteering becomes not just desirable but essential. Acknowledging and investing in this civic practice can lead to more inclusive, healthier and environmentally conscious urban futures.

References

1. *Zhang J., Cao A.* The Psychological Mechanisms of Education for Sustainable Development: Environmental Attitudes, Self-Efficacy, and Social Norms as Mediators of Pro-Environmental Behavior Among University Students // Sustainability. 2025. Vol. 17, No 3. DOI: https://doi.org/10.3390/su17030933.

2. *Abd Rahman N.* Motivations and Intention to Sustain in Environmental Volunteering among Muslim Youth // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2024. Vol. 14, No 12. DOI: 10.6007/IJARBSS/v14-i12/24244.

3. Is Volunteering a Public Health Intervention? A Systematic Review and Meta-analysis of the Health and Survival of Volunteers / C. E. Jenkinson [et al.] // BMC Public Health. 2013. Vol. 13. P. 773. DOI: 10.1186/1471-2458-13-773.

4. Community Social Capital and Depressive Symptoms Among Older People in Japan: A Multilevel Longitudinal Study / M. Yamaguchi [et al.] // Journal of Epidemiology. 2019. Vol. 29, No 10. P. 363–369. DOI: 10.2188/jea.JE20180078.

5. *Winkler B., Maier A., Lewandowski I.* Urban Gardening in Germany: Cultivating a Sustainable Lifestyle for the Societal Transition to a Bioeconomy // Sustainability. 2019. Vol. 11. DOI: 10.3390/su11030801.

6. *Арсеньева Т. Н., Козин И. В., Менников В. Е.* Развитие экологического добровольчества (волонтерства) в образовательных организациях // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 3 (56). С. 127–138.

7. *Похомова А. А.* Экологическое волонтерство как инструмент воспитательной работы в Год благоустройства в Республике Беларусь // Современное социально-гуманитарное образование: проблемы и перспективы: сб. статей XXII науч.-метод. конф. фак-та философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, 31 марта 2025 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук; [редкол.: Ю. В. Дедолко (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2025. С. 244–248.

ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ КИТАЙСКИХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МУЛЬТИЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

А. С. Солодухо[1)], **Моу Хуань**[1)]

[1)] *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, asoloduho@gmail.com*

В статье представлен психологический анализ опыта построения мультиязыковой среды в условиях преподавания китайским иностранным студентам. В качестве ведущего фактора рассматривается психологическое благополучие в условиях мультиязыковой среды университета. Рассматривается ряд культурных стереотипов в отношении особенностей учебной деятельности и социального взаимодействия китайских студентов, препятствующих установлению эффективной мультиязыковой образовательной среды. Предлагаются авторские решения отдельных проблем, возникающих в ходе обучения китайских студентов в условиях мультиязыковой среды современного университета.

Ключевые слова: психологическое благополучие; мультиязыковая среда; культурная адаптация; социальное взаимодействие; парадокс китайского учащегося; университет; китайские студенты.

Построение мультиязыковой среды высшего образования на современном этапе развития общества выступает серьёзной и амбициозной задачей. В условиях, когда Республика Беларусь стала устойчивым экспортером образовательных услуг, необходимо поддерживать качество образовательных услуг на высоком уровне. Внимание к обучению студентов магистратуры из Китайской Народной Республики в данном случае – яркий пример кейса высокой сложности, обусловленного культурными и языковыми различиями между странами. Реализация успешного взаимодействия в условиях отечественного высшего образования предполагает не только внимание непосредственно к качеству содержания высшего образования. По мнению автора, также необходимо уделять внимание конструированию таких аспектов образовательной среды, как социальное взаимодействие между обучающимся и обучаемым, построенное с учетом культурных особенностей участников процесса.

Китайские иностранные студенты часто сталкиваются с особым набором проблем, которые необходимо решать в кратчайшие сроки, чтобы не выпасть из образовательного контекста. В отличие от иностранных студентов, представляющих страны постсоветского пространства, китайские студенты отличаются высоким языковым барьером. Помимо ориентации в университетской жизни, должны

одновременно адаптироваться к новой стране, культуре, незнакомым социальным нормам, различным образовательным ожиданиям и подходам [1]. Данные испытания усиливаются в условиях получения углубленного высшего образования (фактически, за неполный календарный год, студенту необходимо успешно адаптироваться к требованиям принципиально отличающейся культуры), сужая возможности для корректировки последствий проблем культурной адаптации. В таких условиях особое значение принимает качественно выстроенная модель взаимодействия с представителями принимающей культуры, которая позволяет китайским студентам получить должный опыт в решении текущих и долгосрочных задач, связанных с пребыванием в Беларуси. Это непосредственным образом сказывается на показателях психологического благополучия китайских иностранных студентов и эффективности образовательного процесса.

Стереотипные представления о китайской культуре рассматривают ее, в первую очередь, с позиции «гедонистического благополучия». Данное восприятие преимущественно строится с позиции удовольствий, положительных эмоций и ощущений, общей удовлетворенности жизнью и материальном благополучии, а также избеганием боли и дискомфорта [2]. В противовес гедонистическому благополучию, эвдемоническое благополучие представляет сложное многокомпонентное состояние, связанное с самореализацией, личностным ростом, постижением смысла жизни, развитием жизненного потенциала, решения проблем, самодостаточности, а также способностью управлять средой существования [3]. Говоря о предикторах психологического благополучия, следует в обязательном порядке упомянуть такие составляющие как личностные характеристики, эмоциональная поддержка со стороны семьи, финансовая обеспеченность, уровень академического стресса, а также чувство принадлежности [4]. При этом следует отметить, что данное качество не рассматривается как изначально существующее, оно выступает в качестве одного из продуктов активной жизнедеятельности личности.

С точки зрения авторов, идеи эвдемонического благополучия выступают серьезным инструментом поддержания учебной мотивации китайских студентов. Преподавателю важно учитывать эту особенность при взаимодействии с обучающимися, в особенности, когда речь заходит об оценке предпринятых усилий и поддержании положительной Я-концепции последних. При этом, следует отметить, что отсутствие возможности взаимодействия с семьями китайских студентов, делает невозможным представителям университета квалифицированно оценить качество внутрисемейных отношений. Существуют исследования, показывающие негативное влияние эмоционального пренебрежения в

раннем возрасте на качество адаптации к требованиям иной культуры, в то время как имплицитные убеждения в отношении саморегуляции эмоциональных состояний положительно влияют на качество культурной адаптации. Психологическая поддержка и эмоциональное участие, в данной ситуации, являются значимыми факторами, способствующими улучшению психологического благополучия [5]. Однако, для реализации данного положения необходима как искренняя заинтересованность преподавателя, так и взаимная языковая компетентность участников взаимодействия, а также понимание культурных отличий. Данные практики хорошо согласуются с имеющимся в Белорусском государственном университете практиками наставничества и индивидуального кураторства. В то же время, для работы с представителями иных культур необходима более глубокое знание и понимание особенностей китайской культуры со стороны преподавателя.

Важным фактором, определяющим психологическое благополучие, является языковая компетентность студентов. Исследования показывают, что существует устойчивая положительная связь между уровнем тревоги и психологическим благополучием. Это проявляется в том, что 5китайские студенты сталкиваются с существенными трудностями в ходе реализации базовых академических действий и операций – понимание лекций, выполнение заданий, устных и письменных тестов, взаимодействие в ходе практических и семинарских занятий. Также языковой барьер выступает серьезным препятствием в установлении контактов с местными жителями, ограничивает социальное взаимодействие с широким студенческим сообществом. В результате, китайские студенты, в большинстве своем, демонстрируют тенденцию в поддержанию контактов преимущественно с представителями своей культуры, что существенно ограничивает роль фактора мультикультурного университета и даже приводит к некоторым проблемам с психическим здоровьем [6]. В этом плане мультиязыковая образовательная среда (включающая в себя язык, являющийся иностранным для всех субъектов образовательного процесса) выступает как более сбалансированная площадка социального взаимодействия, так как все участники, помимо родных языков, оказываются в ситуации необходимости использования языка-посредника (английского). Это может привести к более высокой вовлеченности в образовательный процесс, особенно если это подкреплено соответствующими учебными материалами [7]. Тем самым создаются условия для взаимного обогащения участников образовательного процесса. В случае, если содержание учебной дисциплины имеет содержательные связи с китайской культурой, историей или актуальными социальными

вопросами, это также может выступить в качестве катализатора процесса.

Согласно теории Биггса-Уоткинса, одной из особенностей, определяющих адаптацию китайских студентов к западным академическим практикам, выступает восприятие китайского образования как построенного на зубрежке и заучивании. С их точки зрения, данный стереотип основан на ряде заблуждений, долгое время питавших взгляд на китайское образование в западной культуре. Широко известный «парадокс китайского учащегося» описывает контраст между восприятием китайских студентов как склонных к механическому заучиванию и их стабильно высокими академическими достижениями. В частности Дж. Биггс и Д. Уоткинс, занимаясь изучением образовательных практик разных культур, подчеркивают наличие разного понимания отношений между запоминанием и пониманием в конфуцианской и западной образовательных культурах. Западное понимание предполагает восприятие запоминания и понимания как дихотомии, в то время как конфуцианское понимание строится на восприятии запоминания и понимания как дополняющих друг друга способов познания. Запоминание рассматривается как необходимый и фундаментальный шаг на пути к достижению глубокого, целостного понимания сложных дисциплин и предметов. Исследования, проведенные показали, что китайские студенты, включенные в образовательный контекст, предполагающий вовлеченность вкупе с использованием критического мышления, также как и студенты, принадлежащие к западной культуре [8]. Также исследования показывают, что китайские студенты, успешны в развитии креативности, оказываясь в соответствующей образовательной среде [9]. Делая вывод о том, что образовательная успешность китайских иностранных студентов определяется контекстом, а не культурными факторами, автор подчеркивает важность профессионального отношения преподавателей университета к содержанию и формам своей деятельности.

Таким образом, практический смысл данной публикации фиксируется на том, что такие инициативы, как расширение внеучебных возможностей и программы наставничества в университете, могут способствовать позитивному социальному взаимодействию. Это, в свою очередь, может усилить чувство принадлежности студентов к университету и их субъективное психологическое благополучие. Конечным результатом может стать не только рост субъективной удовлетворенности качеством образовательных услуг, но и дальнейшее качественное развитие мультикультурных образовательных практик в пространстве белорусских университетов.

Библиографические ссылки

1. Exploring the Experiences of International Chinese Students at a UK University: a Qualitative Inquiry / A. J. Holliman [et al.] // Multicultural Learning and Teaching. 2023. Vol. 19. P. 7–22.

2. *Bradburn N. M.* The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine Publishing Company, 1969.

3. *Ryff C. D., Heyes C. L. M.* The Structure of Psychological Well-Being Revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69, No 4. P. 719–727.

4. Social Interaction, Sense of Belonging, and Psychological Well-Being: a Study of Chinese International Students in UK Higher Education / H. Zhang [et al.] // Frontiers in Education. 2025. Vol. 10. URL: https://www.frontiersin.org/journals/education/ articles /10.3389/feduc.2025.1677348 (date of access: 30.10.2025).

5. Smartphone Addiction and Cross-Cultural Adjustment among Overseas Chinese Students: The Role of Emotion Regulation Beliefs and Strategies / W. Huang [et al.] // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. URL: https://www.frontiersin.org/journals/ psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.1009347/full (date of access: 30.10.2025).

6. Mental Health Considerations for International Students / S. Minutillo [et al.] // Issues in Mental Health Nursing. 2020. Vol. 41, No 6. P. 494–499.

7. *Солодухо А. С.* Русско-китайско-английский глоссарий психологических терминов как элемент мультикультурной образовательной среды // Современное социально-гуманитарное образование: проблемы и перспективы: сборник статей XXII научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 31 марта 2025 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук; [редкол.: Ю. В. Дедолко (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2025. С. 290–294.

8. The Chinese Learner: Cultural, Psychological and Contextual Influences / eds. D. A. Watkins, J. B. Biggs. Hong Kong: Routledge CERC, 2005.

9. *Sun Q., Lin X.* Exploring Chinese International Students' Critical Thinking Skills: A Systematic Literature Review // Adult and Continuing Education Research and Practice: Voices from Asians and Asian Diasporas. 2024. Iss. 182–183. P. 125–141.

ФИДЖЕТ-ИГРУШКИ ИЛИ СТРАСТИ ПО ЛАБУБУ (LABUBU)

Я. А. Торхов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, torkh@yandex.ru

Фиджет-игрушки стали значимым объектом изучения социологии повседневности, репрезентируя современные социальные практики, техники саморегуляции и повседневные ритуалы подростков. Эти простые объекты выполняют функции снятия стресса, социализации и инкультурации, а их быстрое распространение через социальные сети иллюстрирует механизмы коллективной моды и сетевой динамики. Фиджет-игрушки вовлекают индивидуальное тело в коллективные практики, выступая маркерами поколенческих идентичностей и новых паттернов досуга. Явление демонстрирует, как материальные вещи приобретают символический смысл в повседневной жизни и становятся частью социокультурных процессов.

Ключевые слова: социология повседневности; социализация; маркер идентичности; паттерн досуга; ритуал; стресс; мода; социальные сети; фитджет-игрушки.

В последние год тенденции развития фиджет-игрушек вновь вышли на первый план благодаря массовому распространению Лабубу (Labubu). Это позволяет проследить, как современные подростки осваивают новые практики взаимодействия и саморегуляции в условиях цифровизации. Анализ явления помогает понять механизмы распространения модных трендов и роль материальных объектов в повседневной жизни молодежи [1].

Фиджет-игрушки (от англ. fidget – «ерзать», «вертеть в руках») – это небольшие предметы для снятия стресса, улучшения концентрации и развлечения. За последние десятилетия они прошли путь от вспомогательных инструментов для детей с особыми образовательными потребностями до массового глобального тренда.

В 1980–1990-х годах к первым массовым фиджетам относили мячики-прыгуны, «йо-йо», кубики-головоломки и «слинки». В 2000-х появились «лизуны», антистрессовые мячики, игрушки с кнопками и пружинками. Особый всплеск популярности произошел в 2010-х с появлением спиннеров, которые благодаря соцсетям и вирусному маркетингу стали глобальным феноменом и ассоциировались со средствами для снятия тревожности и повышения концентрации.

Дальнейшее развитие получили поп-иты, симплы-димплы, кубики-антистресс, лабубу и другие игрушки для рук, которые позиционируются как средства расслабления, улучшения внимания и мелкой моторики.

Со временем фиджет-игрушки стали частью повседневной жизни не только детей и подростков, но и взрослых: их используют в офисах, школах и для борьбы со стрессом. Рынок игрушек постоянно обновляется новыми моделями, а социальные сети регулярно создают вспышки популярности, превращая отдельные игрушки в мировые тренды.

Изменения в технологиях, торговле и потребительских привычках заметно изменили систему распространения фиджет-игрушек за последние десятилетия. Ниже приведены основные этапы этих трансформаций (таблица).

Таблица

Каналы распространения фитджет-игрушек

Период	Особенности канала распространения
1990–2000-е годы: традиционная розничная торговля	Основные каналы: киоски у школ, рынки, магазины игрушек, сети супермаркетов. Распространению способствовали сарафанное радио, «мода во дворе» и реклама в детских телепередачах. Мячики-прыгунки, йо-йо, слинки, «лизуны» и аналогичные новинки появлялись в продаже благодаря оптовым дистрибьюторам, которые завозили их из-за рубежа или приобретали у российских производителей.
2010-е годы: начало онлайн-торговли и «вирусный маркетинг»	Появление интернет-магазинов (например, Ozon, Wildberries, AliExpress) существенно расширило доступ к фиджет-игрушкам, сделав возможным заказ с доставкой из Китая и других стран. Социальные сети (ВКонтакте, YouTube, Instagram) стали мощным инструментом в продвижении игрушек благодаря обзорам, челленджам, вирусным роликам и рекомендациям блогеров. Например, в 2016–2017 годах популярность спиннеров взлетела именно из-за массового освещения в интернете.
Влияние сетевого ритейла и маркетплейсов	С середины 2010-х крупные сети товаров для детей, супермаркеты, магазины «товаров для дома», маркетплейсы и «товары для одного доллара» стали массово завозить фиджет-игрушки по всему миру. Появились сезонные «фиджет-волны», когда определённая новинка (например, pop it или симпл-димпл) массово появляется в продаже, иногда даже в обычных продуктовых магазинах и на кассе сетевых ритейлеров.
Актуальные тенденции (2020-е годы)	Абсолютное доминирование онлайн-продаж и маркетплейсов (Wildberries, AliExpress, Яндекс.Маркет и др.). Распространение «фиджетов» стало ещё более быстрым благодаря TikTok, Instagram Reels и YouTube Shorts: любые новые игрушки мгновенно попадают в тренды и мгновенно закупаются оптовиками по всему миру. Появились специализированные офлайн-магазины и отделы с антистресс-игрушками, а также vending-автоматы в торговых центрах и у метро.
Роль	По-прежнему сохраняются традиционные способы: уличные

Период	Особенности канала распространения
неформальных каналов современности	киоски, школьные ярмарки, мелкие торговцы возле учебных заведений. Особую роль играют детские обмены: часто игрушки мигрируют из рук в руки внутри детских сообществ без участия магазинов.

С развитием технологий процесс распространения игрушек стал гораздо быстрее и масштабнее: новые трендовые игрушки теперь становятся доступными во всех регионах буквально за считанные недели, а иногда и дни с момента появления тренда в интернете. Онлайн-продажи и социальные сети практически вытеснили старую «уличную» модель распространения, сделав рынок более глобальным, динамичным и ориентированным на мгновенный спрос [2].

Зададимся вопросом: почему подростки (и даже взрослые) любят фитджет-игрушки? Во-первых, они способствуют снятию стресса и тревожности. Современная жизнь подростков сложна: учеба, отношения со сверстниками, экзамены, информационная перегрузка. Фиджет-игрушки дают возможность заниматься простыми, ритмичными, повторяющимися действиями, которые успокаивают и помогают снять напряжение. Многие из таких игрушек, например спиннеры или йо-йо, позволяют отрабатывать трюки, развивать ловкость, мелкую моторику, соревноваться, делиться лайфхаками. Во-вторых, это мода и принадлежность к группе. Где-то модно курить, а где-то быть обладателем правильной Игрушки. Фитджеты быстро становятся популярными благодаря вирусным роликам в соцсетях и тому, что ими начинают пользоваться все в классе или компании. Обладание «трендовой» игрушкой становится символом принадлежности к подростковой среде и средством для социализации (например, обмен игрушками, демонстрация трюков и т. д.).

В целом, такие игрушки безопасны, если речь идет об использовании по назначению и в разумных пределах. Обычно не содержат опасных материалов, не требуют электричества, не связаны с большими физическими нагрузками или травматичными действиями.

Одна из главных образовательных опасностей – злоупотребление, когда игрушки отвлекают на уроках или мешают сосредоточиться на учебе. «Опасности», на которые обращают внимание педагоги, психологи и родители: использование фиджет-игрушек может привести к нарушению дисциплины на занятиях. Возникает риск формирования «привычки» к отвлекающим ритуалам, однако данная тенденция характерна в основном для детей, уже испытывающих сложности с концентрацией внимания. В отдельных, довольно редких случаях увлечение подобными предметами способно вызвать конфликты среди учащихся, например, обиду по поводу того, что у кого-то игрушка более

модная или дорогая. Тем не менее, такие ситуации, как правило, быстро разрешаются и не приводят к длительным осложнениям [3; 4].

Быстрое и массовое распространения фитджет-игрушек относится к явлениям социальной динамики и изучается социологией повседневности, выделим важнейшие особенности:

1. феномен фиджет-игрушек можно рассматривать сквозь призму социологии повседневности как проявление коллективных модных практик, сюжетообразующих для молодежной субкультуры. Моментальное внедрение этих предметов в широкие подростковые круги указывает на глубинные механизмы социального конформизма, процессов миметического поведения, структурирования групповой идентичности, а также воспроизводства ролевых паттернов в условиях образовательного и урбанистического пространства;

2. специфика распространения фиджет-игрушек тесно связана с функционированием сетевого общества, где цифровые платформы, механизмы вирусного маркетинга, челленджи и клиповая культура способствуют быстротечной и нелинейной диффузии культурных трендов. Это типичный пример сетевой коммуникации, обеспечивающей мгновенное тиражирование и трансформацию символических артефактов в городской социальной среде;

3. использование и обмен фиджет-игрушками формируют специфические ритуалы повседневного взаимодействия, в рамках которых участники осваивают коммуникативные стратегии, соревновательные практики и механизмы символического обмена. Данные практики выполняют функцию интеграции и поддержания социальной связанности внутри микроурбанистических сообществ (школ, дворов, кружков), способствуя закреплению новых норм, статусных различий и культурных кодов;

4. фиджет-игрушки выступают своеобразными маркерами социокультурного времени и слоя, продолжая традицию генерационной символики: как в прошлых десятилетиях маркерами групповой принадлежности служили стикеры, фантики, коллекционные карточки, так и современные урбанистические поколения формируют свою идентичность через обладание актуальными культурными объектами. В этом контексте фиджет-игрушки становятся значимыми атрибутами и визуальными кодами эпохи в молодежной среде.

Любовь подростков к фиджет-игрушкам объясняется сочетанием желания снять стресс, следовать моде, принадлежать к группе сверстников и просто развлечься. Вред этого явления минимален и связан, главным образом, с отвлечением от учебы (если предмет используется не по назначению). Массовое современное увлечение Лабубу (Labubu) – часть широкой социальной динамики, отражающая

процессы формирования групповой идентичности, сетевой коммуникации и распространения модных трендов среди молодежи. Все проходит, пройдет и это.

Библиографические ссылки

1. У подростков новый тренд: почему зумеры «няньчат» плюшевых монстров Лабубу // Новости mail.ru. URL: https://У подростков новый тренд: почему зумеры «нянчат» плюшевых монстров Лабубуnews.mail.ru/society/66172712/ (дата обращения: 13.10.2025).
2. *Клопотова Е. Е., Смирнова С. Ю.* Влияние популярной медиакультуры на выбор игрушек: мнения родителей, воспитателей и детей-дошкольников // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2024. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-populyarnoy-mediakultury-na-vybor-igrushek-mneniya-roditeley-vospitateley-i-detey-doshkolnikov (дата обращения: 13.10.2025).
3. *Ежов Д. А.* Пути ограничения деструктивного влияния на детей в условиях гибридной войны // Власть. 2025. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/puti-ogranicheniya-destruktivnogo-vliyaniya-na-detey-v-usloviyah-gibridnoy-voyny (дата обращения: 13.10.2025).
4. *Белобрыкина О. А., Лидин К. Л.* Эмоциональное содержание современных детских игрушек // СДО. 2024. № 2 (122). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-soderzhanie-sovremennyh-detskih-igrushek (дата обращения: 13.10.2025).

ДОВЕРИЕ К ИНФОРМАЦИИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

М. С. Фабрикант

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, marharyta.fabrykant@gmail.com

В статье представлен теоретический анализ того, какое влияние на уровень доверия к информации у жителей городов оказывают наиболее релевантные характеристики городской среды – многообразие, динамичность, непрозрачность – и как характер этого влияния меняется под воздействием внедрения цифровых технологий. Отмечается, что цифровизация делает многообразие более селективным и менее доступным освоению в повседневных практиках, динамичность – относительной, поскольку реалии прошлого в жизни города оставляют неустранимый цифровой след, а непрозрачность, обусловленная сложностью городской жизни, дополняется прозрачностью деанонимизации благодаря средствам цифрового наблюдения. Делается вывод о том, что характер влияния этих трансформаций на уровень доверия к информации заключается в дифференциации измерений доверия и что ведущую опосредующую роль в этом процессе будет играть институциональное доверие.

Ключевые слова: город; городская среда; доверие к информации; цифровизация; институциональное доверие.

Городская среда влияет на многие составляющие мировосприятия, непосредственно влияющие на психологическое благополучие, в том числе на уровень социального доверия. Направление этого влияние неочевидное. С одной стороны, урбанизация представляет собой одно из модернизационных явлений и закономерно сопровождается модернизацией в других сферах, в том числе модернизацией ценностей, которая предполагает, помимо прочего, рост социального доверия, в особенности генерализованного доверия (доверия к людям в целом), аутгруппового доверия и доверия к незнакомым людям. С другой стороны, городская среда отличается отсутствием регуляторных механизмов, основанных на непосредственном межличностном взаимодействии и знакомстве, а эффективность имперсональных, институционализированных механизмов в условиях сосуществования разнородных по своему социальному статусу и культурному бэкграунду горожан может существенно различаться.

Эта же амбивалентность влияния городской среды на уровень доверия распространяется и на доверие к информации. Ключевую роль в этом влиянии играют три характеристики городской среды – многообразие, динамичность и непрозрачность. Многообразие – взаимодействие и взаимозависимость с другими жителями города,

отличающимися по своему культурному бэкграунду (вследствие географической и социальной мобильности, а также профессиональной дифференциации) ставит доверие к значительной части информации, значимой для адаптации к жизни в городе, от доверия к незнакомым людям и аутгруппового доверия, которое даже в наиболее модернизированных обществах существенно уступает ингрупповому доверию. Динамичность городской среды означает необходимость постоянного усвоения (или, по крайней мере, быть постоянно готовыми к усвоению) новой информации, из-за чего время для оценки надежности и достоверности каждой отдельно взятой единицы этой информации зачастую оказывается недостаточным для уверенности в результатах такой оценки. Из-за этого доверие к информации оказывается зачастую одновременно необходимым и скорее вынужденным, поскольку альтернативой был бы слишком высокий уровень неопределенности. Непрозрачность городской среды означает, во-первых, относительно малую доступность значительной части информации о жизни города (в сочетании с большим объемом доступной информации) по причине высокой дифференцированности городского населения, во-вторых, общую сложность организации городской повседневности и определяющих ее систем отношений, осведомленность о которой является фрагментарной и распределенной, то есть, каждому отдельному жителю города доступны лишь отдельные ее компоненты [1]. Непрозрачность сложноустроенной городской среды проявляется в виде не только новой информации, но и осознания большей осведомленности относительно предметной области этой информации у представителей других категорий городского населения и осознания определенности относительно каналов неформальной коммуникации в городской среде. Эта неопределенность с неясными перспективами ее уменьшения закономерно порождает недоверие к информации. При этом наряду с доверием к содержанию конкретной информации возникает отдельный от него вопрос о доверии к полноте этой информации (является ли она необходимой и достаточной для принятия нужных решений) и источнику информации (не только относительно его намерений, но ив свете того, останется ли этот источник информации доступным в дальнейшем).

Распространение цифровых технологий и их внедрение в повседневность жизни в городе преобразуют эффекты каждой из этих характеристик. Многообразие городского населения потенциально становится более очевидным благодаря относительно большей доступности интернет-ресурсов, отражающих это многообразие, по сравнению с нецифровыми ее составляющими, особенно в городах, отличающихся высокой степенью сегрегированности. Вместе с тем, структурирование индивидуального информационного поля согласно

модели «информационных пузырей» может привести к недооценке этого многообразия из-за меньшей осведомленности, так что относительная однородности «информационного пузыря» может привести к росту общего доверия к информации при большему недоверию к информации, поступающей из-за пределов «информационного пузыря» по нецифровым каналам [2]. Динамичности жизни в городе вследствие внедрения цифровых технологий получает новое измерение. Наряду с большей доступностью информации о постоянных изменениях, существование этой информации в цифровой среде означает возникновение цифрового следа, который, в отличие от многих форм нецифрового отображения информации, потенциально неустраним [3]. Соответственно, динамичность городской жизни в цифровую эпоху означает уже не эфемерность, когда одни реалии сменяют другие, и лишь немногое задерживается надолго, а, напротив, постоянство, когда все происходящее наслаивается на следы уже имеющегося – причем именно в том виде, в котором оно было зафиксировано изначально, когда эта информация являлась новой и актуальной. Это дополнительное усложнение среды, в которой необходимо ориентироваться, может привести к одновременному повышению уровня доверия к доступности информации, особенно во временной перспективе (своевременность получения информации остается важной для принятия срочных решений, но не для тех случаев, когда источник информации о быстроменяющейся реальности может исчезнуть) и к собственной способности найти нужную информацию и успешно в ней сориентироваться.

Пожалуй, наибольшие изменения, связанные с распространением цифровых технологий, связаны с третьей из обозначенных нами характеристик – непрозрачностью. Несмотря на возрастающую сложность, внедрение цифровых технологий, в частности, средств цифрового контроля, означает, что непрозрачность социальных структур на макросоциальном уровне начитает сосуществовать с прозрачностью на индивидуальном уровне, когда действия каждого становятся известными любому, кто проявит к ним интерес, в том числе далеко за пределами его непосредственного социального окружения. В связи с этим актуализируется еще одно измерение доверия к информации – доверие к себе не только как субъекту обработки информации, и но и как к источнику информации и к способности адекватно регулировать предоставляемую в цифровой среде информацию о своей нецифровой активности с учетом возможных последствий ее распространения. В связи с этим ключевую роль, опосредующую влияние характеристик новой городской среды на уровень доверия к информации, будет играть доверие к социальным институтам, обеспечивающим бесперебойное функционирование инфраструктуры, обеспечивающей доступ к

открытой информации и регулирующим доступ к информации личного характера. Поэтому наряду с необходимостью эффективного функционирования этих социальных институтов особенно важной становится осведомленность населения об этой эффективности и ее основаниях.

Библиографические ссылки

1. *Орлова Л. Н.* Информационная прозрачность как парадигма устойчивого развития экономических систем // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. №. 4–2 (24). С. 368–374.

2. *Фабрикант М. С.* Механизмы формирования доверия к информации в Интернете: информационные пузыри или поляризация взглядов? // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2023. №. 3. С. 111–116.

3. *O'Halloran K. L.* Power, Identity and Life in the Digital Age // Proceedings of the Third Global COE Conference. Nagoya: Nagoya University, 2008. P. 45–61.

УРБАНИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВЛИЯНИЕ НА ОДИНОЧЕСТВО И МОТИВАЦИЮ ЛЮБОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Л. В. Яковина

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, 3056366@gmail.com
Научный руководитель – И. А. Фурманов, доктор психологических наук, профессор

Урбанизация усиливает риски одиночества и меняет мотивацию любовных отношений, влияя на психическое здоровье и социальные связи жителей городов. На основе кросс-секционного сетевого анализа репрезентативной выборки из 3296 жителей Польши, нарративного обзора влияния социальных сетей на молодежь и анализа литературы по романтическим отношениям показано, что урбанизация повышает стресс, тревогу и депрессию в малых городах, где одиночество медиирует связи между средой и здоровьем. Социальные сети компенсируют изоляцию через модели «богатые становятся богаче» и социальной компенсации, стимулируя принадлежность. В контексте любовных отношений компактные города облегчают встречи, но анонимность снижает доверие. Для устойчивого развития городов предлагается интеграция зеленых пространств с цифровыми технологиями для укрепления сплоченности и мотивации отношений, что улучшит качество жизни и снизит нагрузку на здравоохранение в эпоху цифровизации. Результаты подчеркивают междисциплинарный подход к урбанистическому планированию.

Ключевые слова: урбанизация; одиночество; любовные отношения; мотивация; социальные сети; цифровая трансформация; устойчивое развитие городов; психическое здоровье.

Урбанизация как глобальный процесс приводит к концентрации населения в городах, где к 2050 году ожидается проживание 70 % мирового населения. Это создает вызовы для психического здоровья, включая рост одиночества, стресса, тревоги и депрессии, связанные с социальной и физической средой [1, с. 897]. В условиях цифровой трансформации городов социальные сети становятся инструментом для компенсации этих рисков, предлагая новые формы принадлежности и социальной поддержки [2, с. 12]. Настоящая статья синтезирует данные из кросс-секционного исследования в высокоурбанизированном регионе Польши и обзора влияния социальных сетей на молодежь, чтобы предложить модель устойчивого развития городов, интегрирующую цифровые технологии для снижения одиночества.

Теоретическая модель предполагает, что урбанизация усиливает одиночество через анонимность и плотность, устанавливая связи между средой (зеленые зоны, сплоченность соседства) и здоровьем [3, с. 149]. Социальные сети эволюционируют, предлагая модели вытеснения, «богатые становятся богаче» (расслоение по некоторым признакам

элитарности) и компенсации [4, с. 49]. Для любовных отношений урбанизация в целом облегчает встречи людей в компактных пространствах, но действительно снижает мотивацию к долгосрочным связям из-за стресса и конкуренции [5, с. 7]. Влияние урбанизации на романтику остается недоизученным. Компактные города с высокой плотностью могут облегчать встречи, но также могут вызывать изоляцию. Цифровая трансформация, например, социальные сети компенсируют физическую дистанцию, мотивируя отношения через виртуальные взаимодействия. Исследования в данной статье основаны на нарративном обзоре литературы по урбанизации, романтическим отношениям и мотивации, с использованием баз данных PMC, ResearchGate и других. Выбраны ключевые работы: опросы в колледж-таунах США, исследования в Индии по паттернам браков и обзоры влияния на сексуальное поведение; применен структурный анализ для выявления связей между урбанистическим дизайном и мотивацией отношений.

Урбанизация влияет на мотивацию любовных отношений через физическую среду и социальные факторы. В компактных городах короче расстояния до инфраструктуры центров, что повышает удовлетворенность людей отношениями: жители имеют больше шансов на встречи в «третьих местах» (ресторанах, парках, торговых центрах), усиливая мотивацию к романтике и построению отношений [5, с. 7; 12, с. 1].

Однако урбанизация разрушает традиционные сообщества, заменяя первичные связи анонимными, что снижает мотивацию к долгосрочным семейным отношениям. В Индии урбанизация повышает межкастовые браки, мотивируя выбор по совместимости и собственному желанию, а не традициям. В Аммане экономические вызовы (такие как безработица) задерживают вступление в браки, мотивируя свидания через социальные сети и неолиберальные пространства [8, с. 1].

Следует привести аналогии из животного мира: урбанизация сильно маскирует естественные животные сигналы, снижая у индивидуумов мотивацию к спариванию, что применимо к людям через стресс от загрязнения, влияющий на эмоциональную привлекательность, через потерю энергии из-за работы и т. д. Важно, что плотность населения усиливает конкуренцию, мотивируя инвестиции в привлекательность, особенно у женщин [14, с. 332].

Мотивация любовных отношений в урбанизированных городах двойственна: удобство и простота нахождения мест для встреч повышает интерес, но стресс и анонимность снижают доверие для продолжительных отношений. Для устойчивого развития городов рекомендуется дизайн города с фокусом на «романтические»

пространства: зеленые зоны с AR-приложениями для виртуальных свиданий [9, с. 365], интегрируя социальные сети для компенсации изоляции. Это соответствует целям ООН, снижая чувство одиночество у человека и повышая его благополучие [16, с. 72].

В пандемию COVID-19 урбанизация усилила зависимость от сетей, мотивируя отношения онлайн, но требуя баланса с физическими контактами. Комитеты архитектуры и строительства городов должны учитывать формирование пары как единицу анализа, создавая доступные зеленые парки и транспорт для мотивации встреч [17, с. 63].

Данное исследование сочетает кросс-секционный сетевой анализ репрезентативной выборки 3296 жителей Польши (возраст 18–90 лет, 48 % женщин) с нарративным обзором литературы по социальным сетям и романтическим отношениям. Использованы шкалы PSS-10, GAD-7, PHQ-9, R-UCLA3 и сплоченности соседства; ANOVA и сетевой анализ выявляли связи [6, с. 1; 7, с. 1; 8, с. 1]. Так ANOVA показал лучшие показатели здоровья в городах: стресс $F(3,3292) = 8,83$. Социальные сети снижают одиночество, усиливает чувство принадлежности для экстравертов [11, с. 734]. Урбанизация двойственно влияет: усиливает одиночество в малых городах, но цифровые сети – социальные сети компенсируют, точно мотивируя отношения онлайн [15, с. 204].

Кроме того, хотелось обозначить, как социальные сети влияют на чувство принадлежности и одиночества, опираясь на три теоретических модели.

1. *Модель социального вытеснения*. Согласно этой модели, использование социальных сетей может замещать личные взаимодействия, снижая социальную вовлеченность и усиливая одиночество человека [4].

2. *Модель «богатые становятся богаче»*. Эта модель утверждает, что индивиды с высоким социальным капиталом (например, экстраверты с обширными социальными сетями) получают больше преимуществ от социальных сетей, усиливая свою вовлеченность и благополучие [4, с. 53] Исследования показывают, что высокая самооценка и социальная поддержка усиливают положительные эффекты социальных медиа [18].

3. *Модель социальной компенсации*. Социальные сети могут снижать одиночество у социально тревожных или интровертных индивидов, предоставляя безопасную среду для самораскрытия. Онлайн-коммуникация способствует формированию качественных дружеских отношений через усиленное самораскрытие [18]. Однако негативные опыты, такие как кибербуллинг, могут усиливать изоляцию.

Социальные сети не являются универсально положительным или отрицательным фактором для психосоциального благополучия человека. Их влияние зависит от мотивации пользователей, личностных черт

(например, экстраверсия / интроверсия), степени использования и контекста взаимодействия. Чувство принадлежности, усиленное через позитивные онлайн-взаимодействия, способствует устойчивому использованию социальных сетей и улучшению благополучия.

В целом, урбанизация трансформирует мотивацию любовных отношений, предлагая возможности для устойчивого дизайна городов. Интеграция физической и цифровой сред снизит негативные эффекты, укрепляя социальные связи.

Библиографические ссылки

1. *Remes O., Brayne C., van der Linde R.* Global Prevalence of Anxiety Disorders: a Systematic Review and Meta-regression // Psychological Medicine. 2013. Vol. 43. P. 897–910.

2. *Smith D., Leonis T., Anandavalli S.* Belonging and Loneliness in Cyberspace: Impacts of Social Media on Adolescents' Well-Being // Australian Journal of Psychology. 2021. Vol. 73, No 1. P. 12–23.

3. *Generaal E., Hoogendijk E. O., Stam M.* Not Urbanization Level but Socioeconomic, Physical and Social Neighborhood Characteristics are Associated with Presence and Severity of Depressive and Anxiety Disorders // Psychological Medicine. 2019. Vol. 49. P. 149–161.

4. Internet Paradox Revisited / R. Kraut [et al.] // Journal of Social Issues. 2002. Vol. 58, No 1. P. 49–74.

5. *Mouratidis K.* Built Environment and Social Well-Being: How Does Urban Form Affect Social Life and Personal Relationships? // Cities. 2018. Vol. 74. P. 7–20.

6. *Andris C., Lee S.* Romantic Relationships and the Built Environment: a Case Study of a US College Town // Journal of Urbanism International Research on Placemaking and Urban Sustainability. 2021. Vol. 17 (3). P. 1–22

7. *Frank A.* Urbanization and Its Effect on Community Relationships // IDOSR Journal of Banking, Economics and Social Sciences. 2025. Vol. 10 (1). P. 1–7. DOI: 10.59298/JBESS/2025/10117002025.

8. *Asfour S.* Urbanizing Intimacy: The Effect of Urbanization on Marriage, Dating, and Sexuality in Twenty-First Century Amman. Washington, DC: Georgetown University, 2018.

9. Exposure to Natural Space, Sense of Community Belonging, and Adverse Mental Health Outcomes across an Urban Region / E. J. Rugel [et al.] // Environmental Research. 2019. Vol. 171. P. 365–377.

10. Does Facebook Make you Lonely? A Meta-analysis / H. Song [et al.]// Computers in Human Behavior. 2014. Vol. 36. P. 446–452.

11. Do the Socially Rich Get Richer? A Nuanced Perspective on Social Network Site Use and Online Social Capital Accrual / C. Cheng [et al.] // Psychological Bulletin. 2019. Vol. 145, No 7. P. 734–764.

12. *Wilson W. J., Wacquant L., Connell R.* Urbanization and Its Impact on Social Relationships // Sociology Research Journal. 2025. Vol. 1. P. 13–15.

13. Impact of Urbanization on Marriage Patterns // ExploreAnthro. 2023. URL: https://exploreanthro.com/urban-anthropology/impact-urbanization-marriage-patterns/ (date of access: 25.10.2025).

14. *Alberti M., Marzluff J., Hunt B.* A Comprehensive Overview of the Effects of Urbanisation on Sexual Selection and Sexual Traits // Biological Review. 2022. Vol. 97. P. 332–345.

15. *Przybylski A. K., Weinstein N.* A Large-Scale Test of the Goldilocks Hypothesis: Quantifying the Relations between Digital Screen Use and the Mental Well-Being of Adolescents // Psychological Science. 2017. Vol. 28, No 2. P. 204–215.

16. United Nations. Mental Health and Human Rights: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights. New York, 2017.

17. *Mucci F., Mucci N., Diolaiuti F.* Lockdown and Isolation: Psychological Aspects of COVID-19 Pandemic in the General Population // Clinical Neuropsychiatry. 2020. Vol. 17, No 2. P. 63–64.

18. *Valkenburg P. M., Peter J.* Online Communication Among Adolescents: An Integrated Model of its Attraction, Opportunities, and Risks // Journal of Adolescent Health. 2011. Vol. 48, No 2. P. 121–127.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ПРОКРАСТИНАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

К. К. Янушкевич

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, skris.janush@gmail.com
Научный руководитель – Л. Г. Степанова, кандидат психологических наук, старший преподаватель

В статье представлен теоретико-аналитический обзор феномена прокрастинации в контексте городской цифровой среды. Показано, что урбанизация и цифровизация создают новые психосоциальные условия, влияющие на саморегуляцию взрослой личности. Рассмотрены психодинамический, экзистенциальный, когнитивный и интегративный подходы к прокрастинации, подчеркнута её связь с цифровым поведением, когнитивной перегрузкой и снижением эффективности самоконтроля. Обосновано, что цифровая трансформация городской жизни повышает риск дезадаптивного откладывания, обусловленного информационным стрессом и нарушением временной организации деятельности. Подчеркивается необходимость интеграции классических и современных моделей саморегуляции с анализом цифрового поведения для разработки стратегий профилактики прокрастинации и поддержания психологического благополучия в цифровом обществе.

Ключевые слова: прокрастинация; саморегуляция; цифровая среда; цифровое благополучие; когнитивная перегрузка; урбанизация; экзистенциальный подход; психодинамический подход; самоменеджмент; психологическая адаптация.

Современная урбанизация и активная цифровизация городской среды формируют новые психосоциальные условия, в которых проявляются и трансформируются механизмы саморегуляции взрослой личности. Жители мегаполисов ежедневно сталкиваются с непрерывным потоком информации, множеством цифровых стимулов и высоким темпом социальной активности, что способствует росту когнитивной и эмоциональной нагрузки [1, с. 223; 2, с. 145; 3, с. 1]. В этих условиях прокрастинация перестаёт быть исключительно индивидуальной особенностью поведения и всё чаще рассматривается как контекстуальный феномен, обусловленный взаимодействием личностных, урбанистических и цифровых факторов, влияющих на психологическое благополучие [4, с. 1; 2, с. 145; 3, с. 1; 5, с. 339]. Цифровая среда формирует ощущение постоянной включенности и необходимости многозадачности, снижая устойчивость внимания и способность к длительной концентрации, что создаёт предпосылки для нарушений саморегуляции [2, с. 146]. В связи с этим изучение прокрастинации в контексте городской цифровой среды приобретает

особую актуальность как междисциплинарное направление, объединяющее когнитивные, личностные и технологические подходы, а также современные концепции цифрового благополучия [3, с. 2; 6, с. 1].

Теоретические представления о прокрастинации эволюционировали от классических психодинамических и экзистенциальных моделей к современным интегративным концепциям саморегуляции [7, с. 152; 8, с. 65; 4, с. 2]. В психодинамической традиции откладывание рассматривалось как результат внутреннего конфликта между Я и Сверх-Я, отражающий амбивалентность между стремлением к успеху и страхом неудачи [9, с. 44]. В рамках этого подхода прокрастинация понимается как защитный механизм, позволяющий временно избежать внутреннего напряжения, связанного с требованиями внешней среды и внутренними стандартами [10, с. 392]. Современные отечественные исследования, в частности работы И. Н. Кармачевой (2020), трактуют прокрастинацию как динамическое образование, включающее когнитивный, мотивационный, волевой и эмоциональный уровни, что подчеркивает ее многофакторный и процессуальный характер [9, с. 40].

В экзистенциальном подходе, опирающемся на идеи И. Ялома, прокрастинация может рассматриваться как форма избегания экзистенциального выбора и ответственности [7, с. 125]. Для взрослого человека откладывание становится способом временно уклониться от необходимости самоопределения, отложить принятие решений, связанных с личной свободой и поиском смысла [7, с. 130]. Такая форма поведения выполняет защитную функцию, предотвращая столкновение с экзистенциальной тревогой, страхом неудачи и переживанием пустоты [7, с. 150]. В этом контексте прокрастинация выступает не только поведенческим, но и глубоко личностным феноменом, отражающим взаимодействие когнитивных, эмоциональных и волевых структур, что подтверждается эмпирическими исследованиями [7, с. 150].

Переход к когнитивной парадигме в исследовании прокрастинации был связан с акцентом на процессах временного планирования, саморегуляции и контроля над импульсами. Согласно Сироис и Пихайл (2016), прокрастинация представляет собой сбой в системе саморегуляции, проявляющийся в предпочтении немедленного вознаграждения перед долгосрочными целями [4, с. 5]. Такая временная миопия усиливается при дефиците исполнительных функций и высокой отвлекаемости в условиях цифровой и информационной среды [6, с. 1; 2, с. 145]. Когнитивный подход позволяет концептуализировать прокрастинацию как нарушение управления временем и приоритетами, обусловленное как личностными, так и контекстуальными факторами.

В начале XXI века в исследованиях прокрастинации наблюдается парадигмальный сдвиг – от фрагментарных моделей к интегративным концепциям, объединяющим когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты саморегуляции [8, с. 65; 4, с. 5]. Согласно П. Стилу (2007), прокрастинация может рассматриваться как сбой саморегуляции, обусловленный снижением субъективной ценности задачи и низким ожиданием успеха при наличии отвлекающих стимулов. В рамках Теории Временной Мотивации (Temporal Motivation Theory) прокрастинация интерпретируется как функция взаимодействия временной перспективы, эмоций и личностных стратегий совладания [8, с. 80]. Эмпирические исследования подтверждают, что влияние этих факторов усиливается в условиях цифровой среды и высокой отвлекаемости [2, с. 145; 6, с. 2].

Похожие идеи развивает Е. А. Сергиенко (2018), рассматривая контроль поведения как интегративную способность субъекта управлять своими действиями в условиях неопределённости, требующей не только подавления импульсов, но и личностного выбора [11, с. 131]. В современных исследованиях, учитывающих влияние цифровой среды и городской среды, саморегуляция рассматривается как динамический процесс, обеспечивающий адаптацию личности к постоянно меняющимся условиям [2; с.146; 6, с. 2]. Таким образом, интегративные модели позволяют рассматривать прокрастинацию как адаптационный феномен, отражающий баланс между внутренними ресурсами и внешними требованиями среды.

Цифровая трансформация современного общества усиливает сложность и многомерность феномена прокрастинации, создавая новые вызовы для саморегуляции [3, с. 4; 4, с. 5]. Социальные сети, мессенджеры, уведомления приложений и непрерывный поток информации формируют постоянный «цифровой шум», который снижает когнитивные ресурсы и затрудняет процессы планирования и временной организации деятельности [1, с. 223]. По данным эмпирических исследований, высокая интенсивность цифрового взаимодействия и постоянная доступность онлайн-контента усиливают эффект информационной перегрузки, что связано с ростом проявлений прокрастинации и снижением эффективности самоконтроля [2; с. 146; 6, с. 2]. При этом цифровая среда взаимодействует с личностными особенностями индивидов, формируя контекстуальные условия, при которых трудности с саморегуляцией и когнитивная перегрузка становятся особенно выраженными [4, с. 1; 3, с. 2]. Таким образом, современная цифровая активность в сочетании с индивидуальными и контекстуальными факторами создает условия для усиления

прокрастинации и необходимости развития стратегий эффективного самоменеджмента [2; с. 146; 6, с. 2].

Прокрастинация в цифровом контексте может рассматриваться как форма адаптации взрослых пользователей к избыточным требованиям информационной среды [4, с. 5]. С одной стороны, она отражает стремление к кратковременному удовольствию и снижению тревожности через цифровое взаимодействие; с другой – свидетельствует о нарушении баланса между когнитивной нагрузкой и эмоциональной регуляцией [4, с. 2; 2, с. 146]. В то же время цифровые технологии обладают потенциалом компенсаторного воздействия: приложения для трекинга времени, цифровые напоминания и системы самоменеджмента могут выступать инструментами повышения осознанности и эффективности саморегуляции, хотя эмпирические данные о долгосрочном эффекте этих инструментов пока ограничены [12, с. 2].

Феномен прокрастинации в цифровую эпоху предстает как сложная интеграция когнитивных, эмоциональных и экзистенциальных аспектов личности, модифицируемых воздействием технологической и урбанистической среды [4, с. 7; 2, с. 145]. Современные исследования подчеркивают необходимость учитывать как индивидуальные личностные различия, так и контекстуальные факторы цифрового поведения [5, с. 338; 6, с. 1]. Перспективным направлением научного анализа становится интеграция классических и современных теорий саморегуляции с данными о цифровом взаимодействии, что позволяет рассматривать прокрастинацию как индикатор цифрового благополучия и психологической адаптации. Развитие программ цифрового самоменеджмента, тренингов осознанности и технологий персонализированной регуляции внимания открывает возможности для профилактики прокрастинации и укрепления психологического здоровья в условиях цифрового общества, хотя эмпирическая база их долгосрочной эффективности пока ограничена [3, с. 1].

Библиографические ссылки

1. *Przybylski A. K., Weinstein N.* Can you Connect with Me Now? How the Presence of Mobile Communication Technology Influences Face-To-Face Conversation Quality // Journal of Social and Personal Relationships. 2013. Vol. 30, No 3. P. 223–246. DOI: 10.1177/0265407512453827.

2. *Reinecke L., Hofmann W.* Digital Media Use and Well-Being: The Role of Self-control // Journal of Media Psychology. 2016. Vol. 28, No 4. P. 145–154. DOI: 10.1027/1864-1105/a000179.

3. Social Media Addiction: Its Impact, Mediation, and Intervention / Y. Hou [et al.] // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2019. Vol. 13, No 1. Article 4. DOI: 10.5817/CP2019-1-4.

4. *Sirois F. M., Pychyl T. A.* Procrastination, Stress, and Chronic Health Conditions: A Temporal Perspective // Health Psychology Open. 2016. Vol. 3, No 2. P. 1–10. DOI: 10.1177/2055102916660128.

5. *Johannes N., Dienlin T., Reinecke L.* The Relationship Between Online Vigilance and Affective Well-Being: The Role Of Technology Use as Procrastination // Media Psychology. 2021. Vol. 24, No 3. P. 338–358. DOI: 10.1080/15213269.2020.1768122.

6. Cross-lagged Analysis of Mobile Phone Addiction and Bedtime Procrastination among College Students / X. Lin [et al.] // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 16. Article 1588090. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1588090.

7. *Ялом И. Д.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Прайм-Еврознак, 2004.

8. *Steel P.* The Nature of Procrastination: a Meta-analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure // Psychological Bulletin. 2007. Vol. 133, No 1. P. 65–94.

9. *Кармачева И. Н.* Системные представления об эмоциональных, волевых и мотивационных детерминантах прокрастинации // Системная психология и социология. 2020. № 3. С. 39–50. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.3.

10. *Ferrari J. R.* Procrastination as Self-Regulation Failure of Performance: Effects of Cognitive Load, Self-Awareness and Time Limits on Working Best under Pressure // European Journal of Personality. 2001. Vol. 15, No 5. P. 391–406.

11. *Сергиенко Е. А.* Контроль поведения как основа саморегуляции // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 4. С. 130–146. DOI: 10.31429/26190567-19-4-130-146.

12. *Deursen A. J. van, Dijk J. A. van.* Internet Skills and the Digital Divide // New Media & Society. 2015. Vol. 17, No 6. P. 1–19. DOI: 10.1177/1461444814567980.